

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS12V 381.60($\frac{1891-92}{34}$)

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢВА.

(1892 г.).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

1947

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Баршев.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отдѣлъ I.

Н. И. Карѣвъ. Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи	1
Н. Н. Дебольскій. Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ	34
А. П. Сапожниковъ. Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 года	71
С. В. Лурье. Секта ессеевъ	94
М. М. Ковалевскій. Учредительное собраніе и борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами	115
И. М. Гревсъ и П. Д. Погодинъ. Очерки современнаго историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа	177
А. С. Вязигинъ. Личность и значенія Григорія VII въ исторической литературѣ	245
С. Л. Пташицкій. Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка	286
Историческая хроника	294
Новыя книги, доставленныя въ бібліотеку Историческаго Общества.	369
Некрологъ	375
Письмо Н. А. Рубакина въ редакцію	380
Отъ редактора	380

Отдѣлъ II.

Протоколы Историческаго Общества	3
Второй дополнительный списокъ членовъ Историческаго Общества.	29
Объявленіе	32

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи.

Н. И. Карѣва.

I.

Въ этихъ замѣткахъ я возвращаюсь къ предмету, которому была посвящена статья „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“, напечатанная во второмъ томѣ „Историческаго Обзорѣнія“. Въ ней я коснулся между прочимъ односторонностей и увлеченій, внесенныхъ, съ одной стороны, въ политическую экономію историческою точкою зрѣнія на явленія хозяйственной жизни народа, а съ другой — въ историческую науку изученіемъ экономической стороны общественнаго быта и развитія. Говоря о послѣднемъ, я долженъ былъ, однако, отмѣтить тотъ фактъ, что если въ экономической литературѣ было много теоретическихъ споровъ, вызванныхъ примѣненіемъ къ политической экономіи историческаго метода, то, наоборотъ, въ исторической литературѣ, возникновеніе и развитіе экономическаго направленія не отразилось замѣтнымъ образомъ въ области теоріи историческаго процесса. Послѣдняя вообще не разработана и въ частности въ ней совсѣмъ не разработанъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и экономическихъ явленій. Историки экономическаго направленія въ свою очередь не даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій, теорія эта только высказывается, но не доказывается. „Въ основѣ всѣхъ историческихъ работъ съ идейнымъ содержаніемъ, говорили мы, всегда лежитъ извѣстное представленіе о томъ, что такое исторія и въ чемъ она состоитъ, но достоинство науки требовало бы, чтобы такое представленіе не было простымъ предположеніемъ, принятымъ на вѣру,

подобно догмату, а было такъ или иначе обосновано, дурно ли — хорошо ли доказано. Весьма благодарную работу представила бы изъ себя задача разобрать ходячія въ наше время основныя предположенія историческихъ работъ, разъ мы не имѣемъ опредѣленно формулированныхъ историческихъ теорій, и быть можетъ, особый интересъ представило бы изслѣдованіе экономической гипотезы^а. Въ заключеніе мною было высказано пожеланіе, чтобы историки и экономисты лучше формулировали свои взгляды. „Историческое изученіе экономическихъ явленій въ сущности только-что начато, и нужно надѣяться, что современемъ оно дастъ матеріалъ для вѣрнаго и всесторонняго опредѣленія отношенія этихъ явленій къ другимъ социальнымъ и культурнымъ явленіямъ, для коихъ они бываютъ и причинами, и слѣдствіями, и важными условіями, и побочными обстоятельствами и т. д. Съ точки зрѣнія теорій историческаго процесса наибольшую важность имѣли бы, конечно, экономическія изслѣдованія, предпринятія съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Важно также было бы, чтобы историки-экономисты почаще подводили теоретическіе итоги подъ своими изслѣдованіями и обстоятельнѣе формулировали свои теоретическія послыжы: въ этихъ итогахъ накопились бы научно обработанный матеріалъ для теорій историческаго процесса, эти послыжы могли бы служить предметомъ исторіологической критики, поставленной къ экономическому направленію въ исторіи въ худшія отношенія, нежели къ исторической школѣ въ экономической наукѣ, которая свои принципы формулировала“. Эти заявленія встрѣтили одно замѣчаніе, о которомъ я считаю нужнымъ здѣсь упомянуть. Содержаніе моей статьи было вкратцѣ изложено въ библиографическомъ обзорѣ русскихъ журналовъ г. В. Н. Сторожева въ январьской книгѣ „Юридическаго Вѣстника“ за 1892 г. Выписываю цѣликомъ относящееся къ вопросу мѣсто. „Подчеркнувъ, говоритъ рецензентъ, увлеченіе экономической исторіей въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ, Н. И. Карѣевъ замѣчаетъ, что „историки экономического направленія не даютъ себѣ труда обосновывать теоретически свое направленіе, и даже тогда, когда ихъ теорія (т.-е. не писанная, а подразумеваемая читателями) слишкомъ ясно сводится къ положенію, по которому историческій процессъ по существу и въ основѣ своей есть процессъ экономическій“. Намъ кажется, что второй упрекъ по адресу историковъ, изучающихъ хозяйство, нѣсколько преждевремененъ, что выработка теорій, о которой такъ естественно хлопочетъ Н. И. Карѣевъ, едва ли возможна въ настоящую минуту безъ достаточнаго запаса конкретныхъ наблюденій. Намъ вообще кажется, что только эмпирическій путь и можетъ

быть наиболее надежнымъ; соображенія метафизическаго свойства должны безусловно отойти на второй планъ" (стр. 129). Въ этихъ немногихъ строкахъ, на мой взглядъ, кроется крупное недоразумѣніе, требующее устраненія въ виду общаго характера высказанной здѣсь мысли. Двѣ вещи различныя—*теоретическая обосновка* принципа, по коему историческій процессъ въ самомъ существѣ своемъ сводится къ экономической основѣ, и *выработка теоріи* о роли хозяйственныхъ явленій въ историческомъ процессѣ: требуя первой, я только выражаю желаніе, чтобы извѣстная принципиальная предпосылка, лежащая въ основѣ извѣстнаго пониманія сущности историческаго процесса, не только подразумевалась (и не читателями только, а и самими авторами), но и обосновывалась сама какими-либо теоретическими соображеніями, и другое дѣло—научная теорія, являющаяся уже результатомъ работы надъ эмпирическимъ матеріаломъ съ извѣстной, определенной точки зрѣнія; я нисколько не упрекаю „историковъ, изучающихъ хозяйство“, за то, что они еще не создали теоріи экономической стороны историческаго процесса, да и самъ рекомендую имъ, какъ это видно изъ вышеприведеннаго мѣста, „эмпирический путь“ „конкретныхъ наблюденій“ надъ историческимъ и этнографическимъ матеріаломъ: мой упрекъ можетъ относиться только къ тѣмъ, которые не просто „изучаютъ хозяйство“, но и утверждаютъ при этомъ, что вся суть исторіи заключается въ однихъ экономическихъ перемѣнахъ, не давая себѣ труда обосновать такой взглядъ общими соображеніями, которыя отнюдь, конечно, не должны быть непременно „метафизическаго свойства“.

II.

Между тѣмъ существуетъ вѣдь и теоретическая обосновка упомянутого взгляда, идущая, однако, не отъ историковъ, а отъ представителей научнаго социализма. Въ статьѣ своей я слегка коснулся такъ называемаго „экономическаго матеріализма“¹⁾ школы Карла Маркса, обѣщавъ, между прочимъ, рассмотреть болѣе подробнымъ образомъ исходный пунктъ, основную точку зрѣнія и частныя теоремы этого направленія. Исполненіе указаннаго обѣщанія не входитъ въ мой теперешній планъ, но я все-таки намѣренъ, хотя бы въ самыхъ общихъ

¹⁾ См. также сопоставленіе этого направленія съ направленіемъ идейнымъ сдѣланное въ публичной лекціи объ „источникахъ историческихъ перемѣнъ“, краткое изложеніе коей подъ этимъ заглавіемъ помѣщено въ „Рус. Богатствъ“ за 1892 г. № 1.

чертахъ, изложить сущность „экономическаго матеріализма“, оговариваясь, впрочемъ, что вовсе не считаю всѣхъ историковъ, придерживающихся взгляда на экономическія явленія, какъ на основу исторіи, приверженцами именно той формулировки этого взгляда, какую мы находимъ у Маркса и Энгельса. Оставляя такимъ образомъ до другого раза исторію и критику этого воззрѣнія, я указываю здѣсь на „экономическій матеріализмъ“ именно какъ на прииѣръ теоретической предпосылки, съ точки зрѣнія которой разсматриваются историческіе факты. Съ другой стороны, я имѣю въ виду изложить въ общихъ чертахъ, какъ относятся къ этому направленію два новѣйшіе его послѣдователя: П. Вейзенгрюнъ, авторъ двухъ книжекъ „Die Entwicklungsgesetze der Menschheit“ (1888) и „Verschiedene Geschichtsauffassungen“ (1890), и г. П. Н., посвятившій тому же предмету статью подъ заглавіемъ „Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса“ (V и VI книги „Русской Мысли“ за 1891 г.).

Родоначальники „экономическаго матеріализма“, Марксъ и Энгельсъ, ставятъ свое ученіе въ преемственную связь съ философской системой и съ діалектическимъ методомъ Гегеля. Въ подробномъ изложеніи генезиса этой идеи, несомнѣнно, важный вопросъ представило бы отношеніе марксизма къ гегельянству, но для той цѣли, ради коей мы заговорили здѣсь объ „экономическомъ матеріализмѣ“, гораздо болѣшій интересъ имѣеть то обстоятельство, что еще въ 1816 г. Сень-Симонъ опредѣлялъ политику, какъ науку о производствѣ, и предсказывалъ ея полнѣйшее поглощеніе экономіей; съ этой стороны „экономическій матеріализмъ“ находится въ болѣе тѣсной связи съ самими ранними социальными ученіями XIX в., чѣмъ съ философіей Гегеля, и чрезъ то съ тѣмъ фазисомъ, къ какой вступила социальная исторія Европы въ первой половинѣ текущаго столѣтія,—въ болѣе тѣсной связи, нежели съ извѣстными измѣненіями, которыя произошли въ гегельянствѣ. За первое проявленіе идеи „экономическаго матеріализма“ въ исторіи послѣдователи этой доктрины принимаютъ знаменитый „Коммунистическій манифестъ“ Маркса и Энгельса (1848 г.), но въ немъ, собственно говоря, опредѣленнаго исторіологическаго ученія мы не находимъ: тутъ выражены были только самыя общія мысли объ обществѣ и его исторіи. „Исторія, говорится въ самомъ началѣ, всѣхъ донинѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ“... „Трудно ли понять, говорится въ другомъ мѣстѣ, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ иѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все ихъ міросозерцаніе? Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями дан-

наго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей“. Вотъ все существенное по интересующему насъ предмету, что только и можно найти въ „Манифестѣ“. Заявляя, что „исторія всѣхъ доннынъ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различныя виды“, „Манифестъ“ пророчитъ исчезновеніе тѣхъ формъ общественнаго сознанія, въ коихъ оно всегда вращалось, разъ произойдетъ полное уничтоженіе противоположности классовъ. Другими словами, основа исторіи не принимается здѣсь за нѣчто вѣчное. Далѣе, въ предисловіи къ сочиненію „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ Марксъ указываетъ на то, что „въ своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства, продолжаетъ онъ, составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія“. Отсюда онъ выводитъ, что „соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обуславливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія, поясняетъ онъ, опредѣляютъ общественную жизнь людей, но, наоборотъ, ихъ общественная жизнь обуславливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, говоритъ онъ еще, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель по примѣру англичанъ и французовъ XVIII столѣтія обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія, продолжаетъ онъ, матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или (говоря юридическимъ языкомъ) съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами... Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производи-

тельные силы, которымъ она предоставляет достаточно простора; и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ вырабатываются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія“.

Вотъ все самое важное и существенное въ теоріи, выраженное словами самого Маркса: съ одной стороны, это — представленіе всей исторіи, какъ борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, съ другой — представленіе экономической структуры общества, какъ базиса, а всего остального, какъ надстройки, наконецъ — представленіе историческихъ пережвѣтъ, какъ пережвѣтъ, обуславливающихся измѣненіями исключительно экономического свойства. Дальнѣйшее развитіе этихъ положеній принадлежитъ другу Маркса Энгельсу, который, оцѣнивая значеніе Маркса, вообще ставитъ ему въ заслугу два крупныя открытія: матеріалистическое пониманіе исторіи и разоблаченіе тайны капиталистическаго производства ¹⁾. Собственно говоря по первому пункту самъ Энгельсъ высказывался гораздо болѣе, нежели Марксъ, но по его собственному заявленію, сдѣланному въ предисловіи къ сочиненію о нѣмецкой крестьянской войнѣ, матеріалистическое пониманіе исторіи именно имѣетъ своимъ родоначальникомъ не его, а Маркса ²⁾. Въ статьѣ своей о значеніи Маркса въ наукѣ, помѣщенной въ *Arbeiter-Kalender* за 1878 г., онъ на первое мѣсто ставитъ какъ разъ этотъ переворотъ, имъ произведенный во взглядѣ на исторію, которая оказывается-де не чѣмъ инымъ, какъ борьбою классовъ. Энгельсу же, сколько я знаю, принадлежитъ и развитіе той мысли, что „экономическій матеріализмъ“ тѣсно связанъ съ философіей Гегеля, чѣмъ онъ старался придать своему ученію извѣстную умозрительную основу. Не касаясь вопроса о послѣдней по существу, я укажу только на мысль Энгельса объ этомъ, высказанную имъ въ „*Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*“. Дѣло идетъ объ антиисторичности социальныя утопій. „Соціализмъ“, говоритъ Энгельсъ, въ представленіи утопистовъ есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силою покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта“. Научное значеніе социализмъ могъ получить, лишь ставъ на реальную почву, которую создала философія Гегеля, величайшая заслуга которой, говоритъ Энгельсъ, „состоятъ

¹⁾ Ср. B. Limanowski. *Historja ruchu społecznego w XIX stuleciu* Lwow. 1890. Стр. 279 и слѣд.

²⁾ *Der Deutsche Bauernkrieg*. Lpzg. 1870. Стр. 4.

въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ непрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи, и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія". Съ другой стороны, Энгельсъ указываетъ на то, что „уразумѣніе полной ошибочности господствовавшего въ Германіи идеализма должно было неизбежно привести къ матеріализму", который однако остается діалектическимъ. Къ этому присоединились обстоятельства времени, и „новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю исторію новому изслѣдованію, и тогда выяснилось, что *вся* она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ, что эти борющіеся общественные классы являются въ каждый данный моментъ результатомъ условій производства и обмѣна, короче—*экономическихъ* отношеній своего времени". Однимъ словомъ, „Гегель освободилъ отъ метафизики пониманіе исторіи,—онъ сдѣлалъ его діалектическимъ,—но его собственный взглядъ на нее былъ идеалистиченъ по существу. Теперь идеализмъ былъ изгнанъ изъ его послѣдняго убѣжища, изъ области исторіи, теперь пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ, теперь найденъ былъ путь для объясненія человѣческаго *самосознанія* условіями человѣческаго *существованія*, вмѣсто прежняго объясненія этихъ условій *человѣческимъ самосознаніемъ*". Такимъ образомъ, по мнѣнію Энгельса, у Гегеля „экономическій матеріализмъ" заимствовалъ историческое пониманіе, идею развитія и процесса, и вся разница заключается въ томъ, что историческій идеализмъ Гегеля смѣнился историческимъ матеріализмомъ, который толкуется Энгельсомъ слѣдующимъ образомъ: „Материалистическое пониманіе исторіи, говорится въ одномъ мѣстѣ указаннаго сочиненія, основывается на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты". Отсюда онъ выводитъ, что „коренныхъ причинъ социальныхъ переизмѣненій и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что „разумъ сталъ безуміемъ, благодѣяніе мученіемъ",—служитъ лишь указаніемъ того, что въ способахъ производства и формахъ обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько зна-

чительныя, что имъ не соответствуетъ болѣе порядковъ, выкроенный по мѣрѣ старыхъ экономическихъ условий“. Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ такъ формулируетъ ту же мысль: „экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами которой объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью правовыхъ и политическихъ учреждений, равно какъ и религиозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждаго даннаго историческаго періода“. Впрочемъ, какъ и въ „Манифестѣ“ 1848 г., и здѣсь высказывается мысль о невѣчности описываемаго порядка вещей. По мнѣнію Энгельса, именно, „раздѣленіе общества на классы эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и угнетаемые было необходимымъ слѣдствіемъ прежняго недостаточнаго развитія производства... Но если, замѣчаетъ онъ, раздѣленіе на классы и имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то оно имѣетъ его лишь для даннаго періода и при данныхъ условіяхъ. Оно коренилось въ слабости производства и будетъ сметено полнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ“.

Не будемъ останавливаться долѣе на изложеніи взглядовъ Энгельса; отмѣтимъ лишь одну подробность, заключающуюся въ томъ, что съ теченіемъ времени Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе. Излагая вѣратѣ идеи Энгельса, польскій историкъ общественныхъ движеній въ XIX в., Б. Лимановскій, замѣчаетъ, между прочимъ, что Энгельсъ „въ послѣднее время значительно расширилъ матеріалистическое пониманіе исторіи“. Именно, „прежде онъ признавалъ за его основу изслѣдованіе экономическихъ отношеній, изслѣдованіе экономической структуры общества, а потомъ онъ призналъ равносильное значеніе за изслѣдованіемъ семейнаго устройства“. Приведши слова Энгельса, въ коихъ выражается эта мысль, Лимановскій дѣлаетъ такого рода заключеніе: „идя этой дорогой расширенія матеріалистическаго пониманія исторіи, мы можемъ сказать, что по этому ученію главнымъ факторомъ является производство и воспроизведеніе равно какъ матеріальной, такъ и умственной жизни. Такимъ образомъ къ двумъ равносильнымъ факторамъ—экономическому и соціальному—въ тѣсномъ смыслѣ мы прибавляемъ еще факторъ интеллектуальный“¹⁾. Приводя эти заключительныя соображенія Лимановскаго, я имѣю въ виду ихъ совпаденіе съ воззрѣніями двухъ названныхъ мною послѣдователей „экономическаго матеріализма“, т.-е. Вейсенгруна и г. П. Н., тоже выдвигающихъ значеніе интеллектуальнаго (психическаго) фактора въ исторіи. Самъ Энгельсъ не дошелъ до такого пониманія,

¹⁾ B. Limanowski, o. p., 285.

расширивъ свой первоначальный взглядъ только подѣ влияніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, именно принявъ въ расчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи влияние шло со стороны „Древняго Общества“ Моргана¹⁾. Уже самъ Марксъ хотѣлъ представить выводы изъ изслѣдованій Моргана въ освѣщеніи своего пониманія исторіи: Энгельсъ занялся этимъ дѣломъ во исполненіи воли своего покойнаго друга, результатомъ чего было его сочиненіе о происхожденіи семьи, собственности и государства²⁾, и заключающее въ себѣ упомянутое расширеніе взгляда. Но его мы оставляемъ пока въ сторонѣ.

III.

Объ „экономическомъ матеріализмѣ“ писано было очень мало. Въ своей статьѣ „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“ мы уже пришлось отмѣтить лишь отчасти (стр. 76—157) посвященную предмету небольшую книгу Вейзенгрюна подѣ заглавіемъ „Die Entwicklungsgesetze der Menschheit“. Послѣ того я познакомился еще съ другою книжкою того же автора подѣ заглавіемъ „Verschiedene Geschichtsauffassungen“ и сдѣлалъ объ предметѣ небольшой замѣтки объ „экономическомъ направленіи въ исторіи“, помѣщенной въ № 5 и 6 „Юридическаго Вѣстника“ за 1891 г. Сравненіе обѣихъ книгъ представляетъ немалый интересъ: авторъ, ревностный сторонникъ „экономическаго матеріализма“, во второмъ трудѣ уже во многомъ отступаетъ отъ первоначальныхъ своихъ утвержденій, и въ этомъ заключается интересъ сравненія. Отсылая за нѣсколько болѣе подробнымъ изложеніемъ дѣла къ названной замѣткѣ, позволяю себѣ здѣсь повторить вкратцѣ ея содержаніе.

„Законы развитія“ написаны крайне несистематично и спутанно; въ нихъ много лишняго, почти совсѣмъ не идущаго къ дѣлу; нѣкоторые высказанные тамъ взгляды подверглись во второмъ сочиненіи существеннымъ поправкамъ. Обѣ обѣихъ можно однако сказать, что собственно теоретическаго обоснованія экономической концепціи въ нихъ нѣтъ: это — сопоставленіе „экономическаго матеріализма“ съ другими концепціями, очеркъ его генезиса, изложеніе его теоремъ, и

1) Lewis H. Morgan. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilisation. London. 1877

2) Fr. Engels. Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates im Anschluss an H. Lewis Morgan's Anschauungen.

наконецъ, примѣненіе основной точки зрѣнія къ всемірной исторіи, причеъ авторъ вообще беретъ очень небольшую группу писателей. Именно во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрюнъ называетъ всѣ, по его мнѣнію, главнѣйшія сочиненія въ духѣ „экономическаго матеріализма“: это „Капиталъ“ Маркса, это—его же „Elend der Philosophie“ и „Коммунистическій манифестъ“ (1848); далѣе труды Энгельса: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», „Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates“ и „Ludwig Feuerbach, ueber den Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie“; наконецъ „Le matérialisme économique de Charles Marx“, Поля Лафарга '). Рассматривая разные исторіологическія воззрѣнія нашего времени, Вейзенгрюнъ ставитъ имъ въ вину то, что въ нихъ вообще „принципъ поддержки жизни не играетъ самостоятельной роли“, что ими экономическія отношенія „или оставляются въ пренебреженіи, или объясняются изъ какихъ-либо другихъ факторовъ“ ²⁾, и противопоставляетъ имъ ту теорію, которая прежде всего обращается къ анализу экономическихъ отношеній, всегда выдвигаетъ ихъ на первый планъ и объясняетъ изъ нихъ умственное движеніе, измѣненія въ нравахъ, фазисы религіи. Въ такомъ именно смыслѣ онъ весьма рѣзко ставитъ вопросъ: „происходитъ ли развитіе человѣчества болѣе на чисто интеллектуальной или же, наоборотъ, на экономической основѣ, т. е. какое происхождение—интеллектуальное преимущественно или же преимущественно экономическое—было у революцій, реформъ, реакцій, социальныхъ движеній всякаго рода, происходившихъ въ теченіе вѣковъ, словомъ, у всякаго движенія, какое только происходило до сего дня? ³⁾. Онъ рѣшительно становится на сторону экономическаго происхожденія культурныхъ и социальныхъ перемѣнъ, заявляя себя приверженцемъ „экономическаго матеріализма“, т. е. такой исторической теоріи, которая кладетъ въ основу исторіи народное хозяйство и сводитъ къ нему все содержаніе общественной жизни, какъ совокупность разныхъ сосуществующихъ элементовъ ⁴⁾. Поэтому Вейзенгрюнъ вполне присоединяется къ воз-

¹⁾ Verschiedene Geschichtsauffassungen, 27. Въ другомъ сочиненіи онъ называетъ Маркса, Энгельса и американскаго социолога Моргана „единственными представителями этой теоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова“. Entwicklungsgesetze, 47. Къ сожалѣнію, намъ пока не удалось нѣтъ въ рукахъ сочиненіи Лафарга.

²⁾ Ibid., Verschied. Gesch., 20.

³⁾ Ibid., 23.

⁴⁾ Der „oekonomische Materialismus“ kann defintirt werden als die Geschichtstheorie, welche, als Basis der Entfaltung in der Geschichte die oekonomische Productionsweise annimmt und alle anderen Umstände darauf zurück-führen will, ohne die reelle Bedeutung dieser Umstände zu läugnien; dieselben

зрѣнію Маркса и Энгельса. Онъ думаетъ, что отъ первыхъ шаговъ человѣка на землѣ до современности нѣтъ уже ни одного перехода, который не былъ бы теперь объясненъ съ ихъ точки зрѣнія. „Это—экономическій основной процессъ. Юридическіе, политическіе, религіозные, философскіе, литературные моменты развиваются рядомъ съ нимъ и по отношенію къ главному экономическому движенію образуютъ движенія побочныя“ ¹⁾. Вейзенгрунъ не столько доказываетъ правильность такого пониманія сущности историческаго процесса, сколько разыскиваетъ, какъ оно сложилось. Между обоими сочиненіями по этому вопросу есть впрочемъ разница. По рѣшительному заявленію перваго, косвенное вліяніе на зарожденіе экономическаго направленія оказала нѣмецкая философія и въ частности гегельянство ²⁾. Вейзенгрунъ даже думаетъ, что безъ діалектическаго метода едва ли можно представить себѣ „экономическій матеріализмъ“ ³⁾. Но онъ не доказываетъ своего тезиса, да и доказать его было бы невозможно, такъ какъ діалектическій методъ относится къ *формѣ* историческаго процесса, а „экономическій матеріализмъ“ — къ его *содержанію*. Во второмъ своемъ сочиненіи Вейзенгрунъ уже ставитъ вопросъ, насколько вѣрно воззрѣніе, ставящее въ связь экономическое направленіе и гегельянство. Изъ того, говоритъ онъ, что манера писать у Маркса и Энгельса напоминаетъ Гегелеву, еще ничего не слѣдуетъ ⁴⁾, и онъ высказывается тутъ въ томъ смыслѣ, что вліяніе гегельянства въ данномъ случаѣ было болѣе формальнаго свойства ⁵⁾; настоящій же зародышъ новаго направленія онъ усматриваетъ теперь въ сочиненіяхъ французскихъ утопическихъ социалистовъ и у Родбертуса ⁶⁾. Если статья на эту точку зрѣнія, должно потерять всякую силу одно соображеніе, высказанное въ первомъ трудѣ въ защиту всего направленія. Вейзенгрунъ здѣсь предупреждаетъ, именно что „экономическій матеріализмъ“ не слѣдуетъ смѣшивать съ утилитаристическимъ сведеніемъ нравственныхъ понятій къ идеѣ пользы: видя основу исторіи въ матеріальныхъ отношеніяхъ, а въ духовныхъ движеніяхъ какъ бы надстройку, это направленіе тѣмъ болѣе не можетъ отрицать ихъ

haben mit einem Einfluss in der menschlichen Entfaltung, wirken auf einander ein, treten als coexistirende Elemente auf. Entwicklungsgesetze, 96—97.

¹⁾ Ibid., 154.

²⁾ Ibid., 48 sq.

³⁾ Ibid., 158.

⁴⁾ Versch. Gesch., 21.

⁵⁾ Кроме того, онъ говоритъ: Nur als Vorbereitung, als unklaren, unvollkommenen Ausdruck der oekonomischen Geschichtsbetrachtung kann ich die Hegel'sche Anschauung betrachten, 22.

⁶⁾ Ibid., 22 sq.

реального значенія, что косвенно оно само развилось изъ нѣмецкой идеалистической философіи ¹⁾. Это-то соображеніе и теряетъ силу, разъ нѣмецкая идеалистическая философія повліяла на „экономическій матеріализмъ“ только своею формальною стороною. Есть еще одно ученіе, съ коимъ Вейзенгрунъ пытается связать „экономическій матеріализмъ“. Именно онъ постоянно указываетъ на марксово пониманіе среды, какъ на базисъ всего „экономическаго матеріализма“ ²⁾, но весьма трудно въ его изложеніи понять логическую связь между тѣмъ и другимъ. Разсуждаетъ онъ такимъ образомъ: по Марксу, человѣкъ окруженъ средою двоякаго рода, естественной и искусственной, при чемъ вторая для исторіи важнѣе первой. „Искусственная среда выступаетъ главнымъ образомъ въ своемъ матеріальномъ дѣйствіи. Исторія не должна особенно заниматься психическими дѣйствіями въ ея соціальной формѣ, она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ и религіозныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической, матеріальной основы“ ³⁾. Тѣснѣе, конечно, связать „экономическій матеріализмъ“ съ идеей классовой борьбы, сущность коей заключается въ томъ, что съ извѣстнаго момента человѣчество дѣлится на двѣ большія группы: одна экономически господствуетъ, другая матеріально подчинена первой, какими бы она правами сама ни обладала. Каждая эпоха, далѣе, развиваетъ новыя матеріальныя силы, и всегда возникаетъ борьба между ними и болѣе ранними формами производства. Все это совершается постепенно, возникаетъ органически изъ данныхъ отношеній“ ⁴⁾. Духовная производительность идетъ за матеріальной, и господствующія идеи времени суть только идеи господствующаго класса, а новые способы производства создаютъ и новыя идеи ⁵⁾. Такое представленіе *всей* исторіи, всегда и вездѣ совершающейся, было навѣяно соціальнымъ движеніемъ эпохи; но, даже снявъ съ „экономическаго матеріализма“ Карла Маркса его соціалистическую оболочку, Вейзенгрунъ высказываетъ ту мысль, что исторія подтверждаетъ основной его тезисъ (о главенствѣ экономическихъ условій) достаточными примѣрами, и съ этой стороны тезисъ кажется ему „почти непоколебимымъ“ ⁶⁾. При этомъ онъ объявляетъ, что классовая

¹⁾ Entwicklungsgesetze, 158.

²⁾ Ibid., 11, 89, 127, 154, 158 и др.

³⁾ Versch. Gesch., 28.

⁴⁾ Ibid., 37.

⁵⁾ Ibid., 43.

⁶⁾ Entwicklungsgesetze, 110. Вейзенгрунъ считаетъ возможнымъ обосновать экономическій матеріализмъ и въ теоріи о классовой борьбѣ, 107 sq.

борьба представляет изъ себя красную нить исторіи ¹⁾). Наконецъ, подтвержденіе „экономическому матеріализму“ онъ видитъ въ „Древне-нежъ обществахъ“ Моргана. Это сочиненіе привѣтствовалъ, какъ извѣстно, и Энгельсъ въ сочиненіи о происхожденіи семьи, частной собственности и государства. Суть дѣла въ томъ, что, по мнѣнію, высказанному Вейзенгрюномъ въ первомъ сочиненіи, основную идею „экономическаго матеріализма“ Морганъ перенесъ на доисторическій бытъ ²⁾), но во второмъ онъ уже говоритъ, что только Энгельсъ, пользуясь замѣтками Маркса, сумѣлъ „интерпретировать соціологию Моргана въ своемъ смыслѣ“ ³⁾), и что поэтому связь между теоріей Моргана и „экономическимъ матеріализмомъ“ была установлена главнымъ образомъ самимъ Энгельсомъ, хотя тутъ не все шло вполне гладко ⁴⁾). Быть можетъ, въ силу того, что „экономическій матеріализмъ“ подтверждается не столько самимъ Морганомъ, сколько интерпретаціей Энгельса, американскій писатель, такъ рѣшительно записанный Вейзенгрюномъ въ число представителей экономическаго направленія въ первомъ сочиненіи, во второмъ уже не играетъ такой роли.

Вейзенгрюмъ чувствовалъ, однако, недостаточность теоретической разработки того воззрѣнія на исторію, которое онъ защищаетъ. Уже въ первомъ сочиненіи онъ пополняетъ кое-какіе пробѣлы „экономическаго матеріализма“, но во второмъ онъ еще яснѣе видитъ недостатки теоріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя всей трудности опредѣлить „отношеніе различныхъ формъ соціальнаго движенія къ экономическому содержанію“ ⁵⁾), хотя не затрудняется, однако, на основаніи частныхъ примѣровъ формулировать такіе „соціологическіе законы“, какъ то, что „всѣ политическіе, религіозные, юридическіе, философскіе и литературные элементы относятся къ экономическимъ, какъ форма къ содержанію“, что „соціальная форма развивается за соціальнымъ содержаніемъ“, и что „соціальная форма переживаетъ соціальное содержаніе“ ⁶⁾). По его словамъ, „экономическій матеріализмъ“ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ элементовъ, придавая имъ, впрочемъ, значеніе элементовъ вторичныхъ и второстепен-

¹⁾ Seit Herodot bis auf Buckle sucht ja die Geschichte unablässig nach einer möglichst prägnanten Formel... Wir glauben nun, dass der Begriff des Klassenkampfes für die Geschichte zum ersten Mal in umfassendster Weise eine solche allgemeine Erklärungsweise giebt... Im Klassenkampf glauben wir diesen rothen Faden gefunden zu haben. Ibid., 113.

²⁾ Entwicklungsgesetze, 154.

³⁾ Verschied. Gesch., 29.

⁴⁾ Ibid., 45, 46.

⁵⁾ Ibid., 115.

⁶⁾ Ibid., 120.

ныхъ, и только упускаетъ изъ виду, что эти элементы, отдѣляясь отъ экономическаго основнаго движенія, соединяются между собою, расширяются и усиливаются, приходятъ въ болѣе быстрое движеніе, получаютъ при этомъ свои собственныя формы движенія и изъ элементовъ надстройки превращаются въ основы новыхъ стадій развитія. Въ этомъ направленіи онъ дополняетъ ученіе „экономическаго матеріализма“ цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ иллюстрацій, изложенныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько спутанно и не всегда достаточно вразумительно ¹⁾). Важно здѣсь только то, что такой горячій послѣдователь доктрины выступаетъ съ указаніемъ въ ней существеннаго пробѣла. „Экономическій матеріализмъ“, говоритъ онъ, и не могъ придти къ сознанію необходимости развитіи далѣе эти основоположенія. Обративъ все свое вниманіе на экономическій фундаментъ, впервые имъ понятый, направленіе это не могло принять въ расчетъ всѣхъ явленій. „Мы, продолжаетъ онъ, весьма естественно, какъ и представители этого направленія, приписываемъ самое важное значеніе экономическому фундаменту, но на этомъ не останавливаемся, а объясняемъ діалектическимъ способомъ процессъ развитія въ его совокупности и начертываемъ новый рядъ развитія“ ²⁾). Пониманіе развитія, какое онъ находитъ, напр., у Энгельса, кажется ему просто-таки механическимъ ³⁾). Объявляя во второмъ своемъ сочиненіи, что „экономическій матеріализмъ“ есть наилучшая историческая теорія, Вейзенгрунъ прямо указываетъ на необходимость „нѣкоторыхъ къ ней добавленій и измѣненій, которыя, впрочемъ, по его словамъ, не должны противорѣчить принципу этого способа объясненія“ ⁴⁾). По вопросу о томъ, дѣйствительно ли такъ развиваются изъ матеріальныхъ основъ юридическіе, политическіе и другіе элементы, какъ объ этомъ учить „экономическій матеріализмъ“, онъ высказываетъ уже нѣкоторое сомнѣніе. „Я того мнѣнія, говоритъ онъ, что Марксъ упустилъ изъ виду важный моментъ. Существуетъ нѣкоторый болѣе постоянный элементъ, нежели вѣчно измѣняющіяся матеріальныя условія. И общія психическія свойства человѣка измѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляются въ силу идущаго впередъ экономическаго движенія“ ⁵⁾). Иначе чувствуютъ грекъ и римлянинъ, иначе—современный французъ и итальянецъ, но перемѣны въ области чувствованій, обусловленныя не только экономическими, но и психическими измѣненіями, въ свою

¹⁾ Ibid., 173—220.

²⁾ Ibid., 221.

³⁾ Ibid., 221.

⁴⁾ Versch. Gesch., 45.

⁵⁾ Ibid., 48.

очередь оказываютъ хотя и ограниченное дѣйствіе на матеріальное движеніе. Это—маленькая реакція психическихъ факторовъ на социальный элементъ въ исторіи, повидимому, не принимавшаяся Марксомъ въ расчетъ. Въ свою очередь этотъ пробѣлъ можно не принимать въ расчетъ при изслѣдованіи формъ, какія можетъ получать механизмъ производства. Но разъ я долженъ объяснить изъ матеріальныхъ элементовъ элементы политическіе или эстетическіе, я конечно, долженъ обращать вниманіе на эти общечеловѣческіе, хоть и измѣняющіеся, но все-таки болѣе постоянные элементы¹⁾. Вейзенгрунъ даже прямо говоритъ, что гдѣ у Маркса увлеченіе, тамъ у его послѣдователей уже просто карриатура, и если, напр., Марксъ не особенно внимателенъ къ культурной исторіи, то его ученики готовы идти далѣе и совершенно ее устранить²⁾, а это онъ ставитъ имъ прямо въ вину.

Послѣднія заявленія Вейзенгруна, весьма поучительны: „нѣкоторыя дополненія и измѣненія“, вносимыя имъ въ теорію „экономическаго матеріализма“, ведутъ, на нашъ взглядъ, прямо къ подрыву основнаго положенія всей теоріи.

IV.

Одновременно съ моею замѣткой о книжкахъ Вейзенгруна появилась въ „Русской Мысли“ упомянутая уже статья г. П. Н. объ „одной изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса“, подъ каковою гипотезою разумѣется какъ-разъ „экономическій матеріализмъ“. Задачей своею авторъ прямо ставитъ—„изложеніе развитія, которому можетъ подлежать гипотеза экономическаго матеріализма“ (Р. М. V, 44 — 45). Въ основу своей работы онъ положилъ первую книжку Вейзенгруна, признавая его идеи „оригинальными и достаточно достоверными“, но находя въ то же время, что Вейзенгрунъ выставляетъ свои положенія „съ большою самоувѣренностью и смѣлостью“. (V, 49). Вторая книжка нѣмецкаго писателя г-ну П. Н. осталась неизвѣстною, и онъ такимъ образомъ передавалъ только первоначальные взгляды Вейзенгруна, которые, какъ мы только что видѣли подверглись нѣкоторому измѣненію во второмъ сочиненіи. Авторъ статьи объ „одной изъ гипотезъ“ самъ признаетъ себя сторонникомъ „экономическаго матеріализма“. Всѣ историческія явленія, по его словамъ раздѣляются на двѣ категоріи: одни, говоритъ онъ, „относятся

¹⁾ Ibid., 49.

²⁾ Ibid., 50.

къ области психологiи, личной или массовой, другія—къ области экономики“ (нужды и средства V, 44). Въ соответствии съ этимъ онъ (вмѣстѣ съ Вейзенгрюномъ) различаетъ въ историко-философскихъ трудахъ два теченія, изъ коихъ называетъ одно идеалистическимъ, другое—материалистическимъ, прибавляя, что послѣднее-то и относится къ гипотезѣ „экономическаго материализма“ (V, 50). По его мнѣнію, въ настоящее время преобладаетъ идеалистическое пониманіе, а экономизмъ лишь пробиваетъ себѣ дорогу, и въ большинствѣ случаевъ историки обращаютъ вниманіе на экономическія явленія, какъ на сосуществующія только съ другими, а не какъ на причиняющія ихъ (V, 53, 54), что едва ли характеризуетъ теперешнее состояніе исторической науки ¹⁾. Между тѣмъ, думаетъ онъ, экономическое направленіе разрѣшаетъ одну изъ главнѣйшихъ историко-философскихъ проблемъ. Именно онъ говоритъ, что социологическія изслѣдованія не привели къ открытію одной общей причины историческаго процесса потому, что въ нихъ не было предложено какой-либо гипотезы, которая могла бы считаться „нормальнымъ понятіемъ“ историческаго процесса (V, 45), причѣмъ подъ такимъ „нормальнымъ понятіемъ“ (выраженіе Вундта) какой-либо области явленій онъ разумѣетъ „такое явленіе, которое, будучи постояннымъ въ данномъ процессѣ, въ то время, когда всѣ другія явленія не только измѣняются, но и появляются, и исчезаютъ, потому самому составляетъ, вѣроятно, причину всѣхъ этихъ измѣняющихся въ процессѣ эволюціи явленій и причину самого процесса“ (V, 47). Признавая гипотетичность „нормальнаго понятія“ всѣхъ наукъ, г. П. Н. ставитъ вопросъ о такой гипотезѣ и для науки объ историческомъ процессѣ (V, 48), оговариваясь въ одномъ мѣстѣ, что, по его мнѣнію, нормальнымъ понятіемъ не долженъ быть непремѣнно одинъ какой-нибудь историческій или социологическій факторъ. „Самый процессъ, говоритъ онъ, настолько сложенъ, что естественно предполагать, что сложно и измѣнчиво его нормальное понятіе, т.-е. что какой-нибудь историческій факторъ играетъ роль причины въ извѣстный, болѣе или менѣе продолжи-

¹⁾ Наоборотъ, многими историками теперь признается, что именно социальная, экономическая, финансовая исторія представляетъ очередное дѣло нашей науки. Напр., г. Милуковъ въ предисловіи къ книгѣ своей «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго» (Спб. 1892 г.), указывая на большую близость своей темы къ „очереднымъ вопросамъ“ исторической науки (сравнительно съ темами по культурѣ), говоритъ такъ: «Эта наука, какъ мы понимаемъ ея современныя задачи, ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи социальной, исторіи учреждений» (стр. XIII).

тельный периодъ процесса, въ слѣдующій же периодъ можетъ уступить свою руководящую роль какому-нибудь другому фактору“ (V, 49). Такимъ „нормальнымъ понятіемъ“ для пережитыхъ и переживаемыхъ фазисовъ историческаго процесса г. П. Н., согласно съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, считаетъ классовую борьбу на экономической почвѣ, и съ этой-то стороны „экономическій матеріализмъ“ является для него наиболѣе вѣроятною историко-философскою теоріей. Онъ, однако, не прибавляетъ никакихъ новыхъ соображеній, которыя подкрѣпляли бы основную мысль теоріи, и признается, что сама теорія крайне невыработана. По его мнѣнію, причина того, что гипотеза „экономическаго матеріализма“ не дождалась ни „великой книги“ (намекъ на слова Литтре: „il n'y a pas de grande doctrine sans grand livre“), ни даже ряда основательныхъ изслѣдованій, лежитъ въ партійномъ способѣ происхожденія гипотезы, послѣднее же обстоятельство онъ считаетъ однако простою случайностью: „гипотеза, говоритъ онъ, могла появиться съ такимъ же удобствомъ въ рядахъ другой партіи и еще лучше внѣ партій... И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, совсѣмъ не нужно быть марксистомъ или даже просто социалистомъ, чтобы принять эту гипотезу за вѣроятную“, ибо „можно смотрѣть на гипотезу „экономическаго матеріализма“ совершенно независимо отъ убѣжденій социальныхъ и политическихъ партій“ (VI, 34). Съ послѣднимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться въ виду того, что основная мысль направленія нерѣдко раздѣляется такими историками, которые исходятъ изъ иныхъ идей, нежели тѣ, конми руководились Марксъ и Энгельсъ, но едва ли вѣрно данное авторомъ объясненіе того обстоятельства, что доктрина не отличается разработанностью: разъ она могла появиться и дѣйствительно появлялась въ другихъ партіяхъ, уже одно это гарантировало возможность спокойной разработки ея теоретическихъ основъ. На нашъ взглядъ дѣло объясняется иначе: провести въ одной „великой книгѣ“ или въ рядѣ „основательныхъ изслѣдованій“ идею объ экономической структурѣ общества, какъ основѣ, по отношенію къ коей вся духовная культура и социальная организація представляютъ изъ себя лишь надстройку,—провести эту идею притомъ послѣдовательно, безъ пробѣловъ и натяжекъ было бы дѣломъ прямо невозможнымъ. Дальше бѣглого наброска теоріи гипотеза идти не можетъ: всякая попытка ее развить требуетъ внесенія въ нее дополненій и измѣненій, которыя приводятъ къ противорѣчіямъ съ исходнымъ пунктомъ и тѣмъ самымъ нарушаютъ послѣдовательность въ общемъ ходѣ разсужденія. Въ послѣднемъ отношеніи непослѣдовательностью отличается и самъ г. П. Н., вводя въ исторію интеллектуальный факторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивая то воззрѣніе, по которому „экономическій

матеріализмъ" былъ именно изгнаніемъ изъ пониманія исторіи психическаго начала. И онъ также думаетъ, что „для гипотезы экономическаго матеріализма философія Гегеля и его понятія о діалектическомъ методѣ имѣли рѣшающее значеніе: сама гипотеза, говоритъ онъ, была предложена бывшими лѣвыми гегельянцами (Марксомъ и Энгельсомъ); она, такъ сказать, вытекла изъ метода гегельянства и только матеріализировала основу философіи Гегеля, подставивъ, вмѣсто психики, экономику, вмѣсто идеи—матеріальную жизнь" (V, 54). Пусть такъ, но г. П. Н. именно находитъ необходимымъ ввести въ „гипотезу" изгнанныя изъ нея „психику" и „идею", о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ дальше. Во всякомъ случаѣ онъ подчеркиваетъ неразработанность основоположеній „экономическаго матеріализма" и возвращается къ этому въ разныхъ мѣстахъ своей статьи. Наприм., по совершенно вѣрному его замѣчанію, нѣтъ „ни одного основательнаго историческаго изслѣдованія, гдѣ бы проводилась послѣдовательно эта гипотеза, ни одного философскаго историческаго разсужденія, ни одной провѣрки гипотезы примѣненіемъ ея къ изслѣдованію явленій культурной или прагматической исторіи" (VI, 33). „Гипотеза экономическаго матеріализма, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, до сихъ поръ гипотеза, и будетъ таковою до тѣхъ поръ, пока не будетъ провѣрена изученіемъ конкретныхъ историческихъ явленій, разсматриваемыхъ съ ея точки зрѣнія" (VI, 52, ср. 54). Этому соответствуетъ и незначительность литературы „экономическаго матеріализма", какъ такового. „Весь литературный багажъ гипотезы" г. П. Н. сводитъ, кромѣ книгъ, указанныхъ Вейзенгрунгомъ, къ Первобытной культурѣ Зибера, статьямъ Кауцки и къ „ряду этюдовъ, замѣтокъ, газетныхъ и журнальныхъ статей", отмѣтивъ еще книгу Роджерса: „Economic interpretation of history" и книгу Джиббинса: „Industrial history of England", съ коими ему, впрочемъ, не удалось еще основательно познакомиться (VI, 33—34). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ еще на книгу Липперта: *Culturgeschichte der Menschheit*¹⁾ и книгу Летурно объ эволюціи собственности, въ коихъ (какъ тоже въ сочиненіяхъ Лоріа и Торнтона) „болѣе или менѣе проглядываютъ" идеи экономическаго матеріализма, хотя „и Липпертъ, и Летурно, какъ можно судить по отдѣльнымъ ихъ выраженіямъ и по общему характеру ихъ изслѣдованій, или совсѣмъ незнакомы съ гипотезой, или не проникли въ ея сущность" (VI, 37). При болѣе близкомъ знакомствѣ и съ нѣкоторыми другими сочиненіями послѣднюю оговорку онъ долженъ былъ бы распространить и на нихъ, въ чемъ нашъ читатель убѣдится, напр., изъ той части настоящихъ замѣтокъ, гдѣ рѣчь

¹⁾ Отчетъ о которой данъ имъ самимъ въ „Русск. Мысли".

будетъ идти о книгѣ Роджерса, слишкомъ смѣло занесенной г. П. Н. въ списокъ сочиненій, написанныхъ въ духѣ „экономическаго матеріализма“. Правымъ оказывается г. П. Н. и тогда, когда не соглашается съ Энгельсомъ, по мнѣнію котораго гипотеза „экономическаго матеріализма“ проникла въ широкіе круги со все растущею скоростью: „гипотеза, вполне основательно говоритъ онъ, не только не имѣетъ такой массы приверженцевъ, какъ полагаетъ Энгельсъ, но она мало извѣстна даже въ наукѣ. Если, прибавляетъ онъ, мы сопоставимъ съ ея извѣстностью ту быстроту, съ которою распространяются другія научныя гипотезы, то разница выйдетъ поразительная“,—и при этомъ онъ указываетъ на дарвинизмъ, изъ приѣмленій коего въ одной социологіи можно было бы составить цѣлую библіотеку (VI, 33). И это, прибавимъ мы, тѣмъ замѣчательнѣе, что, наоборотъ, экономическое направленіе, взятое въ болѣе широкомъ смыслѣ, начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль въ современной исторической наукѣ. Со стороны приверженца „экономическаго матеріализма“ такія признанія особенно знаменательны: они свидѣтельствуютъ и о внутренней слабости гипотезы.

Между тѣмъ г. П. Н. находитъ возможнымъ упрекать въ игнорированіи этой точки зрѣнія—такихъ ученыхъ, которые по роду своихъ занятій и не обязаны быть экономистами. Отмѣчая именно, что поле литературныхъ явленій остается совершенно неразработаннымъ съ „соціо-экономической точки зрѣнія“, онъ какъ бы обвиняетъ „школу Тэна“ за то, что у нея иная точка зрѣнія: она „не признаетъ главенства экономическихъ отношеній и часто проглядываетъ ихъ, даже какъ сосуществующія, и не имѣетъ въ виду въ своихъ критико-литературныхъ изслѣдованіяхъ борьбы классовъ, какъ „нормальнаго понятія“ текущаго историческаго процесса“ (VI, 42). То, что авторъ называетъ „школой Тэна“, дѣйствительно страдаетъ односторонностью, на которую и намъ не разъ приходилось указывать, но полная истина заключалась бы не въ замѣнѣ условной точки зрѣнія „школы“ исходнымъ пунктомъ „экономическаго матеріализма“, а въ присоединеніи къ психологическому изслѣдованію, характеризующему „школу“, изслѣдованія социологическаго, составляющаго слабую ея сторону. Въ сущности вѣдь то же самое говоритъ и нашъ авторъ разбирая (вслѣдъ за Вейсенгрюномъ) ученіе Тэна о средѣ и отмѣчая то обстоятельство, что въ понятіи среды, по Тэну, отсутствуетъ „если не наиболѣе важная, то во всякомъ случаѣ очень вліятельная сторона, именно экономическая“ (V, 56). Но онъ перестаетъ быть правымъ, когда понятіе среды, у Тэна чисто психологическое, прямо замѣняетъ понятіемъ среды, исключительно экономическимъ. „Неясному, какъ онъ выражается, и нерасчлененному понятію Тэна о средѣ“ онъ

противополагаетъ гипотезу „экономическаго матеріализма“ съ ея „достаточно опредѣленнымъ понятіемъ о средѣ“. Указавъ далѣе на раздѣленіе среды на естественную и искусственную, онъ продолжаетъ: „существенный факторъ понятія объ искусственной средѣ составляютъ экономическія отношенія; къ нимъ происходитъ приспособленіе чело-вѣческаго общества и всѣхъ другихъ общественныхъ факторовъ. Они, произведенныя всякими предохранительными силами,— причина, а всѣ другіе факторы суть ихъ слѣдствія“ (V, 57). Когда, однако, у него является надобность точнѣе опредѣлить содержаніе этого понятія, онъ сходитъ съ почвы чисто экономическаго пониманія и приближается къ пониманію психологическому, характеризующему Тэна. Въ другомъ мѣстѣ онъ мимоходомъ опредѣляетъ искусственную среду, какъ ее понимаетъ „экономическій матеріализмъ“, именно въ смыслѣ „разныхъ классовъ и ихъ подраздѣленій и, конечно, не просто гру-быхъ интересовъ классовъ, ихъ матеріальной борьбы, а болѣе высо-кихъ чертъ, убѣжденій, нравовъ, обычаевъ, склада натуры,—однимъ словомъ, духа этихъ классовъ“ (VI, 42). Какъ бы то ни было, это новый примѣръ отступленія отъ исходнаго пункта всей гипотезы, примѣръ, въ коемъ психологической „надстройкѣ“ приписывается слишкомъ важное значеніе сравнительно съ матеріально-экономиче-скими фундаментомъ.

Но это еще не все, ибо г. П. Н. идетъ и далѣе того, и въ этомъ заключается наиболѣе любопытная сторона его статьи. Защищая гипотезу „экономическаго матеріализма“ отъ того *odium*'а, который можетъ быть возбужденъ терминомъ, г. П. Н. прямо указываетъ на возможность идеализированія „экономическаго матеріализма“, „при-знающаго возвышенныя отправленія (функции) общества надстройками, а экономіку фундаментомъ“, ибо, говоритъ онъ, „изъ самой сущно-сти гипотезы можно сдѣлать тотъ выводъ, что интеллектуальныя слѣд-ствія экономической основы выдѣляются изъ нея и ведутъ до значи-тельной степени самостоятельное существованіе, дѣлаясь сами важ-ными историческими факторами. Творцы гипотезы, продолжаетъ онъ, не успѣли или не съумѣли сдѣлать такого вывода, но это не потому, конечно, чтобы его нельзя было сдѣлать, а потому что у гипотезы не было „великой“ книги или просто многихъ изслѣдованій. А если можно сдѣлать подобный выводъ, то по идеальности гипотеза ве-уступаетъ какой угодно другой научной гипотезѣ“ (VI, 35). И такъ, для г. П. Н. оказалось необходимымъ внести идеальность въ док-трину, которая прямо и основывала себя на замѣнѣ идеализма ма-теріализмомъ. „Какъ въ первой части историческаго процесса, раз-суждаетъ г. П. Н., изъ господствующихъ семейныхъ отношеній вы-дѣляются отношенія экономическія, и притомъ тѣмъ далѣе идетъ

процессъ, тѣмъ сильнѣе, пока они не сдѣлаются столь сильными, что сами становятся во второй части процесса господствующими, такъ и во второй части историческаго процесса при господствѣ экономическихъ отношеній сначала только сосуществуютъ интеллектуальныя и политическія отношенія, но потомъ они начинаютъ выдѣляться ¹⁾ изъ господствующихъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ они должны дѣлаться сильнѣе и самостоятельнѣе, такъ что возможно предвидѣть эпоху ихъ конечнаго торжества и ихъ господства, по крайней мѣрѣ, господства интеллектуальныхъ отношеній при сосуществованіи политическихъ“ (VI, 45, 4, 46). Авторъ приводитъ нѣсколько историческихъ соображеній въ доказательство того, что его „предположеніе о выдѣленіи изъ экономическаго фундамента политической и интеллектуальной ²⁾ надстройки для самостоятельной жизни не такъ ужъ гадательно, какъ можетъ представиться это сначала“, и что „сущность третьей части историческаго процесса, имѣющей цѣлью производство интеллектуальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества, не такъ ужъ утопична“ (VI, 52). Въ доказательство вѣрности своей мысли онъ приводитъ еще то соображеніе, что „новѣйшая и позднѣйшая исторія развитія послѣдняго фазиса экономическихъ отношеній отличается особенно быстрымъ ускореніемъ прогресса знаній и политическихъ идей“, которое само пророчитъ „будущее выдѣленіе интеллектуальныхъ элементовъ надстройки въ самостоятельное существованіе“ (VI, 53). Не касаясь по существу этой теоріи „выдѣленій“, не можемъ не отмѣтить того, что она придумана только для спасенія „экономическаго матеріализма“ при допущеніи самостоятельной роли и психическаго начала. „Можетъ показаться, чувствуетъ самъ г. П. Н., что именно предыдущія разсужденія вполне уничтожаютъ гипотезу. Что же это за основа, если выдѣлявшіеся изъ нея элементы могутъ вытѣснить ее и стать сами основами? На это отвѣтимъ, что существуетъ аналогія съ вытѣсненіемъ семейныхъ отношеній первой части историческаго процесса, какъ его „нормальнаго понятія“, и экономическими отношеніями („нормальнымъ понятіемъ“), основой второй части историческаго процесса, съ происходящимъ теперь, по нашему мнѣнію, процессомъ. Значитъ ли это, однако, что эти семейныя отношенія не были тогда основой? Конечно, не значитъ. А значитъ только то, что въ такомъ діалектическомъ, вѣчно текущемъ процессѣ, какъ историческій, основа можетъ измѣняться“ (VI, 53). Но въ такомъ случаѣ, спрашивается, можетъ ли теорія историческаго процесса быть

¹⁾ Въ статьѣ вообще не разъ говорится о „выдѣленіи интеллектуальныхъ отношеній изъ историческихъ“. По его словамъ, это выдѣленіе подмѣчено вѣрно въ книгѣ Вейзенгруна.

²⁾ Въ статьѣ, очевидно, по ошибкѣ стоитъ: надустріальной.

построена на исключительно экономическомъ принципѣ, разъ въ разные времена у этого процесса разные основы и въ одинъ и тотъ же моментъ „сосуществуютъ“ разные факторы? По мнѣнію самого г. П. Н., „нѣтъ причины считать невозможнымъ измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ фазисовъ“, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы „ранѣе развившіяся интеллектуальныя отношенія оказали вліяніе на измѣненіе процесса эволюціи экономическихъ отношеній“; вопросъ же о томъ, „могутъ ли интеллектуальныя и политическія отношенія развиваться раньше соответствующихъ имъ экономическихъ“, разрѣшается имъ утвердительно на основаніи примѣра новыхъ странъ (VI, 50), когда ими заимствуются проявленія высшей духовной жизни старыхъ странъ (VI, 52, 53). Наконецъ, г. П. Н. считаетъ классовую борьбу только частью „нормальнаго понятія“ историческаго процесса, ибо „было время, когда ея не существовало и, вѣроятно, будетъ время, когда она существовать не будетъ: и Марксъ, и Энгельсъ—оба признаютъ это“ (VI, 43). Онъ дѣлитъ поэтому историческій процессъ на три части съ нормальными понятіями 1) *семьи*, когда процессъ имѣлъ цѣлью *производство индивидуумовъ*, 2) *классовой борьбы*, когда цѣлью процесса является *производство продуктовъ* (VI, 45), и 3) *управляющей силы интеллекта*, когда „цѣль процесса будетъ состоять въ *производствѣ интеллектуальныхъ и политическихъ условій* дальнѣйшаго существованія человѣчества“ (VI, 46). Мы думаемъ, однако, что эти три „производства“ не были тремя моментами одного и того же процесса, слѣдовавшими одинъ за другимъ во времени, а „сосуществующими“ сторонами человѣческой жизни на всѣхъ ступеняхъ историческаго развитія, и если „производство индивидуумовъ“ нужно отнести въ область біологическаго процесса, то процессъ историческій состоялъ не столько въ „производствѣ продуктовъ“, сколько въ „производствѣ интеллектуальныхъ (=культурныхъ) и политическихъ (=соціальныхъ), въ томъ числѣ и экономическихъ условій“, дальнѣйшаго существованія человѣчества.

Г-нъ П. Н. слегка задѣваетъ въ своей статьѣ и вопросъ о роли личности въ исторіи, находя, что разбираемая имъ гипотеза „не только не устраняетъ изъ исторіи роли личности, но включаетъ признаніе этой роли“. Онъ думаетъ однако, что послѣ его „разсужденій о выдѣленіи интеллектуальныхъ элементовъ общественной надстройки“ вопросъ можетъ представиться настолько яснымъ, что дальнѣйшаго объясненія онъ и не потребуетъ“ (для читателя его статьи). „И въ самомъ дѣлѣ, это—такъ, продолжаетъ онъ,—интеллектуальный элементъ всецѣло принадлежитъ и воплощается въ человѣческихъ личностяхъ, и потому гипотеза должна признать, или вѣрнѣе сказать, изъ самой ея сущности непосредственно вытекаетъ, что роль личности

есть растущая общественная функция“,—и онъ думаетъ, что „въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности. Экономическій матеріализмъ, дополняетъ онъ свою мысль, съ большею или меньшею опредѣленностью уясняетъ этотъ вопросъ“, ибо „онъ долженъ признать роль личности въ процессѣ растущей функцией“ (VI, 54). Дѣло въ томъ, что при господствѣ семейныхъ отношеній эта роль ничтожна и случайна, но она увеличивается при господствѣ экономическихъ отношеній, такъ какъ сама эта искусственная среда есть до известной степени сознательное и бессознательное созданіе человѣка, а въ будущемъ эта роль сдѣлается даже преобладающей. „Это, по словамъ самого г. П. Н., собственно все, что можетъ сказать гипотеза экономическаго матеріализма, какъ гипотеза историческая. Она только должна доказать это координированіемъ историческихъ фактовъ. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній“ (VI, 55). Я не вижу, однако, причины, почему такое пониманіе роли личности въ исторіи связывается именно съ гипотезою „экономическаго матеріализма“, и послѣднее замѣчаніе г. П. Н. прямо указываетъ на то, что съ одной экономіей, безъ психологіи, теорія исторіи обойтись не можетъ, не говоря уже о томъ, что и въ непсихологической сторонѣ исторіи одной экономіи мало, ибо здѣсь нужны и другія части социологіи.

V.

Заканчиваю эти замѣтки разсмотрѣніемъ книги Роджерса объ экономическомъ объясненіи исторіи. Но прежде нѣсколько словъ о самомъ авторѣ ¹⁾.

Джемсъ Торольдъ Роджерсъ (род. 1823, ум. 1890 г.) издалъ первый томъ прославившаго его сочиненія по исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (*A history of agriculture and prices in England*) въ 1866 г., и тогда уже онъ указывалъ на то, что экономическое выясненіе исторіи имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія прошедшаго въ области ли юридическихъ древностей, дипломатическихъ интригъ или военныхъ походовъ. Въ 1888 г., за два года до смерти,

¹⁾ См. статью о Роджерсѣ проф. И. В. Лучицкаго въ февральск. книгѣ „Юридич. Вѣстника“ за 1891 г. (некрологъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ Нестора въ Кіевѣ).

онъ издалъ VI томъ своей исторіи цѣнъ и свою „Economic interpretation of history“, въ которой повторилъ то же самое. О капитальномъ трудѣ Роджерса и его научномъ значеніи распространяться здѣсь было бы излишнимъ, такъ какъ насъ занимаютъ теперь только его теоретическія положенія, а послѣднія интересны, какъ воззрѣнія, сложившіяся самостоятельно, безъ всякаго вліянія со стороны марксизма. Окончивъ курсъ въ Соутъ-Гемптонской школѣ и Оксфордскомъ университетѣ, получивъ въ послѣднемъ высшую ученую степень, онъ увлекся сначала религіознымъ движеніемъ тракторіанизма и даже сдѣлался священникомъ, но потомъ подчинился вліянію Кобдена и Брайта и сталъ заниматься экономическими и политическими вопросами, принявъ на себя профессуру политической экономіи въ Оксфордѣ ¹⁾, причемъ его экономическіе взгляды, слагавшіеся подъ вліяніемъ Кобдена и Милля, въ сущности были манчестерскими и по нѣкоторымъ пунктамъ оставались таковыми до самой его смерти. Весьма поздно онъ сталъ на ноги въ области политической экономіи, создавъ самостоятельные взгляды по многимъ вопросамъ и подвергнувъ критикѣ съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя положенія своихъ учителей (Manual of political Economy, 1868 г.), хотя его теоретическіе выводы и оказались довольно слабыми. Обозрѣвая его ученую и политическую дѣятельность въ этотъ періодъ его жизни, мы не обнаруживаемъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ социализма, и это одно, въ согласіи съ другими данными его біографіи, указываетъ на самостоятельность его историко-экономической теоріи. Для разъясненія послѣдней и важно одно изъ послѣднихъ его сочиненій, „The economic interpretation of history“, а въ немъ первая глава объ экономической сторонѣ исторіи (The economical side of history). Съ нею я познакомлю теперь читателя.

„Экономическое изъясненіе исторіи“, книга болѣе, чѣмъ въ 500 стр., составила изъ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ въ 1887—88 гг., и по части теоретическихъ разсужденій, кромѣ предисловія, въ коемъ дѣлается нападеніе на абстрактную политическую экономію, содержитъ именно только одну первую лекцію подъ указаннымъ заглавіемъ: „The economical side of history“, да и тутъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ историческими примѣрами, доказывающими важность „экономической стороны“ (economical side) исторіи, нежели съ какими-либо отвлеченными теоремами. Слабость теоретическаго мышленія, обнаружившаяся въ экономическихъ трактатахъ Роджерса, сказалась и на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ онъ даетъ общія разсуж-

¹⁾ Въ 1862 г., въ 1867 г. онъ ее оставляетъ и возвращается на нее лишь въ 1888 году.

денія объ экономической сторонѣ исторіи. Къ абстрактному мышленію онъ, повидимому, вообще относился съ недовѣріемъ и, наприм., въ предисловіи къ рассматриваемой книгѣ прямо заявляетъ, что давно уже сталъ подозрѣвать, не есть ли политическая экономія простое „собраніе логомахій, имѣющихъ лишь малое отношеніе къ фактамъ общественной жизни“ (стр. VI). Занявшись изученіемъ оставшихся прежде совершенно неизвѣстными фактовъ изъ соціальной жизни отдаленныхъ временъ, онъ „началъ открывать, что многое, кажущееся для популярныхъ экономистовъ естественнымъ, само по себѣ въ высшей степени искусственно, что то, чему они даютъ названіе законовъ, слишкомъ часто только поспѣшныя, необдуманныя и неточныя обобщенія, и что многое изъ того, въ чемъ они видятъ нѣчто завѣдомо безспорное, оказывается завѣдомо ложнымъ“ (стр. VI). Отсюда онъ заключилъ, что политическая экономія находится на дурной дорогѣ, а это сказывается, наприм., и при разрѣшеніи рабочаго вопроса безъ всякаго отношенія къ исторіи, его создавшей (стр. VII). Съ этой точки зрѣнія онъ и критикуетъ англійскую абстрактную (*metaphysical*) политическую экономію (стр. VIII и слѣд.), противопоставляя ей свое историческое изслѣдованіе и свою парламентскую опытность, прибавляя, что политическая экономія должна объяснить всю соціальную жизнь (*Political economy, rightly taken, is the interpretation of all social conditions, XII*). Въ этихъ заявленіяхъ слышатся, съ одной стороны, тѣ мотивы, которые заставляли вообще всю „историческую школу“ экономистовъ нападать на „классическое“ направленіе науки о народномъ хозяйствѣ, съ другой—свойственная многимъ специалистамъ привычка смотрѣть на *все* общество лишь подъ извѣстнымъ, обусловленнымъ тою или другою спеціальностью, угломъ зрѣнія.

Для насъ важнѣе нападки Роджерса на историковъ за малое вниманіе, какое они, по его словамъ, обращаютъ на экономическіе факты. Съ нападенія такого рода начинается первая его лекція. „Во всѣхъ почти исторіяхъ и во всѣхъ почти сочиненіяхъ по политической экономіи находятся обыкновенно въ пренебреженіи собраніе и изъясненіе экономическихъ фактовъ, подъ чѣмъ я разумѣю такія извѣстія, которыя рисуютъ общественную жизнь и распредѣленіе богатства въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Но пренебреженіе это дѣлаетъ исторію неточною или, по крайней мѣрѣ, несовершенною, а изъ политической экономіи—одно только умственное усиліе, можетъ быть, даже вредную иллюзію (стр. 1). Каждый историкъ, продолжаетъ онъ, — каждый историкъ скажетъ вамъ, что не дѣло исторіи сохранить то, что не изображаетъ сразу прогрессъ расы или постороннее вліяніе. Совершенно также ошибается въ своихъ выводахъ и политико-экономъ, который, оцѣнивая современное состояніе промышленныхъ силъ

и агенто́въ, не принимаетъ въ расчетъ обстоятельства, создавшія или измѣнившія эти силы, конечно, если только не будетъ чуда. Исторія, не пытавшаяся различать относительную важность факто́въ и не изслѣдующая, какимъ образомъ можно вводить въ объясненіе рядъ современныхъ факто́въ, есть просто беспорядочный и несовершенный словарь. Политическая экономія, разъ она пренебрегаетъ поправкою очевидности, есть грубая метафизика, дающая весьма искусственное и фальшивое представленіе о дѣйствительной жизни“. Роджерсъ оговаривается, однако, что даже „самыя сухія лѣтописи признають нѣкоторые изъ этихъ факто́въ, даже когда имъ не удастся ихъ объяснить. „Каждый историкъ, напримѣръ, говоритъ онъ, отмѣчаетъ морювую язву XIV в. Онъ наблюдаетъ, что англійскіе короли въ своихъ попыткахъ относительно Франціи неизмѣнно старались привлечь Нидерланды на свою сторону. Онъ сообщаетъ тотъ фактъ, что въ послѣдней четверти XIV вѣка было большое возмущеніе въ Англіи, ожесточенное междоусобіе въ XV, серьезное ослабленіе англійской славы въ XVI. Но эти историки, прибавляетъ онъ, никогда не дѣлали попытки открыть, не содѣйствовали ли могущественнымъ образомъ какіе-либо экономическіе факты этимъ событіямъ“. Для примѣра онъ ссылается на XVII вѣкъ, который „былъ совершенно поглощенъ великою борьбой этого времени“. Замѣчая, что „просто остались неотмѣченными всѣ факты экономического характера, которые остановили бы на себѣ вниманіе во всякой другой странѣ, по его словамъ, политическая исторія этого столѣтія писалась постоянно и многократно, но въ совершенномъ пренебреженіи была его соціальная или экономическая исторія“, хотя весьма часто причина важнаго политическаго событія и крупнаго соціальнаго движенія бывала чисто экономической, если даже и оставалась неоткрытою (стр. 2). Указавъ на сторону дѣла, которою дѣйствительно долгое время пренебрегали историки, Роджерсъ распространяется о важности документовъ, коими онъ, главнымъ образомъ, пользовался для своихъ научныхъ изслѣдованій, отдавая имъ предпочтеніе передъ другими. „Въ послѣдней четверти XI в., говоритъ онъ, между прочимъ, былъ составленъ въ высшей степени замѣчательный документъ, обзоръ почти всей Англіи. По всей справедливости онъ считается однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ антикварныхъ и историческихъ сокровищъ, какими обладаетъ нація. Долгое время онъ не былъ напечатанъ. Его часто разсматривали съ антикварскими цѣлями, но онъ никогда не былъ разобранъ. Мой другъ, профессоръ Фриманъ, обнаружилъ весьма богатую исторію норманскаго завоеванія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ собралъ всѣ данныя исторіи въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какія только можно было получить изъ какихъ угодно націо-

нальных и иноземных источниковъ, но онъ мало пользовался Думдэйбукомъ, который по приведеніи въ порядокъ остова фактовъ, содержитъ гораздо больше подлиннаго живого матеріала, нежели всѣ другіе его авторитеты“ (стр. 3). Нѣсколько ниже онъ ссылается еще на то, что „Галламъ какъ-то выражалъ сожалѣніе, что мы не могли бы теперь воскресить жизнь отдѣльной средневѣковой деревни, но, прибавляетъ онъ, средства это сдѣлать существуютъ въ большомъ количествѣ, и изучающій эти документы долженъ обладать въ самомъ дѣлѣ слабымъ воображеніемъ, если онъ не можетъ представить себѣ жизнь англичанина времени Плантагенетовъ съ колыбели до могилы, возсоздать всѣхъ людей, съ которыми онъ соприкасался, и опредѣлить удѣльный вѣсъ всѣхъ элементовъ маленькаго общества, въ коемъ онъ жилъ. Равнымъ образомъ, говоритъ онъ еще, чрезвычайно много существуетъ матеріала по исторіи управленія и финансовъ, и историки пользовались этимъ матеріаломъ далеко не такъ, какъ онъ того заслуживалъ бы“, и т. д. Впрочемъ, Роджерсъ „не отрицаетъ и даже охотно признаетъ, что основательное изученіе исторіи сдѣлало значительные успѣхи. Это, соглашается онъ, болѣе не простой рассказъ о войнѣ и мирѣ, о королевскихъ генеалогіяхъ, о тѣхъ событіяхъ, по поводу коихъ сложилось изреченіе, что счастливы народы, не знающіе исторіи. Исторія начала заниматься изученіемъ конституціонной старины, хотя даже здѣсь обнаруживается сильная тенденція усматривать позднѣйшее развитіе въ раннихъ зачаткахъ и придавать много значенія сомнительнымъ мнѣніямъ. Исторія, далѣе, начала признавать прогрессъ законодѣнія, хотя она рѣдко признавала экономическія условія, коимъ юриспруденція обязана своимъ развитіемъ. Она слегка, совсѣмъ слегка коснулась социальной исторіи, положенія народа, измѣнчивыхъ судебъ землевладѣнія и труда и обстоятельствъ, при которыхъ привились и развились среди насъ разные виды промышленности“ (стр. 4). Но онъ находитъ и поводы укорять историковъ. „XVII столѣтіе, говоритъ онъ, есть вѣкъ умственныхъ и политическихъ великановъ, вѣкъ длинной и непрерывной борьбы, и онъ будетъ всегда изучаться. Но то, что о немъ доселѣ писали, было не чѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ драмы, оцѣнкою характеровъ тѣхъ дѣятелей, которые принимали участіе въ этой колоссальной схваткѣ“, тогда какъ для Роджерса „это столѣтіе представляется въ иномъ и весьма отличномъ видѣ—какъ исторія народа, судьбы котораго до сихъ поръ всегда обходились молчаніемъ“. Опять историкъ-экономистъ указываетъ не только на пробѣлы въ прежнихъ освѣщеніяхъ фактовъ, но идетъ и далѣе, утверждая, что экономическіе факты и важнѣе всѣхъ другихъ. „Въ одномъ отношеніи, продолжаетъ онъ, въ самомъ дѣлѣ исторія сдѣлала большой шагъ впередъ, и я приписываю это философіи, которая ищетъ

объясненія характеровъ и мотивовъ государственныхъ людей и государей, когда сами они были государственными людьми. Едва ли нужно говорить, что нѣкоторые писатели, смотря по силѣ ихъ дарованій, бываютъ постоянно подвержены обвиненію въ пристрастіи или парадоксальности. Историкъ можетъ быть вполне добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что онъ даетъ вѣрное изображеніе людей и ихъ времени, и что онъ можетъ быть столь же достовѣрнымъ, какъ онъ самъ о себѣ думаетъ. Но чѣмъ сильнѣе и богаче его воображеніе, тѣмъ болѣе подлежитъ онъ опасности сгущенія красокъ на картинѣ, можетъ быть, съ рискомъ для ея живости"... „Трудно, говоритъ онъ нѣсколько ниже,—трудно въ философіи исторіи избѣжать пристрастія; невозможно, думаю я, миновать обвиненія въ немъ. Вулканъ можетъ быть потухшимъ, кора лавы можетъ выдерживать на себѣ путника, но глубоко въ расщелинахъ холодящей массы еще сохраняется пылающій жаръ. Критика великихъ людей прошедшаго непременно должна быть объяснена, какъ проведеніе аналогіи съ настоящимъ (стр. 5). Споръ о добродѣтеляхъ и порокахъ Маріи Стюартъ до сихъ поръ еще не прекратился. Репутація Пенна все еще съ жаромъ защищается. Существуютъ чистосердечные апологеты Вентворта, Лоуда, Шафтсбери. Нѣкоторые изъ васъ знаютъ, что недавно Гардинеръ проявилъ немалое искусство, выставивъ первыхъ двухъ въ новомъ свѣтѣ и придавая новый видъ великой парламентской борьбѣ... Я могъ бы, замѣчаетъ онъ, умножить эти примѣры. Прибавлю только, что разъ великіе историки философской школы съ трудомъ могутъ избѣжать обвиненія въ пристрастіи, то посредственные дѣятели въ той же области почти неизмѣнно впадаютъ въ очевидные парадоксы и грубыя преувеличенія. Это дальнѣйшая ступень, на которой дѣлается попытка написать портретъ, и неуспѣхъ бываетъ полный". Вотъ отъ этого-то метода, который обозначенъ, какъ „философскій“, Роджерсъ и отличаетъ методъ экономическій въ выгодную для него сторону.

„Кто, по его словамъ, занимаясь исторіей, ставитъ себѣ менѣе притязательную, но болѣе трудную задачу экономическаго изъясненія, тотъ становится на болѣе надежную и менѣе требовательную почву. Если я въ состояніи указать вамъ, что цѣна пшеницы часто поднималась въ первой половинѣ XVII столѣтія до 55 ш. и болѣе за кварталъ и что плата крестьянину насильственно понижалась средствами, какія только могла придумать администрація, до 6 пенсовъ и менѣе, миѣ нѣтъ никакого дѣла до критики тѣхъ, которые стали бы отрицать, что это было притѣсненіе. Если я могу показать вамъ, что пахотная земля поколѣніе тому назадъ сдавалась въ десять разъ дороже, нежели въ той же первой половинѣ XVII столѣтія, меня не устраситъ цѣлый легіонъ Рикардо высказать весьма серьез-

ныя сомнѣнія касательно того, далъ ли этотъ выдающійся человѣкъ исчерпывающую предметъ теорію земельной ренты“ (стр. 6). Сопоставивъ вполне несоизмѣримыя вещи и сдѣлавши еще разъ нападеніе на абстрактную политическую экономію, Роджерсъ показываетъ на примѣрахъ, „какимъ образомъ экономическіе факты могутъ служить объясненію исторіи“, и эти примѣры заступаютъ у него мѣсто общихъ теоретическихъ соображеній“. Я уже упомянулъ, говоритъ онъ, что Плантагенеты всегда пользовались Фландріей, какъ опорнымъ пунктомъ при нападеніяхъ своихъ на Францію, и что наши Эдуардъ III и Генрихъ V заботливо относились къ дружбѣ фламандцевъ и ихъ правителей. Средства, которыми они пользовались для достиженія своихъ дипломатическихъ цѣлей, заключались въ свободномъ или стѣсненномъ вывозѣ англійской шерсти. Съ XIII по XVI вѣкъ „шерсть была королемъ“. Четверть столѣтія тому назадъ мятежные штаты американскаго союза признавали, что „хлопчатая бумага была королемъ“, и что ограниченіе количества этого необходимаго для британской промышленности матеріала несомнѣнно произведетъ дипломатическій переворотъ въ Англіи, вынудитъ признаніе независимости южныхъ штатовъ и заставитъ жителей Соединеннаго Королевства отказаться отъ своей ненависти къ рабству. Прекращеніе снабженія бумагой повлекло за собою большое бѣдствіе, но по причинамъ, которыя будутъ мною объяснены послѣ, сторонники Юга ошиблись въ своемъ расчетѣ (стр. 8).—Англія была единственной страной въ Европѣ, производившей шерсть. Въ извѣстномъ смыслѣ это замѣчательное промышленное явленіе обязано было своимъ происхожденіемъ ея климату и почвѣ, хотя нѣкоторыя части Англіи въ теченіе столѣтій были и остаются до сихъ поръ болѣе пригодными для этого производства, нежели другія. Въ петиціи, представленной въ парламентъ въ 1454 г., предлагалось, чтобы извѣстные сорта шерсти, числомъ сорокъ четыре, не допускаемы были къ вывозу, кромѣ какъ по цѣнамъ, обозначеннымъ въ росписи. Эти цѣны идутъ отъ 260 ш., за мѣшокъ,—цѣна извѣстнаго сорта герефордской шерсти,—до 52 ш., что платилось за суффольбскую. Болѣе, нежели за столѣтіе передъ тѣмъ, позволеніе вывозить шерсть давалось для извѣстныхъ количествъ и по извѣстнымъ цѣнамъ, причемъ цѣны не были такъ высоки, какъ въ росписи 1454 года. Возможно, что предметомъ петиціи было поощреніе англійской торговли сукномъ, и въ равной степени вѣроятно, что цѣлью этого было принудить фламандцевъ къ активному содѣйствію въ тѣхъ замыслахъ относительно Франціи, которые за годъ передъ тѣмъ оказались столь бѣдственно-тщетными, когда Шрюсбери потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ при Пятильонѣ.—Дѣйствительная монополія, какою Англія пользовалась въ поставкѣ шерсти, происходила менѣе

отъ климата и почвы, нежели отъ сохраненія порядка въ королевствѣ. Въ теченіе долгаго времени каждый въ Англіи, начиная съ короля и кончая крѣпостнымъ крестьяниномъ, былъ сельскимъ хозяиномъ. Послѣ того, какъ землевладѣльцы вынуждены были оставить земледѣлство, они все еще оставались овцеводами, производили шерсть и торговали ею. Когда, благодаря распространенію или распредѣленію собственности, каждый заинтересованъ въ охраненіи ея правъ, не бываетъ большого искушенія воровать или совершать насилія, и всѣ склонны отерывать и наказывать такіа дѣянія. Поэтому англичане могли разводить овецъ, наиболѣе беззащитный скотъ. Всякій, кто знаетъ что-нибудь о состояніи западной Европы отъ XIII до XVII столѣтія, долженъ знать, что земледѣлцы не держали овецъ, ибо буди у нихъ овцы, они ихъ лишились бы вслѣдствіе грабежей дворянства и его слугъ. Королевскій миръ былъ охраною для овцеводовъ. Итакъ Англія пользовалась монополіею въ торговлѣ шерстью. Эта монополія была до такой степени совершенна, а спросъ на этотъ продуктъ такъ силенъ, что англійскіе парламенты были въ состояніи наложить вывозную пошлину на шерсть, выше рыночной стоимости продукта, не уменьшая его цѣны (стр. 9). Другими словами, вывозная пошлина уплачивалась иностраннымъ потребителемъ—финансовый успѣхъ, къ которому стремилось всякое правительство и котораго ни одно не достигало за исключеніемъ англійскаго*. Причиною такого явленія Роджерсъ считаетъ весьма рѣдкое, но въ данномъ случаѣ дѣйствительно бывшее соединеніе нѣкоторыхъ условій, наблюдаемое по отношенію къ англійской шерсти въ теченіе всего періода, когда такъ могущественна была дипломатическая сила Англіи. „Во все время своихъ экономическихъ занятій, прибавляетъ онъ, я не встрѣчалъ того же самаго ни для одного какого-либо товара, и я думаю, что зрѣлище этого отношенія Англіи къ Фландріи и ея правителямъ гораздо поучительнѣе, нежели родословная герцоговъ Бургундскихъ или безплодный рассказъ о военныхъ операціяхъ на французской границѣ Нидерландовъ. Сама лучшая шерсть стоила въ Англіи въ XV столѣтіи 20 ш. за тодь, т.-е. около 4 четвертовъ пшеницы. Тремя вѣками позднѣе, когда другія цѣны возрасли отъ девяти до двѣнадцати разъ, англійская шерсть прекраснаго качества продавалась менѣе, чѣмъ за половину того, во что она цѣнилась въ періодѣ, о которомъ я говорилъ ради примѣра“. Таковъ одинъ примѣръ, приведенный въ видѣ доказательства того, сколько выигрываетъ исторія отъ изученія экономическихъ фактовъ; за нимъ слѣдуетъ другой. „Въ XII и XIII столѣтіяхъ было много и притомъ весьма хорошихъ путей отъ рынковъ Индостана на Западъ ради провоза того восточнаго продукта, который былъ въ большомъ ходу,

какъ приправа къ грубой и часто нездоровой пищѣ нашихъ предковъ. Главными портами, куда привозился этотъ продуктъ, были Селевкия въ Левантѣ, Тривизондъ на Черномъ морѣ, и Александрія, а отсюда онъ поступалъ преимущественно въ руки венеціанскихъ и генуезскихъ купцовъ и увозился чрезъ альпійскіе проходы къ верхнему Дунаю и на Рейнъ. Здѣсь онъ былъ источникомъ благосостоянія для городовъ, расположенныхъ по этому водному пути. Торговый потокъ не былъ ни глубокъ, ни широкъ, но за то онъ приносилъ оплодотвореніе, и всякій знакомый съ исторіей знаетъ, какую важную роль играли эти города въ позднее время средневѣковья (стр. 10). Съ теченіемъ времени всѣ эти пути, кромѣ одного, были отрѣзаны варварами, которые опустошали и все еще опустошаютъ Среднюю Азію, такъ какъ самые изъ нихъ вредные и дикіе заняли то, что нѣкогда составляло наиболѣе цвѣтушія страны въ мірѣ, Грецію и Малую Азію, и погрузили ихъ въ безнадежное варварство. Отсюда у наиболѣе предприимчивыхъ западныхъ народовъ явилась мысль по возможности обойти съ тыла этихъ грабителей, открывъ длинный морской путь въ Индію. Вся торговля съ Востокомъ зависѣла отъ того, чтобы оставалась открытою египетская дорога, а этой дорогѣ стала также угрожать опасность. Начало открытіямъ положилъ португальскій государь. Экспедиція Колумба была попыткой найти путь въ Индію черезъ Атлантическій океанъ. По любопытному совпаденію Мысъ Доброй Надежды былъ обойденъ и Новый Свѣтъ былъ открытъ почти одновременно. Эти открытія были сдѣланы какъ разъ во время. Селимъ I, турецкій султанъ, въ свое короткое царствованіе (1512—1520), покорилъ Месопотамію и священные города Аравіи и присоединилъ Египетъ. Вслѣдствіе этихъ завоеваній былъ теперь запертъ единственный путь, еще остававшійся свободнымъ, какой только былъ извѣстенъ старому міру. Цвѣтушія мануфактуры Александріи были сразу уничтожены. Египетъ пересталъ быть большою дорогою изъ Индостана. Селимъ обладалъ всею энергіею расы, къ которой принадлежалъ, и всѣми ея пороками. Я увидѣлъ, что должна была дѣйствовать какая-то причина, коей до сихъ поръ не подозрѣвали, для внезапнаго и страшнаго вздорожанія всѣхъ восточныхъ товаровъ въ концѣ первой четверти XVI столѣтія, и нашелъ, что это должно было произойти отъ завоеванія Египта. Руслó торговли быстро пересохло. Города, которые, благодаря ей, процвѣтали, постепенно пришли въ упадокъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касалось указаннаго источника ихъ богатства. Нилъ въ торговомъ отношеніи сдѣлался *flumen erotum Medo*, и прекратилась торговля на Дунаѣ и на Рейнѣ. И итальянскіе города быстро склонились къ упадку. Нѣмецкое дворянство, включавшее себя въ число гражданъ

вольныхъ городовъ, обѣднѣло и обратилось къ простому средству для вознагражденія своихъ потерь—къ грабежу своихъ крестьянъ (стр. 11). Отсюда возникла крестьянская война съ ея ужасами и жестокимъ подавленіемъ и развитіе тѣхъ дикихъ сектъ, которыя извратили и остановили нѣмецкую реформацію. Битва при пирамидахъ, въ которой Селимъ приобрѣлъ господство надъ Египтомъ для османскихъ турокъ, внесла разореніе и нищету въ тысячи домовъ, гдѣ никогда и не слыхали объ этомъ событіи. Таковы факты, на которые проливается свѣтъ экономическимъ объясненіемъ исторіи^а (стр. 12). Указавъ на эти два примѣра, приведенные нами почти цѣликомъ, Роджерсъ замѣчаетъ, что у него въ теченіе его чтеній будетъ не мало случаевъ представить и другіе примѣры, имѣющіе такое же значеніе, какъ и тѣ два, что были приведены, высказывая при этомъ убѣжденіе, что „опускать такіе экономическіе факты значить дѣлать занятіе исторіей бесплоднымъ, а ея лѣтописи не соотвѣтствующими дѣйствительности. При всемъ, какое только возможно, стараніи, говорить онъ, разсказъ историка не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ несовершеннымъ и неточнымъ очеркомъ. Наша хронологія будетъ въ порядкѣ, послѣдовательность фактовъ точна, подробности походовъ вѣрны, измѣненія въ границахъ правильны, и тѣмъ не менѣе мы будемъ далеки отъ пониманія мотивовъ какого-нибудь общественнаго дѣянія и оставаться въ полномъ невѣдѣніи относительно настоящихъ причинъ событій. Столь же мало поможетъ намъ разборъ намѣреній и поведенія общественныхъ дѣятелей. Въ исторіи великой драмы религіозныхъ войнъ мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе разумную оцѣнку Филиппа II и Вильгельма Оранскаго, Генриха Наваррскаго и Елизаветы Англійской, Морица, Барневельдта, Рিশелье, Бекингама, англійскихъ пуританъ, Лоуда и Страффорда, Эліота, Пима, Гемпдена, Кромвеля, Фердинанда Штирійскаго, Максимилиана Баварскаго, Густава Адольфа и Валленштейна, но при всѣхъ стараніяхъ нашихъ намъ никогда не удастся устранить пересмотръ нашихъ приговоровъ. За то когда мы бываемъ руководимы экономическими фактами съ крупнымъ и далеко простирающимся значеніемъ, мы можемъ приходить къ заключеніямъ, коихъ уже нельзя измѣнять, такъ какъ ихъ нельзя оспаривать“ (стр. 12). Въ этомъ и заключается истинная причина того предпочтенія, которое Роджерсъ отдаетъ экономическимъ фактамъ передъ всѣми другими фактами въ исторіи, причемъ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ, онъ слишкомъ суживаетъ область этихъ фактовъ, разумѣя подъ ними только одни событія. Я привелъ содержаніе цѣлой половины первой лекціи Роджерса (12 страницъ изъ 22): остальное имѣетъ такой же характеръ частныхъ иллюстрацій той общей мысли, что многое въ

исторіи требуетъ экономическаго объясненія, ни въ какомъ случаѣ, однако, не доказывающихъ того, чтобы вся исторія объяснялась одной экономіей. И во всей своей книгѣ, какъ и въ другихъ трудахъ своихъ, Роджерсъ далъ намъ не мало такихъ иллюстрацій: двадцать двѣ ея главы представляютъ какъ бы двадцать два маленькихъ изслѣдованія изъ экономической исторіи Англіи въ разные эпохи. Впрочемъ, этотъ характеръ работы Роджерса уже былъ мною мимоходомъ отмѣченъ въ статьѣ „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“.

Одинъ, я думаю, можетъ быть выводъ изъ настоящихъ замѣтокъ: экономическое направленіе въ исторіи, какъ направленіе, кладущее въ основу исторической жизни явленія народнаго хозяйства, пока не имѣетъ прочныхъ основъ, и хотя въ извѣстномъ смыслѣ встрѣтились другъ съ другомъ „экономическій матеріализмъ“, исходящій изъ отвлеченной идеи, и „историческій экономизмъ“, строящій свое зданіе на фактической почвѣ, ни тотъ, ни другой не имѣютъ прочной теоретической основы: первый при малѣйшей критикѣ даже воплнѣ къ нему благосклонныхъ писателей оказывается одностороннимъ, второй какъ будто самъ не рѣшается формулировать свою основную мысль.

Замѣчу въ заключеніе, что я оцѣниваю оба явленія, т.-е. и исторіологическое ученіе, и исторіографическое направленіе исключительно съ теоретической точки зрѣнія, признавая за обоими все то значеніе, какое имъ можетъ и должно принадлежать и въ области политической экономіи, и въ области исторической науки внѣ ихъ отношенія къ абстрактной теоріи историческаго процесса, главнымъ образомъ и заставляющей меня касаться этого вопроса въ отдѣльныхъ замѣткахъ, посвященныхъ экономическимъ факторамъ исторіи.

Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ.

Н. Н. Дебольскаго.

I.

Вопросъ о междукняжескихъ отношеніяхъ—вопросъ до сихъ поръ открытый, хотя почти всѣ историки Россіи и русскаго права пытались рѣшить его въ томъ или иномъ духѣ. Предлагаемая статья есть слабый опытъ анализа также междукняжескихъ отношеній по ихъ договорамъ, т.-е. со времени великаго князя Симеона Гордаго.

Существующія въ русской наукѣ воззрѣнія на княжескія отношенія сводятся къ слѣдующимъ группамъ:

Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ считаетъ уже первыхъ русскихъ князей монархами ¹⁾, хотя, впрочемъ, признаетъ, что наряду съ этимъ въ Россіи господствовали въ слабой степени и принципы феодальнаго строя ²⁾. Такое воззрѣніе вообще было свойственно тому времени ³⁾ и было плодомъ отсутствія строгой исторической критики.

Дерптскій профессоръ Эверсъ создалъ въ приложеніи къ нашему быту ⁴⁾ теорію родового престолонаслѣдія. По его мнѣнію ⁵⁾, „власть принадлежала владѣтельному дому и, подобно всякому другому имуществу, была семейнымъ достояніемъ“ и далѣе ⁶⁾: „впрочемъ, верховная власть надъ цѣлымъ государствомъ необходимо принадле-

¹⁾ И. Г. Р. т. I, изд. 1818 г., стр. 116: Старшій братъ... основалъ монархію руссійскую... стр. 234: „Слова новгородцевъ... были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, т.-е. монархическаго“.

²⁾ Ibid., стр. 116.

³⁾ Ср. Л. Максимовичъ, „Указатель руссійскихъ законовъ“, М. 1803, ч. I.

⁴⁾ „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“ пер. И. Платонова, Спб. 1835, и „Studien zur Kenntniss der Vorzeit Russlands“, Dorp. 1830.

⁵⁾ „Древн. русск. право“, стр. 26.

⁶⁾ Ibid., стр. 108.

жала... старшему сыну, потому что онъ былъ наслѣдникомъ отца" и затѣмъ 7): „Der Grossfürst übte... eine fast unumschränkte Gewalt über seine Brüder, wenn diese keine hinreichende Macht zum Widerstande hatten". Эверсъ по поводу Карамзина замѣчаетъ 8): „in Russland beginnen die Anordnungen der Monarchen zu Gunsten der Volksaufklärung schon mit Wladimir dem Crossen", и дѣлаетъ такой приговоръ 9): „Das Letztere ist des Historiographen Zusatz. Die Chronik sagt nichts davon". Къ Эверсу примыкаетъ и С. М. Соловьевъ. Онъ говоритъ 10): „всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность". Но тогда какъ Эверсъ занимается вопросомъ о князьяхъ до монгольскаго нашествія, Соловьевъ высказываетъ свой взглядъ и на княжескія отношенія болѣе поздняго времени, что для насъ, какъ относящееся къ нашей темѣ, болѣе важно. Соловьевъ указываетъ 11), что скоро по смерти Ярослава, именно во второмъ періодѣ 12), родовыя отношенія сдѣлаются отношеніями болѣе государственными. Родъ распадается на семьи; главы семей носятъ названіе великаго князя, остальные члены—удѣльных князей. Семьи ведутъ между собою борьбу, которая оканчивается побѣдою Москвы и единодержавіемъ.

Теорія родового быта нашла себѣ сильнаго противника въ В. И. Сергѣевичѣ. Этотъ ученый замѣчаетъ 13): „Между князьями не было подчиненія по какому-нибудь общему правилу; не было великаго князя, который пользовался бы лучшими правами сравнительно съ младшими князьями. Въ отношеніяхъ князей мы замѣчаемъ то же начало, какое мы видѣли въ отношеніяхъ князей къ народу, а именно—начало соглашенія". Затѣмъ авторъ опровергаетъ 14) доказательства С. М. Соловьева объ извѣстной власти великаго князя и соответствующихъ обязанностяхъ младшихъ князей. В. И. Сергѣевичъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, указываетъ на то, что С. М. Соловьевъ невѣрно понималъ приводимыя имъ въ свою защиту мѣста лѣтописи. Но В. И. Сергѣевичъ свою теорію „домогательства" прилагаетъ и къ болѣе позднему времени 15). Это, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливо, что мы и попытаемся доказать ниже.

7) „Stud. z. Kentn. d. Vorzeit Russlands", „Entwicklung des Russischen Rechts nach der ersten bis zu zweiten „Prawda", S. 4.

8) Stud. z. Kentn. d. Vorz. Russl.", „Nestor und Karamsin", S. 89.

9) Ibid., S. 252.

10) „Исторія отношеній князей Рюрикова дома", М., 1847, вступл., стр. 1.

11) Ibid., стр. IV—IX.

12) Отъ Андрея Боголюбскаго до Іоанна Калиты.

13) „Лекціи по исторіи русскаго права". Спб. 1889—1890, стр. 185.

14) Ibid., стр. 238—244.

15) Напримѣръ, тамъ же стр. 214, 215.

В. Н. Чичеринъ далъ ¹⁶⁾ теорію вотчиннаго обладанія князьями ихъ владѣніями. Особенно эту систему замѣчаемъ мы, по его словамъ, въ періодъ послѣмонгольскій, хотя, впрочемъ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе ¹⁷⁾, что и при Ярославѣ Владиміровичѣ было то же самое. Чичеринъ говоритъ ¹⁸⁾: „Государственныхъ стремленій мы вовсе не видимъ; источники указываютъ намъ только на хозяйственные распоряженія“, и затѣмъ ¹⁹⁾: „тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало, какъ собственность“. Наконецъ, Чичеринъ, кромѣ защиты своей теоріи, опровергаетъ теорію родовую въ лицѣ С. М. Соловьева ²⁰⁾. Наши возраженія на теорію В. Н. Чичерина читатель найдетъ ниже.

Н. И. Костомаровъ проводилъ теорію федеративнаго строя древней Руси ²¹⁾. Онъ говоритъ ²²⁾: „Русская земля составляетъ федерацію земель. Еще въ IX вѣкѣ, какъ показываетъ намъ лѣтопись, необходимость отбоя норманновъ вынудила нѣсколькихъ изъ народцевъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, соединиться“, и затѣмъ ²³⁾: „призванный родъ служилъ звеномъ соединенія земель. У народовъ не было ни малѣйшаго понятія о централизованномъ государствѣ. Они понимали только союзъ земель“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Костомарова ²⁴⁾, „въ древнія времена славянорусскій народъ разбивался на народцы“, которые и составляли федерацію. Подъ вліяніемъ монгольскаго ига у насъ образовывается строй феодальный ²⁵⁾. Созданою были ханъ, его вассалами великіе князья, а ихъ вассалами—князья удѣльные. Этотъ строй держался, пока была сильна Орда. Но „какъ только ханы перестали поддерживать созданный ими строй.., мелкіе князья очутились безъ внѣшней опоры противъ крупныхъ и сильныхъ“ ²⁶⁾. Все окончилось уничтоженіемъ удѣловъ и торжествомъ Москвы надъ другими великими княженіями. Эта теорія представляется намъ рядомъ недоразумѣній. Дѣйствительно, Н. И. Костомаровъ самъ ог-

¹⁶⁾ „Духовныя и догов. грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“ (*Русскій Вѣстн.* 1857, т. 7 и 8).

¹⁷⁾ Ibid., т. 8, стр. 6.

¹⁸⁾ Ibid., т. 7, стр. 657.

¹⁹⁾ Ibid., т. 7, стр. 685.

²⁰⁾ Ibid., т. 8, стр. 10 и слѣд.

²¹⁾ „Мысли о федерат. началѣ др. Руси“.

²²⁾ „О значеніи критич. трудовъ Конст. Аксакова по русской исторіи“. Спб. 1861, стр. 15.

²³⁾ Ibid., стр. 15.

²⁴⁾ „Начало единодержавія въ древней Руси“ (*В. Евр.* 1870, № XI, стр. 7).

²⁵⁾ Ibid., № XII стр. 497 и слѣд.

²⁶⁾ Ibid., т. XII, стр. 517 и слѣд.

раничиваетъ то понятіе феодализма, которое онъ вводитъ въ нашу исторію. Онъ говоритъ 27): „мы принимаемъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣемъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ“. Не знаемъ, въ правѣ ли историкъ давать этому строю имя феодальнаго. Гизо говоритъ 28): „Le caractère propre, général, de la féodalité... c'est le démembrement du peuple et du pouvoir en une multitude de petits peuples et de petits souverains; l'absence de toute nation générale, de tout gouvernement central“ и затѣмъ, указавъ, что *feodum* то же, что *beneficium* 29), говоритъ 30): „*beneficium* désigna... une terre reçue d'un supérieur, à titre de récompense, de bienfait, et qui obligeait envers lui à certaines charges, à certains services... Les chefs germains... faisaient des présents d'armes... (à leurs compagnons) Les dons de terres... vinrent s'ajouter à ces presents mobiliers“. Ничего этого въ Россіи мы не находимъ.

Въ послѣднее время М. Ф. Владимірскій-Будановъ возобновилъ теорію федераціи, хотя съ существеннымъ измѣненіемъ 31). Онъ разбираетъ поречисленные нами теоріи, опровергаетъ ихъ 32), и затѣмъ говоритъ 33), что „основаніемъ древнерусскаго государства служатъ... отношенія... территоріальныя“. Онъ указываетъ, что федерація была не народовъ, такъ какъ народъ былъ одинъ 34), а князей 35). О преобладаніи одного князя надъ другими не было и рѣчи 36). Дѣла рѣшались съѣздами 37). Такъ было и послѣ монгольскаго завоеванія 38), хотя съ тѣмъ измѣненіемъ, что федерація была великихъ князей, а удѣльные были въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ 39). Эта теорія, справедливая въ томъ, что удѣльные князья въ послѣ-монгольскій періодъ подчинялись великимъ—не справедлива, признавая за отношеніями великихъ князей характеръ федераціи. Мы поста-

27) Ibid, т. XII, стр. 511.

28) „Histoire de la civilisation en France“. Paris. 1862. vol. III. p. 209.

29) Ibid., p. 233.

30) Ibid., p. 234.

31) „Обзоръ исторіи русскаго права“, изд. 2-ое, Кіевъ 1888 г., ч. 1.

32) Ibid., стр. 11—13.

33) Ibid., стр. 13.

34) Ibid., стр. 25—26.

35) Ibid., стр. 68.

36) Ibid., стр. 66—67.

37) Ibid., стр. 69.

38) Ibid., стр. 104—105.

39) Ibid., стр. 106.

раемся ниже доказать, что эти отношенія имѣли характеръ международный.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести основныя положенія нашей работы. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Князья удѣльные ⁴⁰⁾ были въ нѣкоторой зависимости отъ великихъ, сперва какъ младшіе члены семьи, потомъ какъ вассалы. 2) Великіе князья были самостоятельными (въ внѣшнихъ отношеніяхъ) владѣтелями. Ихъ договоры—договоры международныя.

II.

Междукняжескіе договоры дошли до насъ со времени Симеона Гордаго. Всѣ они были заключены или между двумя великими князьями ⁴¹⁾, или между великимъ княземъ и удѣльнымъ ⁴²⁾, или между двумя удѣльными ⁴³⁾. Содержаніе княжескихъ договоровъ этого времени весьма широко и касается различныхъ предметовъ. Цѣлью нашего изслѣдованія будетъ только разборъ условій, выражающихъ взаимныя политическія отношенія князей, ихъ заключившихъ. Содержаніе договоровъ, въ объемѣ, только что указанномъ, очень однообразно; но все-таки можно усмотрѣть, что нѣкоторыя условія встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ договорахъ, а нѣкоторыя только въ отдѣльных ихъ группахъ. Разсматривая эти группы, мы видимъ, что онѣ совпадаютъ съ указанными выше видами субъектовъ договоровъ. Поэтому, разбирая содержаніе междукняжескихъ договоровъ, раздѣлимъ ихъ условія на: 1) встрѣчающіяся вообще въ княжескихъ договорахъ; 2) встрѣчающіяся въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными; 3) въ договорахъ великихъ князей съ великими, и 4) въ договорахъ удѣльных князей съ удѣльными. Мы принимаемъ такое дѣленіе, какъ

⁴⁰⁾ Читатель помнитъ, что мы говоримъ лишь о времени съ Симеона Гордаго.

⁴¹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 32, 36, 48, 65, 76—77, 88—89, 115—116, 119—120.—А. А. Э., т. I, №№ 14, 25, 33.—А. о. къ и. З. Р. №№ 33, 50, 51, 79.

⁴²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 27, 29, 33, 35, 37, 38, 43—44, 45, 46, 47, 49—50, 52—53, 54—55, 56—57, 58—59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 70, 71—72, 73—74, 75, 78—79, 80—81, 84—85, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97—98, 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 110—111, 113, 114, 118, 123—124, 125—126, 127, 128, 133—134, 160—161.—А. А. Э., т. I, №№ 10, 26, 29.—А. о. къ и. З. Р., т. I, №№ 41, 63.

⁴³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 67.—А. А. Э., т. I, № 70.

болѣе соотвѣтствующее нашей цѣли, хотя обыкновенно ⁴⁴⁾ дѣлать по содержанию договоровъ независимо отъ ихъ субъектовъ.

А. Условія княжескихъ договоровъ вообще.

Сюда мы причисляемъ тѣ условія междукняжескихъ договоровъ, которыя зависятъ не отъ того, великіе ли князья ихъ заключили или удѣльные, а только отъ силы этихъ князей, ихъ вліянія на сосѣдей, отъ счастливыхъ обстоятельствъ и т. п. Такой характеръ носить большинство изъ условій, встрѣчающихся въ дошедшихъ до насъ договорахъ.

Обыкновенно, всѣ договорныя грамоты начинаются съ условія: „а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити въ отцово мѣсто“ ⁴⁵⁾, или: „имѣти вамъ мене собѣ отцемъ“ ⁴⁶⁾, или: „имѣти мене собѣ братомъ старѣйшимъ“ ⁴⁷⁾, „имѣти братомъ“ ⁴⁸⁾, „имѣти братаничемъ“ ⁴⁹⁾, и, какъ дополнительное условіе: „сына твоего имѣти братомъ ровнымъ“ ⁵⁰⁾. Этому соотвѣтствовало обратное условіе: „имѣти въ“ ⁵¹⁾, или: „а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти безъ обиды“ ⁵²⁾, или: „имѣти братомъ младшимъ“ ⁵³⁾. Условія эти были не болѣе, какъ формулами вѣжливости, которыя устанавливались между князьями, какъ въ позднѣйшее время въ договорахъ Московскихъ государей съ королями Шведскимъ и Польскимъ о титулѣ ⁵⁴⁾. Условія эти выражали болшую слабость стороны, признавшей себя братомъ младшимъ и т. д., сравнительно съ другою стороною, но совершенно не зависѣли отъ того, великіе ли князья ихъ заключили или удѣльные,—и правъ на преобладаніе не давали и, вообще, не носили ограничительнаго характера; они только констатировали фактъ преобладанія.

⁴⁴⁾ *Уичеринъ* „Опыты по исторіи русскаго права“, изд. 1858 г. *В. И. Сергеевичъ* „Вѣче и князь“, изд. 1867 г. *С. М. Соловьевъ* „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“, изд. 1847 г.

⁴⁵⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 33, 37, 97—98.

⁴⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 47.

⁴⁷⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 29, 31, 32, 36, 46, 64, 71, 73, 75, 84, 95, 99, и др.—А. А. Э., т. I, № 10.

⁴⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 76, 77.—А. А. Э., т. I, № 14.

⁴⁹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.

⁵⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.

⁵¹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23 (пропущено, вѣроятно, „въ сына мѣсто“).

⁵²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 47.

⁵³⁾ См. прим. 47.

⁵⁴⁾ „Собр. узакон. русск. государства“ *Карновича*, т. I, изд. 1875 г., стр. 180, № 19, и стр. 402, № 192.

Выраженіе: „*имѣти во отцево мѣсто*“ встрѣчается въ пяти договорахъ: 1) въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ — Симеона Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ Ивановичемъ 55); 2) въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ 56); 3) въ договорной грамотѣ великаго князя, Василя Дмитріевича, съ братьями Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами 57); 4) въ договорной грамотѣ великаго князя Юрія Дмитріевича съ князьями Иваномъ Можайскимъ и Михаиломъ Верейскимъ 58); 5) въ договорѣ великаго князя Ивана III Васильевича съ княземъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ 59). Мы перечисляемъ эти договоры въ виду небольшого ихъ числа и въ виду тѣхъ замѣчаній, которыя дѣлаетъ С. М. Соловьевъ о значеніи „*быти во отцево мѣсто*“. Для Симеона Ивановича съ братьями это условіе было простою вѣжливостію къ старшему брату. По духовному завѣщанію Ивана Даниловича Калиты 60) они получили почти равные удѣлы: Симеонъ 26 городовъ, Иванъ 23 города, Андрей 21 городъ. Москва была раздѣлена на три части, а Владимірскимъ великимъ княженіемъ Иванъ Калита не считалъ удобнымъ распорядиться и оно вполнѣ зависѣло отъ воли царя-хана (Тинбека, а съ 1342 г. Чанибека), который и отдалъ его Симеону. Договоръ былъ заключенъ, вѣроятно, до поѣздки братьевъ въ орду и сразу послѣ смерти отца и, хотя С. М. Соловьевъ и говоритъ 61), что годъ 1341 на договорѣ выставленъ издателями произвольно, но его словамъ противорѣчить встрѣчающееся въ договорѣ упоминаніе, что онъ заключенъ „у отца гроба“. Такимъ образомъ, матеріальнаго преобладанія Симеона надъ братьями не было. Что же касается до того, что Симеонъ названъ: „*юсподинъ князь великій*“, то это можетъ быть объяснено, какъ согласіе братьевъ на занятіе Симеономъ великокняжескаго стола, согласіе не противодѣйствовать ему въ ордѣ. Эта уступка объясняется характеромъ и возрастомъ братьевъ: Иванъ былъ человѣкъ ничтожный 62), а Андрей слишкомъ молодъ 63).

55) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.

56) Ibid. № 33.

57) Ibid. № 37.

58) Ibid. № 47.

59) Ibid. № 97—98.

60) Ibid. № 22.

61) „Ист. Рос. съ древн. вр.“, т. III, стр. 414, прим. 455 (изд. 1870 г.).

62) П. С. Р. Л. т. X. Никоновск. Подъ лѣтомъ 6848 (т.-е. 1339 г.) читаемъ, что Иванъ былъ „*благотворный и христомлюбивый и тихій и кроткій и милостивый*“.

63) П. С. Р. Л., т. X. Никон. Подъ лѣтомъ 6835 (т.-е. 1326 г.): „*родися сынъ Андрей*“, значить, ему въ годъ смерти отца было 15 лѣтъ.

Это же условіе въ договорѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями въ 1405 году носить, по нашему мнѣнію, совершенно такой же характеръ почтенія и не даетъ никакого права старшему надъ младшими. И Андрей, и Петръ Дмитріевичи были людьми уступчивыми и не энергичными; это видно изъ того, что они согласились не препятствовать сыну Василія Дмитріевича, Василю Васильевичу, занять великокняжескій престолъ по смерти отца, тогда какъ старшій братъ Юрій и самый младшій Константинъ отказались.

Въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. и Юрія Дмитріевича съ Иваномъ и Михайломъ Андреевичами 1433 года мы также не находимъ особенныхъ ограниченій младшихъ князей старшими, хотя здѣсь условіе „*имѣти во отца мѣсто*“ объясняется не уступчивостью. Владиміръ Андреевичъ началъ было приготовленія къ войнѣ противъ Дмитрія Ивановича и только потомъ, убоявшись, рѣшилъ не начинать серьезныхъ военныхъ дѣйствій и заключилъ этотъ договоръ. Этой нравственной побѣдой великаго князя и объясняется приниженный тонъ Владиміра Андреевича. Юрій Дмитріевичъ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, воевалъ противъ великаго князя Василія Васильевича и отнялъ у послѣдняго великокняжескій столъ. Сѣвши въ Москвѣ, онъ заключилъ договоры со своими союзниками, и тонъ этихъ договоровъ соответствуетъ силѣ союзниковъ: съ князьями Суздальскими, почти какъ равный съ равнымъ, князя Боровскаго признаетъ братомъ младшимъ, а Ивана Можайскаго сыномъ. Это объясняется фактическимъ преобладаніемъ Юрія Дмитріевича надъ Можайскими князьями, которые, съ другой стороны, какъ упорные враги Василія Васильевича, не имѣли близкой надежды вступить съ нимъ въ договорныя отношенія. Наконецъ, что касается до договора Ивана Васильевича съ княземъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ, то здѣсь мы находимъ громадное превосходство владѣній великаго князя надъ владѣніями Бориса Васильевича. Василій Васильевичъ Темный, умирая, оставилъ Ивану Васильевичу одну треть Москвы, Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичъ, Устюгъ, Вятку, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великую Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калугу, Алексинъ. Да послѣ смерти брата Юрія Иванъ Васильевичъ захватилъ его удѣлъ: Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунъ. У Бориса же Васильевича были только Ржевъ, Волокъ и Руза ⁶⁴). Этимъ, мы думаемъ, вполне объясняется, что младшій братъ призналъ старшаго отцемъ. Но почему тогда въ другихъ договорахъ

⁶⁴) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, изд. 1863 г., стр. 123.

этихъ же князей мы такого условія не встрѣчаемъ ⁶⁵⁾? Это объясняется просто: во время заключенія другихъ договоровъ Иванъ Васильевичъ былъ стѣсненъ. Въ 1481 г. только-что ушелъ Ахмать, который угрожалъ Московскому княженію; передъ этимъ братья готовы были между собою начинать войну; въ союзъ съ Борисомъ Васильевичемъ былъ и Андрей Большой. Кромѣ того, Новгородъ все еще волновался. Въ 1486 году, послѣ смерти матери, которая одна связывала братьевъ между собою, Иванъ Васильевичъ опасался уособицы съ братьями, которые были въ сношеніяхъ съ Литвою и съ недавно покореннымъ Новгородомъ, и этимъ договоромъ хотѣлъ себя обезопасить отъ нихъ. Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ упоминается о „*быти во отца мѣсто*“, условіе это встрѣчается, какъ формула вѣжливости, ни къ чему не обязывающая сторону, почему-либо болѣе слабую по отношенію къ сторонѣ болѣе сильной и энергичной. С. М. Соловьевъ, по поводу отношеній великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳеодоровича къ великому князю Московскому Юрію Дмитріевичу замѣчаетъ ⁶⁶⁾: „Еслибы Рязанскій князь назвалъ себя сыномъ Московскаго, то этимъ самымъ, по новому порядку вещей, поступилъ бы къ нему въ подручническія отношенія“. Изъ тѣхъ договоровъ, на которые было указано выше, совершенно не видно, чтобы это было такъ. Разбирая отношенія князей, заключившихъ договоры, намъ надо было искать указаній внѣ договоровъ, такъ какъ условія самихъ договоровъ одинаково выгодны для обѣихъ сторонъ, за исключеніемъ условій, которыя опредѣляютъ отношенія удѣльных князей къ великимъ и о которыхъ сказано отдѣльно въ каждомъ договорѣ,—значить, они не подразумеваются въ словахъ: „*быти отцемъ*“.

Условіе „*имѣти въ отца моего мѣсто*“ ⁶⁷⁾ имѣетъ совершенно другое значеніе—это значить, что одна изъ сторонъ обязывается быть съ сыномъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ была съ отцомъ.

Условіе „*имѣти въ сына мѣсто*“ прямо вытекаетъ изъ условія „*имѣти въ отца мѣсто*“ и подкрѣпляетъ его съ другой стороны и, какъ и то, никакихъ правъ ни на что не даетъ и не налагаетъ обязанностей. Встрѣчаемое въ договорѣ Суздальскихъ князей Василія и Ѳеодора Юрьевичей съ Дмитріемъ Шемякою, тогда княземъ Московскимъ, дополнительное условіе „*быть сыну твоему братомъ равнымъ*“, по нашему мнѣнію, не влечетъ за собою тѣхъ правъ на престолъ, которыя приписываетъ ему С. М. Соловьевъ. Онъ говоритъ ⁶⁸⁾: „сынъ Шемяки, князь Иванъ Дмитріевичъ, долженъ былъ считать князя Ва-

⁶⁵⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 110—111, 123—124.

⁶⁶⁾ „Ист. отв. между кн. Рюрик. дома“, стр. 443.

⁶⁷⁾ А. А. Э., т. I, № 70.

⁶⁸⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 78.

силія Юрьевича братомъ равнымъ, слѣдовательно, въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе Владимірское! Но намъ кажется, что во время ушибы, когда ни Шемяка, ни Суздальскій князь не знали, кто завтра будетъ княземъ Московскимъ, нельзя было придавать серьезнаго значенія общанію признавать кого-нибудь равнымъ своему сыну, если даже и допустить, что изъ этого вытекаетъ право на престолъ; вѣдь въ случаѣ смерти Шемяки на княженіе Московское, кромѣ князя Суздальскаго, было два претендента—сынъ Шемяки Иванъ и великій князь Василій Васильевичъ Темный; да князь Иванъ Можайскій, которому было раньше общано Суздальское княженіе, тоже былъ противъ князей Василя и Ѳедора Юрьевичей. Но, кромѣ того, и правъ-то изъ этого условія никакихъ не вытекало; Шемяка не былъ великимъ княземъ Владимірскимъ—имъ былъ Василій Васильевичъ,—онъ былъ просто княземъ Московскимъ. Затѣмъ, если у насъ случалось, что князья по договору передавали свое княженіе не сыну, а иному князю, то объ этомъ упоминалось отдѣльно въ договорѣ 69).

Условіе: „имѣти собѣ братомъ старѣйшимъ“ и обратное: „имѣти братомъ молодѣйшимъ“ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ вышеупомянутыя условія. Во-первыхъ, во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными 70), кромѣ названныхъ выше, во многихъ договорахъ великихъ князей съ великими 71) и въ одномъ изъ договоровъ удѣльных князей съ удѣльными 72). Условіе это есть просто способъ выраженія почтенія и никакихъ правъ ни на что не даетъ. Мы равно встрѣчаемъ это условіе и въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными и въ другихъ группахъ: значитъ, это не особенность отношеній какой-нибудь группы. Мы замѣчаемъ только нѣкоторое преобладаніе на сторонѣ старѣйшей надъ стороною молодшею, но преобладаніе это чисто фактическое, внѣдоговорное; имъ опредѣляется это условіе старѣйшинства, а не оно вытекаетъ изъ старѣйшинства. Мы видимъ, что содержаніе договоровъ, гдѣ заключается это условіе, очень разнообразно и иногда одинаково выгодно для обѣихъ сторонъ. Но, кажется, трудно допустить, чтобы ограниченіе было въ пользу младшей стороны. В. И. Сергѣевичъ 73) приводитъ договоръ великаго князя Василя Васильевича съ Боровскимъ княземъ Василемъ Ярославичемъ и князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, какъ доказатель-

69) Напр., С. Г. Гр. и Д., т. I, № 118.

70) См. примѣч. 42.

71) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 32, 119—120.

72) А. А. Д., т. I, № 70.

73) „Вѣче и князь“, стр. 253

ство, что великій князь ограниченъ былъ судомъ младшихъ. Намъ кажется, что это условіе: „а братъ нашъ князь великій Борисъ Александровичъ и нашъ братъ молодой Михаилъ Одреевичъ и князь Василій Ярославовичъ будетъ съ правымъ на виноватаго“ можно толковать иначе: конечно, de facto, Василій Васильевичъ не подчинился бы добровольно суду братьи молодой, произошла бы война — судъ Божій, неизвѣстно, кто бы побѣдилъ. Если же, de jure, братья молодшая осудила бы его поведеніе, то это, конечно, никакого значенія не имѣло бы. Мнѣ кажется, что это условіе есть такая же клятва какъ: „да будетъ Богъ съ правымъ на виноватаго“. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться со словами С. М. Соловьева по поводу договора Михаила Тверскаго съ Дмитріемъ Донскимъ ⁷⁴): „Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ Дмитрія, т.-е. сталъ къ нему въ такую же зависимость, въ какой находился Владиміръ Андреевичъ“. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что съ Андрея Боголюбскаго прекращаются родовыя отношенія князей, которыя раньше, по его мнѣнію, существовали. Съ уничтоженіемъ же власти старшаго въ родѣ, если таковая и была въ старину, признаніе себя младшимъ братомъ не влечетъ ровно никакихъ послѣдствій. Что же касается до зависимости Владиміра Андреевича, то она была основана не на этомъ условіи старѣйшинства (см. ниже).

Условіе „имѣти братомъ“ предполагаетъ совершенное равенство силъ обоихъ субъектовъ договоровъ. Для аналогіи укажемъ, что и теперь государи называютъ другъ друга „братомъ“. Это и тогда, какъ и теперь, простая формула вѣжливости. Условіе это встрѣчается въ договорахъ Москвы съ Тверью ⁷⁵), Москвы съ Литвою и Польшей ⁷⁶), Твери съ Литвой и Польшей ⁷⁷) и, какъ дополнительное, въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными ⁷⁸).

Наконецъ, въ одномъ договорѣ великаго князя Рязанскаго Ивана Федоровича съ княземъ Московскимъ Юріемъ Дмитріевичемъ встрѣчается условіе: „быти братаничемъ“, т.-е. племянникомъ. Это подало поводъ С. М. Соловьеву къ слѣдующему замѣчанію ⁷⁹): „итакъ, что же хотѣлъ сказать князь Рязанскій, называя себя племянникомъ князя Московскаго, а не сыномъ? Онъ хотѣлъ сказать то, что между ними существуетъ кровная связь, вслѣдствіе которой онъ будетъ уважать Юрія, какъ брата своей матери, а тотъ долженъ любить и уважать

⁷⁴) „Ист. отв. между князьями Рюрикова дома“, стр. 384.

⁷⁵) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 77—76.—А. А. Э., т. I, № 14.

⁷⁶) А. о. къ н. З. Р., т. I, № 50.

⁷⁷) А. о. къ н. З. Р., т. I, № 79.

⁷⁸) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 33, 35, 90 и др.

⁷⁹) „Ист. отв. между кн. Рюрикова дома“, стр. 443.

его, какъ сына своей сестры, безъ всякихъ однако родовыхъ отношеній, которыя уже теперь служатъ сильнѣйшимъ князьямъ для достиженія государственныхъ цѣлей“. Намъ кажется, великій князь Рязанскій тутъ ровно ничего не хотѣлъ сказать, кромѣ того, что онъ племянникъ великаго князя Московскаго. Но почему тогда другіе князья называли другъ друга не по настоящимъ степенямъ родства? Слабые не считали это достаточно вѣжливымъ по отношенію къ болѣе сильнымъ, а равные по силѣ, какъ Москва, съ одной стороны, и Тверь съ Литвой, съ другой стороны, находились въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, что не считали нужнымъ считаться родствомъ. А между Тверью и Литвою мы находимъ въ одномъ договорѣ упоминаніе о *дѣдствѣ* 80): „а юсподину моему дѣду великому князю Витовту меня великаго князя Бориса Александровича, своею внука, боронити отъ всякаю думою и помощю“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что условіе наименованія субъектовъ договоровъ по степенямъ родства не имѣетъ значенія права на преобладаніе, а есть, скорѣе, результатъ взаимнаго положенія князей. Чичеринъ говоритъ 81): „случалось даже, что эти отношенія (т.-е. степени родства) измѣнялись между одними и тѣми же лицами: такъ Михаилъ Андреевичъ Можайскій въ одномъ договорѣ 1465 года обязывается держать великаго князя Ивана Васильевича и брата его Юрія братьями старѣйшими, Андрея Васильевича Большаго просто братомъ, а Бориса и Андрея Меньшаго братьями младшими; но въ томъ же году заключается новый договоръ, по которому всѣ они становятся братьями старѣйшими. Изъ этого видно, что степени опредѣлялись не однимъ родствомъ, не естественнымъ только происхожденіемъ, но и могуществомъ того или другаго князя“.

Слѣдующее условіе, которое мы находимъ въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ есть условіе: „*быти за одинъ*“. Это условіе можно назвать цѣлью договоровъ, такъ какъ большинство ихъ заключалось съ цѣлью обезпечить себѣ союзника въ дѣлахъ военныхъ. Условіе это встрѣчается въ разныхъ формахъ: иногда просто: „*быти намъ за одинъ*“ 82), иногда въ видѣ: „а *быти ти съ нами вездѣ за одинъ по думѣ, какъ будетъ юдно, безъ хитрости*“ 83), или „*быти ти съ нами вездѣ за одинъ и до своего живота, а намъ такоже быти съ тобою вездѣ за одинъ и до своего живота*“ 84).

Въ большинствѣ договоровъ дѣло не ограничивалось такою фор-

80) А. отн. къ Ист. Зап. Рос., т. I, № 33.

81) „Опыты по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 300—301.

82) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 37, 38 и др.—А. А. Э. т. I, № 10.

83) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 36.

84) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 43—44, 52—53, 54—55 и др.

нулою и подтверждалось еще договоромъ о союзѣ оборонительномъ: „а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ, а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ“ 85). Иногда къ этому присоединялось условіе о совокупности въ дѣйствіяхъ наступательныхъ; такъ: „А идѣ ми будетъ встѣсти на конь, встѣсти въ со мною, а идѣ будетъ самому не встѣсти, а будетъ ми вась послати, встѣсти въ на конь безъ ослушанія“ 86), или: „а идѣ ми будетъ, брате, пойти на рать, или моему брату князю Володимеру Ондреевичю, встѣсти съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ своихъ воеводъ послати“ 87), или, наконецъ: „А тобѣ, брате мой молодшій, ми служити безъ ослушанія по задицѣ, како будетъ ми смично и тобѣ, брате мой молодшій, а ми тебе кормити по твоей службѣ“ 88).

Условіе „быти за одинъ“ постоянно встрѣчается одинаково для обѣихъ сторонъ въ тѣхъ договорахъ, которые дошли до насъ въ двойномъ видѣ. Какъ извѣстно, всѣ договоры писались въ двухъ редакціяхъ: одна отъ имени одного князя, другая отъ имени другаго. Въ нѣкоторыхъ договорахъ 89) и въ одной редакціи упоминаютъ: „быти ти со мною за одинъ, а мнѣ быти съ тобою за одинъ“, а въ нѣкоторыхъ 90) въ каждой встрѣчается только по одному условію: „а быти ти со мною за одинъ“, относя это „ти“ то къ одному, то къ другому князю. Конечно, условіе: „быти намъ за одинъ“ — не требуетъ двойной редакціи.

Большинство договоровъ дошло до насъ только въ одной редакціи — и потому насъ не должно смущать, что мы въ нихъ находимъ только вторую форму выраженія. Какъ мы видѣли, иногда къ условію: „быти за одинъ“ присоединяются слова: „по думѣ“, „какъ будетъ годно“, „безъ хитрости“, „до своего живота“. Это простое расширеніе указанной формулы. Первые два выраженія смягчаютъ обязательность договора, вторые два поддерживаютъ ее и придаютъ болѣе большую опредѣленность. Можно, пожалуй, указать, что въ одномъ договорѣ великаго князя Рязанскаго Ивана Федоровича съ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ 91) мы встрѣчаемъ условіе: „а быти ми съ нимъ за одинъ на всякаго; а съ кѣмъ онъ миренъ, а съ тѣмъ и азъ миренъ, а съ кѣмъ онъ немиренъ, а съ тѣмъ и азъ немиренъ; а великому князю Витовту меня боронити отъ всякаго“. Съ перваго взгляда

85) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 27, 29, 32, 33, 35, 37 и др.

86) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23, 33, 35 и др.

87) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

88) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.

89) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 43—44, 52—53, 54—55, 65 и др.

90) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 45, 47.

91) А. А. Э., т. I, № 25.

кажется, что договоръ совершенно исключаетъ формулу: „а тебѣ *быти со мною за одинъ*“; но дѣло въ томъ, что слово „*боронити*“ совершенно то же значить, что и „*быти за одинъ*“, только употребляется въ договорахъ, носящихъ покровительственный тонъ. Тонъ великаго князя Рязанскаго очень приниженъ, и со стороны Витовта слова: „*быти за одинъ*“ замѣнены словомъ „*боронити*“. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁹²⁾: „обязательство „быть за одинъ на всякаго недуга“ принимаетъ на себя только одна сторона, довольствуясь обязательствомъ другой „блюсти и боронить“ ея владѣнія. Это различіе обуславливается различіемъ политической роли договаривающихся сторонъ“.

Нѣсколько иной тонъ носить пояснительное условіе о друзьяхъ и недругахъ; мы находимъ въ большинствѣ договоровъ, которые дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, что враги и друзья одной стороны будутъ врагами и друзьями другой, безъ обратнаго условія въ пользу послѣдней стороны. Обратное упоминаніе встрѣчается только въ одномъ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ ⁹³⁾. В. И. Сергѣевичъ ⁹⁴⁾ думаетъ, что эта неполнота произошла отъ неясности нашихъ договоровъ. Онъ указываетъ, что формула о друзьяхъ и недругахъ покрываетъ формулу „*быти за одинъ*“ и неполноту первой считаетъ простымъ нежеланіемъ повторять одно и то же условіе два раза. Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ: мы формулу „*быти за одинъ*“ всегда встрѣчаемъ для обѣихъ сторонъ въ двойныхъ редакціяхъ договоровъ; формула же объ друзьяхъ и недругахъ нигдѣ, кромѣ указаннаго выше случая, не встрѣчается со стороны обоехъ субъектовъ въ тѣхъ же, дошедшихъ до насъ, двойныхъ редакціяхъ, хотя обыкновенно встрѣчается въ пользу одной стороны. Это, намъ кажется, служить указаніемъ на то, что выраженіе: „*кто мнѣ другъ, тотъ и тебѣ другъ*“ имѣетъ нѣсколько другой характеръ, чѣмъ условіе „*быти за одинъ*“. Мы думаемъ, что такая односторонность этого условія опредѣляется силою той стороны, которой друзья и враги дѣлаются друзьями и врагами другой. Что это не преимущество великихъ князей передъ удѣльными, видно изъ того, что мы встрѣчаемъ это условіе и въ договорахъ великихъ князей съ великими. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ преобладаніе на сторонѣ Москвы, вѣроятно въ силу большаго ума и энергіи ея князей. Мы имѣемъ, впрочемъ, одинъ договоръ ⁹⁵⁾, гдѣ говорится, что друзья и враги великаго князя Литовскаго и короля Польскаго Казимира должны быть друзьями

⁹²⁾ „Вѣче и князь“, стр. 139.

⁹³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 60.

⁹⁴⁾ „Вѣче и Князь“, стр. 139.

⁹⁵⁾ А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 50.

и врагами Московскаго великаго князя Василя Васильевича. Чтобы показать, что условіе это опредѣляется преобладаніемъ одной стороны надъ другой, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Единственный договоръ, гдѣ упоминается о томъ, что друзья и недруги общи для обѣихъ сторонъ, заключенъ въ 1440 году. Въ 1439 г. на Москву напалъ ханъ Улу-Махметъ. Дмитрій Шемяка не пришелъ на помощь Василю Васильевичу, какъ этого требовалъ договоръ, заключенный въ 1436 г.⁹⁶⁾ За это Василій Васильевичъ началъ противъ него военныя дѣйствія. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, подошелъ къ Москвѣ и здѣсь заключенъ былъ этотъ договоръ⁹⁷⁾. Ясно, что, съ одной стороны, Василій Васильевичъ не могъ играть передовой роли, находясь подъ страхомъ нападенія, съ другой стороны, ему нужно было, чтобы Шемяка подтвердилъ еще разъ, что у нихъ одни друзья и враги. Этими объясняется общая форма того договора. Теперь укажемъ примѣры преобладанія. Въ договорѣ Симеона Ивановича съ братьями, какъ мы уже видѣли, преобладаніе на сторонѣ старшаго брата, какъ болѣе энергичнаго.

Въ договорѣ Юрія Дмитріевича съ Василенъ Васильевичемъ Темнымъ 1428 года⁹⁸⁾ преобладаніе малолѣтняго Василя Васильевича объясняется тѣмъ, что въ 1427 году Софья Витовтовна, его мать, поручила Московское княженіе и сына своему отцу, великому князю Литовскому Витовту⁹⁹⁾. Въ договорѣ 1433 года великаго князя Рязанскаго Ивана Федоровича съ великимъ княземъ Московскимъ Юріемъ Дмитріевичемъ¹⁰⁰⁾ Иванъ Федоровичъ былъ стороною слабѣйшею—онъ въ 1430 г. былъ даже принужденъ заключить унижительный договоръ съ Витовтомъ¹⁰¹⁾. Кроме того, онъ былъ племянникомъ Юрія Дмитріевича и, вѣроятно, подчинился вліянію своего энергичнаго дяди. Этими примѣрами мы ограничимся. Заимѣмъ еще, что во всѣхъ договорахъ сторона дающая тонъ—сторона сильнѣйшая. Впрочемъ, часто это преобладаніе вытекаетъ не изъ договора: мы имѣемъ нѣкоторые договоры¹⁰²⁾, гдѣ, напр., условіе единенія выгодно для обѣихъ сторонъ, а друзья и недруги одной стороны должны быть друзьями и недругами другой безъ обратнаго упоминанія. Такой же характеръ носитъ условіе: „*осмисли на конь*“ виѣсть съ одною стороною. Оно тоже не представляетъ особенности отно-

⁹⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 56—57.

⁹⁷⁾ „Истор. Рос. съ древн. вр.“, т. IV, стр. 64.

⁹⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 43—44.

⁹⁹⁾ „Ист. Рос. съ древн. вр.“, т. IV, стр. 54—55.

¹⁰⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.

¹⁰¹⁾ А. А. Э., т. I, № 25.

¹⁰²⁾ А. отв. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 50.

шеній одной изъ группъ; мы одинаково находимъ его и въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными и великихъ князей съ великими. Постоянно мы видимъ, что на сторонѣ, которая требуетъ, чтобы другая *„встала на конь“*, съ прибавленіемъ, иногда, *„безъ осмущанья“* болѣе сильн. Приведу нѣкоторые примѣры изъ договорныхъ грамотъ удѣльныхъ князей съ великими и великихъ съ великими. Въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 года¹⁰³⁾ мы находимъ, что преобладаніе на сторонѣ великаго князя Московскаго. Послѣ смерти Ивана Ивановича остались два малолѣтнихъ сына: Дмитрій и Иванъ и племянникъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій. Въ ордѣ ярлыкъ на великое княженіе добылъ Дмитрій Константиновичъ Суздальскій. Но бояре Московскіе перекупили ярлыкъ у хана и съ помощью Тверскаго и Рязанскаго великихъ князей отправились войною на Суздальскаго князя. Тотъ уступилъ и Дмитрій трудами бояръ Московскихъ сѣлъ на великокняжескомъ столѣ¹⁰⁴⁾. Это было въ 1362 г. Договоръ относится къ тому же году, значить онъ заключенъ боярами Московскими, въ рукахъ которыхъ былъ малолѣтній Владиміръ Андреевичъ, съ боярами Серпуховскими. Этимъ объясняется преобладающій тонъ Дмитрія передъ Владиміромъ, такъ какъ бояре Московскіе отличались и умомъ и энергіею¹⁰⁵⁾. По поводу договоровъ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ и именно этого условія: *„встали на конь“* Чичеринъ замѣчаетъ¹⁰⁶⁾: „это одинокая попытка, показывающая перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но государственнаго здѣсь нѣтъ ничего“. Можно прибавить еще, что это не одинокая попытка, а часто употребляющееся средство въ рукахъ болѣе сильныхъ князей по отношенію къ болѣе слабымъ.

Возьмемъ еще договоръ. Напр., договоръ Дмитрія Юрьевича Шемяки съ Суздальскими князьями Феодоромъ и Василиемъ Юрьевичами 1446 года¹⁰⁷⁾. Договоръ этотъ заключенъ въ трудное время для Шемяки и казалось бы опровергаетъ то, что преобладаніе на сторонѣ, требующей отъ другой *„встали на конь“*. Но разсмотримъ обстоятельства, при которыхъ заключенъ этотъ договоръ. Шемяка, ослабивъ Василия Васильевича, сослалъ его въ Угличъ; туда же заманилъ хитростью и его дѣтей¹⁰⁸⁾. Въ его власти было мириться съ нимъ или держать въ заключеніи и въ это время онъ заключилъ

¹⁰³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. 1, № 27.

¹⁰⁴⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 319.

¹⁰⁵⁾ Ibid., стр. 319—320.

¹⁰⁶⁾ „Оп. по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. удѣл. и вел. кн.“, стр. 305.

¹⁰⁷⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.

¹⁰⁸⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 74.

договоръ съ князьями Суздальскими, у которыхъ былъ сильный врагъ въ лицѣ вѣрнаго союзника Шемяки, Ивана Андреевича Можайскаго, которому Дмитрій обѣщалъ отдать княженіе Суздальскихъ князей. Итакъ, очевидно, преобладаніе на сторонѣ Дмитрія. Но чѣмъ тогда объяснить нѣкоторыя льготныя условія этого договора въ пользу Суздальскихъ князей? Мы думаемъ, что это объясняется тѣмъ, что самъ Дмитрій Шемяка не чувствовалъ себя въ силѣ требовать только-что разобраннаго условія безвозмездно. Онъ потребовалъ, чтобы его враги были врагами Суздальскихъ князей, такъ какъ ему въ то время были очень важны союзники, чтобы не допустить ихъ собраться около Василія Васильевича. Съ другой стороны, надо замѣтить, что льготное условіе, которое мы находимъ въ пользу Суздальскихъ князей, право сношеній съ ордою, во время тогдашняго упадка орды — было очень небольшою платою за союзъ, тѣмъ болѣе, что, утвердившись на Московскомъ престолѣ, Шемяка могъ заставить Суздальскихъ князей заключить съ нимъ новый договоръ. Разберемъ теперь это условіе въ договорѣ великаго князя съ великимъ. Мы имѣемъ его, напр., въ договорѣ Тверскаго великаго князя Михаила Александровича съ великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ 1368 г. ¹⁰⁹⁾ Этотъ договоръ былъ заключенъ во время громаднаго преобладанія Дмитрія надъ Михайломъ. Тверскаго князя заманили въ Москву на третейскій судъ и схватили. Испуганные приближеніемъ трехъ Ордынскихъ царевичей, его выпустили, но заставили предварительно заключить этотъ договоръ ¹¹⁰⁾. Ясно, что преобладаніе тутъ было на сторонѣ Москвы. Договорная грамота великаго князя Московскаго Юрія Дмитріевича съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Федоровичемъ 1433 года ¹¹¹⁾ заключена, какъ мы видѣли, при преобладаніи Москвы надъ Рязанью. Въ договорѣ того же вел. князя Рязанскаго съ вел. княземъ Московскимъ Васиціемъ Васильевичемъ 1447 года ¹¹²⁾ мы видимъ также преобладаніе Москвы надъ Рязанью. Васицій Васильевичъ только-что возвратился въ Москву окруженный союзниками: Васиціемъ Ярославичемъ Боровскимъ, Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ, Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ, а вел. князь Рязанскій, связанный обязательствомъ съ Литвою, тогда слабою, растерзанною усобицею, искалъ твердой опоры въ Москвѣ. Въ договорѣ этомъ сказано: „а поидетъ на насъ князь Литовскій и тебѣ самому (т.-е. вел. кн. Вас. Вас.)

¹⁰⁹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

¹¹⁰⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 324.

¹¹¹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 48.

¹¹²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 65.

насъ *боронити*“, это показываетъ страхъ Рязанскаго вел. князя передъ Литвою. Ясно, что преобладаніе было на сторонѣ Москвы. Это же мы замѣчаемъ и во всѣхъ договорахъ, гдѣ мы находимъ это условіе: „*вспсти на конь*“.

И такъ, мы видимъ, что условіе единенія, какъ цѣль договоръ, не модифицируется; способы же единенія измѣняются соотвѣтственно вліянію и силѣ князей, заключившихъ договоръ.

Затѣмъ мы находимъ въ междукняжескихъ договорныхъ граматахъ условіе: „*хотѣти добра*“, такъ напр.: „*а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ, а мнѣ, князю великому тебе, брата своего держати въ братствѣ и безъ обиды во всемъ*“ 113), или просто: „*добра ти намъ хотѣти во всемъ безъ хитрости*“ 114). Иногда это условіе взаимное 115): въ одной половинѣ договора „*а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ*“ въ пользу одного князя, а въ другой половинѣ въ пользу другаго князя. Иногда даже въ одной редакціи мы имѣемъ это условіе въ пользу обѣихъ сторонъ. Такъ: „*а хотѣти ми, господине, добра тобѣ своему господину, а тобѣ, моему господину, великому князю меня держати въ братствѣ и во чти безъ обиды и добра, господине, мнѣ хотѣти такоже во всемъ вездѣ безъ хитрости*“ 116). Къ этому условію обыкновенно еще присоединяется дополнительное: „*а что слышешь отъ крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лись, то ти намъ повѣдати въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости*“ 117). Это условіе представляетъ вторую, отрицательную сторону условія: „*быть за одинъ*“. Условіе единенія требуетъ союза. Условіе „*хотѣти добра*“ требуетъ, чтобы союзникъ не заводилъ измѣны. Условіе это, значить, требуетъ хранить союзъ. Условіе сообщать „*о лись и о добрѣ*“ вводится потому, что у князей не было пословъ другъ у друга и только случайно они могли узнавать о замыслахъ сосѣдей. Условіе „*хотѣти добра*“, мы встрѣчаемъ во всевозможныхъ договорахъ князей; оно не ограничиваетъ никого и не даетъ никакихъ правъ, а представляетъ простое требованіе политики; но и здѣсь мы находимъ требованіе „*хотѣти добра*“ направленнымъ со стороны сильнѣйшей къ болѣе слабой. Условіе сообщать „*о добрѣ и о лись*“ равно встрѣчается съ обѣихъ сторонъ. Укажемъ примѣры для условія „*хотѣти добра*“. Во всѣхъ договорахъ Дмитрія

¹¹³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 49—50 и др.

¹¹⁴⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 33, 36, и др. А. А. Э., т. I, № 29.

¹¹⁵⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 115—116. А. отн. къ вст. Зап. Рос., т. I, № 50.

¹¹⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 95.

¹¹⁷⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 36, 43—44 и др.

Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ¹¹⁸⁾ мы видимъ на сторонѣ Дмитрія Ивановича силу, и отъ его лица обращено требованіе „*хотѣти добра*“. Также и въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Тверскимъ вел. княземъ Михаиломъ Александровичемъ¹¹⁹⁾, какъ указано выше, преобладаніе на сторонѣ Дмитрія Ивановича и т. д. Надо еще прибавить, что это условіе, какъ несущественное, не всегда и встрѣчается, а иногда встрѣчается безъ дополнительнаго условія „*повѣдати о добрѣ и о мисѣ*“. Гораздо существеннѣе слѣдующее условіе, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ княжескихъ договорахъ одинаково для обѣихъ сторонъ и независимо отъ ихъ положенія соціальнаго и отъ ихъ силы. Условіе это „*бюсти удѣлы и примысли*“. Его мы встрѣчаемъ въ видѣ: „*а вотчины нашия Москвы и всего великаго княженія и Новгорода великаго бюсти, а не обидѣти*“¹²⁰⁾, или: „*а въ твой ми удѣлъ даныщиковъ своихъ и приставовъ не всылать, такоже и тобѣ въ мой удѣлъ даныщиковъ своихъ и приставовъ не всылать, ни во все мое великое княженіе*“¹²¹⁾. Къ этому прибавляется условіе взаимномъ соблюденіи промысловъ, т.-е. того, что каждый князь себѣ прикупить или завоюетъ. Такъ: „*или кто изъ насъ, брате,... что промыслилъ или прикупилъ, или кто посежъ что прикупить или примыслить чтоже... своимъ волостемъ и тою бюсти, а не обидѣти*“¹²²⁾. Это условіе встрѣчается рѣшительно во всѣхъ договорахъ. Мы имѣемъ нѣкоторые договоры совершенно невыгодные для одной стороны, даже подчиняющіе одну сторону другой, почти на условіяхъ служебныхъ. Напр., договоръ вел. князя Рязанскаго Ивана Ѳеодоровича съ Литовскимъ вел. княземъ Витовтомъ 1430 г.¹²³⁾. Тутъ великій князь Рязанскій ставится въ подчиненныя отношенія къ Витовту — это видно изъ самаго начала договора: „*господину осподарю моему великому князю Витовту, се азъ князь великій Иванъ Ѳеодоровичъ Рязанскій добилъ есмь челоуѣкъ далъ ся ему на службу и осподарь мой князь великій Витовтъ принялъ меня князя великаго Ивана Ѳеодоровича на службу*“. Какъ видно, отношенія чисто служебныя, о какой-нибудь равноправности и говорить нельзя, а между тѣмъ мы и здѣсь встрѣчаемъ условіе, чтобы Витовтъ не вступался въ удѣлъ великаго князя Рязанскаго. Это же мы находимъ въ договорѣ князя Пронскаго Ивана Владиміровича съ ве-

¹¹⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35.

¹¹⁹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

¹²⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

¹²¹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35 и др. А. А. Э., т. I, №№ 10, 14 и др. А. отв. къ вст. Зап. Рос., т. I, №№ 33, 41 и др.

¹²²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.

¹²³⁾ А. А. Э., т. I № 25.

ликимъ княземъ Витовтомъ 124) и въ договорѣ князя Оедора Львовича Новосильскаго и Одоевскаго съ великимъ княземъ Литовскимъ и королемъ Польскимъ Казиміромъ 125). Это же условіе встрѣчается и во всѣхъ договорахъ князей между собою. Условіе это одно изъ самыхъ важныхъ условій княжескихъ договоровъ. Имъ обезпечивалось за каждымъ княземъ внутреннее управленіе его княженія. Какъ бы ни былъ князь ограниченъ съ внѣшней стороны, внутри онъ былъ господиномъ, и за нимъ оставались всѣ функціи княжескаго управленія: судъ, предводительство войскомъ, сборъ повинностей и т. д. Это было всеобщее правило. Чичеринъ говоритъ даже 126) по поводу подробной (съ перечисленіемъ удѣловъ) редакціи этого условія о соблюденіи удѣловъ: „изъ всѣхъ удѣльныхъ князей не было ни одного, который призналъ бы себя въ такой зависимости отъ великаго, какъ Владиміръ Андреевичъ отъ Дмитрія Донскаго, а между тѣмъ съ этихъ-то договоровъ и начинаются подробныя условія, которые потомъ повторяются въ послѣдующихъ, заключенныхъ съ его внукомъ. Изъ этого мы должны заключить, что подробныя условія являлись именно тамъ, гдѣ нужно было оградить слабѣйшаго князя отъ сильнѣйшаго“.

Итакъ, условіе о соблюденіи удѣловъ встрѣчается во всѣхъ договорахъ, но тонъ этого условія измѣняется соотвѣтственно силѣ и преобладанію сторонъ, заключавшихъ договоръ. Иногда мы встрѣчаемъ съ одной стороны общаніе: „*печаловатися тобою и твоею волюстью*“ 127), т.-е. общаніе заботиться, чтобы твои границы не нарушались сосѣдями. Это находится, понятно, въ договорахъ со слабѣйшими князьями, хотя не необходимое слѣдствіе ихъ слабости: мы не во всѣхъ договорахъ слабыхъ съ сильными князьями находимъ условіе „*печаловатися*“. Приведемъ примѣры, гдѣ условіе это встрѣчается: въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами 1405 года 128), нравственное преобладаніе было на сторонѣ великаго князя (см. выше). Въ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ князьями Можайскимъ Иваномъ и Верейскимъ Михайломъ Андреевичами 1433 года 129) мы находимъ, что Василій Васильевичъ трудами своего боярина Ивана Дмитріевича получилъ великокняжескій престолъ. Отъ отца онъ получилъ удѣлъ, усиленный Муромомъ и Нижнимъ-Новгородомъ, а князья Иванъ и Михайлъ наслѣдовали свои владѣнія отъ своего отца Андрея Дми-

¹²⁴⁾ А. А. Э., т. I, № 26.

¹²⁵⁾ А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 41.

¹²⁶⁾ „Опыты по ист. рус. пр.“, „Духъ и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 307.

¹²⁷⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 37, 46, 52—53, 54—55 и др.

¹²⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 37.

¹²⁹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 46.

триевича: первый получил Можайскъ, а второй Верею. Этихъ и ограничивались ихъ владѣнія. Слабость этихъ князей и потомъ заставляла ихъ неоднократно передаваться на сильнѣйшую сторону изъ борющихся: Василия Васильевича или Юрія Дмитріевича и Дмитрія Юрьевича Шемяки. Въ доказательство того, что условіе „*мечаловатися*“ не необходимо встрѣчается въ договорахъ слабыхъ съ сильными князьями, укажемъ на договоръ Дмитрія Ивановича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г. ¹³⁰⁾, въ которомъ нѣтъ этого условія, а между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ, какъ сказано выше былъ въ невыгодномъ положеніи относительно Дмитрія Ивановича. Условіе о соблюденіи удѣловъ еще дополнялось условіями „*закладней не держати*“ ¹³¹⁾ въ чужомъ княженіи, т.-е. не имѣть заложеной недвижимой собственности. „*Сель и деревень съ твоемъ удѣлѣ не купишь*“ ¹³²⁾ ни князю, ни его боярамъ. Этими условіями также обезпечивалась внутренняя самостоятельность отдѣльныхъ княженій, такъ какъ доходъ съ владѣній чужаго князя шелъ въ чужую казну, да внутри этихъ владѣній управлялъ чужой князь. Еще мы находимъ условіе, которое можно здѣсь упомянуть; это: „*мечаловатися кляимсю и дѣтими*“ ¹³³⁾ послѣ смерти одной стороны и „*неподымскиватися подѣ дѣтими нѣкотороу хитростію*“ ¹³⁴⁾.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести слова В. Н. Сергѣевича ¹³⁵⁾: „Во весь княжескій періодъ мы не встрѣчаемъ ни одной попытки подчинить внутреннее управленіе и судъ нѣсколькихъ волюстей, имѣющихъ своихъ особыхъ князей, какому-либо одному князю; эта мысль совершенно чужда разсматриваемой эпохѣ“.

В. Условія договоровъ великихъ князей съ удѣльными.

Въ этомъ отдѣлѣ мы постараемся разобрать условія, которыя опредѣляли отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ и отличали ихъ отъ другихъ отношеній. Понятно, что всѣ эти условія опредѣлялись уже не силою сторонъ ихъ заключившихъ, а ихъ социальнымъ положеніемъ. Какъ мы увидимъ, тонъ этихъ условій иногда измѣнялся сообразно могуществу того или другаго князя, но существо ихъ оставалось постоянно одно и то же. Въ началѣ этого отдѣла мы упо-

¹³⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.

¹³¹⁾ С. Г. Гр. и Д. т. I, № 28, 33 и др.

¹³²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 23 и др.

¹³³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23 и др.

¹³⁴⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 99—100 и др.

¹³⁵⁾ „Вѣче и князь“, стр. 149.

манемъ объ одномъ условіи, которое по существу своему принадлежитъ къ условіямъ договоровъ удѣльныхъ князей съ великими, но встрѣчается въ трехъ договорахъ Литовскаго и Московскаго великихъ князей съ великими князьями Рязанскими Иваномъ Ѳеодоровичемъ и Иваномъ Васильевичемъ ¹³⁶). Условіе это: „не канчивати“, т.-е. обязательство не заключать договоровъ безъ вѣдома союзника. Условіе это можетъ не зависѣть отъ силы стороны, заключающей его, и не ограничивать ее — тогда оно двустороннее. Но можетъ и быть написаннымъ въ пользу только великаго князя. Въ первомъ случаѣ оно встрѣчается въ такомъ видѣ: „а тобѣ, господине, князь великій, безъ насъ недоканчивати ни съ кѣмъ, а братья твоя молодшей безъ тебе не доканчивати ни съ кѣмъ“ ¹³⁷), или: „а тобѣ, брату моему молодшему, безъ мене не доканчивати, не ссылатися ни съ кѣмъ-же, такоже и мнѣ безъ тебе“ ¹³⁸). Во второмъ случаѣ условіе это бываетъ: „а тобѣ любви не имати, не канчивати ни съ кѣмъ безъ моего вѣданія, а съ кѣмъ язъ иму любовь и докончанье и мнѣ въ докончальную грамоту писать тобя [иногда: и мнѣ и тобя съ тѣмъ учинить въ докончаньи] ¹³⁹). Мы находимъ это условіе во всѣхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и силы ихъ и, какъ сказано, въ трехъ договорахъ великихъ князей съ великими. Какъ извѣстно, Иванъ Ѳеодоровичъ великій князь Рязанскій, былъ послѣднимъ независимымъ княземъ Рязанскимъ. Уже онъ долженъ былъ искать опоры то въ Литвѣ, то въ Москвѣ. Въ договорѣ съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ 1430 г. ¹⁴⁰), гдѣ мы находимъ условіе не канчивати, Рязанскій князь совершенно вступаетъ въ служебныя отношенія къ Литвѣ; онъ „добилъ челомя осподарю своему, далъ ся ему на службу“. Поэтому этотъ договоръ нельзя разсматривать какъ договоръ великаго князя съ великимъ. Онъ совершенно сходенъ съ договоромъ великаго князя Витовта съ княземъ Пронскимъ ¹⁴¹), который даже не названъ великимъ, хотя отецъ его, Владиміръ Пронскій, названъ въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ Литовскимъ великимъ княземъ Ольгердомъ 1371 г. ¹⁴²), великимъ княземъ. Мы думаемъ, что и Рязанскій великій князь, если бы оставался въ служебныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ, утратилъ бы свое званіе великаго. Конечно, въ этомъ положеніи вещей

¹³⁶) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 65, 115—116. А. А. Э., т. I, № 25.

¹³⁷) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 23.

¹³⁸) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 33, 35, 37 и др.

¹³⁹) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 65, 52—53, 71—72, 115—116 и др.

¹⁴⁰) А. А. Э., т. I, № 25.

¹⁴¹) А. А. Э., т. I, № 26.

¹⁴²) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 31.

большую роль играла сила Литвы по отношенію къ Рязани, и мы не можемъ признать, чтобы здѣсь условіе *не канчивати* опредѣлялось социальнымъ положеніемъ князей; но можно думать, что отношенія Ивана Оедоровича къ Литвѣ были переходною ступенью къ отношеніямъ удѣльныхъ князей къ великимъ. По поводу договорной грамоты Ивана Оедоровича съ великимъ княземъ Московскимъ Василюмъ Васильевичемъ 1447 года ¹⁴³⁾, я приведу слова С. М. Соловьева ¹⁴⁴⁾: „Отъ служебныхъ отношеній къ великому князю Литовскому Рязанскому великому князю легко, естественно, переходить въ служебныя отношенія къ великому князю Московскому; это была для него уже не новость“. Мы дѣйствительно находимъ длинное опредѣленіе въ этомъ договорѣ того, что великій князь Рязанскій не можетъ имѣть вышнихъ сношеній помимо Москвы: онъ какъ политическая единица уничтожается. Умирая въ 1456 г., онъ передалъ своего малолѣтняго сына Василя Московскому князю, который послалъ въ рязанскій удѣлъ своихъ намѣстниковъ ¹⁴⁵⁾. Въ 1464 г. Иванъ Васильевичъ III отпустилъ великаго князя Рязанскаго Василя Ивановича въ Рязань, но тотъ скоро возвратился и женился на сестрѣ великаго князя Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя сыновей Ивана и Оедора. Иванъ Васильевичъ Рязанскій заключилъ съ великимъ княземъ Московскимъ договоръ въ 1483 г. ¹⁴⁶⁾, совершенно сходный съ договоромъ его дѣда; но къ условію того договора прибавляется условіе давать деньги на содержаніе Татарскаго царевича Даньяра, чего не было раньше ни въ одномъ договорѣ великихъ князей съ великими. Это условіе, какъ это будетъ показано ниже, было отличительнымъ условіемъ удѣльныхъ князей съ великими. Такимъ образомъ этого великаго князя Рязанскаго мы можемъ считать совершенно приравненнымъ къ удѣльнымъ Московскимъ князьямъ и носящимъ только титулъ великаго князя, оставленный ему, благодаря его слабости и зависимости. Во всѣхъ остальныхъ договорахъ великихъ князей съ великими мы или вовсе не встрѣчаемъ условія „не канчивати“ ¹⁴⁷⁾ или встрѣчаемъ его въ специальной формѣ, съ указаніемъ съ кѣмъ не канчивати, но безъ упоминанія этого слова ¹⁴⁸⁾ (объ этомъ смотр. ниже). Такимъ образомъ, какъ правило абсолютно необходимое. это

¹⁴³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 65.

¹⁴⁴⁾ „Ист. отн. кн. Рюрик. дома“, стр. 483.

¹⁴⁵⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 90.

¹⁴⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 115—116.

¹⁴⁷⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 31, 48, 76—77, 88—89, А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, №№ 33, 50, 51, 79.

¹⁴⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 32, 36, 119—120. А. А. Э., т. I, №№ 14, 33.

условіе встрѣчается только во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными; только между ними такая тѣсная связь, что союзы заключаются сообща. Въ началѣ это условіе было двусторонне; великій князь также, какъ и удѣльный, общалъ „не канчивати“. Но постепенно, когда удѣльные князья стали переходить на степень служебныхъ князей, когда великіе князья стали смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ вассаловъ, мы замѣчаемъ, что удѣльные князья общаются не канчивати, не ссылатися и цѣлованье сложити къ другимъ князьямъ, а великіе князья общаются писать удѣльныхъ въ цѣловальныя грамоты, т.-е. оставляютъ за собою право инициативы въ заключеніи союзовъ, хотя все-таки общаются оповѣщать объ этомъ своихъ союзниковъ 149). Такого рода форма договоровъ начинаетъ употребляться съ 1434 года, съ договора великаго князя Московскаго Василия Васильевича съ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою 150). Обѣ эти формы условія совершенно не зависятъ отъ силы союзниковъ, но вытекаютъ изъ ихъ политическихъ отношеній. Во время возвышенія Москвы на Руси было нѣсколько великихъ князей, подразумеваемая подъ этимъ независимыхъ государей. Забѣлинъ говоритъ 151), что титулъ великаго князя означалъ старшаго въ своей волости. Никоновская лѣтопись 152) называетъ великими князьями Дмитрія Ивановича Московскаго, Дмитрія Константиновича Суздальскаго, Андрея Константиновича Суздальскаго. Кромѣ того, великими князьями были: князь Литовскій, князь Тверской, князь Рязанскій, князь Смоленскій, князь Пронскій 153). Скоро Дмитрій Константиновичъ былъ побѣжденъ Москвою и потерялъ свое значеніе, Андрей Константиновичъ умеръ, Пронскій князь сдѣлался служебнымъ княземъ Литовскимъ, Смоленскій князь Святославъ былъ убитъ въ 1386 году въ битвѣ съ Литовцами у Мстиславля, а въ Смоленскъ былъ посаженъ князь

¹⁴⁹⁾ Условіе: „а хотя будещи съ кѣмъ въ целованьи и къ тому тебѣ целованье сложити“ встрѣчается и независимо отъ условія „не канчивати“, хотя обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ—по этому мы упоминаемъ объ немъ здѣсь.—Отдѣльно отъ условія *не канчивати* это условіе иногда встрѣчается и въ договорахъ вел. князей съ великими для обезпеченія договору большей крѣпости. Напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Михаиломъ Тверскимъ 1368 г. [С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28] со стороны Тверскаго князя. Это условіе опредѣлялось силою сторонъ его заключившихъ: складывала цѣлованье сторона слабѣйшая. Можно указать, что и Моск. вел. князья дають такое обѣщаніе: напр. въ договорѣ 1398 г. Василій Дмитріевичъ общалъ Михаилу Александровичу сложити цѣлованье къ Литвѣ [А. А. Э., т. I, № 14].

¹⁵⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 52—53.

¹⁵¹⁾ „Домашній бытъ русскихъ царей“, ч. I, пзд. 1862 г., стр. 6.

¹⁵²⁾ „Полн. Собр. Рус. Лѣт.“, т. X, Ник. Подъ лѣтомъ 6869 (1360 г.).

¹⁵³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 31.

изъ Литовской руки Юрій Святославичъ¹⁵⁴⁾ и съ этого времени Смоленскіе князья потеряли свое значеніе. Но оставшіеся великіе князья были независимыми государами, и сношенія ихъ были чисто международныя (объ этомъ см. ниже). Но кромѣ великихъ князей, въ каждой изъ этихъ волостей были удѣльные — Тверскіе удѣльные князья, Московскіе, Литовскіе, Рязанскіе. Первоначально удѣльные князья были въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ великими князьями. Напр. въ Москвѣ Симеонъ, Иванъ и Андрей Ивановичи; Василій, Петръ и Андрей Дмитріевичи; Иванъ, Андрей Большой, Андрей Меньшой и Борисъ Васильевичи; Василій и Юрій Ивановичи — были братьями. Дмитрій Донской и Владиміръ Андреевичъ были двоюродными братьями и т. д. Въ Твери Михаилъ Александровичъ былъ двоюроднымъ братомъ Еремѣя Константиновича и племянникомъ Василя Михайловича. Это родство объясняется тѣмъ, что отцы раздавали удѣлы всѣмъ своимъ сыновьямъ. Въ отношеніяхъ первыхъ удѣльныхъ князей къ великимъ мы и видимъ черты чисто родственныя. До Юрія Дмитріевича и Василя Васильевича въ Москвѣ не было усобицъ; но какъ скоро ослабѣли родственныя связи, которыя еще подкрѣплялись тѣмъ, что великіе князья были обыкновенно гораздо старше и опытнѣе удѣльныхъ князей являются усобицы. Изъ такой близости вытекали всѣ эти условія, *не канчивати, не ссаятиса съ ордою* (см. ниже). Но постепенно, когда явилось много удѣльныхъ князей, когда усложнились ихъ родственныя связи и взаимныя отношенія, великіе князья стали смотрѣть на удѣльныхъ, какъ на своихъ вассаловъ. Нѣкоторые удѣльные князья, какъ Верейскій, Боровскій, и не противились этому, видя свою слабость. Князья Галицкіе, оба энергичные и умные, стали воевать съ Москвою, были побѣждены и принуждены насильно принять новый режимъ. Такимъ образомъ, къ концу княженія Василя Васильевича Темнаго удѣльные князья дѣлаются зависимыми, вассальными. Въ Тверскомъ великомъ княженіи дѣло шло еще скорѣе, и энергичный Михаилъ Александровичъ уже обращался съ удѣльными какъ съ служебными князьями, а Борисъ Александровичъ въ договорѣ съ великимъ княземъ Витовтомъ 1427 года¹⁵⁵⁾ говоритъ: *„а дядемъ моимъ и братьямъ моей и племени моему, князи быть съ моею послушъ“*. Удѣльные князья Рязанскіе изъ-за слабости великаго князя только при Иванѣ Васильевичѣ Рязанскомъ въ 1496 г.¹⁵⁶⁾ дѣлаются зависимыми князьями, вѣроятно подъ влияніемъ Москвы, въ служебныхъ отно-

¹⁵⁴⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 370.

¹⁵⁵⁾ А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 33.

¹⁵⁶⁾ С. Г. Гр. II Д. т. I, № 127.

шеніяхъ къ которой былъ уже тогда великій князь Рязанскій. Этимъ зависящимъ положеніемъ удѣльныхъ князей и объясняются тѣ условія, которыя служатъ отличительнымъ признакомъ ихъ договоровъ. Условіе „не канчивати“, какъ абсолютное, прямо вытекаетъ изъ близости удѣльныхъ князей къ великимъ, а потомъ при ослабленіи родственныхъ ¹⁵⁷⁾ связей сохранялось въ силѣ бѣльшимъ могуществомъ великихъ князей и вліяніемъ старины. Надо замѣтить, что эта зависимость касалась только внѣшнихъ сношеній князей, какъ уже сказано выше, а внутри своей области каждый князь былъ господиномъ; укажемъ на подобное же явленіе въ отношеніяхъ князей къ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, вытекающее изъ льготныхъ грамотъ; даже въ XVI вѣкѣ въ жалованной грамотѣ Троицко-Сергіевскому монастырю 7133 г. (1624 г.) говорится ¹⁵⁸⁾: „а правъ ли или виноватъ монастырскій человекъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ Архимандриту съ братією, а намѣстники наши и ихъ тиуны въ монастырскаго человека и въ крестьянина въ правдо и въ виноватаго не вступаются-жъ ничѣмъ“. По поводу отношеній великихъ князей къ удѣльнымъ В. И. Сергіевичъ говоритъ ¹⁵⁹⁾: „великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенное равенство правъ великихъ князей и просто князей и приведены въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, укажемъ еще на полные тексты договоровъ, въ большинствѣ которыхъ великіе князья опредѣляютъ свои отношенія къ князьямъ не отличеннымъ этимъ титуломъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, продолжая тѣмъ не менѣе оставаться великими“. Намъ кажется, что это не совсѣмъ справедливо. Въ концѣ очерка исторіи княжескихъ отношеній (стр. 240—247) упоминается о князьяхъ съ Дмитріемъ Донскаго до Ивана III и перечисляются отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ, причемъ показывается, что они то воевали, то мирились, и мирились на условіи „не канчивати“. Объ отношеніяхъ великихъ князей къ великимъ не упоминается, а вопросъ и состоитъ именно въ различіи отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ и великихъ къ великимъ. Кромѣ того, позволимъ себѣ указать, что В. И. Сергіевичъ совершенно не упоминаетъ объ условіи „не знати орду“, которое (см. ниже) было самымъ

¹⁵⁷⁾ Надо замѣтить, что мы говоримъ о *родственныхъ* связяхъ, во отнюдь не о *родовыхъ*. Тутъ связь не по праву старшаго въ родѣ, а по естественной близости братьевъ между собою.

¹⁵⁸⁾ „Собр. Узак. Рус. Госуд.“, изд. Карновича, т. I, № 205, стр. 416. Ср. Горбунова „льготныя грам. монастырямъ“, (Арх. ист. и пр. свѣд. изд. Калачевымъ 1861 г.).

¹⁵⁹⁾ „Вѣче и князь“, стр. 263—264.

важныя признають договоры удѣльныхъ князей съ великими¹⁶⁰⁾. Относительно условія „не канчивати“ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что это условіе было то въ общей, то въ частной формѣ¹⁶¹⁾; мы это различіе принимаемъ, но присоединяемъ къ нему еще указаніе, что общая форма принадлежала договорамъ удѣльныхъ князей съ великими, а частная, и безъ упоминанія слова „канчивати“—договорамъ великихъ князей между собою. Чичеринъ говоритъ¹⁶²⁾: „договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются, какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. По этому если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ опредѣлялись договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь не государь, а удѣльные не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства“. Затѣмъ далѣе онъ говоритъ¹⁶³⁾: „мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ: удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ“ и далѣе¹⁶⁴⁾: „отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наследственныя, то-есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области частнаго права“. Дѣйствительно, отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ не имѣютъ характера международныхъ сношеній—этимъ то они и отличаются отъ отношеній великихъ князей къ великимъ. Они не были и отношеніями подданныхъ къ государю въ настоящемъ значеніи этого слова. Были ли это отношенія родственныя, или имущественныя, или наследственныя, или договорныя? Намъ кажется, что это сперва были отношенія родственныя, а потомъ отношенія вассала къ суверену. Отношеній наследственныхъ не могло быть, такъ какъ если великій князь дѣлался наследникомъ удѣльнаго, то объ этомъ особо писалось въ договорѣ. Если удѣльный наследовалъ великому, то по правамъ родства, а не потому что онъ удѣльный князь. Имущественныя отношенія были въ томъ смыслѣ,

¹⁶⁰⁾ Въ послѣднемъ (1890 г.) изд. своихъ лекцій В. И. Сергѣевичъ, впрочемъ, говоритъ о сношеніяхъ съ орлою. Онъ указываетъ, что это нововведеніе Дмитрія Довскаго, но что и послѣ него князья Тверскіе и Рязанскіе сами сносились съ орлою. (Стр. 199 пр. **). Замѣтимъ, что они сносились потому, что были *великими*, а остальные *удѣльными*.

¹⁶¹⁾ „Вѣче и князь“, стр. 142, 147 (примѣч. 30).

¹⁶²⁾ „Опытъ по ист. рус. пр.“, „Духъ и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 299.

¹⁶³⁾ Ibid., стр. 334.

¹⁶⁴⁾ Ibid., стр. 335.

какъ указываетъ Кавелинъ ¹⁶⁵⁾: „каждый князь примышлялъ себѣ владѣнія и старался увеличить ихъ елико возможно. Московскіе князья были умнѣе, искуснѣе, счастливѣе другихъ и они мало-по-малу прибрали къ рукамъ всю Россію“. Въ доказательство же того, что отношенія договорныя не противорѣчили въ то время отношеніямъ служебнымъ, укажемъ на договоръ князя Одоевскаго и Новосильскаго съ королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ Казиміромъ 1450 г. ¹⁶⁶⁾ и на договоръ князя Ѳедора Львовича Воротынскаго съ нимъ же въ 1448 г. ¹⁶⁷⁾. Князь Воротынскій былъ намѣстникомъ Казимира въ Козельскѣ. Да и самыя крестоцѣловальныя грамоты, какъ напр. Даниила Дмитріевича Холмскаго 1474 г. ¹⁶⁸⁾, суть договоры. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ ¹⁶⁹⁾: „въ нынѣшнемъ государствѣ договоры между властію и подданными существовать не могутъ. Но въ прежнее время они составляли одинъ изъ весьма обыкновенныхъ приемовъ установленія государственныхъ отношеній“. Изъ этихъ отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ вытекало и слѣдующее отличительное условіе ихъ договоровъ—условіе „не знати орду“, т. е. не имѣть сношеній съ ордою. Оно встрѣчается въ слѣдующемъ видѣ: „а ординскія тязость и проторъ дати ти мнѣ брату своему старѣйшему съ своего удѣла“ ¹⁷⁰⁾, или: „а данъ и ямъ давати ти мнѣ съ своего отчины по давному какъ еси давалъ отцу моему, великому князю“. И къ этому прибавлено: „а перемѣнитъ Богъ орду, не иму давати татаромъ и тобѣ имати данъ и ямъ съ своего отчины“ ¹⁷¹⁾. Иногда это условіе встрѣчается въ видѣ: „А орда знати ти великому князю, а мнѣ орды не знати“ ¹⁷²⁾. Въ началѣ, въ большинствѣ договоровъ мы встрѣчаемъ прибавленіе условія, что если великій князь не будетъ платить дани татарамъ, то и удѣльные князья ему не платятъ дани. Это объясняется тѣмъ, что они не были данщиками великихъ князей; а то, что въ началѣ договоръ ограничивался денежною стороною, объясняется тѣмъ, что во время силы и могущества орды русскіе князья старались только о томъ, какъ бы избавиться отъ надзора орды; чѣмъ меньше они имѣли съ нею дѣлъ, тѣмъ было лучше, и великіе князья могли не опасаться, чтобы удѣльные стали

¹⁶⁵⁾ „Сочиненія“, т. II, изд. 1859 г., стр. 576.

¹⁶⁶⁾ „А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 63.

¹⁶⁷⁾ „А. отн. къ ист. Зап. Рос., т. I, № 48.

¹⁶⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 103.

¹⁶⁹⁾ „Христоматія по ист. рус. пр.“, вып. 2-ой, изд. 1887 г., стр. 10, примѣч.

¹⁷⁰⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.

¹⁷¹⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 43—44, 49—50.

¹⁷²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 45, 47, 52—53, 54—55, и др. А. Э. т. I, № 10.

связаться съ татарами. Сношенія ограничивались уплатой дани, покупкой куръ и добываньемъ великокняжескихъ ярлыковъ. Но достойно замѣтить, что и въ то время удѣльные князья не прямо платили дань въ орду, но черезъ своихъ великихъ князей: такъ было въ Москвѣ, такъ было въ Рязани ¹⁷³⁾, и, вѣроятно, такъ было и въ Твери, такъ какъ мы видѣли, что Тверскіе великіе князья очень скоро обратили своихъ удѣльныхъ князей въ служебныхъ. Этими недомощеніемъ удѣльныхъ князей въ орду великіе князья, во-первыхъ, предотвращали усобицы изъ-за великокняжескаго престола, во-вторыхъ, держали въ рукахъ удѣльныхъ князей, которыхъ они могли принудить платить дань Татарамъ. Мы видимъ, что удѣльные князья сильно должны Московскимъ великимъ князьямъ: князь Юрій Васильевичъ, братъ Ивана III Васильевича, оставилъ послѣ себя долгъ 752 р., Андрей Васильевичъ Меньшой — 30000 р., Михаилъ Верейскій 267 р. ¹⁷⁴⁾. Этими условіемъ пользовались великіе князья и для того, чтобы по своему желанію давать удѣльнымъ князьямъ княжескіе ярлыки, которые они доставали отъ Татаръ. Мы видимъ, что великіе князья требуютъ отъ удѣльныхъ, чтобы они не держали у себя своихъ ярлыковъ, а выдавали ихъ великому князю. Такъ, напр., въ дог. 1451 г. Суздальскій князь Иванъ Васильевичъ общается Московскому великому князю Василию Васильевичу ¹⁷⁵⁾: „а что будетъ у мене ярлыкѣ старыѣ на Суздаль, и на Новгородъ на Нижній, и на Городецъ, и на все Новгородское княженіе и мнѣ, Господине, князю Ивану тѣ ярлыки естъ отданы тебѣ великому князю и твоимъ отцамъ безгнѣтностно. А новыѣ мнѣ ярлыкѣ не имати“. Но послѣ Куликовской битвы русскіе князья увидѣли, что Татары побѣдны; орда стала распадаться, ослабѣла. Татарскіе царевичи поступали на службу великихъ князей Московскихъ (напр. Даныяръ). Тогда мы видимъ, что условіе „имати яръ и прогноръ“ измѣняется въ условіе „не знати орды“, т.-е. не имѣть сношеній съ ордою. Почему? Вѣдь было уже условіе „не канчивати“? Но то было условіе обоюдное, а татарская сила настолько еще была велика, что въ рукахъ умныхъ и энергичныхъ князей была грозна и опасна. Мы видимъ, что великіе князья Московскіе нанимаютъ на службу себѣ Татаръ—напр. Василій Васильевичъ Московскій ¹⁷⁶⁾. Условіе „не знати орды“ не позволяло удѣльнымъ князьямъ пользоваться этими же средствами. С. М. Соловьевъ ¹⁷⁷⁾ думаетъ, что знать орду, значитъ платить ей дань. Но

¹⁷³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 127.

¹⁷⁴⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. V, стр. 211.

¹⁷⁵⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 80—81.

¹⁷⁶⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 69.

¹⁷⁷⁾ „Ист. отн. кн. Рюрикова дома“, стр. 326.

Кавелинъ справедливо замѣчаетъ 178): „Едва ли такъ. Слово „*знать*“ имѣетъ болѣе широкій смыслъ и значить вообще имѣть сношенія, для чего бы то ни было“. Чичеринъ говоритъ 179) по поводу этого условія: „это временное отношеніе къ вышнимъ побѣдителямъ, въ которомъ самый могущественный князь стоитъ на первомъ планѣ“. Но почему оно существовало только среди отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ? Почему великіе князья даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не обязывались „*не знати орды*“? Если бы это было слѣдствіемъ могущества великихъ князей, то оно распространялось бы на всѣхъ одинаково. Лишь князь получалъ бы перевѣсъ, онъ сбрасывалъ бы съ себя это условіе. Мы, правда, видимъ, что Суздальскіе князья Василій и Ѳеодоръ Юрьевичи въ договорѣ съ Дмитріемъ Шемякою 1446 г. выговариваютъ себѣ: „*а орда намъ, юсподине, знати собою*“ 180), но это былъ единичный фактъ и при томъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ мы это видѣли выше. Но уже Василій Васильевичъ Темный въ договорѣ 1447 г. 181) уничтожилъ это условіе, и дѣло возвратилось къ старому порядку вещей. Въ другихъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими мы не находимъ, чтобы при какихъ-либо обстоятельствахъ выговаривалось условіе „*знати орду*“, хотя мы имѣемъ договоры, гдѣ, кромѣ условія „*не знати орды*“ и нѣкотораго превосходства въ тонѣ со стороны великаго князя, замѣчается совершенное равенство. Такимъ образомъ мы видимъ, что условіе „*не знати орды*“ прямо вытекало изъ взаимнаго положенія удѣльныхъ и великихъ князей, сперва какъ близкихъ родственниковъ, потомъ какъ вассаловъ и сувереновъ. Последнее условіе договоровъ удѣльныхъ князей съ великими касается формы выраженія. Удѣльные князья обязываются: „*держати подѣ великимъ княземъ великое княженіе честно и врозно*“ 182). Условіе это встрѣчается не во всѣхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими и никакихъ выгодъ великому князю не даетъ. Это просто способъ выраженія, равнозначущій, „*бюсти удѣли*“, хотя встрѣчается и въ тѣхъ договорахъ, гдѣ условіе „*бюсти удѣли*“ есть. Такая тавтологія объясняется тономъ этого условія—болѣе почтительнымъ. Но должно замѣтить, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими, хотя обыкновенно со стороны слабѣйшихъ изъ удѣльныхъ князей. Напр., въ договорахъ Владиміра Андреевича съ

178) „Сочиненія“, т. II, стр. 570.

179) „Опыты по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. кн.“, стр. 330.

180) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 62.

181) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 80—81.

182) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 27, 29, 33, 35, 45, 47, 52—53, 54—55 и др.

Дмитріемъ Донскимъ 183), въ договорѣ Дмитрія Шемяки съ Василиемъ Тёмнымъ 1434 г. 184) и др. Чичеринъ замѣчаетъ 185): „Въ самомъ дѣлѣ, что въ сущности значать слова: «честно и грозно»? Первоначально они относились только къ великому княжеству, т.-е. къ Владимірской области, которая имѣла свою честь, ибо обладаніе ею давало старшинство; впоследствии это выраженіе перенесено и на великаго князя. Удѣльный князь долженъ былъ держать его *честно*, то-есть блюсти его честь, отдавать ему должный почетъ, и *грозно*, то-есть бояться эту честь нарушить. Это значеніе вполнѣ ясно изъ словъ, которыя во многихъ грамотахъ прибавляются къ этому выраженію: „безъ обиды“. Держать великаго князя и великое княженіе честно и грозно, значило воздавать имъ должную честь и бояться ихъ обидѣть. Но и великій князь со своей стороны обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было, слѣдственно, обоюдное и на сторонѣ великаго князя былъ только большій почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось выраженіями большей почтительности“. Это условіе также слѣдствие положенія удѣльныхъ князей по отношенію къ великимъ князьямъ. Мы не видимъ его въ договорахъ великихъ князей съ великими. Является оно съ договора Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г. 186) и, какъ мы сказали, въ договорахъ слабѣйшихъ удѣльныхъ князей съ великими; это первоначальная, словесная форма выраженія зависимости ихъ отъ великаго князя: онъ былъ для нихъ грозенъ, они держатъ его княженіе подъ нимъ, а онъ ихъ жалуетъ. Такимъ образомъ всѣ отличительныя условія договоровъ удѣльныхъ князей съ великими вытекаютъ изъ ихъ взаимныхъ политическихъ положеній.

В. Условія договоровъ великихъ князей съ великими.

Договоры великихъ князей съ великими отличаются отъ другихъ договоровъ главнымъ образомъ своимъ международнымъ характеромъ: это договоры двухъ независимыхъ государей различныхъ государствъ. Владимірскій-Будановъ говоритъ 187): „договоры XIV и первой половины XV в. скорѣе могутъ быть причислены къ международнымъ сдѣлкамъ и притомъ договоры между великими князьями Тверскимъ, Ря-

¹⁸³⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27, 29, 33.

¹⁸⁴⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 52—53.

¹⁸⁵⁾ „Опыты по ист. рус. пр.“, „Дух. и дог. гр. уд. и вел. князей“, стр. 303.

¹⁸⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 27.

¹⁸⁷⁾ „Хрест. по ист. рус. пр.“, вып. 2-й, стр. 10 (прим.).

занскимъ, Московскимъ, рѣшительнѣе, чѣмъ договоры между великими князьями съ одной стороны и удѣльными съ другой“ 188). Что касается договоровъ съ удѣльными князьями, то мы старались показать, что они совсѣмъ не имѣютъ международнаго характера. Относительно же договоровъ великихъ князей съ великими повторяемъ слова Владимірскаго-Буданова. По своему тону и по условіямъ, эти договоры одинаковы и между Москвой и Литвой, и между Литвой и Тверью, и между Тверью и Москвой, а въ началѣ и ихъ всѣхъ съ Рязанью. Конечно, какъ тонъ, такъ и условія ихъ измѣнялись сообразно внѣшнимъ обстоятельствамъ, силѣ и энергіи договаривающихся сторонъ—такъ измѣняются и современные международные договоры, — но постоянно въ нихъ видна одна особенная черта — международность. Надо замѣтить, что мы употребляемъ слово *международный*, такъ какъ другаго нѣтъ. Но мы не хотимъ сказать, что въ Москвѣ былъ другой народъ, другое племя, чѣмъ въ Твери. Мы хотимъ только сказать, что Москва другое государство, чѣмъ Тверь. Какъ уже упомянуто выше, около того времени, отъ котораго дошли до насъ междукняжескіе договоры, было много великихъ князей. Постепенно твердо установились четыре великихъ княженія: Московское, Тверское, Литовское, Рязанское. Великіе князья этихъ княженій постоянно стараются подчинить себѣ одинъ другаго, что Москвѣ и удалось подъ конецъ XV столѣтія сдѣлать съ Рязанью и Тверью. Рязань была обращена въ служебное княженіе, а Тверь сразу покорена при ея князѣ Михаилѣ Борисовичѣ въ 1485 году. Ея князь бѣжалъ въ Литву. Но пока эти великіе князья были великими, мы видимъ въ ихъ договорахъ указанный выше оттѣнокъ. Главное отличительное условіе этихъ договоровъ есть: „а въ орду путь чистъ“—т.-е. условіе не препятствовать сношеніямъ съ ордою. Оно встрѣчается въ видѣ: „а къ орду ты, брате, и къ царю путь чистъ и твоимъ дѣтямъ и вѣнчатымъ и твоимъ людямъ“ 189) или въ видѣ: „а орду, брате, мнѣ знати по старинѣ, а къ орду ми, брате, черезъ твою землю путь чистъ и моимъ посломъ“ 190). Во многихъ договорахъ 191) объ этомъ не упоминается вовсе, но изъ этого нельзя

188) Въ своемъ „Обзорѣ исторіи рус. пр.“ 1888 г. Владимірскій-Будановъ придерживается теоріи федераціи князей. Эта теорія, имѣющая кой-какія основанія для до-монгольской Руси, ни на чемъ не основывается для Руси послѣдмонгольской. Если изъ того, что были договоры, были союзы, заключать къ федераціи, то тогда всѣ Европейскія государства суть федераціи. Федерація предполагаетъ все-таки общую союзную власть—конгрессъ. Если мы и можемъ, съ грѣхомъ пополамъ, подвести подъ названіе конгресса съѣзды князей то въ послѣдмонгольскій періодъ даже и ихъ не было.

189) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 88—89. А. А. Э., т. I, №№ 14, 33.

190) Р. А. „отв. къ ист. Зап. Рос.“, т. I, № 50.

191) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 48, 65 и др.

заклѣчить, что на практикѣ не существовало такого условія. Напр., въ договорѣ Рязанскаго великаго князя Ивана Васильевича 1483 г. съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ 192) не упоминается объ этомъ, а въ договорѣ того же Рязанскаго великаго князя съ Рязанскимъ удѣльнымъ княземъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ 1496 г. 193) говорится, чтобы Ѳеодору Васильевичу не знати орды, а знати ее великому князю, а этотъ великій князь, какъ мы видѣли выше, былъ почти служебнымъ княземъ Москвы. Если же и онъ имѣлъ путь чистъ въ орду, то значить это было общее правило присущее великимъ князьямъ. Условіе это въ договорахъ не устанавливалось, а подтверждалось, обезпечивалось. Это условіе „*знати орду*“, собственно говоря, единственное самостоятельное условіе договоровъ великихъ князей съ великими. Остальныя условія суть видоизмѣненія нѣкоторыхъ условій, которыя встрѣчаются вообще въ княжескихъ договорахъ и въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими имъ только приданъ характеръ международности. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ нимъ, укажемъ на одну отличительную черту договоровъ великихъ князей съ великими—условіемъ это назвать трудно—это *опредѣленіе границы* между великими княженіями. Почти въ каждомъ договорѣ мы это встрѣчаемъ 194). Въ договорахъ же удѣльныхъ князей съ великими мы ни въ одномъ не видимъ опредѣленія границы. Ясно, что два великія княженія представляли двѣ такія отдѣльныя единицы, которыя важно было—и скажемъ—возможно было разграничить. Ихъ границы были болѣе постоянны, болѣе тверды, чѣмъ границы княженій удѣльныхъ и великихъ. Наконецъ, это опредѣленіе границы даетъ указаніе на то, что великіе князья смотрѣли на иное великое княженіе, какъ на иную землю, они старались ее завоевать, но отчиною не считали. Изъ того, что границы великихъ княженій устанавливались великими князьями для всей волости, включая сюда и удѣлы, мы опять утверждаемся въ мысли, что великіе князья были представителями всей волости. Слѣдующее условіе, которое мы находимъ въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей съ великими—это специальное, частное условіе о мирѣ и войнѣ съ опредѣленными врагами. Оно замѣняло условіе объ общности друзей и враговъ и условіе „*не канчивати*“. Оно писалось такъ 195): „*съ татары оже намъ будетъ миръ, по думъ: а будетъ намъ дати выходъ, по думъ же; а будетъ не дати, по думъ же. А пойдутъ на насъ татарове или на тебе,*

192) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 115—116.

193) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 127.

194) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 48, 65, 76—77, 88—89 и др.

195) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

битися намъ тобѣ съ одного вѣзмъ противу ихъ или мы поидемъ на нихъ и тобѣ съ нами съ одного пойти на нихъ", или 196): „а коли имѣши килчѣя (посла) слати въ орду и то ти намъ явити. А что ти слышеѣ отъ орды, а то ти намъ повѣдати, а вѣсти ти намъ отсылати; а отдамитя отъ насъ орда, тобѣ съ нами учинити по думѣ", или: „а быти намъ, брате, на татары и на ляхи и на Литву и на Нѣмци за одинъ и на всякаго нашего недруга" 197). Также говорится: „а ѡи, брате, по ирѣхомъ поидетъ на насъ царь ратью или рать татарская; и тебѣ, брате, намъ помочъ послати въ правду, безъ хитрости; а пойдутъ, брате, на насъ Литва Ляхове, или Нѣмци; и тебѣ, брате, къ намъ на помочъ самому вѣсти на конь и со своего братъею молодшею въ правду, безъ хитрости; а котораго ти, брате, князя надо оставити себѣ на сторожѣ и тобѣ сѣю оставити 198), или: „а будетъ намъ, брате, взяти любовь съ Витовтомъ или съ Литвою и намъ, брате, безъ тебе любви не взятъ ни безъ твоихъ дѣтей ни внучатъ; а вѣмъ, брате, безъ насъ любви съ ними не взятъ, тобѣ ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ внучатомъ, ни безъ нашихъ братъевъ, ни безъ нашихъ дѣтей" 199). Мы видимъ, что общее условіе не канчивати здѣсь замѣнено указаніемъ, съ кѣмъ не заключать договоровъ. Великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ и Тверской Михаилъ Александровичъ по договору 1398 г. 200) могли заключать договоры съ Рязанью, но имъ важно было уговориться не заключать другъ безъ друга договоровъ съ Витовтомъ, такъ какъ Московскій князь былъ съ нимъ во враждѣ изъ-за Новгорода 201), а договоръ писался въ пользу Тверскаго князя, словомъ, этого требовала политика того и другаго князя. Такъ же въ договорахъ объ общности друзей и враговъ между великими князьями упоминается всегда, противъ какихъ враговъ и эти враги измѣняются, смотря по обстоятельствамъ. Напр., въ договорѣ Дмитрія Ивановича Донскаго съ Тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ 1368 г. 202) упоминается о совѣстномъ дѣйствіи только противъ Татаръ, такъ какъ для великаго князя Московскаго они представлялись самымъ главнымъ врагомъ, а договоръ написанъ въ пользу Москвы; въ договорѣ же того же Тверскаго князя съ великимъ княземъ Московскимъ Василиемъ

196) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 36.

197) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 76—77, 88—89.

198) Ibid.

199) А. А. Э., т. I, № 14.

200) Ibid.

201) „Ист. Рос. съ др. вр.", т. IV стр. 30.

202) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 28.

Дмитріевичемъ 1398 г. 203) еще прибавляются Нѣмци и Литва и Ляхи, такъ какъ для обоихъ великихъ князей были важны отношенія къ ордену, къ Витовту, къ Ягайлѣ и т. д. Такимъ образомъ условіе это не абсолютное, а частное, по извѣстному случаю. Во многихъ договорахъ мы вовсе не находимъ его 204). Между тѣмъ ни въ одномъ договорѣ удѣльнаго князя съ великимъ мы не встрѣчаемъ спеціальнаго указанія, что съ такимъ-то княземъ не сноситься, и противъ такихъ-то быть за одинъ. Мы, правда, имѣемъ въ одномъ договорѣ великаго князя Московскаго Василія Васильевича съ княземъ Галицкимъ Юріемъ Дмитріевичемъ 1433 г. 205) условіе: „а съ Литвою ти у мене помощи не имати“, но это условіе отрицательнаго характера и объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ княжилъ побратимъ и своякъ Юрія Дмитріевича Свидригайло 206). Въ остальныхъ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими даже и не упоминается объ опредѣленныхъ княженіяхъ, а просто говорится „не канчивати“. Конечно, мы видимъ, что въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ ума и энергіи великихъ князей то одинъ беретъ верхъ, то другой, но надо замѣтить, что всегда мы или вовсе не встрѣчаемъ упоминанія объ условіяхъ ограничивающихъ внѣшнія сношенія, или встрѣчаемъ въ частной формѣ и всегда съ характеромъ международности. Съ фактомъ взаимной независимости и политическаго равенства великихъ князей между собою никто не станетъ спорить. В. И. Сергѣевичъ признаетъ это 207) относительно всѣхъ князей вообще. С. М. Соловьевъ, который старается, какъ намъ кажется, всѣхъ подчинить Московскому великому князю, самъ указываетъ, что подчиненіе одного великаго князя другимъ дѣло случая, силы и ловкости бояръ 208). Владимірскій-Будановъ 209) считаетъ отношенія всѣхъ князей болѣе или менѣе международными, и отношенія великихъ князей другъ къ другу рѣшительнѣе другихъ. Въ заключеніе этого отдѣла упомянемъ, что подъ конецъ XV столѣтія великіе князья Московскіе, захвативъ Рязань, захвативъ великій Новгородъ, стали называться *великими князьями всея Руси*—первый разъ такой титулъ въ договорахъ встрѣчается въ договорной грамотѣ великаго князя Московскаго Ивана Васильевича III въ 1484 г. съ великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ 210). Въ

203) А. А. Э., т. I, № 14.

204) С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 31, 48. А. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I, № 51.

205) С. Г. Гр. и Д., т. I, № 49—50.

206) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 69.

207) „Вѣче и князь“, стр. 150.

208) „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. III, стр. 321.

209) „Хрест. по ист. Рус. пр.“, вып. 2-й, стр. 10 (прим.).

210) С. Г. Гр. и Д. т., I, № 119—120.

слѣдующій годъ была захвачена Московю Тверь, и тогда великій князь Московскій еще съ бѣльшимъ основаніемъ могъ именоваться *великимъ княземъ всея Руси*. Въ сношеніяхъ съ Ливоніей и мелкими нѣмецкими владѣніями Иванъ Васильевича III принимаетъ даже титулъ *царя всея Руси* ²¹¹⁾, но надо замѣтить, что этотъ титулъ вовсе не употреблялся въ сношеніяхъ съ русскими князьями.

Г. Условія договоровъ удѣльныхъ князей съ удѣльными.

Такихъ договоровъ до насъ дошло только два: договорная запись Дмитрія Юрьевича Шемяки и Ивана Андреевича Можайскаго съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ и Василиемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1448 г. ²¹²⁾ и договорная грамота князя Ивана Васильевича (сына Василия Ярославича Боровскаго) съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ въ 1461 г. ²¹³⁾. Отличительный признакъ ихъ тотъ, что они заключены посовѣршенно частному случаю, касаются только одного вопроса. Въ первомъ договорѣ, который былъ заключенъ послѣ того, какъ Василій Васильевичъ Темный снова сѣлъ на великокняжескій столъ, Шемяка бѣжалъ въ Каргополь, бояринъ Сабуровъ переданъ Василию Васильевичу ²¹⁴⁾, оба князя обращаются къ посредству Михаила Андреевича Верейскаго и Василия Ярославича Боровскаго, вѣрныхъ союзниковъ великаго князя Василия Васильевича, чтобы начать переговоры съ Московю. Въ этой договорной записи намѣчаются условія, о которыхъ хотятъ Шемяка и Можайскій договариваться съ Московскимъ великимъ княземъ — это прелиминарный договоръ, который долженъ былъ быть еще утвержденъ Василиемъ Васильевичемъ и потомъ быть написаннымъ отъ его лица. Настоящій договоръ былъ Иваномъ Андреевичемъ заключенъ съ Василиемъ Васильевичемъ въ томъ же 1448 г. ²¹⁵⁾ позднѣе, при чемъ подтверждается старый договоръ 1447 г. ²¹⁶⁾, а Дмитрій Шемяка по всей вѣроятности вовсе не заключалъ договора, такъ какъ въ томъ же году началъ военныя дѣйствія противъ Москвы. Такимъ образомъ это, собственно, не договоры удѣльныхъ съ удѣльными князьями, а договоръ удѣльныхъ князей съ великимъ, представителями котораго были князья Верейскій и Боровскій. Договоръ Ивана Васильевича съ Иваномъ Андреевичемъ,

²¹¹⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. V, стр. 207.

²¹²⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 67.

²¹³⁾ А. А. О., т. I, № 70.

²¹⁴⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 77.

²¹⁵⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 68.

²¹⁶⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, № 63.

бывшимъ Можайскимъ княземъ, есть договоръ двухъ изгнанныхъ князей о томъ, чтобы сообща идти возвращать себѣ потерянные владѣнія и освободить отца Ивана Васильевича, Василия Ярославича Боровскаго, изъ заточенія. Василий Ярославичъ былъ схваченъ Василиемъ Васильевичемъ Московскимъ и заточенъ сперва въ Угличъ, а потомъ въ Вологдѣ, гдѣ и умеръ ²¹⁷⁾. Въ договорѣ этомъ говорится: „на семъ на всемъ, господине, брате старѣйшій, князь Иванъ Андреевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ, ко своему брату молодшему, князю Ивану Васильевичу; что, господине, князь великій Василий Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованьи и выгонялъ тебя изъ твоея отчины и дѣдины и также, господине, князь великій Василий Васильевичъ ялъ моею отца князя Василия Ярославича на крестномъ цѣлованьи безчинно и мене выгналъ изъ моея отчины и дѣдины: и тобѣ, господине, князь Иванъ Андреевичъ пойти доставати своея отчины и дѣдины и князя Василия Ярославича и нашея отчины и дѣдины“. Затѣмъ говорится, что долженъ дать Иванъ Можайскій Ивану Васильевичу, если ему удастся захватить великокняжескій столъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что договоры удѣльныхъ князей съ удѣльными не представляютъ обычнаго явленія—это исключительные случаи. Въ обѣихъ договорныхъ грамотахъ говорится, что удѣльный князь и великій или черезъ посредство удѣльныхъ князей или, если одна изъ сторонъ займетъ великокняжескій столъ, вступать въ такія отношенія. Этотъ фактъ снова указываетъ, что удѣльные князья одни, безъ великихъ, въ самостоятельныя договорныя отношенія не вступали по вопросамъ, касающимся ихъ владѣній и внѣшнихъ сношеній. Между тѣмъ великіе князья въ договорахъ между собою и съ удѣльными часто ²¹⁸⁾ упоминаютъ о взаимныхъ отношеніяхъ удѣльныхъ князей между собою и регулируютъ ихъ. Итакъ, какъ самостоятельный родъ договоровъ, договорныя грамоты удѣльныхъ князей между собою значенія не имѣютъ. Мы помѣстили ихъ отдѣльно, такъ какъ они существуютъ отдѣльно, а также, какъ отрицательное доказательство отсутствія внѣшнихъ сношеній удѣльныхъ князей съ другими князьями помимо своихъ великихъ князей.

²¹⁷⁾ „Ист. Рос. съ др. вр.“, т. IV, стр. 86.

²¹⁸⁾ С. Г. Гр. и Д., т. I, №№ 28, 31, 36, 43—44 и др.

Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 года.

А. П. Сапожниковъ.

I.

Въ прошломъ году въ память 600-лѣтняго основанія швейцарскаго союза и въ честь 700-лѣтняго юбилея города Берна, разные швейцарскія учрежденія (швейцарскій союзный совѣтъ, организаціонный комитетъ празднованія юбилея города Берна, швейцарскія историческія общества и пр.) предприняли рядъ изданій по исторіи Швейцаріи и Берна, поражающихъ роскошью изданій и полнотою матеріала и дающихъ возможность познакомиться съ общимъ ходомъ швейцарской исторіи. Правда, въ изданныхъ книгахъ нѣтъ ничего новаго: то, что было извѣстно раньше, добросовѣстно собрано и освѣщено съ точки зрѣнія спеціальнаго міровоззрѣнія того или другого автора, то, что не было извѣстно—осталось неизвѣстнымъ. Знакомясь съ содержаніемъ главнѣйшихъ изъ юбилейныхъ книгъ, мы поражаемся тѣми громадными и важными проблемами, какими характеризуется швейцарская исторіографія, особенно въ области изученія первыхъ вѣковъ существованія швейцарскаго союза. Швейцарскіе историки дѣлаютъ все возможное, чтобы возстановить историческую картину жизни своей родины, но, за отсутствіемъ многихъ древнихъ актовъ или иныхъ историческихъ памятниковъ, всѣ ихъ усилія остаются тщетными.

Поэтому среди юбилейной литературы вниманіе историка Швейцаріи останавливается преимущественно на трудахъ, посвященныхъ посильному разрѣшенію многихъ вопросовъ, до сихъ поръ не нашедшихъ разрѣшенія. Такимъ трудомъ является именно книга Цюрихскаго профессора, д-ра В. Экли (W. Oechsli) „Die Anfänge der

schweizerischen Eidgenossenschaft“, изданная по порученію швейцарскаго союзнаго совѣта. Авторъ поставилъ себѣ цѣлю не простое изложеніе уже собраннаго матеріала, а освѣщеніе политической исторіи при помощи детальной разработки нѣкоторыхъ, мало изслѣдованныхъ сторонъ исторической жизни Швейцаріи, какъ напр., экономической, правовой и культурной. Онъ кладетъ въ основу своего труда не народныя преданія, какъ это дѣлаютъ другіе швейцарскіе историки, а научную истину. Казалось бы, что въ наше время для научныхъ трудовъ не можетъ быть иного критерія, что народныя преданія, не имѣющія исторической подкладки, могутъ лишь служить матеріаломъ для исторіи развитія народной фантазіи, исторіи народной литературы, устной или письменной, но не исторіи, изображающей дѣйствительный ходъ прошедшей жизни. Между тѣмъ въ этомъ же году, по тому же поводу, Бернскій профессоръ Hiltz издалъ книгу объ исторіи швейцарскихъ конституцій, въ которой беретъ народныя преданія подъ свою защиту, и высказываетъ недовольство слишкомъ, по его мнѣнію, критическимъ отношеніемъ ученыхъ къ различнымъ памятникамъ народной старины. Впрочемъ, объ этой книгѣ поговоримъ отдѣльно.

Книга профессора Oechsli настолько интересна, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить русскихъ читателей съ ея содержаніемъ. Въ первой главѣ: „о заселеніи лѣсныхъ кантоновъ“ авторъ указываетъ на то, что сама природа предначертала, до извѣстной степени, историческую роль Швейцаріи—быть посредницей между главными народами Средней Европы, ведя въ тоже время самостоятельную отъ послѣднихъ жизнь. Въ древности на Швейцарской землѣ столкнулись италійскіе народы съ кельтами и германцами, во время переселенія народовъ—съ алеманнами, бургундами и лангобардами. Съ заключеніемъ вѣчнаго союза трехъ лѣсныхъ кантоновъ, въ 1291 г., Швейцарія начала жить особою политическою жизнью, среди трехъ могущественныхъ сосѣдей—Германіи, Италіи и Бургундіи, создавъ своеобразное государство, получившее право гражданства въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. До недавняго времени ученые придерживались того взгляда, что лѣсные кантоны, въ періодъ до Карла Великаго, не были заселены, такъ какъ въ нихъ не найдены памятники—курганы, свайныя постройки, сосуды и т. д., которые указывали бы на существованіе тамъ людей до пришествія германцевъ. Но въ недавнее время сдѣланы кое-какія находки, указывающія на то, что и въ до-германскомъ періодѣ лѣсные кантоны имѣли своихъ обитателей. Oechsli идетъ еще дальше и заявляетъ, что лѣсные кантоны были заселены еще до римской культурной эпохи, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ, и даже въ періодѣ свайныхъ построекъ,

хотя слѣдовъ послѣднихъ при Фирвальдштетскомъ озерѣ не найдено. Болѣе многочисленны и достовѣрны слѣды бронзоваго періода: нѣкоторые предметы этого времени хранятся въ Цюрихскомъ антикварномъ музеѣ,—предметы, найденные въ Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ и указывающіе на существованіе, въ названныхъ кантонахъ, кочующихъ народовъ. Римскія же монеты и предметы домашняго употребленія, найденные въ большомъ количествѣ, несомнѣнно указываютъ, по мнѣнію Oechsli, на существованіе заселенныхъ мѣстъ въ древней Швейцаріи, въ до-германской эпохѣ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ многія имена различныхъ деревень, рѣкъ, долинъ, горъ и т. д. носить слѣды римскаго происхожденія.

О времени германизации древней Швейцаріи и объ условіяхъ ея не осталось никакихъ историческихъ памятниковъ; все, что сказано по этому поводу въ старыхъ историческихъ сочиненіяхъ, основано на басняхъ XV и XVI столѣтій. Нѣкоторые найденные предметы указываютъ на то, что Алеманны уже въ III и IV столѣтіяхъ достигли береговъ Фирвальдштетскаго озера; вообще можно принять, что германское заселеніе началось въ V столѣтіи и продолжало усиливаться до IX ст. При этомъ на основаніи этимологическаго разбора именъ различныхъ мѣстностей лѣсныхъ кантоновъ Oechsli приходитъ къ выводу, что алеманны заселяли эти кантоны только послѣ того, какъ заняли не-лѣсные и не-гористые кантоны и не группами, а отдѣльными семьями, можетъ быть помѣщиками со своими крѣпостными были первыми алеманнами въ этихъ областяхъ. Этимъ объясняется малочисленность находокъ языческо-алеманнскаго періода. Нѣкоторыя данныя изъ позднѣйшей исторіи позволяютъ заключить, что въ Швицѣ по преимуществу селились свободные алеманны. Напротивъ, въ Ури, надо принять, селились алеманнскіе герцоги съ своими крѣпостными. Въ Унтервальденѣ заселеніе могло произойти двоякимъ образомъ: во-первыхъ вначалѣ крупное землевладѣніе помѣщиковъ и поселенія съ крѣпостными могли преобладать, или, во-вторыхъ кантонъ заселился крестьянами, скоро утратившими свободу; что касается культуры этого періода, то различныя географическія имена указываютъ на стремленіе алеманновъ расчищать лѣсъ для пахотныхъ земель. Относительно же того, сопровождалась ли германизация края рабствомъ, истребленіемъ или изгнаніемъ романскаго населенія, или же произошла ассимиляция двухъ народностей, невозможно имѣть яснаго представленія за отсутствіемъ историческихъ данныхъ. Фактъ тотъ, что въ началѣ исторіи, удостовѣренной памятниками (письменными), германизация края окончательно завершилась. Первые историческія извѣстія о лѣсныхъ кантонахъ восходятъ до VIII ст., когда Ури былъ мѣстомъ изгнанія нѣкоторыхъ выдающихся сановниковъ того

времени, какъ аббата Рейхенаускаго. Цѣлое столѣтіе проходитъ, пока снова является историческое извѣстіе объ Ури, именно когда этотъ кантонъ былъ подаренъ Людвигомъ Нѣмецкимъ, внукомъ Карла Великаго, монастырю St. Felix et Regula въ Цюрихѣ. Это показываетъ, что Ури уже въ срединѣ IX ст. былъ населенъ. Въ немъ были уже 3 церкви, кромѣ главной въ Альторфѣ. Весь кантонъ принадлежить королю и не только земля, но и люди, ее обрабатывающіе, составляютъ собственность владѣтеля, такъ что въ массѣ тогдашнее население Ури было несвободно, а находилось въ крѣпостной зависимости отъ короля. Новѣйшіе историки принимаютъ, что не весь кантонъ Ури былъ подаренъ монастырю, а только часть. Oechsli не раздѣляетъ этого мнѣнія. Другое воззрѣніе историковъ, что не вся земля принадлежала королю, а только часть, и что на ряду съ нимъ были землевладѣльцы, именно свободные крестьяне, также не принято Oechsli. Впослѣдствіи, конечно, возникли отдѣльныя имѣнія, принадлежавшія графамъ и т. п. лицамъ, но земли все-таки считалась собственностью короля. Что касается свободныхъ крестьянъ въ XIII ст., то ихъ появленіе надо приписать процессу эманципации, отдѣльные періоды котораго въ продолженіе X—XII ст. остались неизвѣстными. Аббатисса Цюрихскаго монастыря была еще XIII и XIV ст. главнымъ крупнымъ собственникомъ въ кантонѣ Ури и имѣла право патроната надъ всѣми тамошними церквями. Ея владѣнія заключали въ себѣ деревни, сады, виноградники, пашни, луга, разбросанные по всему краю. Это владѣніе, какъ всякое другое, въ то время раздѣлялось на 2 части: одна часть находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ владѣтелей или ихъ чиновниковъ и называлась terra salica; другая часть отдавалась крестьянамъ участками, наслѣдовавшими въ семьѣ, и называлась наслѣдованное владѣніе (Erbleben). Первые земли могли отдаваться въ аренду, но по истеченіи срока переходили обратно во владѣніе аббатиссы, вторыя же составляли въ сущности неотъемлемую собственность крестьянъ, платившихъ различныя оброки. Возможно даже, что въ XIII и XIV ст. крестьяне могли отдавать свои земли безъ разрѣшенія аббатиссы. Послѣдняя не могла даже забрать крестьянскихъ земель за неисправную уплату оброковъ; получить эти земли обратно она могла только куплей. Третій родъ владѣній монастыря составляли земли, данныя чиновникамъ или рыцарямъ, платившимъ за пользованіе не оброкомъ, а службой. Наконецъ въ зависимости отъ монастыря находились альменды. Все владѣніе аббатиссы раздѣлялось въ срединѣ XIII столѣтія на 4 участка (villicatus, Meierämter), во главѣ которыхъ стояло по одному чиновнику, Meier'u; на обязанности этихъ чиновниковъ лежалъ сборъ податей и налоговъ въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ. Вѣроятно,

что раньше эти чиновники исполняли также судейскія и полицейскія дѣла, но съ усиленіемъ власти королевскихъ намѣстниковъ и съ развитіемъ самоуправленія общинъ эта часть обязанностей была съ нихъ снята; по крайней мѣрѣ, въ документахъ XIII ст. объ этомъ болѣе не упоминается. За труды мейеры получали жалованье и доходъ съ отведеннаго имъ участка земли. Въ 1393 г. эти были должности отмѣнены.

Оброки вносились частью деньгами, частью натурой, но такъ что за земли, за которыя вносили деньгами, не платили натурой и обратно. Полный доходъ монастыря въ первые времена неизвѣстенъ за отсутствіемъ матеріаловъ. Кромѣ этого постоянного дохода были еще случайные, напр., съ наслѣдниковъ монастырскихъ крестьянъ, съ покупателей монастырскихъ имѣній; въ XIII ст. аббатисса получала наслѣдство незаконорожденныхъ и не оставившихъ дѣтей монастырскихъ крестьянъ.

На ряду съ цюрихской аббатиссой былъ уже въ Ури въ концѣ XII и началѣ XIII ст. многочисленный классъ свѣтскихъ владѣтелей, изъ которыхъ самыми могущественными были фогты, позже графы изъ Рапперсвилля. Какимъ образомъ названные графы приобрѣли свои владѣнія въ Ури, неизвѣстно: во всякомъ случаѣ аббатисса уступила имъ земли довольно рано, такъ какъ уже въ XIII ст. рапперсвилльскіе крѣпостные стояли на еще болѣе низкой ступени свободы, нежели монастырскіе крестьяне. Въ XIII столѣтіи почти всѣ свѣтскіе владѣтели постепенно уступили свои земли продажей, дареніемъ и т. д. монастырямъ и вообще духовенству; иные же владѣтели продали не земли, а только право на налоги.

Только спустя почти 250 лѣтъ съ появленія имени Ури въ историческихъ документахъ, упоминается въ послѣднихъ имя „Швицъ“, другого лѣснаго кантона. Владѣнія въ Швицѣ имѣли въ X и XI вв. монастырь Einsiedeln, женскій монастырь Schämris, монастырь Engelberg, Beromünster и т. д. По скольку можно видѣть изъ оставшихся документовъ, общій доходъ монастырскихъ владѣній былъ не особенно великъ. Здѣсь, какъ и въ Ури, кромѣ духовныхъ владѣтелей, были и свѣтскіе. Крестьяне послѣднихъ были сначала несвободны, но вскорѣ откупились отъ крѣпостничества, наполнивъ собою ряды свободныхъ крестьянъ, всегда жившихъ на собственной землѣ и никогда не бывшихъ подъ ярмомъ крѣпостничества. Свободные крестьяне въ Швицѣ платили владѣльцамъ налогъ въ 3000 франковъ (60 марокъ) въ годъ. Въ третьемъ лѣсномъ кантонѣ, въ Унтервальденѣ, также довольно рано появляются духовные владѣтели, напр., въ XI в. владѣнія Люцернскаго монастыря. Въ XIII ст. послѣдній имѣлъ 15 деревень (Dinghofe), изъ которыхъ три находились въ Унтерваль-

рать войско. Графъ не былъ судьей, а только предсѣдателемъ въ судѣ, судъ собственно производила вся община, что является характерной чертой древне-германскаго судебного процесса. Народъ имѣлъ не только право, но обязанность въ участіи въ судѣ. Неограниченная натуральная повинность въ связи съ неоплачиваемой военной службой и системой денежныхъ штрафовъ была главной причиной экономическаго разоренія бѣдныхъ свободныхъ крестьянъ. Карлъ Великій облегчилъ имъ повинности, позволивъ имъ только три раза въ году присутствовать на общихъ судебныхъ засѣданіяхъ. Графъ получалъ за свои труды треть судебныхъ доходовъ, остальные двѣ трети онъ отдавалъ королю; кромѣ того онъ пользовался доходами съ нѣкоторыхъ королевскихъ имѣній. Уже довольно рано замѣтна склонность графовъ къ полученію подарковъ отъ своихъ подчиненныхъ; многія запрещенія со стороны первыхъ каролинговъ указываютъ на распространенность послѣдняго обычая. Подъ вліяніемъ ленной системы графства, какъ и всѣ имперскія должности, стали наследственными, причемъ графъ мало-по-малу терялъ значеніе чиновника и становился самостоятельнымъ господиномъ въ своей территоріи. Однако въ XIII в. графы были еще чиновниками и утверждались королемъ. Подобное состояніе было въ XIII столѣтіи въ лѣсныхъ кантонахъ, гдѣ графское достоинство хотя и начало передаваться по наследству, но съ королевскаго утвержденія.

Первое извѣстное политическое событіе изъ исторической жизни кантона Швица — пограничная распря съ монастыремъ Einsiedeln изъ-за земли, полученной отъ расчищенія лѣсовъ и необходимой для альпійскаго хозяйства жителей кантона. На сторонѣ Швица были графы Рудольфъ и Арнольдъ Ленцбургскіе, но императоръ Генрихъ V въ 1114 году призналъ жалобу монастыря правильной и рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго. Этимъ пограничная распря не кончилась. Швицеры считали резолюцію придворнаго суда неправильной и рѣшили силой отобрать захваченныя у нихъ земли, найдя себѣ союзника въ лицѣ графа Рудольфа Ленцбургскаго. Дѣло снова пошло на разсмотрѣніе короля Конрада III въ Страсбургѣ въ 1143 г. и на сей разъ въ присутствіи 3 епископовъ, 4 аббатовъ, 2 герцоговъ, 1 маркграфа и 24 графовъ вынесена была та же резолюція, какъ въ 1114 году. Швейцарскіе историки расходятся по вопросу объ участіи графовъ Ленцбургскихъ въ этой распрѣ: одни, какъ Tschudi, Müller и др. предполагаютъ, что графы разсматривали Швицъ, какъ свое наследственное владѣніе, и потому защищали его отъ королей, другіе же, какъ Oechsli, принимаютъ, что графы были заинтересованы въ этой распрѣ только потому, что они имѣли владѣнія въ Швицѣ. Свободные алеманны въ Швицѣ были въ хозяйственномъ союзѣ съ та-

гимъ, увеличивая такимъ путемъ число своихъ вассаловъ. Обыкновенно они отдавали деревни въ ленное владѣніе рыцарямъ и дворцовымъ чиновникамъ, предоставляя послѣднимъ право суда по гражданскимъ и мелкимъ уголовнымъ судамъ и пользованія штрафами. Крупныя уголовныя дѣла рѣшались графами. Такая низшая судебная инстанція для деревни называлась „Vogtei“ и скоро ихъ появилось значительное количество, вытѣсняя прежніе сотенные суды. Фогтъ отличался отъ сотника тѣмъ, что онъ не былъ графскимъ чиновникомъ, а леннымъ вассаломъ, и могъ свое ленное право передавать по наслѣдству, отдавать въ аренду и подъ залогъ. Фогты брали отъ своихъ подчиненныхъ особые налоги, принуждали крестьянъ къ различнымъ повинностямъ и къ барщинѣ, брали третью часть покушной суммы при продажѣ имѣній и т. д. Положеніе крестьянъ, подчиненныхъ фогту, было несравненно тягостнѣе, нежели непосредственно подчиненныхъ графу. Поэтому такихъ крестьянъ считали не вполне свободными, а какъ бы занимающими середину между свободными и крѣпостными. Такихъ 'фогтовъ было много до XIV ст. въ Швицѣ и Унтервальденѣ.

Вначалѣ графскія права были распространены исключительно на свободный элементъ населенія. Несвободные не могли пользоваться судомъ и правомъ; они были зависимы отъ произвола своего господина, который отвѣчалъ за нихъ при причиненіи ими вреда постороннимъ лицамъ. Соціальная эволюція въ франкскомъ государствѣ повела къ тому, что крупныя владѣнія достались свѣтскимъ и духовнымъ феодаламъ, множество же обѣднѣвшихъ свободныхъ поступало въ услуженіе къ послѣднимъ и обрабатывало за опредѣленную плату наряду съ крѣпостными владѣльческія земли. Положеніе такихъ обѣднѣвшихъ, но еще свободныхъ крестьянъ было несомнѣнно лучше, такъ какъ они имѣли зачитниковъ въ правительственныхъ чиновникахъ и судахъ. Дабы воспрепятствовать вмѣшательству правительства во внутреннія дѣла феодальныхъ владѣній, феодалы выработали рядъ правилъ, регулирующихъ ихъ отношенія къ зависимымъ отъ нихъ свободнымъ крестьянамъ, — правилъ, принесшихъ пользу крѣпостнымъ, бывшимъ до того времени вполне подчиненными произволу своихъ господъ. Въ каждомъ владѣніи выработались особое право и особый судъ (Hofrecht и Hofgericht). Въ судѣ принимали активное участіе всѣ подчиненные феодала, какъ свободные, такъ и полусвободные; феодалъ или его управляющій предсѣдательствовалъ и приводилъ рѣшенія суда въ исполненіе. Развитію этихъ судовъ много помогала иммунитетъ. Еще во время Меровинговъ короли награждали духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей привилегіями, закрывшими графамъ и другимъ чиновникамъ доступъ для исполненія

своихъ обязанностей въ имѣнія привилегированныхъ владѣтелей, такъ что графы обращались обыкновенно къ владѣтелю, дабы онъ самъ взялъ у такого-то подати, представилъ такого-то въ судъ и т. д. Скоро понятіе иммунитета еще болѣе расширилось: оно обыкновенно означало освобожденіе отъ государственныхъ налоговъ и податей или право взиманія послѣднихъ въ пользу владѣтеля. Кромѣ того, привилегированнымъ владѣтелямъ дана была низшая судебная юстиція, а затѣмъ и высшая. Имѣніе короля представляло подобное привилегированное владѣніе: онъ раздѣлилъ его на домены (*fisci*), во главѣ которыхъ поставилъ чиновниковъ (*judices*) съ низшей судебной компетенціей; уголовныя дѣла рѣшались графами, но не на королевской землѣ, до тѣхъ поръ пока не введены были имперскіе фогты, окончательно удалившіе графовъ отъ королевскихъ имѣній. Владѣнія епископскихъ церквей и старыхъ аббатствъ также пользовались привилегіей иммунитета, причемъ во главѣ такихъ владѣній былъ свѣтскій представитель, *advocatus* (фогтъ), на ряду съ настоящимъ духовнымъ владѣтелемъ. Онъ исполнялъ судейскія обязанности и былъ представителемъ владѣнія во внѣшнихъ сношеніяхъ. Отношенія церковныхъ фогтовъ къ епископу, аббату или пробсту были сначала различны. При нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквяхъ фогты назначались королемъ и считались государственными чиновниками; при иныхъ епископы избирали фогтовъ, считавшихся тогда церковными чиновниками, и наконецъ при иныхъ фогтство переходило по наслѣдству въ семьѣ основателя монастыря. При разбросанности имѣній фогты имѣли подчиненныхъ помощниковъ, находившихся въ ленной отъ нихъ самихъ зависимости. Фогты часто были весьма тяжелы для населенія монастырскихъ владѣній, и потому нѣкоторые духовные владѣтели ограничили ихъ права, предоставивъ имъ право суда надъ уголовными преступниками, полицейскія же и гражданскія дѣла оставляли за собою. За свои труды церковные фогты пользовались доходомъ съ нѣкоторыхъ земель и получали треть штрафовъ. Кромѣ монастыря, и свѣтскіе владѣтели пользовались привилегіей иммунитета.

Для лѣсныхъ кантоновъ важною иммунитетною областью было цюрихское имперское фогтство, такъ какъ въ ней заключался кантонъ Ури. Объ управленіи имперскихъ фогтовъ кантономъ Ури ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что по смерти герцога Бертольда V въ 1218 г. кантонъ Ури сдѣланъ былъ отдѣльнымъ фогтствомъ. Въ Швицѣ иммунитетомъ пользовался монастырь Einsiedeln, получившій его въ 946 г. отъ Оттона I, а въ Унтервальденѣ монастырь Мурбахъ-Люцернъ.

Словами: „Non est amplius nisi liber et servus“, каппитуларій

Карла Великаго выразилъ основную идею древне-германскаго сословнаго права. У большей части племенъ была, впрочемъ, древняя аристократія, состоявшая изъ нѣсколькихъ семействъ, близкихъ къ вымиранію, и были такъ называемые „полусвободные“, но все же главная масса населенія раздѣлялась на свободныхъ, принимавшихъ участіе въ судѣ, служившихъ государству и имѣвшихъ свои опредѣленные участки земли, и несвободныхъ — безправныхъ. Эта противоположность служила также основой средневѣковаго сословнаго различія, но рядъ фактовъ значительно измѣнилъ сословныя грани. Франкскій государственный строй, обѣднѣніе свободныхъ крестьянъ, увеличеніе крупныхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей, возникновеніе новой аристократіи въ лицѣ ленныхъ вассаловъ, способствовали уменьшенію числа свободныхъ и увеличенію несвободныхъ крестьянъ. Въ то же время положеніе послѣднихъ значительно улучшилось, благодаря упорядоченію ихъ отношеній къ своимъ господамъ и благодаря тому, что различная служба была замѣнена оброкомъ съ земли.

По обычному праву въ XIII в. еще строго различали между свободными и несвободными крестьянами, между свободными, жившими на своей собственной землѣ и непосредственно подчиненными королю и его графамъ, и свободными, но подчиненными фогтамъ или жившими на земляхъ какого-нибудь владѣтеля. Браки между рыцарями и вполнѣ свободными крестьянами считались приличными, таковыя между послѣдними и подчиненными крестьянами считались неприличными. Иначе было по ленному праву. Рыцари, происходившіе отъ свободныхъ и несвободныхъ, получали за свою службу ленныя владѣнія и стремились къ тому, чтобы затруднить доступъ постороннимъ элементамъ общества въ ихъ ряды. Они стали по отношенію къ свободнымъ нерыцарямъ аристократами и заключали браки только между собою. Барбаросса окончательно запретилъ крестьянамъ вступать въ рыцарское сословіе. Рыцари дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, на высшую и низшую аристократію. Высшая аристократія составила изъ наслѣдственныхъ имперскихъ чиновниковъ, графовъ и князей, и изъ „свободныхъ господъ“, владѣтелей, могущихъ посвятить себя рыцарской службѣ. Въ лѣсныхъ кантонахъ жила только одна семья изъ высшей аристократіи, именно семья Attinghusen въ Ури. Несвободные рыцари (Ministerialen) происходятъ отъ бывшихъ крѣпостныхъ, выдвинувшихся, благодаря личнымъ услугамъ оказаннымъ господамъ, надъ остальными своими сотоварищами. Исполняя рыцарскую службу, они находились въ почетѣ и принадлежали къ аристократіи, но свободу не получали и были вполнѣ подчинены своимъ господамъ. Несвободные рыцари постепенно раздѣлились на 2 группы — на рыцарей и слугъ (clientes, armigeri, famuli). Въ лѣсныхъ кантонахъ было много

несвободныхъ рыцарей, перечисленіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что въ письменныхъ документахъ рыцарскіе слуги ставились на одну доску съ выдающимися элементами крестьянства. О многочисленности рыцарства въ лѣсныхъ кантонахъ въ первые вѣка нашего тысячелѣтія говорятъ многія развалины, сохранившіяся до настоящаго времени.

Свободное сельское населеніе нерыцарскаго сословія распалось на 3 класса: на вполне свободныхъ въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, на подчиненныхъ фогту и на свободныхъ, но зависимыхъ отъ владѣтеля. Первый классъ поляѣ свободныхъ крестьянъ составлялъ главную массу населенія лѣсныхъ кантоновъ въ XIII в., менѣе было крестьянъ второго класса. Кромѣ свободныхъ были и не-свободные, особенно въ кантонѣ Ури. Положеніе послѣднихъ мало извѣстно, но можно принять, что имъ лучше жилось при духовныхъ, нежели свѣтскихъ владѣтеляхъ. Они имѣли право откупаться отъ свѣтскаго господина, но обязательно должны были сдѣлаться крѣпостными монастыря. Особенно много крѣпостныхъ было въ Унтервальденѣ.

Что касается сельскаго хозяйства того времени, то можно принять, что тогда на-ряду съ скотоводствомъ процвѣтало земледѣліе, особенно въ Ури, а также и винодѣліе. Важно было для жителей того времени, какъ и нынѣ, садоводство, процвѣтавшее во всѣхъ трехъ кантонахъ. Главное же мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ занимали въ XII и XIII вв., безъ сомнѣнія, скотоводство и молочное хозяйство. (Oechsli собралъ еще немногочисленные данныя объ охотѣ, рыболовствѣ, пчеловодствѣ и лѣсоводствѣ). Каждый крестьянинъ принадлежалъ къ Markgenossenschaft съ правомъ общаго пользованія общинными землями и лѣсами; только въ Унтервальденѣ въ XIII в. не было болѣе общинныхъ земель. Oechsli приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ распаденіе такихъ крестьянскихъ общинъ. На-ряду съ земледѣліемъ промышленность была мало развита: она служила лишь добавленіемъ къ первому. Болѣе важны были, особенно для Ури, торговля и перевозка товаровъ, особенно съ открытія С.-Готардской дороги. Важнымъ источникомъ дохода для жителей лѣсныхъ кантоновъ была военная служба у чужестранныхъ князей. Что касается численности населенія, то по этому вопросу мало что извѣстно. Въ одномъ походѣ Швицъ выставилъ 1500 воиновъ, такъ что можно принять, что его населеніе было не менѣе настоящаго (18,000). Также мало извѣстно объ умственныхъ потребностяхъ населенія и о способахъ его удовлетворенія: есть данныя, указывающія, что рыцарямъ не были чужды поэзія миннезингеровъ и стремленіе къ украшенію жилищъ произведеніями искусства. Для массы, конечно, церковь представляла

сумму умственной жизни (Oechsli приводит нѣкоторыя данныя о возникновеніи церквей въ лѣсныхъ кантонахъ до XIV в.).

Послѣ изложенія вышеуказанныхъ различныхъ культурно-историческихъ моментовъ въ жизни лѣсныхъ кантоновъ до основанія швейцарскаго союза Oechsli переходитъ къ изложенію политическихъ событій, непосредственно предшествовавшихъ этому основанію. Въ 1231 г. король Генрихъ подарилъ кантону Ури свободу; въ 1240 г. Фридрихъ II далъ свободу кантону Швицъ. Изложивъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія появленіе этихъ двухъ актовъ, и посвятивъ нѣсколько страницъ описанію возникновенія Унтервальдена изъ отдѣльныхъ союзовъ, Oechsli разсматриваетъ союзъ 1291 г. Сначала онъ изслѣдуетъ отношеніе Рудольфа Габсбургскаго къ лѣснымъ кантонамъ, а затѣмъ говоритъ о самомъ союзѣ послѣднихъ и излагаетъ войну съ Австріей. Нѣтъ надобности излагать послѣднія главы разбираемаго сочиненія: онѣ ничего новаго въ себѣ не содержатъ и могутъ быть прочтены въ любой исторіи Швейцаріи. Болѣе важны главы, посвященные культурѣ, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ много новаго и представляютъ интересный вкладъ въ историографію Швейцаріи. Въ общемъ авторъ сдѣлалъ все, что только въ настоящее время было можно для удачнаго выполненія своей задачи: онъ основывалъ свои воззрѣнія на всемъ нынѣ имѣющемся матеріалѣ съ объективнымъ отношеніемъ къ предмету, достойнымъ подражанія. Отсутствіе предвзятыхъ взглядовъ на народъ, какъ классъ, сословіе и націю, оставляетъ на читателя пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что и швейцарскіе историки страдаютъ вообще своего рода національной маніей величія.

Къ 356 страницамъ текста сдѣлано приложение въ 316 стр. Въ немъ заключается статья проф. Hunziker'a „Жилой домъ въ лѣсныхъ кантонахъ“ (Das Wohnhaus in den Waldstätten). На 4½ стр. авторъ кратко описываетъ различные типы швейцарскихъ домовъ. Далѣе слѣдуетъ полемика съ Paul Schweizer'омъ по вопросу о томъ, есть ли документъ о свободѣ, данный Швицу въ 1240 г. привилегія, или только предварительное письмо императора о желаніи дать свободу. Oechsli признаетъ его какъ уже данную привилегію. Въ отдѣльной замѣткѣ Oechsli доказываетъ ложность взгляда, будто въ 1240 г. Ури и Унтервальденъ получили документы о свободѣ. Далѣе въ приложеніяхъ помѣщены: 1) сличеніе оригинала документа объ основаніи союза въ 1291 г., хранящагося въ архивѣ Швица, съ документомъ въ Nidwalden'ѣ; 2) документъ о дарованіи кантону Ури независимости королемъ Генрихомъ VII, 26 мая 1231 года (оригиналъ утерянъ) 3) документъ, данный кантону Швицу Фридрихомъ II въ 1240 г., оригиналъ съ котораго хранится въ архивѣ Швицъ, 4) документъ объ

исходный текст въ 1291 г., оригиналъ котораго тамъ же; 5) переводъ этого документа на нѣмецкій языкъ XIV столѣтія (оригиналъ-переводъ безъ печати хранится въ государственномъ архивѣ Нидвальдена; 6) документъ о независимости, данный Унтервальдену Генрихомъ VII въ 1309 г., оригиналъ котораго—въ государственномъ архивѣ Обвальдена; 7) документъ 1309 г., по которому Генрихъ VII освобождаетъ Унтервальденъ отъ вѣнцобластного суда; 8) нѣмецкій документъ 1316 г. о союзе трехъ кантоновъ, оригиналъ котораго находится въ государственномъ архивѣ Нидвальдена; 9) текстъ перваго перемирія трехъ кантоновъ съ Австріей въ 1316 г., оригиналъ коего хранится въ люцернскомъ государственномъ архивѣ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о тщательныхъ снимкахъ съ важѣйшихъ документовъ изъ исторіи основанія Швейцаріи по географической картѣ Швейцаріи времени ея возникновенія, приложенныхъ въ сочиненіи проф. Oechslі.

II.

Профессоръ государственнаго и международнаго права въ бернскомъ университетѣ и извѣстный государственный дѣятель Швейцаріи, Hiltу издалъ трудъ подъ заглавіемъ: „Die Bundesverfassungen der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Zur sechsten Säcularfeier des ersten ewigen Bundes vom 1 August 1291 geschichtlich dargestellt im Auftrag des schweiz. Bundesrathes von Professor Dr. C. Hiltу“. Bern 1891. Во введеніи къ этому труду онъ изложилъ свое политическое міровоззрѣніе и въ частности свои взгляды на историческую науку. Писать исторію, по его мнѣнію, могутъ только люди, убѣжденные въ нравственной задачѣ государственнаго организма, люди, не признающіе ученій нѣкоторыхъ современныхъ соціологическихъ школъ. Какъ въ своихъ „Политическихъ Ежегодникахъ“, такъ и въ указанномъ трудѣ, проф. Hiltу не упускаетъ случая вступить въ полемику съ социалистами, что придаетъ его работѣ чисто публицистическій характеръ. Съ другой стороны, указавъ на малое знакомство народа съ отечественной исторіей въ силу того, что историческія сочиненія приняли черезъ-чуръ ученныя формы, онъ предлагаетъ изысканіе учебниковъ и монографій изъ школы и общенія съ заимъною ихъ чтеніемъ лѣтописцевъ, конечно, со всѣми баснями и мифами. За что же, спрашивается, такое нападеніе на связное изложеніе и группировку историческихъ событій и такая любовь къ ненаучнымъ писаніямъ лѣтописцевъ? За то, что историческія сочиненія будто бы ослабляютъ интересъ къ отечественной исторіи, порождаютъ сомнѣніе во всякой

исторической истинѣ и вызываютъ стремленіе къ основанію космополитическаго государства. Для всѣхъ „настоящихъ“ швейцарцевъ Швейцарія все еще представляетъ отдѣльное государство, единственное по своему назначенію и съ миссіей, чуждой какому бы то ни было другому народу. Въ чемъ заключается эта миссія, Hiltz однако не указываетъ и вмѣсто того, чтобы посовѣтовать швейцарскому народу позаботиться о выполненіи своей миссии также среди другихъ народовъ, онъ предлагаетъ ему окружить себя китайской стѣной. Въ первой главѣ своего труда авторъ старается доказать, что какъ народное повѣрье, такъ и историческая критика имѣютъ одинаковое значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи Швейцаріи. Вся исторія кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, до XIII столѣтія мало извѣстна въ государственномъ и правовомъ отношеніи и врядъ-ли когда либо будетъ извѣстна. Въ 853 г. внукъ Карла Великаго, Людовикъ Германскій, подарилъ „область Ури“ женскому монастырю въ Цюрихѣ. Изъ акта, даннаго по этому поводу, нельзя вывести заключенія, что весь кантонъ Ури былъ подаренъ; вѣрнѣе то, что только нѣкоторыя помѣстья, принадлежавшія королю, отданы были монастырю, остальная же часть кантона осталась независимой, поскольку отдѣльныя мѣстности его не находились во владѣніи другихъ лицъ. Рѣшеніе этого вопроса важно потому, что въ швейцарской исторической наукѣ господствуютъ два теченія. Одни ученые признаютъ, что часть жителей лѣсныхъ кантоновъ всегда была политически свободна, другіе же утверждаютъ, что первые швейцарцы были зависимыми отъ разныхъ владѣтелей и только отвоевали себѣ свободу. Какъ бы то ни было, съ 1240 г. всѣ три лѣсные кантоны получили документы „о независимости“ (Freiheitsbriefe), и съ этого времени можно считать существованіе Швейцаріи. Уже въ 1252 г. папа Иннокентій IV въ буллѣ упоминаетъ о союзѣ Швица съ Люцерномъ и Сарненомъ (Sarnen). До 1291 г. исторія лѣсныхъ кантоновъ не оставила почти никакихъ слѣдовъ политической жизни, и только въ 1291 г. былъ заключенъ знаменитый междукантональный договоръ, положившій начало Швейцарскому союзу. Правда, до сихъ поръ историческая критика не могла точно установить, дѣйствительно ли въ 1291 г. заключенъ былъ первый договоръ между тремя кантонами, но вѣрно то, что въ это время въ первый разъ заключенъ былъ между ними письменный и вѣчный союзъ. Содержаніе акта 1291 г. показываетъ, что основатели швейцарскаго союза были не чужды политики своего времени и хорошо знали, на какихъ данныхъ прочно обосновать свое начинаніе. Въ культурно-историческомъ отношеніи актъ этотъ важенъ тѣмъ, что онъ включилъ въ союзъ всѣхъ жителей лѣсныхъ кантоновъ, какъ свободныхъ, такъ и крѣпостныхъ; онъ былъ первымъ ша-

гомъ къ полному освобожденію крѣпостныхъ отъ своихъ господъ, не имѣвшихъ съ 1291 года болѣе политическихъ правъ надъ несвободными крестьянами. Въ государственно-правовомъ отношеніи актъ этотъ былъ первымъ шагомъ къ полному освобожденію отъ германской имперіи, такъ какъ, по одному изъ его пунктовъ, союзные швейцарцы не признавали имперскихъ фогтовъ—не-швейцарцевъ. Понятно, что сосѣдніе владѣтели не очень радушно встрѣтили возникновеніе свободнаго государства, и уже довольно скоро швейцарскій союзъ долженъ былъ бороться за свою самостоятельность. Для этой цѣли лѣсные кантоны вступили въ союзъ съ Цюрихомъ 16 октября 1291 г. противъ австрійскаго дома по смерти короля Рудольфа. Главное, что способствовало упроченію союза на первыхъ порахъ, было то обстоятельство, что имперія находилась въ періодѣ своего распада на многія отдѣльныя владѣнія. Швейцарское свободное государство составляло антиподъ владѣльческихъ государствъ, опиравшихся на систему феодализма. Впрочемъ, и Швейцарія также вскорѣ стала господствовать надъ чуждыми ей областями и жителями, и въ силу этого она не можетъ похвалиться, что во все время ея существованія всѣ ея жители были одинаково свободны, пользовались одинаковыми правами.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшей государственно-правовой исторіи Швейцаріи, Hiltу останавливается на сакѣ о Вильгельмѣ Теллѣ, за которой онъ признаетъ нѣкоторую долю истины. Болѣе достовѣрна, говоритъ онъ, союзная клятва на Рютли въ 1307 г., но въ доказательство приводитъ не точно установленные историческіе факты, а только свои предположенія. Какъ бы то ни было, Швейцарія фактически, безъ Вильгельма Телля или съ нимъ, была признана со стороны сосѣднихъ государствъ самостоятелною. Послѣ битвы при Моргартенѣ Австрія признала швейцарскій союзъ. Въ силу этого 9 декабря 1315 года латинскій союзный актъ 1291 года былъ опубликованъ на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ положено начало официальному существованію союза. Въ актѣ 1315 года есть добавленіе, по которому внѣшняя политика состоитъ въ вѣдѣніи союза и никакой кантонъ безъ вѣдома и согласія остальныхъ не можетъ заключать политическихъ договоровъ съ иностранными государствами или подчиниться кому бы то ни было. Въ 1318 г. заключено было съ Австріей перемиріе, въ силу котораго герцоги, владѣвшіе землями въ трехъ лѣсныхъ кантонахъ, должны были отказаться отъ всякихъ притязаній на государственныя права и пользоваться своими землями лишь въ частно-правовыхъ отношеніяхъ. По отношенію къ германской имперіи союзъ на первыхъ порахъ держался примирительной политикой; онъ согласился считаться частью имперіи съ условіемъ,

что онъ будетъ пользоваться правами, изложенными въ актѣ 1291 г. До 1331/32 г. назначались для союза имперскіе фогты, съ этого же года о послѣднихъ болѣе нѣтъ свѣдѣній. О внутренней государственно-правовой жизни перваго союза трехъ кантоновъ извѣстно мало. Въ актахъ отмѣченъ лишь одинъ съѣздъ (Tagsatzung) 24 іюля 1348 г. въ Бегтенридѣ для разрѣшенія пограничнаго спора между Ури и Швицомъ. Болѣе важнымъ событіемъ въ политической и государственной жизни трехъ кантоновъ было принятіе въ союзъ города Люцерна. Но въ виду того, что Люцернъ былъ въ зависимости отъ Австріи и что часть жителей его была противъ соединенія съ лѣсными кантонами, новый союзъ собственно состоялъ изъ двухъ частей: Люцерна съ одной стороны и Ури, Швица и Унтервальдена съ другой. Подобная группировка уже тогда предвѣщала, что Швейцарія не можетъ развиваться въ одно цѣльное государство, а только въ союзъ государствъ. Въ 1332 году къ союзу примкнули австрійскія мѣстности Герсау (Gersau) и Веггисъ (Wäggis) при Фирвальдштетскомъ озерѣ. Но Герсау вскорѣ было подчинено Люцерну и въ швейцарскомъ союзѣ впервые участвуетъ городъ-владѣтель, способствовавшій вмѣстѣ съ другими подобными городами впослѣдствіи господству аристократіи въ швейцарскихъ республикахъ. Вскорѣ за Люцерномъ вступилъ въ союзъ Цюрихъ въ 1351 г., приведшій собою новый элементъ въ государственную жизнь Швейцаріи—различіе городовъ и деревень въ политическомъ отношеніи и право отдѣльныхъ кантоновъ къ заключенію самостоятельныхъ договоровъ съ разными государствами. Вскорѣ въ войнѣ съ австрійцами союзъ присоединилъ къ своей территоріи Гларусъ и Цугъ, которые были уступлены Австріи по бранденбургскому миру 1352 г. Въ дальнѣйшей борьбѣ съ Австріей, союзъ чуть было не лишился Цюриха, заключившаго особый договоръ (регенсбургскій) съ Австрійцами, но за то Бернъ вступилъ въ союзъ и своей сепаратной политикой способствовалъ тому, что Швейцарія не могла стать цѣльнымъ государствомъ.

Во всѣхъ союзныхъ актахъ непремѣнно были слѣдующіе существенные пункты: обязательство безпрекословной помощи противъ вѣшнихъ враговъ, даже безъ формальнаго приглашенія, и неразрывность союза. Неограниченно было право отдѣльныхъ кантоновъ въ веденіи войнъ съ иностранными государствами, но кантоны могли имъ въ этомъ случаѣ придти на помощь, если кантонъ ведущій войну дастъ клятву о важности причины, побудившей его къ наступательному движенію. Въ позднѣйшихъ актахъ установлены періодическія нормальныя возобновленія союзовъ присягой всѣхъ взрослыхъ чрезъ каждыя пять лѣтъ. Ревизіи союзной конституціи въ современномъ значеніи никогда не было. Государственное имя союза гласило для иностранцевъ „der

alte, grosse Pundt in hochtutschen Landen", „partes magnae ligae veteris Aemaniae altae" (старый большой союз въ верхне-германскихъ земляхъ); государственнаго герба не было до настоящаго столѣтія, также не было знамени.

Дальнѣйшее увеличеніе союза осуществилось присоединеніемъ Фрейбурга, Солотурна, Базеля, въ XV и XVI столѣтіяхъ. Съ Шафгаузенномъ союзъ заключенъ былъ 1 іюня 1454 г., съ Аппенцеллемъ, бывшимъ прежде въ зависимости отъ Швейцарскаго союза, въ 1513 г. Въ такой же зависимости находились многіе города и мѣстности съ монархическимъ или республиканскимъ правленіями. Таковы были: республика Герсау, аббатство Энгельбергъ, городъ Рапперсвилъ, монастырь Эвизидельнъ, всѣ большіе швейцарскіе монастыри и епископства, и наконецъ долина Урзеренъ. Отъ союза зависели также многіе мелкіе сѣтскіе владѣтели. За то нѣкоторые кантоны были вполне независимы. Такъ, въ сношеніяхъ съ иностранными государствами Граубюнденъ и Валлисъ были самостоятельны; въ Граубюнденѣ жили самостоятельными посольства иностранныхъ державъ. Договоры, по которымъ вышеназванныя мѣстности были зависимы отъ союза, суть слѣдующіе: аббатъ С. Галленскій былъ въ вѣчномъ союзѣ съ Цюрихомъ, Люцерномъ, Швицомъ и Гларусомъ съ 17 августа 1451 г.; городъ С. Галленъ съ 1455 г., городъ Биль (Biel) съ Берномъ съ 1352 г.; городъ Мюльгаузенъ съ 27 августа 1468 г.; городъ Роттвейль при Некарѣ съ 1519 г.; три союза въ Рэтин (Граубюнденѣ) съ 1473 г., Валлисъ съ 1416 г.; графство Невшатель-Валангенъ съ 1290 г.; городъ Женева съ 1526 г. и т. д. Кромѣ того, въ прежней Швейцаріи были, особенно послѣ реформаціи, настоящіе подданныя мѣстности. До послѣдняго времени господствовало еще стремленіе въ средѣ аристократовъ—матеріально осчастливить подданныхъ и въ частно-правовомъ отношеніи управлять ими справедливо, но ни за что не желали они дать своимъ подданнымъ политической свободы. Но эти подданные, надо полагать, были столь многочисленны и потому сильны, что правительства Цюриха и Берна должны были къ нимъ обращаться, какъ и къ другимъ гражданамъ, за запросами при введеніи новыхъ законовъ.

Переходя къ изложенію дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами, Hiltу подробно останавливается на отношеніяхъ къ имперіи. До швабской войны Швейцарія несомнѣнно принадлежала къ имперіи и только съ 1499 г. союзъ сталъ самостоятельнымъ государствомъ, именно послѣ базельскаго мира этого года, несмотря на то, что въ соотвѣтственныхъ актахъ объ этомъ не совсѣмъ опредѣленно выражено. Официально самостоятельность Швейцаріи была признана иностранными государствами главнымъ образомъ лишь въ 1697 г. въ такъ-называемомъ Рисвикскомъ мирѣ. Отношенія къ Австріи имѣли

долгое время вліяніе на конституцію Швейцаріи, особенно въ силу обязательства союза—заботиться о нейтральности Верхней Бургундіи. За это Австрія отдала подъ протекторатъ Швейцаріи Франшъ-Конте. Первое появленіе Франціи въ швейцарской исторіи было не особенно дружелюбное, точно такъ какъ и второе, вторженіе арманьяковъ въ Швейцарію подъ начальствомъ дофина, будущаго Людовика XI. Впослѣдствіи швейцарцы жили дружно съ французами, и извѣстно участіе швейцарцевъ въ качествѣ наемныхъ солдатъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ до 1830 г. Съ папой и Савойей Швейцарія уже довольно рано имѣла сношенія, главнымъ образомъ по поводу религіи.

Реформація сразу раздѣлила маленькую страну на двѣ непримиримыя части и повела къ крупнымъ политическимъ событіямъ. Цвингли и вызванный его проповѣдями „Мандатъ о вѣрѣ“ (Mandat vom Glauben) были злобой дня въ XVI вѣкѣ. Интересный мандатъ стоилъ бы того, чтобы привести его въ настоящей статьѣ, но это чрезвычайно увеличило бы статью. Союзный совѣтъ высказался въ немъ противъ лютеранства и цвинглианства не только потому, что основы католицизма могутъ рушиться, но главнымъ образомъ потому, что сочиненія послѣдователей Лютера и Цвингли вызвали безпорядки среди крестьянъ. Совѣтъ обѣщаетъ крестьянамъ послабленіе въ налогахъ и въ отбываніи повинностей безъ введенія новыхъ религіозныхъ ученій. Какъ выполнилъ свое обѣщаніе Совѣтъ, показываютъ крестьянскія движенія XVII ст., принявшія довольно серьезные размѣры. Цюрихъ не призналъ вышеназваннаго мандата и заключилъ съ городомъ Констанцемъ союзъ (christliches Burgrecht); католическіе же кантоны Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Люцернъ и Цугъ заключили съ королемъ венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ такъ-называемый „Фердинандскій союзъ“. Къ Цюриху пристали Бернъ, Базель, С.-Галленъ и т. д., чтобы сообща выступить въ поле противъ католическихъ кантоновъ. Война продолжалась недолго и закончилась миромъ при Каппелѣ въ 1529 г. Главное основаніе трактата этого мира—новый принципъ о равноправности двухъ формъ христіанской церкви въ дѣлахъ швейцарскаго союза. Этимъ самымъ признанъ былъ для обще-швейцарскихъ дѣлъ принципъ, что община, а не общая церковь есть представительница вѣры. Но вскорѣ борьба снова возгорѣлась и послѣ двухъ пораженій евангелической партіи при Каппелѣ и Цугербергѣ заключенъ былъ второй миръ при Каппелѣ 20/24 ноября 1531 г. Время отъ второго до третьяго мира 1656 г. католическая контръ-реформація значительно окрѣпла, и католики заключили нѣсколько отдѣльныхъ союзовъ, раздѣлившихъ Швейцарію на двѣ части, причемъ евангелическая часть была въ меньшинствѣ кантоновъ и по-

тому мало способная къ защитѣ своего направленія въ обыкновенномъ швейцарскомъ государственномъ правѣ. Во второй половинѣ XVI в. еще существовала формальная группировка обѣихъ религіозныхъ общинъ въ церковномъ отношеніи посредствомъ гельветическаго религіознаго догмата (Glaubensbekenntniss) 1566 года для одной партіи и промудгаціонной буллы „In coena Domini“ Тридентскаго собора 1572 г. для другой. Политически католическая Швейцарія организовалась въ знаменитый золотой, или борромеевскій, союзъ въ 1586 г. въ Люцернѣ; въслѣдствіи въ 1655 и 1714 г. онъ снова возобновлялся.

Къ этой католической организаціи присоединились Аппенцель, католическая часть Гларуса, Валлисъ, Базельскій епископъ, аббатъ С. Галлена и городъ Ротвейль. Въ евангелическомъ союзѣ участвовали города Цюрихъ, Бернъ, Базель, Шафгаузенъ, евангелическіе Гларусъ и Аппенцель, Мюльгаузенъ, Виль (Biel), три союза въ Ретіи, Женевѣ, Невшателѣ, Мюнстерталѣ, Нейенштадтѣ и евангелическій Тоггенбургъ.

Обѣ части имѣли свои особенныя связи за границей: католическая Швейцарія заключила союзы съ Савойей въ 1577 г., съ папой Піемъ IV въ 1566 г. и съ Филиппомъ II, королемъ Испаніи въ 1587 г. На сторонѣ реформистовъ были: городъ Страсбургъ, маркграфъ Баденскій, пфальцграфъ, герцогъ Вюртембергскій, Нидерланды, Венеція и иногда Франція. Отчасти политическое и церковное раздѣленіе было смягчено Баденскимъ договоромъ 1632 г. и третьимъ миромъ, послѣ первой битвы при Вильмергенѣ въ 1656 г. Только послѣ битвы при Бремгартенѣ противъ войскъ с. галленскаго аббата и второй битвы при Вильмергенѣ въ 1712 году Бернъ заключилъ съ католическими кантонами миръ въ Аарау, положившій конецъ религіознымъ войнамъ, продолжавшимся почти 200 лѣтъ и значительно опустошившимъ страну. Этимъ миромъ обѣ партіи признали общую союзную конституцію, продержавшуюся до конца стараго союза.

„Каждая религіозная реформа, говоритъ Hilty, является слѣдствіемъ социальныхъ несправедливостей и совершенно послѣдовательно выводитъ эти несправедливости на свѣтъ Божій“. Авторъ на основаніи документовъ рисуетъ положеніе народа, его экономическую и политическую зависимость отъ аристократіи, и переходитъ къ изложенію событій 1653 г., извѣстныхъ подъ названіемъ швейцарскихъ крестьянскихъ войнъ. Желая положить предѣлъ господству аристократіи, крестьяне основали 23 апрѣля 1653 г. новую Швейцарію, утвержденную 30 апрѣля открытымъ поднятіемъ руки, а основныя

положенія программы крестьянъ были 14 мая на второмъ большомъ крестьянскомъ сѣздѣ изложены на пергаменѣ съ печатами. Господствовавшіе тогда классы послѣ пораженія крестьянъ сочли нужнымъ сдѣлать уступки въ соціальныхъ правахъ меньшей братіи, слѣдствіемъ чего явился проектъ о ревизіи конституціи союза въ 1655 году.

Существенная часть швейцарской союзной конституціи того времени была основана на обычномъ правѣ, особенно въ отношеніи организаци и компетенціи сѣздовъ (Tagsatzungen) и швейцарско-правительственныхъ вмѣшательствъ (Intervention). Сѣзды были единственнымъ, въ началѣ только случайнымъ, впослѣдствіи же постояннымъ органомъ союза. Швейцарское государственное право различало: 1) общіе сѣзды, большею частью конгрессы мира, на которыхъ на ряду съ кантонами принимали участіе привилегированные подчиненные города и иностранные союзники; 2) исключительно швейцарскіе сѣзды для тринадцати кантоновъ. Послѣдніе сѣзды между прочимъ издавали постановленія о сельской полиціи, обсуждали вопросы обще-швейцарскаго права и права вмѣшательства въ кантональную жизнь. Въ послѣднихъ двухъ главахъ своего сочиненія Hiltу описываетъ новѣйшую исторію швейцарскаго государственнаго права, но новаго въ этихъ главахъ мало. Вліяніе французской революціи 1789, вмѣшательство Наполеона въ внутреннюю жизнь Швейцаріи, событія 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія и наконецъ ревизіи конституціи въ 1874 г. составляютъ содержаніе послѣднихъ главъ. Кромѣ большого числа актовъ, помѣщенныхъ дословно въ текстъ, къ книгѣ Hiltу приложены нѣкоторые цѣнные памятники швейцарской исторической жизни, какъ напр. швейцарскія конституціи 1803, 1815 и 1874 годовъ, актъ о принятіи Унтервальдена въ Союзъ, фототипія съ акта 1291 г. на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. По своему фактическому содержанію книга проф. Hiltу составляетъ цѣнный вкладъ въ швейцарскую историческую литературу, особенно если не обращать вниманіе на довольно странную философію автора, къ сожалѣнію встрѣчающуюся чуть ли не на каждой страницѣ. Этимъ закончимъ обзоръ юбилейной обще-швейцарской литературы, такъ какъ официальныхъ изданій больше не вышло, мелкія же статьи и брошюры не представляютъ въ научномъ отношеніи ничего интереснаго. Единственная заслуга этихъ статей и брошюръ заключается въ томъ, что въ нихъ опубликовано множество актовъ, бывшихъ дотолѣ неизвѣстными.

Въ прошломъ году и городъ Бернъ праздновалъ 700-лѣтнюю годовщину своего существованія. Но историческая литература отъ

этого очень мало выиграла. Кой-что новаго можно найти въ официально изданномъ альбомѣ историческихъ статей, трактующихъ о частностяхъ, мало интересныхъ для не-швейцарцевъ. Исторія города Берна, написанная для народа приватъ-доцентомъ Бернскаго университета Мюлинеомъ, по порученію организаціоннаго комитета празднества не заключаетъ въ себѣ не только ничего научнаго и новаго, но даже вѣрнаго изложенія историческихъ событій. Презрительное отношеніе къ народной массѣ, восхваленіе аристократіи, къ которой принадлежитъ авторъ, не могутъ, конечно, считаться научными. Впрочемъ, эта книжка вполне гармонировала съ празднествомъ, бывшимъ не народнымъ, какъ объ этомъ трубили газеты, а аристократическимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ книжкѣ Мюлинепа вообще между историческими дѣятелями нѣтъ совсѣмъ простыхъ смертныхъ людей, какихъ во множествѣ знаетъ швейцарская исторія, а управляютъ, воюютъ и т. д. только „фонны“; въ описаніи крестьянскихъ войнъ ХVІІ ст. авторъ всецѣло на сторонѣ аристократіи, не смотря на то послѣдняя сама въ цѣломъ рядѣ актовъ признала, что отчасти крестьяне правы и что они нуждались въ облегченіяхъ. Съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ онъ и о наказаніяхъ, коимъ подверглись крестьяне послѣ пораженія. Съ глубокимъ сожалѣніемъ отзывается онъ зато о паденіи аристократическаго режима послѣ французской революціи, не видя ничего хорошаго въ не-аристократической Швейцаріи.

Кромѣ разобранныхъ нами сочиненій изданы были по случаю юбилейныхъ празднествъ слѣдующіе труды: 1) „Die Chronik des weissen Buches von Sarnen“—старинная лѣтопись о возникновеніи и развитіи швейцарскаго союза. Вновь издана бернскимъ профессоромъ Фетизеромъ съ приложеніемъ перваго союзнаго акта 1291 г. на семи языкахъ. 2) Базельское историческое и антикварное общество издало памятную книгу: „Denkschrift etc...“. 3) Священникъ фонъ-Агъ (Ah), епископскій комиссаръ въ Керпсѣ (Обвальденѣ) издалъ: „Die Bundesbriefe der schweizerischen Eidgenossenschaft 1291—1513“ съ историческими примѣчаніями; 4) Бешенштейнъ Е.. „Nach sechs Jahrhunderten 1291—1891“. 5) Либенау: „Am Vorabend der Bundesfeier von 1891“ въ газетѣ „Katholische Schweizerblätter 1891“; кн. 2. 6) Куони: „Die Gründung der Eidgenossenschaft“ 7) Андреа (г-жа Гарбальдъ) „Вильгельмъ Телль“, историческій рассказъ. 8) Воше (Vaucher): „Les commencements de la Confédération Suisse“. Организаціонный комитетъ бернскихъ юбилейныхъ празднествъ издалъ роскошную объемистую книгу, въ которую вошли 7 статей выдающихся бернскихъ историковъ, но новаго въ этихъ статьяхъ очень мало. Содержаніе книги

слѣдующее: 1) „Историческій ростъ города Берна до возникновенія бернскаго государства“, профессора Блема; 2) „Аристократія и цехи Берна“ архитектора Родта; 3) „Хронисты и историки стараго Берна“ пр.-доцента Тоблера; 4) „Государственное управленіе стараго Берна“ д-ра Гейзера; 5) „Актъ о свободѣ отъ средневѣковой римской имперіи, дарованный городу Берну“ (Berner Handveste) проф. Цеерледера; 6) „Историко-критическія изслѣдованія вышеуказаннаго акта“ проф. Гидбера и 7) „Планъ старыхъ бернскихъ укрѣпленій“ маіора Ребера

Секта ессеевъ.

С. В. Лурье.

Передавая событія еврейской исторіи времени Маккавея Ионаана (160—143 г. до Р. Х.), Иосифъ Флавій ¹⁾ упоминаетъ о существованіи трехъ еврейскихъ сектъ (αἱρέσεις): фарисеевъ, садукеевъ и ессеевъ. Благодаря роли, которую первыя двѣ секты играли въ послѣдующей жизни еврейскаго народа, характеръ и особенности ихъ воспроизведены въ источникахъ, если не съ желательными подробностями, то по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ. Что же касается до ессеевъ, вліянію которыхъ суждено было выйти далеко за предѣлы ихъ небольшого отечества, то, какъ это ни странно, — оставшіяся о нихъ свѣдѣнія скудны, ненадежны и оставляютъ широкій просторъ для догадокъ и предположеній ²⁾. Если въ послѣднее время и удалось про-

¹⁾ Ioseph. Antiqu. XIII, 5, 9.

²⁾ Въ виду своеобразнаго устройства секты, запрещавшей постороннему лицу доступъ къ богослуженію, къ трапезамъ и т. п., — даже къ свѣдѣтельствамъ современниковъ, какъ Иосифъ Флавій и Филонъ Александрійскій, необходимо относиться съ величайшею осторожностью. Въ частности, что касается Иосифа, то при пользованіи имъ необходимо имѣть въ виду во-1-хъ то, что онъ о многомъ могъ не упоминать по незнанію (ср. Antiqu. XVIII, 2, 5, гдѣ онъ отдѣливается фразою „δυσίαι οὐκ ἐκτελοῦσι διαφόρους ἀγῶνας ἅς νομίζουσιν“, очевидно не зная въ точности, каковы были отношенія ессеевъ къ Иерусалимскому храму); во 2-хъ то, что онъ могъ невольно или даже умышленно эллинизировать философскія и религіозныя вѣрованія ессеевъ для того, чтобы сдѣлать свой разсказъ понятнымъ римскому или греческому читателю (подозрительнымъ въ этомъ смыслѣ является, напр. его сообщеніе въ Bell. Jud. II, 8, 11); въ 3-хъ то, что свои предположенія, быть можетъ невѣрныя, онъ выдаетъ за истину (до очевидности ясный примѣръ представляетъ Bell. Jud. II, 8, 2). Филонъ говоритъ о ессеяхъ въ сочин. Quod omnis probus liber и въ отрывкѣ изъ Апологіи (Ἰουδαίων Ἀπολογία), сохранившемся у Евсевія въ Praer. evan-

лить нѣкоторый свѣтъ на отдѣльныя стороны этого загадочнаго явленія, то воспроизведеніе жизни цѣлаго тѣмъ не менѣе можетъ быть предпринимаемо лишь съ величайшею осмотрительностью: въ данномъ случаѣ ошибка возможна не только благодаря недостаточности и отсутствію источниковъ, но и благодаря умышленному ихъ искаженію.

Происхожденіе ессейской секты нужно отнести къ первой половинѣ II в. до Р. Х., когда въ стонавшей подъ Сирійскимъ владычествомъ Іудеѣ образовался вліятельный и могущественный классъ Эллинистовъ, стремившихся къ сближенію съ греческою культурою. Нѣкоторые крайніе представители этого направленія, къ которымъ принадлежалъ между иными и первосвященникъ Менелай, шли такъ далеко, что требовали даже водворенія эллинскаго культа въ Іудеѣ, устраненія религіи предковъ и совершеннаго сліянія (ἐκμίσγῃς) съ языческимъ населеніемъ. Были предприняты въ этомъ смыслѣ нѣкоторые шаги. Въ Іерусалимѣ была устроена по греческому образцу гимназія, были введены греческія игры и были даже попытки введенія жертвоприношеній Зевсу и инымъ языческимъ богамъ. Въ народной массѣ это направленіе не находило сочувствія, и изъ ея среды выдѣлилась группа лицъ, тенденціи которыхъ были прямо противоположны тенденціямъ Эллинистовъ; горячо преданные религіи предковъ, они порицали всѣ новшества, какъ грѣхъ, и ждали спасенія народу отъ возстановленія іудейской вѣры во всей ея первоначальной чистотѣ. Не слѣдуетъ думать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели ³⁾, что эти лица (набожные—Chassidim—'Ασδαίτοι) уже при первомъ своемъ появленіи сплотились въ одно организованное общество; они не со-

gelica, VIII, 11. Подлинность обоихъ сочиненій была оспорена впервые Франкелемъ и затѣмъ Graetz'омъ въ его *Geschichte der Juden* Bd. III b., № 25, стр. 799—800. Противъ названныхъ авторовъ выступили Zeller въ своей *Philos. d. Griechen* Bd. III b. 3 Aufl., стр. 307 и особенно убѣдительно проф. Lucius въ соч. *Der Essenismus und das Judenthum*, стр. 13—23. Послѣдній опровергнулъ доводы Франкеля и положилъ Апологію въ основу своей работы. Что касается до сочиненія περί βίου θεωρητικῆς, найденному среди соч. Филона, то оно большинствомъ ученыхъ (кромя Целлера) считается подложнымъ. Изъ источниковъ нужно еще указать на Плинія Старшаго, посвятившаго въ своей *Hist. Nat.* V, 16, 17 коротенькую замѣтку ессеямъ. Остальные писатели (они указаны въ соч. Bellermann'a *Geschichtliche Nachrichten über Essäer u. Therapeuten*, 1821), напр., Solinus, Porphyrius и мн. другіе, черпали изъ указанныхъ выше сочиненій и не прибавили къ нимъ ничего новаго.

³⁾ Graetz II b., стр. 237, Lucius, *op. cit.*, стр. 91. Оба автора ссылаются на выраженіе I книги Маккав. II, 42: συναγωγή 'Ασδαίων и заключаютъ изъ этого, что асиденъ съ самаго начала составляли „einen geschlossenen Verein“. Но для такого заключенія слово συναγωγή и соответствующее ему Kahal Chassidim (Ps. 149, 1 у Graetz'a) недостаточно; его можно переводить (ср. Lucius I. c.) просто словомъ „группа“ въ смыслѣ случайнаго собранія людей.

ставляли первоначально даже организованной политической партіи. Это были люди набожные, вѣрные традиціи, рѣшившіеся на борьбу лишь тогда, когда началось насильственное обращеніе евреевъ въ язычество ⁴⁾. Они возбуждали народъ къ сопротивленію, убѣждали его не измѣнять завѣтамъ прошлаго и укрѣпляли его въ вѣрѣ, что Богъ не оставитъ своего народа и покараетъ его угнетателей. За это они подверглись сильнымъ преслѣдованіямъ, и значительная часть ихъ наконецъ была истреблена по повелѣнію Антіоха Епифана. Весьма вѣроятно, что именно во время этой борьбы часть асидеевъ, извѣрившись въ возможности побѣды надъ врагомъ и въ осуществленіи лелѣяннаго идеала, удалилась отъ общественной жизни и въ тиши уединенія, скрываясь отъ хулителей Іеговы и осквернителей его храма, вела праведную, безгрѣшную жизнь. Въ ихъ средѣ назираетъ, т.-е. обычай давать обѣтъ воздержанія въ теченіе извѣстнаго времени отъ вина, мяса, чувственныхъ удовольствій и проводить дни въ молитвѣ и покаяніи, получилъ дальнѣйшее развитіе и изъ временнаго сдѣлался пожизненнымъ (Nazir Olam) ⁵⁾. Религіозное чувство асидеевъ не находило уже удовлетворенія при существовавшемъ строѣ жизни. Быть можетъ, удаленію отъ общества и строгости ихъ жизни способствовали и иностранныя философскія ученія, занесенныя къ тому времени въ Іудею; но фактъ тотъ, что появилась своеобразная религіозная секта, или, какъ нѣкоторые не безъ основанія говорятъ, религіозный орденъ, съ прочной организаціей, съ опредѣленными цѣлями,—секта, становившаяся все болѣе и болѣе замкнутою, все болѣе и болѣе недоступною вторженію новыхъ идей. То, что Талмудъ ⁶⁾ рассказываетъ о двухъ школахъ асидеевъ: школѣ

⁴⁾ Cp. Graetz. II b, 318 sq., Derenbourg Histoire de la Palestine etc. vol. I, p. 54 sq.

⁵⁾ Въ литературѣ распространено мнѣніе (основ. на I Маккав., 7), что асидеи составляли въ Іудеѣ „партію войны“; это будто бы мѣшаетъ признать преемственную связь между ними и ессеями, глумившимися войны (cp. Hildenfeld, Zeit. f. wiss. Theol. 1882, III 260—261). Намъ кажется, что если даже допустить не спорную „воинственность“ асидеевъ (cp. напр. Lucius 89 sq.), предположеніе высказанное въ текстѣ отъ этого не страдаетъ. Мы далеки отъ того, чтобы отождествлять асидеевъ съ ессеями. Мы утверждаемъ лишь, что послѣдніе вышли изъ среды асидеевъ, именно изъ той ихъ части, которая разочаровалась въ возможности побѣды.

⁶⁾ Abot, I, 5. Объ антагонизмѣ этихъ школъ и времени ихъ существованія cp. Graetz, II b, стр. 274, прим. 2. Относительно того, можно ли считать Талмудъ достовѣрнымъ источникомъ при изслѣдованіи вопроса о ессеяхъ, въ литературѣ существуетъ разногласіе. Такъ, Lucius op. cit., 34 (знакомый съ Талмудомъ изъ вторыхъ рукъ), отрицаетъ его значеніе для даннаго вопроса, между тѣмъ какъ другіе какъ д-ръ Франкель (Die Essener nach Talmudischen Quellen,

Иосифа-бенъ-Иоазера и школѣ Иосифа-бенъ-Иоханана, можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что первая выражала настроеніе большинства, въ то время какъ вторая, проповѣдывавшая „общеніе съ бѣдными“, порицавшая „близкія отношенія къ женщинамъ“ (это единственные сохранившіяся отъ нихъ изреченія), составила то зерно, изъ котораго развился орденъ ессеевъ ⁷⁾. Нѣтъ никакой возможности прослѣдить на основаніи источниковъ исторію ордена и тѣ видоизмѣненія, которыя онъ претерпѣлъ отъ своего возникновенія до той эпохи, въ которую подробно его описываетъ Иосифъ Флавій. Можно указать на отдѣльныя черты, что и будетъ сдѣлано въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Названіе ессеевъ объясняютъ самымъ различнымъ образомъ (существуетъ 14 гипотезъ о происхожденіи этого слова). Наиболѣе вѣроятнымъ представляется образованіе слова отъ *Sacha* — купаться, или отъ *Chasa* — набожный ⁸⁾. Первое находитъ оправданіе въ частыхъ купаніяхъ ессеевъ (о нихъ ниже), второе въ общемъ ихъ направленіи. Въ послѣднемъ можно было бы видѣть лишнее доказательство въ пользу существованія исторической связи ессеевъ съ асидеями (*Chasidim*), названіе которыхъ несомнѣнно происходитъ отъ *Chasa*. По свидѣтельству Иосифа ⁹⁾ члены ессейской секты или ордена, смотря по времени, въ которое они принадлежали ордену, дѣлились на четыре класса; этихъ классовъ Иосифъ не называетъ, но мы можемъ до извѣстной степени пополнить этотъ пробѣлъ нѣкоторыми данными изъ еврейскихъ источниковъ. Въ *Mischna Bechorot* 30 b. (*Tosefta Demai* с. 2) ¹⁰⁾ мы находимъ слѣдующее мѣсто, повидимому трактующее о приѣмѣ членовъ въ орденъ: „Его (т.-е. желающаго вступить въ орденъ) принимаютъ къ Кепар-

Monatschrift, 1853) находятъ возможнымъ дать полную картину ессейской жизни на основаніи одного только Талмуда. Что ессеи упоминаются въ Талмудѣ, *Frankel* доказалъ (см. ниже), сопоставивъ данныя Талмуда съ данными Иосифа и Филона. Но онъ, на вашъ взглядъ, идетъ слишкомъ далеко (стр. 31 и др.), полагая, что подъ названіями *Chaberim*, *Cenuim*, *Zakenim* etc. подразумѣваются ессеи.

⁷⁾ *Derenbourg* op. cit., p. 461, совершенно отрицаетъ историческую связь между асидеями и ессеями. „*Les Assidéens*, говоритъ онъ, *cessèrent d'exister aussitôt (?) que le danger qui menaçait la religion est disparu*“. Доказательствъ этого положенія мы не находимъ. Д. допускаетъ впрочемъ, что между иными названіями, обозначающими ессеевъ, было и назв. *Chassidim*.

⁸⁾ Ср. *Graetz* III b, стр. 700—701, *Bellerman* I. с. 6—14.

⁹⁾ *Joseph. B. I. II, 8, 10: διήρτυται δὲ κατὰ χρόνον τῆς ἀσκήσεως εἰς μοίρας τέσσαρας.*

¹⁰⁾ Ср. *Frankel* op. cit., 33. Онъ считаетъ эту *Mischna*, изобилующую постановленіями о священнич. чистотѣ, составленною подъ ессейскимъ влияніемъ. Это сомнительно, т. е. постановленія о чистотѣ (см. ниже) имѣютъ источникомъ своимъ указ. мѣста *Levitic*.

haim, а затѣмъ къ Taharot. Если онъ говоритъ: беру только Кепарhaim, его принимаютъ; если онъ беретъ только Taharot, а не Кепарhaim, его не принимаютъ совѣтъ“. Кепарhaim и Taharot, очевидно, первые изъ 4 классовъ, о которыхъ говоритъ Флавій. Объявляющему желаніе поступить въ орденъ выдавали небольшой топоръ, полотняный передникъ (Кепарhaim) и бѣлое платье ¹¹⁾; въ теченіи цѣлаго года онъ (Baal Кепарhaim) ¹²⁾ остается еще внѣ ордена и долженъ вести предписанный ему образъ жизни, сходный съ тѣмъ, который вели и остальные ессеи ¹³⁾. По истеченіи года доказавшій строгостью и воздержанностью образа жизни свою подготовленность стать членомъ ордена, освящается вмѣстѣ съ прочими самою чистою водою (καθαροῦ τέρων πρὸς ὕδατων) и допускается въ орденъ (πρόσεισις ἑγγύον τῇ διαίτῃ) ¹⁴⁾; но доступъ къ трапезамъ ему еще этимъ не разрѣшенъ. Нужно думать, что это вторая ступень—Taharot, упомянутая выше. Далѣе, его испытываютъ еще въ теченіе двухъ лѣтъ, и если онъ оказывается достойнымъ, — то принимается окончательно въ орденъ. Но прежде чѣмъ допустить его до общественной трапезы,—его заставляютъ дать „страшную“, какъ говоритъ Флавій ¹⁵⁾, клятву—прежде всего въ томъ, что онъ будетъ почитать Бога; затѣмъ въ томъ, что онъ будетъ соблюдать справедливость въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что онъ никому не причинитъ зла ни по доброй волѣ, ни по принужденію. Онъ обязуется, далѣе, ненавидѣть злыхъ и помогать справедливымъ; свято соблюдать данное слово и больше всего повиноваться властямъ, ибо всякая власть исходить отъ Бога (ὅ γὰρ δὴ αὖ Θεοῦ περιγίγνεται τὴν τὸ ἄρχειν) ¹⁶⁾. Онъ клянется въ томъ, что, если онъ самъ когда либо достигнетъ власти, то будетъ пользоваться ею умѣренно и не унижить подчиненныхъ своихъ блескомъ (платьемъ или украшеніями). Онъ долженъ любить правду и уличать лжецовъ; руки должны быть чисты отъ кражи, а духъ свободенъ отъ желанія нечистой прибыли. У него не должно быть тайны отъ собрата по ордену, а выдавать чужимъ ихъ тайны онъ не долженъ даже въ томъ случаѣ, еслибы ему грозили смертью. Онъ долженъ сохранять въ тайнѣ книги ордена и имена ангеловъ, а передавать новымъ членамъ ученіе ордена онъ долженъ только въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передано ему

¹¹⁾ Ioseph. B. I. II, 8, 7.

¹²⁾ Ср. указ. въ Талмудѣ (Sabbat, 49a, 130a) на нѣкоего Elissa B. Ken. и Kohelet 10, 30.

¹³⁾ Ioseph. Ibid., 7.

¹⁴⁾ Ibidem.

¹⁵⁾ Ibidem.

¹⁶⁾ Подъ τὸ ἄρχειν въ данномъ случаѣ можно понимать только власть въ орденѣ, а не власть вообще.

самому 17). По значенію своему въ орденѣ классы различались до того рѣзко, что, какъ передаетъ Іосифъ 18), даже случайное прикосновеніе члена высшаго класса къ члену низшаго, считалось для перваго оскверненіемъ, отъ котораго онъ долженъ былъ очиститься омовеніемъ такъ, какъ будто бы онъ привоснулъ къ человѣку, совершенно, не принадлежащему къ ордену. Здѣсь ужѣстно будетъ замѣтить, что сохраненіе священнической чистоты было одною изъ главнѣйшихъ обязанностей ессеев, и отъ малѣйшаго оскверненія онъ долженъ былъ очищаться. Любопытно то, что благовонныя масла, бывшія въ большомъ употребленіи не только въ народѣ, но и у священнослужителей, считались ессейми „скверною“, и прикосновеніе къ нимъ, какъ и ко всему нечистому, требовало омовенія. Безукоризненная внѣшняя чистота, обязательная бѣлая одежда,—должны были служить какъ бы символами ихъ внутренней чистоты и безпорочности. Изъ приведенной клятвы уже видно, до чего доходила солидарность и связь между членами: они не могли даже имѣть другъ отъ друга тайны! Во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ упомянутаго давленія на классы, между членами секты существовало полнѣйшее равенство. Они презирали богатство 19), и у нихъ существовала безусловная общность имущества. Каждый новопоступающій членъ отказывается отъ своего имущества въ пользу ордена, каждый беретъ у другого то, въ чемъ нуждается, и съ своей стороны отдаетъ все, что имѣетъ и производитъ лишняго. Купли-продажи между членами не бываетъ, и отъ употребленія денегъ между собою они отказались совершенно 20). Ессеев, число которыхъ доходило до четырехъ тысячъ 21), не жили въ одномъ мѣстѣ, и когда какому-либо члену ордена приходилось бывать въ чужомъ городѣ, онъ являлся къ сочленамъ, жившимъ въ данномъ мѣстѣ, былъ—хотя бы и незнакомый—принимаетъ, какъ близкій родственникъ, и могъ располагать ихъ имуществомъ, какъ своею собственностью 22). При описанномъ братскомъ отношеніи между членами общества, въ немъ господствовалъ строгій порядокъ, обусловленный авторитетомъ, которымъ пользовались извѣстныя лица. Zeller 23) на основаніи одного мѣста изъ Іосифа (о различіи клас-

17) Весьма интересно сопоставл. Псалма XV съ приведенною клятвою ессеевъ. Ср. Lucius 107. До Л. на это обратилъ вниманіе М. Pécaut N. R. de Théologie. 1858.

18) Joseph. Ibid., 10.

19) Joseph. Ibid., 3.

20) Ibidem.

21) Philo Ap. опредѣл. число ессеевъ въ 10 т. (?)

22) Ibid., 4.

23) Phil. d. Gr. III b 3 Aufl., стр. 280.

совъ) дѣлаетъ выводъ о іерархическомъ устройствѣ общества. Съ послѣднимъ нельзя согласиться, такъ какъ не видно, чтобы лица высшаго класса пользовались какою-либо властью надъ лицами низшаго. Вѣрно лишь то, что въ сектѣ нѣкоторые должностныя лица пользовались значительною властью. Таковыми были напр., попечители (ἐπιμεληταί), контролю которыхъ подлежали всѣ дѣйствія членовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были вызываемы милосердіемъ и любовью къ ближнему 24). Далѣе, сборщики податей (ἀποδέκται προσόδων) 25), бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ священниками, отправлявшими богослуженіе и наблюдавшими за приготовленіемъ орденовской пищи. Наконецъ, во многихъ городахъ были „попечители надъ чужими“ (κηδεμόνες τῶν ξένων), у которыхъ хранилось платѣе и иное имущество, принадлежавшее ордену. Всѣ эти должностныя лица выбирались обществомъ по всей вѣроятности пожизненно. Наибольшимъ нравственнымъ авторитетомъ въ орденѣ пользовалось большинство, такъ что напр., если девять человекъ держались извѣстнаго мнѣнія, то десятый не позволялъ себѣ даже высказывать свое мнѣніе, если оно расходилось съ мнѣніемъ девяти. Отправленіе правосудія лежало на обязанности собраній изъ 100 человекъ 26) и совершалось со всею возможною тщательностью и осмотрительностью. Кромѣ общихъ наказаній, извѣстныхъ Моисееву законодательству и введенныхъ позднѣйшею практикою, было одно достойное вниманія, примѣнявшееся должно быть въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, — именно исключеніе изъ секты. Исключенный, связанный клятвами и обѣщаніями, данными при вступленіи въ орденъ, между прочимъ клятвою не прикасаться къ пищѣ, приготовленной не по ихъ обряду, въ концѣ концовъ погибалъ отъ голода, если изъ жалости къ несчастному его не принимали обратно.

Переходимъ къ разсмотрѣнію образа жизни ессеевъ. Какъ уже было упомянуто, ессеи жили въ разныхъ городахъ Іудеи 27); кромѣ того, у нихъ были поселенія въ уединенныхъ мѣстахъ, вдали отъ

24) Ioseph. Ibid., 6.

25) Ioseph. Antiqu. XVIII, 1, 5.

26) Ioseph. B. I. II, 8, 9.

27) Относительно вопроса о мѣстѣ жительства ессеевъ мы находимъ противорѣчіе въ источникахъ. У Philo QOPL читаемъ: *κατὰ πόλιν οἰκοῦσι τὰς πόλεις ἐκτρεφόμενοι* и т. д. Въ отрывкѣ же изъ Апологіи у Euseb. Pr. ev. VIII, 11: *οἰκοῦσι δὲ πολλὰς πόλεις τῆς Ἰουδαίας, πολλὰς δὲ κάμας καὶ μεγάλους καὶ πολυανθρώπους ὁμίλους*. Вѣрно послѣднее. Ср. у Ioseph. B. I. II, 8, 4 и др. Указъ, противорѣчіе между прочимъ дало поводъ Гретцу (Gesch. d. Juden III b, № 25, стр. 800) признать подложность Апологіи. Также и Hilgenfeld Z. f. w. Theol. 1882, 275. Ср. Zeller, III b, стр. 282, пр. 4 и Lucius, стр. 21 sq.

городовъ; изъ такихъ поселеній самымъ значительнымъ была колонія на западномъ берегу мертваго моря ²⁸⁾. Главными занятіями ессеевъ было земледѣліе ²⁹⁾, скотоводство, пчеловодство ³⁰⁾ и инныя мирныя занятія ³¹⁾. Всѣ предметы, необходимыя для ихъ скромной и неприхотливой жизни, они старались производить сами, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть лишнихъ столкновеній съ нечистымъ и грѣшнымъ міромъ.

День начинали они до восхода солнца набожнымъ обращеніемъ къ нему, мольбою о томъ, чтобы оно взшло и распространило свои божественныя лучи ³²⁾. Послѣ молитвы „попечитель“ колоніи назначалъ каждому члену извѣстную работу, продолжавшуюся безъ перерыва пять часовъ. Послѣ этого они собирались всѣ въ одно мѣсто, одѣвали полотняные передники и погружались въ холодную воду ³³⁾. За этимъ очистительнымъ купаніемъ слѣдовала трапеза, состоявшая изъ хлѣба и зелени. До и послѣ ѣды священникъ возсылалъ Богу молитвы, которымъ присутствовавшіе внимали съ благоговѣніемъ. На трапезу они смотрѣли какъ на священнодѣйствіе. Суровыя, сосредоточенныя лица съ опущенными взорами, бѣлоснѣжныя одежды, до крайности бѣдная пища и торжественная тишина, царствовавшая въ большомъ собраніи, — все это должно было производить сильное впечатлѣніе на самихъ участвующихъ, а постороннему человѣку, какъ замѣчаетъ Іосифъ, „оно должно было казаться страшною мистерию“. Вторая половина дня была повтореніемъ первой.

Что касается до религіозной стороны ихъ сектантской жизни, то прежде всего нужно сказать, что въ основу ученія было положено пятикнижіе. До чего доходило у ессеевъ уваженіе къ послѣднему, можно судить по тому, что за пренебрежительный отзывъ о Моисей виновный подвергался смертной казни ³⁴⁾. Но не одно пятикнижіе регулировало ихъ религіозную жизнь. Существенныя части ученія

²⁸⁾ Plin. Hist. nat. V, 16.

²⁹⁾ Ioseph. B. I. II, 8, 5, Ant. XVIII, 1, 5 Philo Qu. omn. pr.

³⁰⁾ Philo у Euseb. VIII, 11.

³¹⁾ Ibidem.

³²⁾ Ibidem.

³³⁾ Можно предположить, что рассказъ Іосифа въ данномъ случаѣ не совсѣмъ вѣренъ. Купанія по всей вѣроятности происходили по утрамъ. Въ Талмудѣ сохранился любопытный разговоръ между фарисеями и Toble Schacharis (ѳарисейскіе—ессен). Toble Schacharis—говорятъ: „мы слышали о васъ, фарисей, что вы упоминаете имя Господне до омовенія“. Фарисей на это отвѣчаетъ: „мы слышали о васъ, Toble Schacharis, что вы упоминаете имя Господне тѣломъ, которое нечисто“. Изъ этого между прочимъ видно, что купанія происходили по утрамъ.

³⁴⁾ Ioseph. B. J. II, 8, 9.

были изложены въ ихъ сочиненіяхъ, державшихся въ строгой тайнѣ, и не дошедшихъ до насъ. Основываясь на свидѣтельствѣ Филона и на общихъ соображеніяхъ о характерѣ и настроеніи ордена, можно думать, что въ священныхъ книгахъ ессеевъ содержались аллегорическія толкованія на св. писаніе и нѣкоторыя религіозно-философскія ученія, которыя, какъ мы увидимъ дальше, не были продуктомъ самостоятельнаго творчества ессеевъ. Аллегорическое³⁵⁾ толкованіе библіи состояло въ томъ, что самые безхитростные рассказы, самыя обыкновенныя положенія принимались за образы, символы, за которыми скрывался тайный, глубокий смыслъ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ св. писанію представлялось богатѣйшее поле для религіозно-теософическаго изслѣдованія, которому по всей вѣроятности давалъ направленіе и характеръ общій господствовавшій въ сектѣ религіозный духъ. При произвольности и субъективности аллегорическаго толкованія, легко всегда найти то, чего ищешь; предвзятое мнѣніе является рѣшающимъ; поэтому понятна клятва, дававшаяся при вступленіи каждымъ новымъ членомъ,—передавать ученіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до него самого. Это ведетъ насъ къ указанію одной черты ихъ религіозно-философскаго міровоззрѣнія, которое имѣетъ много общаго съ мистицизмомъ позднѣйшихъ еретическихъ христіанскихъ сектъ съ одной стороны, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ является отголоскомъ языческихъ представленій—съ другой. Эта черта символизмъ. Выше мы указали на то, что ессеи обращались съ мольбою къ солнцу; извѣстно, далѣе, что нечистоты они закапывали въ землю (для этой цѣли они всегда носили съ собою топорикъ) для того, чтобы не осквернить божественныхъ взоровъ³⁶⁾. Нельзя, конечно, думать, что ессеи обоготворяли солнце, какъ таковое. Для нихъ солнце было символомъ божественнаго зрѣнія или божественной лучезарности. Не подлежитъ сомнѣнію, что персидское ученіе объ ангелахъ и дэмонахъ, рецепированное евреями во время плѣна, съ особенною любовью культивировалось ессеями, и уже одни

³⁵⁾ Вопросъ объ аллегорическомъ толкованіи нельзя считать безспорнымъ. Текстъ Филона (Qu. omni. p. lib. 12) гласитъ: Εἰθ' ὅ μὲν τὰς βιβλους ἀναγινώσκει λαβὼν, ἕτερος δὲ τῶν ἐμπειροτάτων ὅσα μὴ γινώσκει παρελθὼν ἀναγινώσκει. τὰ γὰρ πλεῖστα διὰ συμβόλων ἀρχαιοτρόπως ἐξηλῶσι παρ' αὐτοῖς φιλοσοφεῖται. Нѣкоторые (Ritschl l. c. 339, Hilgenfeld, Jüdische Apokalyptik, 268) παρελθὼν переводятъ: „обходя“; поэтому послѣднее получаетъ тотъ смыслъ, что они миновали объясненіе символовъ. Вѣрнѣе по нашему мнѣнію παρελθὼν переводить: „приступая“; тогда послѣднее значить: самые опытные приступаютъ къ толкованію, ибо они объясняютъ по старому обычаю символически. Иначе, зачѣмъ были бы нужны ἐμπειροτάτοι, если трудныя мѣста пропускались? (Ср. объяс. Zeller'a Theol. Jahrb. l. c.).

³⁶⁾ Joseph. B. I. II, 8, 9. Ср. также Deuter. XXIII, 13 sq.

имена ангеловъ указываютъ на то, что они были символами божественныхъ качествъ 37). Восторженное преклоненіе передъ Богомъ, предъ его свойствами переходило на ихъ символы; отсюда весь культъ ангеловъ, подробности котораго погибли для насъ вмѣстѣ съ священными книгами есеевскаго ордена. Точно также, напр., они объектировали и символизировали нѣкоторые абстрактныя понятія: такъ „правое“ они считали символомъ всего лучшаго, чистаго, справедливаго, такъ что даже выплывать направо отъ себя считали грѣхомъ 38). Въ этой любви къ символизированію абстракцій слѣдуетъ, кажется, искать источникъ того педантически-боязливаго отношенія къ чистотѣ, которое было характеристическимъ для есеевъ. Выше мы упомянули уже объ этомъ фактѣ и о томъ, что послѣ каждаго прикосновенія къ тому, что считалось „нечистымъ“, необходимо было омовеніе. Понятіе „чистаго“, также какъ понятіе „праваго“, было символомъ всего лучшаго и святаго; подъ него было подведено все, что соотвѣтствуетъ буквальному смыслу слова, а затѣмъ и все истинное согласное съ закономъ и даже нравственно-чистое. Такъ, очистительнаго омовенія требовало прикосновеніе къ трупу, къ человѣку, не принадлежащему къ ордену, къ пищѣ, не приготовленной по обрядамъ ордена и мн. др. Благовонныя масла, напр., также считались нечистыми и, конечно, только потому, что употребленіе ихъ было запрещено постановленіями ордена 39). При всемъ томъ нужно имѣть въ виду то, что не только въ убѣжденіи есеевъ, но и въ дѣйствительности основу ихъ ученія составляло св. писаніе, только въ немъ мы находимъ отправную точку ихъ теоретической и практической философіи. Отчасти стремленіемъ къ чистотѣ, отчасти взглядомъ на чувственныя наслажденія, какъ на грѣхъ, объясняется безбрачіе есеевъ. Передача этого факта у Иосифа 40) не совсѣмъ ясна.

37) Такъ Michael (кто, какъ Богъ) означаетъ несравненность, величіе Бога, Gabriel—силу Бога, Azriel—помощь Бога и т. д.

38) Joseph. Ibid.

39) Исслѣдователи, склонные всѣ особенности, находимыя ими въ жизни есеевъ, объяснять заимствованіемъ, находились въ затруднительномъ положеніи, когда заходила рѣчь объ отвращеніи есеевъ къ благовоннымъ масламъ. Одни (Zeller) думаютъ, что это заимствовано изъ Греціи, другіе—изъ Персіи, третьи—изъ Индіи. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе предположить, что употребленіе благовонныхъ маселъ было запрещено, какъ употребленіе предмета роскоши, что вполне понятно въ орденѣ съ ясно выраженнымъ аскетическимъ характеромъ. Названные ученые считаютъ это запрещеніе заимствованнымъ потому, что масла были въ ходу у евреевъ. Именно поэтому и могло, на мой взглядъ, явиться запрещеніе совершенно самостоятельно.

40) Joseph. Ibid., 2.

„Они воздерживаются отъ брака, говорить онъ, не потому, что желали бы совершеннаго его уничтоженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенія человѣческаго рода, а потому, что боятся необузданныхъ страстей женщинъ и думаютъ, что ни одна женщина не можетъ сохранить обѣта вѣрности, даннаго мужу“. Ясно, что Іосифъ въ данномъ случаѣ высказываетъ не истинное мнѣніе ессеевъ, а свои собственные неудачныя предположенія.

Истинныя причины безбрачія ессеевъ по всей вѣроятности заключались въ томъ, что ессеямъ былъ присущъ взглядъ на женщину, какъ на существо сравнительно нечистое, а на общеніе съ нею, какъ на актъ, оскверняющій мужчину. Такъ же, какъ запрещеніе маслѣ, безбрачіе ессеевъ многими считалось заимствованнымъ. Доказывали это (Zeller, напр., I. c.) тѣмъ, что у евреевъ имѣть семью было обязанностью каждаго, и что семейная жизнь у нихъ была въ большемъ почетѣ; если еврейская секта отрицала бракъ, — *значитъ* она заимствовала это отрицаніе извнѣ. Не говоря уже о формальныхъ недостаткахъ подобнаго доказательства, мы должны замѣтить, что между перениманіемъ идей и перениманіемъ учреждений существуетъ большое различіе: первыя заносятся часто изъ одной страны въ другую, какъ болѣзни, — неизвѣстно кѣмъ и какъ, — заимствованіе не предполагается сознательнымъ; въ то время какъ заимствованіе учреждений, въ особенности такихъ, которыя чужды быту даннаго мѣста, непременно предполагаетъ сознательный активный процессъ. Спрашивается, можно ли думать, чтобы, считая себя евреями κατ'ἔσθιν, полагая, что всѣ правила истинной, угодной Богу жизни заключены въ пятикнижіи Моисея, — ессеи *сознательно* переняли откуда бы то ни было обычай, несогласный съ ихъ традиціею? Конечно, нѣтъ. На нашъ взглядъ, безбрачіе ессеевъ легко объясняется ложнымъ истолкованіемъ ими Levitic. XV, 16—18; они объясняли это такимъ образомъ, что всякое сношеніе съ женщиною оскверняетъ человѣка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что безбрачіе не было необходимымъ элементомъ ессейскаго ученія. Была одна часть ессеевъ, которая, исходя изъ того взгляда, что продолженіе человѣческаго рода есть обязанность человѣка ⁴¹⁾, признавала бракъ необходимымъ; но при этомъ всѣ стороны брачной жизни, даже нравственное удовлетвореніе отъ чувства привязанности къ женщинѣ, они считали вреднымъ и оскверняющимъ: одно только произведеніе потомства оправдывало то, какъ они думали, необходимое зло.

Какъ истые евреи, чувствовавшіе всю силу національных узъ, связывавшихъ ихъ съ остальнымъ народомъ, ессеи къ Іеру-

⁴¹⁾ Ibidem, 2.

салимскому храму относились, какъ къ святынѣ, и посылали въ храмъ подарки, хотя сами они, какъ отрицавшіе жертвоприношенія, впоследствии въ храмъ не допускались ⁴²⁾). Относительно этого вопроса мы у Іосифа ⁴³⁾ опять находимъ темную фразу, возбуждающую недоразумѣнія. Онъ говоритъ, что ессеи „воздерживались отъ жертвоприношеній въ Іерусалимѣ потому, что это было связано съ очищеніями, отличными отъ тѣхъ, которыя съ ихъ точки зрѣнія должны были быть соблюдаемы. Поэтому, оставаясь вдали отъ общей святыни, они приносятъ жертвы у себя (ἐφ' αὐτῶν)“. Ritschl ⁴⁴⁾ полагаетъ, что ессеи употребляли только пищу, посвященную Богу, и что самыя священныя трапезы ихъ носили характеръ жертвоприношенія; но этому объясненію противорѣчитъ показаніе Іосифа, что изгоняемые изъ ордена питались находимыми ими растеніями, очевидно не какъ жертвоприношеніями. У Іосифа (l. c.) мы, кажется, имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ темныхъ фразъ, въ которыя онъ прибѣгалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль для него самого была неясна. Несомнѣнно только то, что жертвоприношеній въ обыкновенномъ смыслѣ слова они не приносили, такъ какъ внѣ храма это считалось безусловно запрещеннымъ. Богослуженія ихъ происходили по субботамъ съ особою торжественностью, и состояли въ томъ, что читалось св. писаніе, излагались съ подобающею торжественностью толкованія на св. писаніе и тайныя ученія ордена ⁴⁵⁾).

Святость субботняго дня соблюдалась ессеями до крайности: они не только не готовили себѣ въ этотъ день пищу, но считали грѣхомъ перемѣщеніе какого-либо сосуда съ одного мѣста на другое и даже отъ отпращиванія естественныхъ нуждъ они воздерживались въ этотъ день изъ боязни осквернить его святость.

Какъ свидѣтельствуетъ Филонъ ⁴⁶⁾, ессеи не придавали никакой цѣны чисто философскому изслѣдованію, находя логическія изслѣдованія безполезными, а физическія недоступными для человѣческаго ума. Единственная достойная тема для размышленій—это величіе Бога и сотвореніе имъ вселенной; единственное достойное стремленіе—это стремленіе

⁴²⁾ Lucius op. cit. 101 пр., переводить ἀναθήματα, подарки,—словомъ „подать“. Это толкованіе, очевидно, такъ же мало говоритъ въ пользу мнѣнія автора о разрывѣ ессеевъ съ храмомъ, какъ и общепринятое.

⁴³⁾ Joseph. Antiqu. XVIII, 2, 5.

⁴⁴⁾ Theolog. Jahrb. XIV sq. Ἱερεῖς διὰ ποιῆσιν αὐτοῦ τε καὶ βρωμάτων онъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что ποιῆσιν употреблено вм. π. βωδίας. См. по этому поводу Zeller Phil. d. Gr. I. c. и его же статью въ Theolog. Jahrb. XV, стр. 414.

⁴⁵⁾ Philo l. c.

⁴⁶⁾ Ibidem.

къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если въ природѣ, какъ мы видѣли, все есть только отраженіе сверхчувственного начала, познаваемого внутреннимъ созерцаніемъ при условіи святой жизни, — какой смыслъ и какое значеніе можетъ имѣть философское изслѣдованіе? Но при всемъ томъ не могли обойтись безъ рѣшенія основныхъ философскихъ вопросовъ лежащихъ, такъ сказать, на порогѣ всякаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Прежде всего, конечно, обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о безсмертіи души. Какъ извѣстно, дуализмъ души и тѣла не былъ вовсе извѣстенъ еврейской теологіи, господствующимъ было ученіе о воскресеніи мертвыхъ; между тѣмъ ессеи прямо признали отличіе духа отъ тѣла и безсмертіе перваго. Іосифъ ⁴⁷⁾ говоритъ, что душа, по ученію есеевъ, состоитъ изъ тончайшаго ээира, до рожденія чловѣка пребываетъ въ небесныхъ пространствахъ и непреодолимымъ стремленіемъ притягивается въ тѣло. Послѣ смерти душа, вырвавшись изъ тѣлесныхъ оковъ, какъ бы освобожденная отъ долговременнаго рабства, блаженная и радостная, устремляется вверхъ. Души праведныхъ попадаютъ въ рай, по ту сторону океана, въ мѣстность, гдѣ не бываетъ ни дождя, ни снѣга, ни палющаго зноя, ни мертвящаго холода, гдѣ мягкая температура освѣжается легкимъ зефиромъ. Грѣшники попадаютъ въ мрачную, холодную подземную пещеру, осужденные на вѣчныя муки. Это описаніе есеевскихъ представлений о загробномъ мірѣ Іосифа можно заподозрить въ нѣкоторомъ ихъ эллинизированіи; такъ, составъ души слишкомъ напоминаетъ извѣстное греческое ученіе; далѣе, общее описаніе есеевскаго рая не вполне совпадаетъ съ земнымъ идеаломъ есеевъ, чего собственно слѣдовало бы ожидать. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что ессеи были первыми іудеями, принявшими ученіе о безсмертіи души и загробной жизни въ указанномъ смыслѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что дуализмъ есеевъ былъ проведенъ послѣдовательно въ ихъ религіозной системѣ. Въ послѣдней мы можемъ найти лишь зародышъ того ученія, которое, провозгласивъ коренное различіе между міромъ матеріи, міромъ необходимости и зла съ одной стороны и міромъ духа, безсмертія и свободы съ другой, — произвело переворотъ въ господствовавшихъ философскихъ, этическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ смыслѣ интересно замѣчаніе Филона (I. с.), что ессеи источникомъ зла считали нѣчто отличное отъ Бога, воззрѣніе совершенно чуждое еврейской традиціи въ Палестинѣ. Вторымъ вопросомъ, получившимъ у есеевъ иное рѣшеніе, чѣмъ то, которое было общепринятымъ въ Іудеѣ, былъ вопросъ о свободѣ воли. Какъ извѣстно, фарисеи признавали, что въ общемъ порядокъ міра преду-

⁴⁷⁾ Ioseph. B. I. II, 8, 11.

становленъ Богомъ, но что въ твореніи добра и зла человекъ свободенъ. Ессеи, наоборотъ ⁴⁸⁾ утверждали, что все предустановлено, что свободы воли нѣтъ совершенно, и что помимо рѣшенія судьбы человекъ не можетъ предпринять ни малѣйшаго шага. Здѣсь необходимо для вѣрной оцѣнки есеейскаго ученія замѣтить, что εἰμαρμένη — судьба, о которой говоритъ Иосифъ, имѣла у нихъ иное значеніе, чѣмъ у грековъ. Для есеевъ судьба не была слѣпымъ олицетвореніемъ бездушной необходимости.

Воля (φύλος), предустановившая порядокъ міра и человѣческой жизни, была разумная и милосердная; путь жизни, проложенный ею — самый лучшій и удовлетворяетъ самымъ высшимъ требованіямъ нравственной природѣ человека. Послѣднему въ его поискахъ за истиною, въ его стремленіи къ идеалу остается только углубиться въ свою собственную душу, добыть изъ нея свои благороднѣйшіе порывы, свои безкорыстныя импульсы къ дѣятельности и слѣдовать имъ. Этимъ самымъ онъ будетъ слѣдовать Высшей Волѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что все, что совершается въ мірѣ, есть самое лучшее, такъ какъ отдѣльно отъ Высшей Воли есть еще источникъ зла. Трудно думать, въ виду замѣчанія Филона, чтобы у есеевъ была законченная система, чтобы ихъ ученія о духѣ, матеріи и свободѣ были систематически сведены въ одно цѣлое; и мы рисковали бы модернизировать ихъ, если бы пытались идти дальше въ ихъ анализѣ.

Несомнѣнно то, что своеобразный детерминизмъ есеевъ не только не подавлялъ личности, но и вознесъ ее до небывалой высоты. Онъ поставилъ для нея задачу уподобиться безконечно доброму, нравственному и великому. Тотъ духъ моральной дисциплины, который господствовалъ въ ордентѣ, доказываетъ, что это стремленіе къ идеалу не было для нихъ пустымъ звукомъ. Мы уже выше имѣли случай видѣть, до какой степени доходило ихъ презрѣніе къ низшаго рода удовольствіямъ, къ чувственности, къ богатству, къ суетной сторонѣ власти. Мы видѣли, что дѣйствія членовъ, вытекавшія изъ любви къ ближнему, не подлежали контролю ордена; и въ этомъ направленіи каждый членъ ордена имѣлъ не только право, но и обязанность дѣйствовать въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Они ненавидѣли рабство и считали его богопротивнымъ ⁴⁹⁾. Они были справедливы и чувствомъ справедливости умѣряли свой гнѣвъ. Они любили миръ. Данное ими слово соблюдалось свято, и они считали уже преступнымъ человека, которому нельзя было вѣрить безъ клятвы. Сами они считали клятву грѣхомъ и по поступленіи въ орденъ никогда ее не

⁴⁸⁾ Ioseph. Antiqu. XIII, 5, 9.

⁴⁹⁾ Philo. Ibidem.

давали. Страданія и опасности они презирали; боль переносили съ удивительнымъ мужествомъ. Славную смерть за доброе дѣло они считали величайшимъ счастьемъ (*νομίζουσι ἀθανασίας ἀρετήν*). „До чего доходило величіе духа у нихъ, рассказываетъ Іосифъ 50), лучше всего доказываетъ война съ римлянами. Ихъ мучили, рѣзали, жгли, вытягивали члены, пытали всѣми имѣвшимися орудіями, добиваясь отъ нихъ непочтительнаго слова о законодателѣ или принятія запрещенной пищи: но достигнуть этого не могли,—не говоря уже о томъ, что отъ нихъ нельзя было добиться льстиваго слова, обращеннаго къ мучителямъ. Съ улыбкою среди невыразимыхъ страданій, насмѣхаясь надъ римлянами, они бодро разставались съ жизнью въ надеждѣ на вѣчное блаженство“.

Для полноты характеристики ессеевъ мы должны упомянуть еще о двухъ чертахъ, приписываемыхъ имъ: о дарѣ предсказывать будущее и дарѣ лѣченія болѣзней магическими формулами. О первомъ Іосифъ 51) говоритъ, какъ о неподлежащемъ сомнѣнію фактѣ, и прибавляетъ, что рѣдко случается, чтобы предсказанія ессеевъ не оправдывались. Извѣстно, что царь Иродъ съ большимъ уваженіемъ относился къ ессеямъ. Для того, чтобы объяснить этотъ казавшійся страннымъ фактъ, народная фантазія создала легенду 52), будто нѣкій ессей Menaschem предсказалъ Ироду, еще мальчику, что онъ будетъ царемъ Іудеи, а затѣмъ, что онъ будетъ долго царствовать 53). Что касается до второго дара, то трудно указать, въ чемъ именно состояли ихъ методы лѣченія. Случаи психическаго воздѣйствія на больныхъ со стороны ессеевъ, пользовавшихся необыкновеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ въ народѣ, конечно, вполне возможны, но интересъ, конечно, не въ этомъ, а въ тѣхъ священныхъ книгахъ, которыя заключали формулы, заклинанія демоновъ, словомъ, тѣ средства, которыя составляли, такъ сказать, обстановку ихъ чудотворно-медицинской дѣятельности. Graetz 54) дѣлаетъ догадку, что Sofer Refuot, книга лѣченій, составленіе которой Талмудъ, арабскіе и византійскіе писатели приписываютъ царю Соломону, была въ ходу у ессеевъ и считалась одною изъ тайныхъ орденскихъ книгъ. Подробности объ этомъ намъ неизвѣстны.

Переходя къ вопросу о происхожденіи ессейской секты, мы прежде всего должны вспомнить, что возникновеніе ея относится къ

50) Joseph. B. I. 10.

51) Ibidem, 12.

52) Есть извѣстія еще о вѣкомъ Іудѣ, предсказавшемъ (106 г.) смерть Антигона, брата Аристобула, и о Симонѣ, толкователѣ сновъ.

53) Joseph. Ant. XV, 10, 45.

54) Graetz III b. № 12, 701. Ср. также Zeller, Theol. Jahrb. XV, 45.

первой половинѣ II в., ко времени угнетеннаго положенія Іудей. Уже въ этомъ фактѣ, въ связи съ господствомъ грекофильской партіи, можно видѣть стимулъ, способствовавшій появленію на свѣтъ разсматриваемаго общества. Нельзя, конечно, думать, что эти обстоятельства одни были достаточны для того, чтобы создать столь сложное и богатое содержаніемъ явленіе. Они были каплей, переполнившей уже полную чашу, моментомъ, усилившимъ и ускорившимъ общественное броженіе и поведшимъ къ тому, что неопредѣленные общественные элементы выяснились, міровоззрѣнія опредѣлились рѣзко, произошло извѣстное раздѣленіе на партіи. Съ точки зрѣнія Reuss'a, который въ своемъ сочиненіи *Histoire de la Théologie Chretienne au siècle apostolique*, пытается объяснить происхожденіе есеейскаго общества исключительно внѣшними обстоятельствами, утверждая, что ессеи, разочаровавшись въ возможности личнаго удовлетворенія въ обществѣ, обратились за нимъ къ созерцательно-аскетической жизни въ орденѣ,— съ этой точки зрѣнія остаются непонятными многія части приведеннаго выше орденскаго ученія. Отношеніе есеевъ къ жертвоприношеніямъ, классовое устройство, отношеніе къ св. писанію, все это съ точки зрѣнія одной только реакціи противъ филелленизма не можетъ быть объяснено. Гретцъ (I. с.) утверждаетъ, что есеейское ученіе есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе, или какъ онъ выражался, преувеличеніе ученія фарисеевъ. Онъ думаетъ, что строго до фанатизма религиозные асидеи, которыхъ онъ исполнѣ отождествляетъ съ ессеями, не удовлетворенные набожностью фарисеевъ, все больше и больше отдѣлялись отъ ствола еврейской націи, отъ фарисеевъ, и въ своихъ „преувеличеніяхъ“ ушли такъ далеко, что въ концѣ концовъ составили такую „*оппозицію* іудейству, о которой не думали ни его приверженцы, ни противники“ (III b., 98). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Самъ Гретцъ признаетъ, что между фарисеями и ессеями, насколько можно судить по ненадежнымъ источникамъ, были разногласія по очень существеннымъ пунктамъ, какъ по вопросу о безсмертіи души, о воздаяніи въ загробной жизни и т. д. Мы могли бы еще къ этому прибавить, что во взглядѣ на жертвоприношенія, на бракъ, на задачи человѣческой жизни, ессеи расходились съ фарисеями до того рѣзко, что назвать ученіе однихъ видоизмѣненіемъ или преувеличеніемъ ученія другихъ не представляется никакой возможности. Мнѣніе Гретца, поскольку оно говоритъ, что секта есеевъ была продуктомъ еврейской народной жизни, что ессеи были евреями и хотѣли быть только евреями, исполнѣ вѣрно. Корни ессенизма, несомнѣнно, лежали глубоко въ нѣдрахъ *еврейской* жизни; вопросъ только въ томъ, не сплелись ли съ его вѣтвями чуждыя вѣтви—другими словами, *есть ли* элементы есеейской жизни произрасли

на національно-іудейской почвѣ. Этотъ вопросъ приобрѣтаетъ тѣмъ большую важность въ виду господствующаго мнѣнія объ особенной связи ессенизма съ христіанствомъ. Гретцъ не можетъ не признать, что отдѣльныя черты ессейскаго ученія заимствованы, но онъ не придаетъ имъ того значенія, которое онѣ имѣли въ дѣйствительности. Замѣтимъ, кстати, что въ изложеніи Гретца ученіе ессеевъ не вездѣ вполне ясно. Такъ, онъ говоритъ (стр. 96), что конечною цѣлью ихъ было достиженіе пророческаго вдохновенія. Пророческіе голоса давно замолеки, и ессеи думали набожною жизнью сподобиться того, чтобы святой духъ (Ruach Hakadesch) снизошелъ къ нимъ и прояснилъ тьму временъ. И тогда, говоритъ онъ, когда эта цѣль будетъ достигнута, когда пророчества возродятся, когда юноши и мужи опять будутъ видѣть небесные образы, опять съумѣютъ подымать завѣсу будущаго, тогда приблизится великое мессіанское царство, царство небесное (Malchut schama'im), которое однимъ ударомъ положить конецъ трудамъ и мукамъ земной жизни. Все это совершенно непонятно. Во-первыхъ, нельзя сказать, чтобы пророчества были „конечною цѣлью ессеевъ“, хотя бы уже потому, что пророчества были только средствомъ для воздѣйствія на народъ; пришлось бы съ точки зрѣнія Гретца сказать, что конечною цѣлью ессеевъ была общественная дѣятельность посредствомъ пророчествъ; но это не совпадаетъ съ тѣмъ, что передаютъ объ ессеяхъ источники. Не подлежитъ сомнѣнію, что ессеи стремились къ пророчеству; но это у нихъ совпадало съ стремленіемъ къ совершенству, къ соединенію съ Богомъ. Выдѣлить изъ этого общаго стремленія пророчества и сдѣлать ихъ центромъ ессейской жизни — значитъ игнорировать самыя существенныя ея моменты. Второе, что неясно у Гретца, это то, какъ онъ представлялъ себѣ отношенія пророчествъ къ небесному царству по ученію ессеевъ; наконецъ то, чѣмъ собственно было само небесное царство по представленію ессеевъ: было ли оно идеаломъ, который человѣчество строгостью, набожностью и воздержностью должно достигнуть на землѣ, или это была перспектива будущаго нетлѣннаго блаженства въ лучшемъ мірѣ? Источники слишкомъ скудны не только для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, но и для того, чтобы ихъ поставить. Разрѣшать же ихъ, какъ это повидимому склоненъ дѣлать Гретцъ, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ, въ этомъ случаѣ болѣе рискованно, чѣмъ когда либо.

За чисто еврейское происхожденіе ессенизма высказались между прочимъ два протестантскихъ теолога: Ritschl 56) и Lucius 57). Первый думаетъ, что сущность ессенизма заключается въ стремленіи „осу-

⁵⁶⁾ Theologische Jahrb. XIV, 315 sq.

⁵⁷⁾ Der Essenismus in seinem Verhältniss z. Judenthum. Strassburg, 1881.

ществить идеаль царства священников". Въ есеейской сектѣ не было мірянъ; всѣ были священниками и должны были подчиняться предписаніямъ, имѣвшимся для левитовъ. Что предписанія для левитовъ во многихъ случаяхъ могли служить (какъ при очистительныхъ омовеніяхъ) образцомъ для есеевъ, вполне вѣроятно, но приписывать весь строй ихъ жизни и ихъ ученіе одному стремленію къ священству не представляется возможнымъ. Самъ Ritschl долженъ былъ признать, что его теорія находится въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ источниками, и допустить вслѣдствіе этого возможность нѣкоторыхъ заимствованій (стр. 337 сл.); но кромѣ того, новиціатъ, классовое устройство и инныя особенности есеейской секты не имѣютъ ничего общаго съ идеею всеобщаго священства. Lucius (op. cit.) центромъ своей теоріи дѣлаетъ отношенія есеевъ къ іерусалимскому храму. Принимая связь между асидеями и есееями, авторъ находитъ, что послѣдніе не могли примириться съ тѣмъ фактомъ, что первосвященнический престолъ заняли лица, не имѣвшія на него права по рожденію (Менелай, Алкимъ etc.). Храмъ, по ихъ мнѣнію, былъ оскверненъ, нечестивые узурпировали высшую духовную власть и набожнымъ осталось лишь одно: уступить силѣ, удалиться отъ общаго культа и служить Богу вдали отъ поруганнаго храма. Lucius въ образованіи есеейской секты отрицаетъ всякое иностранное вліяніе и всѣ особенности ихъ жизни силится объяснить ихъ разрывомъ съ храмомъ. Мы не будемъ опровергать этого взгляда, такъ какъ выше, на нашъ взглядъ, приведенъ достаточный матеріалъ для возраженій. Замѣтимъ только, что такъ же, какъ и Ritschl, Lucius не можетъ своимъ объясненіемъ обнять все, что намъ даютъ источники, и съ другой стороны предполагаетъ то, чего въ источникахъ нѣтъ. Удивительно, что Lucius, столь обстоятельно разбирающій источники, не задалъ себѣ вопроса, почему Іосифъ Флавій и Филонъ не сообщаютъ ничего о *разрывѣ* съ храмомъ и о протестѣ противъ незаконности первосвященниковъ: причина была бы слишкомъ явная и значительная для того, чтобы она могла ускользнуть отъ вниманія обоихъ писателей. Интересно отмѣтить одно мнѣніе, на которое мы находимъ намекъ еще у Эвальда, а въ новѣйшее время развитое Бунзеномъ ⁵⁸⁾ и Гильгенфельдомъ ⁵⁹⁾. Послѣдній утверждаетъ, что ессеи составляли небольшое племя, внутренне (происхожденіемъ?) связанное съ еврействомъ. Это были потомки Іонадава Рехабыта, о которыхъ упоминаетъ Іеремія XXXV, 5—10, 14, 16 и др. Вотъ что мы узнаемъ изъ Іереміи. Потомки Рехаба на предложеніе пить вино отвѣчаютъ: „мы не пьемъ

⁵⁸⁾ Bunsen, The Angel Messiah of Buddhists, Essenes and Christians.

⁵⁹⁾ Zeitschr. f. wissenschaft. Theologie 1882, стр. 281 сл.

вина, ибо отецъ нашъ Ионадавъ, сынъ Рехаба, запретилъ намъ это, говоря: чтобы ни вы, ни дѣти ваши не пили вина (6), не строили домовъ, не сѣяли сѣмянъ и не сажали виноградниковъ, а жили бы въ шалашахъ... (7). Такъ мы повинуюемся повелѣнію отца нашего Ионадава, сына Рехаба, во всемъ, что онъ велѣлъ намъ: ни мы, ни жены, ни сыновья, ни дочери наши не пьемъ вина (8), не строимъ домовъ, въ которыхъ мы бы жили, не имѣемъ ни виноградниковъ, ни пашень, ни сѣмянъ (9)⁶⁰. Это племя, по мнѣнію Гильгенфельда, и были ессеи. Прежде всего мы должны замѣтить, что запрещеніе у ессеевъ ѣсть мясо и пить вино, запрещеніе, на которомъ строились цѣлыя теоріи о происхожденіи секты,—нельзя считать доказаннымъ, между тѣмъ какъ у Рехабитовъ это запрещеніе было очевидно однимъ изъ важнѣйшихъ. Далѣе рехабитамъ было запрещено заниматься земледѣліемъ, между тѣмъ какъ о ессеяхъ мы изъ двухъ источниковъ (Иосифъ и Филонъ, см. выше) знаемъ, что оно было однимъ изъ ихъ главнѣйшихъ занятій. Рехабиты не строили домовъ—ессеи жили въ домахъ въ городахъ и въ деревняхъ. Изъ приведеннаго отрывка изъ Іереміи мы не имѣемъ даже права заключать объ аскетизмѣ рехабитовъ, между тѣмъ какъ аскетическій характеръ секты ессеевъ не подлежитъ сомнѣнію. Предполагать ихъ тождество, или даже считать ессенизмъ дальнѣйшимъ развитіемъ рехабитской жизни не представляется, такимъ образомъ, достаточно основаній.

Иосифъ, говоря въ одномъ мѣстѣ о ессеяхъ, указываетъ на ихъ сходство съ пифагорейцами. Это замѣчаніе навело Целлера⁶⁰⁾ на мысль, что ессенизмъ испыталъ на себѣ сильное вліяніе новопифагорейцевъ. Въ доказательство своей мысли онъ приводитъ отдѣльныя общія черты обоихъ орденовъ: общность имущества, безбрачіе, воздержаніе отъ мяса и вина (?), тайныя ученія, предсказанія будущаго, ученіе о загробной жизни и др.⁶¹⁾ Но, какъ уже замѣтилъ Hilgenfeld⁶²⁾, греческое вліяніе на Іудею имѣло просвѣтительный, а не мистическій характеръ. Кромѣ того, какъ сказано было уже выше, чисто іудейское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ особенностей, которыя Целлеръ считаетъ заимствованными, доказывается почти съ очевидностью. Целлеръ, правда, признаетъ, что по характеру и значенію своему ессеи составляли общество еврейское по преимуществу; но,

⁶⁰⁾ Phil. d. Gr. III b. 1. c.; Theol. Jahrb. XV, 1. c.

⁶¹⁾ Theol. J. XV, 430. Целлеръ много разъ ссылается на соч. Филона de vita contempl., въ которомъ описывается жизнь египетскихъ терапевтовъ. Матеріалъ, сообщаемый въ этомъ сочиненіи Филономъ, былъ бы весьма цѣненъ, если бы самое сочиненіе, какъ это признано большинствомъ ученыхъ, не было подложно. Ср. объ этомъ Graetz III b., № 25.

⁶²⁾ Z. f. w. Theol. 1882, 266.

когда онъ начинаетъ разбирать отдѣльные его черты, оказывается, что всѣ онѣ греческаго происхожденія. Последнее особенно трудно предположить. Нельзя думать, чтобы ессеи заимствовали самыя догмы имъ вѣрованія отъ тѣхъ самыхъ язычниковъ, отъ которыхъ они ждали гибели своему народу. Если прибавить къ этому то, что пнеагорейцы были политеистами и уже однимъ этимъ должны были внушать къ себѣ недовѣріе и нелюбовь ессеямъ,—вѣроятность заимствования у нихъ уменьшится еще болѣе. Такъ же далеко, какъ Целлеръ, идетъ въ другомъ направленіи Hilgenfeld въ одной изъ своихъ старыхъ работъ (*Der Essäismus und Iesus*). Онъ утверждаетъ, что ессенизмъ есть результатъ вліянія парсизма, а самый парсизмъ носитъ явные слѣды знакомства съ религіей Будды. Гильгенфельдъ у персидскихъ маговъ находитъ то же самое, что Целлеръ нашелъ въ пнеагорейскомъ союзѣ: дѣленіе на классы, воздержаніе отъ вина и мяса и т. д. ⁶³). По нашему мнѣнію, черты сходства въ устройствѣ ессейской секты и иного подобнаго общества не даютъ еще основанія предположить заимствование, если оно не доказывается еще инымъ путемъ; многія положенія, регламентировавшія жизнь ордена, таковы что могли сложиться одинаково въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время совершенно независимо. Многія же, очевидно, еврейскаго происхожденія. Къ тому, что выше нами было сказано о происхожденіи ессейскаго общества, мы должны прибавить, что вѣроятность происхожденія ихъ отъ асидеевъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что еврейскіе источники совершенно не упоминаютъ о ессеяхъ, но часто говорятъ о Chassidim (*Ἀσιδαῖοι*), иногда съ эпитетомъ Ch. Hagischnim (первоначальные) и т. д. Трудно думать, чтобы Талмудъ совершенно игнорировалъ есеевъ, несомнѣнно игравшихъ роль въ религіозной жизни палестинскихъ евреевъ и во всякомъ случаѣ представлявшихъ столь необыкновенное явленіе, что обойти его молчаніемъ нельзя было. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ессенизмъ не испыталъ никакихъ иностранныхъ вліяній. Идея безсмертія души ⁶⁴), демонологія, предсказанія, искусство дѣченія магическими средства-

⁶³) Hilgenfeld ищетъ заимствованій даже тамъ, гдѣ ихъ очевидно быть не можетъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что „топоръ“, который ессеи носили съ собою, былъ магическимъ орудіемъ у персовъ и какъ таковой былъ перенятъ (стр. 99). Между тѣмъ, въ Deuter. XXIII, 13 прямо предписано имѣть топоръ для закапыванія испражнений, что совершенно совпадаетъ съ Ioseph. B. J. I. c.

⁶⁴) Lucius (op. cit.) указываетъ на Kohelet II, 20—21 и XII, 7 въ доказательство того, что ученіе о безсмертіи души не было чуждо еврейству. При этомъ единичномъ свидѣтелѣ дѣлается вѣроятнымъ предположеніе, что авторъ книги Kohelet (жившій въ I в. до Р. X.) самъ находился подъ вліяніемъ ессейскихъ или иностранныхъ идей.

ми—все это воспринято у чужого народа, такъ какъ въ іудействѣ мы не находимъ ничего, что дало бы поводъ къ образованію этихъ понятій. Если мы представимъ себѣ процессъ образованія разсматриваемой секты, обстоятельства, вызвавшія ее къ жизни, цѣли, которыя она преслѣдовала, мы легко придемъ къ тому заключенію, что *далекіе отъ заимствованія перениманія тѣхъ или иныхъ идей, ессей, какъ странные сыны Израиля, признавали только пятикнижіе, и только подъ видомъ толкованія рецитировали постепенно и безсознательно идеи, случайно дошедшія до нихъ и соответствовавшія ихъ настроенію и цѣлямъ*. Не слѣдуетъ предполагать, что эти идеи были заимствованы изъ одного мѣста. Важно лишь то, что въ своемъ религіозно-философскомъ міровоззрѣніи ессей эти идеи органически связали съ господствовавшими на ихъ родинѣ, и такимъ образомъ придали имъ особую жизненность, силу и способность къ дальнѣйшему развитію.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда секта ессеевъ перестала существовать. Можно думать, что это случилось къ концу перваго вѣка нашей эры, послѣ взятія Іерусалима и успѣховъ новаго ученія. Последнее, несомнѣнно, имѣло много родственныхъ ессенизму чертъ и адептовъ своихъ легче всего могло вербовать въ средѣ еврейскихъ сектантовъ. Весьма вѣроятно, что христіанство болѣе всего способствовало упадку ессенизма тѣмъ именно, что, ассимилировавши съ собою лучшіе его элементы, лишило его первоначальнаго значенія и по отношенію къ религіозно-этическому движенію въ Іудеѣ само стало на его мѣсто ¹⁾.

Берлинъ, 6 февраля 1892 г.

¹⁾ Въ февральскомъ выпускѣ Journal des savants за 1892 г. помѣщена статья Э. Ренана „L'essenisme“, составляющая разборъ сочиненій Луція Die Therapeuten (1880) и Der Essenismus (1881). *Прим. ред.*

Учредительное Собрание и борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами.

М. М. Ковалевскаго.

(По неизданнымъ депешамъ венеціанскихъ резидентовъ и по тайному архиву государственныхъ инквизиторовъ).

I.

Ни одна попытка самостоятельной обработки исторіи французской революціи не можетъ обойтись въ настоящее время безъ изученія обильнаго матеріала, представляемаго журналами собраній, рѣчами клубовъ, протоколами муниципальных совѣтовъ и избирательныхъ комитетовъ. Оба „Общества исторіи французской революціи“, съ такимъ примѣрнымъ рвеніемъ соперничающія въ изданіи этихъ первоисточниковъ, тѣмъ самымъ указываютъ намъ на путь, какого слѣдуетъ держаться при пересмотрѣ ходячихъ ученій о причинахъ и ходѣ того политическаго переворота, которому не одна Франція, но и вся Европа обязана новымъ направленіемъ ея общественной и политической жизни. Общераспространенныя повѣствованія о событіяхъ, ознаменовавшихъ собою 1789-й и слѣдующіе за нимъ годы, почти всецѣло опираются на мемуарахъ современниковъ и на той богатой памфлетной литературѣ, какую вызвали различные фазисы борьбы короля и привилегированныхъ сословій съ среднимъ, аристократовъ и монтаньяровъ, „умѣренныхъ“ и „бѣшенныхъ“. Но эти источники заключаютъ въ себѣ одинъ существенный недостатокъ: они написаны въ духѣ партій; они дорожатъ не столько истиной, сколько проведеніемъ извѣстныхъ взглядовъ, защитой извѣстныхъ интересовъ. Къ тому же большинство мемуаровъ написаны нерѣдко на разстояніи десятилѣтій со времени повѣствуемыхъ ими событій. Они заключаютъ въ себѣ, въ большинствѣ случаевъ, только личную апологію ихъ авторовъ, просла-

вляють или оправдывают ихъ образъ дѣйствій въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Это скорѣ адвокатскія защиты, нежели безпристрастныя рѣшенія. Не только факты, но и рѣчи отдѣльных историческихъ дѣятелей передаются ими въ такихъ разнообразныхъ редакціяхъ, что потребовалась бы цѣлая критическая работа для восстановления наиболѣе вѣроятнаго текста ¹⁾.

И въ газетныхъ отчетахъ трудно рассчитывать на строгую передачу содержанія и порядка преній. Пристрастіе „Монитера“ давно признано, а какъ часто сами ораторы измѣняли въ печати текстъ произнесенныхъ ими рѣчей, доказываетъ неоднократно заявленный современниками протестъ противъ той печатной редакціи, какую слова Мирабо находили въ издаваемомъ имъ органѣ. Напомнимъ, наконецъ, еще тотъ характерный фактъ, что рѣчь, произнесенная тѣмъ же Мирабо о королевскомъ „veto“, передана была одними журналистами въ смыслѣ благопріятномъ признанію его за монархомъ, а другими, и во главѣ ихъ Демуленомъ, въ смыслѣ отрицанія. Такимъ образомъ, вполне основательнымъ является требованіе положить въ основу историческаго повѣствованія менѣе подверженную спорамъ и сомнѣніямъ офиціальную запись всего происходившаго въ стѣнахъ собраній, комитетовъ, клубовъ, комиссій и подкомиссій, запись, обнародованію которой посвящены изданія Лорана и Клавеля, предпринятая по порученію французскихъ законодательныхъ камеръ.

Но и въ этихъ источникахъ нельзя найти отвѣта на вопросъ, какое впечатлѣніе производили происходившія во Франціи событія при дворахъ Европы, въ какой мѣрѣ отдѣльныя правительства считали себя заинтересованными въ исходѣ этихъ событій, видѣли въ нихъ предостереженіе или угрозу для собственной дѣятельности. Тщетно стали бы мы искать отвѣта на эти вопросы и въ европейской журналистикѣ того времени, еще стоявшей въ тискахъ цензуры и принужденной хранить упорное молчаніе объ интересовавшихъ весь міръ событіяхъ. Какъ рассчитывать на выраженіе общественныхъ взглядовъ на французскую революцію въ такихъ газетахъ, какъ на примѣръ, венеціанская „Городская газета“ и выходившій въ той же

¹⁾ Недаромъ и доселѣ продолжаютъ споры о томъ, слѣдуетъ ли быть Мирабо протестъ противъ королевскаго декрета отъ 23 іюня 1789 года въ присутствіи самого короля и въ той рѣзкой, непочтительной формѣ, какая приводится въ нѣкоторыхъ мемуарахъ и такъ мало отвѣчаетъ его монархическому „credo“. Что именно сказалъ Мирабо церемоніймейстеру Дре-Брезе послѣ того, какъ послѣдній передалъ собранію приказъ короля оставить залу засѣданій, до сихъ поръ составляетъ предметъ недоумѣній и догадокъ. Выяснено пока только одно, что приписываемыя Мирабо слова не были имъ произнесены, хотя смыслъ ихъ болѣе или менѣе сохраненъ въ ходячей редакціи.

Венеціи „Новый почталіонъ“, когда простой разговоръ въ кофейняхъ о поведеніи якобинцевъ приравниваемъ былъ къ преступленію и дѣлался поводомъ для обыска и ареста. А между тѣмъ безъ точнаго выясненія того представленія, какое отдѣльныя правительства Европы въ разное время составляли себѣ о французскихъ событіяхъ, невозможно понять того положенія, въ какое они считали нужнымъ ставиться къ этимъ событіямъ, невозможно понять причинъ, побудившихъ ихъ смотрѣть на революцію, какъ на заговоръ противъ всѣхъ престоловъ, какъ на угрозу всему, не только общественному и государственному, но и международному строю Европы. Мнѣ не безъизвѣстно, конечно, то обстоятельство, что это враждебное отношеніе Европы обыкновенно объясняется тѣмъ вызовомъ, который будто бы въ разное время дѣлаемъ былъ ей различными революціонными правительствами Франціи. Но я надѣюсь показать въ дальнѣйшемъ изложеніи, сколько преувеличенія и фактическихъ извращеній заключаетъ въ себѣ это ходячее толкованіе.

Чтобы понять ближайшій источникъ тѣхъ взглядовъ, какими европейскіе кабинеты руководствовались въ своей политикѣ по отношенію къ Франціи, надо прежде всего познакомиться съ тѣми представленіями, какія они составляли себѣ о ходѣ революціи. Поведеніе какъ частныхъ лицъ, такъ и правительствъ опредѣляется не столько самимъ характеромъ событій, сколько тѣми впечатлѣніями, какія производятъ на нихъ эти событія. Вотъ почему и интересно прослѣдить тотъ путь, какимъ складывались представленія европейскихъ кабинетовъ насчетъ различныхъ фазисовъ того насильственного переворота, какой переживала Франція. Но задавшись этимъ вопросомъ, мы неминуемо придемъ къ сознанію, что безъ внимательнаго изученія депешъ европейскихъ дипломатовъ при французскомъ дворѣ немыслимо сколько-нибудь вѣрное представленіе о томъ, какъ смотрѣли и чего ожидали отъ революціоннаго движенія отдѣльныя правительства Европы. Такимъ образомъ обращеніе къ дипломатической перепискѣ, какъ къ источнику, вызывается не столько надеждою найти въ ней новыя фактическія подробности или разъясненіе сокровенныхъ причинъ событій, сколько увѣренностью, что въ нихъ лежитъ ключъ къ пониманію побудительныхъ мотивовъ европейской политики по отношенію къ французской революціи.

Многіе изъ этихъ дипломатическихъ отчетовъ давно уже приобрѣли извѣстность достовѣрныхъ, разностороннихъ и обстоятельныхъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что они составляемы были подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій. Это обстоятельство даетъ намъ возможность знакомиться изъ чтенія этихъ отчетовъ съ настроеніемъ минуты, съ по-

стоинными перемѣнами въ общественномъ мнѣніи, съ подготовленіемъ имъ тѣхъ или другихъ движеній, съ отголоскомъ, какой эти движенія находили въ общественномъ сознаніи, однимъ словомъ, съ цѣлымъ рядомъ сторонъ, которыя не могутъ найти правильнаго освѣщенія въ написанныхъ нѣкоторое время спустя личныхъ воспоминаніяхъ. По этой причинѣ иностранныя депеши могутъ служить значительнымъ подспорьемъ и для фактической исторіи. Онѣ могутъ дать новое освѣщеніе той внутренней связи, въ которой стоятъ между собою отдѣльныя событія; онѣ могутъ объяснить намъ причину, по которой ничтожныя въ другихъ условіяхъ факты могли повлечь за собою довольно серьезныя послѣдствія, такъ какъ настроеніе общественной среды благопріятствовало преувеличенному къ нимъ отношенію. Особенно интересны тѣ депеши, въ основу которыхъ положены дневники, подобные тому, какой американскій резидентъ Моррисъ велъ почти безостановочно въ періодъ времени отъ 1789 по 1799 годъ. Исторія не однихъ только національнаго и законодательнаго собраній, но и смѣниваемаго ихъ конвента и представительныхъ совѣтовъ директоріи находитъ въ Моррисѣ весьма пристрастнаго, правда, но въ то же время крайне искреннаго повѣствователя. Несравненно впрочемъ искреннѣе та часть его дневника и тѣ подробности его писемъ, въ которыхъ затрогивается общественная жизнь Франціи, жизнь клубовъ, салоновъ, литературныхъ и ученыхъ кружковъ и рядомъ съ этимъ жизнь улицы и въ частности тѣхъ рабочихъ кварталовъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ кварталѣ Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо, подготовлялись тѣ народныя взрывы, которыми такъ часто прерываемы были и безъ того бурныя засѣданія представительныхъ палатъ.

Тогда какъ Моррисъ стоитъ всего ближе къ аристократическимъ кружкамъ во Франціи, а также къ тѣмъ высшимъ рядамъ буржуазіи, которые давали тонъ дебатамъ національнаго собранія и образовали изъ себя впоследствии центръ оппозиціи по отношенію къ демагогической политикѣ конвента, посолъ шведскаго короля баронъ Сталь-Гольштейнъ, благодаря своему браку съ дочерью главы министерства Неккера, поставленъ въ благопріятнѣйшія условія для ознакомленія съ видами и цѣлями партій, ознаменовавшей свое пребываніе въ рядахъ правительства попыткой перенести во Францію англійскую конституцію.

Въ непосредственной близости ко двору стоитъ австрійскій министр-резидентъ Мерси-Даржанто, совѣтникъ и другъ королевы. Его депеши открываютъ предъ нами картину тѣхъ внутреннихъ несогласій, которыя господствовали въ средѣ королевской семьи. Онѣ обнаруживаютъ безличіе и слабость Людовика XVI, энергію и бодрость ума его державной супруги; имъ мы обязаны вѣрнымъ изображеніемъ

того безвыходнаго положенія, въ какое съ самаго начала была поставлена королевская власть, благодаря разоренію казны, невозможности добыть средства безъ согласія средняго сословія и неумѣнью привязать къ себѣ депутатовъ отъ народа, постоянно раздражаемыхъ пристрастнымъ отношеніемъ къ привилегированнымъ сословіямъ. Тогда какъ депеши Морриса сдѣлались достояніемъ исторіи еще съ середины текущаго столѣтія, дипломатическія донесенія Сталля-Гольштейна впервые обнародованы были въ 1881 году, а Мерси-Даржанто извѣстны въ существеннѣйшихъ чертахъ по работамъ Арнета и Жюста конца семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Депеши англійскаго посла Дорсета отъ 1789 года до сихъ поръ еще не изданы, но ими пользовался уже не одинъ историкъ.

Въ 1885 году впервые отпечатаны были донесенія, посланныя англійскому двору въ періодъ времени отъ іюня 1790 года по январь 1793 года. Авторами ихъ былъ сперва графъ Гауеръ, а позднѣе агенты Линдзе и Менро. Эти источники на нашъ взглядъ представляютъ несравненно меньшій интересъ, чѣмъ упомянутые нами выше. Свѣдѣнія, даваемыя Гауеромъ, кратки и прибавляютъ мало новаго къ тому, что сообщаютъ намъ другія одновременныя свидѣтельства, тѣмъ не менѣе все, что онъ говоритъ о ходѣ конституціонныхъ работъ, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ исходитъ отъ лица, близко знакомаго съ англійскими порядками и склоннаго разсматривать вопросы государственнаго устройства съ точки зрѣнія этихъ порядковъ. Къ этому же сводится главнымъ образомъ интересъ и впервые появившейся въ печати въ концѣ прошлаго года полу-официальной, полу-частной переписки Вильяма Милеса съ различными государственными людьми Англій. Послѣ продолжительнаго пребыванія при мелкихъ германскихъ дворахъ, породившихъ въ немъ, по собственному его сознанію, ненависть къ деспотизму, Милесъ, очутившись въ Парижѣ въ августѣ 1790 года, сначала всецѣло уходитъ въ изученіе перемѣнъ, произведенныхъ революціей во всемъ складѣ французской жизни. Онъ добивается приѣма въ клубъ якобинцевъ и входитъ въ близкія, дружескія сношенія съ Лафайетомъ и нѣкоторыми другими вожаками движенія, онъ не скрываетъ своего восторга при видѣ полнаго упадка тяготѣвшей надъ Франціей „тиранніи“.

Но вскорѣ преобладаніе демагогическихъ тенденцій и характеръ насилія, какой принимаютъ направленные противъ короля движенія народныхъ массъ, производятъ въ Милесѣ рѣшительный переворотъ. Его чувство законности, его глубокая привязанность къ англійскимъ учрежденіямъ не могутъ помириться ни съ самоуправствомъ толпы, ни съ попыткой построить монархію на почвѣ республиканскихъ учрежденій съ полнымъ отрицаніемъ начала полити-

ческаго равновѣсія между властями и сосредоточеніемъ всѣхъ государственныхъ функцій въ рукахъ единой народной палаты. Задолго до переворота 10 августа 1792 года и сопровождавшихъ его „сентябрьскихъ избіеній“ аристократовъ и священниковъ, Милесъ объявляетъ дѣло революціи потеряннымъ. Въ теченіе всего періода, который тянется отъ казни короля и завершается паденіемъ республики, Милесъ остается негодующимъ свидѣтелемъ торжества яacobинскихъ теорій и проявленія всѣхъ ужасовъ террора. Его интересъ къ свободѣ и равенству замѣтно падаетъ и онъ успокаивается на мысли, что внѣ англійскихъ порядковъ съ широкимъ преобладаніемъ аристократіи и монархіи нѣтъ гарантій для политической свободы.

Не меньшій интересъ сравнительно со всѣми только что перечисленными донесеніями иностранныхъ дипломатовъ представляютъ доселѣ неизданныя депеши венеціанскихъ резидентовъ. Эти депеши направлены частью къ сенату, частью къ государственнымъ инквизиторамъ. Извѣстно, что республика св. Марка издавна назначала на дипломатическіе посты наиболѣе выдающихся членовъ своего дворянства, людей, которые, прошедши предварительно чрезъ рядъ должностей, выносили, какъ общее правило изъ своего продолжительнаго знакомства съ государственными дѣлами, тотъ практический смыслъ, ту трезвость мысли, которую не въ силахъ дать одно кабинетное мышленіе. Въ теченіе всего революціоннаго періода три дипломата смѣнили другъ друга на посту „дворянина отъ Венеціи, акредитованнаго при французскомъ дворѣ“—официальный титулъ, издавна присвоенный венеціанскимъ посламъ, что не помѣшало однако конвенту поставить вопросъ о томъ, насколько французской демократіи, отмѣнившей дворянскія отличія, удобно признать этотъ титулъ за представителемъ хотя бы и иностраннаго двора ¹⁾. Первымъ по времени является Антоніо Капелло, назначенный посломъ во Францію еще въ 1786 году; до назначенія въ Версаль Капелло успѣлъ перебыть на цѣломъ рядѣ въ высшей степени отвѣтственныхъ должностей и познакомиться какъ съ финансовымъ управленіемъ, такъ и съ монетнымъ дѣломъ, съ провинціальной администраціей и доманіальнымъ вѣдомствомъ. Его попеченію ввѣряемы были попеременно и въ разные годы завѣдыванье арсеналомъ и университетомъ въ Падуѣ, народнымъ продовольствіемъ и контролемъ за соблюденіемъ законовъ противъ роскоши, утилизація постороннихъ зе-

¹⁾ Подробности на этотъ счетъ можно найти въ первыхъ депешахъ Альвизе Квирина къ сенату и инквизиторамъ, въ депешахъ, посланныхъ осенью 1795 года.

мель государства и провѣрка правъ на феодальныя помѣстья, водоснабженіе и надзоръ за порядкомъ покупки золота и серебра для обращенія ихъ въ монету ¹⁾). Съ 1778 года мы встрѣчаемъ его посломъ въ Испаніи. Свою миссію при французскомъ дворѣ онъ оставилъ въ началѣ 1790 года только для того, чтобы занять однохарактерный постъ въ Римѣ. Преемникомъ его въ періодъ отъ 1790 по 1792 годъ, т.-е. до момента провозглашенія республики и послѣдовавшаго затѣмъ перерыва дипломатическихъ сношеній, былъ Альморо или Эльмороа Пизани. Онъ получилъ солидное образованіе въ іезуитскихъ школахъ въ Пармѣ и Болоньѣ, успѣлъ объѣздить почти всѣ европейскіе дворы, побывать на посту совѣтника синьории „*Savio agli ordini*“, Совѣтника по управленію провинціями, „*Savio di terra ferma*“, пока не былъ назначенъ посломъ при дворѣ испанскаго короля Карла III. Добровольный переходъ Капелло въ Римъ открылъ Пизани возможность перейти въ Парижъ ²⁾). Съ отѣнной королевской власти во Франціи, онъ, подобно прочимъ посламъ, считъ свои служебныя обязанности временно прекращенными и, опасаясь личныхъ преслѣдованій со стороны яacobинскаго правительства, удалился въ Лондонъ.

Оставленіе имъ Парижа не сопровождалось однако полнымъ перерывомъ дипломатической переписки между венеціанскимъ посломъ при французскомъ дворѣ и аккредитовавшимъ его правительствомъ. Пизани сталъ слѣдить за французскими событіями изъ Лондона, а оплачиваемые республикой св. Марка тайные агенты продолжали непосредственно доносить инквизиторамъ о ходѣ парижскихъ событій во все время продолженія террора. Паденіе Робеспьера и послѣдовавшее затѣмъ торжество умѣренной партіи поставили на очередь вопросъ о возвращеніи венеціанскаго посла въ Парижъ. Въ виду недоразумѣній, возникшихъ между Альморо Пизани и французскимъ правительствомъ, венеціанская республика предпочла сдѣлать новое назначеніе, и выборъ ея палъ на члена одной изъ древнѣйшихъ фамилій на Альвизе Квирини. Изъ порученій, данныхъ на этотъ разъ венеціанскому послу, важнѣйшимъ было слѣдить за военными приготавленіями французской республики, за подготавливаемымъ ею походомъ въ Италію. Квирини долженъ былъ увѣдомлять сенатъ и инквизиторовъ о томъ, что думаютъ французы сдѣлать съ тѣми территоріальными приобрѣтеніями, какія ихъ будущія побѣды надъ сардинскими и австрійскими войсками могутъ передать въ ихъ руки.

¹⁾ Биографическія данныя объ Антоніо Капелло сообщаетъ Carlo Massa въ 28 томѣ „*Rivista Europea*“. Римъ. 1882 годъ.

²⁾ Dandolo. *La caduta della repubblica di Venezia*. Appendice, стр. 169.

Въ расчеты Венеціи нимаю не входило, разумѣется, образованіе изъ нихъ самостоятельной или зависимой отъ Франціи республики, владѣнія которой граничили бы съ ея собственными и рано или поздно могли бы сдѣлаться очагомъ въ нихъ революціоннаго движенія. Ея интересамъ не отвѣчалъ также предполагаемый раздѣлъ отнятыхъ у Австріи земель между Сардиніей и Генуей и она льстила себя надеждой сама получить долю добычи, не стоившей ей въ то же время ни малѣйшаго труда. Инструкціи, данныя Квирини, не оставляли, въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ рѣшимости синьоріи сохранить во что бы то ни стало нейтральное положеніе между воюющими. Первые шаги, сдѣланные Квирини на его столь трудномъ посту, были настолько успѣшны, что, передавая въ письмахъ къ нему впечатлѣніе, сдѣланное въ сенатѣ его первыми депешами, зять Квирини Гаспаро Липомано говоритъ объ аплодисментахъ, которыми не разъ оглашалась зала присутствія во время чтенія этихъ депешъ. „Всѣ окружали меня“, пишетъ онъ, говоря: „какой молодецъ Квирини, какъ славно онъ исполняетъ свою должность“. Не меньшее впечатлѣніе произвели ваши донесенія въ „прегади“ или „тѣсномъ совѣтѣ“, и вы можете разсчитывать на официальное заявленіе благодарности и на похвалы вашей мудрости и такту“ ¹⁾.

Такъ благопріятно начавшаяся миссія окончилась однако полнымъ пораженіемъ. Отклонивши не разъ предложенный ей Франціей наступательный и оборонительный союзъ противъ австрійцевъ, республика Св. Марка въ то же время не приняла никакихъ мѣръ къ защитѣ своихъ границъ отъ воюющихъ. Одна за другой ея провинціи занимаемы были австрійскими и французскими войсками, позволявшими себѣ всевозможныя насилія и реквизиціи. Принадлежавшія республикѣ крѣпости заняты были французскими гарнизонами, сдѣлавшимися распространителями республиканскихъ идей. При нихъ почти нескрываемомъ содѣйствіи Бергамо, Брешіа и Кремона одна за другой отложились отъ Венеціи и провозгласили себя независимыми городскими муниципіями. Преданные Св. Марку и возмущенные французскими реквизиціями, крестьяне съ береговъ Гварды тщетно сдѣлали попытку остановить эти движенія. Начатый ими отпоръ нашелъ, правда, поддержку въ городскомъ демосѣ Вероны, но „трехдневная кровавая баня“, ознаменовавшая собою веронское возстаніе, столь

¹⁾ Библиотека Quirini Stampaglia въ Венеціи заключаетъ въ себѣ цѣлый томъ частной корреспонденціи между Липомано и Альвизе Квирини. (Слос. VII caput. 78). Она содержитъ въ себѣ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи паденія Венеціанской республики и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неизданной. Приведенное въ текстѣ письмо помѣчено 15 августа 1795 года.

близкое по характеру къ знаменитымъ „сицилійскимъ вечерамъ“, кончилась торжествомъ французовъ и провозглашеніемъ политической независимости Вероны отъ Венеціи. Во все время, пока продолжались сперва частныя вымогательства, затѣмъ открытыя насилія, Альвизе Квирины поставленъ былъ въ безысходное положеніе человѣка, обязаннаго протестовать противъ нарушеннаго права, не прибѣгая въ то же время ни къ какимъ угрозамъ и зная напередъ, что его правительство отступить передъ всякой мыслью о репрессіи. Правда, сознавая бесплодность своей, можно сказать, платонической борьбы съ французскою директоріей, Квирины на свой страхъ пустилъ въ ходъ болѣе обѣщавшій приѣмъ воздѣйствія — подкупъ, но, на его бѣду, Наполеону удалось продать Венецію австрійцамъ и подписать миръ въ Кампо-Формію прежде, чѣмъ подкупленному Квирины Баррасу пришло на мысль исполнить свое обѣщаніе и отозвать французскія войска изъ венеціанскихъ владѣній. Одна за другой Виченца, Падуа, Тревизо, Удино произвели въ своихъ стѣнахъ демократическіе перевороты и приняли независимое отъ Венеціи муниципальное устройство по образцу французскаго. Оставшись снова владѣтельницай однихъ острововъ Адриатики, Венеція одно время думала о военномъ сопротивленіи, но у нея не хватило ни денегъ, ни энергіи для осуществленія этого плана. Одни на вербованныя въ Далмаціи славянскія войска обнаруживали готовность защищать ее до послѣдней минуты, даже противъ ея воли, но страхъ, внушаемый венеціанской олигархіи этими съ трудомъ сдерживаемыми патріотами былъ такъ великъ, что она поспѣшила удалить ихъ изъ своихъ границъ, по первому требованію Наполеона. Послѣ этого не осталось ей другого исхода, какъ подчиниться безусловно волѣ иноземца. Инквизиторы были арестованы и препровождены къ мирному побѣдителю. Политическія тюрьмы были при этомъ взломаны толпою. Сенатъ и Прегади упразднены, и временное правительство, подъ предсѣдательствомъ бывшаго дожа, составлено путемъ поголовнаго избранія. Съ установленіемъ демократическаго режима прекратилась сама-собою миссія Квирины. Директорія поспѣшила снабдить его паспортомъ, но на обратномъ пути онъ имѣлъ неосторожность остановиться въ Миланѣ, гдѣ былъ задержанъ и заключенъ въ тюрьму по обвиненію въ неплатежѣ по векселю, выданному имъ въ обезпеченіе обѣщанной Баррасу взятки. Тщетно онъ и его семья протестовали противъ недействительности обязательства, условія котораго не были исполнены противной стороной. Только благодаря вмѣшательству водворившагоса въ Венеціи австрійскаго правительства, удалось семьѣ Квирины выкупить изъ неволи своего черезъ-чуръ опрометчиваго сочлена.

Безплодная по своимъ политическимъ результатамъ, корреспонден-

денція Альвизе Квирина въ то же время принадлежить къ числу интереснѣйшихъ документовъ для исторіи термидоріанцевъ и директоріи, и можно только высказать сожалѣніе, что она доселѣ погребена въ числѣ рукописей венеціанскаго архива и бібліотеки Квирина Станцалія.

Депеши всѣхъ трехъ упомянутыхъ мной дипломатовъ, числомъ болѣе шестисотъ, отличаются нѣкоторыми общими достоинствами, независимо отъ большаго или меньшаго таланта ихъ авторовъ. Въ своихъ еженедѣльныхъ отчетахъ корреспонденты Венеціанскаго Сената не только стараются дать вѣрную картину всего того, что происходитъ въ собраніи и въ министерствахъ, но они пытаются раскрыть и все то, что совершается, такъ сказать, за кулисами официальной политики. Черезъ своихъ агентовъ они проникаютъ въ народныя сходбища и клубы, чѣмъ и объясняются частыя и вполнѣ вѣрныя предсказанія, какія нерѣдко содержатъ напередъ ихъ депеши. Это внимательное отношеніе ко всѣмъ безъ различія сферамъ политическаго воздѣйствія даетъ имъ возможность усмотрѣть ту внутреннюю связь между отдѣльными фазисами революціоннаго процесса, которая остается скрытой для болѣе одностороннихъ наблюдателей. Направляя свои посланія Сенату и инквизиторамъ, венеціанскіе резиденты, очевидно, не имѣютъ возможности нускаться въ тѣ подробныя описанія салоновъ и общественной жизни, которыя придаютъ такую цѣну личному дневнику Морриса, но, съ другой стороны, они гораздо разностороннѣе въ характеристикѣ господствующихъ политическихъ теченій, въ изображеніи духа отдѣльныхъ партій и выставляемыхъ ими программъ. Ихъ постоянныя сношенія съ государственными людьми Франціи и добросовѣстность, съ какой они разыскиваютъ мельчайшіе мотивы событій — причина тому, что въ ихъ депешахъ мы находимъ не мало фактовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прочихъ современниковъ. Ихъ расторопность, ихъ умѣнье создавать себѣ связи и устанавливать отношенія въ такихъ сферахъ, въ которыя, обыкновенно, иностранцамъ трудно проникнуть, мѣрятся съ полной неразборчивостью средствъ и съ готовностью во всякое время покупать дорогою цѣною услуги какъ собственныхъ подданныхъ, такъ и французовъ. Нельзя отказать отъ удивленія при видѣ той ловкости, съ которой они создаютъ себѣ словоохотливыхъ корреспондентовъ во всѣхъ безъ различія политическихъ партіяхъ, не компрометируя себя связью ни съ одной. Мы попеременно встрѣчаемъ ихъ въ кабинетѣ министра и на тайномъ свиданіи съ оплачиваемымъ ими агентомъ. Они равно извлекаютъ выгоду изъ всѣхъ нескромностей, изъ всѣхъ интригъ, изъ всѣхъ видовъ недоброжелательства и измѣны. Слѣдуя въ этомъ отношеніи приѣму своихъ знаменитыхъ предшественниковъ XVI

и XVII столѣтій Навагери, Барбаро, Контарини, они умудряются стоять со всѣми на короткой ногѣ: они вхожи одинаково и ко двору, и къ самымъ рѣшительнымъ и неспособнымъ на компромиссъ членамъ оппозиціи. Они озабочены поддержаніемъ тѣсной пріязни со всѣми членами дипломатическаго корпуса и съ напускной наглостью спрашиваютъ иногда указаній и совѣтовъ у своихъ болѣе или менѣе словоохотливыхъ коллегъ. Зналъ, напримѣръ, близость Морриса съ нѣкоторыми руководящими салонами и тѣ пути, какими онъ можетъ проникнуть въ интимный совѣтъ Маріи-Антуанетты, Альморо Пизани ставитъ однажды американскому послу открытый вопросъ, что онъ знаетъ о готовящейся контръ-революціи. Рѣзкій отвѣтъ Морриса, что онъ ничего не знаетъ и знать не желаетъ ¹⁾, не отстраняетъ хитраго венеціанца отъ новыхъ попытокъ войти въ душу своего американскаго собрата. Со дня на день его посѣщенія становятся все чаще и чаще, и мы находимъ его вскорѣ неизмѣннымъ посѣтителемъ тѣхъ пирушекъ, которыя такъ любилъ устраивать Моррисъ. Всего чаще однако венеціанскіе резиденты обращаются за услугами къ собственнымъ соотечественникамъ, поселившимся во Франціи, подчасъ также къ французскимъ подданнымъ, приведеннымъ нищетою или враждебностью къ доходному, правда, но мало почетному занятію шпионствомъ. Одни соглашаются оказать имъ это содѣйствіе и безвозмездно, польщенные ихъ вниманіемъ, подкупленные подчасъ простымъ приглашеніемъ на обѣды; другіе умѣютъ соблюсти свою выгоду и не отступаютъ передъ мыслью сдѣлать заемъ или обезпечить за собой мѣсячную пенсію. Едва Пизани удается оставить Парижъ вслѣдъ за заключеніемъ королевской семьи въ Temple, какъ онъ спѣшитъ рекомендовать инквизиторамъ двухъ оставленныхъ имъ въ Парижѣ агентовъ. Оба они—французы; оба одинаково отличаются, по его свидѣтельству, большою ловкостью и рвеніемъ, и оба дѣйствительно вскорѣ оправдываютъ это довѣріе самыми обстоятельными отчетами о томъ, что творится даже въ секретныхъ засѣданіяхъ комитета общественной безопасности (Salut publique). Преемникъ Пизани Квирини въ тѣхъ же видахъ поддерживаетъ сношенія даже съ тѣми изъ венеціанцевъ, которыхъ инквизиторы прямо обвиняютъ въ якобинствѣ. Таковъ, напримѣръ, порученный его надзору Зенобіо; Квирини устанавливаетъ за нимъ тайный надзоръ и въ то же время эксплуатируетъ его всячески, что не мѣшаетъ однако

¹⁾ Мы читаемъ въ дневникѣ Морриса отъ 10 января 1792 года. *L'ambassadeur de Venise me demande mon opinion sur les affaires de France. Je lui déclare, que je suis mal informé et ne demande à l'être.* (Томъ I, стр. 498).

этому прославленному радикалу служить тайнымъ агентамъ Англіи и въ концѣ концовъ подвергнуться публичному изгнанію изъ Франціи. При содѣйствіи подобнаго же посредника, чловѣка еще болѣе сомнительной честности, также венеціанскаго уроженца, но только славянскаго происхожденія, Висковича, Альвизо Квирины завязываетъ свои переговоры о подкупѣ съ Баррасомъ и получаетъ отъ него обѣщаніе подавить силою оружія начавшуюся въ венеціанскихъ владѣніяхъ демократическую революцію и воссоединить съ республикой св. Марка отпавшія отъ нея провинціи. Но не къ однимъ только мелко-травчатымъ заговорщикамъ и проходимцамъ, вродѣ Зенобіо и Висковича прибѣгаютъ полномочные послы республики св. Марка, чтобы привести въ движеніе тѣ тайныя пружины, которыми подчасъ опредѣляется дѣятельность государственныхъ мужей и политическихъ партій. Очень часто они сами идутъ за справками въ салоны господствующей буржуазіи. Чтобы стать на равную ногу съ людьми, которыхъ одинаково отдѣляетъ отъ него и рожденіе и прошлое, венеціанскій дворянинъ старается принять ихъ нравы и привычки и самый способъ держать себя въ обществѣ. Несмотря на нѣжную привязанность къ супругѣ, Квирины не отступаетъ предъ мыслью прослыть открыто въ парижскихъ салонахъ за сердечнаго друга madame Mio, плебейское происхожденіе которой ни для кого не составляло тайны. Его встрѣчаютъ одѣтымъ въ модный костюмъ тѣхъ „incroyables“, которые одно время давали тонъ парижскому обществу, и изъ устъ его раздаются рѣчи, которыя, очевидно, не были рассчитаны на то, чтобы завоевать ему симпатіи добрыхъ католиковъ и аристократовъ, какими были его соотечественники 1).

Посѣщая салоны, театры, клубы и публичныя собранія, венеціанскіе дипломаты слѣдили въ то же время весьма внимательно за періодической печатью и памфлетной литературой. Они старались ежедневно давать себѣ отчетъ въ тѣхъ перемѣнахъ, какія переживало общественное мнѣніе и программы отдѣльных партій. Весьма часто ихъ депеши заключаютъ въ себѣ резюме газетныхъ толковъ. Это резюме сопровождается каждый разъ приложеніемъ наиболѣе распространенныхъ органовъ печати. Венеціанское правительство абонировано было на нѣсколько газетъ въ Парижѣ и требовало при-

1) „Представьте себѣ, читаемъ мы въ частной корреспонденціи маркиза Аври Жозефа Коста, бывшаго начальника сардинской арміи, что въ то самое время, когда Бонапартъ продавалъ его родину, венеціанскій посолъ корчилъ изъ себя француза. Онъ старался выдавать себя за *cisibée madame Mio* и наряжался въ костюмъ парижскаго *incroyable*. (Смотри „*Un homme d'autrefois par le comte Costa de Beauregard. Paris. 1886, стр. 412*).“

силки посломъ выдающихся брошюръ и даже наиболѣе популярныхъ стихотвореній. Одна изъ депешъ Пизани посвящена наполовину передачѣ того впечатлѣнія, какое произвело на него марсельеза. Онъ пишетъ инквизиторамъ о прелести ея мелодіи и о глубокомъ энтузіазмѣ, какой она вызываетъ въ массахъ.

Только благодаря постоянному чтенію и непрекращающимся бесѣдамъ съ выдающимися людьми всѣхъ партій въ состояніи былъ Капелло такъ глубоко изучить течение немногихъ мѣсяцевъ характеръ тѣхъ учреждений, которыми Національное собраніе успѣло подарить Франціи; только благодаря имъ, въ состояніи былъ онъ должнымъ образомъ оцѣнить слабыя стороны этихъ порядковъ и подготовленіе ими сперва полной анархіи, а затѣмъ столь же неограниченнаго деспотизма.

Когда читаешь ту поразительную по глубинѣ и ясности реляцію, какую онъ доложилъ въ засѣданіи Венеціанскаго Сената по своему возвращеніи изъ миссіи, не можешь отказаться отъ невольнаго изумленія передъ быстротою пониманія и оригинальностью этого ума, нисколько не уступающаго по своей силѣ и энергіи автору знаменитыхъ „Размышлений о французской революціи“, англичанину Борку. Но не однимъ только прирожденнымъ талантомъ вѣдетъ отъ этихъ поистинѣ пророческихъ страницъ, онѣ также поражаютъ васъ способностью критическаго отношенія къ ходячимъ политическимъ теоріямъ, не исключая и знаменитаго ученія Монтескье о раздѣленіи властей. На каждомъ шагѣ читатель убѣждается въ томъ, что Капелло одинаково чужды и слѣпая приверженность къ старому порядку, и энтузіазмъ новатора. Онъ далекъ отъ систематической оппозиціи всему, что сдѣлано было революціей, оппозиціи, подобной той, примѣръ которой представляетъ намъ Боркъ. Онъ далекъ отъ мысли считать старинную французскую конституцію жизнеспособной и допускавшей необходимость одной только реформы. Но онъ столь же чуждъ увлеченіямъ новыми государственными порядками, построенными въ угоду отвлеченной теоріи и разрывающими всякую связь съ прошлымъ. Не въ „Духѣ Законовъ“, а въ чтеніи политическихъ рѣчей Мирабо и въ долголѣтнемъ знакомствѣ съ административной практикой надо искать источникъ того скептическаго отношенія, въ какое Капелло становится къ конституціи, высшая задача которой—заменить дѣятельность короля въ отправленіи однѣхъ исполнительныхъ функцій, лишить не только его, но и назначаемыхъ имъ министровъ всякой законодательной инициативы и всякаго даже совѣщательнаго голоса, въ обсужденіи народныхъ нуждъ и отвѣчающихъ имъ мѣропріятій. Подобно Борку, но совершенно независимо отъ него, Капелло предвидитъ, что послѣдствіемъ конституціи будетъ съ одной стороны абсо-

лютизмъ собранія, а съ другой анархія въ мѣстномъ управленіи, не знаящемъ другихъ органовъ, кромѣ избираемыхъ на короткій срокъ администраторовъ и судей. Въ одно слово съ Моррисомъ онъ предвидитъ, что предоставленные сами себѣ муниципіи вскорѣ разорвутъ всякую связь съ центральнымъ правительствомъ; федеративная программа будущихъ жирондистовъ намѣчена имъ въ общихъ чертахъ за годъ до созванія Законодательнаго Собранія.

Не легки были условія, созданныя для европейской дипломатіи французскимъ переворотомъ. Выросшіе въ совершенно другихъ условіяхъ, приученные къ строгому этикету, къ мелочному соблюденію разъ установленныхъ обычаевъ и привычекъ, члены дипломатическаго корпуса съ трудомъ могли помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ какое поставило ихъ демократизированіе французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Надо прочесть депеши британскаго посла графа Гауера или донесенія венеціанскихъ дипломатовъ, чтобы понять то изумленіе, какое должно было вызвать въ этихъ представителяхъ стараго порядка, привыкшихъ къ атмосферѣ дворцовъ и аристократическихъ салоновъ, безцеремонность тона и пренебреженіе приличіями, обнаруженныя въ сношеніяхъ „торжествующей націи“, какъ съ неограниченнымъ нѣкогда повелителемъ его судебъ, такъ и съ министрами, аккредитованными при его дворѣ. Легко представить себѣ недоумѣніе, овладѣвшее однимъ изъ главъ англійской аристократіи при видѣ министерства иностранныхъ дѣлъ занатымъ торговками, безцеремонно прижимавшими къ своей груди старика Монморена и случайно собранныхъ въ его салонѣ членовъ дипломатическаго корпуса.

„Вчера, пишетъ графъ Гауеръ 1 апрѣля 1791 года, я имѣлъ передъ глазами примѣръ той распущенности, какую обнаруживаютъ въ это время жители этой страны. Отправившись къ министру Монморену въ послѣобѣденное время, я пораженъ былъ при входѣ въ его гостинную присутствіемъ въ ней цѣлой толпы народа. Мое изумленіе еще болѣе возрасло, когда въ дамской половинѣ общества я призналъ тѣхъ самыхъ торговокъ, которыя извѣстны здѣсь подъ наименованіемъ *dames de la halle* или *poissardes*; онѣ пропались уже съ министромъ, обнимая его самымъ дружескимъ образомъ. Та же церемонія была продѣлана ими прежде со всѣми тѣми членами дипломатическаго корпуса, которые имѣли несчастіе обѣдать въ этотъ день у министра“ ¹⁾).

¹⁾ Смотри *The Despatches of Earl Gover* edited by Oscar Browning Cambridge. 1886, стр. 75. Подобныя же вольности пуассардки позволяли себѣ и въ обращеніи съ королевой. Въ письмѣ къ графу Мерси отъ 7 октября

Каково было также раздраженіе венеціанскихъ резидентовъ, привыкшихъ всюду встрѣчать на своемъ пути почетъ и уваженіе, каждый разъ, когда толпа останавливала ихъ экипажъ на улицѣ, заставляя ихъ отказаться отъ этой „аристократической затѣи“ и изъ чувства равенства продолжать прогулку пѣшкомъ! Надо было имѣть находчивость Морриса, чтобы избѣжать подобной необходимости, сославшись на то, что онъ лишился способности владѣть ногами на службѣ у демократіи. Оставался, впрочемъ, и другой путь — путь ходатайства предъ министромъ о назначеніи почетной стражи и надѣленіи посольскихъ курьеровъ правомъ держать при себѣ палку ¹⁾. Принудительныя прогулки пѣшкомъ были далеко не единственнымъ неудобствомъ, отъ котораго страдали члены дипломатическаго корпуса во Франціи. Въ депешѣ отъ 16 ноября 1789 года Капелло представляетъ длинный списокъ всѣхъ притѣсненій, которыя пришлось перенести ему съ начала революціи. Отъ него потребовали не только платежа поголовнаго сбора (*capitation*), но и обязательной иллюминаціи его квартиры по случаю народныхъ торжествъ нерѣдко нѣсколько ночей подрядъ и это съ цѣлью облегчить національной гвардіи надзоръ за спокойствіемъ улицъ. Съ полнымъ нарушеніемъ посольскихъ привилегій экипажи дипломатическихъ агентовъ останавливаемы были при въѣздѣ въ Парижъ и подвергались не разъ самому тщательному обыску. Австрійскій посолъ Мерси считалъ нужнымъ предупредить императора Іосифа II о томъ, что тайна корреспонденціи не соблюдается болѣе во Франціи, и что посылаемыя съ курьерами депеши легко могутъ быть отобраны по дорогѣ. Въ подтвержденіе этихъ опасеній онъ ссылался на тотъ фактъ, что вслѣдъ за принудительнымъ переселеніемъ короля въ Парижъ курьеры министровъ Монморена, Де-Ла-Люйерна и Де-Латуръ-Дю-Пентъ были задержаны, и находившіеся при нихъ пакеты вскрыты ²⁾. Ко всему этому прибавилась въ ноябрѣ 1789 года угроза подвергать обыску и частныя жилища министровъ. Изданный Національнымъ Собраніемъ декретъ допускалъ возможность обыска, не дѣлая ни для кого никакихъ изъятій. Законодатели ссылались на необходимость равнаго подчиненія всѣхъ гражданъ государственнымъ указаніямъ и объявляли всякаго рода привилегіи и изъятія въ этомъ отношеніи за порожденія деспотизма. Дипломатическій корпусъ подписалъ общій протестъ, но много иѣ-

1789 года Марія Антуанетта пишетъ: „Я говорю съ народомъ, члены національной гвардіи и пуассарды протягиваютъ мнѣ руки, я даю имъ свою (Смотри *feuilleton de Conches* томъ I, стр. 262).

¹⁾ Смотри депешу Антоніо Капелло къ Сенату за № 207.

²⁾ *Mercy à Joseph II*, 17 августа и 12 декабря, 1789 года. *Correspondance secrète du comte de Mercy* (томъ II, стр. 261 и 267).

саяцевъ прошло прежде, чѣмъ послѣдовало удовлетвореніе этой какъ нельзя болѣе справедливой претензіи.

Чѣмъ сильнѣе возрасталъ революціонный потокъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе аккредитованныхъ при французскомъ дворѣ дипломатовъ. Не разъ они останавливались въ недоумѣніи предъ вопросомъ, принять имъ или отвергнуть приглашеніе „украсить своимъ присутствіемъ праздники гражданства“ (*fêtes civiques*), устраиваемыя въ ознаменованіе той или другой побѣды надъ „главой исполнительной власти“, и только личное заявленіе короля, что онъ радъ встрѣтить ихъ на этихъ празднествахъ, рѣшало вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ неустѣха, которымъ увѣнчалось бѣгство короля въ Вареннѣ, послы очутились въ еще болѣе ложномъ положеніи: съ одной стороны ихъ должность требовала продолженія официальныхъ визитовъ при дворѣ, а съ другой—одного появленія ихъ было достаточно, чтобы вызвать подозрѣніе въ тайныхъ интригахъ и принадлежности къ никогда не существовавшему при королевѣ „австрійскому комитету“. Чтобы избѣжать вскрытія своихъ депешъ, венеціанскіе послы постоянно выдумывали новые пути для своихъ курьеровъ, пересылая нерѣдко свою корреспонденцію на Базель и Бергамо. Подчасъ имъ приходило въ голову, что самая жизнь ихъ подвержена опасности. Не остановленъ ли былъ въ самомъ дѣлѣ на границѣ одинъ аббатъ, по ошибкѣ принятый за сардинскаго посла, графа Кордана, и не принудила ли его толпа раздѣться почти до-нага и выдать всѣ имѣвшіеся при немъ бумаги? И что всего обиднѣе, виновники подобнаго самоуправства никогда не могли быть обнаружены и всегда избѣгали наказанія, такъ какъ въ глазахъ національнаго собранія и послушныхъ его волѣ министровъ они подлежали ответственности только за „избытокъ патріотизма“.

Понятно, что при такихъ условіяхъ венеціанскіе дипломаты смотрѣли на окончаніе своей миссіи не безъ нѣкотораго вожделѣнія, если Капелло просилъ, какъ милости, скорѣйшаго перевода на другой постъ, а Пизани говорилъ о принатіи имъ дипломатической миссіи въ Парижѣ, какъ о доказательствѣ его готовности принести себя въ жертву отечеству.

Вслѣдъ за десятимъ августа 1792 года и сопровождавшими его сентябрьскими извѣщеніями, европейскіе дипломаты сочли нужнымъ оставить Францію. Моррисъ почти одинъ предпочелъ остаться на своемъ посту. Онъ не побоялся подвергнуть свою жизнь опасности, не взирая на то, что его колебля нападки на демагоговъ навлекли на него нерасположеніе членовъ республиканскаго министерства, обвинявшихъ его въ аристократизмѣ. Онъ не внялъ даже довольно открытымъ инсинуаціямъ Бриссо, который, желая побудить его къ скорѣйшему

признанію республики, давалъ ему понять, что въ противномъ случаѣ ему придется оставить Парижъ. Онъ остался нѣмъ на всѣ увѣщанія и подъ предлогомъ, что выжидаетъ инструкцій, продолжалъ жить въ своемъ недавно устроенномъ дворцѣ, въ самомъ центрѣ аристократическаго Сентъ-Жерменскаго квартала.

Что касается до прочихъ пословъ, то одни сочли нужнымъ за-пасться заблаговременно французскими паспортами, другіе, и въ числѣ ихъ министры пармскій и шведскій, попробовали обойтись безъ этой формальности, но были задержаны по дорогѣ. Англійскому послу пришлось добиваться паспорта болѣе недѣли. Венеціанскій возвращенъ былъ насильственно въ Парижъ, сундуки его вскрыты, бумаги временно отобраны и прочтены. Только при виѣспательствѣ законодательнаго собранія удалось ему получить разрѣшеніе на оставленіе Франціи ¹⁾.

Во все время продолженія террора, до переворота 9 термидора не видно было въ Парижѣ иностранныхъ пословъ, за исключеніемъ американскаго. Большинство правительствъ и въ числѣ ихъ венеціанское довольствовались услугами оплачиваемыхъ агентовъ. Англія до самаго открытія военныхъ дѣйствій продолжала держать при своей миссіи въ Парижѣ особыхъ *chargés d'affaires* для завѣдыванія текущими дѣлами и покровительства собственнымъ подданнымъ. Но съ паденіемъ террора американское федеративное правительство, а за нимъ и венеціанская синьорія сочли нужнымъ признать молодую республику. Венеція приняла у себя аккредитованнаго Франціей посланника Лалемана и возобновила свою миссію въ Парижѣ. Венеціанскія депеши обнимаютъ собою такимъ образомъ весь періодъ французской революціи. Ознакомленіе съ ними одинаково полезно и для историка Франціи, и для историка Италіи, такъ какъ они, особенно съ похода Наполеона въ Пьемонтъ и Ломбардію, постоянно заняты выясненіемъ вопросовъ, одинаково интересующихъ и французское, и венеціанское правительства.

Мы, очевидно, не имѣемъ возможности познакомить читателя со всѣмъ богатствомъ ихъ содержанія; но чтобы дать ему представленіе о характерѣ тѣхъ свѣдѣній, какія можно почерпнуть изъ чтенія этихъ мало извѣстныхъ еще документовъ, мы намѣреваемся въ настоящей статьѣ освѣтить съ помощью ихъ тотъ періодъ исторіи французской революціи, въ теченіе котораго принципы 89 года были установлены Учредительнымъ Собраніемъ въ рядѣ декретовъ и деклараций и сдѣлались предметомъ дѣятельной пропаганды со стороны

¹⁾ Депеши графа Гауэра. Вступительный очеркъ къ нимъ Браунинга стр. XXXIV. Моррисъ. Дневникъ и корреспонденціи; томъ I, стр. 576, 577, 582.

парижскихъ клубовъ. Любопытно выяснитъ то отношеніе, въ какое стали къ этимъ принципамъ официальные представители венеціанской республики, такъ какъ имъ объясняется въ значительной степени характеръ тѣхъ мѣръ, какія приняты были въ Венеціи для предотвращения широкаго разлива революціонныхъ идей и огражденія себя такимъ образомъ отъ того, что европейскіе дворы конца прошлаго столѣтія разумѣли подъ названіемъ французской заразы. Для ознакомленія съ этими мѣрами мы сочли нужнымъ обратиться къ архиву Инквизиторовъ, къ годичнымъ отчетамъ ихъ секретарей и къ донесеніямъ ихъ тайныхъ агентовъ или такъ называемыхъ „confidenti“. Инквизиторы, какъ извѣстно, сосредоточивали въ своихъ рукахъ не только верховную государственную полицію, но и верховный государственный судъ. Поэтому записи ихъ судебныхъ приговоровъ, такъ называемыя „annotazioni“, способны пролить не мало свѣта на характеръ политической агитаціи и содержаніе ходячихъ политическихъ доктринъ. Читатель найдетъ поэтому въ нашей статьѣ частныя ссылки на этотъ цѣнный источникъ для исторіи внутренняго быта Венеціи. Въ связи съ полицейскими донесеніями онъ доставилъ намъ необходимый матеріалъ для выясненія вопросовъ, какими средствами венеціанское правительство боролось съ принципами французской революціи.

II.

Извѣстно, какія событія предшествовали открытію генеральныхъ штатовъ 1789 года: констатированіе дефицита, подготовленнаго еще расточительностью Людовика XV и войною за американскую независимость, но вполне обнаружившагося въ министерство Калонна; созывъ нотаблей съ цѣлью добиться квази-легальнаго утвержденія новыхъ налоговъ; образованіе новаго министерства Ломени де-Бриенна и его безуспѣшная борьба съ парламентами, не желавшими вносить въ протоколы финансовыхъ мѣропріятій; возрастающій протестъ противъ „деспотизма“ министровъ, требованіе министерской отвѣтственности и ближайшаго собранія штатовъ; наконецъ, возвращеніе Неккера на нѣкогда занимаемый имъ министерскій постъ, — возстановленіе парламентонъ; новый созывъ нотаблей для обсужденія порядка назначенія сословныхъ представителей и самое открытіе генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ въ противность мнѣнію Неккера, дававшему предпочтеніе Парижу. Таковы факты, наполняющіе собою подготовительный періодъ французской революціи. Разсказанные столько разъ въ мемуарахъ современниковъ и повѣствованіяхъ новѣйшихъ историковъ, они нашли

въ Капелло не только внимательнаго наблюдателя, но и въ высшей степени безпристрастнаго судью. Не подчиняясь духу партій, не раздѣляя ни ихъ ненавистей, ни ихъ предразсудковъ, венеціанскій резидентъ распредѣляетъ отвѣтственность между всѣми ближайшими виновниками наступающихъ событій. Онъ констатируетъ тѣ быстрыя перемены, какія переживаетъ въ эти годы общественное мнѣніе и предвидитъ слѣдствія, какія можетъ имѣть для будущаго слабость короля и ошибки правительства. Съ рѣдкою проницательностью онъ ищетъ въ условіяхъ времени и въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ предсказанія будущаго. Проживъ рядъ лѣтъ между французами, Капелло успѣлъ ознакомиться съ ихъ народнымъ гениемъ и духомъ ихъ учреждений. Это дало ему вѣрный критерій для оцѣнки людей и событій, оцѣнки, которой бы тщетно стали искать мы въ случайныхъ наблюденіяхъ посѣтившихъ революціонную Францію путешественниковъ. Свидѣтельства Капелло объ этомъ начальномъ періодѣ революціи заслуживаютъ быть отмѣченными, такъ какъ они позволяютъ установить ту точку зрѣнія, съ какой будетъ смотрѣть на ея дальнѣйшій ходъ этотъ внимательный и прозорливый наблюдатель. Капелло говоритъ въ своихъ депешахъ о необыкновенно возбужденномъ состояніи французскаго общества еще въ іюлѣ 1786 года. Парламенты Парижа, Бордо, Дижона и Тулузы обнаруживаютъ систематическую оппозицію. По его мнѣнію, источникъ ея лежитъ всецѣло въ ревнивомъ охраненіи собственныхъ привилегій. Капелло осуждаетъ поведеніе парламентовъ и предсказываетъ ихъ пораженіе, говоря, что опорой имъ служатъ только покрытыя пылью хартии, тогда какъ правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи армію, которая даже въ мирное время считаетъ въ своихъ рядахъ отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ солдатъ. Сочувствуя парламенту болѣе изъ ненависти къ правительству, нежели изъ солидарности съ интересами верховныхъ палатъ, общественное мнѣніе настойчиво требуетъ созыва сословнаго представительства. Капелло рассказываетъ въ одной изъ своихъ депешъ, какъ на представленіи въ Версалѣ оперы Панцило „Теодоро въ Венеціи“, на слова актера, игравшаго роль короля: „что дѣлать, гдѣ искать пріюта?“, изъ рядовъ публики послышался голосъ: „въ собраніи свѣдущихъ людей!“ Хотѣли задержать виновнаго, но королева воспротивилась этому, говоря: „нельзя преслѣдовать сумасшедшаго“ ¹⁾. „Мнѣнія весьма раздѣлены, пишетъ въ той же депешѣ венеціанскій резидентъ; одни ждутъ всего отъ будущаго созыва нотаблей, другіе высказываютъ опасенія за свои привилегіи, боятся всякой перемены, всякаго новшества и преслѣдуютъ ѣдкой сатирой всѣхъ и cadaго, кто предлагаетъ ихъ.

¹⁾ Депеша 1 января 1786 года.

Въ одной изъ ближайшихъ своихъ депешъ (депеша отъ 19 февраля 1786 года) Капелло находить случай поддержать сказанное примѣромъ. Сессія нотаблей открыта. Высшее духовенство, предводимое архіепископомъ Тулузскимъ, Ломени де-Бріенномъ, противится всякой финансовой реформѣ, основу которой составляло равенство обложенія. Поземельный налогъ отвергнуть по этой только причинѣ. Какъ примирить его, въ самомъ дѣлѣ, съ тѣми податными изъятіями, которыми доселѣ пользовались земли духовенства. Тотъ же духъ партіи овладѣлъ и верховными судами. Они боятся, чтобы въ число злоупотребленій, отъѣна которыхъ предоставлена нотаблямъ, не включены были и ихъ привилегіи. Они заявляютъ себя противниками задуманныхъ правительствомъ провинціальныхъ собраній, такъ какъ боятся, что эти собранія уменьшатъ ихъ значеніе и власть. Дворянство, повидимому, менѣе руководствуется собственными интересами и охотно говорить объ общемъ благѣ. Его депутаты высказались открыто противъ отъѣны поголовнаго сбора съ дворянъ, заявляя, что такая мѣра была бы несправедливостью по отношенію къ прочимъ сословіямъ. Но такъ какъ тѣ же депутаты не хотятъ и слышать о поземельномъ налогѣ, который сдѣлался бы гораздо болѣе тягостнымъ для дворянства, Капелло не считаетъ возможнымъ отнестись серьезно къ заявленному ими стремленію къ равноправію и говорить, что они ищутъ только возможности отвести глаза обществу отъ требуемыхъ обстоятельствами реформъ.

Рисуя общественное настроеніе, Капелло говоритъ намъ о его непостоянствѣ, о легкости, съ какой французы мѣняютъ свои взгляды на существеннѣйшіе вопросы политики и объ отсутствіи въ нихъ чувства мѣры при оцѣнкѣ людей и событій. Минутная популярность Калонна, послѣдствіе созыва имъ нотаблей сибнѣется внезапно почти поголовнымъ недоброжелательствомъ. Для этого достаточно было обнаруженія факта, къ которому всѣ, повидимому, были подготовлены издавна; а разумѣю дефицитъ. Дефицитъ этотъ созданъ былъ послѣднею войною съ Англіей, но расточительность государственнаго контролера, чрезмѣрныя издержки двора и биржевыя спекуляціи покровительствуемыхъ министромъ банкировъ значительно увеличили его за послѣдніе годы. Калоннъ не счелъ возможнымъ скрывать долѣе его размѣровъ и Капелло энергически порицалъ его за это, нападая на неблагоразуміе тѣхъ „правительствъ, которыя обнаруживаютъ предъ толпою свои скрытыя язвы“. „Ничто, утверждаетъ онъ, не вызывало необходимости подобнаго шага“,—миѣніе, съ которымъ трудно согласиться и которое, очевидно, составлено было уже послѣ событій, когда отклоненіе нотаблями финансовыхъ предложеній правительства не оставило сомнѣнія въ полномъ его неуспѣхѣ. Капелло совершенно

правъ, тѣмъ не менѣе, когда говорить, что обнаруженіе дефицита самымъ министромъ уменьшило уваженіе къ правительству, показавъ слабость и страхъ, какой оно питаетъ къ общественному мнѣнію. Капелло объясняетъ намъ причину несогласій между нотаблями и Калонномъ, указывая на то обстоятельство, что правительство остановилось на полпути и, сдѣлавъ заявленіе насчетъ дефицита, въ то же время отказало нотаблямъ въ предоставленіи счетовъ, боясь, что они послужатъ къ собственному ихъ осужденію. Имя Мирабо впервые встрѣчается въ депешахъ Капелло въ связи съ обнаруженіемъ того ажіотажа, которому дефицитъ обязанъ былъ своимъ взростаніемъ и въ которомъ главная отвѣтственность падала на Калонна.

Непостоянство и непослѣдовательность, въ которой Капелло обвиняетъ общественное мнѣніе во Франціи, сказались весьма ярко въ томъ положеніи, какое занято было имъ по отношенію къ главѣ новаго министерства Ломени-де-Бриенну. Забывая, что архіепископъ Тулузскій былъ главнымъ виновникомъ неуспѣха попытки установить большее равенство въ обложеніи введеніемъ поземельнаго налога, французская нація сочувственно отнеслась къ выбранному королевой министру и государственныя бумаги значительно поднялись на биржѣ; это выраженіе общественнаго довѣрія страннымъ образомъ сопровождало собою, на разстояніи немногихъ дней, взрывъ недовольства произведенной высылкой Неккера изъ Парижа. Эта административная мѣра была вызвана ожесточеннымъ характеромъ, принятымъ полемикой Неккера съ Калонномъ по вопросу объ источникѣ и дѣйствительныхъ размѣрахъ дефицита. Все, что Парижъ заключалъ въ себѣ выдающагося, приняло участіе въ этой демонстраціи. Съ самаго отъѣзда изгнаннаго изъ Парижа Неккера домъ его былъ переполненъ посѣтителемъ. Всѣ считали нужнымъ записать свое имя и выразить тѣмъ сочувствіе человѣку, внезапно сдѣлавшемуся самымъ популярнымъ гражданиномъ Франціи.

„Можно было думать, пишетъ венеціанскій резидентъ, что дѣло идетъ не объ изгнанникѣ, а о человѣкѣ, допущенномъ ко всѣмъ почестямъ триумфа“¹⁾. Капелло справедливо видитъ въ только что описанномъ имъ фактѣ косвенное осужденіе павшему министру и составляетъ самъ цѣлый обвинительный актъ пративъ администраціи Калонна. Эта администрація, пишетъ онъ, вызвала недовѣріе не однихъ высшихъ сословій; министра открыто обвиняли въ оплатѣ услугъ всѣхъ и каждого, кто помогалъ ему сохранить власть въ своихъ рукахъ, и средства на это шли не изъ кармана Калонна, а изъ государственной казны. Калонна обвиняютъ также и не безъ

¹⁾ Денеша отъ 7-го апрѣля 1787 года.

основанія въ растратѣ казенныхъ денегъ въ Индіи и это обвиненіе поддерживается не кто иной, какъ Лафайетъ. Если нотабли отказали въ установленіи поземельнаго налога, то потому, что министры, скрывши отъ нихъ дѣйствительный размѣръ дефицита, не винули имъ никакого довѣрія. Примирительное отношеніе короля не устранило дальнѣйшей оппозиціи, а только усилило, по словамъ Капелло, ея увѣренность въ побѣдѣ¹⁾. Отказъ нотаблей дать средства правительству въ формѣ поземельнаго налога впервые поставилъ на очередь вопросъ о государственномъ банкротствѣ Франціи.

Капелло не признаетъ необходимости такого исхода, говоря, что во всей Европѣ нѣтъ страны богаче Франціи. Но онъ вполнѣ оцѣниваетъ трудности, какія переживаетъ правительство и корни которыхъ, говоритъ онъ, лежатъ въ томъ, что „король, не имѣя абсолютной власти, лишенъ конституціей возможности взимать новыя субсидіи безъ согласія національнаго представительства или по меньшей мѣрѣ парламентовъ“²⁾. Это свидѣтельство какъ нельзя болѣе цѣнно; оно доказываетъ намъ, что не позже, какъ въ апрѣлѣ 1787 года, въ общественное сознаніе проникло убѣжденіе, что французская монархія, въ отличіе отъ деспотій, ограничена сословіями и верховными судами. На истолкованіи права короля вводить новыя налоги и парламентовъ — препятствовать ихъ установленію отказомъ въ регистрацію и сосредоточится борьба Бриенна съ верховными судами, борьба, которая въ конечномъ исходѣ поведетъ къ созыву Генеральныхъ Штатовъ. Мы не будемъ слѣдить за различными перипетіями этой борьбы по депешамъ Капелло, такъ какъ онѣ не прибавляютъ ничего существенно новаго къ тому, что извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ. Еще со временъ Токвилля установленъ тотъ взглядъ, что сочувствіе, какимъ во все время этой борьбы пользовались парламенты со стороны общества, объясняется не привязанностью націи къ ихъ устарѣлымъ привилегіямъ, а самымъ фактомъ ихъ оппозиціи. Стоило только правительству принять болѣе либеральную политику, и общество охотно перешло на его сторону и радостно приветствовало сперва пріостановку, а затѣмъ и совершенное закрытіе верховныхъ судовъ декретами Национальнаго Собранія. Но если такова была ихъ конечная судьба при полномъ разгарѣ революціонныхъ страстей, ничто не предвѣщало еще такого исхода въ концѣ 1788 года; напротивъ того, ихъ упорное противодѣйствіе министерству Бриенна, мужество, обнаруженное отдѣльными членами парламентовъ, сдѣланное ими впервые заявленіе о необходимости созвать Генеральные Штаты—

¹⁾ Депеша 23 апрѣля 1787 года

²⁾ Ibid.

все это вмѣстѣ взятое сдѣлало ихъ весьма популярными и обезпечило имъ легкую побѣду надъ министерствомъ. Въ корреспонденціи Мерси д'Аржанто съ Іосифомъ II и его министромъ Кауницомъ въ подробности разсказаны всѣ обстоятельства, какими на этотъ разъ сопровождалась смѣна министерства. Самому Мерси поручено было королевой вести переговоры съ Неккеромъ. Отъ короли долго хранили въ тайнѣ имя будущаго министра, зная о его нерасположеніи къ нему. Неккеръ рѣшительно отказался войти въ составъ министерства, пока во главѣ его останется Бриеннъ. Онъ ссылался на то, что никакая популярность не изгладитъ дурного впечатлѣнія, какое вызвано было предписанной Бриенномъ пристановкой платежей изъ государственной казны. Оно можетъ исчезнуть только при полной переимѣнѣ какъ самой политики, такъ и тѣхъ, кто направляетъ ее. Хотя новымъ убѣжденіямъ Мерси и удалось поколебать упорство Неккера, и онъ отдалъ себя безусловно въ распоряженіе королевы, но само правительство, не исключая и Бриенна, признало полезнымъ уступить, на этотъ разъ, требованіямъ общественнаго мнѣнія и образовать новый кабинетъ ¹⁾.

Капелло рисуетъ намъ состояніе Франціи въ началѣ осени 1788 года, говоря, что, не смотря на обѣщаніе короля созвать генеральные штаты ²⁾, трудно предвидѣть улучшеніе въ будущемъ. Непослѣдовательность и отсутствіе твердости въ исполненіи разъ задуманныхъ мѣропріятій характеризуетъ собою дѣятельность правительства. Положеніе крайне трудное, и надо хорошо обдумать планъ дѣйствій. Созваніе штатовъ въ такую минуту, когда всѣ умы возстановлены противъ правительства—дѣло опасное. Оно можетъ имѣть послѣдствія, о которыхъ теперь никто не думаетъ. Авторитетъ, если не короля, то министровъ понесетъ неизбежно большой уронъ. Издавна установившееся воззрѣніе благопріятно предоставленію генеральнымъ штатамъ права обличать всѣ злоупотребленія и безпорядки въ администраціи. Кто скажетъ напередъ, что именно будущіе штаты отнесутъ къ числу такихъ злоупотребленій и безпорядковъ.

¹⁾ Correspondance secrète du comte Mercy-Argenteau (письмо Мерси къ Іосифу II отъ 14 сентября 1788 года, томъ II, стр. 189—209) и сопровождающіе его документы, какъ-то: письмо королевы къ Мерси отъ 19 августа 1788 года и Мерси—къ королеви отъ 20 и 21 августа того же года, а также переписка Мерси съ Неккеромъ и архіепископомъ и новыя письма королевы къ Мерси отъ 23 и 24 августа.

²⁾ Въ переговорахъ съ Неккеромъ затронутъ былъ этотъ вопросъ, и королева увѣдомила Мерси письмомъ 24 августа 1788 года, что король твердо рѣшилъ собрать штаты въ назначенный срокъ и обсудить съ ними мѣры къ прекращенію дефицита (Ibid. стр. 209).

Тѣмъ же штатамъ приписывается право установленія новыхъ субсидій. Опять-таки возникаетъ вопросъ, къ какому мѣрамъ обратятся они для полученія средствъ на эти субсидіи, и не вызоветъ ли попытка уравнивать бюджетъ цѣлаго переворота во всемъ строѣ государства. (Депеша отъ 14 августа 1788 года). Возбужденіе, о которомъ говоритъ Капелло въ своей депешѣ отъ 14 августа 1788 года, не прекращается и въ ближайшіе мѣсяцы, отдѣляющіе насъ отъ выборовъ въ генеральныя штаты. Источникомъ его является, съ одной стороны, вполне понятное стремленіе привилегированныхъ сословій сохранить свои старинныя привилегіи и въ частности свободу отъ податей, а съ другой — рѣшимость средняго сословія положить конецъ этимъ привилегіямъ. Чтобы обезпечить себѣ возможность равной борьбы въ отстаиваньи своихъ вѣковыхъ вольностей, дворянство стоитъ за равенство своего представительства съ среднимъ сословіемъ. За немногими исключеніями это равенство признаваемо было за нимъ на всѣхъ предшествовавшихъ сессіяхъ генеральныхъ штатовъ, и между прочимъ на той, которой закончилась ихъ дѣятельность 1614 года. Неудивительно, поэтому, если заодно съ духовенствомъ и членами верховныхъ судовъ дворяне, засѣдавшіе въ собраніи нотаблей, высказались единогласно въ пользу ближайшаго созыва сословныхъ представителей въ томъ порядкѣ и въ томъ же числѣ, что и въ 1614 году. Но этого именно и желало избѣжать среднее сословіе. Капелло вполне становится на его сторону и въ защиту требованія имъ двойного представительства ссылается на фактъ значительнаго увеличенія его численности, благодаря новымъ земельнымъ приобрѣтеніямъ и естественному росту населенія. Буржуазія такъ дорожитъ равенствомъ числа своихъ депутатовъ съ тѣмъ, какое представляютъ въ своей совокупности депутаты отъ обоихъ высшихъ сословій, что на провинціальныхъ штатахъ Дофинэ рѣшено было вовсе не посылать депутатовъ, если правительство не удовлетворитъ этого требованія. Другое знаменіе времени — изъ желанія добиться популярности — засѣдающіе между нотаблями члены верховныхъ судовъ поддерживаютъ ходатайство средняго сословія и стоятъ за двойное число его представителей. Капелло рѣшается утверждать, что если бы король принялъ въ этомъ вопросѣ рѣшеніе, противное интересамъ средняго сословія, онъ тѣмъ самымъ вызвалъ бы неминуемо междоусобную войну. Таково повидимому было и мнѣніе Неккера, которому среднее сословіе обязано принятіемъ начала двойнаго его представительства въ штатахъ. Эта первая побѣда, достигнутая тѣми, кто впервые обозначенъ былъ въ собраніи нотаблей именемъ „гражданъ“, по словамъ Капелло, увеличила ихъ смѣлость и требовательность. Штаты въ Дуэ высказались въ пользу поголовнаго счета голосовъ,

въ противность старому порядку, требовавшему голосованія по сословіямъ. Въ одной изъ сессій этихъ штатовъ высказана была даже угроза воздержаться отъ посылки депутатовъ въ Версаль, если правительство не рѣшитъ вопроса въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Вскорѣ вопросъ о счетѣ голосовъ сдѣлался столь же жгучимъ, какъ и вопросъ о двойномъ представительствѣ средняго сословія. Правительство не посмѣло взять на себя его рѣшеніе и оставило его на выборъ сословныхъ представителей. Но Капелло еще въ январѣ 89 года предвидѣлъ, что побѣда останется на сторонѣ средняго сословія. Свои предсказанія на этотъ счетъ онъ заканчиваетъ слѣдующей характерной сентенціей: „хорошо, если народъ не остается въ неизвѣстности насчетъ принадлежащихъ ему правъ, но не надо также, чтобы онъ зналъ ихъ во всемъ ихъ объемѣ, въ противномъ случаѣ Франція неминуемо превратится въ подобіе демократической республики“ ¹⁾. Не въ однихъ только рядахъ высшей буржуазіи происходило это богатое послѣдствіями движеніе. Оно затронуло собою и народныя массы. Интересъ, какой представляетъ рассказъ Капелло о событіяхъ предшествовавшихъ собранію Генеральныхъ Штатовъ, лежитъ именно въ тѣхъ подробностяхъ, какія содержатся въ немъ о первыхъ народныхъ мятежахъ, и въ тѣхъ предсказаніяхъ насчетъ будущаго, поводъ къ которымъ даютъ эти мятежи. Впервые проявились они въ срединѣ августа 1788 года во время празднествъ, устроенныхъ по случаю возвращенія Неккера. Парижское простонародье пожелало освѣтить улицы, но войску данъ былъ приказъ воспрепятствовать этому намѣренію. Исполненіе приказа повело къ открытому столкновенію. На мѣстѣ стычки нашлись мертвые и раненные. Правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ устрашительнымъ мѣрамъ, и восемь человѣкъ подвергнуты были казни. Впечатлѣніе, произведенное этой расправой, было самое печальное. Въ срединѣ сентября, по случаю отставки хранителя печати Ламуаньона и замѣны его въ министерствѣ другимъ Неккера, Барантономъ, повторились новыя народныя празднества и новыя безпорядки, во всемъ подобныя прежнимъ. Солдаты денно и нощно оставались подъ оружіемъ и силою разгоняли сборища на улицахъ и площадяхъ. Число убитыхъ и раненыхъ на этотъ разъ было даже больше прежняго. Капелло говоритъ о томъ, что въ толпѣ замѣчено было присутствіе нѣсколькихъ агитаторовъ, и что общественное мнѣніе открыто обвиняло въ подстрекательствѣ нѣкоторыхъ членовъ верховныхъ судовъ, вымещавшихъ на Ламуаньонѣ свою злобу за продолжительную при-

¹⁾ Депеша отъ 19 января 1788 года. По венеціанск. лѣтосчисл. годъ въ Венеціи начинался съ марта.

остановку парламентовъ, ссылку и заточеніе нѣкоторыхъ выдающихся членовъ магистратуры. Ненависть народа къ тѣмъ, кого онъ считалъ виновниками недавнихъ угнетеній, какъ и мѣсяцемъ раньше, ознаменовалась сожженіемъ чучелъ, изображавшихъ подвергшихся отставкѣ министровъ. Капелло говоритъ по этому случаю о воспламенности французскаго демоса; онъ не знаетъ мѣры ни въ радостяхъ своихъ, ни въ печаляхъ; толпа останавливаетъ экипажи на Pont neuf и заставляетъ проѣзжающихъ стать на колѣни передъ памятникомъ Генриха IV въ знакъ сочувствія королю, отпустившему Бриенна и Ламуаньона и призвавшему Неккера. Та же необузданность сказывается, по словамъ Капелло, и въ томъ неумѣренномъ восторгѣ, съ какимъ толпа привѣтствуетъ имя новаго министра и въ томъ ожесточеніи, съ которымъ она поджигаетъ казармы полковъ, воспротивившихся иллюминаціи. Французы столь же непостоянны и неумѣренны, какъ ихъ климатъ. Этими словами заканчиваетъ Капелло свой рассказъ о сентябрьскихъ событіяхъ.

Причины болѣе общаго характера и несравненно болѣе серьезныя вскорѣ усилили недовольство народныхъ массъ. Неурожай вызвалъ дороговизну припасовъ. Хлѣбъ, стоившій въ годъ прибытія венеціанскаго резидента во Францію восемь су, возросъ въ мартѣ 89 года до четырнадцати. Такому же повышенію цѣнъ подверглись и другіе предметы первой необходимости, и въ числѣ ихъ мясо. Одновременно сокращеніе издержекъ домашняго обихода дворянъ и нѣкоторыми выдающимися членами дворянства и духовенства оставило многихъ безъ заработковъ. Въ своей совокупности обѣ причины обусловили собою недостаточность продовольствія; паника сдѣлала остальное. Пошелъ слухъ о томъ, что суровая зима и весеннія наводненія лишаютъ надежды на урожай. Дѣйствительность далеко не оправдывала однако этихъ опасеній. Правда, жители прибрежныхъ къ Луарѣ селеній сильно пострадали отъ разлива, вызваннаго обиліемъ таявшихъ снѣговъ. Но въ прочихъ частяхъ страны жатва была богата, и 89 годъ отнюдь не можетъ быть отнесенъ къ числу неурожайныхъ годовъ. Это признаетъ въ числѣ другихъ историковъ и Адольфъ Шмидтъ, которому мы обязаны столькими интересными подробностями о внутренней жизни Парижа въ эпоху революціи. „Отсутствіе неурожая, замѣчаетъ онъ, не помѣшало однако высокому уровню цѣнъ на хлѣбъ. Закупки хлѣба спекулянтами, значительный вывозъ за-границу, стѣсненія, которымъ продолжала подвергаться торговля хлѣбомъ въ связи съ тою необезпеченностью, какая вызывалась общимъ состояніемъ дѣлъ, сами собою объясняютъ причину этого факта. Декретъ 29 августа 1788 года, провозгласившій свободу хлѣбной торговли внутри Франціи и запретившій вывозъ хлѣба за-границу подѣ

страхомъ судебной отвѣтственности, какъ за измѣну, обнаруживать было слишкомъ поздно и не могъ остановить дѣятельности скупщиковъ, не помѣшавъ сохраненію значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ провинціями и мѣстностями, озабоченными прежде всего собственнымъ продовольствіемъ. А эти два обстоятельства, вмѣстѣ взятая, необходимо должны были обусловить высоту хлѣбныхъ цѣнъ на рынкѣ ¹⁾. Депеши Капелло даютъ право сомнѣваться, чтобы Неккеръ заслуживалъ въ дѣйствительности упрекъ въ не своевременномъ принятіи мѣръ противъ хлѣбнаго вывоза. Но позже, 22 сентября 1788 г., Капелло въ донесеніи сенату заявляетъ, что вывозъ зерна и муки за границу запрещенъ правительствомъ по ходатайству провинціальныхъ штатовъ. Въ другой депешѣ отъ 1 декабря 1788 г., увѣдомляя о просьбѣ, сдѣланной французскому правительству Испаніей дозволить ввозъ хлѣба въ ея границы, Капелло вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ знать, что эта просьба не была уважена, и что правительство подтвердило свой запретъ, распространяя его въ этотъ разъ на всѣ виды хлѣба. Чтобы воспрепятствовать обходу закона и прекратить дѣятельность скупщиковъ, правительство запретило продавать зерно и муку иначе, какъ на рынкахъ. Въ апрѣлѣ 1789 года, опять таки по свидѣтельству Капелло, значительныя партіи хлѣба прибыли изъ Сардиніи въ порты Прованса и Лангедока, и новые транспорты ожидаемы были изъ Сициліи. Чтобы поощрить ввозъ, общана была премія въ тридцать су съ квинтала, поступавшаго изъ-за-границы зерна и въ сорокъ съ квинтала муки. Эту премію правительство обязалось платить, начиная съ перваго мая и оканчивая первымъ сентября ²⁾.

Всѣ эти мѣры не помѣшали однако дороговизнѣ хлѣба и не предупредили мятежей. Безпорядки начались прежде всего въ Марселѣ; народъ потребовалъ уменьшенія цѣны на хлѣбъ и мясо. Власти согласились на это требованіе, и разница между покупной и продажной цѣною была покрыта муниципалитетомъ. Какъ дорого обошлась ему эта щедрость, можно судить по тому, что на каждомъ франкѣ стоимости хлѣба муниципалитету приходилось терять два су и четыре су на каждомъ франкѣ стоимости мяса ³⁾. Движенія, подобныя Марсельскому, проявились вскорѣ въ Эксѣ и Тулонѣ. Въ столицѣ же мятежъ вспыхнулъ за нѣсколько дней до собранія Штатовъ. Три тысячи рабочихъ квартала Сентъ-Антуанъ осадили фабрику обоевъ, принадлежавшую нѣкоторому Ревельону, которому совершенно ошибочно, какъ оказалось впоследствии, приписано было выраженіе, что

¹⁾ Смотри Adolph Schmidt. Paris pendant la révolution (томъ II, стр. 121).

²⁾ Смотри депешу отъ 27 апрѣля 1789 года

³⁾ Денеша 20 апрѣля 1789 года.

французскій рабочій долженъ довольствоваться заработкомъ въ пятнадцать су въ день. Войска разогнали толпу, но она вернулась снова, день спустя, ограбила и сожгла все до тла. Многихъ жертвъ стоило усмирёніе этого мятежа и десятки людей положены были на мѣстѣ присланнымъ для подавленія его полкомъ ¹⁾. Такимъ образомъ тѣ два фактора, которые опредѣляютъ собою революціонное движеніе ближайшихъ годовъ, антагонизмъ средняго сословія съ высшими и необезпеченность рабочаго класса—послѣдствіе дороговизны припасовъ и сокращенія производства, обнаруживаются уже въ началѣ 1789 года. Денежи Капелло не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они же указываютъ и на два другіе источника наступающихъ событій: на внезапно овладѣвшій французами духъ равенства и свободы и на слабость правительства, призваннаго умѣрять эти трудно поддающіеся удержу порывы. Они говорятъ намъ о томъ, что желаніе выйти изъ „хаоса деспотизма“, порожденнаго ниспроверженіемъ основъ древней французской конституціи, раздѣлялось всѣми выдающимися людьми этого времени, и что самъ Людовикъ XVI только потому не поддавался этому теченію, что по своей слабости не могъ освободиться отъ вліянія придворныхъ интригъ, главою которыхъ была Марія Антуанетта.

Личныя впечатлѣнія Капелло сходятся въ этомъ отношеніи съ тѣми, какимъ Моррисъ даетъ выраженіе въ письмахъ, посланныхъ имъ въ ближайшіе мѣсяцы, слѣдовавшіе за пріѣздомъ въ Парижъ. „Вопросъ о томъ, получить ли Франція конституцію, или воля короля попрежнему останется единственнымъ закономъ, пишетъ этотъ сподвижникъ Вашингтона и Франклина, занимаетъ въ настоящее время умы всѣхъ и заставляетъ биться всѣ сердца“. Духъ независимости внезапно пробудился во всѣхъ классахъ общества; правда, тѣ пути, которые ведутъ къ свободѣ, сознаются во Франціи довольно смутно, но желать ее—всѣ желаютъ, всѣ одинаково заинтересованы въ исходѣ будущихъ выборовъ, всѣ обнаруживаютъ дѣятельность и энергію, всѣ ищутъ блага и весьма часто достигаютъ противнаго ²⁾. „Разговоры о политикѣ сдѣлались преобладающими; о ней спорятъ даже въ салонахъ, пишетъ Моррисъ въ мартѣ 1789 г., ну точно въ Филадельфіи; и разговоры эти ведутся въ томъ же духѣ, что и тамъ. Республианизмъ становится своего рода нравственной инфлуенцой“ ³⁾. Моррисъ настолько пораженъ смѣлостью доктринъ,

¹⁾ Эти событія произошли 27 и 28 апрѣля, Капелло упоминаетъ о нихъ въ депешѣ отъ 4-го мая 1789 года.

²⁾ Письмо Морриса къ графу Демустое, французскому послу въ Америкѣ.

³⁾ Дневникъ, стр. 35.

высказываемыхъ въ салонахъ, что обвиняетъ въ республиканствѣ наравнѣ Лафайета и посѣтителей гостиниой госпожи де-Тэссэ. Онъ предсказываетъ, что большинство будущаго собранія не отступитъ предъ мыслью полного ниспроверженія монархіи 1).

Капелло менѣе рѣшителенъ въ своей оцѣнкѣ общественныхъ теченій. Онъ думаетъ, что большинство озабочено только установленіемъ ограниченной монархіи, признающей за націей извѣстныя права и сохраняющей остальныя за королемъ, пока нація не имѣла того, что можетъ быть названо конституціей, т.-е., строго опредѣленнаго порядка, регулирующаго права народа и права короля 2). Это обстоятельство и дало возможность парламентамъ сосредоточить въ своихъ рукахъ такую „произвольно расширенную“ власть. Что нація озабочена тѣмъ то совершенно постороннимъ интересамъ верховной магистратуры—доказательство этому Капелло видитъ въ результатахъ выборовъ. Кто, какъ не парламенты, потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ, правда, болѣе изъ желанія создать новыя трудности для правительства, нежели въ видахъ оживленія этихъ старинныхъ учрежденій; одно то обстоятельство что число членовъ парламента между депутатами самое ничтожное, не показываетъ ли, что нація мало помышляетъ о верховныхъ судахъ, еще недавно столь популярныхъ 3)? Не раздѣляя нерасположенія Морриса къ парламентамъ, Капелло сходится съ нимъ въ предсказаніи ожидающей ихъ участи. „Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что штаты низведутъ ихъ до роли обыкновенныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ. О тѣхъ задачахъ, которыя ставятъ себѣ общественное мнѣніе, о тѣхъ политическихъ цѣляхъ, какія преслѣдуются націей, всего удобнѣе судить по содержанию наказовъ. Инструкціи, данныя герцогомъ Орлеанскимъ лицамъ, призваннымъ представлять его на выборахъ, содержатъ въ себѣ рядъ мыслей, доказывающихъ, что вопросомъ дня является гарантія личной свободы, свобода слова и печати, установленіе суда присяжныхъ и отвѣтственнаго министерства“. Капелло подчеркиваетъ тотъ фактъ, что большинство балъжей поставило на видъ депутатамъ не соглашаться ранѣе на установленіе новыхъ субсидій, какъ послѣ отмѣны тѣхъ злоупотребленій, о какихъ говорятъ наказы 4). Такой приѣмъ, очевидно, вполне могъ достигнуть той цѣли, какую ставили себѣ избиратели. Онъ могъ побудить правительство къ немедленному удовлетворенію народныхъ требованій. Англія освятила его вѣковой практикой.

1) Ibid., стр. 33, 56, 59.

2) Денеша отъ 22 декабря 1788 года.

3) Денеша 13 апрѣля 1789 года.

4) Денеша 30 марта 1789 года,

Торжество ея парламента, его вліяніе на оти́ну старинныхъ злоупотребленій и проведеніе реформъ было въ значительной степени обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что общины вотировали субсидіи въ послѣднихъ по времени засѣданіяхъ. Генеральныя штаты не придерживались подобной практики, и это обстоятельство не мало содѣйствовало тому, что воля націи не разъ оставляема была безъ вниманія королямъ, издававшимъ ордонансы и эдикты въ прямомъ противорѣчіи съ ходатайствами сословнаго представительства. Если вотированіе субсидій въ концѣ парламентской сессіи могло упрочить за собою въ будущемъ авторитетъ народнаго представительства, то въ настоящемъ оно заключало въ себѣ серьезную опасность въ томъ смыслѣ, что не давало правительству возможности пополнить государственную казну и положить конецъ дефициту. Скудость денежныхъ средствъ, которыми располагало правительство, была такъ велика, что въ моментъ паденія министерства Бриенна въ государственномъ казначействѣ оставалось всего-на-всего двѣсти тысячъ ливровъ ¹⁾.

Моррисъ констатируетъ тотъ фактъ, что равенство даже въ средѣ высшихъ сословій сдѣлало во Франціи такіе же успѣхи, какъ и свобода. „Цѣлая группа молодыхъ дворянъ, пишетъ онъ, прониклась самою пламенною вѣрою въ прирожденное равенство людей“ ²⁾. Капелло дѣлаетъ однохарактерное показаніе. „Рѣзкія пререканія дворянъ и буржуазіи о податныхъ привилегіяхъ высшихъ сословій стихли, никому болѣе не приходитъ въ голову заявлять претензію на налоговые изыятія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дворянствомъ, превозносившимся своими услугами отечеству на полѣ брани, данъ былъ устами одного изъ членовъ средняго сословія слѣдующій отвѣтъ: „ужь не думаете ли вы, что въ нашихъ жилахъ течетъ вода?“ ³⁾. Но если дворянство соглашалось раздѣлить съ прочими сословіями бремя податей, то оно продолжало охранять весьма ревниво прочія свои преимущества, и въ числѣ ихъ право на исключительное занятіе офицерскихъ мѣстъ одинаково въ арміи и во флотѣ ⁴⁾. Будущность собранія, пишетъ Капелло, всецѣло зависить отъ того, какъ рѣшенъ будетъ вопросъ о его составѣ ⁵⁾. Двойное даже представительство средняго сословія не обезпечитъ исполнѣ его преобладанія, такъ какъ высшія сословія, благодаря своему богатству, всегда будутъ

¹⁾ Смори корреспонденціи Мерси; письмо его къ Юсіфу II отъ 14 сентября 1788 года, т. I, стр. 193.

²⁾ Дневникъ, т. I, стр. 58.

³⁾ Смори депешу 9 февраля 1788 года.

⁴⁾ Смори депешу 22 декабря 1788 года.

⁵⁾ Депеша 24 ноября 1788 года.

имѣть возможность добиться большинства голосовъ съ помощью подкупа ¹⁾. Чтобы предотвратить такой исходъ, необходимо ввести поголовный счетъ голосовъ взаимнѣ прежняго голосованія по сословіямъ. Если эта система будетъ принята, Франція неустойчиво устремится къ демократіи. Предвидѣть это позволяютъ слѣдующіе факты: сильное броженіе сказывается одинаково на провинціальныхъ штатахъ Бретани, Бургундіи и Дофинэ. Всѣхъ волнуетъ вопросъ о томъ, кто будутъ представители средняго сословія, въ какомъ числѣ они будутъ избраны и какъ будутъ считаться ихъ голоса въ будущихъ штатахъ. Тогда какъ въ 1614 году изъ 184 депутатовъ отъ средняго сословія, 132 были дворянскаго происхожденія, большинство вновь избранныхъ представителей принадлежитъ къ буржуазіи. Когда нѣсколько дворянъ вздумало принять участіе въ выборныхъ собраніяхъ Парижа, ихъ принудили удалиться. Въ каждомъ изъ восьмидесяти избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлена была столица, выборъ палъ на лицъ средняго сословія ²⁾. Не менѣе характеренъ тотъ фактъ, что депутатами отъ духовенства въ большинствѣ случаевъ назначены приходскіе священники. Знаменательно также, что Калоннѣ, явившейся во Фландрію въ надеждѣ быть выбраннымъ отъ дворянства, принужденъ былъ пуститься въ обратный путь въ виду враждебности населенія ³⁾. Такимъ образомъ все доказываетъ, что Франція подчинилась вполнѣ овладѣвшему умами влеченію къ свободѣ и общественной справедливости.

Прежде чѣмъ судить о томъ, каковъ вѣроятный ходъ событій, необходимо, по мнѣнію Капелло, выяснить себѣ то положеніе, какое правительство заняло по отношенію къ общественному мнѣнію. Венеціанскій резидентъ не разъ указываетъ на то, что внутренняя политика правительства не отличается ни силою, ни послѣдовательностью. Людовикъ XVI лишенъ энергіи, имъ управляетъ жена. Марія Антуанетта—дѣйствительная виновница паденія Калонна, одинъ видъ котораго былъ ей непріятенъ. Ея вліянію надо приписать также назначеніе министромъ Бриенна. Хотя возвращеніе Неккера и совершилось, какъ мы показали выше, при непосредственномъ вѣдѣтельствѣ королевы, но, по словамъ Капелло, онъ не пользуется ея расположеніемъ. Не менѣе враждебенъ ему и принцы крови, за исключеніемъ Monsieur (старшаго брата Людовика XVI, будущаго короля Людовика XVIII) и герцога Орлеанскаго (Philippe Egalité). Принцы не отступили даже передъ мыслью ухудшить положеніе отставкой

¹⁾ Дешета 22 декабря 1788 года.

²⁾ Дешета отъ 27 апрѣля 1789 года.

³⁾ Дешета 13 апрѣля 1789 года.

«инстинктом» человека, способного предугадать неизбежную войну и грешное беззастенчивство. Они настаивают на ней, добровольно закрывая глаза на ее неизбежные последствия. Их несправедливость к Неккеру так велика, что они полагаются на его ответственность за все возникшее в стране беззастенчивости. Эмигрировавший из Германии из-за восторга Бастийей граф Артуа по поводу разрыва Неккера не предпринимает никаких попыток, сказать, что куда он ни идет, он всюду находит разрывы и опустошения от Неккера ¹⁾. «Это неаристократ, умевший собственными величием и силой идущий на разрывы, великий который он не из состояния предвидеть» — каково: «Тот же Неккер» — мнение германских дворян, иные, из которых нельзя не видеть крайнего отражения на французских эмигрантов. Оно не далеко оттого, каково высказывает Мюрер. «Господин Неккер, пишет он 17 апреля 1789 года, думать, что он все сам направляет, тогда как на самом деле он не больше, как слепое орудие в руках собственных агентов». Все эти отзывы стоят в крайнем противоречии с свидетельствами Кабелло. Для Кабелло Неккер человек, несомненный Француз сам по себе. Его не терять только тем, кто имеет убеждение Француз в том, что во главе его стоит туземцев ²⁾. Но большинство наших относится к нему по заслугам. Еще недавно благородство его кайзерей исторгало слезы из глаз победителей, а теперь крайностью его возвращение, как государство свободным над абсолютизмом. «Это человек редкий во всем отношении», пишет Кабелло о Неккере из депеш от 6 апреля 1789 года: его самоотвержение дошло до того, что он не отступил перед мыслью пожертвовать собственными интересами для интересов казны. Он само относится к своим обязанностям, он отдаст им все свое время, отказывая себе даже в отдыхе. Кабелло высказывает опасение, что многочисленные притеснения, вступавшие Неккером на каждую ногу, лишить его рано или поздно той силости, с которой он смотрит на будущее. Беззастенчивая и немощная оппозиция, какую делают ему враги, способна породить в нем отражение к власти. Трудно переносить самолично все те клеветы, которые ежедневно сыплются на его голову, и то заочно ложное толкование, какое дается всему его поступкам. Во всем министерстве он находит поддержку только со стороны по-

¹⁾ The correspondence of William Augustus Miles on the French Revolution, Part I, London 1890 г., стр. 131а.

²⁾ Делена от 1 сентября 1788 года.

ваго хранителя печати Барантена и министра иностранных дѣлъ графа Монморена. Къ счастью, этотъ послѣдній пользуется полнымъ довѣріемъ Людовика XVI, который обыкновенно слѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ ¹⁾).

Увлеченіе Неккеромъ не дѣлаетъ Капелло слѣпымъ, къ его ошибкамъ. Подобно Моррису, онъ осуждаетъ Неккера за то, что жгучій вопросъ о совмѣстномъ или раздѣльномъ засѣданіи сословій не былъ рѣшенъ имъ въ томъ или другомъ смыслѣ до созыва Генеральныхъ Штатовъ. Онъ не скрываетъ также своихъ опасеній, что масса дѣлъ, ввѣренныхъ попеченію Генеральныхъ Штатовъ, и численность самаго ихъ состава сдѣлаютъ крайне трудной нормальную дѣятельность собранія. Беспорядки, недавно проявившіеся въ Бретани и вызвавшіе почти вооруженное столкновение между высшими сословіями и средними, даютъ поводъ думать, что засѣданія Генеральныхъ Штатовъ будутъ крайне бурны. Не въ одной Бретани замѣтны признаки революціоннаго движенія. То же можетъ быть сказано и о Бургундіи. Въ одномъ только Дофинѣ, въ которомъ среднее сословіе еще ранѣе добилося численнаго преобладанія на Штатахъ, господствуетъ относительное спокойствіе ²⁾. Не безъ удивленія сообщаетъ поэтому Капелло въ депешѣ отъ 27 апрѣля 1789 года, что, несмотря на его пессимистическія ожиданія, порядокъ не былъ нарушенъ во Франціи во все время производства выборовъ, и что въ самомъ Парижѣ дѣло обошлось несравненно спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

III.

Событія, предшествовавшія взятію Бастиліи, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ожидать много новыхъ подробностей отъ разсказа даже такого обстоятельнаго повѣствователя, какимъ, въ своихъ депешахъ, является Капелло. Намъ интересно поэтому прослѣдить въ его депешахъ не столько постепенный ходъ зарожденія революціонныхъ движеній, сколько видоизмѣненіе собственныхъ его взглядовъ на ихъ характеръ и ближайшія послѣдствія. Весьма субъективный въ своихъ оцѣнкахъ, готовый ежечасно подѣлиться личными впечатлѣніями, Капелло получаетъ для насъ благодаря этому тѣмъ большую цѣну. Мы имѣемъ дѣло не съ хладнокровнымъ наблюдателемъ, объективно передающимъ то, что происходитъ вокругъ него, а съ человекомъ, горячо относящимся ко всему, что совершается на его глазахъ, не

¹⁾ Депеша отъ 27 апрѣля 1789 года.

²⁾ Депеша 2 и 9 февраля 1788 года.

скрывающимъ своихъ радостей и опасеній и охотно отмѣчающимъ различныя пережѣны своего собственнаго настроенія.

Пятаго мая въ день открытія Генеральныхъ Штатовъ мы находимъ его въ Версалѣ на трибунѣ, отведенной дипломатическому корпусу. Интересъ, возбужденный Генеральными Штатами, былъ такъ великъ, что сотни иностранцевъ добивались доступа на трибуну. Одинъ англійскій посолъ потребовалъ для своихъ соотечественниковъ шестнадцать входныхъ билетовъ. Всѣ требованія далеко не могли быть удовлетворены или удовлетворены были слишкомъ поздно, такъ что на галлерей осталось нѣсколько свободныхъ мѣстъ. Капелло говоритъ намъ о большомъ энтузіазмѣ, вызванномъ тронною рѣчью короля, и о слезахъ, какія эта рѣчь исторгла у присутствующихъ. Онъ сообщаетъ намъ также о знакахъ неодобренія, какими встрѣчено было появленіе Мирабо въ числѣ депутатовъ отъ средняго сословія.

Непопулярность королевы и популярность герцога Орлеанскаго отмѣчены Капелло въ его депешахъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что финансовый отчетъ Неккера, одно чтеніе котораго продолжалось пѣлые три часа, не удовлетворилъ ожиданій ни одного изъ сословій. Дворянство и духовенство прочли въ немъ угрозу для своихъ привилегій, а среднее сословіе не нашло въ немъ именно того, чего искало: принципиальнаго рѣшенія вопроса о совмѣстномъ засѣданіи всѣхъ представителей и поголовномъ счетѣ голосовъ. На разстояніи немногихъ недѣль, въ теченіе которыхъ весь интересъ сосредоточился на подавленіи беспорядковъ въ Марселѣ, Капелло, возвращаясь къ дѣятельности Генеральныхъ Штатовъ, высказываетъ сожалѣніе, что она проходитъ въ бесплодныхъ препирательствахъ между депутатами высшихъ сословій и депутатами буржуазіи по вопросу о совмѣстной или раздѣльной повѣрѣ полномочій.

Свою нетерпимость къ среднему сословію дворянство доводитъ до того, что отказываетъ даже его депутатамъ въ названіи „Общинъ королевства“, названіи, прибавляетъ Капелло, присвоенномъ имъ еще Филиппомъ IV Красивымъ. Не менѣе строгъ Капелло въ своемъ сужденіи и о представителяхъ буржуазіи. „Прискорбно видѣть, пишетъ онъ, что въ средѣ каждаго изъ сословій не мало личностей, цѣль которыхъ, повидимому, поддерживать раздоры. Депутаты отъ средняго сословія думаютъ болѣе всего о популярности и съ этою цѣлью допустили публику въ залу своихъ засѣданій, чего не сдѣлали оба высшихъ сословія“. Очень коротко изложено въ депешахъ поведеніе средняго сословія, начиная съ знаменитаго засѣданія „*jeu de paumes*“ и оканчивая фактомъ соединенія сословій въ одной камерѣ по именному приказу короля. Капелло ничего не говоритъ ни о быстрой популярности Мирабо, ни о знаменитомъ отвѣтѣ, данномъ имъ цере-

мониймейстеру Дре-Брезе, онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ политикѣ средняго сословія квалификацію сильной и энергичной. Сочувственно относится онъ къ содержанію королевскаго декрета отъ 23 іюня, хотя и находитъ его несвоевременнымъ. Источникъ слабости правительственной репрессіи лежитъ, по его мнѣнію, въ духѣ неповиновенія, какой овладѣлъ арміей; правительству трудно положиться на нее.

„Когда, пишетъ Капелло въ депешѣ отъ 29 іюня 1889 года, народъ узналъ о соединеніи сословій, онъ въ порывѣ радости сплошной толпой окружилъ дворецъ, крича: „да здравствуетъ король!“ Людовикъ XVI, сопровождаемый Маріей-Антуанеттой, показался на одномъ изъ балконовъ. Энтузіазмъ достигъ въ это время крайняго предѣла, а на глазахъ монарховъ показались слезы умиленія“. Всѣ, повидимому, были тронуты и лелѣяли надежду на мирное возрожденіе Франціи, благодаря совокупнымъ усиліямъ короля и націи. Одинъ венеціанскій резидентъ высказывалъ опасеніе за будущее, говоря: „умѣренность не есть свойственная народу добродѣтель и быстрая побѣда, одержанная среднимъ сословіемъ, неизбежно усилитъ его надменность“. Эти опасенія оправдались такъ быстро, что ближайшую депешу (отъ 5 іюля) Капелло считаетъ нужнымъ начать той самой фразой, какою заканчивалось его послѣднее письмо. „Первая побѣда, одержанная Національнымъ Собраніемъ, прибавляетъ онъ, открыла народу его силы, сдѣлала его дерзкимъ и отважнымъ, онъ не хочетъ болѣе носить цѣпей, налагаемыхъ на него законами, его не останавливаетъ даже соображеніе общественной безопасности; безпорядки всякаго рода проявились за послѣдніе дни, грозя не только внутреннему спокойствію и миру, но и королевскому авторитету. Они внесли ужасъ въ сердца добрыхъ гражданъ и вызвали въ нихъ опасеніе еще болѣе страшныхъ потрясеній въ будущемъ. Ужасно подумать, что французскій солдатъ, потерявшій привычку повиновенія, не слушаетъ болѣе голоса начальствующихъ. Два гренадера, посаженные въ тюрьму по приказу полковника, дали поводъ къ открытому мятежу. Король поставленъ былъ въ необходимость отпустить ихъ на свободу. Пока это происходило въ Версалѣ, въ Парижѣ совершалось нѣчто аналогичное; одиннадцать солдатъ, принадлежащихъ къ числу французскихъ гвардейцевъ, посажены были въ тюрьму“. Многочисленная толпа, состоящая изъ солдатъ и мятежниковъ, проломивъ двери тюрьмы и освободила насильственно всѣхъ безъ различія заключенныхъ. Но время, когда Національное Собраніе сочтетъ нужнымъ идти рука объ руку съ народнымъ мятежемъ, еще не настало. Безпорядки въ полкахъ вызвали поэтому съ его стороны мѣру, которую Капелло называетъ мудрой. Ходатаямъ за виновныхъ данъ

былъ совѣтъ обратиться къ королю и просить его милости. Король же поспѣшилъ удовлетворить это желаніе. Капелло не воздерживается по этому поводу отъ замѣчанія о тяжкомъ положеніи монарха, который не въ силахъ ни предупредить преступленій, ни покарать ихъ, какъ должно.

Очагомъ безпорядковъ Капелло считаетъ Пале-Рояль. Венеціанскій резидентъ передаетъ ходячій слухъ о томъ, что герцогъ Орлеанскій оплачиваетъ пале-рояльскихъ демагоговъ изъ собственнаго кармана. Если правительство не положитъ своевременнаго конца разгуду этихъ проповѣдниковъ мятежа, надо быть готовымъ на все. Кровь пролита уже въ Ліонѣ, гдѣ войску съ трудомъ удалось подавить народное возстаніе ¹⁾, а теперь очередь за Парижемъ. На этотъ разъ источникомъ безпокойствъ являются интриги, направленные придворной партіей противъ Неккера. Принцы крови, при содѣйствіи Маріи-Антуанетты, временно овладѣли королемъ и предписали ему образъ дѣйствій. Недалеко отъ Версаля установленъ военный лагерь. Тщетно собраніе, по предложенію Мирабо, требовало его удаленія. Король остался нѣмъ къ этимъ мольбамъ. Графъ Артуа (будущій король Карлъ X) добился отованія Неккера. Пока опальный министръ направляется къ ближайшей бельгійской границѣ, баронъ Брётель ставится во главѣ новаго министерства и замышляетъ военное занятіе столицы. Но эти проекты контръ-революціи своевременно угаданы народомъ. При извѣстіи объ отбытіи Неккера, парижане требуютъ закрытія магазиновъ и театровъ и торжественной процессіей, предшествуемой траурными знаменами, проносятъ по Парижу изображеніе опальнаго министра и любимаго ими герцога Орлеанскаго. Городскія заставы разрушены, общественные магазины, принадлежащіе нѣкоторымъ монастырскимъ обителямъ, разграблены. Уже мятежники собираются идти на Версаль, но нѣмецкой кавалеріи, предводительствуемой герцогомъ Ламбескъ, удастся на время остановить ихъ шествіе. Она отрѣзываетъ имъ путь, на площади Людовика XV (нынѣ площадь Согласія) мѣшаетъ ихъ движенію въ направленіи Елисейскихъ полей. Видя дула пушекъ направленными противъ себя, толпа отступаетъ, но вскорѣ къ ней присоединяются французскіе гвардейцы, возмущенные присутствіемъ въ Парижѣ нѣмецкаго полка (Royal allemand). Кровавая стычка завязывается между противниками. Конецъ ей положенъ даннымъ войскамъ приказомъ отступить по направленію къ Версали, дабы оградить его отъ нападенія со стороны мятежниковъ. Капелло пишетъ свою депешу въ самый день событія 13 іюля 1789 года.

¹⁾ Денеша 6 іюля 1789 года.

По его словамъ, буржуазія уже заявила о своей солидарности съ народомъ. Всѣ взялись за оружіе, кто въ интересахъ поддержанія порядка, кто въ видахъ его низверженія. Шайки воровъ грабили и жгли все, что ни попадалось имъ на пути. Общественное мнѣніе приписывало имъ проектъ поджога оперы, и этотъ слухъ доводилъ венеціанскаго резидента до отчаянія, такъ какъ его жилище имѣло одну общую стѣну съ оперой. Капелло считаетъ себя на половину погибшимъ. Онъ не рѣшается выйти на улицу, утверждая, что всѣ честные люди поставлены въ необходимость сидѣть у себя въ заперти. Чтобы предотвратить отъ себя опасность, онъ приказываетъ всѣмъ членамъ посольства украсить себя революціонными значками. Зеленныя кокарды прикрѣпляются къ ихъ шляпамъ и навѣшиваются на грудь. Одну минуту онъ думаетъ о томъ, чтобы обезопасить входъ въ свою квартиру выставленіемъ венеціанскаго герба. Но послѣ зрѣлаго обсужденія онъ приходитъ къ заключенію, что это не остановитъ толпы и что всего лучше вооружить членовъ своей свиты.

Кто познакомится съ этимъ разсказомъ о военныхъ приготовленіяхъ венеціанскаго посольства, не въ состояніи будетъ отказаться отъ изумленія при чтеніи похвалъ, какія въ ближайшей своей депешѣ Капелло расточаетъ по адресу революціи 14 іюля, называя ее славной и безсмертной. Но онъ самъ же спѣшитъ объяснить намъ причину такой быстрой перемены взгляда, говоря, что, если начало возстанію было положено чернью съ цѣлью ограбить богатыхъ, оно вскорѣ приняло болѣе правильную форму и болѣе общій характеръ, благодаря поддержкѣ со стороны буржуазіи. Весь Парижъ съ изумительнымъ единодушіемъ всталъ на защиту общаго дѣла, пуская въ ходъ средства, не имѣющія ничего общаго съ тѣми, какія были задуманы ворами и грабителями. Нѣтъ примѣра движенія, которое ведено было бы столь успѣшно, стоило бы меньшихъ жертвъ и которое бы такъ скоро достигло намѣченной цѣли. При звукахъ набата, собранные въ приходскихъ церквахъ граждане приняли мѣры къ восстановленію порядка и къ организаціи муниципальнаго правительства. Тайно руководимые депутатами отъ средняго сословія, они прежде всего озаботились водвореніемъ мира и съ этою цѣлью образовали въ меріи постоянный комитетъ. Затѣмъ приступлено было къ организаціи городской милиціи по образцу той, которая нѣкогда существовала въ столицѣ. Въ составъ ея вошло сорокъ восемь тысячъ гражданъ. Внѣшнимъ значкомъ служить имъ кокарда изъ двухъ цвѣтовъ, тѣхъ самыхъ, которые встрѣчаются на городскомъ гербѣ: голубого и краснаго. Маркизъ Лафайетъ единогласно назначенъ начальникомъ національной гвардіи. По улицамъ внезапно появились патрули, не по-

кидавшіе ихъ ни днемъ, ни ночью въ интересахъ общественной безопасности. Всѣхъ, кого заставляли грабящими частные дома, задерживали и вѣшали на мѣстѣ. Когда воры и поджигатели принуждены были обратиться въ бѣгство, мѣсто преступнаго мятежа заняла „благородная революція“, общая всѣмъ гражданамъ. Парижъ представлялъ изъ себя видъ семьи, объединенной согласіемъ. До двухъ сотъ тысячъ человѣкъ оставались подъ оружіемъ ¹⁾, французская гвардія, городская гвардія и даже войска швейцарцевъ приняли сторону народа. Такимъ образомъ, весь Парижъ, все то, что способно было въ немъ носить оружіе, а не одно только простонародье, какъ утверждаютъ это реакціонные историки, является ближайшимъ виновникомъ революціи 14 іюля. Неудивительно поэтому, если возстаніе слѣдовало въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣленному плану, которому едвали можетъ подчиниться простой народный бунтъ. Толпа послѣдовательно заняла дворецъ инвалидовъ и арсеналь изъ желанія заставить хранимымъ въ немъ оружіемъ. Общественные магазины, принадлежащіе нѣкоторымъ аббатствамъ, въ томъ числѣ аббатству Сентъ-Жерменъ, были вскрыты насильственно и хранящіяся въ нихъ припасы послужили для провіантирования Національной Гвардіи. Наконецъ рѣшено было осадить Бастилію, такъ какъ, говорить Капелло, не владѣя этой цитаделью, нельзя сдѣлаться повелителемъ надъ Парижемъ. Это послѣднее свидѣтельство заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Оно объясняетъ намъ причину, по которой аристократическій, такъ сказать, характеръ этой тюрьмы, заточеніе въ ней членовъ лучшихъ фамилій не помѣшало парижскому демосу направить на нее первые свои удары.

Поступая такимъ образомъ, парижане руководствовались не приписываемымъ имъ намѣреніемъ отомстить за обиды, причиненныя человѣческому разуму въ лицѣ заключенныхъ въ Бастилію писателей, а желали обезопасить себя отъ возможности внезапнаго нападенія со стороны парижскаго гарнизона. Говорить послѣ этого, что народъ и на этотъ разъ былъ обойденъ буржуазіей и послужилъ чуждому ему дѣлу, нѣтъ основанія. Онъ пошелъ на Бастилію потому, что хотѣлъ овладѣть Парижемъ. Слухъ о томъ, что губернаторъ Бастиліи Де-Лонэ съ часу на часъ ждетъ подрѣзленій, что подземными ходами свѣжія войска собираются проникнуть въ крѣпость, долженъ былъ еще усилить въ народѣ рѣшимость взять Бастилію штурмомъ. Капелло говоритъ намъ объ этомъ слухѣ; онъ же объясняетъ намъ

¹⁾ По изслѣдованіямъ Бабо, численность городского населенія въ это время не превышала 600 тысячъ человѣкъ. (Смотри Babeau, Etat de Paris en 1789).

причину той ярости, какую проявила толпа по отношенію къ губернатору крѣпости, говоря, что Де-Лона, выставивъ бѣлое знамя въ знакъ готовности сдаться, повелѣлъ затѣмъ встрѣтить залпомъ осаждавшихъ. Современные историки установили тотъ фактъ, что Бастилія сдана была лишь изъ страха измѣны со стороны гарнизона. Они же оправдали поведеніе губернатора, выяснивъ, что съ его стороны не было дано того приказа, въ какомъ обвиняли его современники. Но для объясненія причинъ народной жестокости достаточно сослаться на ходившіе въ народѣ слухи,—нѣтъ надобности, чтобы эти слухи отвѣчали дѣйствительности.

Интересно также сообщеніе Капелло, о томъ, что правительство подготавливаетъ контръ-революцію. Одного этого факта вполне достаточно для объясненія причинъ возстанія 14 іюля. Парижъ ежеминутно ждалъ прибытія войскъ съ высотъ Монмартра. Смѣлымъ шагомъ народъ рѣшился предупредить намѣреніе правительства. Успѣхъ, которымъ увѣнчалось возстаніе, былъ такъ полнъ и такъ быстръ, что всѣ очевидцы сходятся въ признаніи 14 іюля однимъ изъ счастливейшихъ и величайшихъ моментовъ въ исторіи. „Потомство, пишетъ Капелло, съ трудомъ повѣритъ, что такіе важные результаты достигнуты такъ легко“. Революція закончена, пишетъ въ свою очередь Моррисъ, я хочу сказать, что король и дворянство побѣждены. Людовикъ XVI получилъ заслуженный урокъ; онъ имѣлъ случай убѣдиться, что армія стоитъ за свободу, и это одно парализовало въ немъ всякую силу сопротивленія ¹⁾. Англійскій посолъ гр. Дорсетъ приблизительно пишетъ тоже въ своемъ донесеніи отъ 16 іюля 1789 года. Возстаніе 14 іюля, по его заявленію, величайшая изъ всѣхъ революцій, извѣстныхъ доселѣ исторіи. Благодаря ей Франція сразу сдѣлалась страной свободы. Власть короля была ограничена, а дворянство низведено къ одному уровню съ націей ²⁾. Весьма вѣрно также оцѣнивали современники то вліяніе, какое взятіе Бастиліи будетъ имѣть на сосѣднія съ Франціей государства. Въ письмѣ къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Лидсу Милесъ, состоявшій въ это время дипломатическимъ агентомъ во Франкфуртѣ, пишетъ, что паника овладѣла всѣми мелкими дворами Германіи. Потрясеніе, пережитое Франціей неминуемо отразится вскорѣ во всей Европѣ. Для Германіи оно можетъ сдѣлаться въ

¹⁾ Письмо къ Вашингтону отъ 29 іюля 1789 года, (томъ I, стр. 143), а также страница 132 и 134.

²⁾ Фламмермонъ. Незданные отчеты о взятіи Парижа. (Парижъ 1885 г. стр. 20).

ровной степени источникомъ и великихъ благъ, и нескончаемыхъ бѣдствій ¹⁾).

О томъ замѣшательствѣ, какое неожиданное торжество парижскаго демоса произвело при французскомъ дворѣ, можно судить по письмамъ Мерси къ Іосифу II. „Я только что вернулся изъ Версаля, пишетъ Мерси 23 іюля 1789 года, я нашелъ въ немъ всѣ дѣла въ страшномъ безпорядкѣ. Никакихъ мѣръ не принято и не рѣшено даже, какого поведенія держаться въ будущемъ. Все предоставлено случаю. Положеніе дѣлъ въ столицѣ, сообщаетъ тотъ же Мерси, носить угрожающій характеръ. Можно предвидѣть, что Парижъ захочетъ предписывать законы Собранію“ ²⁾. Зять Неккера баронъ Сталь также говоритъ въ своей депешѣ отъ 2 августа о безпорядкахъ въ Парижѣ и во всей Франціи. Не рассчитывая болѣе на войско, отказавшееся стрѣлять въ народъ, король утратилъ всякую исполнительную власть. Въ странѣ водворилась анархія. Народъ не только повелѣваетъ, но и самъ приводитъ въ исполненіе свои приговоры ³⁾.

Современной исторіографіи удалось установить тотъ фактъ, что взятіе Бастиліи сопровождалось однохарактерными возстаніями на протяженіи всей Франціи.

Въ городахъ народъ спѣшилъ овладѣть цитаделью и захватить въ свои руки оружіе. Въ селахъ онъ осаждалъ замокъ и предавалъ разграбленію феодальный архивъ ⁴⁾. Капелло даетъ намъ мало подробностей объ этихъ мѣстныхъ движеніяхъ. Онъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ о совершенномъ упадкѣ королевской власти во Франціи и о неспособности ея сдержать въ предѣлахъ повиновенія ни столицу, ни провинціи. Фактически власть повсюду уже въ рукахъ народа, который во многихъ мѣстахъ прекратилъ платежъ податей. Всюду также организуется національная гвардія по образцу парижской. Страхъ въ такой степени овладѣлъ высшими классами общества и въ частности феодальнымъ дворянствомъ, замки котораго преданы сожженію, что болѣе 80 тысячъ паспортовъ выдано въ теченіе немногихъ недѣль, слѣдующихъ за взятіемъ Бастиліи. Богатѣйшія фамиліи выселяются изъ Франціи, а это въ свою очередь отражается весьма невыгодно на судьбѣ рабочаго люда. Чтобы дать заработокъ нуждающимся, правительство организовало общественныя работы на высотахъ Монмартра. Ежедневно двѣнадцать тысячъ рабо-

¹⁾ Денеша отъ 30 іюля 89 года (Корреспонденція Милеса, томъ I, стр. 122).

²⁾ Correspondence secrète du comte de Mercy, (томъ II, стр. 257).

³⁾ Correspondence du baron de Staël-Holstein. (Парижъ 81 г. стр. 108).

⁴⁾ Смотри между прочимъ La France pendant la revolution, par le vicomte de Broc. Томъ II, стр. 30—34.

чихъ приобрѣтають благодаря имъ средства къ существованію. Но подобная помощь только капля въ морѣ. Торговый договоръ Франціи съ Англіей, допустивши конкуренцію англійскихъ мануфактуръ и самый фактъ расширенія машиннаго производства, оставилъ безъ куска хлѣба толпы рабочихъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, начиная съ Ліона. Хлѣбъ, временно упавшій въ цѣнѣ послѣ грабежа монастырскихъ магазиновъ, сталъ быстро дорожать. Семи- и восьмилѣтніе запасы, накопленные въ этихъ хлѣбохранилищахъ, разошлись въ теченіе немногихъ недѣль, и Парижъ снова на ряду съ провинціями сталъ терпѣть недостатку въ продуктахъ первой необходимости. Надо принять во вниманіе только-что описанныя условія для вѣрной оцѣнки мотивовъ, вызвавшихъ „великодушный отказъ“ дворянства отъ феодальныхъ правъ въ знаменитую ночь 4 августа. Капелло вѣрно оцѣниваетъ эти мотивы, говоря, что этотъ отказъ былъ въ значительной степени результатомъ страха ¹⁾. „Аналогичныя причины, говоритъ онъ, побудили духовенство пожертвовать церковной десятиной“. Капелло далеко не относится съ оптимизмомъ къ отмѣнявшимъ феодальное право декретамъ Національнаго Собранія. Онъ не безъ основанія ставитъ на видъ, что общность и неопредѣленность обѣщаній, какія содержатъ въ себѣ эти декреты, не мало будутъ содѣйствовать приостановкѣ всякихъ платежей, одинаково въ пользу бывшихъ сеньеровъ и въ пользу казны. Трудно въ самомъ дѣлѣ ждать отъ народа, что онъ сдумѣетъ опредѣлить границу между личными и реальными правами сеньеровъ, между повинностями, отмѣняемыми сразу и безъ вознагражденія, и такими, которыя подлежатъ выкупу. Всего вѣроятнѣе, что онъ сразу прекратитъ всякіе взносы и увидитъ въ отмѣнѣ феодальнаго порядка не голое обѣщаніе будущихъ благъ, а совершившійся фактъ. Капелло также весьма строго относится къ рѣшенію покончить сразу со всѣми привилегіями провинцій наперекоръ самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ французскихъ королей свято и нерушимо сохранять эти привилегіи. Наконецъ, слѣдуя аббату Сіесу, онъ съ полнымъ основаніемъ доказываетъ, что отмѣна церковной десятины принесетъ выгоды однимъ собственникамъ, отнюдь не земледѣльцамъ, что она обогащаетъ богатыхъ и не уменьшаетъ налоговыхъ тягостей бѣдняковъ.

Немного также энтузіазма въ отзывѣ Капелло о „декларациі правъ человѣка и гражданина“. По его словамъ, Національное Собраніе потеряло много цѣннаго времени на рѣшеніе вопросовъ метафи-

¹⁾ Денеша 17 августа 1789 года.

зики и пренебрегло благодаря этому болѣе практической задачей найти средство для покрытія государственнаго дефицита. Къ тому же въ современныхъ условіяхъ Франціи гораздо важнѣе было бы составить декларацію обязанностей гражданъ, а не перечень какихъ-то естественныхъ правъ чловѣка. Чловѣкъ въ естественномъ состояніи и гражданинъ государства мало имѣютъ между собою общаго. Капелло не понимаетъ, какое значеніе можетъ имѣть упоминаніе въ текстѣ конституціи о правахъ, принадлежащихъ чловѣку ранѣе возникновенія государства. Но если онъ относится отрицательно къ поддержанію самой деклараціи, то онъ вполне отдаетъ себѣ отчетъ въ тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя заставили Собраніе начать свою учредительную дѣятельность съ провозглашенія неотъемлемыхъ правъ личности. Когда въ его стѣнахъ впервые былъ поставленъ вопросъ о конституціи, сразу обнаружили въ немъ, по словамъ Капелло, два противоположныя теченія: одни, слѣдуя англійскому и американскому образцу, вознамѣрились наградить Францію конституціей, превосходящей всѣ остальные, другіе, наоборотъ, хотѣли ограничить дѣятельность Собранія одной реформой существующихъ учреждений. Обѣ партіи сходились только въ одномъ, въ желаніи дать серьезныя гарантіи тому, что стало извѣстно впоследствии подъ наименованіемъ „необходимыхъ вольностей“ (*libertés nécessaires*). Такъ какъ, говорить Капелло, въ нѣкоторыхъ принципахъ всѣ были согласны, то и сочли нужнымъ начать конституціонную работу съ установленія этихъ не подлежащихъ спору принциповъ. Вотъ причина, по которой „декларация правъ“ предпослана была всѣмъ прочимъ статьямъ конституціи 1).—Едва ли не интереснѣйшую сторону депешъ Капелло составляетъ критика тѣхъ новыхъ основъ государственнаго устройства, надъ выработкою которыхъ неустанно въ теченіе двухъ лѣтъ работало Національное Собраніе. Исходнымъ моментомъ этой критики является то положеніе, что учрежденія не выдумываются сразу, а растутъ, что приспособленность ихъ къ нравамъ и характеру націи—первый залогъ ихъ живучести, и что стремленіе къ идеальному совершенству, какъ и обуреваемость принципами, могутъ отразиться крайне невыгодно на дѣятельности законодателя. Англійскіе и американскіе порядки, быть можетъ, очень хороши сами по себѣ, думаетъ Капелло, но они едва ли возможны въ странѣ, которая, подобно Франціи, „болѣе нуждается въ добрыхъ нравахъ, нежели въ добрыхъ законахъ“ 2). Всего болѣе вредитъ учредительной дѣятельности Собранія его безпочвенность, представленіе, что учрежденія могутъ быть выдуманы

1) Депеша 10 августа 1789 года.

2) Депеша отъ 7 сентября 1789 года.

цѣликомъ, точно дѣло идетъ о какомъ-то воображаемомъ государствѣ, а не объ имѣвшей долгое историческое прошлое французской монархіи. „Члены Національнаго Собранія, пишетъ онъ въ депешѣ 17 августа, сочиняютъ свою конституцію, точно они вышли только изъ естественнаго состоянія и впервые приступили къ установленію государственной жизни путемъ общественнаго договора“. Поступая такимъ образомъ, они, очевидно, должны были создать нѣчто еще небывалое, и дѣйствительно, ничего подобнаго ихъ демократической монархіи міръ еще не видѣлъ. Законодательная власть въ ней всецѣло сосредоточивается въ рукахъ Національнаго Собранія или вѣрнѣе въ небольшой кучкѣ людей, которая командуетъ этимъ собраніемъ. Исполнительная же, наоборотъ — доведена до полного ничтожества. Франція, пишетъ Капелло, быть можетъ, единственная страна въ мірѣ, въ которой все то, что называется полиціей или администраціей, на самомъ дѣлѣ, вовсе не существуетъ ¹⁾. Но какая, спрашивается, надобность была ослаблять вліяніе исполнительной власти въ странѣ, въ которой всего ощутительнѣе потребность въ порядкѣ и безопасности? Національное Собрание сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы свести на ничто участіе короля въ законодательной дѣятельности. Ни онъ, ни его министры не могутъ вносить въ Собрание новыхъ законовъ; мало этого, оно отказываетъ даже министрамъ въ правѣ говорить ему именемъ короля и постановило поэтому не читать королевскаго адреса по вопросу о „veto“, адреса, текстъ котораго составленъ былъ Неккеромъ и заключалъ въ себѣ возраженія правительства противъ абсолютнаго „veto“. Страхъ исполнительной власти понудилъ также Собрание провозгласить себя постояннымъ и не подлежащимъ распущенію ранѣе двухлѣтняго срока и созыва новаго представительства. Наконецъ оно отняло у короля возможность отклонять необдуманныя мѣропріятія, налагая на нихъ свой запретъ. Относительное „veto“ не оставляетъ за монархомъ возможности пріостановить дѣйствіе вреднаго въ его глазахъ закона болѣе, какъ на извѣстный срокъ. Въ реляціи, прочитанной Капелло венеціанскому сенату послѣ возвращенія его изъ миссіи, 2 декабря 1790 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую общую оцѣнку конституціонной дѣятельности Собранія. „Конституція, надъ сочинительствомъ которой работаетъ Національное Собрание, говоритъ онъ въ этой реляціи, — нѣчто не имѣющее имени. Нельзя назвать ее монархической, такъ какъ она отнимаетъ всякую власть у короля, нельзя также считать ее демократической, такъ какъ, благодаря системѣ двойныхъ выборовъ и избирательному цензу, народъ не допускается къ законодательной власти. Еще менѣе пред-

¹⁾ Депеши 14 и 21 сентября.

ставляет она характеръ аристократическій: аристократизмъ объявленъ преступленіемъ, если не противъ короля, то противъ націи. Эта конституція есть своего рода чудовище; въ ней всѣ власти смѣшаны, она соединяетъ въ себѣ постоу и два недостатка, которые обыкновенно не проявляются одновременно: съ одной стороны—тенденцію къ деспотизму, а съ другой—къ анархіи¹⁾.

Правильная организація государствъ, говоритъ Капелло, предполагаетъ собою раздѣленіе, равновѣсіе и такую комбинацію властей, при которой одна поддерживала бы другую. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ различные виды власти сосредоточиваются въ однѣхъ рукахъ, тамъ не можетъ быть рѣчи о правильности или разумности. А между Національнымъ Собраніемъ начало съ того, что захватило въ свои руки всѣ виды власти, оно отняло у короля всякое участіе въ законодательствѣ, право назначенія судей и мѣстныхъ администраторовъ. Все это порядки, возможные только въ государствѣ съ крайне ограниченной территоріей, а не въ монархіи, имѣющей 25 милліоновъ подданныхъ. Превышая данныя имъ полномочія, выраженіемъ которыхъ служили ихъ наказы, депутаты Національнаго Собранія объявили его постояннымъ. Чего они хотятъ—это сдѣлаться повелителями надъ націей, тогда какъ ихъ назначеніе—быть ея делегатами. Отсутствие всякой утѣрающей, посредствующей власти,—безъ чего, говоритъ Капелло, повторяя Монтескье, не можетъ быть свободы,—служитъ ручательствомъ тому, что самодержавіе не прекинетъ сосредоточиться всецѣло въ рукахъ Собранія.

По своему пессимизму отзывъ Капелло о конституціонной дѣятельности Учредительнаго Собранія приближается къ тѣмъ, какіе одновременно высказаны были сторонниками смѣшанной монархіи одинаково во Франціи и за ея предѣлами. Мнѣніе Капелло довольно близко къ тому, какого придерживались Мунье, Мале-Дю-Панъ и Малуэ. Въ депешахъ австрійскаго посла, какъ и въ перепискѣ Морриса съ Вашингтономъ, можно найти повтореніе тѣхъ же мыслей объ абсолютизмѣ Собранія и о ниспроверженіи имъ всякихъ посредствующихъ властей, какія мы находимъ у Капелло. Не позже 25 іюля 1789 года Мерси уже говорилъ о будущей конституціи, какъ о могилѣ королевской власти, прибавляя въ слѣдующей затѣмъ депешѣ, что французы въ дѣлѣ ограниченія монархической власти далеко опередили собою англичанъ¹⁾. „Идеи, какіхъ Генеральныя Штаты придерживаются по отношенію къ конституціи, пишетъ въ свою очередь Сталь въ депешѣ отъ 30 августа, должны быть признаны крайними. Если мнѣніе большинства восторжествуетъ, королевская власть ли-

¹⁾ Стр. 258 и 260.

шится всякаго вліянія. Еще отрицательнѣе отношеніе Морриса къ конституціи. По его мнѣнію, она никуда не годится, и онъ такъ убѣжденъ въ вѣрности этого положенія, что приглашаетъ Лафайета, одного изъ ближайшихъ участниковъ въ ея составленіи, отказаться всецѣло отъ выработанныхъ Собраніемъ основъ, усилить власть короля, дать ему начальство надъ арміею и право назначенія чиновниковъ, наконецъ ввести двухпалатную систему по образцу англійской. О томъ, какъ строго судилъ французскую конституцію Боркъ, едва ли нужно распространяться, такъ какъ его взгляды, довольно близкіе къ тѣмъ, которыхъ придерживается Капелло, слишкомъ хорошо извѣстны. Замѣчательно однако, что ни одинъ изъ этихъ критиковъ не обратилъ вниманія на ту слабую сторону новаго государственнаго порядка во Франціи, которая всего болѣе должна была бы поразить всѣхъ этихъ скрытыхъ и явныхъ сторонниковъ англійскихъ порядковъ. Я разумѣю ту искусственную разобщенность между законодательной и исполнительной властью, источникъ которой лежитъ въ томъ, что согласно конституціи 1791 года Національное Собраніе лишено возможности руководить внутренней и внѣшней политикою чрезъ посредство выбираемыхъ изъ его среды членовъ солидарнаго министерства. Только благодаря подобному министерству создана въ Англіи возможность парламентскаго режима, того взаимодѣйствія законодательства и исполненія, о которомъ тщетно мечталъ Капелло. Это не значитъ однако, чтобы въ 1789 году не было во Франціи людей, сознававшихъ всю выгоду, какую представляетъ для страны англійская система кабинета. Мирабо былъ въ ихъ числѣ, и если его проекту составить министерство изъ членовъ большинства не суждено было осуществиться, то вина въ этомъ всецѣло падаетъ на тѣхъ, кто изъ личной зависти или изъ страха счелъ нужнымъ загородить ему дорогу къ власти, объявивъ въ формѣ декрета, что исполненіе обязанностей депутата непримиримо съ занятіемъ какой-либо исполнительной должности.

IV.

Пока Національное Собраніе занималось обсужденіемъ первыхъ статей конституціи, парижане продолжали терпѣть отъ дороговизны припасовъ, сокращенія производства и постепеннаго паденія кредита. Правда, въ первыя недѣли, слѣдовавшія за революціей 14 іюля, хлѣбные запасы оказались въ изобиліи, частью благодаря захватамъ, произведеннымъ въ монастырскихъ складахъ, частью благодаря насильственной отмінѣ ввозныхъ пошлинъ въ города. Никто не счи-

талъ нужнымъ высказывать опасеній за будущее, никто не предвидѣлъ возможности стѣснительныхъ мѣръ для хлѣбной торговли со стороны провинцій, терпѣвшихъ отъ быстрого подвоза хлѣба въ Парижъ, а между тѣмъ не проходитъ нѣсколькихъ недѣль, и Капелло поставленъ въ необходимость заявить въ своей депешѣ, что одна изъ хлѣбныхъ провинцій сѣверо-востока Франціи, Артуа, сочла нужнымъ установить вывозныя пошлины на хлѣбъ, боясь оскудѣнія собственныхъ запасовъ. Это сразу повысило цѣны въ Парижѣ не столько благодаря фактическому недостатку въ немъ хлѣба, сколько потому, что скупщики, предвидя прекращеніе дальнѣйшаго подвоза, рѣшили пріостановить временно всякую распродажу въ ожиданіи неизбежнаго повышения цѣнъ. Этого было достаточно, чтобы внушить народу подозрѣніе въ тайныхъ проискахъ враждебныхъ революціи партій. Ихъ стали обвинять въ намѣреніи извести Парижъ голодомъ, и такъ какъ народъ издавна пріученъ былъ самымъ правительствомъ смотрѣть на него, какъ на источникъ всякаго благополучія и всякихъ бѣдствій, то неудивительно, что въ ночь съ 4-го на 5-е октября рѣшено было цѣлою толпою направиться въ Версаль и просить королевской помощи и вмѣшательства. Капелло сообщаетъ, что до тридцати тысячъ чело-вѣкъ приняли участіе въ этомъ шествіи; онъ же передаетъ весьма распространенный въ то время слухъ, что въ числѣ лицъ, едва не проникшихъ въ спальню Маріи-Антуанетты, было нѣсколько депута-товъ, переходѣвшихъ торговыми. Такъ какъ послѣ долгихъ препира-тельствъ Національное Собраніе постановило уничтожить всѣ протоколы слѣдствія о причинахъ безпорядковъ 5-го октября, то нѣтъ возможности провѣрить справедливость этого слуха. Извѣстно однако, что королева продолжала обвинять въ подстрекательствѣ толпы мно-гихъ депутатовъ, преданныхъ герцогу Орлеанскому, и что ея подо-зрѣніе падало также и на Мирабо.

Разсказъ Капелло о событіяхъ 5-го октября не богатъ новыми подробностями, но онъ интересенъ, главнымъ образомъ, по причинѣ раскрытія нѣкоторыхъ тайныхъ мотивовъ движенія. Во-первыхъ, онъ рѣшительно утверждаетъ, что ближайшей цѣлью похода парижскихъ пуассардовъ на Версаль было обнаруженіе заговора переселить короля въ Мецъ и приблизить его такимъ образомъ къ генеральной квар-тирѣ маршала Булье. Этотъ заговоръ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что воспослѣдовавшее затѣмъ бѣгство короля въ Вареннъ предпринято было въ томъ же направленіи и съ тою же цѣлью соединиться съ предводительствуемой маршаломъ арміей. Слухъ о заговорѣ, пишетъ Капелло, дошелъ до герцога Орлеанскаго, который успѣшилъ подѣ-литься имъ съ преданными ему депутатами народной партіи. Ка-пелло передаетъ намъ также о намѣреніи партіи, благоприятной

контръ-революціи окружить Парижъ войсками, прекратить всякій подвозъ хлѣба изъ провинцій, поджечь и разграбить жилища главнѣйшихъ участниковъ революціи, перебить наиболѣе популярныхъ депутатовъ и объявить затѣмъ Національное Собрание закрытымъ. Капелло сообщаетъ все это, какъ слухъ, и не ручается за основательность этихъ опасеній, но онъ весьма рѣшительно высказывается насчетъ факта наложенія значковъ на нѣкоторые дома въ Парижѣ съ вѣроятной цѣлью привлечь на нихъ вниманіе тѣхъ, которымъ будетъ поручено приведеніе въ исполненіе королевскихъ предначертаній.

Чтобы предупредить грозившую ему опасность, Парижъ и пошелъ на Версаль. Такъ какъ общественное мнѣніе, правильно или неправильно, связывало всѣ проекты контръ-революціи съ именемъ королевы, то къ ней и сказалась съ наибольшою силою ненависть толпы. „Да здравствуетъ нація! Поповъ и королеву на висѣлицу“! (*à la lanterne*), таковы были, по словамъ Капелло, крики, раздававшіеся въ толпѣ во все время передвиженія королевской фамилии изъ Версаля въ Парижъ. Показаніе венеціанскаго резидента заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ указываетъ намъ на его источникъ. Папскій нунцій, ничего не зная о томъ, что происходитъ въ Версаль, въ самый день возстанія отправился ко двору. На полу-пути его встрѣтило грозное шествіе. Головы убитыхъ гвардейцевъ представлены были ему на пикахъ, и онъ, по словамъ Капелло, едва не умеръ отъ ужаса при видѣ этого столь неожиданнаго зрѣлища.

Возстаніе 5-го октября, окончившееся полнымъ торжествомъ парижскаго простонародья, перенесеніемъ королевской резиденціи, а съ нею и резиденціи Національнаго Собранія въ столицу, не завершило собою ряда народныхъ волненій. Дороговизна припасовъ и произведенная ею всеобщая задолженность въ средѣ рабочаго населенія продолжали время отъ времени вызывать новые мятежи. Капелло упоминаетъ о нихъ въ своихъ депешахъ ¹⁾, сообщая то о попыткѣ взломать *mont de piété* и унести положенную въ обезпеченіе долга одежду, то объ убійствѣ булочника Франсуа, несправедливо обвиненнаго въ нежеланіи продавать хлѣбъ по положенной таксѣ. Онъ видитъ въ этихъ дѣйствіяхъ проявленіе „той природной жестокости, которой всегда отличались кровожадные галлы“.

„Тщетно, думаетъ онъ, Людовикъ XIV старался привить имъ большую мягкость нравовъ. Этотъ такъ называемый „народъ философовъ“ охотно становится и судьей, и палачемъ“ ²⁾. Безпорядки

¹⁾ Смотри депеши 19 октября 89 года, 9 ноября 89 года и 14 декабря 89 года.

²⁾ Деша отъ 27 октября 89 года.

происходить не въ одномъ Парижѣ, они охватили собою всю Францію. Говоря о мятежѣ въ Тулонѣ, Капелло въ депешѣ отъ 14 декабря спѣшить прибавить: „Нѣтъ возможности сообщить о всѣхъ происходящихъ во Франціи волненіяхъ: они сдѣлались столь же часты, какъ смѣна холода и тепла“. Многіе изъ этихъ безпорядковъ вызваны непосредственно врагами революціи. Считая свободу короля нарушенной, благодаря почти насильственному переселенію его въ Парижъ, многіе депутаты и въ числѣ ихъ Мунье и Далли рѣшили добровольно оставить собраніе и, вернувшись въ среду своихъ довѣрителей, старались всячески возстановить провинціи противъ столицы. Ихъ агитація не прошла безслѣдно и нашла откликъ въ средѣ провинціального представительства и верховныхъ судовъ. Въ Дофинѣ сдѣлана была попытка собрать провинціальныя штаты съ цѣлью противодѣйствія Національному Собранію. Парламенты въ Мецѣ, Руанѣ и Реннѣ высказали нежеланіе вносить новыя декреты въ свои протоколы. Нѣкоторые члены высшаго духовенства также стали открыто высказываться противъ собранія. Епископъ Трегье обратился къ своей паствѣ съ воззваніемъ, въ которомъ объявлялъ всѣ мѣры Собранія ничтожными по существу, такъ какъ утвердившій ихъ король—въ плѣну у революціонеровъ. Епископъ призывалъ народъ къ открытому противодѣйствію, и послушные его голосу крестьяне, при звонѣ сельскихъ колоколовъ, стали собираться на церковныхъ папертяхъ, вооруженные косами и цѣпами ¹⁾. Такимъ образомъ уже къ осени 89 года яро обрисовывались тѣ враждебныя революціи элементы, съ которыми придется сразиться Собранію. Это съ одной стороны—дорожащія своей автономіей провинціи и выступающіе на защиту своихъ старинныхъ вольностей парламенты, а съ другой запуганное отрицаніемъ церковной десятины и предвидящее секуляризацию своихъ земель духовенство. Чтобы сломить ихъ противодѣйствіе, національное собраніе, слѣдуя указаніямъ Сіеса, вводитъ нивелирующее дѣленіе Франціи на департаменты, отминая провинціальныя штаты, закрываетъ парламенты, создаетъ новую избирательную администрацію для общины, округа и департамента и налагаетъ руку на церковныя имущества, объявляя ихъ собственностью націи и опредѣляя взаимнѣ поступившихъ съ нихъ доходовъ годовое жалованье священникамъ и епископамъ. Капелло съ подробностью останавливается на критикѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій. Онъ видитъ въ новомъ департаментскомъ дѣленіи и въ отрицаніи парламентовъ явное нарушеніе историческаго права, въ избирательныхъ органахъ мѣстнаго управленія попытку политическаго дробленія Франціи и переходъ само-

¹⁾ Депеша 29 ноября 89 года.

державія въ руки муниципіи ¹⁾). Говоря о секуляризаціи церковной собственности, запрещеніи монашескихъ обѣтовъ, онъ высказываетъ опасеніе за совершенное ниспроверженіе католицизма во Франціи, благодаря удачнымъ проискамъ кальвинистовъ ²⁾). Многіе, говоритъ онъ, уже открыто высказываются въ пользу протестантизма, находя его болѣе соответствующимъ разуму, и еще большее число не желаетъ никакой религіи. Многіе надѣются, что не позже пяти-шести лѣтъ католицизмъ не будетъ болѣе господствующей религіей, и мѣсто его займетъ кальвинизмъ. Съ ужасомъ сообщаетъ онъ о чудовищномъ успѣхѣ, какой имѣетъ на сценѣ „Французской комедіи“ трагедія Шенье „Карлъ IX“. „Въ ней, пишетъ онъ, явно осмѣивается католическая вѣра, и на сценѣ фигурируетъ въ присвоенномъ ему костюмѣ кардиналъ Лореннскій, дающій благословеніе на истребленіе гугенотовъ. Въ лицѣ кардинала авторъ пьесы соединилъ черты извѣстнаго министра, священника и фарисея“.

Нечего и говорить, съ какимъ недоброжелательствомъ принимаетъ Капелло всѣ мѣры Національнаго Собранія, направленныя къ уравниенію политическихъ правъ сектантовъ съ католиками. По его словамъ оно сдѣлало возможнымъ приобрѣтеніе французскаго гражданства каждымъ, кто готовъ вести публичныя тягости и платить марку серебра прямого обложенія. Для Національнаго Собранія безразлично, кто бы ни былъ этотъ пришелецъ, негръ-ли, турокъ, язычникъ и ворсарь съ береговъ Туниса и Варварійскихъ владѣній. Даже комедіанты, говоритъ онъ, и всѣ, занятые „подлыми“ профессіями, не исключая палача, надѣлены равными съ прочими гражданами избирательными правами, такъ что можно предвидѣть, что нѣкоторые депутаты будутъ принуждены оставлять залу засѣданій, чтобы смѣшнить публику въ роли театралныхъ комиковъ-буффоновъ. Національное Собраніе отсрочило пока рѣшеніе вопроса о правахъ евреевъ; но подъ страхомъ впасть въ противорѣчіе съ собственными мѣропріятіями, оно неминуемо должно признать за ними гражданское равноправіе ³⁾). Въ депешѣ отъ 4-го января 1790 г. Капелло пишетъ: „недовольство, вызванное мѣрами собранія настолько сильно, что со дня на день можно ждать во Франціи контръ-революціи. Противъ собранія стоятъ духовенство, дворянство, парламенты и всѣ тѣ, кого народное представительство возстановило противъ себя отнятою правительственныхъ пенсій. На ихъ сторонѣ — также и часть народа, который ждалъ не вѣсть какихъ благъ отъ революціи и въ

¹⁾ Депеша 14 декабря 89 года.

²⁾ Депеша 9 ноября 89 года.

³⁾ Депеша отъ 28 декабря 89 года.

настоящее время находится въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде“. Пользуясь дарованной собраніемъ свободой печати, которая для Капелло, равнозначительна „свободѣ клеветы“, газетчики и памфлетисты ежедневно забрасываютъ грязью депутатовъ и изданные ими декреты. У самаго входа въ Собраніе продаются эти памфлеты. Въ столицѣ и провинціяхъ анархія въ полномъ ходу. „Потребовалось бы, пишетъ Капелло, цѣлой книги для описанія всѣхъ происходящихъ безпорядковъ; никогда не было въ Парижѣ столько нищихъ и столько воровъ, шайки разбойниковъ вырубаютъ лѣса въ селахъ и сжигаютъ таможенные заставы въ городахъ; въ Эльзасѣ и въ Лотарингіи контрабанда производится открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Одновременно во многихъ мѣстахъ прекратился платежъ налоговъ, и государственная казна со дня на день все болѣе и болѣе пустѣетъ. Такой порядокъ вещей не можетъ держаться безконечно. Провинціи уже прислали въ Парижъ своихъ комиссаровъ въ числѣ двухсотъ человѣкъ съ полномочіемъ слѣдить за дѣйствіемъ Собранія и доводить ихъ до свѣдѣнія избирателей. Они сознали невозможность полагаться во всемъ на „кучку адвокатовъ и страпчихъ“, не имѣющихъ состоянія, неразборчивыхъ на средства и обладающихъ опаснымъ даромъ слова. Все это виѣстѣ взятое заставляетъ Собраніе быть болѣе осмотрительнымъ въ своихъ мѣрахъ. Зная враждебность къ себѣ общественнаго мнѣнія, большинство старается вступить въ соглашеніе съ меньшинствомъ. Уже съ обѣихъ сторонъ назначены лица для веденія переговоровъ. Въ этомъ я вижу единственный залогъ спасенія, пишетъ Капелло въ депешѣ отъ 4 января 1790 года. Оно предвѣщаетъ возможность болѣе умѣренной политики въ будущемъ и толкованія высказанныхъ Собраніемъ крайнихъ принциповъ въ болѣе умѣренной политикѣ въ будущемъ и толкованія высказанныхъ собраніемъ крайнихъ принциповъ въ болѣе примирительномъ духѣ, съ тѣми необходимыми оговорками и измѣненіями, какимъ эти принципы должны подчиниться въ примѣненіи ихъ на практикѣ“.

Удаленіе герцога Орлеанскаго изъ Парижа, подѣ предлогомъ дипломатической миссіи въ Англію не мало содѣйствовало, по словамъ Капелло, возстановленію относительнаго спокойствія; не замѣтно болѣе сходокъ на площадяхъ; въ Пале-Роялѣ не раздаются болѣе тѣ демагогическія рѣчи, которыя еще недавно произносились въ немъ. И центральное правительство, и городская дума приняли мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. По общему мнѣнію Парижъ снабженъ хлѣбомъ на шесть мѣсяцевъ. Трудность положенія происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка финансовыхъ средствъ. Еще въ концѣ ноября начались патріотическія пожертвованія, и члены Національнаго Собранія добровольно сняли съ своихъ башма-

ковъ серебряныя прижки. Но этого, разумѣется, не достаточно для покрытія издержекъ. Голландцы и генуезцы отказываютъ въ займѣ. Швейцарцы предлагаютъ всего на всего милліонъ франковъ, тогда какъ правительство нуждается по меньшей мѣрѣ въ ста милліонахъ на покрытіе однихъ издержекъ ближайшаго года ¹⁾. Недостатокъ средствъ и есть главная причина принятія Собраніемъ мѣръ къ секуляризаціи церковной собственности, которая должна пойти въ обезпеченіе дѣлаемыхъ правительствомъ займовъ изъ *comptoir d'Escompte* ²⁾. Налогъ равный четвертой части ежегоднаго дохода, хотя и установленъ Собраніемъ, но далеко не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, и это потому, думаетъ Капелло, что показаніе дохода предоставлено самимъ плательщикамъ, и каждый, разумѣется, старается скрыть его по возможности. Съ другой стороны обезпеченіе государственныхъ займовъ церковными имуществами не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду трудности реализовать ихъ продажу. Такимъ образомъ вопросъ о банкротствѣ возникаетъ снова. „Оно, пишетъ Капелло 25 января 89 года, произвело бы возстаніе въ столицѣ, но далеко не въ провинціяхъ, которыя доселѣ отказывались принимать правительственныя бумаги. Имѣются даже такія мѣстности, которыя желали бы банкротства и считаютъ его наилучшимъ исходомъ изъ затрудненій. Объясняется это тѣмъ, что однихъ процентовъ по иностраннымъ займамъ Франція платитъ около ста милліоновъ и что при провозглашеніи банкротства исчезнетъ самъ собой этотъ платежъ“ ³⁾. Желаніе укрѣпить довѣріе и тѣмъ самымъ содѣйствовать поддержанію кредита вызываетъ, пишетъ Капелло въ началѣ февраля 1790 г., одинаково въ королѣ и Національномъ Собраніи стремленіе къ соглашенію. Король внезапно является въ Собраніе и, заявляя о своемъ согласіи на новые декреты, въ то же время настаиваетъ на необходимости усиленія исполнительной власти, въ видахъ предупрежденія анархіи и восстановленія правильности налоговыхъ поступленій. „Рѣчь короля, пишетъ Капелло, вызвала не мало аплодисментовъ, но не сопровождалась никакими другими болѣе реальными результатами. Обѣщаніе любить, поддерживать и защищать конституцію вызвало благодарность Собранія, посылку почетной депутаціи королю, иллюминацію города и даже заказъ бронзовой доски, увѣковѣчивающей память о случившемся. Но объ усиленіи исполнительной власти и о восстановленіи порядка въ финансахъ никто не думаетъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Дешеша 29 ноября 1789 года.

²⁾ Дешеша 21 декабря 89 года.

³⁾ Дешеша 25 января 89 года.

⁴⁾ Дешеша отъ 8 февраля 1790 года.

Предложеніе надѣлать короля правомъ издавать общеобязательные административные регламенты, подобные „прокламаціямъ“ англійскихъ правителей, регламенты, которые бы до пересмотра ихъ собраніемъ имѣли силу законовъ, не было принято: исполнительная власть короля не только не была усилена, но еще подверглась значительнымъ ограниченіемъ. Судебная реформа отняла у него право назначенія судей, распространивъ и на нихъ начало избранія, а реорганизація арміи и флота сохранила за королемъ право назначенія лишь весьма небольшого числа высшихъ офицеровъ.

Не смотря на непрекращающіяся возстанія въ провинціяхъ, на ежечасное посягательство на собственность со стороны вооруженныхъ шаяекъ, Собраніе отступаетъ передъ мыслью объ усиленіи исполнительной власти; а между тѣмъ платежъ податей почти прекратился за отсутствіемъ энергичной администраціи и въ виду попустительства со стороны выборныхъ мѣстныхъ органовъ ¹⁾. Въ депешѣ отъ 8-го марта, передавая содержаніе манифеста Неккера къ Собранію, Капелло говоритъ, что до конца года правительству потребуется еще 294 милліона франковъ, которыхъ взять не съ кого. Отчаяваясь въ успѣхѣ, Неккеръ ссылается на разстроенное здоровье и даетъ понять, что онъ поставленъ будетъ въ необходимость отказаться отъ дальнѣйшаго завѣдыванія французскими финансами.

Финансовый комитетъ собранія находитъ преувеличеннымъ требованіе 294 милліоновъ и низводитъ его до 132. Въ то же время онъ отказывается принять предложенные министромъ планы финансовыхъ реформъ, такъ что Неккеру не остается иного пути, какъ исполнить свою угрозу. Говоря о печальномъ концѣ его министерской карьеры, Капелло сообщаетъ о совершенномъ упадкѣ его популярности. Даже друзья его ограничиваются заявленіемъ о честности его намѣреній, соглашаясь въ то же время, что ему не достаетъ той политической прозорливости, которая необходима въ государственномъ человѣкѣ. Последней мѣрой Неккера было требованіе 40,000 милліоновъ на покрытіе издержекъ всего на всего по 1-е мая. Въ концѣ марта, когда заявлено было это требованіе лажъ на золото достигъ уже высоты тридцати су (на двадцать франковъ полтора франка). Собраніе отвѣчаетъ на сдѣланный ему министромъ запросъ установленіемъ ассигнацій, которыхъ рѣшено было выпустить на сумму 400 милліоновъ, обезпечивши ихъ платежъ секуляризированной церковной собственностью ²⁾. До этого времени церковныя имущества только въ принципѣ признаны были достоинствомъ націи; теперь можно

¹⁾ Депеша 1 марта 90 года.

²⁾ Депеша 12 апрѣля 1790 года.

было предвидѣть ихъ близкое поглощеніе съ помощью публичныхъ продажъ. Неудивительно поэтому, если въ самомъ Собраніи нашлось меньшинство въ двѣсти семьдесятъ человѣкъ, составленное изъ духовныхъ и дворянъ, для протеста противъ этой мѣры и если само Собраніе распалось съ этого времени на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ одна, по словамъ Капелло, получила названіе партіи аристократовъ, а другая—партіи бѣшеныхъ.

На югѣ Франціи, въ Нимѣ и Монтобанѣ поддерживаемые эмигрантами безпорядки съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе характеръ религіозной борьбы католиковъ и кальвинистовъ. А тутъ еще ко всѣмъ прочимъ вопросамъ, раздѣлявшимъ собою французовъ, присоединился вопросъ о томъ, оставаться ли Авиньону по-прежнему въ рукахъ папъ или быть присоединеннымъ къ Франціи. Рѣшенію его въ послѣднемъ смыслѣ противорѣчило сдѣланное самимъ собраніемъ заявленіе о томъ, что его отношеніями къ иностраннымъ правительствамъ будутъ руководить впредь стремленіе къ миру и отказъ отъ завоевательной политики. Пришлось поэтому избрать худшую изъ всѣхъ мѣръ — поддерживать тайнымъ образомъ и не жалѣя денежныхъ средствъ революціонныя движенія въ связанной съ Авиньономъ территоріи и подготовить такимъ образомъ инкорпорированіе, оправдываясь народнымъ желаніемъ ¹⁾.

Въ концѣ іюня къ прочимъ причинамъ недовольства присоединилась еще отиѣна дворянскихъ титуловъ и гербовъ. По словамъ Капелло, она вызвала безумную ярость въ средѣ аристократіи и не получила одобренія въ массахъ.

Онъ объясняетъ послѣднее обстоятельство тѣмъ, что не мало рабочихъ находило средства къ жизни въ изготовленіи тѣхъ самыхъ ливрей, ношеніе которыхъ приравнено въ настоящее время къ преступленію. Само Собраніе сознало свою ошибку и съ его согласія, какъ думаетъ Капелло, Неккеръ предложилъ королю отказать декрету въ утвержденіи, но Людовикъ XVI, опасаясь, чтобы его пользование правомъ „veto“ не истолковано было, какъ доказательство оставленной въ его рукахъ свободы, поспѣшилъ дать декрету свою санкцію ²⁾.

Весьма подробно описываетъ Капелло приготовленіе къ „празднику федераціи“ національныхъ гвардій отдѣльныхъ городовъ и провинцій, внезапное возвращеніе герцога Орлеанскаго помимо королевскаго согласія, но съ одобренія Собранія, энтузіазмъ толпы и приниженное положеніе короли, которому не дозволено было занять даже

¹⁾ Денеша 21 іюня 1790 года; 19 и 29 іюля 90 года.

²⁾ Денеша 28 іюня 90 года.

перваго мѣста на этомъ національномъ праздникѣ. „Постановимъ само, что Франція—монархія, Національное Собрание тѣмъ не менѣе сочло возможнымъ предписать, что королю отведено будетъ кресло по лѣвую руку отъ президента, какъ главѣ подчиненной законодательству исполнительной власти“. „Французскіе революціонеры, разсуждаетъ по этому случаю Капелло, постоянно ищутъ создать что-нибудь новое и въ этой погонѣ за оригинальностью не боятся даже сдѣлаться смѣшными“ ¹⁾).

V.

Праздникъ федераціи былъ послѣднимъ изъ тѣхъ революціонныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ привелось быть Капелло. Онъ отозванъ былъ въ концѣ іюля, но прежде, чѣмъ оставить свой постъ, венеціанскій дипломатъ счелъ нужнымъ представить общую картину того новаго положенія, какое создало для Европы государственное потрясеніе во Франціи. Не разъ уже ему приходилось обращать вниманіе сената и инквизиторовъ на тѣ опасности, какими грозитъ всѣмъ государствамъ разливъ революціонныхъ идей. Онъ указывалъ на участіе французскихъ агитаторовъ въ бельгійскомъ возстаніи и такимъ образомъ косвенно подтверждалъ свидѣтельство Іосифа II, объявлявшаго патріотовъ Брабанта обезьянами французовъ ²⁾. Капелло увѣдомлялъ Сенатъ и о мѣрахъ германскихъ владѣтельныхъ князей къ противодействию революціонной агитаціи и о рѣшеніи, принятомъ нѣкоторыми депутатами народной партіи — издать своего рода катехизисъ революціонныхъ принциповъ и перевести его на всѣ языки, не исключая и русскаго. Въ депешѣ отъ 21 іюля 1790 года онъ обращаетъ вниманіе Сената на тотъ космополитическій характеръ, какой агитаторы стараются придать принятымъ Франціей принципамъ, приглашая всѣ націи высказать имъ свое сочувствіе. Съ этою цѣлью, пишетъ онъ, устроено было слѣдующее безумство. „Такъ какъ въ Парижѣ не мало живетъ иностранцевъ, не только родомъ изъ Европы, но и изъ другихъ странъ свѣта, и такъ какъ большинство этихъ поселенцевъ состоитъ изъ неимущихъ бродягъ и лицъ, изгнанныхъ изъ собственной ихъ родины, то рѣшено было повліять на нихъ раздачею денегъ и всякаго рода инсинуаціями и побудить ихъ послать Національному Собранію депутацію, составленную изъ всѣхъ

¹⁾ Депеша отъ 12 іюля 90 года.

²⁾ Мерсу. Correspondence (томъ II, стр. 259). Письмо отъ 3 августа 89 года.

каго сброда. Депутація виразила Собранію сочувствіе по поводу достигнутой революціей свободы и пожеланіе, чтобы всѣ народы міра послѣдовали примѣру Франціи“. Эта мирная демонстрація далеко не вызвала въ Капелло того легкаго отношенія, какое обнаруживаетъ къ ней Моррисъ. Распространеніе яacobинскихъ эмиссаровъ въ Нидерландахъ и Пруссіи въ связи съ заявленіемъ Собранія о безповоротномъ присоединеніи къ Франціи Корсики, временно уступленной ей Генуей въ обезпеченія долга, наконецъ почти явная поддержка авиньонскихъ революціонеровъ побуждаетъ Капелло видѣть въ только что описанномъ имъ „національномъ маскарадѣ“ серьезную угрозу для всѣхъ правительствъ. Въ донесеніи, посланномъ имъ на имя государственныхъ инквизиторовъ, онъ считаетъ нужнымъ предупредить высшую государственную полицію о тайныхъ замыслахъ парижскихъ клубовъ и въ частности о пропагандѣ, организованной „клубомъ 1789 года“, которому онъ присваиваетъ по этому случаю названіе „клуба для пропаганды свободы“ (Club de propaganda libertate). Задача клуба—распространять революціонныя идеи черезъ посредство эмиссаровъ низкаго происхожденія, которые проникаютъ повсюду, во всѣ классы общества и сѣютъ въ подданныхъ недовольство противъ правительствъ. Съ тою же цѣлью клубъ содѣйствуетъ изданію книгъ, пропагандирующихъ ядовитыя ученія о правѣ сопротивленія, о неограниченной свободѣ и равенствѣ. Не мало въ клубѣ депутатовъ Національнаго Собранія, въ числѣ ихъ Лафайетъ, Бальи, Мирабо, Сіесъ и многіе другіе. Многіе члены клуба отправились въ Брабантъ, чтобы содѣйствовать упроченію въ немъ демократіи. Они обѣщали инсургентамъ поддержку Національнаго Собранія, но вскорѣ имъ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ въ виду торжества противниковъ. Въ числѣ ихъ самымъ выдающимся былъ Гюгъ Де Сомонвиль (которому впоследствии пришлось играть видную роль на посту французскаго полномочнаго министра въ Константинополѣ). Подобные же эмиссары тайно дѣйствуютъ въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, Испаніи. Нѣкоторые правительства и во главѣ ихъ испанское, сочли нужнымъ оградить свою страну отъ зловреднаго вліянія французскихъ идей, запретивши входъ въ свои границы всего того, что печатается во Франціи. Мнѣ удалось, пишетъ Капелло, достать одну брошюру, озаглавленную „Донось всѣмъ европейскимъ дворамъ о заговорѣ противъ ихъ спокойствія“. Эта брошюра содержитъ въ себѣ всѣ правила поведенія этого дьявольскаго учрежденія (Капелло разумѣетъ „клубъ 1789 года“). На ряду съ этимъ сообщеніемъ, члены котораго въ конституціонныхъ вопросахъ были всегда сторонниками умѣренныхъ рѣшеній, существуетъ въ Парижѣ другой враждебный ему—„клубъ яacobинцевъ“. Въ немъ дѣйствуютъ братья

Ламэты, герцога Эгильонъ, Барнавъ, Робеспьеръ, Петіонъ, Дюпоръ. Ихъ задачей было лишить короля всякой власти, сосредоточивъ ее всецѣло въ рукахъ Собранія. И тотъ, и другой клубъ имѣютъ своихъ корреспондентовъ и свои мѣстныя подраздѣленія почти во всѣхъ городахъ Франціи. Расходясь во многомъ между собою, всѣ они сходятся въ желаніи приготовить повсюду возстаніе съ помощью печати и подкуповъ. Обоимъ клубамъ надо приписать устройство въ іюнѣ 1790 года вымышленной депутаціи отъ всѣхъ народовъ міра, депутаціи, въ которой многіе явились переодѣтыми въ китайцевъ и арабовъ.

Это сообщеніе настолько обезпекло государственную полицію Венеціи, что преемнику Капелло Пизани приказано было дать новыя и болѣе точныя свѣдѣнія о посылаемыхъ изъ Франціи агитаторахъ; государственные инквизиторы увѣдомляли его одновременно, что до нихъ дошелъ слухъ, будто 150 эмиссаровъ должны быть направлены одновременно изъ Дижона въ Швейцарію и Италію, Испанію, Германію и Нидерланды ¹⁾. Три недѣли спустя тѣ же инквизиторы передаютъ послу, что въ самой Венеціи сдѣлана попытка образовать клубъ по подобію якобинскаго и вступить съ нимъ въ постоянную переписку. Послу поручается узнать имена тѣхъ подданныхъ Венеціи, которые играютъ роль посредниковъ въ этихъ переговорахъ ²⁾. Удовлетворяя этому требованію, Пизани дѣлаетъ новые шаги къ раскрытію тѣхъ тайныхъ путей, какими французскіе революціонеры стараются распространить свои взгляды за-границей. Результаты его разслѣдованія переданы имъ въ депешѣ отъ 20 іюня 1791 года ³⁾. „Общества, которое ставило бы себѣ прямою цѣлью пропаганду революціонныхъ идей за-границей, во Франціи не существуетъ; но изъ этого не слѣдуетъ, пишетъ онъ. чтобы опасность заразы была меньше; напротивъ того, я считаю ее весьма серьезной и прямо отношу къ числу моихъ обязанностей подробное донесеніе вамъ обо всемъ, что въ этомъ направленіи дѣлается во Франціи. Если въ статуты обоихъ клубовъ—якобинскаго и клуба 1789 года—не входитъ прямо требованіе пропаганды, то, съ другой стороны, большое число лицъ, принадлежащихъ къ этимъ клубамъ, доводя свою любовь къ принципамъ свободы до бѣшенства, считаютъ услугою для человѣчества распространеніе повсюду революціонныхъ взглядовъ и призваніе всѣхъ на-

¹⁾ Смотри государственный архивъ въ Венеціи (Inquisitori di Stato Dispacci degli Ambasciatori in Francia).

²⁾ Ibid. Inquisitori di Stato: письмо ихъ къ Пизани отъ 21 января 1791 года.

³⁾ Ibid. письмо 11 февраля 1791 года.

родовъ къ революціи. Многіе въ этихъ видахъ берутъ на себя тайныя порученія за-границей, жертвуя подчасъ собственными деньгами, другіе получаютъ ихъ безъ труда изъ рукъ фанатиковъ. Такъ какъ многіе изъ членовъ обоихъ клубовъ принадлежатъ къ Національному Собранію, то неудивительно, если комитеты послѣдняго не разъ пользовались услугами этихъ эмиссаровъ и получали отъ нихъ донесенія, какъ отъ шпионовъ. О размѣрахъ, какіе приняла пропаганда, можно судить потому, что оба клуба въ Парижѣ въ совокупности состоятъ въ перепискѣ не менѣе, какъ съ двумястами мѣстныхъ клубовъ, не считая еще нѣсколькихъ клубовъ за-границей, въ частности въ Англіи, раздѣляющихъ ихъ принципы (Пизани, очевидно, имѣетъ въ виду „клубъ конституціонный и клубъ друзей революціи 1688 года“). Отъ всѣхъ этихъ клубовъ эмиссары получаютъ рекомендаціи и поддержку. Съ помощью денежныхъ раздачъ самими эмиссарами не мудрено создать себѣ корреспондентовъ между иностранными подданными, тѣмъ болѣе, что между ними не мало также людей, раздѣляющихъ ихъ принципы и готовыхъ помочь имъ всячески. Въ настоящее время дѣло идетъ уже не о простомъ распространеніи фанатическихъ принциповъ, но о подготовленіи непосредственныхъ восстаній противъ отдѣльныхъ правительствъ, въ надеждѣ, что внутренніе безпорядки будутъ служить препятствіемъ къ ихъ вмѣшательству во французскія дѣла“.

Знакомство съ только что приведенными донесеніями раскрываетъ передъ нами причины тѣхъ строгихъ мѣропріятій, какія приняты были въ Венеціи въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей противъ распространенія французскихъ идей, а потому французскихъ журналовъ и брошюръ въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній. Въ обязанности тайныхъ агентовъ и такъ называемыхъ „confidenti“ включенъ былъ надзоръ за прибывавшими изъ Франціи путешественниками. Нѣкоторымъ агентамъ, какъ напр., Domenico Cassoto поручено было съ этою цѣлью вступить въ близкія сношенія съ французскимъ посломъ Лалеманъ, сдѣлаться, такъ сказать, его шпионами, и, пользуясь своимъ положеніемъ, пріобрѣсти возможность почти ежедневнаго увѣдомленія инквизиторовъ о поведеніи посла и его знакомствахъ ¹⁵⁾. Контроля не избѣгли и французскіе эмигранты, привлеченные въ Верону поселеніемъ въ ней графа Прованскаго (будущаго короля Людовика XVIII). По отчетамъ одного изъ „confidenti“, маркиза Агдоло, эти „жертвы революціи“ опасны не менѣе ихъ противниковъ. Ни въ одномъ изъ нихъ, пишетъ онъ, я не нашелъ

¹⁵⁾ Государственный Архивъ въ Венеціи (Riferte dei Confidenti, Busta № 562).

ни настоящего роялиста, ни настоящего якобинца (*convenzionale*). Первыхъ, вѣроятно, вовсе нѣтъ между ними; что же касается до вторыхъ, то если и найдутся какіе, ихъ трудно узнать, всѣ они носятъ маску. Лучшіе изъ эмигрантовъ — необузданные половиты, готовые соблазнить всѣхъ женщинъ ¹⁾).

Надзора требуютъ такимъ образомъ всѣ безъ различія французы, и такъ какъ, по словамъ агентовъ, они большіе любители кофеенъ и охотно заводятъ въ нихъ разговоры о своихъ дѣлахъ, принося съ собою и французскіе журналы, то вскорѣ одной изъ главныхъ заботъ инквизиторовъ и ихъ агентовъ сдѣлались донесенія о лицахъ, посѣщающихъ эти кофейни, и о происходящихъ между ними бесѣдахъ. О характерѣ этихъ донесеній можно судить по слѣдующему образцу. Одинъ изъ „*confidenti*“, Leandro Gambaga доводитъ до свѣдѣнія инквизиторовъ 3 сентября 1793 года, что въ одной тавернѣ (*Osteria della Cerva*) въ Бергамо ему привелось подслушать слѣдующій разговоръ: Ремарини, родомъ венеціанецъ, но женатый на французкѣ, утверждалъ, что въ Парижѣ вполнѣ установилась свобода и въ подкрѣпленіе своей мысли ссылаясь на то, что одинъ знакомый ему священникъ, желая вступить въ бракъ, ограничился тѣмъ, что, подойдя къ „*arbre de liberté*“ (т.-е. къ коммеморативному дереву, посаженному въ память установленія свободы), взявъ въ руку его стволъ. Онъ продолжалъ утверждать, что даже крестьяне и тѣ живутъ во Франціи свободно, не подчиняясь дисциплинѣ и не поставленные въ необходимость трудиться въ потѣ лица; говорилъ онъ также, что Франціи некого бояться и что она можетъ выставить въ поле столько людей, сколько потребуется. Присутствующіе удивлялись такимъ рѣчамъ и по выходѣ Ремарини съ ужасомъ воскликнули: „да вѣдь онъ на-половину якобинецъ“ ²⁾). Подобнаго рода рѣчи не обходились даромъ произнесшимъ ихъ, и въ мемуарахъ современниковъ мы не разъ читаемъ показанія въ родѣ слѣдующаго: сегодня 21 февраля 1793 года въ Падуѣ сбирны въ полдень овладѣли личностью одного еврея, доктора Салона и отвели его въ тюрьму. Не прошло и получаса и мы снова увидѣли его связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Въ этомъ видѣ онъ положенъ былъ въ экипажъ и препровожденъ въ Венецію въ обществѣ сбира. Его виновность очевидна, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что онъ высказывался въ пользу французовъ, и прежде губернаторъ не разъ утѣщалъ его, предсказывая ему его участь. Ходить слухъ, что онъ состоялъ въ тайной корреспонденціи съ Фландріей. Если это правда, то пошли ему Господь заслуженную кару ³⁾).

¹⁾ Ibid. Busta, № 543. Донесенія отъ 27 декабря 1794 года.

²⁾ Referte dei Confidenti. 600.

³⁾ Городская библіотека въ Падуѣ; рукопись, озаглавленная: „Истори-

Одновременно строгія мѣры были приняты противъ всякихъ попытокъ организовать политическіе клубы, и если разрѣшались какія-нибудь сообщества, то чисто литературныя, какъ напримѣръ, тотъ клубъ, который открытъ былъ въ Падуѣ 1 марта 1790 года и получилъ особое разрѣшеніе на выписку нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ ¹⁾. Особенно преслѣдованію подвергнуты были массоны. „Confidenti“ въ числѣ своихъ полномочій считали обязанность доносить имена всѣхъ тѣхъ, кто заподозрѣнъ въ принадлежности къ иностраннымъ ложамъ. Мѣстныя логи были закрыты еще въ 1785 году одинаково въ Венеціи и въ Падуѣ ²⁾. Что касается до газетъ и книгъ, то они подвергнуты были строгой цензурѣ, и особымъ „*rigoratori*“, поставленнымъ надъ падуанскимъ университетомъ, поручено было зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы выходящія въ самой Венеціи или въ подчиненныхъ ей городахъ сочиненія не заключали въ себѣ ничего противнаго законамъ и учрежденіямъ республики, а также не проповѣдывали ложныхъ идей и не относились пренебрежительно къ дѣйствующимъ властямъ въ государствѣ ³⁾. Сами инквизиторы не разъ призывали къ себѣ на судъ лицъ, обвиняемыхъ въ пристрастіи „къ пагубнымъ принципамъ неповиновенія, неограниченной свободы и абсурднаго равенства“. 26 мая 1794 года члены одного сообщества въ Брешии, извѣстнаго подъ наименованіемъ „казино добрыхъ друзей“, обвинены были въ чтеніи иностранныхъ газетъ и взаимномъ поддерживаніи другъ въ другѣ вредныхъ теорій и преступныхъ желаній. Въ числѣ обвиненныхъ мы встрѣчаемъ двухъ графовъ Карло Аричи и Федерико Мазукели. Они заключены были одинъ въ Бергамскую, другой въ Веронскую крѣпости. Остальные подсудимые въ числѣ десяти человѣкъ подвергнуты были кто аресту, кто выговору. Между ними мы встрѣчаемъ и имя будущаго предводителя возстанія въ Брешии, Франческо Гамбара ⁴⁾.

Перваго августа того же 1794 года слѣдуетъ новый приговоръ инквизиторовъ, на этотъ разъ противъ лицъ, позволившихъ себѣ въ Каверзерѣ „въ присутствіи толпы и въ назиданіе неразумнымъ излагать и высказывать сочувствіе французской системѣ свободы и равен-

ческое повѣствованіе о событіяхъ въ Падуѣ съ 1787 по 1794 годъ. Повѣствованіе это принадлежитъ падуанскому жителю Girolamo Polcastro.

¹⁾ Ibid. стр. 24.

²⁾ Смотри Le annotazioni degli Inquisitori di Venezia di Agosto Barzoni.

³⁾ Arch. Stor. Ital. Serie III. Томъ II, часть 1, 1870. Смотри ежегодные отчеты секретарей инквизиторовъ 1793, 1794 и слѣдующихъ годовъ (Арх. Госуд. инкв. 209).

⁴⁾ Barzoni. Выше цитированное сочиненіе, страница 93.

ства. Въ числѣ обвиненныхъ встрѣчается и нѣсколько священниковъ, которыхъ предписано заключить въ монастырь св. Георгія Побѣдоносца въ Венеціи. Шестью днями позже слѣдуетъ новый приговоръ противъ лицъ, открыто проповѣдывавшихъ въ Valdebiade принципы свободы и независимости и искавшихъ приобрести прозелитовъ¹. Виновные, въ числѣ ихъ медикъ, посажены одни въ крѣпость въ Зарѣ, другіе въ „верхнія тюрьмы“, помѣщавшіяся подъ самой крышей палаццо дожей въ Венеціи и извѣстныя подъ наименованіемъ „ріомбі“, отъ свинцовой крыши дворца. Той же участи подвергнуты были, полтора года спустя, 21 мая 1796 г. два венеціанца; обвиненіе на этотъ разъ состояло въ томъ, что они привѣсили тайно ночью къ статуямъ гигантовъ, поставленныхъ на верху главной лѣстницы, ведущей во дворецъ дожей, двѣ прокламаціи, начинавшіяся словомъ „Libertas“¹). Недѣлю спустя инквизиторы присуждаютъ къ десятидневному заключенію въ тѣ же „ріомбі“ лицъ, выражавшихъ публично неодобреніе существующему порядку управленія республикой и признававшихъ желательнымъ ближайшій приходъ французовъ и подчиненіе имъ Бергамо. Наконецъ 31 января 1797 года, состоялся послѣдній приговоръ подобнаго рода противъ одного жителя Вероны, высказывавшаго за нѣсколько мѣсяцевъ до водворенія французовъ свое осужденіе венеціанской администраціи, которую онъ признавалъ тягостной для подданныхъ и пристрастной²).

О томъ, въ какой мѣрѣ всѣмъ вышеизложеннымъ мѣропріятіямъ удалось предотвратить „шедшую изъ Франціи заразу“, можно судить отчасти по донесеніямъ тѣхъ же „confidenti“. При входѣ французскихъ войскъ въ Верону упомянутый выше агентъ маркизъ Агдоло поставленъ былъ въ необходимость заявить, что населеніе не оправдало его ожиданій. Въ кофейняхъ слышатся рѣчи, ничего не имѣющія общаго съ прежними, открыто высказывается сочувствіе принципамъ французской революціи, и на сцену выступаютъ снова франмассоны, существованіе которыхъ Агдоло еще недавно отрицалъ. 29 августа 1795 года confidente сообщаетъ, что въ кофейняхъ не только офицеры, но и лавочники открыто высказываютъ сочувствіе военнымъ успѣхамъ французовъ, называя доброю вѣстью всякое газетное сообщеніе о побѣдѣ „патріотовъ“. „Я жестоко ошибся въ моей оцѣнкѣ, пишетъ онъ; скрытые якобинцы сбросили теперь свою маску и число добрыхъ гражданъ далеко не составляетъ большинства. Простой народъ и духовенство еще придерживаются здравыхъ мыслей, но дворяне,

¹) Ibid. стр. 100 и 101.

²) Ibid. стр. 105.

гражданство, купцы, лавочники всё думают одно и то же и думают скверно, точь-въ-точь французскіе „патріоты“ 1).

Легкость, съ которой произведена была революція въ Бергамо и Брешии, и роль, какую приняли въ ней мѣстные дворяне, въ свою очередь доказываютъ, какъ мало удалось высшей государственной полиціи въ Венеціи воспрепятствовать распространенію демократическихъ идей. Если въ возстаніи Брешии можетъ быть отмѣчено участіе французскихъ войскъ, то того же отнюдь нельзя сказать о бергамской революціи, которая обошлась безъ всякаго иноземнаго вмѣшательства. Это признаютъ и донесенія венеціанскаго резидента въ Миланѣ, Винченци Фоскарини 2). Это же заявлялъ въ своемъ официальномъ отчетѣ и французскій генералъ Ландріе, говоря: „въ Бергамо народъ давно искалъ отдѣлиться отъ Венеціи. Восторженные рассказы французскихъ солдатъ о свободѣ и правахъ человѣка еще усилили въ немъ желаніе независимости“ 3).

Извѣстно, что Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ на островѣ Св. Елены, рѣшительно отклоняетъ всякое участіе въ подстрекательствѣ брешианцевъ къ отложенію отъ Венеціи, ссылаясь на то, что было бы верхомъ безумія устраивать безпорядки въ тылу своей арміи и подвергать себя опасности быть отрѣзаннымъ отъ Ломбардіи на обратномъ пути изъ Тироля. Его показанія сходятся съ тѣмъ объясненіемъ, которое Карно далъ при свиданіи венеціанскому послу Квирини, въ отвѣтъ на обвиненіе французскаго гарнизона въ открытой поддержкѣ мятежниковъ: „Брешианцы увлечены были примѣромъ французовъ, пребываніе въ ихъ средѣ французскихъ ополченій породнило ихъ съ принципами свободы и равенства. Вина такимъ образомъ падаетъ не столько на начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ, давшихъ братскую поддержку своимъ единомышленникамъ, сколько на тѣ принципы, сторонникомъ которыхъ сдѣлался народъ Брешии“. Наконецъ быстрота, съ какой Падуа и Винченца провозгласили свою независимость и разорвали всякую связь съ Венеціей, изъ устъ самихъ венеціанцевъ вызываетъ горестное сознаніе, что хваленая преданность провинцій „мягкому режиму метрополіи“ была не болѣе, какъ обманомъ. „Во всѣхъ подчиненныхъ Венеціи земляхъ, пишетъ братъ Альвизо Квирини, Павелъ, въ частномъ письмѣ отъ 20 мая

1) Государств. Архивъ Венеціи. *Riferte dei confidenti*. 543. Донесенія отъ 25 авг. 1795 года.

2) Донесенія венеціанскаго резидента изъ Милана № 241 (Донесеніе 14 марта 1797 года).

3) *Ibid.* Приложено къ депешѣ отъ 21 марта 1797 года.

4) Депеши Альвизо Квирини къ сенату отъ конца марта и начала 1797 г.

1797 года, обнаруживается рѣшительная ненависть къ венеціанцамъ. Принадлежащее „патриціамъ“ имущество расхищается, въ теченіе столькихъ столѣтій относились мы къ падуанцамъ не какъ къ подданнымъ, а какъ къ друзьямъ. И что же! они изгоняютъ насъ изъ своего города; наши владѣнія и виллы въ Местрѣ, Тревизо и Падуѣ разграблены и разрушены и всѣми овладѣло такое безуміе, что о разрывѣ съ Венеціей говорится, какъ о чемъ-то окончательномъ и безповоротномъ. Падуа уже мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться вторымъ городомъ въ Ломбардіи“ ¹⁾ (послѣ Милана). Такъ пало среди не только всеобщаго равнодушія, но и всеобщаго сочувствія полувѣковое владычество венеціанской олигархіи надъ сѣверо-восточной Италіей. Тщетными оказались всѣ мѣры предупрежденія: цензура, тайная полиція, надзоръ за клубами и мѣстами народныхъ сборищъ и самый даже судъ инквизиціи съ его ссылками въ дальнія крѣпости Далмаціи и заточеніями на островахъ Лидо, въ Веронѣ, Бергамо и подъ раскаленной свинцовой кровлей дворца дожей. Разливъ демократическихъ идей („безумной свободы и абсурднаго равенства“) смылъ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ вѣками сложившійся строй венеціанской олигархіи, несмотря на ея всѣми признанную мудрость и прославленную Монтескье умѣренность въ пользованіи властью. Одинъ свободный отъ прямого обложенія крестьянскій людъ сохранилъ добрую память о Св. Маркѣ и въ числѣ послѣднихъ защитниковъ венеціанской независимости мы встрѣчаемъ и тѣхъ Schiavoni или Славянъ-Далматинцевъ, которые подъ кровомъ Венеціи нашли защиту своей національности и своей гражданской свободы.

Beaulieu, villa Batava
(23) 11 Марта 1890 г.

¹⁾ Biblioteca Quirini Stampalia въ Венеціи, рукопись, помѣченная Cl. VII, cod. 85 и заключающая въ себѣ частную переписку братьевъ Квинини. Томъ I, письмо Paolo Quirini отъ 20 мая 1797 года.

Очерки современнаго историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа.

И. М. Гревса и П. Д. Погодина ¹⁾).

ВВЕДЕНІЕ.

Намъ приходится одновременно проводить значительную часть нашей заграничной командировки въ Парижѣ. Такая жизнь въ продолженіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ въ научной атмосферѣ одного изъ первостепенныхъ культурныхъ центровъ Европы сама по себѣ даетъ множество новыхъ, самыхъ разнообразныхъ и яркихъ впечатлѣній научнаго характера. Они глубоко захватываютъ вниманіе и сообщаютъ немало важныхъ свѣдѣній даже независимо отъ тѣхъ знаній, которыхъ удастся достигнуть въ специальной работѣ. Эти впечатлѣнія воспринимаются съ большею интенсивностью, благодаря тому особенно умственному возбужденію, которое обыкновенно охватываетъ каждого занимающагося любимой наукой въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Но дѣйствуютъ они различно: иногда воодушевляють и поднимають энергію, сразу открывая и освѣщая настоящій путь; иногда приводятъ въ недоумѣніе, наталкивають на затрудненіе, которое нерѣдко трудно бываетъ разрѣшить собственными силами, и тѣмъ задерживають правильный и свободный ходъ работы. Такъ какъ мы работаемъ если не около одного и того же пункта, то на общемъ полѣ исторической науки, то неизбежно встрѣчаемся часто на однихъ и тѣхъ же путяхъ. Занимаясь въ однихъ и тѣхъ же библиотекахъ, посѣщая нерѣдко однѣ и тѣ же лекціи, стараюсь знако-

¹⁾ Введеніе и первый Очеркъ (Парижскій Историко-Филологическій Факультетъ въ Сорбоннѣ) составлены И. М. Гревсомъ, второй (*École libre des sciences politiques*) П. Д. Погодинымъ.

миться и пользоваться вообще всѣми учеными учрежденіями Парижа, которыя могутъ служить пособіями для исторической работы, мы постоянно переживаемъ общія впечатлѣнія. Намъ приходилось не разъ, безъ сомнѣнія, сообщать другъ другу о достигаемыхъ результатахъ, дѣлиться свѣдѣніями и вопросами, общими силами пытаться разбираться затрудненія и отыскивать наиболѣе удобныя средства для ихъ устраненія. Такое общеніе въ научной работѣ часто оказывало каждому изъ насъ существенныя услуги, всегда доставляло цѣнныя указанія. Оно и привело насъ къ мысли, что мы могли бы въ богатой массѣ пережитыхъ впечатлѣній и приобретенныхъ свѣдѣній въ области организаціи научной работы за-границей найти нѣчто интересное и для другихъ. Исходя изъ этой мысли, мы и задумали постепенно сгруппировать имѣющіеся у каждого матеріалъ въ рядъ очерковъ или описаній нѣкоторыхъ изъ ученыхъ и педагогическихъ учреждений Парижа, являющихся тамъ орудіями разработки исторіи, какъ науки, и средствами для полученія и усовершенствованія научно-историческаго образованія. Мы останавливаемся для начала на *описаніи организаціи историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа*. Но предлагая читателямъ „Историческаго Обозрѣнія“ первые опыты такихъ очерковъ, мы находимъ нужнымъ предпослать имъ нѣсколько объяснительныхъ словъ, чтобы показать, какой смыслъ мы имъ придаемъ, кому и какую желали бы оказать ими услугу, какой подать хорошій примѣръ.

Мы имѣемъ въ виду прежде всего интересы тѣхъ, которые, какъ мы теперь, въ ближайшемъ будущемъ отправятся за-границу для научныхъ занятій исторіею. Время заграничной командировки очень важный моментъ въ научномъ развитіи начинающаго русскаго ученаго, часто онъ бываетъ даже рѣшающимъ. Но значеніе его можетъ быть вполне плодотворно только въ томъ случаѣ, если командированный сумѣетъ наилучшимъ образомъ воспользоваться всѣми научными средствами, которыя даетъ Западная Европа для его цѣли, т.-е. какъ для усовершенствованія общаго его историческаго образованія, такъ и для разработки специально изслѣдуемаго имъ пункта. Между тѣмъ добиться возможности цѣлесообразно тратить время, не теряя его бесполезно на розысканіе лучшихъ и наиболѣе подходящихъ условій работы, ему не всегда легко. Командируемый за-границу, обыкновенно очень молодой и во всякомъ случаѣ начинающій ученый, снабжается краткою инструкціею. Она ставитъ ему основную задачу занятій, назначаетъ одно или нѣсколько главныхъ мѣстъ для долгаго пребыванія, указываетъ имена двухъ-трехъ профессоровъ и ученыхъ, лекціи которыхъ ему рекомендуется слушать или высшимъ руководствомъ которыхъ воспользоваться. Обладая такимъ краткимъ

итинераріємъ, молодой ученый является за-границу и сразу попадаетъ въ несравненно болѣе сложную и яркую культурную обстановку, несравненно болѣе напряженно и разносторонне живущую научную среду, чѣмъ та, въ которой онъ привыкъ вращаться на родинѣ. Новыя впечатлѣнія сильно дѣйствуютъ на воображеніе, возбуждаютъ умъ, будятъ дѣятельность. Но они виѣстъ съ тѣмъ и подавляютъ, заставляютъ прежде всего разбросаться и растеряться. Онъ часто не знаетъ, за что взяться сначала, гдѣ прежде всего найти удобную почву для сосредоточенія ума и систематизаціи занятій. Правда, идеальной задачей каждаго командироваемаго было бы на основаніи инструкціи заранѣе разработать планъ поѣздки, опредѣлить въ общихъ чертахъ, въ какомъ порядкѣ передвигаться, сколько гдѣ остановиться, какими библіотеками, архивами, музеями пользоваться, какія лекціи и въ какой связи посѣщать. Но этотъ идеалъ рѣдко можетъ быть осуществленъ на дѣлѣ. Обыкновенно командировка застаётъ отъѣзжающаго среди многочисленныхъ занятій, которыя надо прервать, а хотѣлось бы привести въ какому-нибудь концу. Да и фактически трудно ему узнать заранѣе въ Россіи то, что ему необходимо, о наличности и организаціи лучшихъ орудій и пособій для ученой работы за-границей. Профессора, его руководители, не всегда могутъ намѣтить ему твердую дорогу: они сами въ большинствѣ случаевъ бывали за-границей за много лѣтъ до того, когда посылаютъ туда своихъ учениковъ, а тамъ условія и обстановка работы быстро мѣняется; имъ же трудно и некогда бываетъ за этимъ слѣдить. Взяться же за эту задачу самому, т.-е. изучить самостоятельно заранѣе, какія существуютъ за-границей наиболѣе для него важныя ученныя учрежденія, которыми онъ долженъ больше всего воспользоваться, ему также невозможно. Подходящаго библіографическаго и справочнаго *vade-mecum'a* для научныхъ поѣздокъ за-границу, не только такого образцоваго, какимъ является *Бедекеръ* для туристовъ, но даже и какого бы то ни было, не имѣется. Необходимый матеріалъ разсѣянъ по множеству книгъ, журналовъ, лексиконовъ, энциклопедій и справочныхъ изданій, и его при полномъ отсутствіи у насъ сколько-нибудь хорошо устроенныхъ органовъ біографическихъ розысканій нельзя и собрать въ соотвѣтствующей полнотѣ. Да и вообще такая работа можетъ быть удовлетворительно произведена лишь на мѣстѣ. Такъ что молодой ученый является за-границу съ полнымъ незнаемъ ея научной обстановки, обладая кромѣ инструкціи лишь нѣсколькими, на лету схваченными неопредѣленными совѣтами и указаніями людей, раньше бывавшихъ тамъ, и заранѣе обреченный на ошибки и упущенія.

Единственною помощію въ такихъ необходимыхъ затрудненіяхъ могъ бы служить ему опытъ товарищей-предшественниковъ.

Всѣ командированные должны бы были вести по возможности обстоятельныя записи своихъ впечатлѣній, наблюденій, выводовъ и заключеній, отмѣчая не только то, что они видѣли и дѣлали и чего достигли, но и то, чего они сдѣлать не могли, въ чемъ ошибались, въ чемъ и почему встрѣчали затрудненія. При этомъ имъ необходимо слѣдовало бы набрасывать характеристики различныхъ учреждений, которыя въ однихъ случаяхъ оказывали существенныя услуги различнымъ пунктамъ ихъ работы, въ другихъ являлись неудовлетворительными. Въ этихъ записяхъ они рисовали бы себя работающими въ опредѣленной научной средѣ и испытывающими въ развитіи своего умственного настроенія вліянія ея благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условий. Изъ такихъ замѣтокъ накопился бы весьма разнообразный и очень драгоцѣнный матеріалъ, его можно было бы систематизировать, обрабатывать и публиковать и тѣмъ оказать очень важную услугу лицамъ, о которыхъ мы говоримъ, при ихъ первой оріентировкѣ за-границей и при выработкѣ ими плана занятій.

Очерки, о которыхъ идетъ рѣчь, должны прежде всего имѣть предметомъ описаніе, какъ вообще главнѣйшихъ европейскихъ научныхъ центровъ съ точки зрѣнія ихъ удобства или недостатковъ для ученыхъ занятій, такъ въ частности ихъ научно-образовательныхъ учреждений—университетовъ, академій, специальныхъ ученыхъ институтовъ, обществъ и школъ, библіотекъ, архивовъ, музеевъ, памятниковъ древности и т. д. Описывая учреждения, служащія орудіями для научныхъ изслѣдованій, весьма полезно характеризовать тутъ же лицъ, которыя ихъ создали или для нихъ работаютъ, составляя, такъ сказать, ихъ живую душу. Изложеніе должно быть точно, серьезно и обстоятельно, снабжено тщательными указаніями на литературу, изученіемъ которой можно было бы его развить и дополнить. Но оно не должно носить непременно характеръ учено-критическаго изслѣдованія или теоретически поставленной статьи, а скорѣе имѣть видъ конкретнаго описанія, оживленнаго и окрашеннаго свѣжимъ элементомъ личнаго впечатлѣнія.

Только въ такого рода описательныхъ очеркахъ современной организаціи и постоянного улучшенія учреждений, служащихъ на Западѣ пособіями и органами разработки исторіи, историческаго образованія, а также храненія и изученія памятниковъ старины, можетъ найти человѣкъ, вдушій за-границу на долгій срокъ для работы, нужную путевидную нить. Нужно только, чтобы описанія эти были многочисленны, разнообразны, составлены съ добросовѣстностью,

пониманіемъ и одушевленіемъ, и чтобы они являлись результатомъ коллективной работы цѣлаго ряда лицъ.

Если обычай такого рода работъ установится, и онѣ будутъ возобновляться изъ года въ годъ и особенно централизоваться около одного или немногихъ доступныхъ органовъ, то не только не будетъ такимъ образомъ пропадать безъ пользы для другихъ очень драгоценный индивидуальный опытъ, но постепенно будетъ нарастать и постоянно освѣжаться традиція научныхъ занятій русскихъ за-границею. Тогда попадающій въ сложную заграничную научную обстановку молодой русскій научный работникъ получитъ важную точку отправленія и опоры въ своихъ неопытныхъ начинаніяхъ, будетъ знать, куда ему обращаться, чего искать, чего опасаться и съ чѣмъ бороться. Ему будетъ дано, такимъ образомъ, надежное руководство для организациі труда, а при нынѣшнемъ состояніи науки это одно изъ капиталнѣйшихъ условий успѣха научныхъ изслѣдованій. Опытъ товарищей-предшественниковъ освѣтитъ ему путь, дастъ ясныя практическіе отвѣты, которые ему нужны, но которыхъ онъ нигдѣ сразу иначе не найдетъ безъ очень большого труда. Конечно, всякій серьезный, любящій дѣло и хоть нѣсколько знающій, чего онъ ищетъ, работникъ, съумѣетъ, попавъ за-границу, и самъ постепенно найти всѣ средства, необходимыя для выполненія его задачи; но сколько предстоитъ ему при этомъ утомительныхъ блужданій, раздражающей и бесполезной траты времени, а, можетъ быть, и непоправимыхъ промаховъ. Да и въ лучшемъ случаѣ къ чему же каждому начинать сначала все, что должны были продѣлать работавшіе до него?

Посильный примѣръ подобнаго рода очерковъ мы и хотимъ представить въ нашихъ описаніяхъ историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа. Мы надѣемся и сами продолжить ихъ впослѣдствіи, и вызвать въ другихъ желаніе расширить и улучшить такіе опыты. Мы придаемъ своему изложенію скромную форму описаній и впечатлѣній, стараясь быть, по возможности, полными и обстоятельными, но не стремясь ставить ихъ теоретически и научно. Мы направляемъ свои опыты въ редакцію „Историческаго Обзорнія“, такъ какъ она, думается намъ, должна сочувствовать самой идеѣ, положенной въ ихъ основаніе и только-что намѣченной нами, и такъ какъ напечатанные въ „Историческомъ Обзорніи“, они прямо попадутъ въ руки читателей, которыхъ мы преимущественно имѣли въ виду. Мы обращаемся, повторяемъ, прежде всего къ нашимъ товарищамъ, отправляющимся за-границу для научно-историческихъ занятій, но желали бы вызвать интересъ и сочувствіе также и въ другихъ: въ профессорахъ университетовъ, которымъ близки вопросы объ организациі научнаго преподаванія исторіи и судьбы

исторической науки вообще; въ учителяхъ гимназій, которые могутъ воспользоваться лѣтнею свободою для образовательной поѣздки за-границу; въ студентахъ-историкахъ, приступающихъ къ научнымъ занятіямъ и, можетъ быть, мечтающихъ по окончаніи курса собственными усиліями дополнить свое образованіе за-границей; въ представителяхъ образованнаго общества, увлекающихся движеніемъ западно-европейской науки, желающихъ слѣдить за ея результатами и, по возможности, пользоваться ими. Главное наше желаніе показать пользу такого рода очерковъ для занимающихся и интересующихся исторіею у насъ, найти сотрудниковъ и продолжателей, такъ чтобы постепенно оказалось возможнымъ образовать въ „Историческомъ Обзорѣніи“ постоянный отдѣлъ *Обзоровъ организаціи учреждений, служащихъ на Западѣ органами развитія исторической науки и показателями ея современнаго состоянія и прогресса.*

Начинаемъ мы съ описанія состоянія историческаго преподаванія въ одномъ изъ главныхъ университетскихъ центровъ Европы, такъ какъ имѣть данныя для сужденія объ этомъ вопросѣ съ самаго начала весьма важно для ѣдущаго за-границу съ научною цѣлью: инструкція ставитъ ему обыкновенно двѣ задачи—разработать диссертацию и дополнить свою историческую подготовку слушаніемъ лекцій у лучшихъ профессоровъ.

Что исторія принадлежитъ къ числу наукъ, очень энергично и широко разрабатывающихся во Франціи, доказательствомъ тому служитъ громадная, въ большинствѣ случаевъ „солидная, а часто замѣчательная литература появляющихся тамъ историческихъ сочиненій, цѣлый рядъ очень хорошихъ и важныхъ періодическихъ изданій по исторіи, множество историческихъ обществъ, столичныхъ и провинціальныхъ. Что исторія занимаетъ весьма видное мѣсто въ высшемъ общественномъ образованіи во Франціи, подтвержденіемъ тому является длинный списокъ историческихъ курсовъ, читающихся въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа. Такъ въ *Сорбоннскомъ историко-филологическомъ факультетѣ* (*Faculté des lettres de Paris*) читается около 15 публичныхъ курсовъ по разнымъ отдѣламъ исторіи и ведется еще больше историческихъ семинарій. Параллельно съ факультетомъ исторія, вмѣстѣ съ классическою филологіею, занимаетъ первостепенное мѣсто въ программѣ лекцій *Высшей Нормальной Школы* (*Ecole Normale Supérieure*); ей посвящена значительная часть курсовъ историко-филологическаго отдѣленія, а также и отдѣленія религіозныхъ наукъ въ *Ecole des hautes Etudes*; преподаваніе въ *Ecole des Chartes* также всецѣло историческое, историко-юридическое и

историко-археологическое. Въ числѣ лекцій, читаемыхъ въ *Collège de France*, находимъ опять очень не мало историческихъ. Элементъ исторіи бросается въ глаза и въ росписаніи лекцій въ такихъ болѣе спеціальныхъ школахъ, какъ *Ecole des beaux arts* и *Ecole libre des sciences politiques*. Далѣе въ Парижѣ существуетъ специальная *Историко-археологическая школа (Ecole du Louvre)*; нѣсколько историко-юридическихъ курсовъ читается въ *Ecole de droit*; наконецъ, публичные историческіе курсы учреждены по почину парижскаго муниципалитета въ *Hôtel de Ville*. Судить о достоинствѣ всѣхъ этихъ курсовъ можно, разумѣется, лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ ними; но самая ихъ многочисленность, разнообразіе учреждений, въ которыхъ они ведутся, различіе цѣлей, во имя которыхъ они читаются въ тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, стало быть, разнообразіе ихъ характера,—являются уже симпатичною и оригинальною особенностью, которая даетъ возможность удовлетворять разностороннимъ историческимъ интересамъ, соответствовать самымъ различнымъ вкусамъ, широко вызывать научную инициативу въ учащемся юношествѣ, ставить работу на разныя основанія и двигать ее по всевозможнымъ направленіямъ. Духъ свободнаго разнообразія въ преподаваніи исторіи—великое дѣло для возбужденія и питанія историческаго интереса, поддержанія научной энергіи, развитія историческаго творчества ¹⁾.

Мы останавливаемся для начатія на *Парижскомъ Историко-филологическомъ факультетѣ* потому, что онъ представляетъ изъ себя наиболѣе общеобразовательное изъ учебныхъ заведеній, гдѣ мы находимъ преподаваніе исторіи съ научнымъ характеромъ, и на *Свободной Школѣ Политическихъ Наукъ*, потому что она является особенно оригинальнымъ образовательнымъ учрежденіемъ новаго типа, гдѣ читается цѣлый рядъ очень своеобразныхъ историческихъ курсовъ.

¹⁾ См. о развитіи исторической науки во Франціи за послѣдній періодъ обстоятельную статью парижскаго профессора Габріэля Моно (Monod) въ нѣмецкомъ историческомъ журналѣ *Quidde* — *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 2 Bd. (1889), s. 160 (подъ заглавіемъ: *Die geschichtlichen Studien in Frankreich*).

I.

ПАРИЖСКИЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ВЪ
СОРБОННѢ 3).

1.

Еще не такъ давно (въ шестидесятихъ годахъ) французскіе историко-филологическіе факультеты (*Facultés des lettres*) едва ли заслуживали названія настоящихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Читавшіяся въ нихъ публичныя лекціи, блестящія, построенныя на чисто-ораторскихъ основаніяхъ, не предназначались для студентовъ (таковыхъ совсѣмъ не было), но для неопредѣленной, постоянно мѣняющейся аудиторіи, которую составляли люди обоого пола и самыхъ различныхъ возрастовъ—старики и старухи, юноши и дѣвушки, об-

3) Какъ сказано, данный очеркъ представляетъ лишь группировку личныхъ моихъ впечатлѣній, причемъ я не задавался цѣлью ни научно-критически оцѣнить съ принципиальной точки зрѣнія систему высшаго историческаго образованія во Франціи, ни изложить его исторію. Я старался лишь дополнить свои впечатлѣнія впечатлѣніями другихъ и освѣтить ихъ точками зрѣнія нѣкоторыхъ изъ французскихъ профессоровъ, близко стоявшихъ къ дѣлу университетскаго преподаванія исторіи и его реформы. Указываю нѣсколько статей и работъ, которыми я пользовался, какъ выясняющими пособіями: 1) P. Frédéricq. „L'enseignement supérieur de l'histoire à Paris“ (Rev. intern. de l'ens. 1883, juillet)—прекрасный очеркъ бельгійскаго профессора, изъ котораго я почерпнулъ много фактовъ и указаній; 2) Статьи и рѣчи проф. E. Lavisse, печатавшіяся въ „Rev. intern. de l'enseignem.“, „Revue bleue“ и другихъ журналахъ и собранныя потомъ въ двухъ книгахъ. а) „Questions d'enseignement national“ (Paris, Colin, 1885) и б) „Etudes et étudiants“ (Paris, Colin, 1890), которыя, какъ принадлежащія перу челоуѣка много работавшаго для осуществленія реформы высшаго образованія, превосходно выясняютъ сущность современной системы факультетскаго преподаванія исторіи; 3) Брошюра проф. G. Monod—„De la possibilité d'une réforme de l'enseignement supérieur“ (Paris, Leroux, 1876), также очень интересная и важная; 4) Различныя статьи разныхъ авторовъ и официальные акты, помѣщенные въ различныхъ годахъ „Revue internationale de l'enseignement“. — Кроме того, полезныя данныя относительно послѣднихъ годовъ можно найти въ книгѣ испанскаго профессора Rafael Altamira, „La enseñanza della historia“ (Madrid, Fontanet, 1891). Много цѣнныхъ разъясненій удалось мнѣ также получить въ личныхъ бесѣдахъ съ профессорами, которые съ замѣчательною любезностью давали мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія.

разованные рентьеры, любители наукъ и искусствъ, священники, свѣтскія женщины, наконецъ праздные люди всякихъ категорій. Въ этомъ отношеніи факультетъ тогда ничѣмъ не отличался по общему составу своей аудиторіи и по характеру курсовъ отъ *Collège de France*, о которомъ Мишлэ гдѣ то рассказываетъ интересный анекдотъ, какъ нѣсколько крестьянокъ, возвращавшихся съ рынка, зашли нечаянно на лекцію Эдуарда Кина и подумали, что они въ церкви. Странное это было преподаваніе, къ которому безразлично допускались всѣ желающіе, и въ которомъ лекціи походили на церковныя проповѣди 4). При этомъ надо сказать, что профессора факультетовъ были заняты больше производствомъ всякаго рода государственныхъ экзаменовъ, чѣмъ чтеніемъ лекцій. На экзамены уходило около четырехъ мѣсяцевъ въ году, такъ что за вычетомъ двухъ каникулярныхъ мѣсяцевъ а затѣмъ рождественскихъ и пасхальныхъ праздниковъ, оставалось меньше полугода на годичный курсъ.

Первый изъ французскихъ администраторовъ, который обратилъ вниманіе на ненормальность такого положенія вещей, былъ извѣстный историкъ *Викторъ Дюрюи*, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія при второй имперіи (1863—69 гг.) и оказавшій большія услуги дѣлу организаціи общественнаго образованія вообще. Въ особомъ докладѣ Наполеону III (въ 1868 г.) министръ смѣло и рѣшительно говоритъ 5): „Если факультеты, непосредственно подготовляющіе къ жизненнымъ карьерамъ, какъ юридическій и медицинскій, вездѣ собираютъ вокругъ своихъ кафедръ многочисленное юношество, то напротивъ того, филологическій и физико-математическій (*Facultés des lettres et des sciences*) во многихъ мѣстахъ еле влчатъ существованіе и нигдѣ не группируютъ около себя постоянныхъ и систематически работающихъ студентовъ. Ихъ наполняютъ слушатели различныхъ возрастовъ и жизненныхъ положеній, которыхъ привлекаетъ талантъ преподавателя, но на которыхъ онъ не оказываетъ того продолжительнаго вліянія, каковое необходимо для того, чтобы преподаваніе было дѣйствительно плодотворно... Но высшее образованіе не должно и не можетъ ограничиваться лишь возбужденіемъ интереса къ занятіямъ: оно предназначено въ особенности къ тому, чтобы дать слушателямъ въ руки научные методы и обучить ихъ наукамъ, которыя эти методы создали. Въ Германіи ученые, подобные Бекку, Ритчлю, Велькеру, Ранке и

4) G. Monod. De la possib. d'une réf. de l'ens. sup. p. 26.

5) См. очень интересный сборникъ „Administration de l'instruction publique. Ministère de von Exc. M. V. Durny“. Paris (Delalain), 1870, 8°, 932 стр. (р. 717—719), а также для дополненія „Circulaires et instructions officielles relatives à l'instruction publique. Ministère de son Exc. M. V. Duruy“. Paris (Delalain), 1870, 8°, 716 стр.

Рауверг, читаюг курсы по 8, 10 и даже 12 часовъ въ недѣлю. Эти курсы нисколько не походятъ на тѣ большія, строго обработанныя и тонко отдѣланныя лекціи, которыя требуютъ у нашихъ профессоровъ столько же труда на ихъ приготовленіе, сколько нужно для составленія академической рѣчи. Это спеціальныя детальныя занятія со студентами, которые записываютъ каждое слово учителя, такъ какъ въ каждомъ они находятъ указанія, полезныя для работы. Такимъ образомъ установились въ Германіи серьезныя школьныя нравы въ университетахъ, въ которыхъ мы всегда находимъ для каждой вѣтви человѣческихъ знаній по нѣскольку выдающихся профессоровъ, а вокругъ каждого группируются многочисленныя ученики. Во Франціи же рядомъ съ краснорѣчивыми профессорами, привлекающими въ свою аудиторію сотни слушателей, мы видимъ замѣчательныхъ ученыхъ, у которыхъ часто также мало учениковъ, способныхъ въ послѣдствіи замѣнить ихъ, какъ и критиковъ, умѣющихъ отмѣтить ихъ ошибки, и многимъ каеэдрамъ угрожаетъ остаться пустыни, когда покинутъ ихъ занимающіе ихъ высокіе представители науки, за немѣніемъ въ средѣ малочисленныхъ учениковъ выдающихся учителей, достойныхъ преемниковъ имъ⁶⁾.

Я привелъ подлинныя слова министра въ официальномъ докладѣ главѣ государства, такъ какъ съ одной стороны можно ругаться, что въ нихъ нѣтъ преувеличенія въ худую сторону, а съ другой въ нихъ очень ярко рисуется основной недостатокъ организаціи высшаго факультетскаго образованія во Франціи въ это еще недавнее отъ насъ время. Это были факультеты безъ студентовъ, въ которыхъ произносились краснорѣчивыя рѣчи сгѣшанной публикѣ, но не было чисто научнаго общенія, ученой школы, спеціальной работы учителя съ учениками. Правда, встрѣчались уже и тогда въ нѣкоторыхъ факультетахъ профессора, устраивавшіе рядомъ съ публичными курсами для широкой публики (*grande leçon d'apparat*), спеціальныя лекціи (*petite leçon*). Первымъ, дѣлавшимъ такія попытки, надо назвать извѣстнаго профессора литературы *Сен-Марк-Жирардена*⁶⁾ и особенно филолога *Ежера* (*Egger*), который всегда приглашалъ къ

⁶⁾ „Моя „малая лекція“ въ Сорбоннѣ, говоритъ онъ, отличается отъ „большой“ главнымъ образомъ однимъ: въ первой, которая обыкновенно посвящается чтенію какого-нибудь текста, я работаю передъ глазами своихъ учениковъ и учу ихъ работать; во второй я привожу имъ свою работу уже готовую“. Слова эти я нашелъ въ очень интересномъ отчетѣ вышшняго повечителя Парижскаго учебнаго округа (*Vice-Recteur de l'Académie de Paris*) *Octave Gréard, L'enseignement supérieur à Paris en 1891* Paris (Delalain), 4e, 1892. Въ изложеніи выдающагося представителя современной французской учено-педагогической

себѣ своихъ наиболѣе постоянныхъ слушателей, давалъ имъ совѣты, руководилъ ихъ занятіями, читалъ частныя лекціи на дому и такимъ образомъ обращалъ ихъ въ настоящихъ учениковъ. О *Мишлэ* также говорятъ, что когда онъ преподавалъ въ *Collège de France*, онъ старался всегда окружить себя нѣсколькими постоянно работавшими учениками, съ которыми собственно и занимался. Но попытки эти оставались единичными, въ общемъ же факультетское преподаваніе исчерпывалось чисто ораторскими публичными лекціями-рѣчами 7).

Дюрюи, какъ видно изъ приведенной выписки, хорошо понималъ корень зла и твердо рѣшился начать борьбу съ нимъ, положить основаніе настоящей научной организаціи преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учредить систему правильной научной работы профессоровъ съ постоянными слушателями, создать библіотеки и лабораторіи. Чтобы подготовиться основательно къ предпринимаемому серьезному дѣлу, онъ пожелалъ собрать возможно болѣе полныя и широкія свѣдѣнія о положеніи высшаго образованія за-границею. Французскіе посланники и консулы получили программы вопросовъ, на которые должны были дать подробныя фактическіе отвѣты; посылались для изученія дѣла спеціальныя лица въ разныя страны. Вскорѣ стали прибывать въ министерство отчеты и очерки, между которыми можно найти очень интересныя работы 8). Вся эта предварительная ра-

администраціи мы находимъ много любопытныхъ фактовъ и точекъ зрѣнія по интересующему насъ вопросу.

7) См. выше названную статью P. Frédéricq въ „Revue intern. de l'enseignement“. 1883, t. II, p. 761 (Juillet).—Исключеніе изъ такой общей характеристики надо, впрочемъ, сдѣлать для *Ecole des Chartes*, основанной въ 1821 г. и прочно устроенной въ 1847, гдѣ преподаваніе ведется по строго-научной системѣ профессорами-специалистами, обращающимися къ опредѣленнымъ ученикамъ, которые проходятъ опредѣленный курсъ и обязаны производить опредѣленныя работы. Но она не даетъ широко-историческаго образованія, а является лишь спеціальною школою, подготовляющею архивистовъ-палеографовъ.

8) Таковъ напр. прекрасный этюдъ о Кенигсбергскомъ Университетѣ, принадлежащій перу французскаго вице-консула въ этомъ городѣ, Даза (Dahse). Для изученія нѣмецкихъ университетовъ вообще, а также бельгійскихъ и голландскихъ, былъ спеціально командированъ профессоръ историко-филологическаго факультета въ Дуэ, Карлъ Гиллебрандъ. Результатомъ его поѣздки явилась книга: Karl Hillebrand, „De la réforme de l'enseignement supérieur“ (Paris, Germer-Baillière. 1868, 12°), въ которой рисуется сравнительная картина французскаго и нѣмецкаго университетскаго строя, и ставятся главныя задачи реформы. Далѣе существуетъ также интересный отчетъ Деможо и Монтюси объ изученіи ими Англійскихъ университетовъ (Demogeot et Montucci, „De l'enseignement supérieur en Angleterre et en Ecosse“. Rapport. P. 1870, 8°). См. также отчетъ С. Hippeau, „L'instruction publique aux Etats unis“ (P. 1869, 8°); въ слѣдующіе годы имъ были представлены такіе же отчеты объ организаціи

бота подготовляла реформу высшего образованія. Но главные трудности заключались въ томъ, какъ практически приступить къ ней, какъ тронуть факультеты, большинство профессоровъ которыхъ крѣпко держалось старыхъ порядковъ. Не рѣшаясь идти на проломъ, министръ придумалъ путь, какъ обойти препятствіе: онъ не коснулся факультетовъ, но основалъ рядомъ съ ними *Ecole pratique des hautes études* (1868). Говорить, что при этомъ онъ сказалъ съ тонкою шуткою: „Факультетъ—старая, но еще крѣпкая стѣна, которую я не въ силахъ свалить; но я пошлю въ одной изъ ея расщелинъ Практическую Школу и рассчитываю, что корни молодого растенія проникнутъ въ глубину старой стѣны и довершатъ ея разрушеніе“.

Подробное описаніе историческаго преподаванія въ *Ecole des hautes études* будетъ предметомъ слѣдующаго моего очерка; теперь скажу лишь вскользь, что въ ней дѣлалась первая попытка настоящаго научнаго преподаванія исторіи молодыми профессорами, чуждыми старой рутинѣ, вносившими въ дѣло свѣжій духъ новизны и реформы, новыми идеями и методами, которымъ они выучились за-границей, преимущественно въ Германіи, но въ примѣненіе которыхъ они вносили ту оригинальность и блескъ, тотъ ясный умъ и ту особенную тонкость, не чуждую ни глубины, ни силы, которая всегда характеризуетъ французскій гений. Профессоры обращались тамъ къ опредѣленной аудиторіи студентовъ, записанныхъ и проходящихъ правильный курсъ въ систематической послѣдовательности и посвящающихъ себя научной дѣятельности, для подготовки къ которой они не находили раньше хорошей школы. *Ecole des hautes études* положила основаніе новой эрѣ въ организаціи высшего образованія во Франціи, показала первый весьма удачный примѣръ примѣненія новаго „научнаго“ метода вмѣсто стараго „ораторскаго“ и должны были пробудить въ людяхъ, кому дороги были интересы развитія французской науки, еще болѣе широкую инициативу преобразованія и стремленіе распространить его и на организацію факультетовъ.

2.

Дюрюи не успѣлъ этого сдѣлать⁹⁾; страшное народное бѣдствіе 1870—71 гг. остановило на время реформу. Молодая республика въ первые годы существованія должна была заботиться о другихъ дѣлахъ образованія въ Германіи, Англіи и Италіи; и отчетъ А. Wurms, „*Les hautes études pratiques en Allemagne*“. Р. 1870, 4^о.

⁹⁾ См. краткія данныя о попыткахъ Дюрюи сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и въ организаціи факультетовъ въ книгѣ Lavissee, „*Questions d'enseignement national*“, р. 15.

лахъ, казавшихся болѣе насущными. Но вопросъ долженъ былъ снова возникнуть. Въ министерство Вальона (перв. полов. 70-хъ годовъ) вниманіе высшей администраціи уже обратилось къ факультетамъ. А съ 1875 г. стали раздаваться болѣе смѣлые и рѣшительные голоса съ требованіемъ преобразованія факультетовъ на научныхъ началахъ. Прекраснымъ выраженіемъ и ясною формулою того, чего добивались тогда молодые ученые и профессора, одушевленные стремленіемъ создать для французскаго юношества настоящую научную школу, можетъ служить брошюра Г. Мано, одного изъ дѣятельнѣйшихъ преподавателей *Ecole des hautes études* и сотрудника Дюрюи, точное заглавіе которой я выписалъ выше¹⁰⁾: это былъ, какъ не безъ гордости говорилъ мнѣ самъ авторъ, „первый ударъ колокола, который съзывалъ ученыхъ людей Франціи къ очень важному дѣлу“.

Авторъ прямо и рѣзко заявляетъ, что „во Франціи нѣтъ высшаго образованія“. „Во всѣхъ странахъ Европы, продолжаетъ онъ (стр. 12), кромѣ Турціи и Франціи существуютъ университеты, т.-е. большія научныя учрежденія, въ которыхъ представлены всѣ отрасли человѣческаго знанія. Они содержатся государствомъ, учатъ отъ его имени, но пользуются широкимъ самоуправленіемъ. Въ нихъ избранная часть юношества страны заканчиваетъ свое образованіе, получаетъ одновременно и общую умственную культуру, наиболѣе высокую, и спеціальную подготовку, наиболѣе основательную, и гдѣ необходимо пробыть 3—4 года нетолько, чтобы стать профессоромъ, учителемъ, юристомъ, священникомъ или чиновникомъ, но чтобы заслужить названіе образованнаго человѣка“. Франція, которая еще въ средніе вѣка выработала замѣчательные образцы университетовъ и завѣщала ихъ новой Европѣ, теперь сама все это потеряла. „А между тѣмъ, какъ огромно значеніе хорошо и твердо организованнаго высшаго образованія! Оно даетъ единство народному духу; оно—центръ, около котораго группируется лучшая часть молодости страны, гдѣ она завязываетъ отношенія, которыя сохраняются всю жизнь, гдѣ она учится забывать провинціальную, семейную, партійную, религіозную исключительность, все подчинять идеямъ науки и родины. Это единство духа и настроенія распространяется нетолько на тѣхъ, кто учится въ университетахъ, но и на весь народъ, такъ какъ члены преподавательской корпораціи, получившіе подготовку въ университетахъ, а потомъ разсѣявшіеся по гимназіямъ и учительскимъ школамъ и повсюду въ администраціи народнаго просвѣщенія, приносятъ съ собою идеи и методы высшаго образованія. Научный духъ проникаетъ

¹⁰⁾ „De la possibilité d'une réforme de l'enseignement supérieur“. Появилась первоначально въ „Revue politique et littéraire“ (см. 23 Mai 1874).

такимъ образомъ во всѣхъ слоѣхъ народа.... Научный духъ — это духъ строгаго различенія, глубокой критики, правильныхъ методовъ мышленія; это подчиненіе сужденія фактамъ, тщательно собраннымъ, терпѣливо изученнымъ и разумно сгруппированнымъ; это любовь и исканіе истины и дѣйствительности во всемъ, ненависть къ предрассудку, рутинѣ и фразѣ. Духъ этотъ также необходимъ въ начальномъ и среднемъ, какъ и въ высшемъ образованіи. По степени его распространенія измѣряется умственный зрѣлость страны; свѣтъ этотъ льется сверху изъ университетовъ на народъ, отъ ученыхъ профессоровъ къ учителямъ, отъ нихъ ко всѣмъ. Современное превосходство Германіи (слова эти, нужно помнить, говорились въ 1874 г.) въ этомъ именно и коренится. Ренанъ говорилъ въ 1867 г., что никто иной, какъ именно германскіе университеты одержали побѣду подъ Садовой. Мы знаемъ теперь, увы, другія поля сраженія, гдѣ также побѣдили нѣмецкіе университеты, и гдѣ они возвратили умственное и нравственное единство странъ, въ прошломъ которой мы видимъ матеріальное единство постоянно разбитымъ и историческія традиціи порванными“. Я выписалъ эти слова, несмотря на ихъ специально-французскій патріотическій оттѣнокъ, потому что они проникнуты прекрасною мыслию о первенствующемъ значеніи просвѣщенія вообще и въ частности свободнаго развитія высшаго образованія не только для умственного, но и для нравственного и даже для матеріальнаго развитія страны, для укрѣпленія ея индивидуальности, самосознанія и силы.

Брошюра профессора Моно представляетъ прежде всего попытку объяснить паденіе во Франціи высшаго образованія. Онъ выводитъ этотъ фактъ изъ причинъ историческихъ, отыскивая начало его еще въ до-революціонной Франціи; но онъ касается также причинъ нравственныхъ, кроющихся въ самой жизни современнаго французскаго общества и особенностяхъ національнаго характера француза; и наконецъ матеріальныхъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ недостатками университетской организаціи¹¹⁾. Затѣмъ авторъ строитъ тео-

¹¹⁾ „Нѣкоторые не безъ основанія приписываютъ недостатокъ истиннаго стремленія къ научному образованію во французскомъ юношествѣ необходимою для него какъ можно скорѣе добиться прочнаго матеріальнаго положенія, чтобы обезпечить свое существованіе въ обществѣ, ряды котораго очень сжаты, жизнь дорога, а потребности высоки. Спросите у молодого человѣка, къ какой карьерѣ онъ себя предназначаетъ. Онъ назоветъ ремесло, которое будетъ дѣлать, скажетъ, что онъ будетъ адвокатомъ, учителемъ, торговцемъ. Поставьте тотъ же вопросъ студенту нѣмецкаго университета. Онъ отвѣтитъ вамъ указаніемъ на науки, которыя изучаетъ, скажетъ, что онъ хочетъ быть юристомъ, историкомъ, химикомъ, филологомъ. Развѣ нѣмцы менѣе корысто-

ретиескій планъ реформъ, ставя его на принципиальную почву и охватывая имъ всю систему высшаго образованія. Наконецъ обращаясь къ практической сторонѣ вопроса, онъ указываетъ необходимый немедленный минимумъ реформъ и намѣчаетъ дальнѣйшую ихъ послѣдовательность и конечную цѣль. Я не могу останавливаться на разборѣ взглядовъ Моно, такъ какъ не имѣю въ виду дать очеркъ исторіи высшаго образованія во Франціи или критически разсмотрѣть его съ принципиальной стороны ¹²⁾; но мнѣ нужно упомянуть о главныхъ пунктахъ его практическаго плана реформъ, такъ какъ до известной степени онъ легъ въ основу той организаціи факультетскаго преподаванія, которая дѣйствуетъ теперь.

Для прочнаго обезпеченія коренной реформы высшаго образованія Моно считаетъ безусловно необходимымъ уничтоженіе отдѣльных факультетовъ, разбросанныхъ по многочисленнымъ большимъ и малымъ городомъ Франціи, часто бѣдныхъ и слабыхъ, всегда разобщенныхъ, имѣющихъ жалкое число слушателей и рѣдко оказывающихъ на край сколько-нибудь глубокое умственное вліяніе; они должны быть замѣнены *полными университетами*, которые будутъ учреждены въ главныхъ мѣстахъ въ видѣ большихъ, богатыхъ и могущественныхъ очаговъ высшей умственной культуры. Они должны будутъ обладать самою широкою научною и административною автономіею, правомъ полнѣйшей свободы самостоятельно привлекать къ себѣ преподавательскія силы и полною свободою преподаванія, чисто научнаго, чуждаго какихъ бы то ни было практическихъ цѣлей и дающаго лишь ученныя степени. Университеты эти должны будутъ объединять въ себѣ учащееся юношество страны, независимо отъ происхожденія и взглядовъ, независимо отъ практическихъ расчетовъ на почвѣ безусловно безкорыстныхъ и совѣмъ свободныхъ научныхъ интересовъ. Несомнѣнно, это реформа огромная, которая можетъ быть осуществлена лишь постепенно въ теченіе очень многихъ лѣтъ ¹³⁾; но въ видѣ перваго шага къ ней Моно указываетъ рядъ

любимы, чѣмъ французы? Нисколько! Но условія, среди которыхъ они растутъ—совсѣмъ другія. Для учениковъ нашихъ высшихъ школъ наука представляетъ не что иное, какъ приготовленіе къ экзаменамъ, которые откроютъ имъ доступъ къ профессіи; нѣмецкій студентъ отдается въ университетѣ занятіямъ, въ которыхъ окончательный экзаменъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, и которыя сами въ себѣ имѣютъ смыслъ (Monod, p. 20, 21)“.

¹²⁾ Всѣмъ интересующимся университетскимъ вопросомъ, я очень рекомендую познакомиться съ этой брошюрой. Очень интересно въ ней между прочимъ опредѣленіе *принциповъ университетскаго преподаванія* и той роли которую должны въ обществѣ играть университеты (см. стр. 12 и сл.).

¹³⁾ Она до сихъ поръ не сдѣлалась еще дѣйствительностью. Напротивъ

мѣръ, которыя могутъ быть довольно просто осуществлены внутри факультетовъ при современной ихъ общей организаціи, и уже оказываютъ существенное вліяніе для установленія новаго научнаго духа въ преподаваніи.

„Цѣль высшаго образованія, формулируетъ нашъ авторъ (стр. 30), съ одной стороны развивать и поддерживать вкусъ и традицію безкорыстнаго научнаго изслѣдованія, съ другой—объединять духовныя стремленія народа, являясь центромъ и источникомъ его умственной жизни“. Цѣли эти во Франціи не достигаются въ виду того, что нѣтъ въ факультетахъ ни серіозныхъ студентовъ, ни серіознаго преподаванія. Стало быть, надо дать прежде всего факультетамъ настоящихъ учениковъ. Сдѣлать это возможно, обязавъ всѣхъ юношей, готовящихся къ учительскимъ и профессорскимъ карьерамъ, непременно проходить черезъ факультеты, работая тамъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ подъ руководствомъ профессоровъ ¹⁴⁾,

того, проектъ основанія университетовъ, очень умѣренный и уже утвержденный Палатою Депутатовъ, почти похороненъ Сенатомъ. Такъ что друзьямъ радикальной реформы высшаго образованія, которые были далеко не удовлетворены и самымъ проектомъ, приходится начинать всю борьбу опять сначала. См. объ университетской реформѣ во Франціи книгу L. Liard, „Universités et Facultés“ (Paris, Colin, 1890) и цѣлый рядъ статей въ „Revue internationale de l'enseignement“, „Revue des deux Mondes“ и др. за 1890—91 гг. — Тотъ же L. Liard, который стоитъ теперь во главѣ совѣта по высшему образованію въ Мин. Нар. Просв., предпринялъ обширный трудъ „L'enseignement supérieur en France“. Пока вышло 2 тома (это будетъ историческій обзоръ за столѣтіе 1789—1889).

¹⁴⁾ Нужно замѣтить, что во Франціи далеко не все юношество интеллигентнаго или состоятельнаго класса проходитъ черезъ высшее образованіе. Степень *бакалавра* считается достаточною для допущенія къ очень многимъ общественнымъ должностямъ, и гимназія (лицей) является обычною рамкою, въ которой проходитъ, и которою оканчивается школьная жизнь средняго француза этихъ классовъ. (Нужно, впрочемъ, пояснить, что гимназическій курсъ во Франціи шире и обученіе гораздо лучше, чѣмъ у насъ). Только техническіе процессы, требующіе специальной подготовки, привлекали къ высшему образованію, и потому медицинская и различныя инженерныя школы имѣютъ уже давно многочисленныхъ учениковъ. Для поступленія на нѣкоторые государственныя мѣста требуются спеціальныя экзамены, что заставляло часть будущихъ чиновниковъ посѣщать курсы юридической школы. Но историко-филологическій и физико-матем. факультеты, не подготавливающіе къ жизненнымъ карьерамъ, оставались почти пустыми: во вторые шли, по крайней мѣрѣ, немногіе истинные любители наукъ, первые не представляли интереса и для такихъ исключеній. Гдѣ же готовились къ будущей дѣятельности учителя? Немногіе лучшіе въ Высшей Нормальной школѣ. Большинство нигдѣ. Они пристраивались немедленно послѣ полученія степени бакалавра къ младшимъ классамъ лицей и проходили тамъ пятилѣтній stage въ качествѣ помощниковъ преподавателей или надзирателей, т.-е. брались за дѣло, на которое не были способны,

облегчивъ возможность удовлетворенія этому правилу для бѣднѣйшихъ учрежденій стипендій. Это несомнѣнно повліяетъ и на самый духъ преподаванія. „Факультетскіе профессора, имѣя передъ собою постоянную и серіозную аудиторію, измѣняютъ характеръ своихъ курсовъ: вмѣсто того, чтобы стремиться забавлять или восхищать толпу, они будутъ стремиться учить небольшую группу студентовъ, которые потомъ, ставъ учителями, можетъ быть, администраторами, будутъ вносить въ школу, управленіе и общество научный, серіозный духъ, который воспитаетъ въ нихъ факультетское образованіе“. Вслѣдъ за этимъ должны быть приняты по мнѣнію Моно, и другія мѣры: глубокія измѣненія въ планахъ преподаванія, закрытіе курсовъ для посторонней публики и предоставленіе ихъ записавшимся студентамъ; увеличеніе числа часовъ, отводимыхъ для каждаго курса, измѣненіе ихъ характера въ истинно ученый; увеличеніе числа профессорскихъ кафедръ и широкое развитіе приватъ-доцентуры; свобода выбора для профессора предмета курса, для студента посѣщаемыхъ лекцій; коренное преобразование системы экзаменовъ и освобожденіе университетскихъ профессоровъ отъ ихъ производства. Всѣ эти измѣненія, логически между собою связанныя и вытекающія одно изъ другаго, заканчиваетъ авторъ (стр. 9), должны привести въ концѣ концовъ къ высшей цѣли—т.е. объединенію факультетовъ въ большіе университеты, широко самоуправляющіеся (хотя и вспомошествоваемые государствомъ и находящіеся подъ его наблюденіемъ), одушевленные взаимно духомъ благороднаго и плодотворнаго соревнованія на полѣ служенія наукѣ. А все это въ результатъ подыметъ французскую науку, расширитъ умственное и нравственное развитіе французскаго общества ¹⁵⁾).

Голосъ г. Моно о необходимости серьезной реформы высшаго образованія во Франціи не былъ одинокимъ; онъ собственно даже не подымалъ вопросъ, а только давалъ первое вполне ясное обнаруже-

которое портили и которое деморализовало ихъ и мѣшало основательно готовиться къ будущему экзамену на учительскую степень (нужно напомнить къ тому же, что они нигдѣ не могли найти настоящаго руководства для такого приготовленія). Моно говоритъ объ этомъ съ горечью (стр. 25). Лависсъ приводитъ очень любопытные примѣры того, до какой степени до реформы факультетовъ подготовка учителей была предоставлена случаю („Questions de l'enseignement national“, р. 7—14). Каждому интересующемуся стоитъ прочесть эти страницы, чтобы представить себѣ, какой хаосъ царствовалъ въ организаціи высшаго образованія во Франціи еще недавно, и чтобы еще лучше оценить то благо, которое оказала уже странѣ реформа.

¹⁵⁾ См. послѣдовательное развитіе и аргументацію этихъ мыслей у Моно на стр. 29 и слѣд.

ніе назрѣвшей настоятельной потребности, для удовлетвореніи которой говорили, писали и работали почти всѣ выдающіеся ученые люди Франціи, имѣющіе отношеніе къ высшему преподаванію. Они дѣйствовали словомъ и примѣромъ, работая въ *Ecole des hautes études*, стараясь придать болѣе научный характеръ лекціямъ въ *Collège de France* и въ обоихъ факультетахъ, вліяя на министерство народнаго просвѣщенія своимъ авторитетомъ и личнымъ участіемъ въ совѣтахъ и комиссіяхъ, а также на школьное законодательство. Они сгруппировались вмѣстѣ, чтобы соединить силы и систематизировать трудъ въ особое учено-педагогическое общество—*Société de l'enseignement supérieur*. Оно разрабатывало всѣ очередные теоретическіе и практическіе вопросы, устраивало собранія, давая имъ широкую гласность, дѣйствовало черезъ печать, наконецъ основало свой періодическій органъ—*Revue internationale de l'enseignement* 16). Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ этого чрезвычайно интереснаго (до сихъ поръ существующаго) журнала мы видимъ знаменитыя имена Пастера, Бертело, Поля Бера, Тэна, Фюстель-де-Куланжа, Гастона Париса, Мишэля Бреала 17), Гастона Буассье, Сореля, а также менѣе громкія, но также весьма почтенныя имена Лависса, Моно, Ліара и др. Въ числѣ статей помѣщенныхъ въ немъ въ различные годы, мы находимъ много интересныхъ теоретическихъ, критическихъ, историческихъ и описательныхъ работъ по различнымъ вопросамъ высшаго образованія во Франціи и другихъ странахъ.

Французы по своему національному типу представляютъ много весьма существенныхъ недостатковъ. Однимъ изъ главныхъ является преувеличенное стремленіе общества къ матеріальному наслажденію и легкое подчиненіе большинства рутинѣ, выработаннымъ формамъ. И то, и другое есть обратная сторона вліянія большого богатства съ одной стороны и высокой культуры съ другой. Но эти недостатки, крупные и оттаивающіе, ослабляются тѣми блестящими свойствами ума и характера, которые всегда обнаруживаетъ въ критическіе моменты лучшая часть интеллигентнаго меньшинства: оно всегда умѣетъ понять національную бѣду или ошибку, увлеченъ идеальнымъ стремленіемъ побѣдить сознанное общественное зло, съ пылкою энергією и страстнымъ патріотизмомъ работать для борьбы съ нимъ и успокаивается лишь послѣ уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія зла. У насъ до сихъ поръ многіе склонны смотрѣть на французовъ,

¹⁶⁾ Paris, Masson, 12 книжекъ въ годъ.

¹⁷⁾ См. прекрасныя главы, посвященныя высшему образованію въ двухъ книгахъ. Michel Bréal. 1) *L'instruction publique en France*. P. 1872, и 2) *Excursions pédagogiques*. P. 1882.

какъ на націю, которая бросается, очертя голову, на путь всеобщей ломки и разрушенія. Тѣ, которые посмотрятъ на нынѣшнюю Францію сами, напротивъ того часто удивляются ея консерватизму и рутинерству, о которыхъ я только что говорилъ. На самомъ же дѣлѣ она во многихъ отношеніяхъ даетъ намъ рѣдкій примѣръ страны, въ которой консервативное большинство, цѣлко держащееся старыхъ традицій или приобрѣтенныхъ формъ, постоянно побѣждается вліяніемъ прогрессивнаго меньшинства, понимающаго новыя потребности и выдвигающаго новыя задачи. Такая комбинація общественныхъ силъ ведетъ Францію къ развитію, и можно быть увѣреннымъ, что несмотря на тотъ кризисъ и застой, который она видимо переживаетъ теперь, для нея откроются опять пути разносторонняго и богатаго прогресса. Въ частности въ интересующемъ насъ вопросѣ организаціи общественнаго воспитанія способность современныхъ французовъ къ постоянному прогрессу сказывается очень сильно. Стоитъ вспомнить, что сдѣлано въ послѣдній періодъ ея исторіи послѣ 1870 года для распространенія и улучшенія начальнаго, средняго и высшаго образованія; чтобы согласиться съ этимъ, стоитъ прослѣдить за блестящимъ успѣхомъ французской науки, дабы это стало совсѣмъ очевиднымъ¹⁸⁾, хотя несомнѣнно слѣдуетъ прибавить, что сдѣлать остается еще не мало и въ данной частной области.

3.

Еще въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ въ факультетскомъ преподаваніи все шло по старому. Слова проф. Лависса, который какъ разъ въ это время былъ переведенъ въ Сорбонну изъ Высшей Нормальной Школы, очень ясно выражаютъ, насколько такіе порядки мало удовлетворяли серьезнаго преподавателя. „Я очень живо чувствовалъ честь, которая мнѣ была сдѣлана, говорить онъ; но мнѣ пришлось пережить трудныя минуты въ первые мѣсяцы моего преподаванія въ Парижскомъ историко-филологическомъ факультетѣ. Дѣло происходило во второмъ семестрѣ 1879—80 г. Перенесенный сразу изъ аудиторіи Высшей Нормальной Школы, гдѣ профессоръ живетъ въ тѣсномъ общеніи съ учениками, я чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ въ огромныхъ амфитеатрахъ, гдѣ приходилось теперь читать; и хотъ у меня нѣтъ никакого отвращенія къ публичному слову, хотъ я вовсе не от-

¹⁸⁾ См. для изученія успѣховъ въ организаціи общественнаго образованія во Франціи въ новѣйшій періодъ, прекрасный трудъ Octave Gréard, *Education et instruction*. Paris, Hachette, 1887, 4 v. 16°.

носился съ равнодушіемъ къ обязанности преподавать анонимной аудиторіи, мнѣ все-таки казалось, что жизнь моя лишится чего-то дорогого и высоко привлекательнаго, если я не буду по прежнему тѣсно окруженъ группою молодыхъ головъ, и если для меня потеряна будетъ возможность вызывать въ нихъ то тонкое чувство почтительной привязанности, которое соединяло каждого изъ насъ съ его учителями. Я закончилъ свою вступительную лекцію убѣдительнымъ приглашеніемъ желающихъ изъ моихъ слушателей стать моими дѣйствительными учениками, т.-е. вѣстѣ работать. Никто изъ присутствующихъ не отвѣтилъ на мой призывъ. Это было для меня настоящимъ горемъ. Но такъ и закончился годъ“ 19).

На слѣдующій годъ уже проведена была факультетская реформа. Я буду говорить о ней лишь насколько дѣло относится къ историческому преподаванію и намѣчу ее лишь въ общихъ чертахъ: не выяснивъ нѣсколько ея сущности, нельзя отчетливо описать характеръ современнаго историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ 20).

Надо дать хорошую элементарно-научную школу будущимъ учителямъ и профессорамъ исторіи прежде всего, а также людямъ, которые думаютъ впослѣдствіи посвятить себя специально ученымъ изслѣдованіямъ или даже тѣмъ, которые, предназначая себя общественной службѣ или политической дѣятельности, желали бы получить настоящее научно-историческое образованіе. Такова основная цѣль реформы. „Высшая Нормальная Школа“, благодаря ограниченности состава своихъ учениковъ, не можетъ удовлетворить этой цѣли; гимназическій курсъ, завершаемый государственнымъ экзаменомъ зрѣлости и званіемъ *bachelier ès lettres*, недостаточенъ. Такою школою должны быть историко-филологическіе факультеты. Преподаваніе въ нихъ необходимо слѣдуетъ приспособить къ такой именно цѣли. Факультетскіе курсы должны обращаться къ опредѣленнымъ студентамъ, ищущимъ серьезнаго историческаго образованія и желающимъ пройти основательную школу. Закрыть весь курсъ для посторонней публики

¹⁹⁾ Quest. de l'enseignement national.

²⁰⁾ Познакомиться съ сущностью реформы и ходомъ ея изъ года въ годъ можно, пересмотрѣвъ соотвѣтствующіе годы *Revue int. de l'ens.*, въ которомъ ведется очень обстоятельная хроника учебнаго дѣла, печатаются главные официальные документы и постоянно помѣщаются статьи, выясняющія и комментирующія, а также и подготовляющія реформы и указывается библіографія. Для знакомства съ современною организаціею факультетовъ полезно изданіе министерства „*Annuaire de l'instruction publique pour l'année 1889*“, t. II, а также „*Annuaire de la jeunesse*“, издающіеся ежегодно „*Vuibert*“ (первый годъ 1890) и очень важная справочная книга „*Livret de l'étudiant à Paris*“ (которая съ нынѣшняго года будетъ выходить также ежегодно).

реформа не рѣшалась или не нашла нужнымъ. Значительная часть ихъ остаются публичными (*cours publics*), хотя и они имѣютъ въ виду преимущественно студентовъ, которые составляютъ постоянный контингентъ ихъ посѣтителей. „Такія лекціи, говоритъ Лависсъ (*Questions de l'ens.*, p. 25), полезны для всѣхъ... Это умственная школа, широко открытая и поддерживающая въ обществѣ интересъ къ наукѣ. Они оказываютъ услуги и самому профессору, и студентамъ. Профессоръ въ спеціальному курсу находится въ интимной домашней обстановкѣ, онъ занимается, какъ работникъ, съ своими учениками, обучая ихъ техникѣ дѣла. Публичный курсъ побуждаетъ его искать болѣе совершенной формы, излагать не ходъ своихъ изслѣдованій, а ихъ результаты, хорошо строить цѣлое, заботясь о его гармоніи, группируя матеріалъ, избѣгая загромождающихъ подробностей; онъ долженъ показать въ нихъ студентамъ, что необходимо послѣ долгой подготовительной работы, послѣ того какъ матеріалъ собранъ и изученъ, искусно сгруппировать и обобщить его, выстроивъ изъ него цѣльное зданіе“.

Но рядомъ съ такими публичными курсами, изучающими научнымъ образованіемъ послѣдніе результаты историческихъ изслѣдованій, учреждены были курсы закрытые (*cours fermés, conférences*), къ слушанію которыхъ допускаются лишь записавшіеся (записи, впрочемъ, производятся свободно и буквально) и которые представляютъ собою различнаго рода практическія упражненія (семинаріи) или спеціальную разработку отдѣльных историческихъ вопросовъ, имѣющихъ цѣлю знакомить слушателей съ самыми методами историческихъ изслѣдованій ²¹⁾. Зерномъ *студентовъ* — понятія совершенно новаго въ факультетахъ — должны быть правительственные стипендіаты на учительскія должности ²²⁾; вокругъ нихъ будутъ группироваться ищущіе учительства или профессорства на свой собственный счетъ и далѣе желающіе всякаго рода, стремящіеся къ серьезному историческому образованію и добывающіеся ученыхъ степеней.

Поступать въ факультетъ, т.-е. записываться на спеціальные курсы и допускаться къ университетскимъ экзаменамъ будутъ молодые люди, получившіе по окончаніи гимназіи (*lycée*) званіе *bachelier ès lettres* ²³⁾. Имъ рекомендуется въ теченіе двухъ лѣтъ слушать

²¹⁾ О характерѣ закрытыхъ курсовъ въ ихъ идеѣ см. подробно у Lavissee, *Quest. de l'ens. nat.* p. 50 et suiv.

²²⁾ Такія стипендіи были учреждены первоначально въ министерство Ваддингтона въ 1877 г., потомъ расширены въ первое министерство Жюль Ферри. См. ст. Frédéricq, *Rev. int. de l'ens.* 1883, Juillet, p. 779.

²³⁾ Женщины имѣютъ равныя права съ мужчинами; иностранные дипломы соотвѣтствующаго характера принимаются во вниманіе.

профессорскіе курсы по исторіи, а также по классической и национальной филологіи, литературѣ и философіи, а затѣмъ разрѣшается приступить къ экзамену на степень *licencié en histoire*. Полученіе ея даетъ право готовиться дальше и приступить опять черезъ два года послѣ еще прослушаннаго ряда соответствующихъ, болѣе серьезныхъ и специальныхъ лекцій къ экзамену на степень *agrégé en histoire*, которая представляетъ собою учительскій дипломъ для преподаванія въ среднихъ школахъ ²⁴⁾. Такимъ образомъ нормальный университетскій курсъ для будущаго учителя гимназій является четырехъ годичнымъ; онъ разбивается на двѣ половины экзаменомъ *licence* и заканчивается *agrégation*. Профессорская и учебная карьера проходитъ обыкновенно въ томъ же порядкѣ. Степень „*licencié*“ обязательна для будущаго доктора; но онъ предпочитаетъ также въ большинствѣ случаевъ пройти черезъ „*agrégation*“ (хотя и не обязательно для докторства) и побыть нѣсколько лѣтъ преподавателемъ средне-учебныхъ заведеній, прежде чѣмъ представить двѣ диссертациі, одну латинскую, другую французскую, которыя требуются во Франціи для полученія докторства, и затѣмъ профессуры (Особаго докторскаго устнаго экзамена во Франціи нѣтъ). Правда, законъ не нашелъ возможнымъ запретить кандидатамъ на *licencié* представляться къ экзаменамъ по окончаніи перваго факультетскаго года, а кандидатамъ на *agrégation* послѣ второго, но такъ какъ экзамены эти сложны и

²⁴⁾ Я не могу останавливаться на характеристикѣ и анализѣ состава этихъ экзаменовъ, такъ какъ это не относится прямо къ моей задачѣ, я я боюсь затянуть изложеніе и безъ того черезъ-чуръ разросшееся. Скажу только, что *licence en histoire* есть довольно обширное испытаніе, состоящее изъ многочисленныхъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ, какъ по общимъ (историко-филологическимъ), такъ и по специальнымъ (историческимъ) предметамъ, которые должны дать удостовѣреніе въ степени серьезности общаго высшаго образованія кандидата и его общей способности его къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ низшаго типа (*colléges*). *Agrégation en histoire* есть конкурсный экзаменъ на право преподаванія въ гимназіяхъ (лицеяхъ), для выдержанія котораго требуется показать (опять въ цѣломъ рядѣ письменныхъ и устныхъ испытаній) основательное знакомство съ исторіею и способность, какъ преподавать ее, такъ и производить научныя изслѣдованія. Кромѣ экзамена для полученія степени *agrégé* необходимо представить диссертацию, т.-е. научную обработку небольшой исторической темы. Желające ознакомиться съ вопросомъ подробнѣе могутъ обратиться для общей характеристики экзаменовъ къ статьѣ Fredericq, l. c. p. 778—81, книгѣ Lavissee, Questions d'enseignement nat. p. 28 и къ его же ст. „Le concours pour l'agrégation d'histoire“ въ Rev. int. de l'ens. 1881, t. I, p. 137, Fevr. См. также ст. Geffroy въ Rev. des deux Mondes 1 Déc. 1880. Программы этихъ экзаменовъ, которыя каждый годъ мѣняются, печатаются у книгопродавца Delalain. (Примѣрный образецъ для 1891—92 г. можно найти въ „Livret de l'étudiant de Paris“).

трудны, то можно было думать, что они рѣдко будутъ рѣшаться на такую сложную попытку вопреки факультетской рекомендаціи. Студенты могутъ выбирать лекціи, какія имъ нравятся и проводить ихъ въ той связи и послѣдовательности, которая кажется имъ наиболѣе подходящею. Имъ не навязывается никакая обязательная программа. Чтобы привязать ихъ къ слушанію курсовъ, приучить ихъ къ новымъ университетскимъ порядкамъ, рѣшено было сдѣлать изъ специальныхъ закрытыхъ лекцій занятія, подготовляющія къ лиценціату и агрегации, т.-е. дать имъ практическій интересъ и постепенно подымать научную высоту и серьезность ихъ, не пугая обязанностью.

Таковъ былъ характеръ реформы факультетскаго преподаванія. Она давала студентамъ факультетамъ, она полагала первыя основанія настоящей исторической школы, которую студенты должны были проходить подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, чтобы стать впоследствии историками, т.-е. либо учителями исторіи, либо факультетскими профессорами, либо учеными специалистами. Рядомъ съ кандидатами на учительскія и профессорскія должности приглашались къ слушанію Сорбоннскихъ курсовъ въ дополненіе къ ихъ собственнымъ занятіямъ и воспитанники Нормальной Школы, *Ecole des hautes études* и *Ecole des chartes*, и такимъ образомъ создавалось между ними плодотворное общеніе въ работахъ и взаимная помощь.

Для устройства преподаванія по новому типу потребовалось и новое зданіе, и дѣйствительно заложена была *Новая Сорбонна*, а въ ожиданіи ея возведенія устроены были тутъ же около Старой Сорбонны временныя помѣщенія—бараки (*Nouvelles salles Gerson ou baraquements*). Это было деревянное зданіе легкое, свѣтлое, хорошо вентилируемое, составлявшее рѣдкую противоположность съ громадными, темными, душными и грязными амфитеатрами Старой Сорбонны. Студенты-историки имѣютъ въ немъ аудиторію для курсовъ, прекрасно освѣщенную и удобно устроенную, чтобы слушать и записывать; рядомъ съ нею находилась другая зала для работы: это маленькая бібліотека со всѣми необходимыми руководствами, классическими трудами и справочными изданіями, въ которой студенты могли оставаться для занятій до вечера, и небольшой, но уютный кабинетъ для профессоровъ, гдѣ студенты легко могли найти ихъ и удобно бесѣдовать. „Такимъ образомъ, говоритъ Фредерикъ (р. 763), который посѣтилъ Сорбонну во второй годъ послѣ преобразованія, въ Парижѣ теперь есть также маленькій историческій институтъ, скромно, но разумно обставленный. Мнѣ казалось, когда я вошелъ туда и пробылъ нѣкоторое время, что я нахожусь въ симпатичномъ помѣщеніи Лейпцигскаго историческаго семинарія“. „Студенты, замѣчаетъ Лависсъ (*Quest. de l'ens.* р. 24), могутъ смотрѣть на факультетъ, какъ на свое на-

учное жилище; профессоръ также чувствуетъ тамъ себя дома, ему приятно ощущать себя среди студентовъ, которыхъ онъ знаетъ, съ которыми постоянно работаетъ“.

Реформа, о которой я говорю, была впервые приведена въ дѣйствіе въ 1880—81 учебномъ году. Осенью передъ открытіемъ курсовъ студенты были созваны въ большой амфитеатръ Старой Сорбонны и тамъ послѣ краткаго привѣтствія декана каждое отдѣленіе слушало своего вновь назначеннаго „directeur d'études“. Для историковъ говорилъ Лависсъ. Со свойственной ему глубиной, теплотой и одушевленіемъ онъ разъяснялъ имъ принципы новой системы преподаванія, призывалъ новое университетское юношество къ серьезному труду. Съ этихъ поръ установился между профессорами прекрасный академическій обычай: въ началѣ каждаго года обращаться къ студентамъ съ такими общими „allocutions“, въ которыхъ они выясняли своимъ ученикамъ, что и какъ тѣ должны дѣлать, и къ чему стремиться, что искать въ высшей школѣ, куда они вступаютъ, чего ждать отъ своихъ учителей, какого рода курсы выбирать, въ какомъ порядкѣ и какую при этомъ соблюдать мѣру. Такія слова освѣщали юношамъ дорогу, они ободряли ихъ въ новой обстановкѣ, придавали интимный отбѣсокъ начинающемуся общенію между ними и представителями знанія въ храмѣ науки.

Инициаторы реформы могли радоваться. „Великія надежды возможны теперь, когда мы видимъ въ нашихъ стѣнахъ это юношество, которое заставляетъ молодить Старую Сорбонну“! восклицаетъ Лависсъ²⁵⁾. Положено основаніе серьезной исторической школѣ, которая будетъ принимать въ свои нѣдра любознательное и серьезное юношество, давать имъ солидное историческое образованіе, доставлять Франціи хорошихъ учителей, выдающихся профессоровъ, оригинальныхъ и глубокихъ ученыхъ; а вмѣстѣ съ возрожденіемъ исторической науки будетъ подыматься и національное самосознаніе, и народная мысль. Надобно только, чтобы плодотворный принципъ послѣдовательно и широко развивался по намѣченному направленію“. Статья Фредерика и отчетъ о дѣятельности факультета за 1883—84 г.²⁶⁾ даютъ понятіе о состояніи преподаванія въ самые первые годы послѣ реформы. Я постараюсь показать на основаніи собственныхъ впечатлѣній, насколько оно развилось къ началу 90-хъ годовъ, т.-е. насколько оправдались надежды.

²⁵⁾ См. прекрасную статью его „L'enseignement historique en Sorbonne et l'éducation nationale“ (Rev. des deux Mondes, 15 Fevr. 1882), въ которой онъ задается цѣлью разъяснить публикѣ широкіе принципы и значеніе новой системы факультетскаго преподаванія.

²⁶⁾ Напечатанъ въ Revu intern. de l'enseignem. 1884, Fevr.

4.

Я посѣщалъ лекціи Сорбонны отчасти въ послѣдній семестръ прошлаго, но главнымъ образомъ въ первый семестръ нынѣшняго (1891—92) учебнаго года (надо замѣтить, что первый семестръ начинается въ Парижѣ въ первой половинѣ ноября и оканчивается въ началѣ апрѣля; второй начинается въ концѣ апрѣля и оканчивается въ началѣ іюля). Впрочемъ, семестральное дѣленіе мало имѣетъ значенія, такъ какъ курсы распредѣляются на цѣлый годъ. Я повторялъ посѣщенія по нѣсколько разъ; если характеръ курса не обнаруживался сразу, я дополнял свои впечатлѣнія разспросами профессоровъ и знакомствомъ съ другими подобнаго же рода описательными работами. Я думаю, что составилъ себѣ достаточно вѣрное понятіе о системѣ Сорбоннскаго преподаванія исторіи, и объ особенностяхъ самихъ преподавателей, чтобы рѣшиться подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, что я видѣлъ и старался изучить.

Парижскій историко-филологическій факультетъ помѣщается, какъ сказано, въ Сорбоннѣ, расположенной на склонѣ знаменитой еще въ исторіи стараго Парижа горы Св. Женеьевы, вершина которой увѣнчана теперь Пантеономъ. Старая Сорбонна и соприкасающаяся съ нею новая, открытая въ 1889 г., занимаютъ обширный кварталъ между Rue des Ecoles, Rue St. Jacques, Rue Gerson и Rue de la Sorbonne. На первую улицу выходитъ высокій довольно безвкусный фасадъ новаго зданія съ огромнымъ параднымъ входомъ и неуклюжими пиластрами смѣшаннаго стиля. Черезъ Rue de la Sorbonne вы входите, пройдя низкими воротами, на обширный дворъ Старой Сорбонны. Васъ охватываетъ мирно-благоговѣйное настроеніе. Стѣны стѣны съ старинными окнами глядятъ серьезно. Направо передъ самыми глазами возвышается красивый куполъ старой церкви съ часами, бой которыхъ каждыи четверть часа нарушаетъ покой двора, обыкновенно пустыннаго; изрѣдка лишь раздаются въ немъ звонкіе удары о мостовую ногъ запоздавашаго на лекцію посѣтителя, и только въ перерывахъ между чтеніями дворъ оживляется молодою толпою студентовъ и слушательницъ, сквозь которую пробираются пожилые любители наукъ обоого пола. Прямо напротивъ отъ воротъ находятся входы въ большіе амфитеатры, налѣво подъ прямыми солнечными часами—двери въ университетскую бібліотеку и въ лабиринтъ корридоровъ, соединяющихъ Старую Сорбонну съ новою. Наконецъ въ послѣдней стѣнѣ направо отъ воротъ расположены входы въ Ecole des hautes études.

Подъ воротами расклеены большія афиши съ росписаніемъ лекцій не только Сорбоннскихъ, но вообще всѣхъ государственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа—внѣшній признакъ современнаго сближенія этихъ учебныхъ заведеній вмѣсто прежней ихъ полной разобщенности. На росписаніи лекцій историко-филологическаго факультета мы находимъ длинный списокъ историческихъ курсовъ, читающихся очень многочисленными лицами, которыя названы тутъ вмѣстѣ съ ихъ университетскими званіями—*professeur*, *maître de conférences* (доцентъ), *chargé de cours* (преподаватель), *professeur libre* (привать-доцентъ) ²⁷). Мы сразу замѣчаемъ, сравнивая нынѣшнее росписание съ росписаніемъ начала 80-хъ годовъ, что преподаваніе разраслось и привлекло къ себѣ большія силы ²⁸). Просмотрѣвъ имена профессоровъ, мы не находимъ въ ихъ числѣ ни одного очень громко звучащаго имени, ни одного ученаго таланта первой величины, подобныхъ Ренану, Тэню или Сорелю, которые еще украшаютъ современную французскую науку, или равныхъ по преподавательскому дарованію Фистель де Куланжу, краснорѣчивый и убѣжденный голосъ котораго еще такъ недавно раздавался въ залахъ Сорбонны, приковывая къ себѣ вниманіе многочисленныхъ слушателей. Но всѣ они чрезвычайно почтенные и въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно выдающіеся ученые; между ними нельзя почти найти ни одной посредственности. Словомъ, въ теперешнемъ составѣ профессоровъ исторіи въ Сорбоннѣ мы не можемъ назвать ни одной первоклассной ученой индивидуальности, но средній уровень ученаго достоинства его членовъ очень высокъ.

Буду систематически описывать по порядку читающіеся курсы, кратко характеризую каждого преподавателя, а въ концѣ-концовъ попытаюсь намѣтить общее заключеніе. Но прежде чѣмъ переходить къ изображенію отдѣльныхъ курсовъ, скажу примѣнительно ко всѣмъ вообще, что въ числѣ многочисленныхъ преподавателей факультета нѣтъ ни одного безусловно плохого лектора и можетъ быть названо нѣсколько прекрасныхъ. Даръ хорошаго изложенія есть положительно

²⁷) Всѣ они назначаются министромъ по представленію совѣта факультета (въ Парижѣ всѣ они не только профессора, но и доценты и преподаватели должны имѣть докторскую степень) и отличаются между собою, какъ по получаемому жалованію, такъ и по участию въ факультетскихъ дѣлахъ.

²⁸) Въ 1881 г. было 330 записанныхъ студентовъ филологическаго факультета (см. Gréard, *Educ. et enseignem.* IV, 67); въ 1886 г. число ихъ повысилось до 970 (*Ibid.*); въ 1889 г. ихъ было уже 1200. Въ 1883 г. читалось 15 публичныхъ и закрытыхъ курсовъ по исторіи (*Lavisse, Rev. int. de l'enseignem.* 1884, Fevr.); нынѣшній годъ ихъ читается вдвое больше. Измѣненіе характера преподаванія привлекало студентовъ; увеличившееся число студентовъ требовало приглашенія лишнихъ преподавателей.

прирожденное свойство француза, которое, повидимому, въ большинствѣ случаевъ достается ему безъ большого труда. Мнѣ пришлось слышать и въ Сорбоннѣ, и въ Ecole des hautes études студентовъ, превосходно излагавшихъ свои мысли.

Древняя исторія нынѣ представлена въ Сорбоннѣ двумя лицами—ординарнымъ профессоромъ (professeur titulaire), Бушэ-Леклеркомъ и преподавателемъ (chargé de cours) Гиро (Paul Guiraud).

Первый изъ нихъ читаетъ въ Сорбоннскомъ амфитеатрѣ публичный курсъ *исторіи римской республики въ послѣдній періодъ отъ Суллы до Цезаря*. Это извѣстный своими трудами преимущественно по исторіи древней религіи ²⁹⁾, не старый еще, умный и очень знающій ученый. Какъ лекторъ, онъ принадлежитъ къ числу слабѣйшихъ изъ всѣхъ, которыхъ я слышалъ: говорить вяло, слегка на распѣвъ; постройка лекціи довольно шаблонная, характеристики лицъ нѣсколько блѣдныя, одушевленія мало. Содержаніе курса представляетъ подробное фактическое изложеніе исторіи народа, причемъ внутреннимъ событіямъ отдается важное мѣсто; источники указываются и характеризуются профессоромъ тщательно, такъ что, я думаю, начинающій студентъ, который привыкнетъ къ монотонности изложенія, вынесетъ изъ курса не мало полезнаго. Какъ и всѣ другіе профессора Бушэ-Леклеркъ читаетъ кромѣ публичнаго курса и закрытыя лекціи для записавшихся студентовъ-историковъ. Лекціи эти происходятъ въ залахъ перваго этажа Новой Сорбонны, которая послѣ ея открытія замѣнили въ качествѣ историческаго института временные бараки, описанные мною выше. Въ нынѣшнемъ году онъ посвящаетъ эти лекціи, во-первыхъ, *краткому обзорнѣю греко-римскихъ древностей* для кандидатовъ на *licence*. Оно представляетъ изъ себя не что иное, какъ резюме и разъясненіе его же учебника римскихъ государственныхъ учрежденій ³⁰⁾ съ краткимъ введеніемъ о развитіи государственнаго устройства въ Греціи. Курсъ настолько кратокъ, что, напримѣръ, на одной изъ лекцій, на которыхъ я присутствовалъ, профессору удалось рассмотреть источники римскаго права, начиная съ децемвировъ и кончая Юстиніаномъ. Лекція была ясная, но черезъ-чуръ суммарная. Необходимость такого курса профессоръ мотивировалъ въ бесѣдѣ со мною тѣмъ, что студенты являются въ факультетъ очень плохо подготовленными, такъ какъ въ гимназій они проходятъ древнюю исторію въ среднихъ классахъ, потомъ къ ней больше не возвращаются и страдаютъ отсутствіемъ даже элементарныхъ знаній по

²⁹⁾ Histoire de la divination dans l'antiquité, 4 v. 1879—82 и Les pontifes de l'ancienne Rome, 1871.

³⁰⁾ Manuel des institutions romaines, Paris (Hachette), 1886.

основнымъ вопросамъ. Вотъ почему вѣсто того, чтобы предлагать имъ самостоятельныя практическія занятія, онъ предпочитаетъ читать имъ дополнительный курсъ, который ввелъ бы ихъ понемногу въ серьезное чтеніе по римскимъ и греческимъ древностямъ.

Другой закрытый курсъ Бушэ-Леклерка заключается въ изученіи изъ *Noctes Atticae* Авла Геллія, какъ историческаго источника, для кандидатовъ на *agrégation*. При мнѣ профессоръ комментировалъ самъ отрывокъ, трактующій о римскомъ *protostium*'мъ. Лекція была очень хорошая, основательная и оживленная. Профессоръ сначала прочелъ и отчетливо перевелъ текстъ, потомъ приводилъ, анализировалъ и сравнивалъ мнѣнія различныхъ ученыхъ, преимущественно нѣмецкихъ (Моммзена, Ниссена, Гильберта, также Штудемунда, Детлевсена и др.), относясь къ нимъ съ большимъ уваженіемъ (онъ отличный знатокъ нѣмецкой ученой литературы по древнему міру). и въ заключеніе высказалъ свое обобщающее воззрѣніе, сдержанное, хорошо обставленное, основательно аргументированное. Т. о., лекція представляла интересный научный экскурсъ въ область римской топографіи и первоначальной исторіи. Студенты—ихъ было немного (человѣкъ 8)—слѣдили за изложеніемъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, записывали, предлагали вопросы, на которые профессоръ охотно, обстоятельно и любезно отвѣчалъ, давалъ библіографическія указанія, ставилъ пункты для ихъ самостоятельныхъ работъ. Въ общемъ выходила простая бесѣда слушателей съ профессоромъ, очень полезная для первыхъ, полная важныхъ свѣдѣній для ихъ занятій. Въ концѣ лекціи двое изъ слушателей предложили и были поддержаны остальными—измѣнить характеръ упражненія, т. е. взять на себя подготовленіе къ каждому разу перевода и комментарія, такъ чтобы профессору оставалось лишь дѣлать дополненія и исправленія. Профессоръ охотно согласился, но замѣтилъ съ добродушною ироніею, что опасается, какъ бы при такомъ способѣ занятій не пришлось застрять на мѣстѣ по случаю возможныхъ болѣзней или внезапныхъ отсутствій будущихъ комментаторовъ, и сослался на опытъ прежнихъ лѣтъ, когда онъ велъ курсъ такимъ образомъ и терпѣлъ неоднократныя крушенія. Студенты дали слово быть аккуратными и на слѣдующій разъ, по крайней мѣрѣ, сдержали обѣщаніе: одинъ изъ нихъ весьма удовлетворительно приготовилъ свой отрывокъ.

Второй преподаватель, *Поль Гиро* ³¹⁾, читаетъ въ Новой Сор-

³¹⁾ Авторъ очень хорошаго изслѣдованія „*Les assemblées provinciales dans l'empire Romain*“. Р. 1887 и работающій теперь надъ обширнымъ капитальнымъ трудомъ по исторіи земельной собственности въ древней Греціи, который въ первоначальномъ рукописномъ видѣ уже былъ премиярованъ Академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ.

боннѣ также одинъ публичный и два закрытыхъ курса. Публичный курсъ составляетъ продолженіе начатаго имъ еще въ прошломъ году *Общая обзорнія исторіи Римской Имперіи*, которую профессоръ предполагаетъ довести въ нынѣшнемъ году до смерти Марка Аврелія. Замѣчу кстати, что на всѣ курсы, какъ публичные, такъ и закрытые, всѣ профессора удѣляютъ по одной часовой лекціи въ недѣлю, такъ что надо большое, именно французское умѣніе искусно строить и сжато, и выпукло излагать, чтобы можно было въ такое небольшое время сдѣлать нѣчто цѣльное и значительное. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часовая лекція продолжается въ Парижѣ дѣйствительно 60, а не 40—45 минутъ, какъ у насъ.

Проф. Гиро, молодой еще человѣкъ, однако, съ преждевременно пробивающеюся сѣдиною въ очень черныхъ волосахъ, съ сухимъ энергичнымъ лицомъ южнаго типа и умными, проницательными, нѣсколько суровыми глазами. Читаетъ онъ просто и спокойно, безъ пафоса и ораторскихъ украшеній, опредѣленно и рѣзко. Строить курсъ онъ также въ видѣ фактической исторіи времени, останавливаясь и на внѣшнихъ, и на внутреннихъ событіяхъ войны и мира, жизни государства и общества, религіи и нравовъ. Лекціи носятъ характеръ вполне научнаго руководства по исторіи Римской Имперіи. На одной изъ тѣхъ, которыя я слушалъ, профессоръ говорилъ о послѣднихъ годахъ царствованія Нерона. Изложеніе было пересыпано множествомъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о самостоятельной работѣ и оригинальности взглядовъ ученаго: онъ ясно изображалъ положеніе государства, искусно группируя источники, ярко характеризовалъ и съ большою строгостью судилъ императора, изображалъ бытъ и нравы придворной и аристократической среды, горячо оспаривалъ различныя частныя мнѣнія другихъ ученыхъ. Всѣ лекціи его вообще слушаются съ интересомъ и оставляютъ какое-нибудь новое свѣдѣніе, возбуждаютъ новую мысль. Аудиторія, не очень большая, полна народа: въ числѣ слушателей нѣсколько дамъ и священниковъ.

На специальныхъ лекціяхъ Гиро комментируетъ вновь найденный трактатъ *Аристотеля объ афинскомъ государствѣ* для кандидатовъ на *licence* и ведетъ практическіе рефераты (*leçons*) на разныя темы по древней исторіи для подготовленія къ *agrégation*. Студенты (при мнѣ ихъ было человѣкъ 20) заранѣе готовятъ къ переводу и историческому объясненію небольшіе отрывки текста Аристотеля, профессоръ поправляетъ и дополняетъ. Отношеніе его къ ученикамъ совсѣмъ иное, чѣмъ у предыдущаго. Онъ критикуетъ работу съ большою строгостью, даже придирчивостью, лишь неохотно хвалитъ хорошую и тяжело обрушиваясь на недостатки плохой. Тонъ его обращенія рѣзкій и обыкновенно недовольный; замѣчанія часто колкія.

отвѣты нерѣдко саркастическіе. Такое обращеніе очень странно дѣйствуетъ, когда видишь передъ собою хорошаго профессора, работающаго съ учениками надъ научнымъ вопросомъ, ими самими выбраннымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Гиро можетъ быть очень любезнымъ: въ моихъ сношеніяхъ съ нимъ я лично, напримѣръ, ничего кромѣ самаго милаго вниманія не встрѣтилъ. Правда, онъ говоритъ, что студенты *первыхъ годовъ*—настоящіе школьники, что никакихъ мыслей о наукѣ у нихъ въ головѣ нѣтъ и дальше экзамена никуда не распространяются ихъ стремленія. Мнѣніе это отчасти подтверждаютъ и другіе профессора, но это однако не мѣшаетъ имъ относиться къ студентамъ снисходительнѣе и мягче и достигать хорошихъ успѣховъ въ занятіяхъ съ ними. Что касается до собственныхъ дополненій Гиро къ комментаріямъ студентовъ, то они замѣчательно хороши. Разъ мнѣ удалось слышать, какъ онъ, ставъ на мѣсто одного изъ своихъ молодыхъ учениковъ, неудачно выполнившихъ задачу, началъ самъ разбирать отрывокъ Аристотеля: изъ его глубокихъ, умныхъ и тонкихъ замѣчаній выстраивалась реальная картина политической и соціальной жизни Аѳинъ въ началѣ II в. и превосходное объясненіе возвышенія Солона и характеръ его власти.

Рефераты, о которыхъ я только что сказалъ, представляютъ у г. Гиро отвѣты на различныя темы по древней исторіи. Я присутствовалъ при разборѣ однимъ изъ кандидатовъ на званіе *agrégé* одной изъ рѣчей Лисія, на мой взглядъ живо и обстоятельно составленномъ и недурно изложенномъ устно по конспекту. Но профессоръ все же отнесся къ работѣ чрезвычайно строго и объявилъ автору, что туманность (*la confusion*) составляетъ отличительную черту его мышленія. Профессоръ сообщилъ мнѣ заглавіе нѣсколькихъ подобнаго рода работъ по римской исторіи, которыя онъ предложилъ студентамъ въ нынѣшнемъ году. Привожу ихъ, чтобы дать понятіе о предметахъ такихъ практическихъ упражненій: 1) Этруски, 2) Римскій домъ, 3) Римское государственное устройство по Цицерону, 4) Сципіонъ Африканскій, 5) Изучить по рѣчамъ Цицерона противъ Верреса судебную организацію въ Сициліи, 6) Верцингеторикъ, 7) Изучить по Тациту отношеніе Тиберія къ Сенату, 8) Организація Нарбоннской Галліи въ I в. по Р. Хр., 9) Палатинъ и императорскій дворъ въ первомъ вѣкѣ, 10) Политическіе процессы при Троянѣ по Плинію, 11) Игры въ Римѣ во время имперіи, 12) Епископская власть въ IV в., 13) Стилихонъ.—Какъ видно, темы разнообразныя, но не всегда опредѣленныя (какъ понимать, напр., тему объ Этрускахъ?). Я спрашивалъ профессора, какія задачи онъ ставитъ даннымъ работамъ. Общюю цѣлью является подготовка къ тѣмъ устнымъ отвѣтамъ-урокамъ, которые составляютъ главное испытаніе въ кон-

курсѣ на *agrégation*. Работы эти имѣютъ въ виду либо дать упражненіе въ анализѣ какого-нибудь одного текста, либо научить извлекать изъ нѣсколькихъ матеріалъ для освѣщенія историческаго вопроса, либо разработать какой-нибудь пунктъ по пособіямъ, либо наконецъ изложить какой-либо вопросъ чисто популярно. Знанія литературы вопроса для такого рода работъ профессоръ не требуетъ, глубокое научное изученіе не ставитъ условіемъ. Иногда даже, имѣя въ виду нужды гимназическаго преподаванія, къ которому готовятся кандидаты, онъ предлагаетъ имъ приготовить рефератъ почти экспромптомъ—въ недѣлю времени. Все это придаетъ работамъ, часто не безынтереснымъ, школьный характеръ, чуждый настоящей научности.

Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году читается два публичныхъ курса по древней исторіи и оба посвящены исторіи Рима, причемъ лишь въ практическихъ занятіяхъ греческая исторія занимаетъ мѣсто. Это обстоятельство является послѣдствіемъ той разобщенности профессоровъ, которая вытекаетъ изъ самой бюрократической организаціи факультетовъ, изъ отсутствія у нихъ обычая и дѣятельнаго желанія коллективно обсуждать всѣ мелочи факультетской жизни и сообща разрабатывать ежегодное распредѣленіе курсовъ, сообщая ему разносторонность и полноту. Нужно, впрочемъ, сказать, что проф. Гиро обыкновенно читалъ, до сихъ поръ, греческую исторію и опять вернется къ ней, когда окончитъ свое обзорнѣе исторіи Римской имперіи.

Недостатокъ самостоятельнаго курса по исторіи Греціи нѣсколько возмѣщается интереснѣйшимъ курсомъ по исторіи греческаго искусства проф. Колинъона (*Maxime Collignon*). Талантливый и краснорѣчивый лекторъ, глубокий и основательный ученый, бывшій ученикъ французской аѳинской школы, издавшій нѣсколько прекрасныхъ популярныхъ руководствъ и специальныхъ ученыхъ трактатовъ по археологіи, проф. Колинъонъ читаетъ въ нынѣшнемъ году исторію монументальной скульптуры въ Греціи. Когда я былъ у него на лекціи, онъ говорилъ въ необыкновенно изящной формѣ, съ большою научною полнотою и художественною тонкостью о фронтонахъ Парѳенона, иллюстрируя свою рѣчь туманными картинками. Нѣсколько странно было сидѣть въ университетской аудиторіи, полной разнообразной публики, и чувствовать себя вдругъ погруженнымъ въ полумракъ, слышать лишь голосъ профессора и видѣть кончикъ его палочки на освѣщенномъ экранѣ, на которомъ отпечатывались одна за другою чудныя фигуры фронтоновъ, но конкретная ясность, художественная полнота впечатлѣнія отъ этого увеличились. Нужно сказать вообще, что художественная археологія одна изъ тѣхъ отраслей исторической науки, которая особенно подходитъ и особенно удается французскому гению.

Кромѣ публичнаго курса проф. Колинъонъ читаетъ еще для студентовъ практическій курсъ о греческой вазовой живописи и разбираетъ ихъ спеціальныя работы по археологiи. Для занятій классическою археологiею мало-по-малу составляется въ Новой Сорбоннѣ школьный музей, состоящій изъ книгъ, рисунковъ, атласовъ, снимковъ и образцовъ, которыми студенты могутъ пользоваться съ разрѣшенія профессора; но пока онъ находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Если присоединить къ описаннымъ чисто историческимъ и археологическимъ курсамъ курсы по исторiи греческой и римской литературы, между профессорами которыхъ находятся такіе талантливые преподаватели какъ *Decharme* и *Croiset*, то можно сказать, что классическій міръ вполне достойно представленъ въ росписаніи историческихъ лекцій въ Сорбоннѣ.

Перехожу къ *средне-вѣковой исторiи*. Въ настоящее время она находится въ рукахъ двухъ выдающихся преподавателей — *Люшэра*, занимающаго кафедру въ качествѣ ординарнаго профессора, и *Ламуа*, которому поручено веденіе курсовъ по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ (*sciences auxiliaires d'histoire*).

Первый извѣстный ученому міру прекрасными изслѣдованіями по исторiи Франціи временъ первыхъ Капетинговъ ³²⁾, одинъ изъ лучшихъ представителей современной французской исторической школы, сосредоточиваетъ свои чтенія преимущественно на второй половинѣ среднихъ вѣковъ (*Le bas moyen âge*).

Такъ два года тому назадъ онъ читалъ прекраснѣйшій курсъ по исторiи городовъ ³³⁾. Нынѣшній годъ публичный курсъ его, читающійся, къ сожалѣнію, въ старо-сорбонскомъ амфитеатрѣ, очень неудобномъ для спокойнаго слушанія и особенно для записыванья, посвященъ *Исторiи церковныхъ учреждений во Франціи въ періодъ странныхъ Капетинговъ*. Первая бросающаяся въ глаза внѣшняя особенность профессора — холодная сдержанность и корректность во всемъ, въ лицѣ, костюмѣ, манерахъ, изложеніи. Молодое еще, довольно полное и румяное лицо его съ жидкой остроконечной бородкой, высокимъ лбомъ и рѣдкими гладко причесанными волосами всегда спокойно и безстрастно. Онъ говоритъ не очень громко, но отчетливо произнося слова. Дикція его хороша въ смыслѣ ясности, но немного непріятна сухостью основнаго тона и страдаетъ недостаткомъ оттѣнковъ и от-

³²⁾ *Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens*, 2 ed. P. 1891, 2 v. и др.

³³⁾ Курсъ этотъ напечатанъ въ 1890 г. подъ заглавіемъ „*Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs*. Paris (Hachette).

существом увлеченія. Но, когда вслушаешься въ содержаніе, эти особенности пропадаютъ, такъ какъ невольно подчиняешься внутренней стройности лекціи. Каждое слово имѣетъ удивительную силу и говорится съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ какъ является результатомъ личнаго самостоятельнаго изслѣдованія. Слушая, видишь передъ собою несомнѣнно крупную ученую силу. Одна изъ лекцій, которыя мнѣ удалось слушать, была посвящена характеристикѣ сельскаго духовенства въ средніе вѣка (le curé de paroisse). Я рѣдко слышалъ такое умное и глубокое, такое стройное и уравновѣшенное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое реальное, живое историческое изображеніе. Сельскій священникъ вполне рельефно представлялся въ изложеніи профессора, и не только какъ учрежденіе въ его отношеніи къ церкви, государству и обществу, но и какъ единичное лицо въ его постоянныхъ столкновеніяхъ съ разнаго рода лицами прихода, какъ господами, такъ и крестьянами. Я искренне жалѣлъ, что время не позволяло мнѣ слушать профессора Люшера систематически, такъ какъ убѣжденъ, что знакомство съ его курсомъ въ его цѣломъ въ высшей степени полезно и поучительно.

Спеціальныя курсы Люшера менѣе хороши по замыслу, хотя очень интересны по исполненію. Оба состоятъ изъ рефератовъ на отдѣльныя очень разнообразныя темы по средневѣковой исторіи, выбранныя самими студентами и нисколько не систематизированныя: въ этой безсистемности главный недостатокъ постановки практическихъ упражненій у Люшера. Разница между обоими курсами заключается лишь въ томъ, что кандидаты на agrégation готовятъ работы въ видѣ устныхъ лекцій, которыя тутъ же разбираются профессоромъ, а кандидаты на licence пишутъ работы, которыя предварительно разсматриваются профессоромъ, потомъ читаются и разбираются на лекціи. Въ противоположность Гиро, который не считаетъ нужнымъ давать ученикамъ систематическую литературу вопроса и часто довольствуется анализомъ одного лишь текста, Люшерь сообщаетъ своимъ слушателямъ-спеціалистамъ и всѣ главные источники по вопросу, и основную библіографію, предоставляя имъ такимъ образомъ разобраться въ немъ. При мнѣ одинъ изъ будущихъ agrégés излагалъ сущность религіозной политики Филиппа Красиваго. Работа была весьма хорошая, очень недурно изложенная, основанная на первоисточникахъ и на критическомъ изученіи литературы, сжатая, ясно построенная, съ хорошо соразмѣренными частями и опредѣленными заключеніями. Профессоръ слушалъ внимательно, постоянно отмѣчая перомъ приходившія ему въ голову мысли. Послѣ окончанія чтенія онъ высказалъ нѣсколько умѣренныхъ похвалъ и обратился къ аудиторіи, состоявшей человѣкъ изъ 20, съ просьбою сдѣлать за-

мѣчанія о прочитанномъ. Всѣ говорили вполне свободно и очень охотно. Одинъ, почти пожилой аббатъ энергично отстаивалъ правоту папы. Профессоръ очень терпимо руководилъ преніями, возражалъ мягко, съ обычною сдержанностью, но дружественно и всегда соблюдая уваженіе къ говорящему. Работа виѣстъ съ учениками, видно, нѣсколько развѣтывала его замѣнутую виѣшность, интересовала и занимала его. Въ концѣ бесѣды онъ резюмировалъ ее, воздавъ должное и референту, и оппонентамъ. Получилась привлекательная картина серьезной общей работы. Слушатели этихъ лекцій, которые составляютъ высшую категорію постоянныхъ студентовъ Сорбонны (*candidats à l'agrégation*), производятъ впечатлѣніе основательно занимающихся людей. Въ противоположность студентамъ первыхъ годовъ, очень юныхъ, между которыми попадаются совсѣмъ дѣтскія лица, они взрослые и солидны, многіе изъ нихъ уже преподають или преподавали; между ними постоянно попадаются открытыя, тонкія, мыслящія лица, въ нихъ часто видны будущіе выдающіеся научные работники или педагогическіе дѣятели.

Я присутствовалъ еще при чтеніи также весьма хорошаго очерка средневѣковой схоластической философіи въ XI и XII вв., представленнаго однимъ изъ кандидатовъ на *licence*. Одобряя работу, Люшэръ даже на минуту вышелъ изъ своей обычной сдержанности, очевидно, желая поддержать юношу, справившагося съ нелегкою задачею. Аудиторія была полна цѣлою толпою совсѣмъ молодыхъ, очень внимательно слушавшихъ людей. Они записали продиктованный планъ реферата и заносили замѣчанія, которыя на слѣдующій разъ высказывали въ видѣ вопросовъ или возраженій. Любезно приглашенный профессоромъ въ его кабинетъ послѣ одной изъ лекцій, я попросилъ у него нѣсколько разъясненій по поводу прослушанныхъ курсовъ. Я указалъ ему на то, что спеціальныя курсы, на мой взглядъ, слишкомъ привязаны къ экзаменамъ, и что это лишаетъ ихъ значительной доли научности, свободы и разнообразія. Онъ съ этимъ согласился, сказавъ, что здѣсь, въ Сорбоннѣ, настоящей науки нѣтъ, а есть лишь элементарная подготовка къ ней. Отчего же, прибавилъ я, профессора не попробуютъ эмансипировать себя отъ экзаменовъ, не объявляютъ курсовъ виѣ рамокъ практическихъ упражненій и толкованія текстовъ, назначенныхъ для экзаменовъ. Онъ отвѣтилъ, что никто на такія лекціи не пойдетъ, что духъ студентовъ не наученъ, а утилитаренъ. При этомъ онъ сослался на своего товарища, Ланглау, который объявилъ курсъ виѣ экзаменной программы и не имѣетъ слушателей.

Съ большимъ интересомъ пошелъ я на лекціи Ланглау, чтобы посмотреть, какъ ставитъ онъ спеціальныя курсы, свободныя отъ

экзаменовъ, и убѣдиться, насколько вѣрно только - что приведенное замѣчаніе Люшера. Профессоръ *Ланглюа*, бывшій воспитанникъ *Ecole des Chartes* и *Ecole des hautes études*, лишь третій годъ преподаетъ въ Сорбоннѣ, гдѣ онъ замѣнилъ очень выдающагося ученаго, *Жири*, который создалъ тамъ катедру средневѣковой палеографіи и дипломатики ⁸⁴). Но онъ съ честью справляется съ нелегкою задачей. Онъ читаетъ три курса, всѣ закрытые. Первый, на который я попалъ, былъ курсъ *средневековой археологіи*. Онъ представляетъ нововведеніе, которымъ факультетъ обязанъ инициативѣ профессора Ланглюа, и который читается первый годъ ⁸⁵). Маленькая аудиторія полна народа (все мужчины, вообще на специальныхъ лекціяхъ почти не видно дамъ). Профессоръ, живой и подвижный человѣкъ, совсѣмъ молодой съ умными и быстрыми глазами, говоритъ о различныхъ видахъ орнаментации—скульптурной и полихромической въ готическихъ краскахъ и о постепенномъ развитіи ея типовъ; говоритъ медленно, почти диктуетъ, изложеніе постоянно прерывается демонстраціею рисунковъ. Содержаніе лекціи довольно интересное, но вполне научное, живое и тонкое; оно обнаруживаетъ въ профессорѣ и большія знанія, и хорошій художественный вкусъ, и любовь къ предмету. Лекція постоянно переходитъ въ бесѣду, простую и пріятную. Студентамъ предлагаются вопросы, на которые они отвѣчаютъ обыкновенно съ знаніемъ дѣла. Видно, что курсъ интересуетъ ихъ, и что они надъ нимъ работаютъ не безъ усердія. Слѣдующая лекція посвящена была характеристикѣ распространенія готическаго стиля по Европѣ и также дополнялась демонстрированіемъ рисунковъ. Съ наступленіемъ теплаго времени года профессоръ будетъ устраивать систематическія экскурсіи въ Парижъ и окрестностяхъ для изученія на мѣстахъ памятниковъ и музеевъ.

Обида слушателей на лекціяхъ Ланглюа по средневѣковой археологіи опровергается или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ мнѣніе Люшера. Курсъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ экзаменамъ, а между тѣмъ охотно посѣщается и вызываетъ работу. Правда, что на другихъ двухъ курсахъ Ланглюа (на которые собственно и намекалъ Люшера) по *средневѣковой палеографіи, дипломатики и хронологіи* и по *латинской литературѣ XI и XII вв.*, также очень хорошихъ, солидныхъ и интересныхъ, я засталъ лишь по нѣскольку слушателей, но самый предметъ ихъ таковъ, что можетъ привлечь лишь людей,

⁸⁴) См. въ ст. Frédéricq (Rev. int. de l'ens. 1883, Juillet, p. 785) весьма похвальный отзывъ о преподаваніи Жири въ Сорбоннѣ.

⁸⁵) См. статью Langlois объ идеѣ и программѣ этого курса въ „Revue politique et littéraire“, 1891, 7 Novembre.

прямо отдавшихъ себя ученымъ изслѣдованіямъ, а такихъ всегда немного. Но и этимъ немногимъ лекціи по такимъ спеціальнымъ предметамъ, читающіяся съ тѣмъ талантомъ и знаніемъ дѣла, какіе вносятъ въ нихъ проф. Ланглуа, принесутъ весьма важную пользу, а это все, на что можетъ рассчитывать профессоръ, избирающій своею спеціальностью готовить будущихъ ученыхъ изслѣдователей, научая ихъ владѣть необходимыми орудіями работы. Примѣръ профессора Ланглуа показываетъ, что можно отрѣшиться отъ экзаменовъ, читать курсы свободные и чисто научные и имѣть слушателей, что, стало быть, нужны лишь знанія, талантъ и энергія, чтобы улучшать преподаваніе. Это дѣло профессоровъ, они должны подымать студентовъ къ себѣ, а не спускаться къ нимъ или пассивно ждать, пока уровень студентовъ повысится самъ собою.

Для новой исторіи (*histoire moderne*) Сорбонна имѣетъ трехъ преподавателей—*Лемонье*, временно замѣняющаго *Лависса*, *Бертольда Зеллера* (*Zeller*) и *Пижонно* (*Pigeonneau*).

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось слышать *Лависса*, котораго привыкъ уважать за его книги, посвященные вопросамъ организациі высшаго образованія, за его прекрасныя рѣчи и обращенія къ студентамъ и вообще за его энергическую работу въ дѣлѣ преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній Франціи. Онъ уже третій годъ не читаетъ лекцій, находясь во временномъ отпуску. Отсутствие его представляетъ пробѣлъ въ историческомъ преподаваніи парижскаго историко-филологическаго факультета, такъ какъ онъ одинъ читалъ курсы, посвященные исторіи Германіи. Фредерикъ въ своей статьѣ объ историческомъ преподаваніи въ Сорбоннѣ въ началѣ 80-хъ годовъ очень сочувственно говоритъ о немъ. Заимствую у него характеристику Лависса для полноты описанія. „Я присутствовалъ, рассказываетъ бельгійскій профессоръ (стр. 784), на нѣсколькихъ дѣйствительно превосходныхъ лекціяхъ г. Лависса о Франціи и Германіи въ средніе вѣка. На одной изъ нихъ онъ немногими живописными, отчетливыми, смѣло набросанными штрихами характеризовалъ Филиппа Августа и Людовика Св., приводя постоянно отрывки изъ современныхъ имъ источниковъ. Другой разъ онъ быстро эскизировалъ роль аристократическихъ собраний во Франціи до XIII в. и горячо рекомендовалъ слушателямъ заняться этимъ, еще неизслѣдованнымъ вопросомъ, приводя въ примѣръ нѣмецкую науку, которая уже давно съ большимъ упорствомъ расчищаетъ дебри своего средневѣковья. Наконецъ я прослушалъ двѣ лекціи, въ которыхъ профессоръ изображалъ борьбу Германіи съ венграми и славянами въ первую по-

ловину исторіи средних вѣковъ. Онъ постоянно отсылалъ слушателей къ текстамъ старыхъ хроникъ и къ трудамъ лучшихъ нѣмецкихъ историковъ. Это были элементарныя чтенія, имѣвшія въ виду подготовку слушателей къ aggrégation. Но сколько оригинальныхъ взглядовъ высказывалось профессоромъ на каждомъ шагѣ въ его блестящемъ изложеніи, отличающемся удивительною сжатостію, опредѣленностью, ясностью, твердостью, которое нерѣдко еще окрашивалось неожиданно остроумнымъ сближеніемъ, ироническимъ замѣчаніемъ, яркою подробностью, брошеною по пути громкимъ и звучнымъ голосомъ съ заразительнымъ убѣжденіемъ и одушевленіемъ. Студенты, число которыхъ колебалось между 30 и 50, слушали съ почти страстнымъ вниманіемъ и тщательно записывали слова учителя. Кромѣ того, Лависсъ читалъ исторію образованія прусскаго государства, и Фредерикъ, можетъ быть, не безъ преувеличенія, называетъ его лекціи лучшими историческими лекціями въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ это очень даровитый профессоръ, хотъ и не первоклассный ученый: „Его знанія, его сильный характеръ, выдающійся профессорскій талантъ, его преданность ученикамъ дѣлаютъ изъ него душу начавшагося движенія, которое, я увѣренъ, заканчиваетъ Фредерикъ, будетъ имѣть рѣшающее значеніе на развитіе историческаго знанія во Франціи“. Я слышалъ, что съ будущаго года г. Лависсъ вернется къ преподаванію, но будетъ читать уже не средневѣковую, а новую исторію.

Пока вмѣсто него читаетъ въ нынѣшнемъ году Лемонье, посвящая свой публичный курсъ *Исторіи отношеній между искусствомъ, идеями и нравами во Франціи въ XVII и XVIII вв.* По своей вышности онъ настоящая противоположность Люшэру. Это совсѣмъ еще молодой блондинъ съ свѣтлыми улыбающимися глазами, необыкновенно подвижнымъ, добродушнымъ и привѣтливымъ лицомъ. Самое движеніе, съ которымъ онъ входитъ и кланяется, самая манера его держать себя непринужденно и просто и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно, самый голосъ его, мягкій и задумчивый, придаетъ лекціи его характеръ живой и располагающей интимности. Его много слушаютъ: онъ говоритъ, увлекаясь и бессознательно старается привязать аудиторію къ предмету, къ которому самъ очевидно относится съ любовью. Изложеніе его такъ и свѣтится одушевленіемъ, оно полно отгѣнковъ, согрѣто теплыми тонами, не чуждо и сильныхъ чертъ, но совсѣмъ чуждо фразы и ложнаго пафоса. При нѣмъ онъ говорилъ о Пуссенѣ, и лекція являлась изящнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующемъ и о большихъ знаніяхъ профессора (онъ раньше преподавалъ въ Ecole des beaux arts), и о томъ, что онъ подходит къ предмету съ оригинальными приемами, тонко анализируетъ матеріалъ и выводитъ изъ него

самостоятельныя заключенія, и о томъ, что онъ умѣетъ внести въ группировку фактовъ своеобразную идею, оживить ихъ симпатичнымъ настроеніемъ, дать слушателямъ не только новыя свѣдѣнія, но и возбудить въ нихъ работу нравственной мысли. Слушатели награждаютъ его одушевленными аплодисментами.

Практическіе курсы Лемоннье также очень интересны и не лишены своеобразности. Для кандидатовъ на *licence* онъ читалъ первое полугодіе специальный курсъ по исторіи судебныхъ учреждений въ средневѣковой и новой Франціи до революціи, а затѣмъ предложилъ слушателямъ рядъ специальныхъ работъ по исторіи Парижскаго парламента. На чтеніи одной изъ такихъ работъ—о несѣтельности членовъ парламента—я имѣлъ случай присутствовать. Работа была очень обстоятельная и добросовѣстная, но написанная по недостаточно ясному плану и довольно плохо изложенная. При разборѣ ея профессоръ обнаружилъ тѣ же привлекательныя свойства серьезнаго ученаго, способнаго преподавателя и симпатичнаго человѣка. Разборъ его можетъ служить образцомъ научно-методологическаго упражненія; обращеніе его со студентами, при большой строгости требованій и критики, также подходитъ къ той серьезной близости на почвѣ научно-педагогическаго труда, которая должна быть идеаломъ отношеній между учителемъ и учениками, и которая сильно способствуетъ не только нравственному, но и научному вліянію перваго на вторыхъ. Кандидаты на *agrégation* готовы для Лемоннье специальные рефераты-лекціи по вопросамъ новой и новѣйшей исторіи самаго разнообразнаго содержанія.

Не задерживаясь долго на характеристикѣ курсовъ *Зеллера* и *Пижонно*, какъ не отличающихся выдающимися достоинствами. Первый изъ нихъ читаетъ дополнительный курсъ по исторіи *Европы въ концѣ XVII и въ XVIII в.*, который не представляетъ ничего особеннаго: онъ и не очень обстоятеленъ, и довольно блѣденъ; интересенъ онъ тѣмъ, что захватываетъ собою кромѣ Франціи и другіе европейскія страны, впрочемъ, изложеніе кратко и шаблонно. Онъ ведетъ кромѣ того практическія занятія для подготовки къ экзаменамъ (между прочимъ, комментируетъ мемуары Бассомпьера).—Курсы втораго, которые также не могутъ быть названы выдающимся по достоинству, тѣмъ интересны, что они сосредоточиваются на экономической исторіи. Онъ читаетъ въ нынѣшнемъ году исторію Французской колонизаціи и торговли во время реставраціи и исторію экономическихъ доктринъ въ первую половину XIX в. и руководить практическими упражненіями. Оригинальностью и свѣжестью точки зрѣнія курсы его не отличаются, хотя даютъ много фактовъ.

Но мнѣ хочется сказать нѣсколько болѣе обстоятельныхъ словъ о

нынѣшнемъ представителѣ катедры *исторіи Французской революціи*, спеціально учрежденной въ Сорбоннѣ на средства города Парижа, профессоръ Оларъ (*Aulard*).

Главный редакторъ хорошаго издающагося въ Парижѣ спеціального историческаго журнала *La révolution française*, авторъ одного обширнаго труда и нѣсколькихъ мелкихъ изслѣдованій по исторіи революціи и издатель многочисленныхъ источниковъ для исторіи этого періода, профессоръ Оларъ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ современныхъ знатоковъ великаго переворота, создавшаго новую Францію. Знанія его положительно огромны, распоряжается онъ ими, какъ настоящий хозяинъ, и можно удивляться, до какой степени они у него въ головѣ хорошо организованы, и какъ всегда прекрасно служатъ ему и его слушателямъ. Онъ гораздо меньше писалъ, чѣмъ знаетъ, гораздо меньше извѣстенъ, чѣмъ того заслуживаетъ. Его превосходныя лекціи, умѣлое и основательное веденіе интереснаго и богатаго научнаго журнала и рядъ частныхъ работъ служатъ главнымъ доказательствомъ его ученаго дарованія; а то обстоятельство, что онъ до сихъ поръ не выпустилъ ни одного широко-обобщающаго труда, можетъ быть, лучше всего доказываетъ настоящую научную добросовѣстность, которая не позволяетъ ему обнародовать такое сочиненіе иначе, какъ ближе къ концу своей научной карьеры.

Проф. Оларъ читаетъ въ Сорбоннѣ очень разнообразныя курсы по исторіи революціи. Нынѣшній годъ курсъ его посвященъ *исторіи Конвента*. Въ первой лекціи онъ мотивировалъ свой выборъ тѣмъ, что исторія Конвента особенно послѣ паденія Робеспьера (да и вообще обратный ходъ революціи) сравнительно довольно мало изучались, и между Робеспьеромъ и Наполеономъ существуетъ какой-то пробѣлъ, внутри котораго не прослѣжена филиація идей и событій, что лишаетъ исторію революціи необходимой цѣльности и полноты, затемняетъ общій взглядъ на весь періодъ и нарушаетъ пониманіе той внутренней связи, которая соединяетъ Наполеона съ революціей. Читаетъ Оларъ, какъ и другіе, разъ въ недѣлю въ самомъ большемъ изъ Сорбонскихъ амфитеатровъ, слушаетъ его масса самой разнообразной публики. Блестящимъ лекторомъ Олара назвать нельзя: у него для этого нѣтъ достаточныхъ виѣшнихъ данныхъ, ни достаточной силы и широты голоса, ни достаточной музыкальности слуха; нѣтъ у него также ни ораторской манеры, ни эффектнаго жеста, нѣтъ и достаточной пылкости. Но за всѣмъ тѣмъ онъ отлично читаетъ. Прежде всего чувствуется, что лекція стоитъ на прочномъ фундаментѣ, воздвигнутомъ самимъ профессоромъ, что ставитъ его въ свободное отношеніе къ матеріалу и даетъ ему возможность пользоваться имъ для всѣхъ необходимыхъ цѣлей и для характеристики самыхъ тонкихъ вопро-

совъ Далѣ въ лекціи обнаруживаются личныя, твердо продуманныя политическія убѣжденія, склоняющія его на сторону главныхъ дѣятелей революціи, и прочувствованныя историческія симпатіи; но освѣщающая ими лекція, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ постоянное умѣнье поставить научное безпристрастіе выше крайности личного вкуса и взгляда.

Преобладающими особенностями лекціи могутъ быть названы—ясность и архитектурная правильность плана, большая систематичность и послѣдовательность изложенія, облегчающая возможность слѣдить, схватывать и запоминать, какъ цѣлое, такъ и подробности, чувство мѣры, глубина сужденія, простота изображенія, серьезность, но и сдержанность критики. Я слушалъ между прочимъ лекцію, въ которой проф. Оларъ говорилъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Робеспьера. Обобщая выводы изъ предшествующей части курса онъ указывалъ, какъ Франція во время революціи постепенно переходила отъ абсолютной монархіи къ монархіи конституціонной, потомъ къ либеральной республикѣ жирондистовъ, диктатурѣ монтаньяровъ и наконецъ термидоріанской анархіи. Онъ охарактеризовалъ экономическое положеніе Франціи и настроеніе партій и группъ при началѣ реакціи и приступилъ къ изображенію личностей, которыя стали выдвигаться на освободившееся послѣ исчезновенія главныхъ вождей революціи мѣсто. Вторая половина лекціи была посвящена характеристикѣ вновь выступившаго на политическую авансцену аббата Сійэса. Оларъ изображалъ знаменитаго и типичнаго дѣятеля путемъ воспроизведенія его біографіи, причемъ характеристическія черты его мировоззрѣнія, политическаго темперамента и нравственной природы постепенно прямо выводились изъ его теорій, словъ и дѣйствій, мастерски собирались въ цѣльный образъ и дали въ заключеніе очерка историческій портретъ поразительной правдивости, реальности и силы, превосходную иллюстрацію людей и настроенія изображаемаго момента. Излишне прибавлять, что лекціи Олара доставляютъ большое умственное наслажденіе. Многочисленные слушатели безмолвны и внимательны и довольно слабый голосъ профессора хорошо доходитъ до далекихъ угловъ огромной залы.

Закрытый курсъ профессора Олара посвященъ анализу *Мемуаровъ Тибодо*. Студенты берутъ небольшіе отрывки и для выясненія и проверки ихъ дѣлаютъ на основаніи указааннаго профессоромъ матеріала рядъ мелкихъ экскурсовъ въ область исторіи французской революціи. Они хорошо работаютъ, а ученый комментарий и разборъ профессора даютъ имъ драгоцѣнныя фактическія указанія и оказываютъ неоцѣнимыя методологическія услуги. На этихъ лекціяхъ обширная ученость и выдающіяся достоинства ума и таланта Олара обнаружива-

ются съ особенною очевидностью мнѣ пришлось присутствовать на одной изъ такихъ бесѣдъ, на которой профессоръ съ удивительной оригинальностью и тонкостью разбиралъ вопросъ объ эмиграціи и о централистической политики монтаньяровъ.

Для преподаванія новой и новѣйшей исторіи (*histoire moderne et contemporaine*) Сорбонна имѣетъ въ рядахъ своихъ профессоровъ еще одного извѣстнаго ученаго, хорошо знакомаго и намъ, *Альфреда Рамбо*.—Это историкъ, особенно извѣстный тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ научнымъ образомъ сталъ знакомить французское общество съ Россіею. Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе о русскомъ богатырскомъ эпосѣ (*La Russie épique*, 1876) имѣетъ большое значеніе во французской литературѣ, посвященной странамъ Восточной Европы, и руководство по исторіи Россіи (*Histoire de Russie*, 1878) есть первый и до сихъ поръ единственный французскій обще-историческій трудъ о прошломъ нашей родины, написанный человѣкомъ, знающимъ русскій языкъ и изучавшимъ подлинныя источники и съумѣвшимъ воспроизвести нашу исторію болѣе или менѣе правдиво и талантливо. Кромѣ того онъ прекрасно издалъ инструкціи французскимъ посламъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ (*Recueil d'instructions données aux ambassadeurs et aux ministres de France. Russie. 2 v.*), предпославъ изданію интересное и важное введеніе. Но ученые работы проф. Рамбо не ограничиваются исторіею Россіи. Онъ посвящалъ свои изслѣдованія и многимъ другимъ вопросамъ. Онъ занимался византійскою исторіею, въ области которой ему принадлежитъ обширный и важный научный трудъ о Константинѣ Багрянородномъ (*L'empire grec au X siècle. Constantin le Porphyrogénète. 1870*), и исторіею отношеній между Франціей и Германіей въ началѣ нынѣшняго вѣка и французскою колониальною исторіею. Имъ изданы также очень хорошія популярныя книги по исторіи французской цивилизаціи (*Histoire de la civilisation française*, 3v.) и по исторіи французской революціи (*Petite histoire de la révolution française*), въ которыхъ онъ является не только ученымъ, обладающимъ большими знаніями и обширною начитанностью, но и прекраснымъ писателемъ, хорошо владѣющимъ языкомъ.

Какъ профессоръ въ Сорбоннѣ, онъ читаетъ ежегодно два публичныхъ курса, изъ которыхъ одинъ непремѣнно посвященъ исторіи Россіи, другой какому-нибудь пункту или періоду исторіи XIX в. въ Европѣ. То, что онъ излагаетъ исторію внѣ-французскихъ странъ, очень важное обстоятельство, такъ какъ мы видимъ, что большинство курсовъ Сорбонны не заходятъ за предѣлы французской отечествен-

ной исторіи. Въ 1883 г. Рамбо читалъ курсъ исторіи Россіи въ царствованіе Екатерины II, въ прошломъ году исторію Россіи въ XIX в. (Александровскую и Николаевскую эпоху), въ нынѣшнемъ исторію Россіи въ XVI в. Фредерикъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о внутреннихъ достоинствахъ лекціи Рамбо. Я могу сказать, что онъ производятъ пріятное впечатлѣніе именно тѣмъ, что обнаруживаютъ самостоятельное знакомство съ первоисточниками и въ большинствѣ случаевъ довольно вѣрное пониманіе дѣла, очень рѣдкое въ французахъ, когда они говорятъ о Россіи. Но, повидимому, профессоръ довольно мало имѣетъ возможности слѣдить за новѣйшею русскою учено-историческою литературою и пользуется пособіями въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣлыми. Для русскаго изложеніе проф. Рамбо можетъ показаться поверхностнымъ, что, впрочемъ, не можетъ быть поставлено ему въ вину, если помнить отсутствіе подготовки его слушателей, для которыхъ почти каждый фактъ новъ и въ высшей степени цѣненъ, если они интересуются предметомъ. Таково впечатлѣніе, вынесенное мною изъ прослушанныхъ лекцій, которыя касались характеристики внутреннего строя русскаго государства и общества передъ смутою.

По исторіи Европы въ XIX в. Рамбо читаетъ разнообразныя курсы. Въ 1883 г. онъ излагалъ исторію европейскихъ событій въ 1848 г. и позже. Курсъ его, по мнѣнію Фредерика, отличался „удивительною ясностью, возвышеннымъ спокойствіемъ, основательностью, остроуміемъ, оригинальностью, искренностью и безпристрастіемъ“, такъ что онъ называетъ его однимъ изъ лучшихъ, которые ему удалось слышать въ Парижѣ. Въ нынѣшнемъ году онъ читаетъ *исторію Индіи въ царствованіе королевы Викторіи*. Когда прослушаешь лекцію Рамбо, будучи знакомъ съ его книгами, выносишь нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ лекторскія его качества не соответствуютъ писательскимъ. Онъ читаетъ довольно однообразно и скучно, строитъ лекцію по школьной элементарной схемѣ, хотя содержаніе ея богато важными фактами и любопытными выводами.

Раздражающимъ образомъ дѣйствуетъ на лекціяхъ Рамбо самая публика. Явленіе это повторяется и на лекціяхъ нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, читающихъ публично въ старыхъ залахъ Сорбонны; но у Рамбо это очевидно, вѣроятно, потому, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ постоянныхъ учениковъ, такъ какъ не ведетъ историческаго семинарія. Читаетъ онъ въ поздній часъ дня, и аудиторія его крайне пестрая. На скамьяхъ большого амфитеатра можно наблюдать оригинальные типы: почтенные старцы покойно дремлютъ, опершись о стѣну; молоденькія дамы шепчутся между собой; старуха съ сѣдыми бровями является, опоздавъ на четверть часа, расталкиваетъ другихъ, столпившихся по дорогѣ къ ея обычному мѣсту, и, усѣвшись, быстро

начинает записывать что-то карандашомъ въ памятной книжечкѣ; молодой франтъ, подымаясь по лѣстницѣ, небрежно роняетъ зонтикъ; дверь постоянно хлопаетъ. Я удивлялся терпѣнію профессора и его способности невозмутимо читать, обращаясь къ дѣйствительно внимательнымъ слушателямъ, посреди такого беспорядка и при такой не деликатности посѣтителей. Это нестерпимая привычка, остатокъ сорбоннскихъ нравовъ прежнихъ временъ, которая сильно мѣшаетъ усѣху серьезнаго преподаванія.

Прежде чѣмъ окончить описаніе историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о лекціяхъ *Сеньобоса* (*Seignobos*). Онъ читаетъ (въ качествѣ *maître de conférences*) два курса: одинъ изъ нихъ посвященъ *Исторіи внѣ-европейскихъ государствъ въ XIX в.* и представляетъ заключеніе общаго курса всеобщей исторіи новаго времени, который онъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ. Ставя такимъ образомъ программу своихъ чтеній, проф. Сеньобосъ сознательно хочетъ пополнить отсутствіе курсовъ, захватывающихъ большую историческую эпоху, широкую географическую область и обширную сферу вопросовъ, которое дѣйствительно замѣчается, какъ видный пробѣлъ въ Сорбоннскихъ историческихъ курсахъ. Второй курсъ его посвященъ *методологіи исторіи* и распадается на три части: теорія исторической критики, историческаго построенія и историческаго изображенія. Какъ видно, курсы Сеньобоса по замыслу очень важны и полезны. Не могу ничего сказать о ихъ достоинствѣ или недостаткахъ, такъ какъ мнѣ не удалось присутствовать на его лекціяхъ (они были временно прерваны по болѣзни профессора въ то время, когда я могъ посѣщать ихъ), и знаю о нихъ лишь изъ разъясненій самого профессора. Во всякомъ случаѣ идея ихъ исполнѣнъ правильна, и введеніе такихъ курсовъ въ Сорбоннскую программу очень желательно.

Если я прибавлю ко всѣмъ охарактеризованнымъ курсамъ указаніе на курсъ декана *Гимми* (проф. географіи) по *исторіи открытія, завоеванія и изслѣдованія Америки отъ Колумби до нашихъ дней* и затѣмъ назову два свободныхъ курса *Rochemonteix* по исторіи Египетской цивилизаціи и *L. Cahun* по исторіи государствъ, основанныхъ въ Азіи монголами, то получится полное представленіе о читающихся въ настоящемъ году въ Сорбоннѣ историческихъ курсахъ.

5.

Я старался описать, по возможности, подробно современное состояніе историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, не задаваясь цѣлью критически разсмотрѣть самую систему его, а лишь дать картину ея

фактического осуществленія въ нынѣшнемъ году. Я имѣлъ въ виду одно—показать желающимъ воспользоваться историческими лекціями въ Сорбоннѣ въ ближайшемъ будущемъ, что они могутъ въ нихъ найти полезнаго, или вообще дать интересующимся этимъ вопросомъ матеріалъ для размышленія и сравненія. Краткія историческія свѣдѣнія, которыя я сообщилъ въ началѣ очерка, имѣютъ для меня второстепенное значеніе фона картины и не претендуютъ на полноту. Именно въ виду того, что я держался такой точки зрѣнія, я выдвигалъ преимущественно положительную сторону дѣла и теперь могу ограничиться въ заключеніе лишь самыми бѣглыми замѣчаніями о нѣкоторыхъ недостаткахъ современной постановки его.

Говоря вообще о современномъ состояніи историческаго преподаванія въ Сорбоннѣ, можно утверждать, что оно представляетъ вполне удовлетворительное выполненіе хорошаго принципа въ той формѣ, которая 10—12 лѣтъ тому назадъ была лучше, самою прогрессивною, но теперь уже требуетъ измѣненія и расширенія, грозя подчиниться рутинѣ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ требовалось дать студентамъ пустымъ факультетамъ и приучить ихъ къ работѣ подъ руководствомъ профессоровъ. Это было осуществлено тѣмъ, что будущимъ учителямъ вмѣнено было въ обязанность проходить факультетскіе курсы. Надо было привязать ихъ къ спеціальной исторической работѣ: этого достигли, придавъ историческимъ семинаріямъ характеръ упражненій, подготовляющихъ къ экзаменамъ. Результатъ оправдалъ намѣренія: факультетъ имѣетъ многочисленныхъ слушателей, и они привыкли приносить въ университетскую аудиторію плоды своихъ домашнихъ занятій. Но такая постановка должна была необходимо съузить преподаваніе, лишить его научной свободы и глубины. Оно осталось подчиненнымъ несовершенной, постоянно мѣняющейся и случайной программѣ экзаменовъ. Профессоръ отдаетъ свой спеціальный курсъ не изученію тѣхъ источниковъ, которые могутъ служить особенно хорошими средствами ознакомить учениковъ съ методами ученой работы и развить духъ исторической критики, а элементарному, школьному комментированію часто очень мало интереснаго текста, случайно введеннаго въ программу экзамена. Помочь дѣлу можетъ прежде всего министерство, возбудивъ и правильно поставивъ вопросъ о коренномъ преобразованіи системы экзаменовъ съ цѣлью уничтожить въ нихъ многіе негодные остатки схоластической старины и потерявшихъ значеніе элементовъ стараго риторическаго образованія. Оно должно добиться замѣны ихъ упрощенною по формѣ, но гораздо болѣе серьезною по сущности прививкою общей культуры и научной подготовки кандидатовъ на педагогическія и общественныя должности. Но многое могутъ сдѣлать и профессора смѣлою и свободною инициативою. Они

могутъ больше вліять на разумное составленіе программы испытаній; какъ экзаменаторы, обращать вниманіе на главное, ставя вопросы и предъявляя требованія, дѣйствительно научныя; какъ преподаватели, они должны эмансипировать себя отъ экзаменовъ, объявляя курсы и семинарія, не имѣющіе къ нимъ прямого отношенія, а самостоятельно разрабатывающіе важный научный вопросъ; они должны доказывать студентамъ теоретически и показывать на дѣлѣ, что не тотъ будетъ имѣть успѣхъ на экзаменѣ, кто лучше всѣхъ выучитъ переводъ и комментарий извѣстнаго числа отрывковъ, а тотъ, кто пріобрѣтетъ основательныя историческія знанія и разовьетъ умъ серьезною работою надъ источниками. Это будетъ трудно, такъ какъ придется разомъ идти противъ укоренившейся административной практики и противъ узко-утилитарнаго духа студентовъ, болѣе преданныхъ развлеченію, чѣмъ труду, ищущихъ корысти, а не научнаго образованія. Это будетъ требовать большого напряженія, такъ какъ на подготовку къ подобнаго рода лекціямъ понадобится много времени, а на веденіе ихъ придется удѣлить больше учебныхъ часовъ. Но это надо сдѣлать, и никто кромѣ самихъ людей науки не способенъ продолжать усовершенствованіе организаціи высшаго образованія по этому единственно правильному пути.

Публичныя курсы Сорбонны и теперь уже вполне научны и могутъ быть сравнены по своимъ внутреннимъ достоинствамъ со многими лучшими курсами германскихъ университетовъ. Но и въ ихъ программѣ, а главнымъ образомъ въ ихъ распредѣленіи и взаимоотношеніи необходимо сдѣлать много измѣненій. Мы почти не видимъ въ нынѣшнемъ росписаніи — курсовъ по общеевропейской исторіи, нѣтъ даже общаго курса по исторіи Франціи. Каждый профессоръ выбираетъ темою своихъ лекцій спеціальныя предметы, которымъ занимается въ данное время, не спрашивая себя, что читаютъ другіе и какія потребности учащихся остаются неудовлетворенными. Можетъ быть, отъ такой постановки дѣла качество курсовъ выиграетъ, такъ какъ каждый профессоръ читаетъ то, что онъ лучше всего знаетъ и чѣмъ больше всего интересуется. Но общіе курсы, освѣщающіе большія и важныя историческія эпохи, необходимы для юношей, только начинающихъ заниматься наукой, и ихъ обязательно установить, точно также, какъ вообще необходимо устанавливать распредѣленіе курсовъ сообща всѣмъ факультетомъ и выбирать предметы каждаго такъ, чтобы они дополняли остальные, и чтобы въ совокупности исторія человѣчества въ ея различныхъ народахъ, періодахъ и основныхъ вопросахъ была равномерно представлена.

Таковы главныя реформы факультетскаго преподаванія исторіи, которыя уже теперь намѣчаются силою вещей: это будетъ естествен-

ный второй шаг послѣ перваго, сдѣланнаго въ 80-мъ году, и результатомъ его будетъ созданіе изъ факультета настоящей научно-исторической школы, которая будетъ давать хорошую элементарную основу научнаго образованія. Задача эта будетъ облегчена основаніемъ университетовъ, когда отдѣльныя вѣтви наукъ объединятся въ могущественныя цѣлыя, когда факультеты потеряютъ свою бюрократическую организацію и получатъ автономное существованіе, когда представители университетской науки, освобожденные отъ производства чисто практическихъ экзаменовъ, будутъ предоставлены главной своей заботѣ—давать любознательному юношеству научное руководство, подготавливая въ представителяхъ его образованныхъ людей и гражданъ.

Въ 1883 г. Фредерикъ говоритъ: „Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что Франція сумѣетъ довести дѣло реформы высшаго образованія до конца, и что возникшее и разросшееся такимъ образомъ движеніе дастъ Франціи блестящую школу историковъ, которые, вѣрные своему національному гению, сумѣютъ быть равно сильными въ содержаніи и формѣ, равно великими въ ученomъ изслѣдованіи и въ философскомъ синтезѣ“. Мнѣ кажется, что дѣйствительно можно вѣрить въ такое будущее.

Но уже и теперь русскій научный работникъ-историкъ, который явится въ Сорбонну, чтобы усовершенствовать свое образованіе, найдетъ, если онъ начинающій, въ публичныхъ историческихъ курсахъ ея богатый матеріалъ для пополненія своихъ знаній; если же онъ уже прямо готовится къ профессурѣ, онъ вынесетъ изъ посѣщеній и публичныхъ, и закрытыхъ не мало важнаго для выработки приемовъ научно-историческаго преподаванія. Тѣ же изъ нихъ, которые ищутъ болѣе глубокой учено-исторической школы и помощи въ изученіи болѣе тонкихъ приемовъ исторической работы, должны идти въ Парижъ, въ Ecole des hautes études, куда надѣюсь и я повести своихъ читателей въ слѣдующемъ своемъ очеркѣ, если они захотятъ слѣдовать за мной.

Парижъ, 26 (14) марта 1892.

II.

ECOLE LIBRE DES SCIENCES POLITIQUES.

Ecole libre des Sciences politiques, какъ показывается самое названіе, особенно гордится своею свободою; оно поставляетъ себѣ въ главную заслугу передъ обществомъ и государствомъ свою чуткость и отзывчивость на новыя потребности въ высшемъ политическомъ образованіи, свое умѣнье удовлетворять назрѣвающія нужды, не стѣсняясь условленными рамками и смѣло пролагая новые пути. То удивительное процвѣтаніе, котораго она успѣла достигнуть за короткое время съ ничтожными въ началѣ средствами, сочувствіе, встрѣченное ею въ обществѣ, и подражаніе ей внѣ Франціи, служатъ ручательствомъ того, что она удачно исполнила свои задачи. Оттого постановка въ ней историческаго преподаванія пріобрѣтаетъ особое значеніе: по ней можно судить, какую роль призвана играть исторія въ высшемъ политическомъ образованіи современнаго общества, насколько исторія нужна, независимо отъ традиціи, удерживающей нерѣдко по воспоминаніямъ многое обветшалое, утратившее жизненные соки и это полагающей въ вершину угла; даже болѣе: она проливаетъ свѣтъ на будущее исторіи, какъ образовательнаго предмета. Школа задается цѣлью доставить высшее политическое образованіе, съ теченіемъ же времени можетъ только увеличиться нужда въ немъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочиться положеніе наукъ, способствующихъ его достиженію.

Сама по себѣ Ecole libre des Sciences politiques составляетъ одну изъ особенностей новаго времени, одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, что можетъ создать независимо отъ правительства частная дѣятельность, благодаря своей энергичности, гибкости, умѣнью примѣняться къ новой средѣ и новымъ потребностямъ, успѣвающая нерѣдко тамъ, гдѣ государство съ своими рутинными и медленными дѣйствіями терпитъ полную неудачу. Французское правительство давно уже сознавало съ теоретической точки зрѣнія нужду въ школѣ, которая давала бы политическое образованіе; ему прямо необходимо было имѣть разсадникъ служащихъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, но всѣ его попытки въ данномъ случаѣ оказались тщетными. Частная же предприимчивость, задавшись несравненно болѣе широкими цѣлями и располагая ничтожными въ началѣ средствами, безъ всякой казенной поддержки сумѣла основать и упрочить положеніе школы высшаго политическаго образованія. При откры-

тих курсовъ всѣ денежные источники сводились къ нѣсколькимъ тысячамъ франковъ, собраннымъ директоромъ для обезпеченія каедръ, да изъ нѣсколькихъ взносов, произведенныхъ впередъ членами комитета основателей; теперь же школа располагаетъ капиталомъ до трехъ милліоновъ франковъ. Первые лекціи читались въ залѣ, которая нанималась по часамъ, теперь у школы свой домъ съ садомъ въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ Парижа, аудиторія, устроенная со всѣми новѣйшими педагогическими приспособленіями, прекрасная бібліотека съ множествомъ журналовъ; первые слушатели походили болѣе на простыхъ любопытныхъ, теперь школа насчитываетъ ежегодно до 400 студентовъ, посѣщающихъ лекціи очень исправно и усердно занимающихся. Не безъ гордости въ 18-лѣтнюю годовщину своего основанія могла обернуться школа на пройденный путь, на побѣжденные трудности и вспомнить всѣ тѣ заслуги, которыя она успѣла оказать странѣ и обществу за непродолжительное время своего существованія. Болѣе 3000 молодыхъ людей получили въ ней высшее образованіе, она подняла значительно уровень знаній, необходимыхъ для занятія государственныхъ должностей; она привлекла болѣе 1000 иностранцевъ и, разсѣявъ ихъ предрасудки и предубѣжденія, внушила многимъ любовь и уваженіе къ Франціи; она ввела въ университетское преподаваніе новые курсы; въ нѣсколькихъ выдающихся лицахъ она открыла удивительныя профессорскія способности, оставшіяся раньше незамѣтными для нихъ самихъ; ей обязаны своимъ существованіемъ нѣсколько книгъ первой важности, представляющихъ развитіе и окончательную обработку много разъ повторявшихся курсовъ.

Горячій патриотизмъ и страстная любовь къ молодежи были тѣми двигателями, которые придали силу и мужество основателю этой школы Бутми въ его трудномъ предпріятіи. Въ 1871 году, немедленно вслѣдъ за франко-прусскою войною, когда удивленная и пораженная страна устремила всѣ свои помыслы на отысканіе причинъ постигшаго ее бѣдствія, когда началась усиленная работа національнаго перевоспитанія, исправленія и пополненія всякихъ недостатковъ и пробѣловъ, Бутми указывалъ на отсутствіе такого заведенія, которое создавало бы людей, способныхъ сдерживать и умѣрять пылъ партійныхъ страстей и осуществить въ странѣ правленіе лучшихъ. „Гдѣ,—воскликаетъ онъ въ письмѣ къ своему сотруднику въ дѣлѣ устройства школы,—просвѣщенный человѣкъ, внимательный наблюдатель главныхъ умственныхъ движеній своего вѣка, умѣряющій ихъ силу или дающій имъ направленіе? гдѣ разсудительный гражданинъ, способный обсуждать политическіе вопросы? гдѣ школа, создающая ихъ? Если же ученые будутъ по-прежнему читать только слу-

нателямъ специалистамъ, если государственные дѣятели не будутъ находить свѣдущихъ помощниковъ, знающихъ критиковъ внѣ круга своихъ будущихъ преемниковъ, это признакъ, что народъ обреченъ на паденіе". Отъ этого паденія можетъ спасти его только широкое политическое образованіе. Французскія высшія ученые учрежденія должны стать залогомъ успѣха и могущества Франціи подобно тому, какъ германскіе университеты послужили основой величія Германіи, обеспечивъ за ней умственное, а съ нимъ и политическое превосходство надъ другими народами. Высшія парижскія школы должны по крайней мѣрѣ давать юношеству самое меньшее, что можно требовать отъ образованнаго человѣка, чтобы онъ зналъ свое время и интересовался имъ. Французскіе коллежи учатъ многимъ прекраснымъ вещамъ, но только не этому, тогда какъ въ высшей степени важно, чтобы всякое поколѣніе вступало въ жизнь не удивляясь, чтобы оно умѣло въ ней распознаться, умѣло дѣйствовать, и, если ему еще многому приходится учиться, чтобы оно не теряло времени на собраніе первоначальныхъ свѣдѣній. Представить взору молодыхъ людей умственное движеніе во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія на послѣдней и высшей ступени его развитія, уничтожить пропасть, раздѣляющую свѣтскаго человѣка отъ ученаго и литератора, гражданина отъ политическаго дѣятеля—вотъ самое необходимое дополненіе всякаго либеральнаго воспитанія.

Какія же науки необходимы для такого образованія? Очевидно, всѣ тѣ, которыя даютъ ясное пониманіе современной политической жизни и готовятъ къ сознательному участию въ ней, т.-е. sciences d'état, науки государственныхъ, sciences politiques, науки политическія, т.-е. все то, на что можетъ распространиться дѣятельность правительства и общества, что могутъ обнять законы и трактаты. Такимъ образомъ, для того, чтобы достигнуть цѣли, поставленной Бутми, нужно было возвести изученіе этой обширной области въ самостоятельную систему высшаго образованія. Но тутъ и начались трудности, теоретическія даже, не говоря уже про матеріальныя. Первымъ условіемъ успѣха всякой самостоятельной программы является ея внутреннее единство. Его-то въ данномъ случаѣ на первый взглядъ и не было, самое разнообразіе наукъ о государствѣ, самое различіе ихъ по матеріалу и методу исключало, казалось, всякую возможность найти его. Многіе шли въ данномъ случаѣ такъ далеко, что называли прямо химерою всѣ замыслы и надежды образовать единое, нераздѣльное цѣлое изъ столькихъ разнообразныхъ предметовъ. Сколько ни сглаживать частныя различія между ними, говорили они, все же останется три отдѣльныя группы наукъ, историческая, администра-

тивная и экономическая, которыя и нужно распредѣлить по соотвѣтствующимъ факультетамъ.

Но Бутми горячо оспариваетъ это мнѣніе. Онъ отстаиваетъ право этихъ группъ на самостоятельное мѣсто въ высшемъ образованіи уже потому, что онѣ взаимно пополняютъ другъ друга; разъединенныя, онѣ утратили бы много своей жизненной силы и приобрѣли бы новую, чуждую имъ окраску отъ соотвѣтствующихъ факультетовъ; въ изученіи напримѣръ финансоваго права получила бы перевѣсъ юридическая точка зрѣнія, надъ экономической и фискальною; преподаваніе дипломатической исторіи пострадало бы, если бы отдѣлить его отъ преподаванія международнаго права и практической подготовки дипломатовъ. Бутми ссылается въ данномъ случаѣ на примѣръ Мюнхена и Тюбингена, гдѣ эти группы наукъ образуютъ особый самостоятельный факультетъ (камеральный). Недовольствуясь этими практическими доказательствами, Бутми и съ теоретической точки зрѣнія называетъ ошибочнымъ взглядъ тѣхъ, кто отрицаетъ единство этихъ трехъ группъ. Единство въ совокупности наукъ, предназначенныхъ образовывать администраторовъ, законодателей гражданъ, говоритъ Бутми, зависитъ не столько отъ аналогичности предметовъ и примѣровъ, сколько отъ общности духа. Оно покоится глубоко на элементѣ нравственности и чувства, оно проявляется въ общемъ историческомъ характерѣ преподаванія, гдѣ исторія должна занимать первое мѣсто. Взгляды Бутми на значеніе ея въ средѣ политическихъ наукъ слишкомъ важны, слишкомъ характеристичны для постановки историческаго преподаванія въ *Ecole libre des sciences politiques* для того, чтобы не изложить ихъ хотя бы вкратцѣ.

По мнѣнію Бутми, исторія принадлежитъ первенствующее мѣсто между государственными науками какъ ради нея самой, такъ ради того, что отъ нея другія науки должны заимствовать, если не методъ, то точку зрѣнія и рамки. Всякая наука должна представляться слушателю въ своемъ постепенномъ, естественномъ развитіи. Такъ должно быть съ политической экономіей, такъ должно быть съ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ различны по интересу и по значенію два курса политической экономіи, одинъ, дающій только сухія формулы и теоріи, другой, показывающій, какъ постепенно рождаются въ каждомъ вѣкѣ его главные экономическіе взгляды въ зависимости отъ свойствъ соціальной среды, зарождающей ихъ, развивающей и измѣняющей. Можетъ ли быть другое болѣе необходимое дополненіе къ юридическому курсу, чѣмъ объясненіе законовъ изъ постоянно мѣняющагося духа времени!

Но исторія занимаетъ преобладающее положеніе въ системѣ высшаго политическаго образованія, не только потому, что всѣ осталь-

ныя науки должны преподаваться въ ея духѣ; она важна сама по себѣ, по своимъ качествамъ, по своему вліянію на умы. Она совершенно необходимый факторъ въ высшемъ политическомъ образованіи съ моральной точки зрѣнія, которая должна быть основой всѣхъ наукъ политическихъ, и съ узко практической, утилитарной. Въ первомъ случаѣ исторія является „школою нравственности, она учитъ умѣренности и терпѣнію, она питаетъ благородныя страсти; она изощряетъ умъ видомъ постоянно измѣняющихся фактовъ, она закаляетъ волю отъ соприкосновенія съ сильными характерами“. Во второмъ— исторія для государственнаго человѣка есть самый вѣрный руководитель; она знакомитъ его не съ отвлеченными существами, а съ реальными людьми. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ заставили Бутми положить исторію въ основу политическаго образованія по крайней мѣрѣ въ теченіе одного года.

Такъ какъ историческій духъ по замыслу Бутми долженъ сообщаться и преподаванію другихъ предметовъ, административныхъ и экономическихъ, то вліяніе его на постановку этихъ предметовъ и нужно указать вкратцѣ. Вліяніе это на изученіе административныхъ наукъ выразилось въ томъ, прежде всего, что преподаваніе не ограничивается однимъ французскимъ правомъ, но обнимаетъ также право другихъ народовъ. „Еслибы этого не было, говорить Бутми, то умъ слушателей, исключительно сосредоточенный на одной французской системѣ, пріобрѣлъ бы наклонность думать, что внѣ ея ничто невозможно, что все ей противорѣчащее и отъ нея отличающееся составляетъ абсурдъ, что самое малое уменьшеніе государственной власти и контроля, самое ничтожное исправленіе въ злоупотребленіяхъ юрисдикціи поколеблетъ самыя основы государства“. Между тѣмъ, какъ знакомство съ иностраннымъ законодательствомъ разрушаетъ ореолъ, окружающій французскую организацію и представляющій ее единою и неприкосновенною. „Важно только, чтобы это знакомство было основательно и не вызвало бы или простое отрицаніе, или стремленіе къ поспѣшному и необдуманному подражанію въ зависимости отъ того, склоненъ ли характеръ слушателя къ покою или къ перемѣнамъ“.

Что касается до наукъ экономическихъ, то онѣ также много выигрываютъ отъ сосѣдства съ исторіей, къ которой онѣ ближе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому предмету: это также справедливо, какъ для политической экономіи въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и для социологіи въ широкомъ значеніи этого слова. Если брать политическую экономію, то она, по мнѣнію Бутми, когда сгладятся крайности теоретическаго и статистическаго направленія, еще больше ощутитъ потребность повѣрки своихъ выводовъ, основанныхъ на понятіи полезности, посредствомъ принциповъ нравственности и на этой почвѣ

сойдется она съ исторіей, которая вмѣстѣ съ географіей дастъ ей новые матеріалы и ограничить безусловность ея выводовъ, показавъ необходимость исключеній въ виду національных особенностей. Если же брать социологію, то она прямо заявляетъ притязаніе быть сущностью исторіи. Политическая исторія въ ея глазахъ лишь разсказъ о внѣшнихъ происшествіяхъ, бороздящихъ только поверхность воды, но не способныхъ измѣнить ихъ глубокаго русла; прослѣдить его и берется социологія. Она опирается на біологію и психологію; въ литературѣ стремится она раскрыть громадныя силы человѣческаго ума и воображенія; она привлекаетъ себѣ на помощь право и всѣ вмѣстѣ, эти науки, политическія и юридическія, раньше независимыя другъ отъ друга, соединяются въ соціальной наукѣ и увлекаются ею въ широкое историческое русло, гдѣ только и получаютъ истинно-научный характеръ.

Особенно рѣзко сказывался историческій характеръ преподаванія въ первые два года существованія школы—1872 и 1873, когда всѣ предметы почти читались съ исторической точки зрѣнія: тутъ была дипломатическая исторія Европы съ Вестфальскаго мира, военная исторія ея со времени Фридриха Великаго, исторія экономическихъ ученій съ Адама Смита, исторія земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ успѣховъ Европы въ XIX столѣтіи, исторія финансовъ съ 1789, исторія государственныхъ учрежденій Европы и Новаго Свѣта съ 1776, законодательная исторія Европы и новаго свѣта послѣ кодекса Наполеона, административная исторія Европы съ XVII вѣка, соціальная исторія Европы съ 1789 года. Въ мою задачу не входитъ говорить о тѣхъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался этотъ курсъ, какъ мало-по-малу выдвигались новые предметы и курсъ принималъ все болѣе и болѣе практическій характеръ, задавшись цѣлю, кромѣ вообще образованныхъ людей, готовить чиновниковъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, государственный совѣтъ, финансы и колоніи. Исторія продолжаетъ занимать по прежнему первенствующую роль въ двухъ отдѣленіяхъ школы. И директоръ школы при всѣхъ этихъ преобразованіяхъ успокоиваетъ себя мыслию, что чистая наука безъ пракческаго примѣненія подобна изысканнымъ блюдамъ, которыя одни не могутъ напитать человѣка; для того, чтобы онѣ дѣйствительно укрѣпляли его силы и не ослабляли ихъ, для того, чтобы они не развили прихотливости вмѣсто здороваго аппетита, необходимо примѣшивать къ нимъ болѣе простыя блюда,—трудно догадаться объ этой истинѣ; ее можетъ показать только опытъ.

Придя къ этому убѣжденію, директоръ школы тѣмъ сильнѣе возставалъ противъ крайности въ новомъ направленіи. Въ виду того, что многіе слушатели стали ограничиваться только приобрѣтеніемъ

свѣдѣній, необходимыхъ для поступленія на государственную службу, онъ настоялъ на томъ, чтобы курсы общаго характера были сдѣланы обязательными и составляли бы необходимое условіе для полученія диплома. Замѣчательно, что рядомъ съ очень высокими умственными развитіемъ во французскомъ обществѣ уживается постоянно стремленіе свести до минимума количество научныхъ занятій, необходимыхъ для полученія диплома. Противъ этого школа борется изо всѣхъ силъ; она не только дѣлаетъ обязательными общіе курсы, она при всякомъ удобномъ случаѣ старается показать слушателямъ ложность ихъ воззрѣній даже съ точки зрѣнія ихъ личной пользы. Упомянувъ о греческой революціи 1848 г. и о томъ, какія замѣчательныя донесенія присылалъ объ ней французскому правительству Тувенель, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ, случайно очутившійся во главѣ миссіи за временнымъ отсутствіемъ посланника, Сорель сказалъ: „Господа! это должно служить для васъ поучительнымъ примѣромъ; вы всегда должны быть готовы очутиться въ положеніи Тувенеля. Всегда можетъ случиться въ странѣ важное событіе, когда вы временно будете замѣнить вашего начальника. Отъ того сѣумѣете ли вы быть на высотѣ вашей задачи, зависитъ польза государства, которому вы служите и, ваше собственное будущее. Я постоянно слышу въ обществѣ: „зачѣмъ столько наукъ? дипломатъ вырабатывается въ канцеляріяхъ“ да вы и сами думаете: „въ этой Ecole des sciences politiques загромождаютъ наши головы изученіемъ множества ненужныхъ для жизни предметовъ“. Это большое заблужденіе. Канцелярія никогда не можетъ образовывать дипломата. Чѣмъ тамъ занимаются? перепиской депешъ, часто не понимая ихъ смысла, потому для скорости работы длинную депешу разрѣзаютъ на двѣ и на три части. Развѣ это можетъ замѣнить широкое политическое образованіе, которое дается только знакомствомъ съ науками. Безъ него ваша несостоятельность выступить съ необыкновенной ясностью, какъ только вамъ случайно и временно придется занять отвѣтственный постъ“.

Въ настоящее время нормальная продолжительность курса въ Ecole libre des sciences politiques два года, но посредствомъ нѣкоторыхъ комбинацій въ программахъ онъ можетъ быть и трехлѣтнимъ. Въ школѣ пять отдѣловъ, вокругъ которыхъ и группируются всѣ предметы преподаванія: отдѣлъ административный, дипломатическій, финансовъ и политической экономіи, колоніальный и общій отдѣлъ (государственное право и исторія).

Историческіе курсы, читающіеся въ школѣ, такъ распредѣляются по этимъ отдѣламъ. Для административнаго отдѣла обязательны: конституціонная исторія Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, съ 1789 г. (1 годовая лекція). Конституція Бельгіи, Швейцаріи, Герма-

ніи, Австро-Венгрії и Італії (1 г. л.). Парламентская и законодательная історія Франції съ 1789 года (1 г. л.). Для дипломатическаго: Географія и этнографія (1 г. л.). Дипломатическая історія съ 1648 до 1789 (1 г. л.). Дипломатическая історія съ 1789 до нашихъ дней (2 г. л.). Обзоръ современной Европы (1 г. л.) и Восточныя дѣла (1 г. л.). Для колоніальнаго: Історія сношеній Западныхъ государствъ съ крайнимъ Востокомъ (1 г. л.). Для общаго отдѣла: конституціонная історія Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ съ 1789 (1 г. л.). Конституціи Бельгіи, Швейцаріи, Германіи, Австріи и Італіи (1 г. л.). Парламентская и законодательная історія Франціи съ 1789 (1 г. л.). Дипломатическая історія съ 1789 года до нашихъ дней (2 г. л.). Обзоръ современной Европы (1 г. л.). Історія политическихъ идей и общественнаго настроенія за послѣдніе два вѣка (1 г. л.). Географія и этнографія (1 г. л.).

Историческое преподаваніе за 1891—1892 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ³⁶⁾.

Дипломатическую історію Европы съ Вестфальскаго мира до 1789 года излагаетъ Пижоно³⁷⁾. Какъ ученый, Пижоно питаетъ болѣе склонности къ історіи торговли и колоніальныхъ отношеній. Этимъ вопросамъ посвящены его лучшіе курсы въ *Ecole des sciences politiques* и въ *Faculté des lettres* и его лучшія сочиненія, между которыми первое мѣсто принадлежитъ історіи торговли Франціи до конца

³⁶⁾ Статья эта обязана своимъ возникновеніемъ любезности директора *Ecole libre des sciences politiques* Бутми, разрѣшившаго мнѣ присутствовать на тѣхъ историческихъ курсахъ, на которые я не былъ записанъ въ качествѣ вольнослушателя. Вынесенныя оттуда впечатлѣнія и легли въ основу очерка этого, а необходимыя свѣдѣнія объ организаціи школы почерпнулъ я изъ программы ея (*Ecole libre des sciences politiques. Année scolaire 1891—1892. Organisation.—Programme des cours. Paris. Cotillon 1891 in 12°*), изъ очерка ея історіи (*Ecole libre des sciences politiques 1871—1889, Paris. Chamerot 1889 in 8°*), изъ статей Бутми *Observations sur l'enseignement des sciences politiques et administratives* (*Rev. internation. de l'enseignement. pb. p. l. soc. d. l'enseignement. supér. Paris, Masson, 1881. 15 mrs. 1881. 237—250*). De la place des sciences politiques et sociales dans l'enseignement supérieur. (*Ann. d. l'éc. libr. d. scienc. polit. Paris. Alcan, 1891. 25—44*). Статья Сопеля: *Sur l'enseignement de l'histoire diplomatique*. (*Rev. int. d. l'ens. 15 janv. 1881. 25—31*).

³⁷⁾ Вотъ болѣе подробная программа курса Пижоно:

I. Европа въ началѣ 17-го вѣка.—Французскій и Австрійскій царственныя дома.—Католики и протестанты.—Ришелье и Мазарини.—Вестфальскій миръ.—Пиринейскій миръ.

II. Европа въ 1661 г.—Политика Людовика XIV.—Три Европейскія коалиціи.—Утрехтскій договоръ.

16-го вѣка 38). Теперь Пижоно уже старикъ, но въ немъ сохранилось еще много живости и энергіи. Хотя вообще отличительною чертою французскихъ профессоровъ является необыкновенное искусство, съ которымъ они владѣютъ словомъ, но на этотъ счетъ Пижоно представляетъ исключеніе. Его дикція искусственна и утомительна; даже въ построеніи той лекціи, которую мнѣ пришлось слышать не было той обработанности, того изящества, въ которомъ французы такіе неподражаемые мастера.

Параллельно съ курсомъ Пижоно читаетъ Кёкленъ, бывшій ученикъ Есcole 39). Кёкленъ еще совершенно молодой человѣкъ, авторъ неоконченнаго сочиненія о Раштадтскомъ конгрессѣ 40) и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Journal des Débats. Та лекція, на которой мнѣ пришлось присутствовать, была посвящена Исторіи Великой Сѣверной войны съ Полтавской битвы до 1718 года. Судя по библиографическимъ указаніямъ, она была построена не на особенно большомъ ученomъ фундаментѣ (о Петрѣ Великомъ лекторъ зналъ только одно сочиненіе Schuyler'a, правда хорошее 41), но Кёкленъ сумѣлъ овладѣть вполне своимъ матеріаломъ, онъ привелъ его въ такой стройный порядокъ, облекъ въ такую красивую, живую форму, что слушатель выносилъ съ его лекціи самое пріятное впечатлѣніе.

III. Европа въ началѣ XVIII вѣка.—Кардиналъ Флері.—Война за Австрійское наслѣдство.—Семилѣтняя война.—Парижскій миръ.—Морское преобладаніе Англіи.

IV. Европа и ея колоніи 1763 г.—Шуазель.—Приобрѣтеніе Лорени и Корсики.—Раздѣлы Польши.—Борьба Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ за независимость.—Вооруженный нейтралитетъ.

38) Pigeonneau. Histoire du commerce de la France depuis les origines jusqu'à la fin du XVI siècle. Paris. Cerf. 1885—1889. 2 v. in 8°.

39) Программа курса Кёклена состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Библиографія дипломатической исторіи.

II. Вестфальскій миръ.

III. Испанія, Англія, Голландія въ XVII вѣкѣ.

IV. Сѣверъ и Востокъ (Швеція, Россія, Польша, Турція) въ XVII и XVIII вѣкѣ.

V. Развитіе Пруссіи.

VI. Англія и ея колоніи въ XVIII вѣкѣ.

40) La politique française au congrès de Rastadt. (Ann. d. l'éc. libr. d. Scienc. Polit. 15 janv. 15 juil. 1886).

41). Schuyler. Peter the Great. New-York. 2 v. in 8°. Автору извѣстны русскіе источники въ подлинникѣ, онъ основательно обработалъ ихъ пользуясь указаніями и руководствомъ проф. Бестужева-Рюмина, что въ связи съ его многочисленными путешествіями, открывшими ему много новыхъ любопытныхъ матеріаловъ помогло создать ему лучшее сочиненіе, которое написано о Петрѣ Великомъ не порусски.

Продолженіе къ курсу Пижоно-Кюлена составляетъ курсъ Сореля-Вандая.

Между всѣми профессорами, читающими исторію въ Ecole libre des Sciences Politiques, первое мѣсто, и какъ лекторъ, и какъ ученый, безъ сомнѣнія, занимаетъ Сорель. Да и во всей Франціи въ настоящее время, кромѣ Тэна, по талантиности ему нѣтъ равнаго. Высокій, бѣлокурый, плотнаго массивнаго сложенія, Сорель представляетъ изъ себя настоящій типъ француза-сѣверянина не только по внѣшности, но и по особенностямъ своего ума и дарованій. Пылкая впечатлительная природа дѣлаетъ француза-южанина и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ работою воображенія; яркіе образы, быстро возникающіе и исчезающіе въ его головѣ, влекутъ его къ себѣ съ неотразимою силою и не останавливаясь на томъ, возможны ли, и исполнимы, онъ стремится во что бы то ни стало осуществить или описать то, что переполняетъ его душу. Тѣ же основныя духовныя свойства принимаютъ другой видъ въ французѣ-сѣверянинѣ, подъ вліяніемъ разсудительности и выдержки, въ немъ преобладающихъ. Стремительность, „*furia francese*“ переходитъ въ энергичность, въ способность уноситься изъ міра дѣйствительнаго въ область видѣній, въ умѣнье, возвышаясь надъ событіями, обнимать ихъ однимъ взоромъ и схватывать ихъ общій смыслъ и значеніе, тотъ *esprit des généralités*, который составляетъ характерную особенность французовъ. Именно необычайная ясность и энергичность ума является преобладающею чертою въ дарованіяхъ Сореля. Это прежде всего поражаетъ слушателя въ его лекціи. Въ ней нѣтъ мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ, точно также какъ нѣтъ ихъ въ жестахъ Сореля и его манерѣ держать себя, рѣшительной и увѣренной. Войдя на кафедру, онъ быстрыми и точными движеніями вынимаетъ изъ портфеля множество книгъ, изъ которыхъ на лекціи онъ нерѣдко читаетъ выдержки, и стукнувъ одною изъ нихъ по столу, чтобы въ многолюдной и шумной аудиторіи воцарилась тишина, начинаетъ лекцію. Говоритъ онъ чрезвычайно скоро и отчетливо, почти никогда не заглядывая въ записки, которыя онъ даже не всегда приноситъ. Да онъ ему почти и не нужны. Его голова работаетъ съ такою быстротою, онъ такъ проникнуть своимъ предметомъ, онъ такъ ясно видитъ разбираемое явленіе и его мѣсто въ исторіи, что нужныя слова, ясныя и точныя, кажется, сами приходятъ ему на языкъ, а лекція сама собою получаетъ стройность и соразмѣрность частей. Прежде всего онъ старается отдѣлать въ излагаемыхъ событіяхъ существенное отъ второстепеннаго, зерно отъ мякины, но не для того, какъ дѣлаютъ другіе, чтобы счесть зерна и собрать мякину въ житницы. Его анализъ при этомъ отличается необыкновенной тонкостью и глубиной; полученныя обобщенія онъ умѣетъ возводить къ причинамъ столь простымъ

и очевиднымъ, что только слушателю приходится удивляться, какъ раньше ему самому не пришла въ голову та же мысль. Но въ этомъ и есть тайна большого ума: открывать простое и очевидное, что до тѣхъ поръ между тѣмъ никому не приходило въ голову, и вносить такимъ образомъ свѣтъ туда, гдѣ былъ раньше мракъ. Тамъ, гдѣ бессильна историческая критика съ своими методами, Сорелемъ руководитъ историческое чутье, рѣдко вводящее его въ обманъ. Меня, какъ русскаго, поразила та вѣрность, съ которой онъ умѣлъ понять не только характеръ русской политики, но и стихійныя стремленія русскаго народа, схватить духъ русскаго государственнаго устройства. Этому умѣнью представлять съ необыкновенной наглядностію историческія событія, разлагая ихъ на составные элементы и возводя къ общимъ причинамъ, безъ сомнѣнія, много помогаютъ его психологическія способности. Для того, чтобы очертить характеръ и побужденія дѣйствующихъ лицъ, ему довольно нерѣдко бываетъ нѣсколько штриховъ. Анекдотомъ, тонковъбраннымъ и рассказаннымъ съ большимъ искусствомъ, двумя, тремя ѣдкими замѣчаніями онъ умѣетъ подвести итогъ всей человѣческой дѣятельности. Но одного знанія человѣческаго сердца, одного холоднаго пониманія историческихъ событій, ихъ смысла и значенія еще мало, чтобы вызвать ѣдкую иронию; тутъ нужно другое болѣе страстное чувство и такимъ чувствомъ является въ Сорелѣ патріотизмъ. Для того, чтобы понять вполнѣ, что такое для французовъ любовь къ родинѣ, нужно пожить во Франціи, нужно побыть въ той особенной обстановкѣ, гдѣ все направлено на прославленіе или служеніе отечеству, гдѣ сами улицы своими именами увѣковѣчиваютъ славу французской науки, литературы и оружія. Нужно видѣть, какъ при одномъ воспоминаніи о бѣдствіи, постигшемъ ихъ родину, затуманиваются неподдѣльною, благородною грустью лица французовъ, какъ при одной мысли о ея славѣ и величіи разгораются яркимъ блескомъ ихъ глаза. Все, что есть высокаго и чистаго въ ихъ душѣ, все, что въ ней есть самоотверженнаго, и идеальнаго, сосредоточивается въ этомъ святомъ для нихъ чувствѣ. Его одинаково раздѣляютъ всѣ классы, всѣ политическія партіи безъ различія оттѣнковъ и это чувство, не затемняя ясности ученаго взгляда у Сореля, не вредя его безпристрастію, вливаетъ живую струю въ его лекціи и заставляетъ мѣстами дышать ихъ настоящимъ лиризмомъ ⁴²⁾.

Дополненіемъ къ курсу Сореля является курсъ Вандаля, который также излагаетъ дипломатическую исторію Европы въ XIX столѣтіи, но сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на

⁴²⁾ Болѣе подробная программа курса Сореля состоитъ въ слѣдующемъ.

восточныхъ дѣлахъ 43). Вандаля молодой еще человекъ, но уже много сдѣлавшій для разработки исторіи отношеній Франціи къ Турціи и Россіи. Последнее и лучшее сочиненіе его въ этой области вышло недавно подъ заглавіемъ: „Наполеонъ и Александръ“ 44). Но вообще какъ ученому и какъ профессору Вандалю вредитъ стремленіе быть краснорѣчивымъ въ духѣ герцога Бромля. Способность и умѣнье писать изящно, легко и красиво, безъ сомнѣнія, составляетъ большое качество въ историкѣ, оно оживляетъ сухость его изысканій, архивныхъ работъ, но для этого нужно необходимо, чтобы оно было естественнымъ. Иначе отъ этого пострадаетъ и форма, и содержаніе самого сочиненія. Въ концѣ концовъ слушателю и читателю должны показаться утомительными эти длинныя описанія съ перечисленіемъ всего того, что можно сказать о предметѣ, это накопленіе образовъ и сравненій, вызванныхъ не тѣмъ, что автора поразила какая-нибудь новая, неожиданная черта въ предметѣ, а тѣмъ, что ему захотѣлось по этому поводу сказать нѣсколько красивыхъ фразъ. Потому за этою восточною заботою о стилѣ, объ описаніи внѣшности событій, автору не остается довольно времени и мѣста, чтобы оцѣнить надлежащимъ

I. Европа въ 1818 году.—Эпоха конгрессовъ.—Борьба Греціи за независимость.

II. Революція 1830, независимость Бельгіи.

III. Европа и Июльская монархія.

IV. Революція 1848 г.

V. Вторая имперія.—Крымская война.

VI. Объединеніе Италіи.

VII. Объединеніе Германіи.

VIII. Франко-прусская война. Берлинскій конгрессъ.

Конференція же Сореля посвящена ближайшему разсмотрѣнію организаціи дипломатической службы (министерство иностранныхъ дѣлъ, посольства, корреспонденція, архивы, иностранные дворы, общество, пресса), источниковъ дипломатической исторіи съ 1818 года.—Изученіе текстовъ.—Понятія о критикѣ и о историческомъ методѣ—разницы между историческимъ изложеніемъ и дипломатическимъ стилемъ.

43) Программа лекцій Вандали слѣдующая:

Возникновеніе современнаго восточнаго вопроса.—Освобожденіе Греціи.—Мегеметь Али и Египетскій кризисъ.—Крымская война.—Исполненіе и пересмотръ Парижскаго трактата.—Русско-турецкая война 1877/1878 года и Берлинскій конгрессъ.—Вопросъ относительно исполненія Берлинскаго трактата.—Тунисъ, Египетъ и Болгарія.

44) Vandal, Alb. Louis XIV et l'Egypte. Paris. Picard, 1889 in 8°.—Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris. Plon, 1882 in 8°.—Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission de Mis de Villeneuve 1728—1741. Paris. Plon, 1887 in 8°.—Napoléon I et Alexandre. L'alliance russe sous le premier empire. I. De Tilsit à Erfurt. Paris. Plon, 1891 in 8°.

образомъ ихъ смыслъ и значеніе. Отъ того страдаетъ сама историческая истина. Вандаля такъ любитъ красивыя фразы и слова, что невольно находитъ поводъ и случай тамъ, гдѣ они недостаточно оправдываются историческими фактами: онъ невольно въ силу склонностей своего ума и вкусовъ подгоняетъ не столько форму къ содержанию, сколько содержаніе къ формѣ. Впрочемъ, пристрастіе Вандалья къ риторикѣ находитъ оправданіе вообще въ томъ, что ее очень любитъ французское общество. Для того, чтобы изгнать ее изъ университетскаго преподаванія, нуженъ былъ цѣлый походъ нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ, воспитанныхъ на нѣмецкихъ образцахъ, да и теперь ея корни еще очень живучи. Я сужу по тому, какими аплодисментами награждаетъ аудиторія Вандалья за вычурныя стилистическія фигуры въ его рѣчи, за остроты въ родѣ „пролитія большаго количества чернилъ и малаго количества крови“, за изображеніе „трехцвѣтнаго знамени развѣвающимся въ защиту гуманности и прогресса“.

Съ большимъ любопытствомъ пошелъ я на лекцію Анатоля Лероа Боле о политической исторіи разныхъ Европейскихъ государствъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ ⁴⁵⁾. Мнѣ хотѣлось поглядѣть на знаменитаго знатока Россіи и виѣстѣ съ тѣмъ послушать научную лекцію о томъ, что обыкновенно бываетъ предметомъ политическихъ памфлетовъ и руководящихъ газетныхъ статей. Нужно сказать, что подобный курсъ составляетъ одну изъ исключительныхъ особенностей *Ecole libre des sciences politiques*. Я не знаю другого высшаго заведенія во Франціи, гдѣ бы съ каедръ трактовалась исторія, совершающаяся на нашихъ глазахъ. Отсутствие исторической перспективы, отсутствіе главнѣйшихъ источниковъ, необходимость по частному судить объ общемъ, по внѣшности заключать о внутреннемъ значеніи исключаетъ въ глазахъ большинства профессоровъ современныя событія изъ области научнаго изученія, слѣдовательно и изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія. Эти соображенія не остановили Буття. На его взглядъ современное преподаваніе и грѣшитъ тѣмъ, что оно слишкомъ много занимается отдаленнымъ прошлымъ и слишкомъ мало настоящимъ. Пополнить этотъ пробѣлъ въ высшемъ образованіи и должна была по его идеѣ *Ecole libre des sciences politiques*. Его не смутила новизна и необычайность подобнаго курса. „Профессора“, пишетъ онъ въ отчетѣ о состояніи школы, „исторіи дипломатической, конституціонной, парламентской и законодательной

⁴⁵⁾ Вотъ въ чемъ состоитъ болѣе подробная программа его лекцій:

I. Восточная Европа.—Россія.—Турція.—Балканскія государства.

II. Центральная и южная Европа.—Австро-Венгрія.—Германія.—Италія и папскій престолъ.—Испанія.—Швейцарія.—Бельгія и Голландія.

не могутъ, а можетъ быть и не должны заниматься событіями, совершающимися на нашихъ глазахъ: они изучаютъ совершившееся, а не совершающееся, оттого-то и становится необходимымъ такой курсъ, который давалъ бы возможность будущимъ дипломатамъ приложить къ современнымъ событіямъ свѣдѣнія, приобретенныя ими при изученіи исторіи и права“. Признавая вполне необходимость и всю практическую пользу подобнаго курса, можно было бы только усумниться въ его научности, если бы его читалъ иной кто, а не Анатоль Лероа Болье. Вся предшествующая его разносторонняя ученая дѣятельность, продолжительное и глубокое изученіе главныхъ вопросовъ, волнующихъ современное общество, подготовили его къ успѣшному разрѣшенію нелегкой задачи, выпавшей на него въ видѣ этого курса. По отзыву Сореля книга Анатоля Лероа Болье: „Императоръ, король, папа и реставрація“ 45) до сихъ поръ остается единственной исторической страницей между всѣмъ, что писалось о Наполеонѣ III. Въ *Revue des deux Mondes* и теперь появляется рядъ его статей о папствѣ, социализмѣ и демократіи 46); въ томъ же приблизительно духѣ написано его сочиненіе о католикахъ, либералахъ, церкви и либерализмѣ съ 1830 года до нашихъ дней 47). Только при такой подготовкѣ могъ Лероа Болье взять на себя трудную обязанность, не сходя съ научной почвы, завершить образованіе молодыхъ людей по всѣмъ отраслямъ политическихъ наукъ и заполнить въ ихъ умѣ пространство, лежащее между областью научнаго изученія и событіями текущей жизни. Своимъ слушателямъ, какъ кажется, извѣстенъ Лероа Болье не столько перечисленными выше сочиненіями, сколько своимъ извѣстнымъ трехтомнымъ трудомъ о Россіи 48). По крайней мѣрѣ его ими до такой-то степени связано въ ихъ представленіи съ понятіемъ о Россіи, что одинъ изъ нихъ, съ которымъ я разговаривалъ до начала лекціи сказалъ мнѣ: самъ Лероа Болье имѣетъ видъ d'un moujik russe. Дѣйствительно, появившійся затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ на кафедрѣ тихую и робкою походкою Анатоль Лероа Болье своею болѣзненной наружностью мало подходилъ къ обыкновенному типу

III. Великобританія и колоніальная политика разныхъ народовъ. — Англичане и русскіе въ Азіи. — Египетскій вопросъ. — Раздѣлъ Африки.

45) Leroy-Beaulieu, An. Un empereur, un roi, un pape, une restauration. Paris. Charpentier, 1879.

46) Id. La papauté, le socialisme et la démocratie. Rev. d. d. Mond. 15 déc. 1891.

47) Id. Les Catholiques—libéraux, l'église et le libéralisme de 1830 à nos jours. Paris. Plon, 1885 in 18°.

48) Id. Empire des tsars et les Russes. Paris. Hachette. 1882 — 1889. 3 v. in 8°.

живаго, энергичнаго француза, а своєю нестриженою бородою и длинными волосами оправдывалъ странное уподобленіе, сдѣланное на его счетъ однимъ изъ его слушателей. Наливъ въ стаканъ воды и положивъ туда по французскому обычаю сахару Лероа Болье началъ лекцію, помѣшивая ложечкою въ стаканѣ. Говорить онъ медленно, но ясно и плавно, съ мягкими жестами, пріятнымъ пѣвучимъ голосомъ, изрѣдка оживляя лекцію какимъ нибудь характернымъ анекдотомъ. При щекотливости разбираемыхъ имъ вопросовъ, при постоянной возможности задѣть или оскорбить взгляды своихъ слушателей, онъ старается быть въ высшей степени умѣреннымъ въ выраженіяхъ и осторожнымъ въ выводахъ. Его лекція походитъ не столько на исторію новѣйшихъ событій, сколько на разсужденія объ нихъ. Онъ стремится найти въ нихъ все существенное и возстановить ускользающую для большинства связь съ предшествующимъ и то, что можетъ показаться на первый взглядъ случайнымъ, возвести къ общимъ причинамъ. Онъ не стѣсняется хронологіей, онъ беретъ изъ событій самыя характерныя, которыя и группируетъ по произволу, преслѣдуя только ту цѣль, чтобы у слушателей получалось ясное, цѣльное представленіе о главныхъ современныхъ явленіяхъ.

Отъ исторіи дипломатической я перехожу къ исторіи государственнаго права, конституціонной и законодательной, какъ она называется въ программахъ *Ecole libre des sciences politiques*. Конституціонную исторію Франціи съ 1789 по 1875 годъ читаетъ Діецъ ⁴⁹⁾, главный редакторъ самой ученой французской газеты „*Journal des Débats*“. Это тоже одна изъ особенностей школы, что къ профессорской каведрѣ получаютъ одинаковый доступъ на ряду съ профессиональными учеными и чиновники, и журналисты. Это одно изъ примѣненій принципа свободы, положеннаго въ основу устройства школы. И принципъ этотъ при томъ рѣдкомъ дарѣ открывать способности, которымъ отличается директоръ школы Бутми, былъ въ высшей степени плодотворенъ для пополненія преподавательскаго персонала. Хотя напримѣръ у Діеца почти нѣтъ ученыхъ сочиненій, хотя его дѣятельность посвящается главнымъ образомъ вопросамъ публицистики, это не мѣшаетъ его курсу быть въ высшей степени обработаннымъ и продуманнымъ. А читаетъ онъ его съ внѣшней стороны положительно безукоризненно. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такого живаго, подвижнаго

⁴⁹⁾ Діецъ читаетъ по слѣдующей программѣ:

Организація парламентскихъ и законодательныхъ работъ въ революціонныхъ собраніяхъ во время консульства и имперіи.—Дѣло „*grands comités*“.—Уничтоженіе феодализма и кодексъ гражданскаго права.—Кодексъ преступле-

лектора. Во время чтенія Діецъ разводитъ руками, качаетъ головой, пожимаетъ плечами, но все это дѣлается такъ умѣстно, естественно и непринужденно, что эта живость дикціи подкупаетъ слушателя и усиливаетъ въ немъ интересъ къ лекціи.

Конституціонную исторію Европы съ 1789 года до нашихъ дней ⁵⁰⁾ читаетъ Лебонъ, начальникъ канцеляріи президента сената. Лебонъ является вполне питомцемъ школы. По окончаніи курса съ отличіемъ онъ былъ отправленъ на ея счетъ въ Англію для занятія въ архивахъ. Оттуда привезъ онъ матеріалы для своего сочиненія объ Англіи и французской эмиграціи и издалъ его подъ непосредственнымъ руководствомъ и съ предисловіемъ Сореля ⁵¹⁾. Съ 1887 года, когда появилась первая работа Лебона, подъ его именемъ вышло уже много изданій по исторіи дипломатіи, между которыми я укажу на тщательный трудъ въ собраніи инструкцій, данныхъ французскимъ министрамъ и посламъ о Баваріи, Палатинатѣ и другихъ мелкихъ

ній и наказаній IV года и уголовный кодексъ.—„La constitution civile du clergé“ и конкордатъ.—Университеты.—Первая реставрація и „сто дней.“—Ордоанасы 5 сентября.—Законы о выборахъ, о печати, объ арміи.—Кабинетъ Виллеля.—Законы о святотатствѣ, о правѣ старшинства, о печати (законы, называемые *de justice et d'amour*).—Полиция и ордоанасы.—Іюльская монархія.—Законъ 1833 года о первоначальномъ образованіи.—Коалиція.—Министерство Гизо.—Революція 1848 года.—Законъ 1850 объ образованіи.—Законъ 31 мая.—Имперія.—Законодательное и экономическое движеніе до 1860 г. „Пятеро“—усиліи либеральныхъ идей.—19 января 1867 г.; законы о собраніяхъ и о печати.—Кабинетъ Оливье.—Плебисцитъ.—Національная оборона, правительство Тьера, очищеніе территоріи.—24 мая 1873 г.—Свобода высшаго образованія.—Обсужденіе конституціи 1875 года.

⁵⁰⁾ Лебонъ разсматриваетъ ближайшимъ образомъ слѣдующія явленія:

Англія. Источники конституціоннаго права.—Аристократія; ея основы въ земельной собственности; роль въ мѣстномъ управленіи; палата лордовъ.—Средніе классы; составъ избирателей въ 1832, 1867 и 1868 годахъ, палата общинъ, законодательный органъ и основа всего правительства.—Исполнительная власть, министры, король, кабинетъ.

Соединенные штаты. Федеральная конституція; историческій очеркъ ея развитія.—Исполнительная власть.—Избраніе президента; его права.—Министры и палаты.—Конгрессъ, сенатъ, его исполнительная власть; палата депутатовъ.—Судебная власть, ея политическое значеніе.—Государственное устройство отдѣльныхъ штатовъ: ихъ отношеніе къ федеральной власти.

Франція. Французскія конституціи съ 1791 по 1875 гг.—Обзоръ главныхъ конституціонныхъ вопросовъ: двѣ палаты, ихъ права, ихъ отношеніе къ исполнительной власти.—Отвѣтственность министровъ.—Пересмотры конституціи.

⁵¹⁾ Lebon, Andr. Angleterre et l'émigration française de 1794—1801. Paris, Plon, 1882 in 8°.

нѣмецкихъ государствъ 52). Плодъ его занятій государственнымъ правомъ составляетъ сочиненіе о нѣмецкой конституціи 53) и нѣкоторыя другія изданія, которыя носятъ слишкомъ спеціальный характеръ, для того, чтобы говорить объ нихъ въ этомъ общемъ очеркѣ постановки историческаго преподаванія въ *Ecole libre des sciences politiques*. Лебонъ не обладаетъ свойствами выдающагося лектора; онъ читаетъ медленно, сухо и дѣловито, постоянно заглядывая въ записки. Его чтеніе напоминаетъ докладъ чиновника, оно сосредоточивается главнымъ образомъ на фактахъ, что не исключаетъ однако въ Лебонѣ стремленія отыскивать за внѣшнею организаціею учреждений ихъ духъ и значеніе, за парламентскимъ устройствомъ видѣть роль партій, за избирательными законами роль классовъ.

Въ моемъ очеркѣ, несмотря на его краткость, былъ бы ощутительный пробѣлъ, еслибы я не сказалъ ничего о курсѣ Леви Брюля, основываясь на томъ, что въ этомъ году онъ не читается. Онъ посвященъ „исторіи политическихъ идей и общественнаго мнѣнія за послѣдніе два вѣка“, т. е. изученію того могущественнаго фактора, который царитъ безраздѣльно въ государствахъ съ свободными учреждениями и которому принадлежитъ глухое и скрытое, но тѣмъ не менѣе и неотразимое вліяніе въ государствахъ, съ формами наружно исключаящими возможность этого предположенія. „Вы требуете отъ насъ уступокъ Россіи, говорилъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ лорду Странгфорду въ 1821 году, вы говорите, что мы идемъ на вѣрную гибель, разрывая съ ней, но султанъ не можетъ дѣйствовать иначе, не то народъ и янычары сочтутъ его недостойнымъ властвовать надъ собою“ 54). Въ двухъ величайшихъ событіяхъ этого вѣка объединеніи Германіи и объединеніи Италіи выразилась сила общественнаго мнѣнія и сказалось его торжество. Курсъ Леви Брюля, насколько можно судить по его программѣ и по интересной его книжкѣ „Германія послѣ Лейбница“ (очеркъ развитія національнаго нѣмецкаго самосознанія) 55) и ставитъ своею задачею показать, какъ возникла и развилась національная идея въ Германіи, какъ побѣдила она космополитизмъ, какъ отождествилась постепенно съ идеей единаго государства. Леви Брюль старается указать, что сдѣлалъ каждый

52) *Id. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...* VII. Bavière, Palatinat, Deux-Ponts... in 8°.

53) *Etudes sur l'Allemagne politique*. Paris. Plon, 1890.

54) № 124, ССХХХІІІ Т. Д., А. Ф. М. И. Д. Вѣлла къ Пакъе 1 августа 1821 г.

55) *Levy-Bruhl. L'Allemagne depuis Leibnitz. Essais sur le développement de la conscience nationale en Allemagne. 1700—1748*, Paris. Hachette. 1890.

отдѣльный человѣкъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, какую роль играли профессора, школьные учителя, поэты, философы, политическіе дѣятели. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать исторію идей и потому, естественно, противъ книги Леви Брюля было сдѣлано не мало возраженій, а ихъ не стану здѣсь повторять. Еслибы даже онъ и преувеличилъ значеніе учителей и профессоровъ въ дѣлѣ объединенія Германіи, то этимъ онъ раздѣлилъ бы только увлеченіе французскихъ профессоровъ нѣмецкими университетами и ихъ свойствами, но отъ нѣкоторыхъ крайностей все же не умалилась бы важность его курса, интереснаго по замыслу и предмету, такъ какъ настроеніе человѣка и общество всегда останется главною причиною событій.

Считая, что семинаріи при нѣмецкихъ университетахъ являются главными разсадниками науки, что именно онѣ развиваютъ въ студентахъ любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ, Бутинъ создалъ нѣчто подобное и въ своей школѣ въ видѣ *groupes de travail*. Первоначально этой цѣли служили конференціи, имѣвшія задачей развивать въ слушателей тѣ способности, которыхъ не можетъ затронуть преподаваніе съ кафедръ, открывать студентамъ доступъ къ источникамъ подъ руководствомъ профессоровъ, но потомъ онѣ получили характеръ профессиональной подготовки и образовавшійся такимъ образомъ пробѣлъ былъ заполненъ *groupes de travail*. *Groupes de travail* по замыслу основателя должны были приучать студентовъ заниматься изъ любви къ знанію, а не только ради приобрѣтенія аттестата. Въ нихъ должны были найти просторъ индивидуальность молодаго человѣка, особенности его мышленія, онѣ должны были объединить въ совокупной работѣ учителя и ученика, укрѣпить дружественную связь между студентами общимъ стремленіемъ къ научнымъ занятіямъ. Въ группахъ два разряда: высшій и низшій. Въ высшемъ уже окончившіе курсъ разрабатываютъ отдѣльные научные вопросы подъ руководствомъ профессоровъ, въ низшемъ, подготовительныхъ къ высшимъ, занимаются студенты подъ предсѣдательствомъ одного изъ бывшихъ учениковъ школы. Мнѣ удалось побывать на засѣданіи обоихъ видовъ *groupes de travail*.

Въ студенческомъ собраніи юный предсѣдатель исполнялъ свои обязанности съ большимъ искусствомъ и увѣренностію. По обычаю засѣданіе открылось такъ-называемымъ *exposé*. Одинъ изъ участниковъ, заранѣе подготовившись, долженъ былъ устно изложить отдѣльный экзаминаціонный вопросъ по своему выбору ровно въ десять минутъ. Въ ограниченности времени и заключалась вся трудность

задачи. Для того, чтобы въ такой короткій срокъ дать слушателямъ полное и ясное понятіе о предметѣ, нужно было умѣнье говорить сжато и стройно. Когда ехрозé кончилось, предсѣдатель и секретарь произвели его опѣнку, указали слабыя и сильныя, по ихъ мнѣнію, его стороны; студентъ защищался, и въ начавшемся оживленномъ спорѣ нашли себѣ полный просторъ познанія и діалектическія способности говорившихъ; слушатели, которыхъ было съ дюжину, видимо слѣдили за преніями съ большимъ интересомъ.

Затѣмъ на кафедру взомель какой-то южный американецъ и на очень плохомъ французскомъ языкѣ прочелъ вторую часть своего довольно наивнаго реферата, имѣвшаго притязаніемъ изобразить политику нейтральныхъ державъ во время франко-прусской войны. Я не знаю, что послужило ему пособіемъ; онъ про это не обмолвился ни единымъ словомъ; самое большое, какой-нибудь учебникъ новѣйшей дипломатической исторіи да нѣсколько дурно понятыхъ отрывковъ изъ книги Сореля о франко-прусской войнѣ. Тѣмъ забавнѣе было слышать изъ его устъ громкія фразы: „я далекъ отъ того, чтобы быть противникомъ революціи 4 сентября, но считаю ее вредной съ дипломатической точки зрѣнія“. Слушатели, занявшіе удобныя позы на мягкихъ диванахъ небольшой, свѣтлой и уютно убранной аудиторіи, держали себя очень прилично, ничѣмъ не обнаруживая скуки или нетерпѣнія, одинъ негръ ухитрился даже записывать. Несмотря на довольно замѣтныя ошибки референта, возражать ему охотниковъ не нашлось и, поговоривши минутъ съ двадцать, онъ сошелъ съ кафедры при жидкихъ аплодисментахъ, чѣмъ засѣданіе и кончилось.

Мнѣ кажется, что необыкновенная широта темъ, избираемыхъ участниками *groupes de travail* составляетъ явленіе вредное, она не столько пріучаетъ ихъ въ разумному, толковому чтенію, сколько развиваетъ въ нихъ поверхностность и привычку къ повторенію общихъ мѣстъ. Что, напримѣръ, можно сказать въ теченіе часа о значеніи этнографическаго элемента въ восточномъ вопросѣ, или о другой темѣ, своею обширностію не уступающей названнымъ выше? Но, помимо этого, студенческія *groupes de travail* приносятъ несомнѣнную пользу: онѣ развиваютъ товарищескій духъ и пріучаютъ къ умѣнью говорить, организовывать общества, что совершенно необходимо въ странѣ съ сильно развитою парламентскою жизнію.

Засѣданіе высшей *groupe de travail* по дипломатической исторіи происходило подѣ предсѣдательствомъ Вандаля, любезно допустившаго меня въ число слушателей. Къ сожалѣнію, я попалъ неудачно; мнѣ хотѣлось составить себѣ понятіе о научномъ влияніи школы, мнѣ хотѣлось видѣть, какъ занимаются питомцы школы, какъ руководятъ ими профессора, этого-то мнѣ и не удалось. Референтомъ былъ не

ученикъ Ecole libre des Sciences politiques, а ученикъ Ecole d'Athènes, давно уже ставшей на свои ноги. Къ тому избранный имъ вопросъ отличался такою спеціальностію, что исключалъ всякую возможность руководства со стороны профессора. Рефератъ былъ посвященъ этнографіи современной Македоніи. Съ вѣшной стороны онъ былъ прочитанъ безукоризненно, референтъ говорилъ очень свободно, очень красиво, съ большимъ оживленіемъ, но самое содержаніе оставляло на мой взглядъ желать лучшаго. Вина тому кроется въ двойственности характера, приданнаго докладчикомъ его сообщенію. Это разъ и ученое изслѣдованіе, и описаніе личныхъ путевыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Македоніи, оттого историческій и этнографическій очеркъ не имѣетъ достаточной глубины и основательности, а описаніе путешествія по неволѣ утрачиваетъ часть своей живости и картинности. Вандавъ, сдѣлавъ красивое резюме реферата, предложилъ слово представителямъ балканскихъ народностей (составъ школы, какъ я уже говорилъ, чрезвычайно разнообразенъ и въ средѣ студентовъ есть всегда нѣсколько грековъ и славянъ), тѣ оказались не на высотѣ задачи, они перенесли пренія на совершенно ненаучную почву политическихъ вкусовъ и настроенія балканскихъ народовъ и, видя ихъ несостоятельности, Вандавъ поспѣшилъ заключить засѣданіе. Если этотъ рефератъ и не давалъ ничего для научнаго развитія слушателей въ смыслѣ методовъ и приѣмовъ, то все же онъ былъ полезенъ, сообщая имъ новыя свѣдѣнія и расширяя ихъ политическій кругозоръ.

Къ сожалѣнію, въ ту пору, когда я писалъ этотъ очеркъ, не происходило ни одного собранія groupe de travail подъ предѣтельствомъ Сореля, и я былъ такимъ образомъ лишентъ возможности составить объ немъ понятія, какъ объ руководителѣ семинарія. Судя потому, однако, какъ много пользы приносятъ студентамъ его конференціи, судя по превосходной его статьѣ объ особенностяхъ изученія дипломатической исторіи, онъ обладаетъ всѣми необходимыми качествами, чтобы распространять на занимающихся подъ его руководствомъ самое благотворное научное вліяніе.

Въ видѣ поощренія школа печатаетъ лучшія изъ возникающихъ такимъ образомъ работъ на страницахъ своего журнала, который сталъ выходить съ 1886 года подъ заглавіемъ „Лѣтописей свободной школы политическихъ наукъ 51)“. Журналъ этотъ, тщательно редактируемый и составляющій за каждый годъ увѣсистый томъ большого формата, не можетъ не быть интереснымъ, уже судя по имени

⁵¹⁾ Annales de l'école libre des Sciences Politiques, recueil trimestriel. Paris. Alcan.

сотрудниковъ. Большинство профессоровъ школы помѣщаютъ въ немъ отрывки своихъ сочиненій, прежде ихъ выхода въ свѣтъ, отдѣльными изданіями. Въ каждомъ почти номерѣ можно найти одну или двѣ статьи, подписанную такими именами, какъ Сорель, Леонъ Сэ, Пижонно, Бутми, Стурмъ, Вандаль, Лебонъ и друг. При дѣятельномъ сотрудничествѣ профессоровъ и бывшихъ воспитанниковъ школы, студенческія сочиненія естественно не могутъ занимать много мѣста на страницахъ этого журнала, они тамъ рѣдкіе гости, являющіеся главнымъ образомъ среди рецензій и какъ всѣ рецензіи начинающихъ, они ограничиваются тѣмъ, что стараются дать вѣрное понятіе о разбираемыхъ книгахъ, не пускаясь въ особую критику.

Въ такомъ видѣ представляется историческое преподаваніе въ *Ecole libre des Sciences politiques* за 1891—1892 учебный годъ. Безъ сомнѣнія, счастливый составъ профессорской коллегіи, выдающіеся способности многихъ изъ ея членовъ поддерживаютъ его на высокомъ научномъ уровнѣ и не даютъ ему превратиться въ повтореніе избыточныхъ общихъ мѣстъ и пустое фразерство. Но при широтѣ курса опасность съ этой стороны есть, и всегда будетъ потому представляться болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, чтобы подобная программа, какъ бы ни было талантливо ея исполненіе, могла пробудить въ слушателяхъ жажду настоящаго, научнаго знанія и умѣнье приобрѣтать его самостоятельно. Существованіе *groupes de travail* еще ничего не доказываетъ. Большинство ихъ участниковъ рядомъ съ *Ecole libre des Sciences politiques* посѣщало другія высшія заведенія, да еслибы даже во всѣхъ статьяхъ, принадлежащихъ студентамъ въ Лѣтописяхъ школы, можно было видѣть исключительные плоды ученаго вліянія *Ecole libre*, его нельзя было бы назвать исполнѣ благотворнымъ. Въ нихъ нѣтъ той тщательности критической обработки, той основательности, той глубины изслѣдованія, которыми отличаются труды *École des chartes*, *École de d'Athènes*, *École de Rome*, и которыя въ связи съ ясностію мысли и даромъ изложенія обезпечиваютъ за французскою наукою такое блестящее будущее.

Произнося это сужденіе, я долженъ оговориться, что оно основывается на томъ впечатлѣніи, которое произвело на меня историческое преподаваніе въ школѣ, что, можетъ быть, оно было инымъ, еслибы я прослушалъ всѣ курсы. Затѣмъ, смотря на историческое преподаваніе съ точки зрѣнія научнаго вліянія, изъ желанія отмѣтить то, что можетъ интересовать пріѣзжающихъ въ Парижъ русскихъ, я дѣлаю своего рода натяжку, такъ какъ *Ecole libre des Sciences politiques* и не поставляетъ своею первою цѣлью быть разсадникомъ чистой, строгой научности. Она стремится прежде всего дать своимъ воспитанникамъ основательное политическое образованіе, дать имъ

вѣрное понятіе о современности, сдѣлать изъ нихъ практическихъ дѣятелей, которые умѣли бы примѣнять къ жизни пріобрѣтенныя научныя свѣдѣнія. Отъ этой практической дѣятельности не отказываются сами профессора *Ecole libre*, несмотря на всю свою ученость. Сорель, напр., остается первымъ секретаремъ Сената; Лероа Боллеученный, не пренебрегающій публицистикою въ широкомъ смыслѣ этого слова; Діенъ и Кёкленъ прямо журналисты; Лебонъ начальникъ канцеляріи; Вандаль не такъ давно вышелъ только въ отставку изъ должности дѣлопроизводителя въ Государственномъ Совѣтѣ. Преслѣдуя эти практическія цѣли, школа попутно не упускаетъ однако случая служить исторіи, какъ наукѣ, а какъ образовательному предмету. Она поощряетъ въ своихъ ученикахъ возникновеніе чисто научныхъ стремленій, создавая стипендіи для заграничныхъ путешествій лучшихъ студентовъ, помѣщая ихъ труды на страницахъ своего журнала. Среди программъ высшаго образованія она открыла чувствительный пробѣлъ въ видѣ отсутствія курсовъ, посвященныхъ ближайшимъ событіямъ и счужѣла заполнить этотъ пробѣлъ. Въ этомъ ея неоспоримая заслуга, и съ этой точки зрѣнія она любопытна для всякаго русскаго, пріѣзжающаго въ Парижъ.

Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ.

А. С. Вязьгина.

Уясненіе значенія историческихъ дѣателей представляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ и наиболѣе интересныхъ задачъ исторической науки. При рѣшеніи этой задачи чрезвычайно важное значеніе имѣютъ отзывы современниковъ, обыкновенно лежащіе въ основу послѣдующихъ воззрѣній: потомству, вооруженному научными приѣмами, порой чуждому страстей, волновавшихъ далекое прошлое, приходится, повидимому, только исправлять односторонность ихъ приговора. Но чѣмъ выше историческій дѣатель, чѣмъ шире кругъ его воздѣйствія на современное ему общество, чѣмъ крупнѣе плоды его жизни, тѣмъ сильнѣе и живучѣе разногласіе въ сужденіяхъ о немъ, въ его оцѣнкѣ: то и другое начало, та или иная мысль, имъ выраженныя или проводимыя, затрогиваютъ въ большей или меньшей степени и отдаленное потомство, часто рѣзко отрицающее то, предъ чѣмъ преклонялись его отцы или чему послужать его внуки. Этимъ объясняется неустойчивость и колебаніе во взглядахъ на Цезаря, Лютера, Наполеона и многихъ другихъ дѣателей прошлаго. Правда, тысячи работниковъ различныхъ вѣковъ и народовъ содѣйствуютъ приближенію къ истинѣ. Съ какой, однако, медленностью и какими затрудненіями прокладываетъ себѣ путь болѣе трезвое отношеніе, показываетъ хотя бы бѣглый очеркъ смѣны сужденій о такой крупной личности, какъ Григорій VII.

Смутная пора зарожденія новаго направленія въ жизни народовъ всегда сопровождается разгаромъ страстей и бурными проявленіями дремлющихъ силъ. Разъ будущее даетъ битву прошедшему, нечего и думать о безпристрастіи и справедливости взглядовъ на пред-

ставителей сталкивающихся течений: всюду царить духъ нетерпимости и партійной исключительности. Поэтому важно знать, какъ смотритъ на себя самъ Григорій VII ¹⁾. Онъ видѣлъ въ себѣ орудіе божественнаго промысла, направленное къ установленію царства Бога на землѣ, поборника справедливости, врага всего неправого и мірскаго, но въ то же время отлично сознавалъ нравственное несоотвѣтствіе своихъ средствъ и преслѣдуемой идеальной цѣли, казнился и мучился этимъ, видя неудачу своихъ начинаній, встрѣчая въ большинствѣ противниковъ, вмѣсто союзниковъ. Неудивительно поэтому, что Григорій самъ отмѣтилъ разногласіе, существовавшее при оцѣнкѣ его дѣятельности: „въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ и побужденіяхъ, пишетъ онъ ²⁾, одни находятъ меня жестокимъ, другіе непомерно снисходительнымъ“. Другой современникъ выразился ³⁾ еще рѣзче: „Весь христіанскій Западъ раздѣлился надвое: одни говорятъ, что Григорій добръ, другіе называютъ его лжепастыремъ, лжемонахомъ и лжехристіаниномъ“. — Не трудно, однако, подмѣтить, что подобное разнорѣчіе является отраженіемъ взглядовъ писателей на происшедшія предъ ихъ глазами событія, прямымъ слѣдствіемъ ихъ принадлежности къ той или иной партіи: такъ для слѣпыхъ и ярыхъ сторонниковъ церковныхъ преобразованій за неустанные труды въ этомъ направленіи Григорій былъ посланникомъ небесъ, „вторымъ Ильей“, „возстановителемъ поправленныхъ завѣтовъ первоначальной христіанской чистоты“. И вотъ Боницо ⁴⁾, Бернридь ⁵⁾, Вало ⁶⁾, Ансельмъ еп. Лукскій ⁷⁾, Гебгардь арх. Зальцбургскій ⁸⁾, Бардо ⁹⁾, Доницо ¹⁰⁾ и множество мелкихъ памфлетистовъ ¹¹⁾ поютъ Григорію хвалебныя гимны, фанатики мо-

¹⁾ Наиболее сказывается отношеніе Григорія къ себѣ и своимъ задачамъ въ его письмахъ, изданныхъ Филиппомъ Яффѣ (*Bibliotheca rerum Germanicarum*. T. II. *Monumenta Gregoriana*).

²⁾ R. I № 77 с. 97.

³⁾ *Widonis Ferriensis, de scismate Hildebrandi*. M. G. S. T. II. Lib. I с. 2 р. 156.

⁴⁾ *Liber adamicum* Laffé B. R. G. T. II.

⁵⁾ *Vita Gregorii* R. P. VII. Watterich, *Vitae rom. pont.* T. I.

⁶⁾ *Epistola ad Gregorium pont.* Migne C. P. ser. lat. T. 148.

⁷⁾ *Anselmi Lucensis episcopi Liber contra Wibertum*. Libelli de lite Imp. et Pont.

⁸⁾ *Gebehardi Salisburgensis archiepiscopi epistola*. Libelli de lite Imp. et Pont. T. I.

⁹⁾ *Vita Anselmi ep. Lucensis* M. G. S. T. XII,

¹⁰⁾ *Vita Mathildis* M. G. S. T. XII.

¹¹⁾ *Bernoldi chronicon*. M. G. S. T. V. *Bertholdi Annales* M. G. S. T. V. *Bernoldi opuscula* Migne C. P. ser. lat. T. 148.

нахи Шварцвальдскихъ монастырей ¹²⁾ и Валломброзо ¹³⁾ чтутъ его, какъ святого, ведущаго добро къ побѣдѣ надъ зломъ. За то находились ревнители, считавшіе Гильдебранда недостаточно неумолимымъ и непреклоннымъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, указывавшіе новые пути для ея достиженія. Таковъ кардиналъ Гумбертъ, выдвинувшій совѣсть мірянъ, какъ могучій рычагъ для проведенія преобразованій ¹⁴⁾. Да и въ сердцахъ поборниковъ возстановленія преданій императорскаго Рима, какъ главы вселенной, дѣятельность Григорія, работавшаго надъ возведеніемъ вѣчнаго города на степень столицы міродержавныхъ намѣстниковъ Бога, находила сочувственный откликъ: епископъ Альфонъ Салернскій ¹⁵⁾ прославлялъ Григорія за это стремленіе на ряду съ героями древняго Рима.

Зато ярне и неумѣренные приверженцы прежняго строя и существовавшихъ издавна отношеній между папствомъ и императорствомъ напрягаютъ всѣ усилія, чтобы подорвать нравственное обаяніе его личности, доказавъ честолюбивую и своекорыстную основу всѣхъ его побужденій. Въ этомъ отношеніи Бенцо ¹⁶⁾, еп. Альбскій и кардиналъ Бенно ¹⁷⁾ не знаютъ себѣ соперниковъ. Если вѣрить ихъ пламеннымъ обвиненіямъ и остроумнымъ нападкамъ, то нѣтъ преступленія, которое не тяготѣло бы надъ головой преступнаго монаха, нарушившаго царившую прежде тишину своими „дьявольскими измышленіями“, волшебника, прелюбодѣя и убійцы.

Но и между имперіалистами были люди болѣе спокойные и трезвые: они сознавали всю шаткость и произвольность подобныхъ заявленій, хотя усматривали въ Григоріи виновника церковныхъ неурядицъ (Вальрамъ, еп. Наумбургскій ¹⁸⁾, возведшаго свой произволъ выше всѣхъ установленій (Видо-Оснабрюжскій ¹⁹⁾, Петръ Крассъ ²⁰⁾. Особенно сильное проводѣйство вызывали мѣры Григорія противъ безбрачія (Зигибертъ ²¹⁾; *Epistola cujusdan contra iaicorum in pres-*

¹²⁾ Migne C. P. ser. lat. T. 143.

¹³⁾ Наибольшаго вниманія заслуживаютъ: Manegoldi ad Gebehardum Liber. Lib. de lite Im. et Pont. T. I. и сочиненія Альтмана, еп. Пассаускаго. Paderborn 1890.

¹⁴⁾ Humberti Cardinalis Libri III adversus simoniacos. Lib. de lite Im. et Pont. T. I.

¹⁵⁾ Ozanam, Documents inédits.

¹⁶⁾ Panegyricus ad imperatorem Heinricum IV. M. G. S. T. XI.

¹⁷⁾ De vita et gestis Hildebrandi. Goldasti Apologia pro Henrico IV.

¹⁸⁾ De unitate ecclesiae conservanda.

¹⁹⁾ Excerpta ex Wiponis Osnabrugensis Libro de controversia inter Hildebrandum et Heinricum imperatorem. Libelli de lite Im. et Pont. T. I.

²⁰⁾ Defensio Heinrici IV regis. Lib. de lite Imp et Pont.

²¹⁾ Sigiberti Chronicon M. G. S. T. VI.

byteros conjugatos calumniam 22). *Epistola Udalrici ad Nicolaum papam* 23). Впрочемъ, даже при беззавѣтной преданности императору иные находили церковныя преобразованія необходимыми и лишь не смѣло укоряли папу въ необузданности и произволѣ. Въ свою очередь, нѣкоторые паписты отбѣняли слабыя стороны своего вожда: безызвѣстные монахи, бѣжавшіе міра и его страстей, робко отиѣчали на страницахъ своихъ скудныхъ подробностями хроникъ: „Этотъ папа первый присвоилъ себѣ управление государствомъ и управлялъ вселенной, какъ императоръ 24). Жаживо погребенный въ своей кельѣ, Маріаннъ Скоттъ 25) тоже порицаетъ крутыя средства и мѣры Григорія, хотя признаетъ, что онъ стремился къ обновленію человѣчества, погрозшаго въ порокахъ.

Равнымъ образомъ, умѣренные паписты, признававшіе необходимымъ преобразованіе церкви и ратававшіе за большую независимость апостольскаго престола, не раздѣляли вполне воззрѣній Григорія на отношенія между властями и склонялись къ признанію державныхъ правъ императора. Такъ смотрѣли: Даміани 26), Дезидерій Монтекасинскій 27), Гуго Клявнійскій 28). Они же, опредѣляя значеніе дѣятельности Григорія, ставятъ ему въ заслугу то, что онъ провелъ реформу во всѣхъ странахъ Западной Европы, не ограничиваясь, подобно предшественникамъ, одной Италіей. Справедливость подобнаго замѣчанія доказываетъ широкій интересъ къ личности и дѣятельности папы, замѣчаемый у современныхъ ему писателей почти всѣхъ странъ Европы, хотя и здѣсь мѣриломъ при ея оцѣнѣ являются мѣстныя условія и обстоятельства. Англо-саксонскіе лѣтописцы 29) отзываются о ней съ горечью и сожалѣніемъ, видя въ Гильдебрандѣ виновника униженія и порабоженія ихъ народа Норманнами. Даже Ланфранкъ 30) разошелся съ Григоріемъ по вопросу о причастіи и отношеніяхъ отдѣльныхъ церквей къ Риму.

Во Франціи, благодаря близости разсадника реформы, Клявни, смотрѣли болѣе благосклонно. Аббатъ Гуго 31) восхваляетъ подвиги

22) Martene et Durand. Thesaurus T. I.

23) Jaffé B. R. G. T. V. vita Heinrici IV. M. G. S. T. XII.

24) Annales Romualdi. M. G. S. T. XII.

25) Mariani Scotti chronicon M. G. S. T. V.

26) Petri Damiani, Opera omnia Migne C. P. ser. lat. T. 144 и 145.

27) Migne C. P. ser. lat. T. 149.

28) Jaffé M. R. G. T. II.

29) Rogerus de Hoveden. Annalium Anglicanorum libri duo; Guillelmi Malmesberiensis de rebus gestis regum Anglorum M. G. S. T. X.

30) Ludendorf. Berengarius Turonensis.

31) Hugonis Flaviniensis Chronicon. M. G. S. T. VIII.

и настойчивость Григорія, съ какой тотъ, „подобно своему великому тезеѣ, стремился сдѣлать церковь свободной, чистой и православной“, хотя, видимо, не сочувствуетъ его притязаніямъ на безусловную власть въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ всѣхъ странъ.

Вообще, это стремленіе Григорія убить самостоятельность от дѣльныхъ церквей создало ему не мало враговъ. Козьма ³²⁾ довольно рѣзко порицаетъ вмѣшательство Рима въ распри, раздиравшія чешскую церковь, и требованіе безбрачія. Арнульфъ ³³⁾ и Ландульфъ ³⁴⁾ горько упрекаютъ Григорія за покровительство насиліямъ патеровъ, за неуваженіе къ правамъ церкви св. Амвросія, за властное обращеніе съ ломбардскими епископами. Иначе смотрѣли набожные и суетворные Норманны Южной Италіи, чуждые вѣковыхъ мѣстныхъ воспоминаній и освященныхъ временемъ правъ: Аматы ³⁵⁾ восторженно преклоняется предъ личными достоинствами папы и предъ его дѣломъ, а Вильгельмъ Апулійскій ³⁶⁾ усматриваетъ въ немъ „утѣшителя печалей, дорогу къ свѣту, наставника честнаго, сдерживающаго уздою законовъ надменныхъ и покровительствующаго смиреннымъ, грозу преступниковъ и щитъ для правыхъ“. Подобный риторическій отзывъ находится въ нѣкоторой связи съ близкими отношеніями Роберта Коварнаго съ папой. Но эти добрыя связи, равно какъ притязаніи Рима на церковное всесвѣтное главенство, нажили Григорію новаго врага, Анну Комненъ ³⁷⁾. На ея взглядъ: „этотъ безбожный пастырь, исчадіе ночного мрака, съ словами мира и любви на устахъ, съ жадной власти и надменностью въ душѣ, мнилъ себя полубогомъ, а въ императорѣ усматривалъ полуосла, своимъ высокомѣріемъ возбудилъ борьбу, гдѣ не брезгалъ ничѣмъ“.

Въ подобной же неразборчивости и въ средствахъ не стѣснялся укорять папу и непримиримый врагъ Генриха IV, Бруно ³⁸⁾, сочувствующій Григорію тамъ только, гдѣ не страдали интересы возлюбленной Саксоніи. Другой противникъ Генриха, Ламбертъ ³⁹⁾, необыкновенно высоко ставитъ папу, какъ человѣка, но обнаруживаетъ полное непониманіе церковной реформы, не сочувствуя ей, какъ „измѣненію

³²⁾ Cosmae Chronicon Boemorum. M. G. S. T. IX.

³³⁾ Arnulfi Gesta archiepiscoporum Mediolanensium. M. G. S. T. VIII.

³⁴⁾ Landulfi Historia Mediolanensis. M. G. S. T. VIII.

³⁵⁾ L' ystoire de li Normant et la chronique de Robert Viscart par Aimé, moine du Monte Cassin par Champollion-Figeac.

³⁶⁾ Guillelmi Apuliensis, Gesta Roberti Wiscardi. M. G. St T. IX.

³⁷⁾ Alexias Corpus scrip. hist. Byzan. vol. I.

³⁸⁾ Brunonis De bellu saxonico M. G. S. T. V.

³⁹⁾ Lamberti Annales. G. S. T. V.

завѣтовъ Бенедикта Нурсійскаго, не поднимаясь надъ уровнемъ нѣмецкаго монаха, знавшаго только свой родной уголокъ.

Однимъ словомъ, всюду оказываютъ воздѣйствіе партійность, мѣстные интересы, ограниченность и узость писателей, не старавшихся воспроизвести образъ Григорія во всей его полнотѣ.

Правда, два современника ⁴⁰⁾, лично знавшіе его, собрали въ своихъ трудахъ фактической матеріалъ, рисующій Григорія и образомъ христіанскихъ добродѣтелей, и выѣстилищемъ всевозможныхъ пороковъ, но, сознавая полную несовмѣстимость столь противорѣчивыхъ данныхъ, воздержались отъ окончательнаго вывода.

Такимъ образомъ, какъ почти всегда, отзывы современниковъ лишь могутъ послужить основой для сужденій послѣдующихъ историковъ, отклонившихся отъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ видно или только одно хорошее, или только одно дурное. Дѣйствительность же остается подернутой мракомъ пристрастія. При такихъ условіяхъ, очевидно, о выясненіи мірового значенія Григорія его современниками не можетъ быть и рѣчи.

Обстоятельства мало перемѣнились съ полетомъ времени: борьба, возбужденная въ исходѣ XI в., не умолкала въ теченіе остальной части среднихъ вѣковъ, то замирая, то вспыхивая съ новою силою, и этимъ самымъ мѣшала дать цѣльную и всеохватывающую оцѣнку Григорія. Не было ни критической провѣрки источниковъ, ни стремленія отыскать истину. Каждый бралъ у современниковъ Григорія то, что совпадало съ личнымъ настроеніемъ; въ большинствѣ же случаевъ ограничивались или огульной бранью, или неумѣреннымъ восхваленіемъ новаго „святого и мученика“. Начало новаго времени застаётъ многіе памятники XI в. заброшенными и забытыми, интересъ къ Григорію угасшимъ. Новые перевороты разбудили было задремавшую ненависть къ великому папѣ.

Уже съ эпохи возрожденія и реформаціи личность и дѣятельность Григорія VII снова привлекаетъ къ себѣ вниманіе западно-европейскихъ изслѣдователей. Само собой понятно, что пора броженія, смуты и разгаръ борьбы между зарождавшимся протестантизмомъ и католицизмомъ не могли выработать правильной и безпристрастной оцѣнки лица, находившаго или безпощадныхъ и безжалостныхъ хулителей, или восторженныхъ поклонниковъ. Такъ, Гуттенъ видитъ въ немъ „преступнѣйшаго въ мірѣ монаха“, Лютеръ обвиняетъ его въ честолюбіи, алчности и, съ свойственнымъ пристра-

⁴⁰⁾ Wenrici scholastici Trevirensis epistola. Lib. de lite Imp. et Pon. T. I. Wido, episcopus Ferrariensis de scismate Hildebrandi. M. G. S. T. XII.

стіемъ въ грубоватой остротѣ, въ самомъ имени Гильдебранда усматриваетъ нѣчто адское, ужасающее (Hellebrandt). Не лучше отзывались и протестантскіе историки церкви. Фабрицій въ своихъ *Acta romanorum pontificum* (1567 г.) выставляетъ Гильдебранда волшебникомъ, отравителемъ, другомъ сатаны, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Центуріаторы считали его чудищемъ, какого еще не носила земля, а его мѣропріятія заклеяменными печатью антихриста. Среди протестантовъ выработался даже терминъ: „гильдебрандизмъ“ для обозначенія насилія, произвола, косности и застоя въ области религіознаго и умственнаго развитія, ученія объ обманѣ, возведенномъ въ основу всѣхъ дѣйствій и поступковъ, о попраніи всего справедливаго и нравственнаго ради своекорыстныхъ разсчетовъ. Стало быть, у представителей протестантскихъ воззрѣній возобладали взгляды наиболѣе рѣзкихъ современныхъ противниковъ Григорія, Бенцо и Бенно. Конечно, противная сторона стремилась не только снять навѣты и обвиненія, но и возвеличить одного изъ наиболѣе выдающихся представителей папства; Бароній (1593 г.) въ *Annales ecclesiastici* отстаиваетъ святость и цѣлесообразность преобразованій Григорія VII, спасаго миръ изъ когтей діавола, іезуитъ Гретчеръ ⁴¹⁾ роется въ архивахъ и библіотекахъ, стараясь найти новыя данныя для прославленія и защиты Григорія. Противники не дремали: Гольдастъ издалъ ⁴²⁾ рядъ сочиненій, современныхъ борьбѣ за инвеституру и бросающихъ сильную тѣнь на ея виновника. Но усиливающаяся католическая реакція ставила въ ряды католическихъ писателей новыхъ борцовъ; болландисты (1688 *Acta sanctorum*), принимая на вѣру всѣ легенды, закрѣпляли за Григоріемъ славу чудотворца, отмѣченнаго божественнымъ промысломъ, папы зачисляли въ святые поборниковъ и сотрудниковъ его преобразованій. Эта крайность вызвала бурю негодованія даже среди болѣе умѣренныхъ католиковъ, рядъ памфлетовъ, бѣглыхъ листовъ и мелкихъ сочиненій, проникнутыхъ злобой, ненавистью или обожаніемъ, обожествленіемъ, мало-по-малу отодвигалъ на задній планъ слабыя проблески исторической истины, замѣтные въ изданныхъ Гретчеромъ и Гольдастомъ памятникахъ. И въ этой борьбѣ, и въ восхваденіяхъ ярыхъ католиковъ слышится отголосокъ современниковъ Григорія, Маріановъ, Бернардовъ съ братіей.—Пора реакціи миновала, отрицательное отношеніе къ Григорію завоевывало себѣ все больше и больше

⁴¹⁾ Gretserus, *Apologia pro Gregorio VII pontifice maximo in qua insunt hoctenus inedita quaedam pro lodem pontifice opuscula*. Ingolstadii. 1610.

⁴²⁾ *Apologia pro Henrico IV imperatore contra Gregorium VII papam*. Hanoviae 1611.

поклонниковъ: философскій вѣкъ не могъ вѣрить розсказнямъ о чудесахъ и проявленіяхъ небесной благодати. Даже Боссюэ обвинялъ Григорія въ невѣроятномъ властолюбіи и высокомѣрной гордости, а Вольтеръ прямо называетъ его „сумасшедшимъ, бичемъ міра, безразсуднымъ плутомъ“. Дѣло доходило до того, что во время извѣстнаго столкновенія французскаго короля съ папой появилось сочиненіе, выставлявшее Григорія стряпчимъ дьявола ⁴³). Ядомъ и желчью пропитаны страницы мелкихъ работъ, отстаивавшихъ независимость государства отъ церкви, свѣтской власти отъ папъ и сваливающихся на Григорія всю отвѣтственность за чудовищныя притязанія Рима. Но ни эти отзывы, напоминающіе точку зрѣнія современныхъ Григорію крайнихъ имперіалистовъ, ни всѣ предшествующія работы не имѣли ни малѣйшаго научнаго значенія, являясь не плодомъ изученія, всесторонняго и глубокаго, а порожденіемъ партійныхъ страстей, преслѣдующихъ предвзятая цѣли.

Только съ XIX в. началось относительно болѣе спокойное и трезвое *изученіе* времени Григорія. Увеличивающееся количество историческаго матеріала способствовало зарожденію и усиленію этого направленія, вступившаго въ борьбу съ унаслѣдованными отъ XVIII в. крайностями. По мнѣнію Музарелли ⁴⁴) (1789), Григорій олицетворялъ собой изумительное долготерпѣніе и смиреніе, совершеннѣйшую доброту и кротость, истинную святость; въ глазахъ Мюллера ⁴⁵) онъ казался „стойкимъ, какъ герой, мудрымъ, какъ сенаторъ, пылкимъ, какъ поэтъ, строго нравственнымъ человекомъ“. Тогда какъ для Генке ⁴⁶) „это былъ дерзкій злодѣй, исполненный коварства, отчаянной смѣлости и въ то же время глубоко разумный міранинъ, герой съ постоянной и рѣшительной душой; подъ видомъ благородной гордости въ немъ скрывался низкій плутъ, высокомѣрный сватоша, безъ религіи, безъ вѣры и вѣрности“; для Бовера ⁴⁷) „лицемѣръ, лжецъ и еретикъ, измышлавшій происшествія и постановленія, извращавшій смыслъ св. писанія“; для Шпиттлера ⁴⁸) въ Григоріи VII, при необычайныхъ духовныхъ дарованіяхъ, замѣтна склонность къ хитрости, коварству, искаженіямъ, необузданная гордость, безграничная жажда власти, упрямая настойчивость въ стремленіи наложить на народы его невыносимой тиранніи“. Протестанты, такимъ обра-

⁴³) Adam, l'avocat du diable, ou mémoires historiques et critiques sur la vie et la légende du pape Grégoire VII (1743).

⁴⁴) Magazin für Kirchengesch. B. 25.

⁴⁵) S. v. Müller, Reisen der Päpste.

⁴⁶) Henke, Geschichte der christ. Kirche.

⁴⁷) Bower's Geschich. der Röm. Päpste.

⁴⁸) Spittler, Geschichte des Papstthums.

зомъ, начали признавать за Григоріемъ кое-какія хорошія черты, но большинство держалось крайняго мнѣнія, и въ нѣкоторыхъ университетахъ происходила ожесточенная борьба между профессорами, представителями стараго и новаго направленія. Въ дѣлѣ разработки наибольшее значеніе имѣть разногласіе, царившее между іенскими профессорами Грейсбахомъ, ярымъ протестантомъ, и Люденомъ⁴⁹⁾, стоявшимъ на болѣе умѣренной точкѣ зрѣнія: по словамъ послѣдняго, „въ мысляхъ Григорія заключались крупныя ошибки, въ его надеждахъ горькія разочарованія, весь его замыселъ чудовищентъ. Но, что легко подмѣтити въ наши дни, послѣ 700-лѣтняго опыта, то могло остаться во время Гильдебранда скрытымъ отъ самаго зоркаго глаза. Во всякомъ случаѣ, *кажется*, планы Гильдебранда вытекали изъ самыхъ благородныхъ побужденій, живущихъ въ человѣческой груди: состраданіе къ несчастнымъ человечества и глубокое желаніе устранить ихъ причины лежали въ его убѣжденіяхъ, сильный умъ способствовалъ ихъ образованію. Это была попытка улучшить и облагородить жизнь, одѣтая покрываломъ живой духовной вѣры. Несправедливо отрицать въ немъ любовь къ людямъ или даже сомнѣваться въ его благочестіи: *гораздо вѣроятнѣе*, что весь его планъ былъ вызванъ любовью и религіозными побужденіями“.

Разнообразіе и противоположность мнѣній, горячее слово Людена, нѣкоторая гадательность даваемой имъ оцѣнки натолкнули его ученика Фойгта на изученіе первоисточниковъ, такъ какъ предшественники основывались больше на отвлеченныхъ соображеніяхъ, не на дѣйствительныхъ данныхъ. Съ любовью углубился молодой ученый въ тщательное ознакомленіе съ памятниками и вскорѣ написалъ на латинскомъ языкѣ „Разсужденіе о Григоріи VII“⁵⁰⁾, не-большое по объему и предназначенное pro venia legendi. Работа начинается теплымъ посвященіемъ Людену и отличается видимой несамоостоятельностью. Обаяніе учителя было еще слишкомъ сильно. Прошло еще три года въ упорныхъ занятіяхъ, и плодомъ ихъ явилось надѣлавшее много шума сочиненіе Hildebrand, als Papst Gregorius VII (Weimar, 1815), приобрѣвшее автору громкую извѣстность и обречшее на забвеніе всю предшествующую литературу о Григоріи VII.

Причины такого успѣха кроются уже въ самомъ времени появленія книги, совпавшемъ съ началомъ реакціи въ З. Европѣ, когда принялись за укрѣпленіе устоевъ, поколебленныхъ французской революціей, когда въ обществѣ пробуждалось религіозно-мистическое на-

⁴⁹⁾ Luden, Gesch. des deutschen Volkes. B. VIII.

⁵⁰⁾ De Gregorio septimo dissertatio. Halis saxonium. 1812.

строение, когда вновь прорастали симпатии къ папству, столь униженному Наполеономъ. Фойгтъ пошелъ на встрѣчу духу времени, поручивъ германскому посланнику въ Римъ поднести папѣ экземпляръ своей книги. Католическое духовенство зачитывалось имъ, ему дѣлались лестныя предложенія, побуждая и впредь также прославлять папство; католики возымѣли даже надежду обратить его въ лоно истинной церкви. Почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ появились отзывы, или хвалебные, или хулительные, такъ какъ протестанты не остались безучастными зрителями: изъ множества замѣтокъ, статей и сочиненій обращаетъ на себя вниманіе книга Зольгеля⁵¹⁾, старающагося довольно спокойно опровергнуть возрѣніе на Григорія, какъ на „героя, святого и благодѣтеля человѣчества“, и особенно Кассандеръ съ своимъ „*Zeitalter Hildebrands für und gegen ihn*“ (1842), гдѣ Фойгтъ прямо названъ „воодушевленнымъ панегиристомъ, новымъ апологетомъ Гильдебранда, проводящимъ его обожествленіе: „поэтическое, подобное эпосу, сочиненіе Фойгта о св. папѣ Григоріи VII, по мнѣнію Кассандера, по самому своему изложенію, романтическому, благочестивому, опущенному вполнѣ недоказательными цитатами, *не исторія*“. Не смотря на это, отчасти даже благодаря отпору протестантовъ, имя Фойгта гремѣло на Западѣ и спросъ на его сочиненіе возрасталъ до того, что, спустя 4 года послѣ перваго изданія, понадобилось перепечатать его, включивъ въ *Bibliothek historischer Classiker aller Nationen* (28 B.); появились и переводы французскій⁵²⁾ и итальянскій⁵³⁾, выдержавшіе по нѣскольку изданій, въ Англіи вышла его передѣлка⁵⁴⁾. Все это указываетъ на несомнѣнные достоинства книги. Дѣйствительно прелестью новизны отзывается смѣлая и воодушевленная параллель между Григоріемъ VII и Лютеромъ, глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ вѣетъ съ страницъ, гдѣ Фойгтъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что Григорій VII не былъ своекорыстнымъ и честолюбивымъ тиранномъ, а прежде всего церковнымъ преобразователемъ. Заслуживаетъ также полнѣйшаго сочувствія попытка Фойгта—оцѣнить Григорія VII съ той точки зрѣнія, на какой онъ самъ стоялъ, примѣнительно къ запросамъ и потребностямъ его времени: „его дѣянія, пишетъ Фойгтъ (617), получаютъ правильную оцѣнку только тогда, когда смотришь

⁵¹⁾ Gregor der Siebente. 1847. Leipzig.

⁵²⁾ Histoire du Pape Grégoire VII et de son siècle, d'après les monuments originaux, par J. Voigt, traduite de l'allemand par l'Abbé Jager.

⁵³⁾ Storia di papa Gregorio VIIe de suoi contemporanei di Giovanni Voigt Versione di Fr. Vergani.

⁵⁴⁾ J. W. Bowden. The life and pontificate of Gregory VII. Lond. 1840.

на нихъ, какъ на поступки папы для папства: идея міродержавія папства была идеей не одного человѣка, а времени. Папство было необходимо въ средневѣковой жизни и, какъ міровое явленіе, имѣло въ исторіи своеобразное, великое развитіе. Конечно, нѣмецъ будетъ съ болью смотрѣть на униженіе своего императора въ Каноссѣ и назоветъ папу жестокимъ, непримиримымъ и честолюбивымъ тиранномъ; конечно, француза охватитъ гнѣвъ при видѣ злополучій своей страны и короля, виновникомъ которыхъ является папа. Но историкъ, стремящійся понять жизнь съ міровой точки зрѣнія, долженъ стоять выше угла зрѣнія нѣмца или француза: его приговоръ не могутъ вызвать или направить національныя чувства“. Оцѣнивая значеніе Григорія, Фойгтъ замѣчаетъ: „Цѣлью и вѣнцомъ его дѣятельности, по его собственному взгляду, была полная свобода церкви, возвышеніе ея власти надъ всѣми остальными: побѣда алтара надъ трономъ, торжество церкви надъ государствомъ для улучшенія ея состоянія, для прекращенія тѣхъ золъ и нестроений, которыя были связаны съ зависимостью духовенства отъ государства. Два пути вели къ достиженію этой цѣли—мира и борьбы, но и тотъ, и другой требовали подчиненія свѣтской власти, прежде всего ея главы—германскаго короля“ (186). По мнѣнію Григорія, „церковь должна быть великой, свободной и всемогущей; государство же подчинено ей потому, что она основана Богомъ для вѣчности, оно—людьми для міра. Обеспеченіе этого идеальнаго порядка навсегда было жизненной его задачей, лежащей въ самыхъ обязанностяхъ его сана. Это онъ ясно высказываетъ въ своихъ письмахъ, лучшимъ источникомъ для его оцѣнки (613). Онъ былъ убѣжденъ въ своемъ призваніи воплотить въ жизнь этотъ идеалъ и стремился къ нему всѣмъ существомъ“ (620—1).

Такой широкой и свободный взглядъ протестанта на папство, требованіе отъ историка забвенія національных симпатій и антипатій являются несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Но въ зародышѣ все это можно найти у учителя Фойгта, Людена, такъ что ученику принадлежитъ лишь попытка развить и строже обосновать взглядъ, высказанный учителемъ съ нерѣшительностью и осторожностью. Подобно Людену-же, Фойгтъ отвлеченными соображеніями старается опровергнуть упрекъ въ властолюбіи, тяготѣвшій надъ Григоріемъ, не приведеніемъ говорящихъ за себя поступковъ; онъ даже впадаетъ въ крайность, утверждая, что многое въ словахъ папы о его власти надъ міромъ нельзя понимать буквально и на этомъ основаніи оставляетъ безъ разъясненія множество любопытныхъ чертъ и мыслей.

О полномъ воспроизведеніи времени Григорія VII въ книгѣ Фойгта не можетъ быть и рѣчи: лишь вскользь, мелькомъ говоритъ онъ о политической дѣятельности, обративъ главное вниманіе на

церковную; за подробнымъ изложеніемъ германскихъ происшествій почти совершенно сглаживается мировое положеніе, приобрѣтенное для папства Григоріемъ, его связь со всѣми выдающимися событіями времени. Картина нарисована ярко и сочно, но въ ней нѣтъ ни перспективы, ни полной жизненности фигуръ, нѣтъ и приблизительнаго соответствія съ истинной. Едва-ли не самымъ главнымъ недостаткомъ Фойгта слѣдуетъ счесть его пользованіе источниками: онъ очень мало занимается критическимъ взвѣшиваніемъ извѣстій, ограничиваясь прикрашеннымъ велерѣчіемъ пересказомъ, не дѣлая различія между свидѣтельствами писателей современныхъ и позднѣйшихъ: наряду съ письмами Григорія VII онъ ссылается на Баронія, Сигонія, Фіорентини, кардинала Аррагонскаго. По основному взгляду Фойгтъ наиболѣе примыкаетъ къ самому Григорію. Это и понятно. Лучше другихъ памятниковъ онъ изучилъ регистръ Григорія VII и положилъ его въ основу своего изложенія, твердо вѣря въ непогрѣшимость почерпнутыхъ отсюда данныхъ, даже не трудясь сопоставить и разъяснить довольно частыя противорѣчія папы. Въ силу такихъ пріемовъ изложеніе Фойгта значительно устарѣло; многія частности и подробности совершенно невѣрны, характеристики другихъ выдающихся дѣятелей крайне блѣдны, односторонни и сомканны. Нѣтъ общей картины времени, нѣтъ связующей нити между появленіемъ Григорія и предшествующимъ развитіемъ папства, между его дѣятельностью и послѣдующимъ ходомъ событій. Вотъ почему въ наше время это сочиненіе имѣетъ лишь историческое значеніе, какъ первый объемистый трудъ, посвященный великому папѣ, не научное, такъ какъ указанные недостатки слишкомъ велики, чтобы сохранить за Фойгтомъ надѣтый на него современниками вѣнецъ ⁵⁵⁾.

Какъ было уже замѣчено, книга Фойгта натолкнула на изученіе источниковъ противную сторону. Помимо замѣтокъ, прямо направленныхъ противъ него, протестантскіе ученые постарались дать и въ общихъ сочиненіяхъ оцѣнку дѣятельности Григорія съ своей точки зрѣнія. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, извѣстному Штенцелю съ его „Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Kaisern“ (1827), съ котораго начинается, строго говоря, научно критическое изученіе нѣмецкаго средневѣковья. Глубоко тщательное и внимательное собраніе матеріала, тонкій критическій его анализъ, привлеченіе новыхъ памятниковъ (Боницо), живой, прекрасный языкъ

⁵⁵⁾ Въ силу удачнаго раскрытія Фойгтомъ церковной стороны преобразованій Григорія церковные историки (Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte и Neander, Allgemeine Geschichte d. Christ. Relig. und. Kirche B. V). усвоили себѣ его точку зрѣнія, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями.

горячая любовь къ дѣлу, которому отданы лучшіе годы жизни, дѣлають трудъ Штенцеля неоцѣненнымъ пособіемъ и краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ изысканій. Цѣлью своего изслѣдованія онъ поставилъ „истину, чуждую всякихъ политическихъ и религіозныхъ партій, не прекрасную картину, раскрашенную легендами и сагами, а вѣрное воспроизведеніе людей и ихъ отношеній въ связи съ обстоятельствами времени, насколько позволяютъ сохранившіяся извѣстія“ (Einleit. VIII). Къ сожалѣнію, прекрасный трудъ Штенцеля, даваго впервые изложеніе основныхъ приѣмовъ исторической критики и систематическое обзорѣніе источниковъ, легшихъ въ основаніе работы, страдаетъ при оцѣнкѣ Григорія VII значительными недостатками. Штенцель прямо имѣлъ въ виду Фойгта и далъ вполне противоположный отзывъ 56): „Честолюбіе и властолюбіе были главной пружиной его поступковъ, словъ и мыслей. Онъ былъ рожденъ владыкой и повелѣвалъ, будучи священнослужителемъ, папой, низвергнутый съ трона, изгнанный такъ же, какъ и пользуясь всей полнотою власти. Онъ поставилъ себѣ чудовищную цѣль—властвовать надъ міромъ посредствомъ слова, быстро шелъ къ ней, неуклонно преслѣдовалъ ее всѣми силами, путемъ всякихъ жертвъ, не боясь самой смерти. Предъ честолюбивыми замыслами померѣвъ вопросъ о нравственности средствъ, ведущихъ къ цѣли, даже самой цѣли: вся его душа была наполнена мыслью о власти. Поэтому онъ не спрашивалъ, что будетъ, когда его самого не станетъ, кто можетъ сѣсть на престолъ міра, достигнутый имъ. Никогда не заботились объ этомъ тѣ, кто потрясалъ міръ, иначе они оставили бы его спокойнымъ. Эти великіе грабители человѣческаго счастья дерзко идутъ впередъ, не видятъ того, что попирають ногами. Съ ужасомъ и нѣмымъ изумленіемъ смотритъ человечество на эти чуждыя ему существа и послѣ ихъ смерти все вступаетъ въ прежнюю колею, только исторія хранитъ о нихъ воспоминаніе. Если спросить, къ чему привели стремленія Григорія къ улучшенію людской нравственности, то строгое проведеніе безбрачія имѣло очень вредныя послѣдствія, запрещеніе инвеституры повело къ тому, что прежде подкупали королей и ихъ совѣтниковъ, теперь кардиналовъ. Оказалось, что всегда было справедливымъ и потому пренебрегаемымъ постоянно положеніе: „не форма, а духъ имѣетъ жизнь, не лучшіе законы, не болѣе совершенное государственное устройство, но лучшіе, болѣе совершенные люди обуславливають счастье“. Въ послѣднихъ строкахъ явственно обнаруживается разочарованіе, вызванное теоретическими построеніями французскихъ республиканцевъ—дань реакціонному направленію. Отрицаніе значенія великихъ людей,

⁵⁶⁾ В. I, 523—24.

очевидно, объясняется мыслью, навѣянной происшедшимъ на глазахъ историка быстрымъ возвышеніемъ и паденіемъ Наполеона. Та же реакція сказывается и въ взглядѣ на Григорія, какъ на честолюбца и только. Въ этомъ отношеніи Штенцель сдѣлалъ шагъ назадъ, считая личнымъ дѣломъ Григорія его преобразование и стремленіе къ мировому господству. Безпристрастіе покинуло его едва ли не въ самую необходимую минуту. Оторвавъ Григорія отъ почвы средневѣкового папства, новѣйшій изслѣдователь потерялъ ключъ къ истинѣ и подорвалъ значеніе своего труда, до сей поры еще служащаго настольной книгой всѣхъ занимающихся исторіей Саліевъ, не папства. Съ легкой руки Штенцеля отрицательное отношеніе къ Григорію возобладавало въ средѣ протестантскихъ бытописателей, чему въ значительной степени содѣйствовало новое броженіе, охватившее З. Европу: съ одной стороны стремленіе націй къ объединенію, съ другой—постепенное паденіе реакціоннаго направленія.

Подъ вліяніемъ этихъ условій сложился взглядъ, выраженный въ цѣломъ рядѣ сочиненій, представлявшихъ средневѣковье въ самомъ радужномъ свѣтѣ, какъ пору могущества нѣмецкаго народа, столь противоположную современности, когда, раздробленный и безсильный, онъ является ничтожнымъ отраженіемъ былого величія. Такова, между прочимъ, точка зрѣнія Флото въ его *Kaiser Heinrich der Vierte und sein Zeitalter* (II В-е 55 и 56 г.).

Уже при бѣгломъ чтеніи книги Флото вниманіе останавливается на поэтической стрункѣ, сказывающейся въ живомъ, образномъ языкѣ, блестящихъ описаніяхъ и яркомъ, жѣткомъ воспроизведеніи характеровъ. Одной подкупающей внѣшностью не ограничиваются достоинства труда. Въ то время, какъ ни одинъ изъ общихъ изслѣдователей этой эпохи не считалъ нужнымъ познакомить читателя съ внутреннимъ строемъ тогдашней жизни, Флото посвятилъ почти цѣлую треть (138 стр. изъ 436) перваго тома разсмотрѣнію составныхъ частей германской имперіи, характеристикѣ ихъ обитателей, строя феодальнаго государства, положенія рыцарства, духовенства, горожанъ, монастырей, крестьянъ, состоянію религіозной и научной образованности времени. Основательное и тщательное знакомство съ источниками, даже попытка дать понять, какіе вопросы особенно волновали умы—все это принадлежитъ къ лучшимъ сторонамъ книги Флото. Кромѣ того, онъ обладаетъ сильнымъ критическимъ чутьемъ: онъ первый посягнулъ на пресловутую достовѣрность Ламберта и во множествѣ подстрочныхъ примѣчаній рѣзко, хотя почти всегда основательно, обнаруживаетъ лживость и партійность извѣстій герсфельдскаго монаха. Къ письмамъ Григорія VII онъ также приложилъ критическіе приемы и открылъ неточности въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Но у Флото есть и значительные недостатки: дѣлу нахождения исторической истины вредятъ пылкость и страстность автора: онъ не безпристрастный наблюдатель явленій прошлой жизни своей родины, а прежде всего горячій германскій патриотъ, глубоко убѣжденный протестантъ, искренній и ярый поборникъ идеи единства нѣмецкой націи. Всѣ эти свойства и положили рѣзкій отпечатокъ на его трудъ: въ папствѣ онъ видитъ врага свободы Германіи, мысли и совѣсти. Съ этой точки зрѣнія произноситъ уничтожающій приговоръ надъ дѣятельностью Григорія VII ⁵⁷⁾: онъ воспользовался благоприятнымъ моментомъ, чтобъ положить основаніе тому порядку вещей, въ какомъ онъ находится донинѣ. Еще въ наши дни мы видимъ монументы, имъ воздвигнутые: безбрачіе духовенства, раздробленіе Германіи, расколъ въ церкви. Ему удалось освободить папскій престолъ отъ вѣдѣйствія императорской власти, точнѣе, указать пути и средства къ этому освобожденію. При его преемникахъ папа сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ, но это же всемогущество обусловило позорное и постепенное паденіе: со времени Фридриха II апостольскій намѣстникъ опускался все ниже и ниже, не устоявъ на захваченной высотѣ. Далѣе, Григорій исторгъ епископовъ изъ-подъ власти свѣтскихъ владѣтелей. Спитъ и заблуждается тотъ, кто думаетъ, будто симонія прекратилась, разъ епископовъ стали избирать клиръ и народъ: подобныя выборы лишь открыли широкій просторъ произволу и подкупамъ. Даже на умственномъ уровнѣ духовенства отразилось устраненіе правъ императоровъ: мѣсто образованныхъ и начитанныхъ пастырей заняли узкіе фанатики или своекорыстные проходимцы; подданные епископовъ изнывали подъ ихъ произволомъ, и это вызывало общее недовольство духовенствомъ, вызвало появленіе славныхъ мучениковъ Гуса и Іеронима, сожженныхъ порочными жрецами Ваала. Наконецъ, Григорій лишилъ духовенство возможности вступать въ бракъ. Запрещеніе браковъ священниковъ, вопреки доводамъ разсудка, смыслу евангельскихъ завѣтовъ, кореннымъ потребностямъ человѣческой природы—дьявольское дѣло. Длинная цѣль преступленій и проявленій гнуснаго разврата и грубой чувственности тянется вслѣдъ за этимъ роковымъ запрещеніемъ. Даже сами папы впоследствии сознавались, что безбрачіе было проведено въ силу вѣскихъ соображеній, но оно должно быть уничтожено по настоятельному требованію основаній, еще болѣе глубокихъ. Правда, новѣйшіе защитники безбрачія утверждаютъ, будто, благодаря ему, духовенство спаслось отъ опасности сдѣлаться кастой съ унаслѣдованными приходами и должностями. Но подобная точка зрѣнія вполнѣ ошибочна: ни въ одномъ изъ писемъ

⁵⁷⁾ В. Ц, р. 274 sq.

Григорія VII нельзя найти даже намека на такую опасность; ни его предшественники, ни преемники не знали ничего о ней. Если даже признать ея существованіе въ то время, что невозможно, то и тогда нѣтъ основаній стоять теперь за безбрачіе: прежде по наслѣдству приходы доставались законнымъ дѣтямъ, впоследствии рожденнымъ внѣ брака. Наоборотъ, именно безбрачіе превратило духовенство въ касту, поставившую своей задачей господство надъ міромъ, въ могущественный союзъ нѣсколькихъ милліоновъ неженатыхъ людей, называющихъ себя церковью и составившихъ заговоръ противъ свободы, нравственности и счастья остального христіанства, превратило ее въ исполинское чужеродное растеніе, обвинившее сотней тысячъ узъ дерево общества съ цѣлью помѣшати его росту, грозя даже самому его существованію. И такое положеніе дѣлъ было прямымъ слѣдствіемъ преобразованій Григорія VII. Вина за это лежитъ въ пресловутой свободѣ церкви, начертанной имъ на своемъ знамени. Эта-то свобода церкви повела прямымъ путемъ къ расколу, къ славной реформаціи 16 столѣтія, которую не одолѣютъ и врата ада, къ великому возмущенію міранъ противъ безнравственнаго духовенства, къ прекрасному божественному подвигу Лютера и Кальвина, влившихъ немного свѣжей крови въ дряблѣе и отжившее тѣло римской церкви.

Отсюда ясно, что Флото смотритъ на дѣло Григорія VII съ точки зрѣнія современнаго протестанта, приближающейся къ взглядамъ противниковъ безбрачія въ XI вѣкѣ, не историческаго изслѣдователя, и это превращаетъ мѣстами его трудъ въ остроумный, злой и ѣдкій памфлетъ на католичество. Но свое пристрастіе Флото ярче обнаруживаетъ при оцѣнѣ системы, не личности; непомѣрно нападая на преобразованія Григорія, онъ отдаетъ дань должнаго уваженія искренности и чистотѣ намѣреній папы, опровергаетъ клеветы, пущенныя врагами по поводу его частной жизни. Отмѣтивъ у Григорія неразборчивость въ средствахъ и несокрушимую послѣдовательность въ стремленіи къ намѣченной цѣли, Флото съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на вольномъ полетѣ мысли великаго папы, сказывающемся въ его отношеніяхъ къ Беренгару, евреямъ и сарацинамъ. Здѣсь Григорій стоялъ безконечно выше современниковъ и даже болѣе отдаленнаго потомства. Оттѣнивъ рѣзкія черты характера Григорія, Флото старается, дѣлая общій отзывъ, сохранить безпристрастіе, поставить его дѣятельность въ связь съ (общимъ) теченіемъ жизни и воззрѣніями его времени: „О Гильдебрандѣ будутъ всегда отзываться дурно, если не примутъ во вниманіе всего средневѣковаго міросозерцанія: наша планета—центръ міра; человѣчество—наидрагоцѣннѣйшая часть вселенной; избранные—христіане, имѣютъ своимъ главой святого намѣстника апостола Петра. Каждый дрожалъ тогда предъ не-

извѣстностью загробной жизни; муки и блаженство были въ рукахъ папы, получившаго отъ св. Петра силу запираць и отворять двери рая. Гильдебрандъ и сознавалъ, что получилъ отъ Бога вмѣстѣ съ саномъ папы всю землю въ наслѣдіе и какъ посредникъ между вседержителемъ и міромъ долженъ дать отчетъ за всѣхъ христіанъ. И онъ проникнутъ былъ этой идеей, хотя порой терялъ ее изъ виду, давая просторъ земнымъ страстямъ. Но и онъ былъ только *человѣкъ*, хотя безспорно великій*.

Но хотя личность Григорія VII представлена съ ея свѣтлыми и темными сторонами и сдѣлана попытка намѣтать связь между его дѣятельностью и запросами времени, равно какъ предшествующимъ развитіемъ, въ общемъ все-таки заключеніе оказывается неблагоприятнымъ: гордыня заставила великаго папу идти къ господству надъ міромъ, не сознаніе того, что инымъ путемъ нельзя прійти къ достиженію завѣтной цѣли. Самая борьба является скорѣе дѣломъ честолюбія и властолюбія единичной личности; въ этомъ сказывается одностороннее увлеченіе протестанта, проникнутаго духомъ нѣкоторой нетерпимости къ папству, склонившагося къ увѣреніямъ Вольрама и Видо.

Отдавая дань своему времени, такимъ образомъ, безпристрастный изслѣдователь борется въ Флото съ крайнимъ сторонникомъ извѣстной партіи, и эта борьба мѣшаетъ вполнѣ правильному взгляду на событія прошлаго. Впрочемъ, безстрастное, глубокое и вдумчивое отношеніе къ явленіямъ исторической жизни не было для Флото цѣлью, онъ стремился не къ ея воспроизведенію во всей полнотѣ и наготѣ, а старался въ читателѣ возбудить желаніе воротить блаженные дни сильной императорской власти, когда Германія стояла во главѣ западно-европейскаго міра. Поэтому для уясненія мирового значенія Григорія Флото не сдѣлалъ крупнаго шага впередъ. Заслуги его ограничились отдѣльными вѣрными замѣчаніями, главное, критикой Ламберта и Григорія, чѣмъ онъ подорвалъ вліяніе взглядовъ Фойгта, остроумнымъ и убѣдительнымъ опроверженіемъ взгляда Пертца на подложность эпоса о саксонской войнѣ, привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ „*Dicta cujusdam*“ напечатанъ цѣликомъ при I томѣ, а изъ Манегольда сдѣланы пространныя извлеченія во второмъ. Наоборотъ, у французовъ гораздо дольше держалась оцѣнка Григорія, сдѣланная Фойгтомъ. Ея воздѣйствіе ярко замѣтно въ на-дѣлавшихъ много шуму чтеніяхъ Гизо по исторіи цивилизаціи въ Европѣ, гдѣ отрицается мнѣніе, считающее Григорія VII „приверженцемъ неподвижности, противникомъ умственного развитія, общественнаго прогресса, человѣкомъ, обрекавшимъ міръ на состояніе застоя или реакціи“. Отъ себя Гизо прибавляетъ: „Григорій VII былъ ре-

форматоръ путемъ деспотизма; подобно Карлу Великому и Петру Великому онъ хотѣлъ преобразовать церковь, а посредствомъ церкви гражданское общество, распространить въ немъ болѣе нравственности, справедливости, благоустройства. Но это намѣреніе не осуществилось, благодаря самому Григорію, впаавшему въ ошибку: 1) теоретика, заранѣе начертавшаго и объявившаго свой планъ со всѣми его развѣтвленіями, 2) революціонера, пытавшагося сдѣлать больше, чѣмъ могъ". „Вообще, по моему мнѣнію, заканчиваетъ Гизо, Григорій VII больше повредилъ, нежели помогъ предпріятію, на пользу котораго хотѣлъ дѣйствовать". Само собой понятно, что подобныя заявленія носятъ отвлеченный, умозрительный характеръ, не будучи снабжены фактической подкладкой. Однако, въ виду значительнаго распространенія и общаго вниманія, вызваннаго чтеніями Гизо, подобная точка зрѣнія подготавливала собой появленіе болѣе научныхъ трудовъ, гдѣ бѣгливыя замѣчанія нашли бы себѣ оправданіе въ данныхъ памятниковъ.

Довольно далеко пошелъ въ этомъ направленіи извѣстный бельгійскій ученый Лоранъ. Хотя и онъ не посвятилъ Григорію VII особой работы, а коснулся лишь мимоходомъ въ VI томѣ своей *Histoire du droit des gens et des relations internationales* (VI tome: *La rapauté et l'empire* 1860). Сообразно общему характеру этого сочиненія, Лоранъ не вдается въ подробности, въ критическое сличеніе извѣстій, впадаетъ въ частности даже въ ошибки, но за то, какъ никто до него, даетъ прекрасную оцѣнку значенія Григорія и его дѣятельности въ связи съ запросами времени и предшествовавшими развитіемъ.

Исходя изъ мысли о господствѣ и призваніи церкви, основанныхъ на власти духовной, что требуетъ отъ церкви для оправданія ея притязаній высокой нравственности и образованности ея членовъ, Лоранъ указываетъ на полное несоотвѣтствіе жизни духовенства XI в. и этого идеала. Картина церковныхъ нестроений, набросанная сильной и смѣлой кистью, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, объясняетъ, по Лорану, задачу Григорія VII: „онъ нашелъ церковь въ развалинахъ, насильно возвратилъ ее къ христіанскому идеалу, возвышая ее надъ императорствомъ. Онъ спасалъ церковь, основывая ея могущество, онъ спасалъ христіанство и цивилизацію". „Такъ какъ корень зла былъ въ рабствѣ церкви, то должно было, ради ея спасенія, порвать нити, связывающія ее съ міромъ".

Для этого необходимо было, во-первыхъ, уничтожить браки священниковъ, связь съ обществомъ, грозившую превратить, сообразно общему теченію, духовенство въ касту; во-вторыхъ, уничтожить

¹⁰⁾ Р. 261.

инвеституру—звено, соединяющее церковь съ государствомъ. Благодаря феодализму, всякое посягновеніе на инвеституру подрывало основы свѣтской власти и Григорій сознательно шелъ къ уничтоженію государственности: съ его точки зрѣнія короли и императоры были только вассалами св. престола (167). Плодомъ дѣятельности Григорія было основаніе могущества папъ, но это могущество подготавливалось вѣками. Сужденія Григорія о безконечномъ преобладаніи духовной власти надъ свѣтской имѣли своихъ предшественниковъ, были логическимъ выводомъ христіанскаго ученія о бренности и непрочности всего земного, о безусловномъ превосходствѣ духа надъ плотію: подчиненіе мірянъ церкви вытекало отсюда само собой. Требования Григорія имѣли въ основѣ взглядъ того времени на папство и его обязанности, какъ духовнаго главы всего христіанскаго міра, и въ его честолюбіи нѣтъ ничего личнаго. Но оміреніе церкви зашло далеко и для искорененія его необходимо было выдержать борьбу съ цѣлымъ міромъ, грубымъ и свирѣпымъ. Для борьбы съ желѣзнымъ вѣкомъ необходимо быть самому желѣзнымъ человѣкомъ, и Григорій былъ удивительной силы и энергій. Онъ былъ безжалостенъ, какъ мечъ закона. Но и онъ испытывалъ порой мучительныя терзанія при видѣ тщетности своихъ усилій“. „Григорій умеръ мученикомъ своей вѣры; счастливы страдальцы за истину. Богъ предоставляетъ эти страданія великимъ людямъ. Ихъ невзгоды плодотворны для человѣчества. Григорій работалъ не бесполезно для церкви, какъ онъ говорилъ въ минуты огорченія: своей могучей рукой онъ прекратилъ паденіе католицизма и направилъ христіанство на путь, предназначенный Провидѣніемъ. Однако, томленія великихъ людей среднихъ вѣковъ, особенно Григорія, великаго изъ великихъ, вызываютъ глубокое чувство грусти. Григорій заблуждался, основныя опоры его вѣрованій были ошибочны... Папа не былъ органомъ Бога. Духовная власть, которую онъ желалъ установить, изъ-за которой онъ боролся всю свою жизнь, не была божественнымъ учрежденіемъ. Григорій не былъ на мѣстникомъ Божиимъ, онъ вѣстѣ со всѣми средними вѣками ошибался въ пониманіи Христа, жизни, будущности человѣчества, но въ тоже время онъ былъ однимъ изъ избранниковъ, ведущихъ родъ человѣчскій къ исполненію его назначенія. Въ немъ есть чувство, господствующее надъ его заблужденіями—сознаніе права и обязанности, твердое желаніе наставить людей на дѣйствительно путь Божій, путь справедливости и нравственности“ (82).

Вотъ самое существенное въ сужденіи Лорана.

Такой основной взглядъ далъ Лорану возможность безпристрастно оцѣнить вождей борьбы за инвеституру: „проклятія, сыпавшіяся на ихъ голову,—только заблужденіе партій. Не дѣло исторіи

проклинать; мы владѣемъ безусловной истиной не больше, чѣмъ владѣли нами отцы, за что же проклинать ихъ за ихъ ошибки, когда мы сами должны признаться, что принимаемое нами за истину имѣетъ въ себѣ частицу заблужденія? Но справедливая оцѣнка прошедшаго не есть еще его принятіе, заблужденія людей нельзя возводить на степень закона" (169).

По высокому безпристрастію, одинаково чуждому крайностей католицизма и протестантизма, по человѣчности отношенія къ прошлому, по прекрасному разъясненію заблужденій Григорія, по раскрытію преемственной связи его идей съ основными положеніями христіанства, Лоранъ стоитъ безконечно выше нѣмецкихъ изслѣдованій; но его книга скорѣе общій взглядъ, не точное и подробное научное изысканіе; вредитъ безупречности характеристики Григорія и провиденціализмъ, въ который впадаетъ Лоранъ. Инымъ пошибомъ отличается современный Лорану французскій публицистъ Ланфре⁵⁹⁾, отчасти затронувшій вопросъ о нравственности средствъ Григорія, оставленный Лораномъ открытымъ и дающій такую оцѣнку великаго папы: „Гильдебрандъ, папа, столь извѣстный подъ именемъ Григорія VII, представляетъ собой высшее и полнѣйшее олицетвореніе того теократическаго идеала, о которомъ мечтали римскіе первосвященники. Ему принадлежитъ если не осуществленіе этого идеала, то первая и точная его формулировка: при немъ папство смѣло провозгласило себя законодателемъ человѣчества и его исключительнымъ и законнымъ властелиномъ. Если что слѣдуетъ осуждать, то лишь тиранническую систему, апостоломъ которой сдѣлался Гильдебрандъ, и средства, часто столь недостойныя, которыя онъ пускалъ въ ходъ для осуществленія своихъ видовъ. Но никакъ нельзя отказывать ему въ преданности, мужествѣ и гениі, которые онъ обнаруживалъ, дѣйствуя съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла“. „Онъ всецѣло былъ преданъ одной идеѣ, что составляетъ великую черту, если даже эта идея не вѣрна“. Въ характерѣ Гильдебранда мы видимъ цѣльность и безкорыстіе высшаго честолюбія. Съ самой юности онъ ставилъ выше всего принципъ, бывшій для него второй религіей (93). „Григорій VII стремился къ всемірной монархіи и шелъ къ этой цѣли съ непреклонной смѣлостью жреца, убѣжденнаго, что дѣйствуетъ въ пользу добраго дѣла и что цѣль оправдываетъ средства. Та непоколебимость, та увѣренность, которыя онъ высказываетъ въ лжи, являются въ столь возвышенной личности поразительными и обнаруживаютъ уродство, необходимое для приобрѣтенія невозмутимости въ своемъ притворствѣ, сохраненія неизмѣнной твердости среди столькихъ

⁵⁹⁾ Lanfrey. Histoire politique des papes. 1860.

ужасовъ и недоступности угрызениямъ совѣсти“. Въ основаніяхъ, которыя Григорій приводилъ въ подтвержденіе своихъ притязаній на верховное главенство надъ различными странами, Ланфре видитъ „набожныя мистификаціи“. „Смѣшеніе макиавелизма въ средствахъ и искренности въ цѣли составляетъ сущность всей его жизни. Въ немъ не было ничего посредственнаго, и онъ всегда являлся великодушнымъ и милосерднымъ къ своимъ личнымъ врагамъ. Григорій былъ однимъ изъ тѣхъ благородныхъ умовъ, которые составляютъ принадлежность всѣхъ вѣковъ и народовъ. Безкорыстіе высокихъ стремленій смягчало жестокость этого непреклоннаго сердца, въ которомъ мы не безъ удивленія находимъ глубокую любовь къ правдѣ вмѣстѣ со столькими беззаконіями“.

Характеристика Ланфре уступаетъ данной Лораномъ по глубинѣ мысли и въ ней скрываетъ плохое знакомство съ вѣкомъ Григорія: то, что въ наши дни кажется „ложью и набожной мистификаціей“, въ XI столѣтіи было для многихъ несомнѣнной истиной и упрекъ въ уродствѣ, отсутствіи угрызений совѣсти падаетъ самъ собою при бѣгломъ даже знакомствѣ съ регистромъ Григорія. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ланфре писалъ на основаніи пособій, и его взглядъ на Григорія представляетъ собой сочетаніе различныхъ сторонъ и чертъ, позаимствованныхъ у предшественниковъ и соединенныхъ съ большимъ безпристрастіемъ. Эта небольшая, живо написанная книга имѣла то значеніе, что въ широкій кругъ читателей стали проникать болѣе трезвые и историческіе взгляды на папство, какъ учрежденіе естественное, на его дѣятелей и представителей, лишенныхъ ореола святыхъ, равно какъ и позорнаго клейма преступниковъ. Этимъ и исчерпывается значеніе книги Ланфре, такъ какъ множество грубѣйшихъ фактическихъ ошибокъ, почти полное незнакомство съ источниками подрываютъ всякую возможность притязаній на что либо большее.

Оба послѣднія сочиненія отводятъ особенное вниманіе взглядамъ Григорія на государство и свѣтскую власть; это происходитъ изъ желанія удовлетворить жгучей потребности ихъ времени. На сочиненіяхъ Лорана и Ланфре отразилось, смѣнившееся разнъ между католичествомъ и протестантствомъ, разногласіе по вопросу объ отношеніяхъ церкви и государства, волновавшему тогда просвѣщенные умы Западной Европы и не пришедшему еще, какъ показываютъ недавнія событія во Франціи, Германіи и Италіи, къ благополучному и окончательному разрѣшенію. Конечно, всѣ сторонники сохраненія сильнаго воздѣйствія церкви на государство отстаивали преобразованія Григорія VII и видѣли въ немъ вождя къ лучшей, новой

жизни, еще не наступившей, благодаря отпору не сознающих свою пользу противниковъ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого направленія явился извѣстный Гфрѣреръ (Papst Gregorius VII und sein Zeitalter 7 B—de Schaffhausen 1859—61). Протестантъ по рожденію, сначала рационалистъ, затѣмъ позитивистъ, по убѣжденіямъ Гфрѣреръ все болѣе и болѣе склонялся, занимаясь исторіей христіанства, къ католицизму и закончилъ переходомъ въ него. Чудовищное прилежаніе, усидчивость и любовь къ научнымъ занятіямъ соединялись въ немъ съ рѣдкимъ остроуміемъ, необычайнымъ даромъ создавать смѣлыя комбинаціи для пополненія пробѣловъ въ источникахъ. Но не получение спеціального историческаго образованія породило существенные недостатки — отсутствіе строгаго метода и предвзятость сужденій. Эти свойства отразились и на рассматриваемомъ трудѣ. По громадному объему (въ общей сложности 5326 страницъ), это сочиненіе, бесспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ монографій и едва ли можно рассчитывать на появленіе болѣе обширнаго изслѣдованія. Во всѣхъ частяхъ замѣтна необыкновенная начитанность, широкое знакомство съ источниками. Но нельзя сказать, что изслѣдователь вполне побѣдилъ собирателя матеріала.

Во многихъ мѣстахъ нѣтъ его переработки, очень часто приведены обширныя дословныя выписки изъ памятниковъ, связанныхъ лишь двумя-тремя словами. Подобный приѣмъ содѣйствуетъ увеличенію объема, но мало способствуетъ уясненію главной мысли, порой скрадываемой нестройной грудой пестрыхъ и неидущихъ къ дѣлу подробностей.

Развитіе плана прерывается множествомъ повтореній, отступлений, мелочей и частныхъ.

Все это порождаетъ путаницу и нестройность доказательствъ.

Самые выводы не вытекаютъ изъ собранныхъ данныхъ, наоборотъ, всѣ данныя подогнаны подъ предвзятыя заключенія. Спокойнаго и сдержаннаго отношенія къ прошлому нѣтъ; повсюду сквозятъ склонности писателя, повсюду замѣтны нѣсколько высокомерный тонъ, необычайно высокое мнѣніе о достоинствахъ своей работы и презрительное отношеніе къ представителямъ иныхъ воззрѣній.

Эти недостатки на ряду съ громаднымъ объемомъ, тяжелымъ, необработаннымъ и неуклюжимъ языкомъ, оттолкнули многихъ отъ изученія книги Гфререра, что раздражало его самолюбіе. Но до послѣдней минуты въ немъ теплилась вѣра въ правильность постановки вопроса: когда десятилѣтній геркулесовскій трудъ подорвалъ его силы и передъ нимъ разверзлась преждевременная могила, онъ жилъ мыслію о своей книгѣ: слабѣющей рукой онъ выражаетъ, въ недоконченномъ

за смертью предисловія къ 7-му тому, предчувствіе, что „Папа Григорій VII и его время“ надолго переживетъ его земное существованіе. Дѣйствительно, безъ этой книги не можетъ обойтись ни одинъ исследователь XI столѣтія, чуждый партійныхъ страстей: столько здѣсь новаго, самобытнаго; тутъ передъ нимъ развертывается всесторонняя картина жизни тогдашняго общества, начиная съ высшихъ слоевъ и кончая низшими, проходитъ длинная вереница историческихъ дѣятелей, зачастую въ новомъ яркомъ освѣщеніи. Изученіе простирается не на одну политическую сторону, а захватываетъ развитіе учреждений, культурный ростъ человѣчества, знакомитъ даже съ внѣшнимъ видомъ наиболѣе замѣчательныхъ городовъ. Книга Гфререра будитъ мысль, наталкиваетъ на цѣлый рядъ размышленій, вопросовъ, недоумѣній. Съ его предположеніями и объясненіями нельзя часто согласиться, но почти всегда съ ними нужно считаться. Обширность размѣровъ, всесторонность разсмотрѣнія дѣлаютъ ее настоящей сокровищницей свѣдѣній по исторіи всѣхъ странъ, съ какими только завязывалъ связи Григорій VII. Ни до Гфререра, ни послѣ него никто не положилъ столько труда для уясненія міровой попытки этого папы. Но предъ Гфререромъ лишь постепенно раскрылся тотъ планъ, по которому онъ и написалъ своего Григорія. По началу это было простое продолженіе „Церковной исторіи“⁶⁰⁾, начатое именно съ того момента, на которомъ она прерывалась, со смерти Генриха III. И вотъ, въ I книгѣ своего „Григорія“ Гфререръ, помимо обзорѣнія итальяно-германскихъ происшествій до утвержденія Александра II на папскомъ престолѣ, въ виду значенія и вліянія нѣмецкой аристократіи, останавливается на происхожденіи важнѣйшихъ княжескихъ династій Германіи, на положеніи, занятомъ различными владѣтельными домами по отношенію къ коронѣ и обусловленномъ развивающейся наследственностью леновъ, на мѣрахъ, путемъ которыхъ императоры думали бороться съ этимъ зломъ—планъ общихъ податей и постоянного наемнаго войска.

Вторая книга посвящена подробному изложенію хода событій въ Германіи и отчасти Италіи до смерти Александра II. Только при приближеніи къ описанію понтификата самого Григорія VII у Гфререра открылись глаза, и онъ понялъ, что нужно для „настоящей исторіи Григорія VII“. „Идеи, осуществляемыя Григоріемъ и бывшія въ значительной степени достояніемъ лучшихъ умовъ XI столѣтія, въ сущности коренились въ отношеніяхъ, созданныхъ прошлымъ. Григорій самъ объявляетъ, что можетъ свершить свое дѣло только въ единеніи съ Клыуни“. 1) Отсюда необходимо основательно знать

⁶⁰⁾ Allgemeine Kirchengeschichte von Gfrörer. IV B.

дѣятельность и идеалы этого братства. Далѣе связи Григорія съ Матильдой и судьба ея владѣній, впослѣдствіи служившихъ яблокомъ раздора между папами и императорами, 2) заставляютъ углубиться въ изученіе ихъ строя. Отношенія Григорія къ Вильгельму, котораго онъ отличалъ, дѣлаютъ обязательнымъ 3) знаніе положенія дѣлъ въ Англіи. Обвиненія Григорія въ стремленіи къ мірскому господству получаютъ правильную оцѣнку при 4) знакомствѣ съ развитіемъ итальянской демократіи. Сношенія Григорія съ Испаніей становятся понятными 5) при изученіи хода историческаго развитія этой страны. Наконецъ, какъ владыка церкви, Григорій входилъ въ сношенія со всѣми странами центральной Европы, равно какъ и ея окраинами, землями, открытыми смѣлыми норманскими мореходами, даже Сѣверной Африкой, гдѣ уцѣлѣли остатки древне-христіанскихъ общинъ. Подробности и характеръ этихъ связей будутъ понятны 6) только при знаніи прошлой судьбы этихъ странъ. Въспомъ же своего труда Гфререръ думалъ сдѣлать борьбу между Григоріемъ и Генрихомъ, доведшимъ своимъ поведеніемъ папу до крайнихъ мѣръ.

Таковы очертанія, намѣченныя ⁶¹⁾ Гфререромъ для продолженія своего труда. Однако исполинскій замыселъ только расширился при выполненіи. И вотъ, 3-я книга говоритъ о связяхъ его, начиная съ Россіи „Славянъ“ и Скандинавіи до Исландіи, Гренландіи и, наконецъ, только что открытыхъ береговъ С. Америки. Необходимость уяснить причины, побуждавшія ихъ обитателей прибѣгнуть къ напѣ, заставляетъ Гфререра остановиться на ихъ предшествовавшей исторіи, причемъ онъ принимаетъ во вниманіе народную жизнь, богослуженіе, сношенія съ болѣе культурными народами юга. Оцѣнкѣ извѣстнаго Снорро Стурлезона отведено также видное мѣсто.

Въ 4-й книгѣ изложены по такому же плану отношенія Григорія къ Даніи, Англіи и Нормандіи. Вліянію Клыны приписано рѣшающее значеніе въ бытовой исторіи нормановъ. Побѣда при Гастингсѣ обновила одряхлѣвшій брито-саксонскій міръ, а Вильгельмъ Завоеватель своимъ законодательствомъ открылъ новую лучшую эру: совмѣстной дѣятельности Григорія и Вильгельма Завоевателя обязанъ своимъ существованіемъ новый и прочный порядокъ на всемъ сѣверѣ, положившій предѣлъ пиратству, уводу населенія; Божій міръ воцарился на океанѣ и открылъ тысячи дорогъ къ обогащенію торговли. Альбіонъ, наконецъ, обязанъ имъ зародышемъ политическаго строя, которымъ онъ такъ гордится.

Пятая книга повѣствуетъ о временахъ первыхъ Капетинговъ, начинаясь обзоромъ мелкихъ правительственныхъ домовъ, изъ кото-

⁶¹⁾ II p. 433—436.

рыхъ многіе были могущественнѣе Капетинговъ и обладали землями, не только не подчиненными ихъ скипетру, но даже признававшими власть иноземныхъ владыкъ. Усиленіе Капетинговъ, эту неразрѣшимую загадку, по мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, Гфререръ думаетъ объяснить политикой королей, ставшихъ въ союзъ съ церковью, такъ что Григорій VII принужденъ былъ заботиться объ устраненіи опасности превращенія галликанскаго клира въ государственную машину. Обуздывая королей, Григорій владѣлъ и французское рыцарство.

Шестая книга отведена государствамъ Пиренейскаго полуострова и сѣверной Африки. Борьба между христіанами и мусульманами, шедшая здѣсь, зарождаетъ въ головѣ Григорія VII мысль о соединенномъ напорѣ западныхъ христіанъ на исламъ. Онъ первый проповѣдуетъ крестовый походъ. Такое положеніе дѣлъ вызываетъ необходимость обзорѣтъ существовавшія до той поры отношенія между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ. Обзорѣвъ исторію мусульманскаго халифата въ Испаніи, Гфререръ отмѣчаетъ благотворное воздѣйствіе Клыуны: подъ его вліяніемъ зародилось и окрѣпло у испанцевъ сознаніе единства, мудрые законы повели къ тому, что исчезло рабство и угнетенное положеніе низшихъ классовъ; всѣ получили политическія права и весь испанскій народъ приобрѣлъ отпечатокъ благородства. Позднѣйшимъ попыткамъ королей Леона, направленнымъ къ установленію деспотіи, помѣшалъ Григорій VII.

Подходя къ изложенію столкновенія между германскимъ королемъ и римскимъ папой, Гфререръ дѣлаетъ небольшое отступленіе (989 стр.): „Необходимость точнаго понятія о правахъ папъ и императоровъ заставляетъ его обратиться къ изученію ихъ предшествовавшихъ отношеній. 7-я книга и даетъ исторію возникновенія и развитія церковнаго государства, посвящаетъ читателя въ исторію папства и имперіи до 1002 г., причѣмъ политикѣ Каролинговъ и Оттоновъ, „безъ знанія которой невозможно понять образъ дѣйствій Саліевъ“, отведено значительное мѣсто, равно какъ изложенію возникновенія и расширенія вліянія Клыуны.

Переходомъ къ непосредственной темѣ служить восьмая книга, излагающая исторію Западной Европы, преимущественно Италіи и Германіи, до 1056 г., года смерти Генриха III, которой начинается, какъ извѣстно, первая книга.

Все сочиненіе заканчивается 9-й книгой (966 стр.), содержащей въ себѣ чрезвычайно подробную исторію борьбы тиары съ короной, проявленія движенія въ германскихъ городахъ, характеристики источниковъ и дѣятелей этой эпохи. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ обзорѣніе колоссальнаго труда Гфререра.

Какъ видно, различные моменты жизни Григорія рассмотрѣны

въ немъ съ полнотой, не заставляющей жалеть большаго. Но отдѣльными частями связаны очень слабо и отличаются полнотой почти самостоятельностью. Цѣльной, сводящей всѣ отдѣльныя замѣчанія характеристики Григорія и всеохватывающаго уясненія его мірового значенія, Гфререръ не далъ ⁶²⁾, „находя безплодными въ концѣ утомительной работы присовокуплять сводъ данныхъ, упражненіе въ краснорѣчіи, которыя внимательный читатель находитъ въ различныхъ томахъ: исторія Григорія—высшая его похвала“. Зато ясно выраженъ оригинальный взглядъ Гфререра на побужденія, легшія въ основу системы Григорія VП и на самую систему: „Едва ли, пишетъ Гфререръ ⁶³⁾, кто-нибудь преслѣдовалъ столь высокія цѣли и безъ денегъ, безъ военной силы достигъ столь поразительныхъ успѣховъ. Рѣдкій властный геній жилъ въ Гильдебрандѣ, но не демоническій, не исполненный своекорыстія, а христіанскій, высокосвященническій. Проповѣдь Евангелія начинается словами: „царство небесное приближается. Или христіанство—сплошная цѣпь лжи (нечестивая мысль!) или—ученіе о распространеніи царства Бога на землѣ является основой порядковъ, проводимыхъ Искупителемъ міра. Въ такомъ духѣ учили и дѣйствовали св. отцы, главнымъ образомъ, бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи „De civitate Dei“. Подобное же убѣжденіе лежитъ въ основѣ дѣятельности Григорія VП. Поставленная имъ предъ собой задача состояла въ томъ, чтобъ открыть на землѣ царство Бога, устранить узмы, сковывавшія его появленіе, другими словами, ввести такой порядокъ вещей, когда Евангеліе служило бы законодательной книгой народовъ, когда обязанности, выдвинутыя имъ для подданныхъ и господъ, были бы осуществлены до мелочей“.

„При господствѣ монархическаго начала въ германо-латинскомъ мірѣ стремленія Григорія къ установленію лучшаго строя могли воплотиться только тогда, когда всѣ владѣтели признали бы заветы Евангелія обязательными, и Григорій неустанно старался побудить князей, частью убѣжденіями, частью предоставленіемъ имъ различныхъ выгодъ. Письма его служатъ въ данномъ случаѣ лучшимъ доказательствомъ. Въ очень многихъ изъ нихъ проводится та мысль, что осуществленіе царства Бога на землѣ не можетъ быть дѣломъ свѣтской власти, основанной путемъ насилія и преступленій, а церкви, созданія Бога. Для Григорія была неоспоримой истиной вѣра въ долгъ папы быть верховнымъ главой этого царства и вести народы ко спасенію и вѣчному блаженству (407). Если тысячелѣтнее существованіе церкви еще не привело къ полному установленію завета Спасителя,

⁶²⁾ В. VII, р. 961.

⁶³⁾ II, 403.

то въ этомъ виновато господство свѣтской власти. Григорій потому и требовалъ отъ всѣхъ христіанскихъ князей повиновенія апостольской власти и громогласно объявлялъ, что короли, не признающіе это повиновеніе своею обязанностью, лишаются короны“.

„Правовой исторической основой для поддержанія такихъ требованій папы, въ глазахъ Григорія, служатъ ленныя обязательства, въ которыя добровольно вошли къ папамъ всѣ народы, просвѣщенные ими путемъ убѣжденія, равно какъ и обращенные императорами путемъ насилія. Эти ленныя обязательства, принятые задолго до Григорія VII, оставались безъ примѣненія. Теперь, благодаря ключіцамъ, ихъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ, почва была подготовлена для признанія во всей полнотѣ правъ и обязанностей папъ. Симонія, существованіе которой было жизненнымъ условіемъ для королей, съ ихъ точки зрѣнія была тяжкимъ грѣхомъ, и эта точка зрѣнія, проводимая ключіцами, приобрѣла за себя голосъ общественнаго мнѣнія, силы, съ которой приходилось считаться и въ средніе вѣка. Вѣчныя жалобы на симонію неизбежно вызывали постановку требованія устраненія свѣтской власти отъ замѣщенія духовныхъ должностей, вели къ запрещенію свѣтской инвеституры и избранію духовенства клиромъ и народомъ подъ условіемъ согласія папы, какъ верховнаго главы государства. Подобный порядокъ, конечно, отдавалъ королей въ руки папъ, такъ какъ духовенство располагало, помимо нравственнаго вліянія, значительной военной и денежной силой. Стало быть, царство Божіе изъ области мечтаній переходило въ жизнь, зато власть свѣтскихъ владѣтелей, могущество которыхъ покоилось на правѣ распоряжаться духовными ленами, приходила въ окончательный упадокъ. Это крайнее средство вызывалось только крайнимъ положеніемъ дѣлъ. Направленіе времени, проводимое монахами и даже многими епископами, работало въ руку папъ. Демократическія силы, проснувшіяся въ Ломбардіи, также являлись союзниками папъ, тѣмъ болѣе, что Григорій хотѣлъ тиранніи князей противопоставить широкое развитіе свободы массъ“. „Планъ Григорія возстановить равновѣсіе между господствомъ и свободой, обуздавъ произволъ владыкъ, былъ величественъ и простъ: христіанскія племена, раздѣленные по языку и происхожденію, образуютъ одну семью, чтущую намѣстника Петра общимъ своимъ духовнымъ главой. Долгъ намѣстника Христа наблюдать, чтобы повсюду соблюдали сводъ законовъ Божьяго царства—Евангеліе. Короли христіанскіе должны смотрѣть на себя, какъ на вассаловъ Иисуса Христа, и въ силу этого дать престолу Петра ленную присягу. Эти отношенія имѣютъ своимъ практическимъ выводомъ, что законность королевскихъ приказаній и предписаній обусловлена согласіемъ епископовъ, которые являются

представителями папы въ отдѣльныхъ государствахъ. Царство Бога на землѣ не терпитъ неограниченной монархіи, а только сословную. Всѣ важнѣйшія дѣла отдѣльныхъ государствъ должны подвергаться обсужденію на особыхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, рѣшенія которыхъ получаютъ законную силу только послѣ согласія епископовъ.

Въ письмахъ Григорія нѣтъ указанія на то, что онъ находилъ неудобнымъ присутствіе на этихъ засѣданіяхъ свѣтскихъ вельможъ, графовъ, герцоговъ, главъ богатыхъ и выдающихся родовъ, а потому слѣдуетъ несомнѣнно признать, что если бы города или граждане уже тогда добились политическихъ правъ, Григорій ничего бы не имѣлъ противъ ихъ участія на имперскихъ собраніяхъ, только предоставилъ бы духовенству, какъ представителю высшихъ интересовъ, болѣе полномочій. Кромѣ сословной монархіи въ Божьемъ царствѣ возможно существованіе и республиканской формы правленія, но само собой понятно, что и свободныя государства даютъ ленную присягу намѣстнику Петра.

Важнѣйшіе органы, при посредствѣ которыхъ папа управляетъ многочисленнымъ тѣломъ божьяго царства, аббаты и епископы, на которыхъ поэтому обращено его особенное вниманіе. Ни одинъ клирикъ не можетъ сдѣлаться аббатомъ или епископомъ безъ утвержденія папы, который имѣетъ власть ихъ низлагать, отрѣшать, переводить и т. д. Для поддержанія болѣе живого общенія съ епископами папа разсылаетъ легатовъ, пользующихся всѣми правами папы, какъ его полномочные представители.

Таковы приблизительно основныя очертанія зданія, къ возведенію котораго стремился Григорій. Бросается въ глаза, что папа здѣсь оазисывается атласомъ, держащимъ тягость міра. Только духъ величайшей силы и полнѣйшей чистоты воли могъ ее выдержать. Разъ папѣ недоставало силъ исполина, разъ въ немъ возобладали низменныя человѣческія страсти, вся система могла обратиться въ тираннію. Только гении, подобные Гильдебранду, могли воплотить этотъ строй, но какъ рѣдко появляются они!

Такимъ образомъ, Гфререръ, прекрасно раскрывъ идеальныя, коренныя побужденія Григорія, стремившагося установить царство Бога на землѣ, влагаетъ въ его голову цѣлое соціально-политическое ученіе, въ которомъ не трудно уловить воздѣйствіе различныхъ событій, разыгравшихся на Западѣ за послѣднія 50 лѣтъ: образованіе республикъ, усиленіе представительнаго правленія, національныя движенія натолкнули Гфререра на открытіе въ дѣятельности Григорія безразличнаго отношенія къ формѣ правленія, сочувствія положенію и интересамъ массъ и отдѣльнымъ народамъ, подымавшимъ голову изъ-подъ гнета германскихъ императоровъ. Подъ вліяніемъ та-

нихъ утверждений у читателя складывается убѣжденіе, что католицизмъ вовсе не косность, тираннія и застои, какъ рисуютъ его противники, а широкое всеобъемлющее ученіе, чуждое нетерпимости и узости, что совершенно непримѣнимо къ нему особенно въ средніе вѣка. Потомству легко находить въ прошломъ подтвержденіе своихъ излюбленныхъ теорій, усматривая въ немъ слѣды и зачатки теченій настоящаго, вида тонкій и глубокий расчетъ дѣятеля тамъ, гдѣ онъ самъ былъ орудіемъ рокового сдѣянія обстоятельствъ. Тоже стройное католическое міросозерцаніе проходитъ чрезъ весь взглядъ Гфререра на преобразованія Григорія, какъ средство къ воплощенію истинно христіанскихъ воззрѣній.

Если при оцѣнкѣ системы замѣтно сильное вліяніе пристрастія католика, то при оцѣнкѣ личности замѣтно преклоненіе передъ ея необычайно высокими способностями и качествами, даже ихъ преувеличеніе. Самобытность плана, соврѣвшаго въ головѣ Гильдебранда еще въ молодые его годы, подлежитъ большому сомнѣнію въ виду уже извѣстнаго ученія кардинала Гумберта. Данные источниковъ, враждебныхъ Григорію, отвергаются путемъ часто невѣроятныхъ скачковъ мысли; для усиленія противоположности на его противниковъ Гфререръ заводитъ крайне нелѣпыя и ужасныя обвиненія, на которыя нѣтъ ни малѣйшаго намека у самыхъ завзятыхъ клеветниковъ Генриха IV.

Съ другой стороны, указывая на связь воззрѣній Григорія съ предшествующей порой, Гфререръ до крайности преувеличиваетъ вліяніе Ключня, забывая различіе взглядовъ Гуго Ключійскаго, Даміани и Гильдебранда, не разъ приводившее ихъ къ столкновеніямъ. Преувеличиваетъ онъ и значеніе личныхъ отношеній, въ которыя будто бы стали всѣ свѣтскіе владѣтели къ апостольскому трону: подобныя отношенія существовали лишь въ его смѣлой фантазіи.

Впрочемъ, такіе промахи вполне естественны у человѣка партіи: для глубоко убѣжденнаго католика нѣтъ возможности смотрѣть на дѣло Григорія другими глазами: церковь для него стоитъ безконечно выше государства, поглощаетъ его.

Трудъ Гфререра вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, несочувственные отзывы протестантскихъ изслѣдователей, склонившихся къ признанію зависимости церкви отъ государства. Но никто не взялъ на себя смѣлости провѣрить *est* его выводы путемъ сличенія съ данными источниковъ. Больше другихъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи Баксманъ въ своей „Politikъ папъ отъ Григорія I до Григорія VII“⁶⁴).

⁶⁴) Вахманн. „Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII“. 1869. III.

Полемизируя съ Гфререромъ во множествѣ примѣчаній, Баксманъ уже въ своемъ введеніи открыто заявляетъ, что будетъ производить оцѣнку историческихъ явленій съ протестантской точки зрѣнія, и оправдываетъ это свое заявленіе самымъ употребленіемъ термина „политика“ примѣнительно къ дѣятельности папъ. „Мірскія цѣли и побужденія, по его мнѣнію, всегда были основаніемъ поступковъ римскихъ первосвященниковъ и въ этомъ отношеніи Григорій VII не представляетъ исключенія. Онъ—вѣрное зеркало Григорія I по своему поповскому міросозерцанію, которое подъ видомъ святости и покровомъ шнимага отвращенія отъ всего земного, все-таки ищетъ мірскаго и служить своекорыстнымъ цѣлямъ. Римская іерархія—созданіе отдѣльных лицъ, проникнутыхъ духомъ честолюбія и властолюбія. Въ основѣ всей дѣятельности папъ лежитъ мысль Григорія I, воплощенная Григоріемъ VII, мысль о безконечномъ превосходствѣ церкви и папства и весьма низменное понятіе о государствѣ и свѣтской власти. Въ системѣ же Григорія Баксманъ видитъ сочетаніе ветхозавѣтнаго левитизма—въ области религіи, въ соціальной и политической идей грознаго Рима и нѣмецкаго феодализма“ 65).

Широкое пользованіе пособіями, не только нѣмецкими, но и французскими, англійскими и итальянскими; хорошее знакомство съ источниками, равно какъ попытка объединить и связать дѣятельность цѣлаго ряда папъ указаніемъ общей руководящей идеи—принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ книги Баксмана. Но эта оцѣнка односторонняя, точка зрѣнія сознательно партійная, а потому и все сочиненіе тенденціозно, стало быть, не научно. Въ дѣлѣ изученія преобразованій Григорія VII трудъ Баксмана не имѣетъ самостоятельнаго значенія, не знаменуя собой новаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактовъ, или привлеченія новыхъ матеріаловъ.

Наиболѣе объемистой работою, выставленною протестантами въ противовѣсъ Гфререру, является третій томъ „Исторіи времени нѣмецкихъ императоровъ“ Гизебрехта 66). Не смотря на рѣзкія нападки Гфререра, обвинявшаго его въ несамостоятельности, зависимости отъ трудовъ своихъ, Флото и Штенцеля, предлагавшаго даже въ доказательство несправедливости этихъ обвиненій выпустить свое сочиненіе раньше выхода окончанія „Григорія VII“, Гизебрехтъ сохранилъ по отношенію къ своему противнику сдержанность, безпристрастіе. Изучивъ подобно ему громадное количество памятниковъ всевозможныхъ родовъ и видовъ, онъ не кичится этимъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что Гизебрехту далеко не хватаетъ оригиналь-

65) Т. II p. 327.

66) Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit.

ности, самобытности и вольного размаха творческой мысли. Изложение окрашено велерѣчіемъ, напыщенностью, тонъ приподнять и неестественъ. Критика источниковъ въ большинствѣ случаевъ заимствована; въ основу не всегда положенъ наиболѣе надежный источникъ. И въ ширинѣ воспроизведенія Гизебрехтъ уступаетъ Гфререру. Его сочиненіе—не полная и всесторонняя исторія времени нѣмецкихъ императоровъ, а подробное и мелочное изложеніе политическихъ судьбъ Германіи и вѣйшей политики ея правителей за разсматриваемый періодъ. Какъ осторожный и дѣльный сводъ всего относящагося сюда матеріала, сочиненіе это имѣетъ неоспоримое значеніе, но не расширяетъ нашего кругозора. Кромѣ того, подобно Флото, Гизебрехтъ принялъ свой трудъ не съ чисто научной цѣлью, а въ патріотическихъ видахъ. Желая воскресить идеалъ пламенныхъ мечтаній и страстныхъ стремленій своихъ современниковъ къ объединенію и возрожденію Германіи, Гизебрехтъ вѣсто безхитростнаго воспроизведенія прошлаго съ его свѣтлыми и темными сторонами особенно подчеркиваетъ бывшее могущество нѣмецкаго народа, сильнаго своимъ единствомъ подъ властной волей императоровъ, державшихъ въ своихъ мощныхъ рукахъ судьбы всего запада. Поэтому въ дѣйтельности Григорія Гизебрехтъ отмѣчаетъ главнымъ образомъ ея вліяніе на судьбу нѣмецкаго императорства, не высказываетъ ничего, чего не подмѣтили бы его предшественники. Вотъ наиболѣе говорящія мѣста изъ его книги:

Р. 585. „Григорій, думавшій основать духовную державу, не оставилъ ничего кромѣ политико-церковной системы, но системы такой, первые начатки которой коренятся въ глубинѣ предшествовавшихъ столѣтій, а слѣдствія замѣтны и въ наши дни. Онъ не принадлежалъ къ духамъ, одареннымъ самобытной творческой силой, но его слѣдуетъ безспорно причислить къ тѣмъ, кто даетъ рѣшительный поворотъ колеблющимся умамъ тысячъ и въ силу этого направляетъ развитіе человѣчества на иные пути. Его самое существенное значеніе для хода исторіи заключается въ томъ, что онъ произвелъ переломъ въ существовавшихъ прежде міровыхъ отношеніяхъ, послѣ котораго нѣмецкое императорство не могло упрочить своего вѣками созданнаго главенства на западѣ“.

Р. 581. „Несомнѣнно, что онъ проявлялъ, въ качествѣ преемника Петра, притязанія на неограниченную власть не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ, смотрѣлъ на папство какъ на высшее судилище на землѣ, врученное ему для проведенія божественнаго порядка повсюду, поэтому каждый противникъ былъ для него безбожникомъ и подлежалъ наказанію. Когда излюбленная кара—анагема не помогала, Григорій думалъ, что необходимо взяться за мечъ

или за другія насильственные мѣры и въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ ничего общаго съ апостолами, превосходить даже судей ветхаго завета“.

Хотя Гизебрехтъ и причисляетъ себя къ безпристрастнымъ изслѣдователямъ, рисуящимъ „истинный образъ Григорія VII“, однако подобное заявленіе по крайней мѣрѣ смѣло. Отказывая, вопреки Гфреру, Гильдебранду въ творческой силѣ, Гизебрехтъ не приводитъ въ пользу своего утвержденія никакихъ соображеній, затемняетъ истинную цѣль Григорія, заключающуюся, по его мнѣнію, „въ свободѣ церкви, связанной съ проведеніемъ строжайшаго романизма“—въ чемъ самъ Григорій видитъ только средство; за нераскрытіемъ пути церковныхъ преобразованій, общее значеніе дѣятельности великаго папы у протестантскаго изслѣдователя осталось неяснымъ вслѣдствіе односторонняго и неполнаго освѣщенія и напоминаетъ взгляды современныхъ Григорію умѣренныхъ имперіалистовъ. Нѣсколько больше историческаго пониманія, безпристрастія и ясности обнаружилъ Грегоровіусъ въ своей „Исторіи города Рима въ средніе вѣка“ (есть плохой русскій переводъ).

Это сочиненіе получило громкую и заслуженную извѣстность, благодаря громадному свѣдѣнію автора, его тонкой наблюдательности, отличному знакомству съ памятниками средневѣкового Рима и чарующей прелести изящнаго, образнаго языка.

Для Грегоровіуса, какъ знатока предшествующихъ судебъ папства, Григорій VII былъ наслѣдникомъ законныхъ цѣлей римскихъ епископовъ; но признаніе такой связи и преемственности не умаляетъ значенія дѣятельности великаго папы 67): „Григорій VII былъ наслѣдникомъ исконныхъ цѣлей папства, но несравненный геній владыки и государственнаго человѣка присущъ ему лично, а его революціонная смѣлость не знаетъ себѣ равной ни въ древнемъ Римѣ, ни въ новое время. Этотъ монахъ не дрогнулъ предъ мыслью испровергнуть весь строй Европы съ цѣлью воздвигнуть на его развалинахъ тронъ папы“. Вообще Грегоровіусъ обнаруживаетъ склонность преувеличить значеніе Григорія VII. Онъ объявляетъ Гильдебранда всемогущимъ министромъ 6 папъ, величайшимъ политикомъ всѣхъ временъ и народовъ, вождемъ преобразовательнаго теченія, сдѣлавшимъ всѣхъ сдѣлать своимъ орудіемъ—монаховъ, фанатическое рвеніе которыхъ онъ подогрѣвалъ, папъ, которымъ давалъ направленіе, патеровъ, которыхъ, какъ истый демагогъ, высылалъ въ поле противъ аристократіи и надменныхъ епископовъ, могущественныхъ и мечтательныхъ маркграфинь Тосканы, дружбу которыхъ онъ приоб-

67) Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vierter Band. 1862.

рѣлъ, хищныхъ нормановъ, которыхъ сдѣлалъ вассалами и защитниками римской церкви“. Понятно, что и дѣятельность подобнаго чловѣка не могла остаться безслѣдной: „на его знамени первоначально стояли только два заимствованныя изъ каноновъ запрещенія: брака священниковъ и симоніи. И то, и другое было язвой своего времени, но они же съ большимъ искусствомъ послужили орудіемъ, пробившимъ проломъ, чрезъ который папство вторглось въ государство и приобрѣло господство надъ міромъ. Эта гениальная мощь, съ которой Гильдебрандъ завоевалъ свободу церкви, основалъ господство іерархін, достойна изумленія. Держава священнослужителей, не имѣющихъ другого оружія, кромѣ креста, евангелія, благословенія и проклятія, заслуживаетъ большаго удивленія, чѣмъ всѣ царства римскихъ и азіатскихъ завоевателей, и Григорій былъ основателемъ этой державы. Мысль поставить смертнаго во главѣ грѣшнаго міра въ качествѣ богоподобнаго существа съ ключами отъ рая и ада въ рукахъ и подчинить міръ этому апостолу уничиженія и намѣстнику Бога столь поразительна, столь страшна, что вызываетъ изумленіе и послѣдующихъ поколѣній. Это явленіе предполагаетъ дѣтскую, наивную вѣру, чтобы вѣчное начало добра стояло предъ нами воплощеннымъ, видимымъ и достижимымъ. Передача власти нравственно вязать и разрѣшать одному чловѣку, быть можетъ, самое изумительное дѣланіе, какое только знаетъ всемірная исторія. Но оно получаетъ свое объясненіе, когда знаешь, что церковь долгое время была величайшей страстью, святѣйшей силой, общей идеей чловѣчества. Изъ ея нѣдръ исключительно вытекали глубочайшія вѣра и знаніе, гармонія и красота, земное и небесное блаженство. Только послѣ борьбы, вызванной Григоріемъ VII, замѣтенъ расцвѣтъ духа въ мірѣ, до той поры грубомъ, безобразномъ, лишенномъ духовной жизни. Но исторія не воплотила его идеалъ, оставившійся позади понятій развившагося чловѣчества. Ученіе апостоловъ живетъ донинѣ, а іерархическія основы Григорія VII уже давно пожрало время. Григорія слѣдуетъ упрекнуть въ томъ, что онъ раздѣлялъ церковь на грѣшныхъ безправныхъ мірянъ и на святую полноправную касту священнослужителей, образовавшихъ церковь въ собственномъ смыслѣ; онъ погубилъ остатки христіанской общины, влилъ въ церковь политической духъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой папа. Она сдѣлалась законченнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ всѣ государственныя формы: демократію, аристократію, монархію. Сосредоточеніе догматической власти въ одной кастѣ породило зло духовной тиранинн, почему понятно, что дѣло Григорія должно было повлечь за собой нѣмецкую реформацію. Самое лучшее, чтò сдѣлалъ Григорій VII, было пробужденіе духа въ мірѣ, благодаря борьбѣ, посягавшей на всѣ нравственныя стороны жизни. Неизмѣримое дви-

женіе охватило всѣ слои церкви и государства ⁶⁸⁾. Исполнинская борьба этихъ двухъ формъ, образовавшихъ соціальное цѣлое, создала великую духовную жизнь средневѣковья и не получила своего разрѣшенія и въ наше время“.

Такимъ образомъ и Грегоровіусъ представляетъ Григорія лишь съ одной стороны, какъ политическаго революціонера на апостольскомъ престолѣ, преслѣдующаго господство надъ міромъ. Идеи, носителямъ которыхъ выступалъ Григорій, не раскрыты у Грегоровіуса, сведшаго его значеніе къ чисто отрицательнымъ послѣдствіямъ. „Единственно полезный результатъ — пробужденіе спавшей мысли — произошелъ вопреки его желанію“. Такие недостатки произошли оттого, что въ пользованіи источниками замѣтны существенные пробѣлы, даже погрѣшности, и это повело съ одной стороны къ крайнему преувеличенію значенія Григорія, съ другой къ недостаточному полному и яркому воспроизведенію его предначертаній. Стало быть, представителямъ противной стороны не удалось вполне опровергнуть основныхъ положеній Гфререра, вліяніе котораго замѣтно и въ оцѣнкѣ, данной Грегоровіусомъ. Тѣмъ понятнѣе его успѣхъ у единомышленниковъ.

Воздѣйствіе сочиненія Гфререра отразилось и на католической историографіи. Здѣсь первое мѣсто по своимъ достоинствамъ занимаетъ трудъ Hefele Conciliengeschichte ⁶⁹⁾. Будучи хорошо знакомъ съ источниками, Гефеле пользовался пособиями безъ различія партій и соблюдалъ безпристрастіе къ самымъ противоположнымъ мнѣніямъ, хотя былъ искренне убѣжденнымъ и строгимъ католикомъ. Дѣлая мѣстами самостоятельныя изысканія, онъ возстаетъ противъ смѣлыхъ догадокъ и построеній Гфререра, но цѣликомъ беретъ его основное воззрѣніе на Григорія VII ⁷⁰⁾, поэтому самостоятельнаго строго научнаго значенія это сочиненіе не имѣетъ, да и не притязаетъ на него, „желая дать сподручное пособіе историкамъ и теологамъ для приобрѣтенія общихъ свѣдѣній по исторіи соборовъ“.

Другимъ крупнымъ явленіемъ оказывается трудъ французскаго аббата Делара ⁷¹⁾, хотя и отдаленный 30-ти-лѣтнимъ промежуткомъ но написанный подъ вліяніемъ Гфререра. Католическое міросозерцаніе автора сказывается уже въ заглавіи, гдѣ Григорій названъ „святимъ“, и отражается на всей книгѣ. Не смотря на обширный размѣръ своего труда, знаніе источниковъ и внимательное къ нимъ от-

⁶⁸⁾ В. VI, p. 245—249.

⁶⁹⁾ В. V.

⁷⁰⁾ В. V, p. 20—22.

⁷¹⁾ Saint Grégoire VII et la réforme de l'église au XI-e siècle par l'Abbé Delare, T. III. Paris. 1889.

ношеніе, Делярь не пришелъ ни къ какимъ новымъ выводамъ и заключеніямъ, соединивъ до нѣкоторой степени взглядъ Гфререра съ воззрѣніями Лорана. Подобно первому, онъ приводитъ цѣликомъ чуть ли не всѣ дошедшія до насъ письма Григорія, смотритъ на отношенія властей, ставитъ преобразованія его въ тѣснѣйшую связь съ клонійской реформой, подобно второму выводитъ ихъ изъ состоянія церкви. Почти строго хронологическій порядокъ изложенія ведетъ къ разбросанности и затрудняетъ воссозданіе общаго. Кромѣ того, Делярь ограничивается въ заключеніи лишь бѣглой и краткой оцѣнкой 72), явственно позаимствованной у Гфререра. „Лучшій панегирикъ Григорія, единственно достойный его — это его исторія; приводитъ здѣсь главныя событія его жизни ради краснорѣчія — безполезный трудъ“.

„Читатель самъ знаетъ ихъ и можетъ произнести свой судъ, давъ отчетъ, что было и чего хотѣлъ Гильдебрандъ. Возвратить церкви ея честь и достоинство — вотъ чего онъ хотѣлъ. Это было высшей цѣлью его стремленій и его жизни“.

„Найдя церковь поработенной, онъ приложилъ всѣ силы своего генія, чтобы порвать эти цѣпи, отдать ей самостоятельность и свободу“.

Такимъ образомъ, Делярь позволилъ себѣ и нѣкоторое отступленіе отъ своего образца, считая цѣлью желаній Григорія то, въ чемъ Гфререръ видѣлъ средство: у Делара остается невыясненнымъ, почему Григорій стремился къ свободѣ церкви. Вообще оригинальнаго, какъ было замѣчено, книга Делара не даетъ, такъ какъ проводимая имъ параллель между Наполеономъ и Григоріемъ VII не отличается глубиной и сводится только къ внѣшнему совпаденію различныхъ обстоятельствъ ихъ жизни.

Особнякомъ въ католической историографіи стоитъ посмертная работа Вильмена „Histoire de Gregoire VII précédée d'un discours sur l'histoire de la papauté jusqu'au XI-e siècle“. Будучи написана еще въ 1834 г., она обнаруживаетъ полное незнакомство съ нѣмецкой литературой, открытыми съ того времени новыми матеріалами и лучшими ихъ изданіями, заслуживая упоминанія по оригинальности мысли, положенной въ ея основу. Вильменъ смотритъ на споръ за инвеституру, какъ на борьбу свободной церкви Италіи противъ угнетенной нѣмецкой, а на Григорія, какъ на борца за свободу совѣсти и права націй, на вольное развитіе противъ грубой силы, — взглядъ, не имѣющій ни малѣйшей основы въ первоисточникахъ.

Таковы важнѣйшіе и наиболѣе имѣвшіе значеніе въ дѣлѣ раз-

72) Т. III, p. 628.

работки взгляда на значеніе и личность Григорія VII. Для полноты очерка необходимо упомянутьъ еще о точкѣ зрѣнія знаменитаго Ранке: VII томъ его *Weltgeschichte* привлекаетъ уже однимъ именемъ мастистаго ученаго. Какъ и слѣдовало ожидать, въ своей оцѣнкѣ Ранке ближе подходитъ къ протестантскому направленію, но избѣгаетъ его крайностей.

„Григорій VII снова возвратился къ мысли о церковномъ главенствѣ надъ свѣтскими владѣтелями, мысли, возникшей въ IX столѣтіи и сдѣлавшей первый шагъ къ своему воплощенію благодаря возстановленію Имперіи Оттономъ I. Но это возвращеніе носило иной отпечатокъ: прежде епископы искали защиты у Рима, теперь они были вполнѣ подчинены римскому главенству. Самъ Григорій прекрасно выразилъ свою систему въ своихъ диктатахъ. Это притязаніе на всемогущество папы выступило теперь противъ императорства, занятаго борьбой въ духовно-свѣтской области. Свои притязанія Григорій обосновываетъ на лжеисидоровскихъ декретахъ, неправильномъ толкованіи подлинныхъ мѣстъ Св. Писанія, на невѣрныхъ ссылкахъ на историческіе примѣры, имѣвшіе совершенно другое значеніе. Но въ дѣйствительности они покоились на его взглядѣ на призваніе римской церкви: въ его глазахъ непогрѣшимый папа являлся полномочнымъ представителемъ апостольской власти, вѣнчающимъ на небѣ и на землѣ“.

„Іерархическая система Григорія имѣла цѣлью сдѣлать власть клира основой всего земного существованія. Запрещеніе инвеституры и браковъ духовенства было необходимо для ея проведенія. Великій іерархъ глубоко вдумался въ ту точку зрѣнія, на которой стоялъ. Онъ шелъ на встрѣчу запросамъ времени, смотрѣвшаго на лицо духовное, какъ на существо высшее. Все, что онъ говорилъ, отличалось достоинствомъ, послѣдовательностью и силой. Онъ обнаруживалъ врожденный талантъ къ свѣтскимъ дѣламъ. Заявленія Григорія не содержали въ себѣ глубокаго ученія. Почти все, что онъ выставлялъ на видъ, было сказано до него. Но въ немъ все это слагалось въ стройную систему, вопроса объ относительной истинности которой нельзя и поднимать. Григорій VII—величайшее изъ когда-либо имѣвшихъ мѣсто церковно-политическихъ явленій“ 73).

Ранке очевидно не правъ, если припомнимъ Лорана и Гфререра, считая начало стремленія къ Царству Божьему на землѣ плодомъ IX столѣтія, не первохристіанскихъ воззрѣній. Но существеннымъ его недостаткомъ необходимо признать малое вниманіе, обращенное на внутреннюю, идейную сторону борьбы, на состояніе развитія обще-

73) *Weltgeschichte*, B. VII, p. 309—313.

ства, на его внутренній строй. Какъ вообще въ всемирной исторіи, такъ и здѣсь политическимъ событіямъ отведено наиболѣе мѣста. Что же касается критической стороны, то и здѣсь трудъ великаго ученаго далеко не безукоризненъ: будучи однимъ изъ главныхъ виновниковъ паденія славы достовѣрности, установленной за Ламбертомъ, Ранке не всегда критически относится къ его извѣстіямъ или неудачно выбираетъ основу для своего изложенія, отвергая ихъ. Такъ онъ создаетъ своего рода культъ Бернольду, вопреки точнымъ документамъ. Наконецъ, при изложеніи подробностей недостаточно глубокое, тщательное и всестороннее изученіе источниковъ даетъ о себѣ знать. Въ оцѣнкѣ же Григорія Ранке применилъ къ взглядамъ своихъ предшественниковъ, протестантскихъ изслѣдователей уже прежняго направленія.

Трудъ Ранке вызвалъ рѣзкую критику со стороны Мартенса ⁷⁴⁾, выражающаго намѣреніе дать въ недалекомъ будущемъ обстоятельную исторію Григорія VII. Хотя Мартенсъ въ обнародованныхъ трудахъ ⁷⁵⁾ не подвергаетъ общей оцѣнкѣ дѣятельность Григорія, однако его точка зрѣнія уже выяснилась съ достаточной опредѣленностью.

Цѣлью своей Мартенсъ поставилъ доказать, что съ одной стороны Григорій VII, вопреки мнѣнію лучшихъ протестантскихъ изслѣдователей, отнюдь не былъ великимъ паной, съ другой—за нимъ нельзя признать и святости, какъ дѣлаютъ католическіе историки. Для оправданія этого утвержденія Мартенсъ прибѣгаетъ къ своеобразнымъ приемамъ: онъ подчеркиваетъ недостовѣрность только противниковъ Генриха IV, говоря: „ихъ данными можно пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если они не ведутъ къ прославленію своихъ или униженію противниковъ“. Данные сторонниковъ Григорія онъ или замалчиваетъ, или толкуетъ ихъ крайне насильственно и искусственно. Другимъ недостаткомъ Мартенса является его пристрастіе къ оригинальности, заставляющее его выдѣляться новыми толкованіями, хитросплетеніями, поднимать вопросы, даже не возникавшіе за очевидностью ихъ рѣшенія, и давать имъ смѣлое, но вполнѣ неосновательное разрѣшеніе ⁷⁶⁾. Съ такимъ методомъ едва-ли можно ожи-

⁷⁴⁾ Heinrich IV und Gregor VII, nach der Schilderung von Ranke's Weltgeschichte, kritische Betrachtungen von Dr. Wilh. Martens. Danzig 1887.

⁷⁵⁾ Кромѣ указаннаго см. еще: Die Besetzung des päpstlichen Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. Freiburg. B. 1887 и журнальныя статьи: Gregors VII Maassnahmen gegen Heinrich IV (in der Zeitschrift für Kirchenrecht B. XVII; Ueber die Geschichtschreibung Bonithos von Sutri (in der Tübinger Theologischen Quartalschrift. B. LXV).

⁷⁶⁾ Такова его посредняя работа: War Gregor VII Mönch? Danzig 1891 г.

дать удачнаго исхода отъ намѣренія Мартенса, тѣмъ болѣе, что онъ и теперь сводитъ значеніе Григорія къ созданію для папъ „*potestas directa in temporalia*“ и смотритъ на церковь съ точки зрѣнія араго прусскаго протестанта.

Едва-ли Мартенсъ избѣгаетъ и общей ошибки всѣхъ своихъ предшественниковъ, смотрящихъ на Григорія, какъ на воплощъ законченное существо съ застывшими воззрѣніями и взглядами. Жизнь не знаетъ подобной неизмѣняемости: идеальное воззрѣніе Григорія на папство, какъ учрежденіе, предназначенное свыше для спасенія грѣшнаго міра, уже въ первые годы его дѣятельности натолкнулось на житейскую косность, на сѣрую дѣйствительность. Она показала, что для его воплощенія необходимы силы матеріальныя, могущество свѣтское. Надо приобрѣсти его и тогда идеаль достигнуть. Новыя препятствія, новая борьба, достиженіе завѣтной мечты все отодвигается и средство начинаетъ дѣлаться цѣлью. Исполнскія, но чловѣческія силы истощались, сложенные неутомимой мощью обстоятельствъ, прозой жизни, и Григорій 1080 года уже не походилъ на Гильдебранда и Григорія 70 г.

Людямъ XIX вѣка, чуждымъ глубокой всепроникающей вѣры въ подобный идеаль, не воплощъ понятна эта смѣна, и вотъ почему не всеокрушающимъ и всеизмѣняющимъ временемъ, а жалкимъ честолюбіемъ объясняютъ они дѣятельность Григорія.

Неудачу общихъ изслѣдователей до нѣкоторой степени восполняютъ обильные плоды, приносимые мелкой детальной разработкой исторія второй половины XI столѣтія. Это направленіе въ послѣдніе годы стало господствующимъ: ежегодно ⁷⁷⁾ какъ въ специальныхъ историческихъ, такъ въ юридическихъ и теологическихъ журналахъ, программахъ или диссертацияхъ выходятъ въ свѣтъ то мелкія критическія замѣтки къ тексту или вопросу о достовѣрности отдѣльных мѣстъ или извѣстій различныхъ источниковъ, то появляются статьи, посвященныя разработкѣ различныхъ моментовъ и сторонъ дѣятель-

⁷⁷⁾ И тутъ отражаются запросы и вліянія времени: такъ 800-лѣтняя годовщина Каноссы, совпавшая съ такъ называемой культурной борьбой, вызвала рядъ работъ, частью публицистическаго, частью научнаго характера. См. между прочимъ *Franke*, Nicht nach Canossa 1876. *E. Hoffmann*, Gregor VII und Heinrich IV. Prag. 1876. *Adolf*, Kaiser Heinrich IV zur Erinnerung an der Büsse von Canossa. Hannover 1877. Gregor VII und der Gang nach Canossa von *Kalkhoff*. Berlin 80, и т. д. Больше значенія имѣютъ: *R. Goldschmidt*, die Tage von Tribur und Canossa. Strassburg 1873. *T. Braun*. Die Tage von Canossa unter Heinrich IV. Marburg 1873 и 1874. *Schubart*, Heinrich IV in Canossa. Berlin 82. *Knöpfler*. Die Tage von Tribur und Canossa (Hist. pol. Blätter 1884 г. 5 и 6 тетрадь.

ности Григорія 78) или выдающихся его современниковъ; замѣчается стремленіе написать исторіи отдѣльныхъ Западно-Европейскихъ земель за рассматриваемый періодъ времени. Между всѣми этими произведеніями есть очень дѣльные работы, главнымъ образомъ, изслѣдованія цѣлыхъ памятниковъ, пролагающія на нихъ новыя воззрѣнія или окончательно устанавливающія тотъ или иной взглядъ на поставленный вопросъ 79).

Конечно, для будущаго историка Григорія VII многія изъ этихъ работъ сослужать большую службу удачнымъ разрѣшеніемъ мелкихъ вопросовъ, разъясненіемъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ подробностей, критической и тщательной провѣркой данныхъ, указаніемъ круга источниковъ того или иного писателя.

Но иногда трудъ предпринимается не для отысканія истины, а

⁷⁸⁾ Заслуживаютъ упоминанія: *Ruppel*. Die Wahl Papst Gregors VII. Chemnitz 1876; *Knöpfler*. Die Wahl Gregors VII (Hist. pol. Blät. 1884.). *Mirbt*. Die Wahl Gregors VII. Narburg 1891. *Mädge*. Die Politik Gregors VII den Gegenkönigen Rudolf und Hermann gegenüber. Elberfeld 1879. *Lüngen*. Zur Politik Gregors VII gegen Heinrich IV. Bochum 82. *Dehnicke*. Die Massnahmen Gregors VII gegen Heinrich IV während der Jahre 1076—80. Halle a. S. 89. *Meltzer*. Papst Gregor VII und die Bischofswahlen. Dresden 76. *Piper*. Die Politik Gregors VII gegenüber der deutschen Metropolitangewalt. Quedlinburg 84. *Hoffmann*. Das Verhältniss Gregors VII zu Frankreich. Breslau. 1877. *Wiedemann*. Gregor VII und Erzbischof Manasses I von Reims. Leipzig 84. *Mews*. Zur Legation des Bischofs Hugo von Die unter Gregors VII. Greifswald 87.

⁷⁹⁾ Такова производшая переворотъ въ взглядъ на Бендо работа *Hugo Lehmgrübner*, Benzo von Alba, ein Verfechter der Kaiserlichen Staatsidee unter Heinrich IV. Berlin 1887. *Panger*. Wido von Ferrara. Leipzig 80, доказавъ несамостоятельность этого источника. *Kubo*, Beiträge zur Kritik Lamberts von Hersfeld 1890 и *Diffenbacher*, Lambert von Hersfeld als Historiograph. Heidelberg 1890, показали бѣдность языка Ламберта и какъ сдѣлали ея однообразіе описаній различныхъ происшествій, вопреки установившемуся мнѣнію о блестящемъ и богатомъ запасѣ выраженій герсфельдскаго монаха. Его достовѣрность сильно потрясла: *Delbrück*, Ueber die Glaubwürdigkeit Lamberts von Hersfeld 73. *Lefurth*, Lambert von Hersfeld. 81 и *Ausfeld*, [Lambert von Hersfeld und der Zehntstreit zwischen Mainz, Hersfeld und Turingen 79. Оцѣнка писемъ Григорія VII въ связи съ болѣе точнымъ установленіемъ времени ихъ написанія и лучшимъ ихъ изданіемъ сдѣлала значительные успѣхи. См. Giesebrecht, De Gregorii VII registro emendando Brunsvigae 1858. Die Urkunden der päpstlichen Kanzlei von *Pflugk Hartung*. München 82. Его же. Die Register und Briefe Gregors VII. N. A. B. VI. Die Register Gregors VII. N. A. B. VIII. Zwei Papstbriefe Zeitschrift für Kirchengeschichte. B. XIII 92 r. *Löwenfeld*, Der Dictatus papa Gregors VII und eine Uebersetzung desselben im XII Jahrhundert. B. 16. N. A. *Schöfer*. Zur Datierung zweier Briefe Gregors VII N. A. B. 17. 92 r. *Doebel*. Zum Rechtfertigungsschreiben Gregors VII an die Deutsche Nation vom Sommer 1076. 1891.

съ цѣлью высказать болѣе или менѣе оригинальное и остроумное соображеніе, зачастую лишенное всякихъ прочныхъ основъ, покоящееся лишь на шаткихъ догадкахъ, натяжкахъ и хитросплетеніяхъ.

Къ такимъ положительно отрицающимъ лишь время для прочтенія работамъ относятся главнымъ образомъ сочиненія, опредѣляющія для различныхъ авторовъ путемъ сличенія выраженій кругъ пользованія классическими или средневѣковыми писателями. Здѣсь дѣло доходитъ зачастую до смѣшного: сходство иногда существуетъ въ воображеніи автора, иногда легко объясняется общностью предмета или школьнаго преподаванія. Если писатель употребляетъ извѣстное выраженіе, находимое, положимъ, у Лукана или Сульпиція, то отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ читалъ ихъ произведенія. Сходство въ выраженіяхъ попадаетъ даже у современныхъ писателей, пишущихъ на разговорномъ живомъ языкѣ; латинскій же узнавали не изъ жизни, а выучивали путемъ чтенія. Можно употребить оборотъ Саллюстія, заимствовавъ его изъ десятыхъ рукъ, отъ учителя, не видя въ глаза ни единого изъ его твореній, не говоря уже объ изученіи.

Всѣ подобныя работы въ громадномъ большинствѣ случаевъ — простой хламъ, который съ теченіемъ времени отойдетъ въ область печальныхъ воспоминаній. Остается пожалѣть о силахъ и усидчивости, напрасно затраченныхъ, о безднѣ учености, воотще изливаемой (80). Вообще новое направленіе, имѣющее и свои отрицательныя выше хорошія стороны, уклонилось нѣсколько съ прямого пути. Ни состояніе общественной мысли, ни уровень умственнаго развитія, ни нравственные запросы и потребности Западно-Европейскаго человѣчества въ XI вѣкѣ, а стало быть, и коренныя причины преобразованій, далеки отъ своего окончательнаго разъясненія.

Итакъ, прошло болѣе 800 лѣтъ почти непрерывнаго интереса къ дѣятельности великаго папы, но еще до сихъ поръ самая личность Григорія въ его молодые годы, его раннія отношенія къ многимъ выдающимся дѣятелямъ первой половины XI столѣтія, установленіе вліяній и воздѣйствій, сдѣлавшихъ изъ него то, чѣмъ онъ былъ, основныя его побужденія остаются въ тѣни, еще ждутъ и зовутъ работниковъ. Русскимъ изслѣдователямъ здѣсь открывается широкое

⁸⁰⁾ Образцомъ подобнаго увлеченія можетъ послужить литература о „Carmen de bello saxónico“ главнымъ образомъ полемика между Панненборгомъ и Гундлахомъ. *Pannenberg. Forschungen. B. XIII, Gundlach, Ein Dictator aus der Kanzlei Heinrichs IV. 84. Pannenberg. Forschungen B. XXV; Gundlach. Wer ist der Verfasser des Carmen de bello saxónico. 87. Pannenberg. Lambert von Hersfeld, der Verfasser der Carmen de bello Saxónico 89. См. также Edee, Forschungen XXVI B.*

и благодарное поле: имъ говорятъ не такимъ страстнымъ и жгучимъ языкомъ, какъ для западныхъ ученыхъ, великіе образы прошлаго, ихъ менѣе волнуютъ воспоминанія о прежнемъ, давно умчавшемся времени, менѣе будятъ злобу или пріязнь теперешніа отношенія — плодъ предшествующихъ заблужденій или высокихъ порывовъ сошедшихъ уже въ могилу историческихъ дѣятелей. Для нихъ „всемирная исторія“—не всемірный судъ, а безстрастное воспроизведеніе прошлаго во всемъ его величіи или безобразіи.

Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII вѣка.

С. Л. Пташницкаго.

Столѣтняя годовщина польской конституціи 3 мая 1791 г. вызвала въ польской литературѣ цѣлый рядъ брошюръ и ни одного капитальнаго труда, посвященнаго этому событію, обратившему въ свое время вниманіе всей Европы. Въ настоящее время писать о переворотѣ 3 мая 1791 г. и очень легко и очень трудно. Какъ конституціи, такъ и перевороту посвящено уже очень много работъ, поэтому сказать что нибудь новое не легко. Перечень только важнѣйшихъ трудовъ, относящихся къ этому вопросу, займетъ нѣсколько страницъ убористой печати (ср. Bibliografia konstytucyi въ изданіи Познанскаго общества имени Сташица — Trzeci Maj — стр. 184 и сл.). Это было такое явленіе, которое, по замѣчанію проф. Карѣева, сразу измѣнило европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Новѣйшій французскій историкъ Сорель говорилъ, что „польская революція 1791 года имѣла рѣдкую привилегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи и самого непримиримаго изъ ея противниковъ“ (Карѣевъ. Паденіе Польши, 68). Со дня появленія въ свѣтъ конституціи до послѣднаго времени этому акту посвящаютъ свое вниманіе выдающіеся ученые и политическіе дѣятели, а все таки до сихъ поръ не установился на него опредѣленный взглядъ, не только у западноевропейскихъ, но и у польскихъ публицистовъ. Какъ у современниковъ конституціи явились лица, ставшія въ оппозицію ей, такъ и въ послѣднихъ публицистическихъ голосахъ, рядомъ съ незнающимъ границъ восторгомъ, нашлись слова полнаго порицанія. Нѣкто г. Брейтеръ (*Ślowo o konstytucyi 3 Maja*. Lwów. стр. 27), въ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушивается какъ на

конституцію, такъ и на ея творцовъ. По его мнѣнію, конституція лишена всякихъ прогрессивныхъ и либеральныхъ началъ и даже явилась приложеніемъ печати къ могилѣ. Авторы ея были неисправимымъ народомъ, который даже въ послѣдній моментъ, даже на глазахъ у смерти остался неисправимымъ. Между тѣмъ иностранный историкъ (Сорель) въ тоже время считаетъ день 3 мая самымъ прекраснымъ въ новой исторіи Польши: онъ напоминалъ великія сцены, знаменовавшія конецъ деспотизма, и варшавскій сеймъ ставилъ во главѣ конституціи тѣже начала, что и собраніе Франціи.

Среди такихъ разнородныхъ мнѣній любопытенъ голосъ заслуженнаго дѣятеля, который въ столѣтнюю годовщину могъ сказать— „изъ депутатовъ сейма (четырехлѣтняго) я зналъ—Лубенскаго, Солтыка, Линовскаго, Нѣмцевича, Кицинскаго, а изъ политическихъ дѣятелей того времени Шанавскаго и Сташица. То время для меня является скорѣе преданіемъ, чѣмъ исторіей“. Мнѣніе такого лица для историка политическихъ взглядовъ очень цѣнно. Оно, съ одной стороны, равносильно мнѣнію современника, съ другой—публициста, вооруженнаго послѣднимъ словомъ исторической науки. Такой именно характеръ имѣетъ небольшая брошюра недавно скончавшагося заслуженнаго галиційскаго политическаго дѣятеля, Павла Попеля (*Powstanie i upadek konstytucyi 3-go Maja, według dokumentów oryginalnych. Kraków. стр. 72*). Авторъ ставитъ себѣ задачей опредѣлить, изъ какихъ побужденій, теченій и началъ (*natchnień, prądów i żywiołów*) произошла эта конституція, отчего противъ нея образовалась такая сильная оппозиція, имѣла ли она въ себѣ жизненные начала, даже въ томъ случаѣ, если бы содѣйствіе сосѣдей не уничтожило ея. Кто былъ составителемъ конституціи—неизвѣстно, но г. Попель, вмѣстѣ съ Калинкою, предполагаетъ, что самъ король составилъ ее по французски, а переводъ сдѣлалъ Коллонтай. Актъ этотъ постепенно созрѣвалъ и его проведеніе облегчилъ законъ 18-го апрѣля о городахъ. Города оказались сторонниками готовившейся конституціи, а, посвященная въ тайну подготовленія, Варшава способствовала расположенію въ пользу ея политическихъ и сеймовыхъ кружковъ. Хотя дѣло готовилось въ большой тайнѣ, однако въ городѣ шелъ говоръ о томъ, что въ замкѣ готовится государственный переворотъ. Тайну эту г. Попель считаетъ при тогдашнихъ условіяхъ необходимой. Вся эта работа была результатомъ соединенія всѣхъ здоровыхъ и чистыхъ началъ въ народѣ. Ее то авторъ брошюры считаетъ величайшею заслугою творцовъ конституціи. Авторъ при этомъ не рѣшается дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ было ли еще время для спасенія отечества, но, по его мнѣнію, было достаточно времени, чтобы спасти честь отечества. Она является свидѣтельствомъ того, что были

способные и истинные патриоты, которымъ нечего было донскиваться и которые ничего не получили. За свои убѣжденія они платились тюрьмою, конфискаціей имущества и ссылкой. Они могли сдѣлать политическіе промахи, что было весьма легко во время, наполненное гнилыми испареніями французской революціи, но это ошибки такіа, какія и теперь, по прошествіи ста лѣтъ, еще повторяются. Можно упрекать конституцію въ томъ, что она была мало революціонна, что она недаровала правъ крестьянамъ. Но если этотъ актъ не ввелъ въ жизнь сразу всей политической правды, то истинный политикъ хорошо пойметъ, что личные интересы, вѣковые политическіе предрасудки не легко сразу преодолѣть. Далѣе авторъ сильно возстаетъ противъ тѣхъ, кто обвиняетъ конституцію въ революціонныхъ началахъ и въ якобинизмѣ. Наслѣдственный король съ правомъ опредѣлять членовъ сената, не одобряетъ законы, одобренные сеймомъ, господствующая католическая религія не указываетъ на якобинское направленіе. Сеймъ, обнародовавшій конституцію, не исполнилъ, однако, вполнѣ своей обязанности. Сеймъ не позаботился въ надлежащей мѣрѣ объ обезпеченіи финансовъ и народной обороны, далъ королю дискреціональную власть и думалъ, что все уже исполнилъ. Дали королю власть, но не дали денегъ, войска, оружія и магазиновъ. Чувства были возвышенныя, но однихъ чувствъ мало, нужна еще крѣпкая воля, благоуміе и дѣйствіе. А этого не было. Могла ли такая конституція и при такихъ условіяхъ заключать въ себѣ жизненные начала, объ этомъ теоретически разсуждать трудно. Я, говоритъ авторъ, не вѣрю во всѣ бумажныя конституціи. Тѣ конституціи прочны, которыя опредѣляютъ уже существующія отношенія. Авторы конституціи 3 мая находились въ томъ счастливомъ положеніи, что имѣли данныя общественныя силы въ шляхтѣ, сенатѣ и въ городахъ, получившихъ недавно право гражданства, что могли дать силу и даже перевѣсъ королевской власти. Правда, власть королевская была ограничена, сеймъ постоянный (*gotowy*) могъ быть легко причиною недоразумѣній, но вѣдь все это составлялось, когда господствовала теорія Руссо, когда гремѣли голоса парижскаго народнаго собранія, и все это, однако, оттолкнули отъ себя польскіе сердца, уши и головы. Это все способствовало тому, что отовсюду раздались серьезныя голоса въ похвалу новой конституціи.

Вообще маститый авторъ относится весьма сочувственно какъ къ конституціи, такъ и къ ея авторамъ; порицаетъ ея противниковъ, составителей и приверженцевъ торговицкой конфедераціи. Въ началѣ моей работы, говоритъ авторъ, я самъ благосклоннѣе смотрѣлъ на торговичанъ: казалось, оправдывалъ ихъ страхъ передъ французской революціей и надежда получить отъ Россіи лучшія условія политиче-

скаго существованія. Но, изучивъ на основаніи оригинальныхъ документовъ весь ходъ ихъ дѣятельности, я съ сердечною болью рѣшительно и категорически долженъ ихъ осудить. Тарговица это раздѣленіе страны на многочисленныя враждующія партіи.

Съ тѣмъ же чувствомъ уваженія относится къ конституціи другой авторъ не публицистъ, а историкъ, судящій событіе и самъ актъ не на основаніи традиціи, а по архивнымъ матеріаламъ и уже не какъ человѣкъ, знавшій дѣятелей сейма, а историкъ, отстоящій отъ событія на сто лѣтъ. Для своей публичной рѣчи на торжественномъ собраніи Краковской Академіи 30 мая 1891 г. ея генеральный секретарь, проф. Смолька, избралъ темой положеніе, занятое государствами по отношенію къ конституціи 3 мая (*Stanowisko mocarstw wobec konstytucyi 3-go Maja Kraków*. стр. 27). Рѣчь эта составляетъ небольшой очеркъ болѣе обширнаго изслѣдованія. Авторъ даетъ въ ней результатъ своего изученія документовъ, изданныхъ Вивено (*Vivenot. Quellen zur Geschichte des Deutschen Kaiserpolitik*) и лично добытыхъ авторомъ изъ вѣнскаго, лондонскаго и ватиканскаго архивовъ. Брошюра пр. Смольки даетъ значительно меньше, чѣмъ общаетъ ея заглавіе. Авторъ останавливается главнымъ образомъ на отношеніи къ Польшѣ императора Леопольда послѣ объявленія конституціи 3 мая. Въ своемъ разсужденіи пр. Смолька не приводитъ документовъ, на основаніи которыхъ дѣлаетъ выводы, и потому нѣтъ возможности ихъ проверить. Такъ онъ доказываетъ, что Польша въ умѣ императора Леопольда играла выдающуюся роль. Леопольдъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли—воспрепятствовать увеличенію Пруссіи въ особенности на счетъ Польши и не допустить, чтобы Россія, увеличенная на счетъ Турціи и Польши, стала тѣснить Австрію съ восточныхъ ея границъ. Къ достиженію этой цѣли могла ему помочь Польша независимая, съ конституціей, обеспечивающей ея внутренній строй и подъ наслѣдственной властью саксонскаго дома, тѣсно связаннаго съ Австріей. Имѣя это въ виду, Леопольдъ заключилъ миръ съ Турціей, сблизился съ Пруссіей, а въ австро-прусской конвенціи 25 іюля 1791 г. помѣщена секретная статья гарантирующая польскую конституцію. Разсматривая дѣятельность Леопольда по отношенію къ Польшѣ, авторъ, кажется, слишкомъ односторонне оцѣниваетъ ее и думаетъ, что только смерть Леопольда способствовала паденію Польши. По отношенію же къ перевороту 3 мая авторъ высказываетъ мнѣніе, что еслибы Польша его не совершила, то отбросила бы послѣднюю доску спасенія, на которой могла бы въ 1791 г. счастливо выплыть.

Проф. Бальцеръ въ статьѣ о реформахъ политическихъ и общественныхъ конституціи 3 мая (*Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3 Maja. Kraków*. стр. 80) обратилъ особенное вниманіе на

крестьянскую реформу и доказаль, что сеймъ сдѣлалъ все, что могъ и что слѣдовало сдѣлать.

Крестьянскому вопросу посвящена книжка г. Б. Дескура (*Krótki rys dziejów stronnictwa ludowego. Lwów. стр. 82*). Авторъ разсматриваетъ дѣятельность защитниковъ интересовъ простого народа, которыхъ и называетъ народною партіей.

Дѣла еврейскія на сеймѣ 1791 года разсмотрѣны въ брошюрѣ г. Э. Дейхеса, изданной еврейскимъ обществомъ во Львовѣ (*Sprawa żydowska w czasie sejmu wielkiego Lwów. стр. 87*). Авторъ главнымъ образомъ руководствовался изслѣдованіемъ Гумпловича о проектѣ реформы евреевъ Станислава Августа, но рядомъ съ этимъ воспользовался и всею существующею литературой вопроса и даже сдѣлалъ самъ новыя разысканія въ этой области. Главная тенденція всѣхъ реформъ четырехлѣтняго сейма по отношенію къ евреямъ клонилась къ тому, чтобы превратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ. Реформу еврейства считали дѣломъ на столько важнымъ, что самъ король занялся этимъ вопросомъ и по его инициативѣ и настоянію проектъ былъ представленъ сейму. Въ проектѣ особенно заслуживаетъ вниманія вопросъ объ усиленномъ надзорѣ надъ кагалами и еврейскими училищами.

На основаніи тщательно собранныхъ матеріаловъ, д-ръ Г. Савчинскій далъ прекрасный очеркъ дѣятельности президента Варшавы Яна Декерта, одного изъ первыхъ защитниковъ городского сословія (*Jan Dekert, prezydent miasta Warszawy. Lwów. стр. 67*). Въ своемъ трудѣ авторъ дѣлаетъ характеристику городскихъ отношеній въ Польшѣ до Декерта, указываетъ на причины упадка городовъ и дѣлаетъ бѣглый очеркъ новыхъ теченій въ польскомъ мѣщанствѣ, требующемъ себѣ новыхъ политическихъ правъ, которыя ему и были дарованы въ 1791 году за стараніемъ Декерта. По настоянію Декерта и другіе города начали домогаться политическихъ правъ.

Небольшой очеркъ д-ра К. Бонковского (*Kraków w czasie konstytyucyi 3 Maja. Kraków. стр. 22*) представляетъ намъ на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, положеніе, занятое Краковомъ по вопросу о городской реформѣ. Краковъ, довольствуясь своими правами, не заботился о судьбѣ другихъ городовъ и только по настоянію Декерта почувствовалъ свою солидарность съ другими городами и рѣшился выслать своихъ представителей въ Варшаву для общей поддержки представленій другихъ городовъ.

Характеръ спеціальнаго разсужденія по частному вопросу имѣетъ рѣчь д-ра Б. Дембинскаго въ краковскомъ юридическомъ обществѣ, посвященная сравненію конституціи 3 мая съ французскою революціей (*Konstytucya 3 Maja a Rewolucya francuska. Poznań. стр. 19*).

Сравненіе польской революціи съ французской не разъ появлялось, но это настолько обширная тема, что ее не представлялось возможнымъ исчерпать въ маленькой брошюрѣ. Авторъ доказываетъ, что польская конституція не находится ни въ какой зависимости отъ французской, но что въ ней можно подмѣтить только общіе взгляды, такъ какъ польскіе и французскіе политики находились подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же философскихъ и политическихъ ученій, и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Руссо.

Самымъ пространнымъ (по объему), изъ вновь вышедшихъ сочиненій о конституціи 3 мая, является книга проф. А. Соколовскаго (*O Sejmie czteroletnim. Lwów. стр. 197*). Авторъ искусно воспользовался существующею литературою о четырехлѣтнемъ сеймѣ для того, чтобы въ популярномъ изложеніи представить весь ходъ дѣятельности этого сейма и точное развитіе конституціи, ставшей въ концѣ всей этой дѣятельности. Авторъ говоритъ, что для надлежащей оцѣнки конституціи необходимо познакомиться съ тѣми условіями, при которыхъ она появилась, и что сильно ошибаются тѣ, которые судятъ конституцію и ее авторовъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ взглядовъ и требованій, и смотрятъ на нее глазами критиковъ и знатоковъ современныхъ намъ условій. Законодательство, дающее сто лѣтъ тому назадъ новую политическую и общественную организацію стоящей безначаліемъ (*stojącej niezadaniem*) шляхецкой республикѣ, не можетъ вполне соответствовать современному намъ духу времени и современнымъ требованіямъ. Поэтому значеніе конституціи можно надлежащимъ образомъ оцѣнить только на основаніи близкаго знакомства безпорядка и польской анархіи наканунѣ обнародованія конституціи. Только на такомъ фонѣ дѣлается яснымъ значеніе реформъ, имѣющихъ цѣлью исправленіе общественныхъ недостатковъ и внутреннего государственнаго строя, проводимыхъ въ конституціи. По мнѣнію автора, конституція не представляла собою ничего вполне совершеннаго, но что она была первымъ шагомъ реформы и, по тогдашнимъ условіямъ, была актомъ достойнымъ удивленія, который, удаляя гнилыя основанія государства, предвѣщалъ новую эпоху политическаго и общественнаго возрожденія.

Попытку популярнаго изложенія значенія судебъ конституціи представляетъ изданный польской Матицей во Львовѣ трудъ д-ра Финкеля (*O konstytucji 3 Maja w setną rocznicę jej nadania. Lwów. стр. 142*). Авторъ назначилъ свою книгу для народа, поэтому въ ней и не претендовалъ на новыя ученныя открытія. Съ болѣе научнымъ характеромъ является разсужденіе того же автора, прочитанное въ львовскомъ юридическомъ обществѣ (*Konstytucya 3 Maja wstęp histo-*

guschny. Lwów. стр. 24). Впрочем, и здѣсь авторъ не даетъ ничего новаго, а только передаетъ вкратцѣ все извѣстное о началѣ и обнародованіи конституціи.

Изъ массы статей публицистическаго характера слѣдуетъ отмѣтить статью проф. С. Тарновскаго, въ издаваемомъ имъ въ Краковѣ *Przegląd Polski* (Przed 3 Maja i po nim). Среди изданій, появившихся по случаю столѣтія конституціи, особенное мѣсто занимаютъ изданные г. Бартошевичемъ—памятная книжка (*Księga pamiątkowa setnej rocznicy ustanowienia konstytucyi 3 Maja. Kraków. Т. I стр. 308 и II стр. 295*) и Альбомъ портретовъ и гравюръ (*Album portretów, rysin i widoków, odnoszących się do konstytucyi 3 Maja. Kraków. стр. 21*). Въ первомъ изданіи издатель хотѣлъ популяризировать рѣдкія современные изданія, относящіяся къ конституціи и нѣкоторые неизданные доселѣ матеріалы. Первый томъ содержитъ, между прочимъ, нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Коллонтая, изъ его статьи о началѣ и паденіи конституціи; вторую часть его замѣчаній о сочиненіи Ржевускаго о престолонаслѣдіи; цѣликомъ безъ примѣчаній—послѣднія наставленія Польшѣ. Кромѣ того перепечатаны: Красинскаго—письмо по вопросу о престолонаслѣдіи; предисловіе Сташица къ наставленіямъ Польшѣ; Езерскаго—катехизисъ о тайнахъ польскаго правительства; народный катехизисъ 1791 г. Въ этомъ же томѣ помѣщено по рукописямъ нѣсколько басенъ и сатиръ Нѣмцевича и Трембецкаго и дневникъ событій за апрѣль и май 1791 г., составленный самимъ издателемъ. Во второмъ томѣ изданы нѣкоторые еще ненапечатанные матеріалы, относящіеся къ конституціи, а именно неизвѣстное письмо короля къ Букатому и другія письма короля, взятые изъ архива Чарторыйскихъ; описаніе празднованія обнародованія конституціи въ разныхъ мѣстностяхъ, отрывки изъ донесеній польскаго посланника въ Константинополь Потоцкаго и рядъ другихъ матеріаловъ.

Въ Альбомѣ собраны, главнымъ образомъ, портреты разныхъ дѣятелей эпохи четырехлѣтняго сейма — Станислава Августа, Ст. Малаховскаго, Коллонтая, Игн. Потоцкаго, К. Мостовскаго, Ст. Потоцкаго, В. Кицинскаго, смоленскаго епископа Горженскаго, И. У. Нѣмцевича. Изъ гравюръ издатель помѣстилъ—пять видовъ Варшавы, нѣсколько картинъ представляютъ разныя современные сцены—присягу короля, залъ засѣданій сейма и др. Далѣе воспроизведены рисунки разныхъ современныхъ медалей, факсимиле заглавнаго листа перваго изданія конституціи и № 37 Варшавской газеты отъ 7 мая 1791 г.

Большинство польскихъ газетъ и журналовъ, кромѣ специальныхъ статей, издало юбилейные нумера, посвященные 3-му мая. Изъ нихъ болѣе интересны—Часъ (№ 101), со статьею проф. Тарновскаго; Польскій

Дневникъ (№ 122), содержащій, кромѣ нѣсколькихъ статей, портреты дѣятелей сейма; въ Газетѣ Народовой (№ 106) слѣдуетъ отмѣтить статьи—Бостеля, Коллонтай и патріотическая партія; Маргаша—Реформа мѣщанскихъ отношеній по конституціи 3-го мая; Львовскій Курьеръ (№ 122) помѣстилъ рядъ одностороннихъ статей, большею частью направленныхъ противъ конституціи: Бигелейзена—Проявленіе революціонныхъ идей во время конституціи; Каспровича—Упадокъ городовъ и ихъ участіе въ конституціи; Выслоуха—Мнѣнія противниковъ возрожденія сто лѣтъ тому назадъ, характеристика главныхъ дѣятелей либеральной партіи 3 мая. Тоже изданіе въ № 200 помѣстило статью, отыскивающую въ конституціи масонскія начала. Польскій курьеръ (№ 120), кромѣ портретовъ и рисунковъ, вошедшихъ въ альбомъ Бартошевича и нѣкоторыхъ перепечатокъ, помѣстилъ статью—Церковь и духовенство по отношенію къ конституціи. Польское Обозрѣніе (Przegląd Polski) помѣстило рядъ статей Тарновскаго, Смольки, Бальцера, вышедшихъ впослѣдствіи отдѣльно и о которыхъ уже сказано выше. Школа (№ 18) обратила вниманіе на отношеніе конституціи къ школьнымъ вопросамъ, а также на дѣятельность въ этомъ отношеніи Коллонтая.

Наконецъ, въ разныхъ городахъ появился рядъ брошюръ, имѣющихъ исключительно популярный характеръ: во Львовѣ—Фалькевича, Литвина, Выслоуховой и изданіе безыменное Третіе мая; въ Краковѣ—Микляшевскаго, въ Данцигѣ—Седлячковны и въ Познани—Памятная книжка 3-е мая.

Обзоръ отдѣльныхъ брошюръ, изданныхъ въ воспоминаніе конституціи 3-го мая, слѣдуетъ заключить двумя невольнo напрашивающимися общими замѣчаніями. Всѣ эти изданія вышли за-границей, а варшавская польская печать почему то не обмолвилась ни единымъ словомъ о фактѣ, интересовавшемъ и волновавшемъ всю польскую заграничную печать въ теченіе цѣлаго года. Такое молчаніе едва-ли можетъ показаться естественнымъ. Во-вторыхъ, въ заключеніе приходится повторить слова рецензента львовскаго изданія Kwartalnik Historyczny, что въ столѣтнюю годовщину конституціи 3-го мая мы постоянно слышали о воодушевленіи, благодарности, съ которою народъ ее принялъ. Но не является ли это самообманомъ, и нынѣшнее поколѣніе не переноситъ свои чувства и взгляды на современниковъ? Пожалуй, въ настоящее время эта конституція среди поляковъ популярна болѣе, чѣмъ въ 1791 г. Слѣдовало бы посчитать, сколько она тогда нашла защитниковъ, сколько враговъ и индеферентныхъ!

Историческая хроника.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности А. Г. Брикнера и В. И. Герье и пятидесятилѣтіе Н. М. Благовѣщенскаго. — Историко-литературные и историко-юридическіе курсы въ университетахъ за 1891—92 годъ. — Историческое преподаваніе въ Дерптскомъ университетѣ въ 1891—92 году. — Историческая наука въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ въ 1891 году. — Историческіе диспуты, оставленные при университетѣ и пробныя лекціи. — Историческое преподаваніе въ Духовной Академіи. — Ученныя Общества. — Историческая секція учебнаго отдѣла въ Москвѣ. — Историческій кружокъ студентовъ Дерптскаго университета. — Премія Г. О. Карпова за изслѣдованія по русской исторіи. — Харьковскій историческій архивъ.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности проф. А. Г. Брикнера (1861—91) ¹⁾. Александръ Густавовичъ Брикнеръ, сынъ негоціанта, родился въ С.-Петербургѣ 24 іюля 1834 г. Окончивъ гимназическій курсъ въ Петропавловскомъ училищѣ, онъ сначала посвятилъ себя коммерческой карьерѣ, но потомъ увлекся научными занятіями и, отправившись въ 1857 г. за-границу, три года слушалъ лекціи въ университетахъ Гейдельбергскомъ, Іенскомъ и Берлинскомъ. Въ 1860 г., представивъ въ Гейдельбергѣ диссертацию „Der Reichstag zu Worms. Die Verhandlungen über das Reichsregiment 1521“ (Heidelberg. 1860), онъ получилъ степень доктора философіи и, возвратившись затѣмъ въ Петербургъ, вскорѣ занялъ здѣсь катедру всеобщей исторіи въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія (1861—67). Въ 1864 г. онъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацию (см. ниже) на степень магистра и послѣ того нѣкоторое время читалъ въ немъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1867 г. онъ получилъ степень доктора всеобщей исторіи въ Дерптскомъ универ-

¹⁾ Приводимыя свѣдѣнія извлечены изъ статьи г. Р. С. присланной для II-го тома „Историч. Обзорѣнія“, но къ сожалѣнію, пришедшей слишкомъ поздно, и затѣмъ напечатанной отдѣльно на правахъ рукописи.

сителѣ и вслѣдъ затѣмъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ занималъ кафедру всеобщей исторіи до 1872 г., когда онъ перешелъ на кафедру русской исторіи въ Дерптъ. Удаленный съ этой должности въ 1891 г. онъ затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ Казанскаго университета, гдѣ и находится въ настоящее время. Многочисленные труды и изслѣдованія проф. Брикнера по русской исторіи, главнымъ образомъ 17-го и 18-го вв., писанные на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, появлялись по преимуществу въ журналѣ Министерства Нар. Просв., Русскомъ Вѣстникѣ, Древней и Новой Россіи, Историческомъ Вѣстникѣ, Вѣстникѣ Европы, Russische Revue, Baltische Monatsschrift Historische Zeitschrift, и др. Называемъ здѣсь главнѣйшія его работы.

а) *Исторія Россіи до Петра В.* „Мѣдныя деньги въ Россіи (1656—63) и денежные знаки въ Швеціи (1716—19)“ Спб. 1864, (магистерская диссертация). Въ болѣе обширномъ видѣ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ монографій о другихъ финансовыхъ предпріятіяхъ такого же рода п. з.: Finanzgeschichtliche Studien, Kupfergeldkrisen. S.-Petersburg, 1867 (докторская диссертация). „Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ“ Др. и н. Россія, 1876, т. III. „Русскіе туристы-дипломаты въ Италіи въ XVII столѣтіи“. Р. Вѣстн. т. CXXXVII и CXXXIII, 1877, мартъ, апрѣль и іюль, и отдѣльно. „Юрій Крижаничъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Р. Вѣстн. 1887, № 6 и 7. „Russische Diplomaten im 17. Jahrhundert.“ Russ. Revue, т. XXVШ, 1888.

б) *Эпоха Петра Великаго.* „Иванъ Посошковъ какъ экономистъ“ (Ж. М. Н. Пр., т. CLXXXI и CLXXXIII, 1875 и 1876 и отдѣльно). „Патрикъ Гордонъ и его дневникъ“ (Ж. М. Н. Пр., т. CXCVI—CXCVII, 1877—8 и отдѣльно). „Fürst Wassilij Golizyn“ (Russ. Revue, т. XIII, 1878). „Peter der Grosse“ (въ коллекціи Weltgeschichte in Einzeldarstellungen. Berlin. 1878). „Iwan Possoschkow, Ideen und Zustände in Russland im Zeitalter Peters des Grossen“. Leipzig. 1878. „Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго (Ж. М. Н. Пр. 1879, т. CCV, окт.). „Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви, о нравственности и воспитаніи, о войскѣ, о судопроизводствѣ и законодательствѣ“ (Р. Вѣстн., 1879, № 3 и 6 и отдѣльно, „Die Reise Peters des Grossen ins Ausland. 1697—8“ (Russ. Revue т. XIV. 1879). „Der Zarewitsch Alexei (1690—1718)“. Heidelberg. 1880. „Христіанъ Фр. Веберъ. Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго“ (Ж. М. Н. Пр., т. CCXIII, 1881, № 1 и 2). „Исторія Петра Великаго“. Спб. 1882. 2 тт.

в) *Періодъ отъ 1725 до 1762 г.* „Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807)“ (Р. Вѣстн., т. CXIII 1874 и

отдѣльно; на нѣм. языкѣ п. з.: „Die Familie Braunschweig in Russland“ (Russ. Revue, т. V и VIII, 1875 и 1876 и отдѣльно).’

d) *Эпоха Екатерины II*. „Arssenij Mazejowitsch, ein Reitrage zur Geschichte des Kampfes zwischen Kirche und Staat unter der Regierung Katharina II“ (Russ. Revue, т. XVI, 1880). „Большая Коммиссія 1767—68 гг.“ (Ж. М. Н. Пр., т. CCXVII и CCXVIII 1881, № 9, 10 и 12). „Katharina die Zweite“ (въ коллекціи Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen. Berlin 1883). „Жизнь Петра III до вступленія на престолъ“. (Р. Вѣстн. т. CLXIII, 1883 и 1884). „Исторія Екатерины II“. Спб. 1885. 3 тт. „Потемкинъ“ (Новь, т. XIII—XVII, 1887 и отд. Спб. 1891). „Семейная хроника Воронцовыхъ“ (Вѣстн. Европы 1887, № 8 и 1888, № 5 и 8). „Зельмира“ (1782—1788) (Ист. Вѣстникъ, т. XLI, 1890). „Густавъ IV и Екатерина II въ 1796 г.“ (Вѣстн. Евр. 1890, №№ 8, 9, 10 и 11).

Помимо этихъ рубрикъ можно указать еще такія работы пр. Брикнера: „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7). „Russische Geschichtschreibung 1855—1881. Meyer's Lexikon. Jahressupplement, III, 1882); „Die Europäisirung Russlands“. Leipzig 1887; Bilder aus Russlands Vergangenheit. I. Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig. 1887. Съ 1888 г. имъ предпринято изданіе „Матеріаловъ для жизнеописанія гр. Н. П. Панина“ (т. I. Спб. 1888, т. II, III и IV. Спб. 1890). Наконецъ пр. Брикнеръ написалъ еще нѣсколько статей по теоріи исторіи.

Болѣе полный списокъ трудовъ А. Г. Брикнера появится въ Словарѣ С. А. Венгерова. А. Г. состоятъ членомъ историческаго Общества.

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности проф. В. И. Герье.

19-го января 1892 г. происходило чествованіе тридцатилѣтія ученой дѣятельности профессора всеобщей исторіи московскаго университета В. И. Герье. На квартиру къ юбиляру въ два часа дня собрались его бывшіе ученики, болѣе сорока человекъ. Одинъ изъ нихъ, профессоръ всеобщей исторіи П. Г. Виноградовъ, прочелъ слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый учитель! Въ наступающемъ году начинается для васъ новый періодъ университетской дѣятельности. Оглядываясь на тридцать лѣтъ служенія, посвященнаго московскому университету, вы имѣете право съ гордостью сказать, что исполнили свой долгъ, а поколѣнія студентовъ, для которыхъ вы трудились, единодушно засвидѣтельствуютъ, что вы совершили плодотворное и памятное дѣло.

„На отвѣтственномъ посту—на кафедрѣ Грановскаго—вы были не только достойнымъ представителемъ науки, подчинявшимъ вниманіе содержательностью, многосторонностью, продуманностью изложенія,—преподаваніе ваше проводило идеи всемірно-историческаго прогресса и потому было гуманитарнымъ и просвѣтительнымъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Сообщая богатые свѣдѣнія, вы умѣли въ то же время возбуждать стремленіе къ самостоятельной научной работѣ, а своими твердыми убѣжденіями, съ которыми дѣятельность ваша всегда шла въ полномъ соотвѣтствіи, своей неослабной энергіей въ преслѣдованіи цѣлей добра и истины, вы дали ващимъ ученикамъ рѣдкій примѣръ сознательнаго исполненія гражданскаго долга. Ваше имя останется знаменательнымъ въ исторіи московскаго университета.

„Вы положили душу въ свое дѣло; вѣрьте, что ученики ваши это поняли и не забудутъ. Всѣ они, несмотря на различіе возраста, занятій, взглядовъ, единодушны въ благодарности и уваженіи къ вамъ. Всѣ горячо желаютъ, чтобы служеніе ваше въ стѣнахъ славнаго университета продлилось на многіе годы“.

Адресъ этотъ, украшенный художественною виньеткою и вложенный въ изящную папку, подписанъ болѣе чѣмъ 130 бывшими учениками профессора. По прочтеніи адреса, В. И. Герье произнесъ слѣдующую небольшую рѣчь:

„Примите мою глубокую душевную благодарность. Примите ее прежде всего отъ меня лично, какъ отъ человѣка, которому Вы скрасили минуту чувствительнаго перелома въ его жизни. Мнѣ довелось дожить до конца моей профессуры; я долженъ бы быть исполненъ чувства довольства и благодарности — но къ этому чувству невольно примѣшивается и заслоняетъ его живое сознаніе эфемерности жизни и человѣческихъ усилій. Вашъ привѣтъ заглушаетъ это сознаніе и замѣняетъ его радостнымъ, праздничнымъ настроеніемъ. Глядя на васъ, представителей различныхъ прошедшихъ при мнѣ черезъ университетъ поколѣній, я снова переживаю свою жизнь и она завершается для меня гармоническимъ аккордомъ. Примите также глубокую благодарность отъ профессора и представителя кафедры. Наука, особенно наша, легко разъединяетъ людей; она развивается въ различіи взглядовъ и методовъ, а эти различія нерѣдко ведутъ и къ личному разобщенію. Ваше присутствіе здѣсь показываетъ, что я былъ счастливъ въ этомъ отношеніи и не испыталъ горечи отчужденія отъ нѣкогда близко стоявшихъ людей. Я высоко цѣню это и глубоко вамъ за это признателенъ. Но позвольте мнѣ придать тому, что вы собрались сегодня около меня, и болѣе общее значеніе и видѣть въ этомъ знакъ вашего сочувствія университетской традиціи, которую я старался поддерживать. Кафедра всеобщей Исторіи имѣетъ своимъ

призваніемъ, какъ указываетъ ея названіе, выдвигать къ изученію обще-научные вопросы и обще-человѣческіе интересы. Ваше присутствіе здѣсь служить мнѣ утѣшительнымъ ручательствомъ, что эта традиція не прервется въ Московскомъ университетѣ. И еще одно слово. Ваше дружное участіе въ общемъ заявленіи внушаетъ мнѣ желаніе удержатъ этотъ моментъ и продлить его въ общей дѣятельности на пользу преподаваемой нами науки. Болѣе свободный теперь отъ обязательныхъ и срочныхъ занятій, я готовъ посвятить этому дѣлу мой досугъ и мои силы. Я былъ бы счастливъ, еслибы мое прощаніе съ каеедрой, которая насъ соединила, послужило къ новому объединенію между нами и дало бы толчекъ къ болѣе организованной совмѣстной дѣятельности московскихъ преподавателей исторіи*.

Послѣ этого были прочитаны телеграммы (болѣе шестидесяти) изъ разныхъ городовъ Россіи, а также изъ-за границы, съ поздравленіями и горячими пожеланіями отъ бывшихъ учениковъ и ученицъ В. И. Герье. Юбилара привѣтствовала депутація отъ психологическаго Общества въ составѣ предсѣдателя проф. Н. Я. Грота, товарища предсѣдателя проф. Н. А. Звѣрева, членовъ Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго, а также проф. В. О. Ключевскій, С. А. Муромцевъ и многіе другіе. Отъ бывшихъ слушателей профессора былъ также прочитанъ поздравительный и благодарственный адресъ; кромѣ того горячія привѣтствія были произнесены нѣкоторыми изъ бывшихъ учениковъ В. И. Герье.

Приводимъ списокъ трудовъ В. И. Герье. Книги: „Борьба за польскій Престолъ въ 1733 г.“ 1862 г. „Очеркъ развитія исторической науки“ 1866 г. „Лейбницъ и его вѣкъ“ 1868 г. „Виллигизъ архіепископъ Майнцскій“ 1869 г. „Officium et miracula Sancti Willigisi“ 1869 г. „Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру В.“ По неизд. бум. Лейбница. 1871 г. „Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, отн. къ Россіи и П. В.“ 1873 г. „Тоже въ нѣм. изд. съ истор. введеніемъ“ 1873 г. „Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе“ (В. Герье и Б. Чичеринъ) 1878 г. „L'abbé de Mably, moraliste et politique“ 1886 г. Paris, Vieweg Editeur. „Понятіе о власти и народѣ по Наказамъ 1789 г.“ (Рѣчь на Унив. актѣ) 1884 г. „Рѣчь въ М. Г. Думѣ по случаю 100-лѣтн. юбилея Жюков. Грамоты городамъ“ 1885 г. Статьи: „О сословіяхъ въ Швеціи“, Русск. Вѣстн. апр. 1862-г. „Педагогическая литература“, Русск. Вѣстн. июль, 1863 г. „Т. Н. Грановскій, въ біогр. очеркѣ А. Станкевича“, Вѣстн. Евр. май 1869 г. „Кронпринцесса Шарлота“ по вензд. письмамъ, Вѣстн. Евр., май, июнь, 1872 г. (вышла отд. книгой на нѣм. яз., переводъ Б. Р. 1874 г.). „Университетскій вопросъ“ Вѣстн. Евр. апр. 1873 г. „Республика или монархія установятся во Франціи?“ Сборн. Госуд. Знаній III томъ,

1873 г. „Консерватизмъ у Римлянъ“, В. Евр., сент. 1875 г. „Свѣтъ и тѣни университ. быта“, В. Евр., февр. 1876 г. „Наука и государство“, В. Евр., окт., ноябрь 1876 г. „Послѣдній Варягъ“ (Карлъ XII), Древн. и Нов. Россія 1876 г. „Союзъ между Россіей и Пруссіей въ 1813 г.“, Др. и Нов. Россія 1877 г. „Теорія и практика женскаго образованія“, В. Евр., апр. 1877 г. „Августъ и установл. Р. Имперіи“, В. Евр. іюнь, іюль, авг. 1877 г. „Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи“, В. Евр., апр. май, сент., дек. 1878 г. „Національная исторіографія въ Герм.“, Истор. Вѣстн., мартъ 80 г. „Сергій Мих. Соловьевъ“ Ист. Вѣстн. № 1, 1880 г. Разборъ соч. Рожана „Револуц. духъ до революціи“, Истор. Вѣстн., № 8 и 9, 1880 г. ¹⁾ „S. Solovief“, Histor. Zeitschrift v. Siebel 1880 г. „Картина изъ Франц. террора“, Ист. В., янв. 1882 г. „Народность и прогрессъ“, Русская Мысль, апр. 1882 г. „Понятіе о народѣ у Руссо“ Р. Мысль, май и авг. 1882 г. „Ученіе о нравственности и социальныя утопіи Мабли“, Р. Мысль, янв. и февр. 1883 г. „Франц. этикъ и социалистъ XVIII в.“, Р. Мысль, ноябрь, 1883 г. „Полит. теоріи аббата Мабли“, В. Евр., янв. 1887 г. „Кудравцевъ и его учено-лит. труды“, В. Евр. сент., окт. 87 г. „Методъ Тэна“, В. Евр., сент. 1889 г. „Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторіи науки“, В. Евр., янв., февр. 90 г. „Средневѣковое міросозерцаніе“, В. Евр. янв., февр. мартъ, апр. 1891 г. „Торжество теократическаго начала на западѣ“ Вѣст. Евр. 1892, янв. и февр.— „Св. Елизавета“ въ моск. сборникѣ „Помощь голодающимъ“. „Францискъ Ассизскій, апостолъ нищеты“. В. Е., 1892, май.

Приводимъ также два письма и нѣсколько телеграммъ, полученныхъ въ этотъ день Владиміромъ Ивановичемъ:

„Глубокоуважаемый профессоръ! Сегодня исполнилось тридцать лѣтъ Вашего служенія наукѣ и университету, тридцать лѣтъ неустанной и плодотворной дѣятельности, поставившей имя Ваше въ ряду тѣхъ славныхъ именъ, которыми по справедливости гордится Московскій университетъ.

Въ этотъ знаменательный день чествованія Вашихъ заслугъ, позвольте, Владиміръ Ивановичъ, и намъ, Орловцамъ, бывшимъ Вашими студентамъ, сказать и свое краткое и слабое, быть можетъ, но искреннее и сердечное слово.

Вы словомъ и дѣломъ учили насъ честно относиться къ наукѣ, строго чтить ее, какъ чтите Вы сами, видѣть въ ней ту великую силу, которая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Вы выводили насъ на широкій путь знанія и на этомъ пути мы научились цѣнить и самое

¹⁾ Статья эта помѣщена подъ рубрикою Современная Исторіографія, гдѣ другія рецензіи написаны не В. И. Герье.

знаніе, и упорный трудъ, къ нему приводящій, научились любить и глубоко уважать человѣка, руководившаго насъ въ этомъ трудѣ, освѣщавшаго намъ дорогу, влагавшаго въ это знаніе жизнь и душу, и строгую правду. И навсегда осталось у насъ въ числѣ самыхъ лучшихъ и дорогихъ воспоминаній это время нашей университетской жизни, и чувство наше къ Вамъ не ослабѣло, не остыло, а стало глубже и сознательнѣе.

Во имя этого чувства, Владиміръ Ивановичъ, примите отъ насъ поздравленіе и искреннее пожеланіе, чтобы долго, долго еще не ослабѣвали Ваши силы, чтобы долго еще гордился Вами Университетъ, чтобы долго еще для его студентовъ Вы были тѣмъ, чѣмъ были для насъ“.

„Дорогой наставникъ, незабвенный учитель, многоуважаемый Влад. Ив.! Исполнившійся тридцатилѣтній періодъ ученаго и учительнаго служенія Вашего родному университету, безъ сомнѣнія, несетъ Вамъ чувство глубокаго удовлетворенія, когда Вы, многоуважаемый Влад. Ив., обращаетесь воспоминаніемъ къ пройденному Вами пути. Непрестаннымъ, разнообразнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ многоплоднымъ трудомъ глубокаго ученаго, даровитаго профессора, опытнаго и благожелательнаго наставника — руководителя, наполненъ этотъ многолѣтній періодъ Вашей дѣятельности. И мы, скромные дѣятели на нивѣ отечественнаго просвѣщенія, имѣющіе честь считать себя Вашими учениками, здѣсь, въ Курскѣ, не можемъ не присоединиться сердцемъ и мыслью къ нашимъ московскимъ товарищамъ въ выраженіи той искренней любви, которую будитъ въ нашей душѣ воспоминаніе о профессорѣ-наставникѣ, умѣющемъ возбуждать въ своихъ юныхъ слушателяхъ не только любовь къ прекраснѣйшей изъ наукъ, но и любовь къ труду, неотразимое стремленіе къ неподкупной истинѣ и благоговѣйное чувство долга. Отъ всей души, поэтому, просимъ Васъ, дорогой Влад. Ив., принять отъ насъ, какъ выраженіе нашей признательности, сердечныя пожеланія, да сохранить Господь Ваши силы для блага русской молодежи и на пользу отечественной науки и просвѣщенія еще въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ“.

Вильно (Телегр.). Глубокоуважаемый профессоръ, мы, бывшіе ваши слушатели, ко дню тридцатилѣтія Вашего благотворнаго служенія наукѣ, шлемъ вамъ съ западной окраины нашего дорогаго отечества сердечный привѣтъ и задушевные пожеланія, чтобы на долгіе годы вы сохранили на пользу просвѣщенія ту свѣжесть, благодаря вашимъ неустаннымъ занятіямъ наукою, которая насъ такъ оживляла и пробуждала въ насъ любовь къ просвѣщенному труду.

Елизаветполь (Тел.). Дорогой наставникъ, позвольте мнѣ, ва-

шему ученику, съ далекой окраины принести искреннее поздравленіе въ день Вашего тридцатилѣтняго служенія, и благодарность за ваше наставничество въ духѣ исторической правды и нравственнаго прогресса. Да продлитъ Всемогущій дни вашей жизни для пользы юности и науки.

Елецъ (Тел.). Въ знаменательный день исполнившагося тридцатилѣтія служенія родному просвѣщенію съ чувствомъ признательности привѣтствуемъ васъ, высокоуважаемый Влад. Ив., какъ ревностнаго служителя русской науки и славнаго дѣателя на педагогическомъ поприщѣ вообще и развитія женскаго образованія въ частности.

Кутаисъ (Тел.). Владиміръ Ивановичъ! Съ восторгомъ привѣтствуютъ васъ съ сегодняшнимъ днемъ ваши ученики Грузины, желаютъ вамъ здравія, многія лѣта на пользу науки, на славу Московскаго Университета.

Ливны (Тел.). Въ знаменательный день тридцатилѣтней годовщины Владиміра Ивановича Герье, отъ всей души присоединяюсь къ привѣтствію товарищей, да здравствуетъ на многія лѣта нашъ общій учитель, строгій идеалистъ въ наукѣ и дѣятельности, хранитель лучшихъ университетскихъ преданій.

Муромъ (Тел.). Глубокоуважаемый учитель! Привѣтствую васъ, какъ сторонника высшаго женскаго образованія и ревностнаго помощника русской женщины на пути къ ея развитію. Питаю глубокую надежду, что ваша почтенная дѣятельность продлится много лѣтъ для блага науки и русскаго просвѣщенія.

С.-Петербургъ (Тел.). Глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ! Къ приносимымъ вамъ сегодня поздравленіямъ присоединяю и свое привѣтствіе виѣстѣ съ другими учениками вашими, чествуя въ васъ ученаго, высоко цѣнящаго просвѣтительное значеніе науки въ общественной жизни, профессора, научающаго своихъ слушателей понимать идейную сторону исторіи, Академическаго дѣателя, вѣрнаго добрымъ традиціямъ Московскаго Университета и почитая въ васъ человѣка, доблестно подающаго примѣръ стойкости въ разѣ принятыхъ направленіи ¹⁾).

Ставрополь (Тел.). Въ знаменательный для васъ день тридцатилѣтія служенія наукѣ привѣтствуемъ васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, какъ достойнаго преемника великихъ учителей исторической школы Московскаго Университета.

Тверь (Тел.). Искренне привѣтствую высокоуважаемаго юбиляра, отъ души надѣюсь, что въ признательности общества и въ горячихъ

¹⁾ Телеграмма эта послана проф. Н. И. Карѣвымъ, ученикомъ В. И. Герье.

симпатіяхъ многочисленныхъ учениковъ почерпнетъ онъ новыя силы и бодрость духа для дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукѣ и просвѣщенію.

Шуя (Тел.). Владиміръ Ивановичъ! Намъ, бывшимъ ученикамъ вашимъ, особенно пріятно привѣтствовать васъ въ настоящій знаменательный день тридцатилѣтія учено-профессорской дѣятельности вашей, какъ истиннаго друга того юношества, которое ищетъ свѣта и знанія, и какъ представителя науки, снискавшаго своими научно-литературными трудами глубокое уваженіе всей читающей Россіи.

Историческое Общество также привѣтствовало телеграммой В. И., состоящаго его членомъ.

Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности проф. Н. М. Благовѣщенскаго (1842—1892 гг.).

Историческое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя и приглашеннаго имъ изъ членовъ Общества Е. А. Бѣлова, старѣйшаго слушателя Н. М. Благовѣщенскаго, участвовало въ чествованіи и своего члена Н. М. Благовѣщенскаго по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности 13 февраля 1892 года. Празднованіе это имѣло чисто частный характеръ, такъ какъ служебный юбилей Н. М. будетъ праздноваться 29 сентября сего года, когда исполнится полвѣка его государственной службы. Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ появилась обширная статья о Н. М. Благовѣщенскомъ, а кромѣ того оцѣнку его дѣятельности дали проф. И. В. Цвѣтаевъ (въ „Филологическомъ Обзорѣніи“), проф. В. Качановскій (въ „Вѣстникѣ Славянства“), гг. А. Стрѣльцовъ и Д. Р. (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, 1892 г. № 43), г. П. Быковъ (въ „Всемирной Иллюстраціи“, № 1206 съ портретомъ юбиляра). Были также замѣтки объ юбилеѣ и въ главныхъ газетахъ. Свѣдѣнія о Н. М. Благовѣщенскомъ см. еще въ книгѣ В. Григорьева „С.-Петербургскій Университетъ“ (Спб. 1870 г.), въ альбомѣ М. Семевского „Знакомые“ (Спб. 1888 г.) и брошюрѣ И. В. Цвѣтаева „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго“ (Спб. 1888 г.).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ КУРСЫ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

А. Курсы историко-литературные. С.-Петербургскій университетъ. По исторіи древней литературы: энциклопедія фи-

мологін (въ весеннемъ и осеннемъ полугодіи — 1 ч.) проф. Помяловскаго; исторія александрійской поэзіи въ царствованіе первыхъ трехъ Птолемеевъ (въ обоихъ полугодіяхъ—1 ч.) проф. Зѣлинскаго. По исторіи русской литературы: общій курсъ (въ об. пол.—3 ч.) и спец. курсъ объ источникахъ и пособіяхъ (вес. пол.—2 ч.) пр.-доц. Морозова, спец. курсы о Пушкинѣ (въ об. пол.—2 ч.) и по исторіи русской литературной критики (въ об. пол.—2 ч.) проф. Незеленова, курсъ по исторіи древне-русской литературы XIV и XV вв. (ос. пол.—2 ч.) пр.-доцента Шлапнина. По исторіи всеобщей литературы: общій курсъ по исторіи зап.-европейскихъ литературъ (въ об. пол.—3 ч.) и спеціальный по исторіи франц. литературы XIX в. (вес. пол.—1 ч.) пр.-доц. Вейнберга; спеціальныя курсы по исторіи французской литературы XVI в. (1 ч.) пр.-доц. Батюшкова и западно-европейской литературы XIV и XV вв. (2 ч.) пр.-доц. Ланге.

Московскій университетъ. По исторіи древней литературы: исторія греческой литературы (2 ч.) проф. Луньяка. По исторіи русской литературы: общій курсъ (2 ч.) и семинарій (2 ч.) проф. Соколова; спеціальныя: исторія русской словесности XVII и XVIII вв. (2 ч.) пр.-доц. Бѣльскаго; исторія р. словесности XVI и XVII вв. (1 ч.) пр.-доц. Истрина; исторія р. литературы XVIII в. (1 ч.) пр.-доц. Александрова. По славянскимъ литературамъ: общій курсъ исторіи слав. литературъ (2 ч.) проф. Соколова. Общій курсъ исторіи зап.-европейскихъ литературъ (2 ч.) и спеціальный по исторіи романа (2 ч.) проф. Веселовскаго; исторія англійской драмы отъ Шекспира до Шеридана (4 ч.) и семинарій по исторіи зап.-евр. литературъ (2 ч.) проф. Стороженко.

Казанскій университетъ. Исторія древней литературы: исторія аттического краснорѣчія перваго періода (2 ч.) пр.-доц. Шестакова. Исторія русской литературы: Общій курсъ (3 ч.) и практическія занятія (3 ч.) проф. Архангельскаго. Исторія чешской литературы (1 ч.) проф. Александрова. Исторія зап.-европейскихъ литературъ съ эпохи возрожденія до половины XIX в. (4 ч.) пр.-доц. Берга.

Новороссійскій университетъ. Исторія древней литературы: разсмотрѣніе источниковъ и пособій къ изученію исторіи римской литературы (1 ч. практическихъ занятій въ весеннемъ полугодіи) проф. Модестова. Исторія русской литературы: общій курсъ (2 ч.) проф. Некрасова и спеціальныя по исторіи новой словесности отъ Карамзина до Пушкина (2 ч.) и древней—XIV—XVI вв. (2 ч.) пр.-доц. Яковлева. Чешскій и польскій языки и ихъ литературы (1 ч.) проф. Кочубинскаго. Исторія зап.-европ. литературъ не читается.

Университетъ св. Владиміра. Исторія древней литературы: общій курсъ по исторіи римской литературы (2 ч.) проф. Кулаков-

скаго. По исторіи русской литературы: спеціальный курсъ по исторіи литературы XVI—XVII вв. (2 ч. въ весеннемъ полугодіи) проф. Владимірова. По исторіи славянскихъ литературъ: исторія чешской литературы (въ осенн. пол. 1 ч.) и исторія польской литературы (въ осенн. полуг. 1 ч.) проф. Флоринскаго. Общій курсъ по исторіи зап.-европ. литературъ XV—XVIII вв. (4 ч.) проф. Дашкевича.

В. Курсы историко-юридическіе. С. - Петербургскій университетъ. Исторія римскаго права: общій курсъ (4 ч.) проф. Ефимова. Исторія русскаго права: общій курсъ (5 ч.) проф. Сергѣевича; общій курсъ внѣшней исторіи русскаго права (3 ч.) и спеціальный о городскихъ наказахъ 1767 г. (2 ч.) проф. Латенина. Политическая экономія: исторія науки о народномъ хозяйствѣ (2 ч.) проф. Георгіевскаго. Полицейское право: исторія полиціи (1 ч. въ вес. пол.) пр. Ведрова.

Московскій университетъ. Исторія римскаго права: общій курсъ съ семинаріемъ (6 ч.) проф. Боголѣпова. Исторія русскаго права: общій курсъ до Уложенія 1649 г. съ практич. занятіями (6 ч.) проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, и общій курсъ отъ Уложенія царя Алексѣя до изданія Свода Законовъ (2 ч.) пр.-доц. Филиппова. Политическая экономія: семинарій у проф. Чупрова (1 ч.), состоящій въ изученіи Адама Смита. Исторія философіи права: общій курсъ (2 ч.) проф. Звѣрева.

Университетъ св. Владиміра. Исторія римскаго права, общій курсъ (4 ч.) проф. Каванцева. Исторія русскаго права (5 ч.) и практическія занятія (2 ч.) проф. Владимірскаго-Буданова. Исторія философіи права (древней—1 ч.) проф. Ренненкампа.

Новороссійскій университетъ. Исторія римскаго права: общій курсъ (4 ч.) проф. Соколяскаго. Исторія русскаго права: общій курсъ (4 ч.) и практическія занятія (1 ч.) проф. Леонтовича. Исторія философіи права: общій курсъ (2 ч.) проф. Чижева.

ДЕРПТСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ЗА 1891—2 г.

Историческіе курсы въ первомъ полугодіи. 1) общее государство-вѣдѣніе и политическая географія (4 ч. въ нед.) орд. проф. Р. Мукке; 2) источники греческой и римской исторіи (4 ч. въ недѣлю) орд. проф. Л. Мендельсонъ; 3) исторія среднихъ вѣковъ (4 ч. въ недѣлю) и практическія занятія (2 ч.) орд. пр. Р. Гаусманъ; 4) исторія 19-го столѣтія (3 ч. въ недѣлю) и практическія занятія по исторіи испанскихъ открытій въ Америкѣ (3 ч.) орд. проф. О. Вальцъ; 5) русская исторія IX—XVI вв. (4 ч. въ недѣлю) и практическія занятія (2 ч.) з.-о. пр. Е. Шмурло; 6) введеніе въ славянскія и русскія древности

(спец. курсъ) о. проф. П. Висковатовъ; 7) церковная исторія со времени реформации (на богословскомъ факультетѣ—5 ч.) и практическія занятія (1 ч.) орд. пр. Н. Бонветтъ; 8) церковная исторія (для студентовъ православнаго исповѣданія—3 ч.) протоіерей П. Образцовъ.

Историческіе курсы во второмъ полугодіи. 1) греческая исторія (4 ч.) орд. проф. Л. Мендельсонъ; 2) латинская палеографія (4 ч.) и практическія занятія по исторіи (2 ч.) орд. пр. Р. Гаусманъ; 3) исторія Европы съ 1830 г. (4 ч.) и практическія занятія по источниковѣдѣнію и критикѣ источниковъ XV в. (2 ч.) орд. проф. О. Вальцъ; 4) исторія Россіи отъ XVI до XIX в. (4 ч.) и спеціальный курсъ: сношенія Россіи съ западно-европейскими государствами въ XVII в. (2 ч.) э.-о. проф. Е. Шмурло; 5) древняя церковная исторія (на богословскомъ факультетѣ—4 ч.) и практическія занятія по церковной исторіи (тамъ же—2 ч. орд. пр. І. Гауслейтеръ; 6) церковная исторія (для студентовъ православнаго исповѣданія—3 ч.) прот. П. Образцовъ.

Историко-юридическіе и историко-литературные курсы въ первомъ полугодіи. а. 1) исторія философіи права (4 ч.) кандидатъ Ад. Зачинскій, исп. должность доцента; 2) историческое развитіе государственнаго права и политическихъ ученій (3 ч.) доц. К. Бергбомъ; 3) политическая экономія (4 ч.) и статистика (4 ч.) э.-орд. проф. Н. Карышевъ; 4) практическія занятія по статистикѣ (на ист.-фил. ф-тѣ—2 ч.) и аграрная и промышленная политика (6 ч.—тамъ же) орд. пр. Р. Мукке; 5) ви́шняя исторія римскаго права (5 ч.) пр.-доц. А. Гуляевъ; 6) исторія русскаго права (8 ч.) э.-о. пр. М. Дьяконовъ; 7) исторія права Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи (6 ч.) орд. пр. К. Эрдманъ. б. 1) введеніе въ исторію греческой литературы (2 ч.) и Тибуллъ (2 ч.) орд. пр. В. Гершельманъ; 2) сатиры Горация (2 ч.) орд. пр. Л. Мендельсонъ; 3) исторія древней философіи (4 ч.) э. о. пр. Як. Озе; 4) сравнительная исторія средневѣковой литературы (2 ч.) и нѣмецкая прозаическая литература по смерти Гете (1 ч.) доцентъ В. Мазингъ; 5) новая русская литература послѣ Пушкина (4 ч.) и спец. курсъ: русская литература древняго времени (4 ч.) орд. проф. П. Висковатовъ.

Историко-юридическіе и историко-литературные курсы во второмъ полугодіи. а. 1) политическая экономія (4 ч.) и статистика (2 ч.) э.-о. пр. Н. Карышевъ; 2) сравнительное современное государственное право (3 ч.) доц. К. Бергбомъ; 3) исторія, теорія и техника статистики (4 ч.), практическія упражненія по статистикѣ (2 ч.) и торговая политика (4 ч. на ист.-фил. фак-тѣ) орд. пр. Р. Мукке. б. 1) исторія римской литературы (3 ч.) и Тибуллъ (1 ч.) орд. пр. В. Гершельманъ;

2) сравнительная история средневековой литературы (2 ч.); 3) история новой русской литературы (4 ч.) и 4) история сербской и болгарской литературы (4 ч.) орд. пр. П. Висковатовъ; 5) история философии новейшего времени и практические упражнения по Аристотелю (2 ч.) э.-о. пр. Иж. Озе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ нынѣшнемъ году „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1891 г.“ (составленный проф. Д. П. Коноваловымъ) вышелъ въ свѣтъ къ годовичному акту 8 февраля. Приводимъ изъ него главные свѣдѣнія, могущія специально интересовать читателей „Историческаго Обзорѣнія“. Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1891 году было—93. Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло—21. Состояли при университетѣ со стипендіями: а) на счетъ штатной суммы Дмитрій Будрявскій, Александръ Липовскій, Венедиктъ Мякотинъ (по 1 октября) и Борисъ Тураевъ; б) на счетъ суммы въ 18.000 р., ассигнованной С.-Петербургскому университету на стипендіи и пособия: Павелъ Вознесенскій и Алексѣй Покровскій. Состояли при университетѣ безъ стипендій: Михаилъ Быстровъ (съ 1 сентября), Александръ Васильевъ (по 10 октября), Николай Волковъ, Эрвинъ Гриммъ (съ 1 октября), Вильгельмъ Каттерфельдъ (съ 1 октября), Сергѣй Жебелевъ, Алексѣй Кедровъ (съ 20 марта), Викторъ Кондзеровскій, Михаилъ Крашенинниковъ (по 1 сентября), Михаилъ Крыжановскій, Петръ Погодинъ (командированъ за-границу), Сергѣй Рождественскій (съ 1 сентября), Евгенийъ Соловьевъ, Петръ Шефферъ (съ 1 сентября) и Федоръ Щербатскій (по 1 апрѣля).

Въ 1891 году степень магистра получили по историко-филологическому факультету:

1) Федоръ Дмитриевичъ Батюшковъ—степень магистра исторіи всеобщей литературы, по защищеніи диссертации „Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы“;

2) Михаилъ Никитичъ Крашенинниковъ—степень магистра римской словесности, по защищеніи диссертации „Римскіе муниципальные жрецы и жрицы“;

3) Илья Александровичъ Шляпкинъ—степень магистра русской словесности, по защищеніи диссертации „Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709)“.

По юридическому факультету—Эдуардъ Николаевичъ Берендтс—степень магистра финансоваго права, по защищеніи диссертациі „Государственное хозяйство Швеціи. Часть I. Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г.“.

Степень доктора получили по историко-филологическому факультету:

1) Николай Михайловичъ Бубновъ—степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертациі „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“;

2) Алексѣй Никитичъ Гиляровъ—степень доктора философій, по защищеніи диссертациі „Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о философахъ“;

3) Викторъ Карловичъ Ернштедтъ—степень доктора греческой словесности, по защищеніи диссертациі „Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи“.

По юридическому факультету—Леонидъ Владиміровичъ Ходскій—степень доктора политической экономіи, по защищеніи диссертациі „Земля и земледѣльцы“.

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія со студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. И. В. Помяловскій руководилъ занятіями студентовъ-филологовъ старшихъ семестровъ по изученію и объясненію латинскихъ надписей по сборнику Вилльямса и по IV и V-му томамъ *Congrus Inscriptionum latinarum*. Преф. Н. И. Карѣевъ велъ въ осеннемъ полугодіи практическія занятія по исторіи XVIII вѣка, состоявшія въ разборѣ политической литературы и памятниковъ политическаго законодательства второй половины XVIII вѣка. Проф. А. И. Незеленовъ руководилъ практическими занятіями студентовъ по изслѣдованію памятниковъ народной словесности и новой русской литературы, а также по изученію біографій писателей въ связи съ ихъ сочиненіями. Проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ велъ вечернія практическія занятія на дому по чтенію греческихъ надписей. Прив.-Доц. И. А. Шляпкинъ руководилъ занятіями студента V семестра Гофмана по изученію сказаній объ Александрѣ Невскомъ и занятіями окончившаго курсъ филологическаго факультета Миллера по палеографіи и изученію пособій по исторіи древней русской литературы.

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета“ между иными отмѣчены слѣдующія работы:

Проф. И. В. Помяловскій издалъ: а) житіе Киріяна отшельника по рукописи казанской духовной академіи, б) Θεοδοσίη ο μύστο-

положеніи Святой Земли, въ Сборникѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ статьи: 1) Политическая экономія и теорія историческаго прогресса. 2) Всеобщая исторія въ университетѣ. 3) Историческая наука и преподаваніе (всѣ три въ „Историческомъ Обзорѣніи“). 4) Экономическое направленіе въ исторіи (Юрид. Вѣстн. № 5—6). 5) Новая біографія Мирабо („Русская Мысль“, январь). 6) Исторія и философское значеніе идеи прогресса („Сѣверный Вѣстникъ“, № 11—12). 7) Что такое общее образованіе? („Русская Школа“ № 10). 8) Замѣтки о книгѣ г. Бубнова „Сборникъ писемъ Герберта“ („Вѣстникъ Европы“ № 6) и мелкія рецензіи. Кромѣ того редактировалъ II и III томы „Историческаго Обзорѣнія“, русскій переводъ II тома польской исторіи М. Бобржинскаго и историческія статьи въ „Энциклопедическомъ словарѣ“.

Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ II томъ сочиненія „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей“.

Проф. А. И. Невеленовъ напечаталъ: 1) Рецензію на диссертацию г. Шляпкина „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв.). 2) Статью „Ив. Алексѣев. Гончаровъ“ („Русское Обзорѣніе“, октябрь).

Прив.-доц. П. А. Сырку редактировалъ по порученію академіи наукъ послѣднюю часть исторіи Аэона, составленную епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ; приготовилъ къ печати два очерка своихъ разысканій о русскихъ повѣстяхъ иноземнаго происхожденія и напечаталъ въ Журналѣ М. Н. Пр. рецензію на изданіе проф. И. В. Помяловскаго: „Житіе св. Саввы Освященнаго“.

Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ издаетъ за-границею литовскую рукопись Довконта „Исторія Литвы“ (Lietuvos Istorija).

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ напечаталъ статью: „О сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христіны“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. іюнь) и приготовилъ къ печатанію въ томъ же журналѣ статью: „Сношенія Даніи съ Москвою при Христіанѣ IV“ (1588—1648).

Прив.-доц. И. А. Шляпкинъ напечаталъ магистерское разсужденіе: „Св. Дмитрій Ростовскій“ и приготовилъ къ печати: 1) „Къ біографіи Франциска Скорины“. 2) „Записки Бѣгичева о Грибоѣдовѣ“. 3) „Берлинскіе матеріалы для исторіи новой русской литературы“. 4) „Темы народныхъ картинокъ за послѣднія 50 лѣтъ“.

Прив.-доц. С. Θ. Платоновъ приготовилъ къ изданію и отпечаталъ, подъ редакціею академиковъ Бычкова и Бестужева-Рюмина,

ХІІІ томъ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографическою комиссіею Мин. Нар. Просвѣщенія.

Прив.-доц. В. Э. Регель напечаталъ „*Analecta Bisantino-Russica. Petropoli 1891 г.*“, печатаетъ „*Fontes rerum bysantinorum. Tom. I, pars. I.*“

Прив.-доц. І. П. Сениговъ занятъ написаніемъ докторской диссертациі на тему „Вѣче и сельскій сходъ въ древней Россіи“ и статей: „Народное возрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго“, „Принципы сельскаго управленія въ древней и новой Россіи“ и народнаго чтенія: „Царь Іоаннъ Грозный“.

Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ: 1) Рѣчь (вступительную) передъ магистерскимъ диспутомъ (Истор. Обзор., т. І). 2) Статью о выслуженныхъ вотчинахъ въ Московскомъ Государствѣ ХVІ и ХVІІ вв. (ib. т. 3). 3) Критическую замѣтку на статью кн. Л. Голицына и С. Краснодубровскаго: „Уксъ, доклады и изслѣдованія по исторіи Укса“, Саратовъ 1891 г. въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія 1891 г. № 7.

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ напечаталъ статьи: „Къ вопросу о населенности посадскаго двора ХVІІ в.“ (Журн. Мин. Нар. Просв.). 2) „Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій книгопечатникъ“ („Родникъ“). 3) „Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ“ („Библіографъ“). 4) Нѣсколько критическихъ замѣтокъ о новыхъ книгахъ. По порученію Импер. Русск. Геогр. Общ. въ теченіе всего 1891 г. проредактировалъ подготовленный Н. В. Калачевымъ алфавитный указатель къ изданнымъ Обществомъ писцовымъ книгамъ ХVІ в. и составилъ къ нимъ предисловіе.

Прив.-доц. С. Ф. Ольденбургъ напечаталъ нѣсколько статей и рецензій и былъ занятъ изданіемъ трудовъ покойнаго проф. И. П. Минаева, издавъ уже нѣкоторые изъ нихъ.

Проф. В. И. Сергѣевичъ собралъ и приготовилъ къ печати матеріалъ для VІІІ т. работъ екатерининской законодательной комиссіи; приготовилъ къ печати II т. „Русскихъ юридическихъ древностей“.

Проф. Ю. Э. Янсонъ напечаталъ между другими трудами новое изданіе „Теоріи Статистики“, значительно дополненное и исправленное.

Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ печатаетъ имѣющій выйти въ свѣтъ въ началѣ 1892 г. X томъ издаваемого по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Въ печатаемый нынѣ томъ войдутъ трактаты, заключенные Россіею съ Англіею съ 1648 по 1801 годъ. Актамъ предшествуютъ подробные историческіе очерки,

составляемые на основаніи документовъ Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Проф. М. И. Горчаковъ напечаталъ въ „Юридической Лѣтописи“ статью „Была ли учреждена инквизиція въ восточной церкви“, составилъ по порученію Академіи наукъ критическій отзывъ о сочиненіи И. А. Чистовича „С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ“ (1858—1888). Спб. 1889.

Проф. С. А. Бернадскій оканчиваетъ печатаніе „Актовъ къ внутреннимъ отношеніямъ Литвы въ VII вѣкѣ“. Печатаетъ „Курсъ лекцій по исторіи и философіи права“. Приготовилъ къ печати статьи, имѣющія быть напечатанными въ началѣ 1892 года: 1) „Въ изгнаніи“, очеркъ изъ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XV вѣкѣ, на основаніи печатнаго и рукописнаго матеріала; 2) „О количествѣ, составѣ и распредѣленіи населенія въ княжествѣ Литовскомъ въ началѣ XVI в.“, на основаніи архивнаго матеріала; 3) „Административное дѣленіе и устройство В. Княжества Литовскаго въ началѣ XVI в.“, на основаніи рукописныхъ матеріаловъ; 4) „Очеркъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній польскихъ евреевъ въ XVI в.“, на основаніи рукописнаго матеріала.

Проф. В. Н. Латкинъ приготовилъ къ печати „Проектъ новаго Уложенія 1754—66 гг., составленный Елизаветинской законодательной комиссіей“.

Прив.-доц. Н. М. Коркуновъ напечаталъ статьи: 1) „Финляндскій сеймъ“ („Юридич. Лѣтопись“ 1891 г. № 1); 2) „Международное право и его система“ („Юридич. Лѣтопись“ 1891 г., № 10).

Прив.-доц. А. А. Исаевъ напечаталъ, между прочимъ статью „Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли“ (въ Сборникѣ, изданномъ въ пользу голодающихъ редакціей „Русской Мысли“).

Прив.-доц. Л. П. Дышпа напечаталъ „Введеніе въ курсъ мѣстнаго управленія Англіи, Франціи и Пруссіи“ и предпринималъ трудъ: „Государственное право Швеціи“.

Заслуж. проф. К. Θ. Голстунскій приступилъ къ изданію Монгольско-Русскаго Лексикона, котораго отлитографировалъ 12 листовъ.

Проф. С. М. Георгіевскій печаталъ въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ статью „Миѣніескія воззрѣнія и миѣя китайцевъ“.

Проф. А. А. Цагарели напечаталъ: 1) „Грамоты и другіе историческіе документы XVIII вѣка, относящіеся до Грузіи. Томъ I. Съ картой Закавказья 1771 г.“ 2) „Оношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ“, отдѣльное изданіе рѣчи, читанной на актѣ 8 февраля 1891 г.

Прив.-доц. Н. А. Мядниковъ продолжаетъ печатать „Исторію Палестины по арабскимъ источникамъ“. Изд. Православнаго Палестинскаго Общества.

Кромѣ того, въ отчетѣ значатся рефераты и публичныя лекціи профессоровъ и преподавателей.

Проф. Н. И. Карѣевъ въ Историческомъ Обществѣ при Спб. университетѣ читалъ рефераты: 1) „Политическая экономя и исторія историческаго прогресса“, 2) „Систематизація занятій вопросами, касающимися преподаванія исторіи“, 3) „Историческая наука и преподаваніе исторіи“. Читалъ четыре публичныхъ лекціи въ пользу литературнаго фонда на тему „Исторія и философское значеніе идеи прогресса“, четыре лекціи въ пользу учителей и учениковъ шкoлъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, на тему „Возрожденіе и Реформація“ и одну лекцію въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая на тему „Первые гуманисты“.

И. д. проф. Платоновъ прочелъ 5 публичныхъ лекцій (въ Педагог. Музеѣ) на тему „Русское общество передъ реформою Петра Великаго“.

Прив.-доц. Г. В. Форстенъ читалъ рефератъ въ Историческомъ Обществѣ „О ливонскихъ проектахъ въ XVI в.“.

Прив.-доц. И. А. Шляпкинъ дѣлалъ доклады: 1) „Объ одной иконѣ Александра Невскаго“, 2) Изъ исторіи Дерявинецкаго монастыря. Читалъ въ Комитетѣ Грамотности одну лекцію „О народныхъ картинахъ за послѣднее время“ и одну въ Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ „О преподобномъ Сергіи Радонежскомъ“.

Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе въ общемъ собраніи Историческаго Общества: „Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды (каменный, бронзовый и желѣзный) въ современной археологической литературѣ“.

Прив.-доц. Н. Д. Чечулинъ въ Археологическомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе: „Русскія деревянные жилия помѣщенія въ XVI в.“. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая лекціи на тему: „Болотовъ, типичный представитель русскаго общества XVIII в.“.

Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ сдѣлалъ въ Археолог. Общ. сообщенія: 1) Микенская культура, 2) Цилимъ и его раскопки.

Проф. С. А. Бершадскій въ Историческомъ обществѣ сдѣлалъ доклады: 1) „Экономическое и общественное положеніе крестьянъ въ Литвѣ въ началѣ XVI в.“, 2) „О переписяхъ еврейскаго населенія въ юго-западной Россіи въ XVIII в.“, по поводу переписей, издаваемыхъ подъ редакціей Каманина Киевской Археологической Коммиссіей. Прочелъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему: „О романтическомъ направленіи въ живописи“.

Прив.-доцентъ Н. М. Коркуновъ прочелъ въ пользу пострадав-

шихъ отъ неурожая публичную лекцію на тему „Общественное значеніе права.“

Приводимъ также свѣдѣнія о дѣятельности Неофилологическаго Общества при Спб. университетѣ.

Въ 1891 году дѣлами Неофилологическаго Общества завѣдывалъ комитетъ въ прежнемъ составѣ (предсѣдатель—А. Н. Веселовскій, товарищъ предсѣдателя—А. Н. Пыпинъ, секретарь—О. Д. Батюшковъ, казначей—Р. О. Ланге, бібліотекарь—О. А. Браунъ, совѣщательные члены—гр. А. А. Бобринскій и Л. Н. Майковъ). Въ число членовъ вступило пять лицъ. Въ теченіе года состоялось 8 засѣданій, на которыхъ, помимо рассмотрѣнія текущихъ дѣлъ, было прочитано нѣсколько рефератовъ и сообщеній по нижеслѣдующимъ предметамъ:

А. Н. Веселовскій прочелъ два этюда о Боккаччіо, причѣмъ первый изъ нихъ (чит. на засѣданіи 15-го февраля) былъ посвященъ рассмотрѣнію научно-литературной дѣятельности монаха Варлаама, учителя Боккаччіо, второй (чит. на засѣданіи 29-го марта) касался исторіи любви Боккаччіо къ Маріи, дочери неаполитанскаго короля Роберта, описанной имъ въ романѣ „Фьямента“. На другомъ засѣданіи (10-го мая) А. Н. Веселовскій прочелъ замѣтку къ вопросу объ источникахъ русской повѣсти „О купцѣ Басаргѣ и его мудромъ сынѣ“. Кроме того А. Н. Веселовскій сообщилъ на различныхъ засѣданіяхъ о новостяхъ литературы по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ программу занятій Общества. По поводу новыхъ изслѣдованій легенды о Вѣчномъ жидѣ было прочитано въ томъ же засѣданіи сообщеніе О. Д. Батюшкова. Другой докладъ г. Батюшкова (на засѣданіи 25-го января) былъ посвященъ рассмотрѣнію источниковъ различныхъ представленій и повѣрій о разлученіи души съ тѣломъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Наконецъ, на засѣданіи 25-го октября, г. Батюшковъ доложилъ о неизданныхъ Мордовскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, по сообщенію г. Евсевьева изъ Казани.

На засѣданіи 15-го февраля И. Н. Ждановъ прочелъ сообщеніе по поводу брошюры пр. Красносельцева „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей“. Въ томъ же засѣданіи г. Бойль прочелъ введеніе къ своему изслѣдованію „Объ различныхъ выраженіяхъ у Шекспира“, отрывки изъ котораго были имъ прочитаны на слѣдующемъ засѣданіи (15-го марта), причѣмъ г. Бойль воспользовался переводомъ указанныхъ имъ выраженій у Шекспира, исполненнымъ студентомъ г. Аничковымъ. На засѣданіи 29-го марта П. И. Вейнбергъ сообщилъ о книгѣ Брандеса „Молодая Германія“, составляющей послѣдній выпускъ его труда о главныхъ теченіяхъ литературы въ XIX вѣкѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 12-го апрѣля,

Гр. Н. Потанинъ прочелъ рефератъ о тюрко-монгольскихъ параллеляхъ къ нѣмецкимъ сказаніямъ о Вольфъ-Дидрихъ, о Гугъ-Дитрихъ и объ Ортнитъ.

На засѣданіи 10-го мая ак. Л. Н. Майковъ сообщилъ о побывальщинахъ объ Ильѣ Муромцѣ въ старинныхъ рукописяхъ. На засѣданіи 25-го октября Э. А. Браунъ прочелъ докладъ по поводу гипотезы пр. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „Русь“. Въ тотъ же вечеръ г. Гливенко (студентъ) прочелъ отрывки своего перевода испанскаго романа XVI вѣка „Ласарилльо изъ Торреса“.

Свѣдѣній о филологическомъ и юридическомъ Обществахъ въ отчетѣ не имѣется.

Къ отчету приложена обширная (стр. 25—94) записка о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1892 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1893 году.

По историко-филологическому факультету. На тему „Исправить и дополнить помпейскую городскую хронику Ниссена на основаніи новѣйшихъ раскопокъ и изслѣдованій“ представлены двѣ работы, изъ коихъ одна награждена золотою медалью (студ. VIII сем. Михаила Ростовцева), а другая почетнымъ отзывомъ (студ. IV сем. Д. Петрова).

На тему по русской исторіи „Родъ князей Шуйскихъ въ XV—XVII вѣкахъ“ представлено одно сочиненіе съ девизомъ: „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“. „Трудно было ожидать, сказано въ „Запискѣ“,—чтобы въ теченіе неполнаго года могъ быть представленъ столь обстоятельный отвѣтъ на данную тему. Сочиненіе юнаго автора не только содержитъ въ себѣ сводъ біографическаго матеріала о Шуйскихъ, но представляетъ и попытку съ разныхъ сторонъ оцѣнить эти данныя, повѣрить ихъ критически и освѣтить сопоставленіемъ съ фактами, общественной и политической исторіи удѣльной и Московской Руси“. Авторъ развернулъ „въ стройной послѣдовательности изученный имъ очень обширный матеріалъ и разработалъ всѣ детали темы съ должною обстоятельностью и даже съ излишнею словоохотливостью, которая, впрочемъ, извинительна въ первомъ ученomъ опытѣ и не умаляетъ внутреннихъ достоинствъ труда. Достоинства же эти заслуживаютъ полнаго признанія. Авторъ обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и большой критическій тактъ,—качества, позволяющія ему въ разработкѣ вопроса сразу стать на свои ноги, подмѣтить и объяснить ошибки ученыхъ предшественниковъ, высказать свое сужденіе—всегда точное и доказательное—независимо отъ составившихся уже мнѣній. Можно удивляться, да-лѣе, той энергіи, съ какою авторъ велъ свои работы, тому воодушевленію, съ какимъ онъ излагалъ ихъ результаты, и слѣдуетъ поже-

лать, чтобы безспорныя способности автора нашли себѣ должное при-
мѣненіе на поприщѣ отечественной науки и чтобы его энергія столь
же ярко проявилась и въ его дальнѣйшихъ работахъ". Въ виду ска-
заннаго, авторъ этого сочиненія, студентъ IV семестра Александръ
Раевскій награжденъ золотою медалью.

На вторую тему по русской исторіи „Землевладѣніе въ Твер-
скомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ", представлены два сочиненія. „Первое
изъ нихъ съ девизомъ: „Самъ себя вини: что ты посѣлалъ, то и жни“
(Крыловъ), содержитъ въ себѣ двѣ части. Въ одной заключаются ста-
тистическія таблицы, составленныя на основаніи Тверскихъ писцо-
выхъ книгъ XVI столѣтія; въ другой—общій очеркъ формъ земле-
владѣнія, основанный какъ на матеріалѣ, сгруппированномъ въ табли-
цахъ, такъ и на другихъ историческихъ данныхъ... Авторъ съ боль-
шимъ усердіемъ и съ похвальною точностью распредѣлялъ данныя
писцовыхъ книгъ по нѣсколькимъ десяткамъ таблицъ, удачно избирая
самыя формы таблицъ такимъ образомъ, что онѣ съ должною
полнотою отражаютъ содержаніе изслѣдуемой писцовой книги. Правда,
робость молодого изслѣдователя передъ новымъ для него матеріаломъ
заставляла его иногда слишкомъ придерживаться текста писцовой
книги, слишкомъ дробить и поэтому не всегда правильно опредѣлять
рубрики, по которымъ онъ разносилъ свѣдѣнія; но этотъ недостатокъ
таблицъ легко устраняется простымъ соединеніемъ рубрикъ и ни разу
не возбуждаетъ въ читателѣ-спеціалистѣ сомнѣній въ правильности
помѣщенныхъ въ таблицъ цифръ. Эта часть работы, свидѣтельствуя
о большомъ трудолюбіи автора, удовлетворяетъ въ то же время, что
авторъ овладѣлъ источникомъ, надъ которымъ трудился. Уже одна
эта часть разбираемаго сочиненія, могла бы дать автору право на
почетную награду". Отмѣтивъ недостатки 2-й части работы, рецен-
зентъ дѣлаетъ о ней такой выводъ: „Поэтому работа автора приобрѣла
характеръ этюда не по исторіи земельного владѣнія въ извѣстномъ
районѣ, а по исторіи формъ нашего землевладѣнія вообще; данныя
по Тверскому уѣзду примѣнены были къ характеристикѣ землева-
дѣнія по всей Московской Руси, а не обратно, и выводъ автора, бу-
дучи направленъ на факты не мѣстной, а общей нашей исторіи,
явился довольно безсодержательнымъ и небезспорнымъ". Впрочемъ,
„нельзя не признать и второй части разбираемаго труда весьма удо-
влетворительно выполненною въ частностяхъ. Начитанность въ сферѣ
монографій по русской исторіи, умѣнье владѣть обширнымъ матеріа-
ломъ, не теряясь въ немъ, наблюдательность, приводящая къ цѣн-
нымъ частнымъ выводамъ, все это обнаруживаетъ въ авторѣ способ-
ность и нѣкоторую подготовку къ ученымъ изысканіямъ". Автору

этого сочиненія, студенту VIII семестра Ивану Лапте присуждена серебряная медаль.

„Второе сочиненіе съ девизомъ: „Земля—основаніе всѣхъ отношеній человѣка къ обществу“ (Бѣляевъ), къ сожалѣнію, не окончено и кромѣ введенія, посвященнаго описанію тверскихъ писцовыхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ четыре отдѣльныхъ очерка, не вполне послѣдовательно развивающихъ данную тему. Нельзя не пожалѣть отъ души, что авторъ не успѣлъ завершить своего труда: ученныя и литературныя свойства представленной части его сочиненія таковы, что позволяютъ предполагать въ начинающемъ авторѣ хорошую эрудицію и выдающіяся литературныя способности. Въ виду всего этого, хотя трудъ молодаго изслѣдователя и не представляетъ собою чего либо цѣльнаго и законченнаго, онъ все-таки заслуживаетъ самаго живаго одобренія“ и потому авторъ этого труда, студентъ VIII семестра Александръ Круглый, удостоенъ награды серебряною медалью.

На тему по новой исторіи „Дворянскіе наказы (sahiers) 1789 г.“ подано два сочиненія неодинаковаго достоинства, но сходныя въ томъ, что оба не были окончены къ сроку.

Одно сочиненіе подано подъ девизомъ: „Δεῖ τοὺς ἀγαθοὺς ἤνικαν, ἢ εἶναι τοῖς ὑπερέχουσιν“. Авторъ не успѣлъ рассмотреть тѣ постановленія sahiers, въ коихъ рѣчь идетъ о самомъ дворянствѣ въ его отношеніяхъ не только къ государству, но и къ феодальнымъ правамъ, къ поземельной собственности, къ крестьянству. Можно еще упрекнуть его за то, что онъ не предпослалъ своей работѣ общаго введенія, въ которомъ ему слѣдовало бы опредѣлить свою задачу, объяснить, что было сдѣлано до сихъ поръ по изученію sahiers вообще и дворянскихъ въ частности въ исторической литературѣ, намѣтить частные вопросы, вытекающіе изъ общей задачи и современнаго состоянія предмета въ наукѣ и указать на приемы, наиболѣе пригодныя при изученіи такого матеріала, каковыя являются наказы 1789 г. Кромѣ того, давая весьма обстоятельный обзоръ дворянскихъ желаній, авторъ не даетъ намъ изображенія того, чѣмъ было дворянство во Франціи наканунѣ 1789 г. Таковы крупныя недостатки сочиненія, но за то въ немъ почти нѣтъ мелкихъ недостатковъ и промаховъ: работа сдѣлана чисто и аккуратно, такъ что на незначительныхъ погрѣшностяхъ не стоитъ и останавливаться. Авторъ вообще внимательно изучалъ наказы, въ однородномъ матеріалѣ умѣлъ всегда найти наиболѣе характерное; всѣ понятія и отношенія, встрѣчаемыя въ источникѣ, онъ передаетъ и толкуетъ вѣрно, дѣлаетъ надлежащіе выводы изъ имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, судить обо всемъ здраво и трезво, располагаетъ добытые результаты въ послѣдовательномъ порядкѣ. Поэтому авторъ этого сочиненія, студентъ VIII се-

мистра Николай Колоколовъ, признанъ достойнымъ награды серебряною медалью.

Сочиненіе съ девизомъ „*Adhuc sub iudice lis est*“ награды не удостоено.

На тему по средней исторіи „Хронографическое обозрѣніе царствованія императора Анастасія I“, представлено одно сочиненіе съ девизомъ:

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой“.

„Основные условія для рѣшенія задачи заключались именно въ томъ, чтобы кромѣ знакомства съ литературой и пособиями по предмету было обнаружено собственное самостоятельное изученіе источниковъ и на основаніи этого изученія сдѣлано было правильное и точное изложеніе фактовъ съ особенною заботливостію объ установленіи вѣрной хронологіи. Не было нужды заботиться ни о какихъ-либо широкихъ обобщеніяхъ, ни о литературной художественности изложенія. На волю автора предоставлялось либо совсѣмъ не касаться вѣроисповѣдныхъ споровъ и церковной политики Анастасія, либо ограничиться и здѣсь болѣе внѣшнею политическою стороною, такъ какъ для настоящей оцѣнки вѣроисповѣдной политики Анастасія требовалось бы многое такое, чего нельзя ожидать отъ начинающаго, особенно если онъ не обладаетъ богословскимъ образованіемъ. Сочиненіе подъ девизомъ „Дѣла давно минувшихъ дней“ и т. д. вполне удовлетворительно рѣшаетъ задачу въ ея сейчасъ указанныхъ предѣлахъ. Авторъ весьма тщательно изучилъ источники, обозрѣнію которыхъ посвященъ первый отдѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительная доля рукописи (болѣе 50 страницъ изъ 231). Важнѣйшія пособия всѣ были извѣстны автору, начиная съ Лебо, продолжая Финлеемъ и грекомъ Папарригонуло, кончая опять англичаниномъ Бугу (*Bury, A. history of the later roman empire, London, 1889*). Во второмъ отдѣлѣ—въ части, посвященной изложенію внѣшнихъ событій, особенной похвалы заслуживаетъ именно весьма подробное и отчетливое изложеніе персидской войны, сопровождаемое постоянными ссылками (въ примѣчаніяхъ) на хронику Іисуса Столпника и критическими соображеніями о послѣдовательности фактовъ, а также указаніями по географіи. Отдѣлъ третій представляетъ хронологическую таблицу событій, составленную на основаніи предыдущаго изслѣдованія и, конечно, во многомъ исправляющую показанія пресловутой хронографіи Муральта, недостатки которой еще разъ ярко обнаруживаются“. Авторъ этого сочиненія студ. VIII сем. Александръ Васильевъ, награжденъ золотою медалью.

На другую тему по средней исторіи: „Византійское управленіе“

въ Италіи преимущественно по письмамъ папы Григорія Великаго“ представлено сочиненіе подъ девизомъ „In nova fert animus mutatas dicere formas corpora“.

„Означенная тема была предложена для соисканія наградъ съ цѣлю содѣйствовать пересадкѣ на русскую почву, а если возможно, то и дальнѣйшей обработкѣ вопроса, который въ послѣднее время занималъ иностранную ученую литературу и вызвалъ появленіе двухъ капитальныхъ трудовъ—одного на нѣмецкомъ языкѣ, другаго—на французскомъ“ (L. M. Hartmann, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750) Leipzig. 1889). Diehl, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, Paris, 1888).

Тщательное изученіе текстовъ сообщило автору такую увѣренность, что онъ могъ занять твердое самостоятельное положеніе при рѣшеніи подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Самый существенный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: когда, какъ и почему именно совершилась въ Италіи перемѣна прежняго римскаго административнаго устройства, которое характеризуется строгимъ отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной съ преимуществами для первой, другимъ порядкомъ, основаннымъ напротивъ на подчиненіи гражданского элемента военному, на сліяніи обѣихъ властей. Всѣхъ больше для рѣшенія поставленнаго выше вопроса потрудился Диль, который выставилъ на видъ значеніе процесса превращенія съ великимъ мастерствомъ и очень ярко, и вотъ именно противъ этого общаго взгляда французскаго ученаго направлены главные выводы представленной на соисканіе медали диссертациі, выводы, основанные на весьма внимательномъ изученіи источниковъ и полученные самымъ правильнымъ методическимъ способомъ. Процессъ замѣны гражданскихъ чиновниковъ военными происходилъ помимо какой либо официальной реформы и не систематически, а случайно, подъ давленіемъ обстоятельствъ, гдѣ главную роль играетъ необходимость военной защиты отъ Лангобардовъ; совершался этотъ процессъ гораздо медленнѣе и вовсе не съ такою правильностію, какъ это кажется Дилю, да и самый результатъ вовсе не выразился въ такой стройной формѣ, какъ у него доказывается. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ главномъ и существенномъ нашъ молодой начинающій изслѣдователь совершенно правъ и уже одно это сообщаетъ его сочиненію значеніе серьезнаго ученаго труда, а тѣмъ болѣе даетъ право на полученіе золотой медали, которая и присуждена автору, студенту VIII семестра Сергѣю Рункевичу“.

По юридическому факультету. На тему по исторіи русскаго права: „Губныя и уставныя грамоты“ представлено 12 сочиненій.

Изъ нихъ сочиненіе съ девизомъ: „A. R. To live in hearts we leave behind, is not to die“ состоитъ изъ двухъ частей, вмѣщающихъ въ себѣ 22 главы. „Авторъ воспользовался всею литературою предмета, а также просмотрѣлъ всѣ относящіяся до интересующаго его вопроса первоисточники, о чемъ свидѣлствуютъ разбросанныя въ изобиліи по всему сочиненію ссылки на нихъ. Въ своихъ выводахъ авторъ всегда самостоятеленъ, хотя и очень остороженъ, причемъ, высказывая извѣстное мнѣніе, старается непремѣнно аргументировать его данными изъ первоисточниковъ, дѣлая это очень умѣло и въ большинствѣ убѣдительно. Наконецъ, знакомство съ иностранной литературой и сравнительный методъ, примѣненный въ изслѣдованіи, составляютъ также одно изъ достоинствъ работы. Въ виду всего сказаннаго, автору этого сочиненія студенту VI семестра Николаю Ретвиху присуждена золотая медаль.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Es wächst der Mensch mit seinen höh'ren Zwecken“ состоитъ изъ четырехъ частей. Въ своихъ выводахъ авторъ всегда самостоятеленъ, причемъ пользуется не только одними печатными первоисточниками, но и нѣкоторыми архивными данными. Иногда онъ даже даетъ болѣе, чѣмъ того требуетъ тема, такъ говоря о значеніи грамотъ въ области финансоваго права, онъ останавливается на древне-русскихъ финансахъ вообще, высказывая по этому поводу нѣсколько мнѣній, вполне умѣло аргументированныхъ и обоснованныхъ данными первоисточниковъ. Правда, съ нѣкоторыми мнѣніями можно не согласиться, можно даже найти нѣсколько фактическихъ неправильностей, но все это не измѣняетъ самостоятельнаго характера сочиненія и не умаляетъ хорошихъ достоинствъ послѣдняго. Имѣя въ виду указаннаго достоинства работы, авторъ ея, студентъ VIII семестра Сергѣй Шумаковъ награжденъ золотою медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre“ состоитъ изъ четырехъ частей, вмѣщающихъ въ себѣ опредѣленное число отдѣловъ и главъ. Со многими мнѣніями автора трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются неопредѣленностью, а нѣкоторыя недостаточно обоснованы, поэтому имѣютъ до извѣстной степени характеръ голословныхъ положеній. Но, принимая во вниманіе огромную литературу (какъ въ формѣ отдѣльныхъ монографій, такъ и въ формѣ журнальных статей), ссылками на которую испещрено сочиненіе и среди которой авторъ сумѣлъ вполне ориентироваться, значительное расширение темы безъ ущерба для дѣла разработки послѣдней, знакомство съ первоисточниками и умѣніе съ точки зрѣнія исторической критики отнестись къ ихъ даннымъ, наконецъ вполне самостоятельный, не-

компилятивный характеръ многихъ частей сочиненія, авторъ этого сочиненія студентъ VIII семестра Александръ Михельсонъ награжденъ золотою медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Pour juger le passé il ne faut pas l'étudier avec la préoccupation ou avec le dégoût du présent“. Сочиненіе совершенно самостоятельнаго характера и вполне соответствуетъ данной темѣ. Авторъ весьма добросовѣстно отнесся къ разработкѣ послѣдней, хотя ко многимъ мнѣніямъ его трудно присоединиться. Главнымъ источникомъ работы служатъ самныя грамоты и можно сказать, что авторъ исчерпалъ ихъ содержаніе до послѣдней возможности. Но благодаря частымъ повтореніямъ одного и того же (о чемъ уже было сказано), что крайне затрудняетъ чтеніе сочиненія, напрасно увеличивая его размѣръ, а также свидѣтельствуетъ въ пользу нѣкоторой неумѣлости автора работать, сочиненіе это признано достойнымъ только серебряной медали. Авторами этого сочиненія оказались студенты VI семестра Сергій Степановъ и Аркадій Стоговъ.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу“. Въ своихъ выводахъ авторъ старается быть самостоятельнымъ, хотя это не всегда ему удается, такъ, онъ нерѣдко впадаетъ самъ съ собою въ противорѣчіе, напр. въ одномъ мѣстѣ сочиненія доказывается, что губные цѣловальники занимали вполне самостоятельное положеніе, а изъ другого мѣста оказывается, что они были подчинены губнымъ старостамъ; точно также въ одномъ мѣстѣ своей работы авторъ заявляетъ, что губные дѣлки никакой самостоятельностью не пользовались, такъ какъ являлись „чисто исполнительными органами“, а въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что они, будучи выборными должностями, „довольно самостоятельны“. Но, принимая во вниманіе отлично составленный сведенный текстъ грамотъ, а также и словарь-указатель къ нему, затѣмъ весьма добросовѣстную разработку вопроса о значеніи грамотъ въ качествѣ источника послѣдующаго законодательства, авторъ его студентъ VIII семестра Николай Трофименко признанъ достойнымъ награжденія серебряною медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Всяка душа властемъ предрержащимъ да повинуется“. Сочиненіе написано въ довольно сжатой формѣ, причемъ многія мнѣнія автора не могутъ быть приняты. Но въ работѣ имѣется не мало и хорошихъ сторонъ, такъ, очень тщательно составлена таблица сопоставленій текста сходныхъ статей грамотъ и законодательныхъ памятниковъ послѣдующаго времени, равно какъ такому же тщательностью обработки отличается и сводный текстъ. Наконецъ, къ сочиненію приложена карта мѣстностей, въ которыхъ дѣйствовали изучаемыя авторомъ грамоты, въ виду чего авторъ,

студентъ VIII семестра Николай Мундель, награжденъ серебряною медалью.

Сочиненіе подь девизомъ: „Царь Іоаннъ Грозный, какъ былъ царь мудрый и въ правосудіи многое тѣхнѣе изъяснилъ“ (Татищевъ) имѣетъ нѣсколько аналогичныхъ чертъ съ предыдущимъ. Такъ и въ этой работѣ лучшей частью является сводный текстъ, всѣмъ же остальнымъ вопросамъ темы посвященъ сравнительно сжатый очеркъ, служащій какъ бы введеніемъ къ сводному тексту. Многія мнѣнія автора также не могутъ считаться вѣрными. Но рядомъ съ подобными мнѣніями встрѣчаются и такія (въ особенности тамъ, гдѣ авторъ толкуетъ статьи памятниковъ), которыя, будучи вполнѣ самостоятельны и находясь въ противорѣчій съ мнѣніями нѣкоторыхъ ученыхъ, хорошо обоснованы и могутъ быть даже приняты. Въ виду всего сказаннаго, авторъ этого сочиненія студентъ VIII семестра Иванъ Надежинъ награжденъ серебряною медалью.

Пять слѣдующихъ сочиненій, могутъ быть сведены въ одну группу, такъ какъ и по своему внѣшнему виду, и по своему внутреннему содержанию они имѣютъ много общаго другъ съ другомъ. Изъ нихъ сочиненіе подь девизомъ: „Первая пороша—не санный путь“ (студента VI семестра Михаила Кочукова), хотя и представляетъ изъ себя добросовѣстно составленную работу, авторъ которой старается по возможности исчерпать все, что относится до губныхъ и уставныхъ грамотъ, но лишено сведеннаго текста этихъ послѣднихъ, что является одной изъ существенныхъ частей темы. Сочиненіе (студента VIII семестра Николая Дебольскаго) подь девизомъ: „Яко отъ зла неприложени будутъ, яко казнити на взбраніе злу“ (митр. Іоаннъ), наоборотъ, хотя и обладаетъ сведеннымъ текстомъ, но за то остальные главы, посвященные исторіи, внѣшнему виду и анализу содержания грамотъ изложены очень поверхностно и кратко; кромѣ того, въ сочиненіи не имѣется словаря-указателя и таблицы къ восстановленію первоначальнаго текста грамотъ, вошедшихъ въ сведенный текстъ. Сочиненіе подь девизомъ: „Безъ Бога, не до порога“ (студента VI семестра Леонида Іевреинова), обладаетъ и сведеннымъ текстомъ (хорошо составленнымъ) и таблицей къ нему, а также и словаремъ—предметнымъ и географическимъ, но за то, какъ и предыдущее, далеко не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ темы; глава же, посвященная выясненію значенія грамотъ въ качествѣ источниковъ послѣдующаго законодательства, свидѣлствуетъ, что авторъ даже и не понялъ, что требовалось отъ него для разрѣшенія этого вопроса. Наконецъ, сочиненіе подь девизомъ: „И пылъ вѣковъ отъ хартій отринувъ, правдивыя сказанья перепишетъ“ (студента VI семестра Александра Волкова) и подь девизомъ: „Будешь въ университетѣ—

сонъ свершится на яву и т. д.“ (студента VI семестра Сергѣя Дьяконова) вполне компилятивнаго характера, далеко неисчерпывающія добавокъ всей литературы вопроса. Однако, принимая во вниманіе трудъ, положенный авторами всѣхъ названныхъ сочиненій, а также и нѣкоторыя хорошія стороны послѣднихъ, сочиненія эти признаны достойными почетныхъ отзывовъ.

Для соисканія медалей, на тему „Ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ, въ связи съ его общей философскою теоріей“, предложенную юридическимъ факультетомъ въ 1891 г., представлено девять сочиненій.

„Первое мѣсто по достоинству принадлежитъ труду подъ девизомъ „Смотри въ корень“. По глубокому изученію произведеній Спинозы, широкому знакомству съ литературою предмета, ясному и вполне литературному изложенію, самостоятельности отношенія къ различнымъ вопросамъ, какъ метафизическимъ, такъ и юридическимъ, это сочиненіе стоитъ внѣ всякаго сравненія со всѣми остальными: не только текстъ Спинозы и значительная литература вопроса стали вполне духовною собственностію автора, но и распоряжается онъ всѣмъ этимъ достояніемъ съ полною свободою и замѣчательнымъ искусствомъ. Изъ всѣхъ писавшихъ на предложенную тему, одинъ только авторъ этого изслѣдованія коснулся весьма темнаго, хотя и весьма важнаго вопроса о происхожденіи философіи Спинозы (ближайшій корень системы онъ видитъ въ схоластикѣ). По мнѣнію автора, заслуги Спинозы въ ученіи о правѣ и государствѣ, сравнительно съ трудами современныхъ ему представителей политической литературы, незначительны, такъ какъ основные принципы его философской системы лишали его возможности коснуться вопросовъ, наиболѣе существенныхъ для теоріи права и государства. Отношенія власти и подданныхъ, вопросъ о границахъ государственнаго вѣдѣтельства, предѣлахъ свободы индивидуума и т. п. не могли быть имъ юридически конструированы. Поэтому и въ своихъ идеальныхъ государствахъ Спиноза заботится не о томъ, чтобы опредѣлить права государства и подданныхъ, но о томъ, чтобы сдѣлать фактически невозможнымъ нарушеніе благъ, находящихся въ обладаніи членовъ этихъ государствъ. Указанныя достоинства съ лихвою выкупаютъ незначительныя неточности и поверхностное знакомство автора съ еврейскою средневѣковою философіею. Въ виду этого, авторъ, прослушавшій курсъ по юридическому факультету. Николай Лазаревскій, награжденъ золотою медалью,

Второе сочиненіе, подъ девизомъ „Chi non fa, non falla; e chi non falla, non impara“, не смотря на свой гораздо меньшій объемъ и далеко не такую обширную эрудицію, какъ у только что разсмотрѣннаго, отличается также выдающимися достоинствами. Написанное

отличнымъ языкомъ, сочиненіе это показываетъ основательное знакомство автора съ доктринами Спинозы, правильное ихъ пониманіе и самостоятельное критическое къ нимъ отношеніе. По мнѣнію автора, между политическимъ ученіемъ и этикою, ученіемъ о естественномъ состояніи и коренными положеніями метафизики Спинозы существуютъ несогласимыя противорѣчія. Указавъ далѣе, что отсутствіе у Спинозы точнаго критерія справедливости и несостоятельность юридической теоріи подрываютъ и значеніе его ученія о государствѣ, авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе указаніями на неточность и противорѣчивость ученія Спинозы о формахъ правленія и о свободѣ совѣсти. Хотя авторъ не приводитъ почти литературныхъ указаній, но правильное пониманіе доктринъ Спинозы и самостоятельное отношеніе его къ нимъ предполагаютъ и доказываютъ основательное знакомство съ положеніемъ Спинозовскихъ вопросовъ въ литературѣ. Поэтому хотя сочиненіе и не даетъ совершенной и исчерпывающей разработки ученія Спинозы, но въ виду указанныхъ выше достоинствъ, авторъ изслѣдованія, студентъ юридическаго факультета IV семестра, Владиміръ Вальденбергъ удостоенъ награды серебряною медалью.

Сочиненіе, подъ девизомъ „Труденъ первый шагъ“, отводитъ первое мѣсто разработкѣ философскихъ началъ ученія Спинозы. Языкъ сочиненія весьма опредѣленный, постановка вопросовъ большею частію правильна, хотя и безъ особой самостоятельности. Что касается, однако, изложенія авторомъ ученія Спинозы о правѣ и государствѣ, то выясненіе основныхъ началъ, природы и происхожденія государствъ проведены отчетливо, но юридическая конструкція недостаточна, а выясненіе значенія политическихъ доктринъ Спинозы слабо. Эти недостатки выкупаются, однако, какъ указанными выше достоинствами, такъ знакомствомъ съ литературой, равномерною, внимательною и замѣчательно пропорціональною обработкою всѣхъ частей сочиненія. Въ виду всего указаннаго авторъ этого сочиненія студентъ IV семестра историко-филологическаго факультета Александръ Нечаевъ награжденъ серебряною медалью.

Сочиненіе, подъ девизомъ „Quod potui feci“, написано, главнымъ образомъ, на основаніи изученія текста произведенія Спинозы. Литература пособій довольно незначительна, хотя и утилизирована авторомъ. Главнѣйшія произведенія Спинозы изучены основательно, нельзя сказать, однако, чтобы труднѣйшія изъ проблемъ ученія были разрѣшены вполне удачно. Нельзя не поставить въ заслугу автору того, что онъ старается, хотя и не вполне удовлетворительно, привести ученіе Спинозы въ связь съ историческими отношеніями и современнымъ Спинозѣ государственнымъ устройствомъ Голландіи. Въ виду

указаннаго автору, студенту юридическаго факультета IV семестра Константину Колобневу, присуждена серебряная медаль.

Что касается остальных пяти сочиненій, то они, представляя доказательство знакомства авторовъ съ текстомъ сочиненій Спинозы, по крайности главнѣйшихъ, значительно уступаютъ первымъ четыремъ и въ частности:

Сочиненіе, подѣ девизомъ „Шагъ за шагомъ“, устанавливая во вступленіи связь Спинозы съ Декартомъ („Спиноза есть довершенный Декартъ“), обнаруживаетъ съ первыхъ шаговъ недостаточное проникновеніе въ истинный духъ спинозовскихъ доктринъ. Гораздо лучше исполнена та часть сочиненія, которая посвящена ученію о правѣ и государствѣ. Несмотря на указанные недостатки, въ виду довольно значительнаго труда, положеннаго авторомъ для изученія матеріала и знакомства съ пособіями, а также въ виду недурнаго перевода „Политическаго трактата“ Спинозы на русскій языкъ, автору его, студенту IV семестра, князю Михаилу Оболенскому, присужденъ почетный отзывъ.

Сочиненіе подѣ девизомъ „....Puto me... talia tradidisse, ex quibus multa praeclara, maxime utilia et cognitu necessaria concludi possunt“ написано на основаніи довольно близкаго знакомства съ текстомъ и значительнымъ количествомъ пособій, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Несмотря на многіе недостатки, въ виду удовлетворительнаго исполненія болѣе важной части сочиненія, авторъ его студентъ юридическаго факультета, Ѳаддей Недзвецкій, удостоенъ почетнаго отзыва,

Сочиненіе подѣ девизомъ „Omnia praeclara tam difficilia, quam rara“, распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая, посвященная общимъ философскимъ ученіямъ, обработана удовлетворительно, если и не вполне самостоятельно. Главнѣйшія доктрины Спинозы изложены безъ особыхъ ошибокъ и яснымъ языкомъ. Въ противоположность этому, вторая часть сочиненія, т.-е. ученіе о правѣ и государствѣ, отличается компилятивнымъ характеромъ. Въ виду, однако, основательнаго знакомства съ философскими доктринами Спинозы и литературою вопроса авторъ, студентъ юридическаго факультета, VI семестра, Александръ Лякубъ, удостоенъ почетнаго отзыва.

Сочиненіе подѣ девизомъ „Sequitur ergo id omne optimum esse, quod homo vel civitas agit, quatenus maxime sui juris est“, представляетъ собою добросовѣстное, тщательное, хотя и не особенно глубокое изложеніе существенныхъ доктринъ Спинозы. Знакомство автора съ литературою не особенно обширно, но то, что приведено имъ, понято надлежащимъ образомъ. Не внося ничего новаго, авторъ исполняетъ задачу по общепринятому плану, отводя философскимъ ученіямъ Спинозы, сравнительно, незначительное мѣсто. Отношенія автора къ

Спиновѣ и литературѣ предмета далеко не самостоятельны, терминологія и языкъ могли бы быть болѣе опредѣленными. Однако эти недостатки съ избыткомъ выкупаются внимательнымъ изученіемъ текста, послѣдовательностію изложенія и равномерностію обработки всѣхъ частей сочиненія. Въ виду всего указаннаго, авторъ этого сочиненія, студентъ юридическаго факультета IV семестра, Августъ Келеръ, удостоенъ почетнаго отзыва.

Сочиненіе, подъ девизомъ:

„Великій вѣчный міръ не знаетъ тѣни,
Смерть переходящаго свободна и легка,
Какъ грезы свѣтлыя проносятся мгновеня,
Вслѣдъ за вѣками слѣдуютъ вѣка“,

Въ виду удовлетворительной разработки значительной части предложенной темы, автору этого сочиненія, студенту юридическаго факультета IV семестра, Александру Миронову, присужденъ почетный отзывъ.

На факультетъ восточныхъ языковъ на тему по китайской словесности: „Историко-географическое описаніе юго-восточной Монголіи по сочиненію „Манъ-гу-ю-му-цзи“ поступило четыре сочиненія, изъ коихъ два удостоено золотыхъ медалей (студ. VI сем. Марцеллій Коносевичъ и Дмитрій Позднѣвъ и два—серебряныхъ (студ. VI сем. Михаилъ Батшевъ и Зиновій Полчновскій).

Для соисканія наградъ медалями въ 1893 году предлагаются студентамъ и слушателямъ университета слѣдующія историческія темы: По историко-филологическому факультету: *По русской словесности*: Повѣсти Карамзина, въ связи съ жизнью автора и съ главными явленіями западно-европейской сентиментальной литературы (на 2 года).

II. По *славянской филологіи*: Представить съ краткимъ жизнеописаніемъ и общимъ обзоромъ произведеній Амоса Коменскаго историко-критическій разборъ или Лабиринта Свѣта или Дидактики и Школы Материнской, съ приложеніемъ точнаго и литературнаго перевода съ чешскаго языка того или другаго изъ этихъ сочиненій Коменскаго (на 1 годъ).

III. По *русской исторіи*: „Царственная книга“, ея составъ и происхождение (на 1 годъ).

IV. По *классической филологіи*: Исторія и церемоніаль римскихъ *ludi saeculares* по литературнымъ и эпиграфическимъ памятникамъ (на 1 годъ).

V. По *теоріи и исторіи искусства*: Литургическіе труды патріарха Софронія.

VI. По *всеобщей исторіи*: Сочиненіе Мирабо „De la Monarchie prussienne“ (на 2 года).

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *исторіи востока*: Историческій очеркъ Уйгуровъ. II. По *османской словесности*: Историческія черты и легендарныя свойства эпического сказанія о султанѣ Сары-Салтыкѣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1891 г.

Пользуясь данными отчета московскаго университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1892 г., приводимъ слѣдующія свѣдѣнія по этому предмету. Между учеными трудами членовъ университета отмѣтимъ слѣдующіе: 1) По историко-филологическому факультету: Заслуженный профессоръ Герье прочиталъ въ Политехническомъ Музеѣ 10 публичныхъ лекцій по исторіи XVIII в., и напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью о „Средневѣковомъ міровоззрѣніи“ (янв.-апрѣль). Ординарные профессора: Иванцовъ-Платоновъ подготовлялъ матеріалы для изслѣдованія о патриархѣ Фотіѣ. Стороженко прочиталъ въ Политехническомъ Музеѣ 10 публичныхъ лекцій по „Исторіи романа“ и напечаталъ слѣдующія статьи: „Женскіе типы, созданные Лермонтовымъ“ („Русск. Вѣдомости“ 16 апрѣля), „Прототипы Фальстафа“ („Артистъ“—сентябрь), „Возникновеніе реального романа“ (Сѣверный Вѣстникъ—декабрь) и „Юношеская любовь Гёте“ (въ сборникѣ—„Помощь Голодающимъ“). Цвѣтаевъ напечаталъ: 1) II-й томъ „Учебнаго Атласа античнаго ваянія“, 2) въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ ст. о книгѣ Благовѣщенскаго „Винкельманъ и позднія эпохи греческаго искусства“, 3) въ „Филологическомъ Обзорѣніи“ ст. „О нѣкоторыхъ ученіяхъ въ исторіи античнаго искусства“; дѣлалъ три доклада въ Моск. Археологическомъ Обществѣ подъ заглавіемъ: „Изъ путешествія по Греціи въ 1889 г.“, которые должны быть напечатаны въ „Трудахъ“ Общества. Ключевскій въ „Русской Мысли“ (январь 1891 г.) напечаталъ продолженіе статьи „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“; въ Политехническомъ Музеѣ прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по исторіи Россіи XVIII в. Гротъ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ напечаталъ статьи: Введеніе въ исторію новой философіи, Бэконъ и Гоббесъ, Декартъ и Мальбраншъ, Спиноза; въ Политехническомъ Музеѣ прочиталъ 10 публичныхъ лекцій по исторіи новой философіи (XVII и XVIII вѣка). Миллеръ напечаталъ въ журналѣ „Русская Мысль“ 8 Экскурсовъ въ область русскаго эпоса; въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ рецензію книгъ В. Латышева.—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti

Fuxini vol. II (кн. VІІІ), Сумцова—„Культурныя переживанія“ (тамъ же), Э. Вольтера—Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. (кн. ІХ), И. Смирнова—Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. Виноградовъ напечаталъ въ изданіяхъ оксфордскаго университета сочиненіе подъ заглавіемъ „Villainage in England“; редактировалъ переводъ сочиненія Дайси—„Основы государственнаго права Англіи“—и составилъ къ нему предисловіе и примѣчанія, читалъ въ Оксфордѣ Ильчестерскій курсъ „о славянофильствѣ и западныхъ идеяхъ въ Россіи“ (Slavophilism and Western Ideas in Russian Culture); читалъ въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства“ и началъ чтеніе публичнаго курса о „Политическихъ ученіяхъ въ Греціи“. Экстраординарные профессора: Шварцъ напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ [Σενοφώντας] Ἀθηναίων πολιτεία: О государствѣ Аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка; напечаталъ разборъ книги г. Благовѣщенскаго, Винкельманъ и позднія эпохи греч. скульптуры въ „Филологическомъ Обзорѣніи“. Соколовъ напечаталъ: открытое имъ сочиненіе Юрія Крижанича „Толкованіе историческихъ пророчествъ“, и изслѣдованіе объ этомъ сочиненіи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (и отдѣльно: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ выпускъ ІІ). Приватъ-доценты: Веселовскій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью „Мертвыя души, глава изъ этюда о Гоголѣ“, произнесъ рѣчь о „Демонѣ“ Лермонтова, прочелъ десять публичныхъ лекцій о новой русской литературѣ и участвовалъ въ энциклопед. словарѣ Брокгауза. Милюковъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. печаталъ изслѣдованіе о „государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго“. По порученію Академіи Наукъ, составилъ рецензію на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго (печатается въ XXXІІІ присужденіи Уваровскихъ наградъ). Въ англ. журн. Athenaeum напечаталъ годичный литературно-научный обзоръ. Въ „Русской Мысли“ напечаталъ статью „С. Т. Аксаковъ“. Безобразовъ напечаталъ: 1) О сношеніяхъ Россіи съ Франціей („Русское Обзорѣніе“ № 1—6, 8—12). 2) Очерки средневѣковой жизни („Наблюдатель“ № 3—7). 3) Рецензію на книгу Мабиллиса (Журн. Мин. Нар. Просв. № 11). 4) Біографическіе очерки Карамзина и С. М. Соловьева (Дѣтскій Отдыхъ № 5 и 6). 5) Историческую повѣсть „Императоръ Михаилъ“ („Русская Мысль“ № 3—5). Корелинъ печаталъ диссертацию объ итальянскомъ гуманизмѣ. Князь Трубецкой напечаталъ: Метафизика въ древней Греціи („Вопросы философіи и психологіи“). Апфельротъ издавалъ и редактировалъ (вмѣстѣ съ А. Адольфомъ) журналъ „Филологическое Обзорѣніе“ и напечаталъ въ журналѣ „Гим-

назіа" (кн. VII) статью: „Изображенія божествъ въ древней Греціи“, „*Aristophaneae capita selecta*“. Астафьевъ напечаталъ: брошюру „Изъ итоговъ вѣка“, съ приложеніемъ писемъ „Еврейство и Россія“, радъ статей въ „Русской жизни“, подъ общимъ заглавіемъ „Буржуазія и Россія“. Александровъ напечаталъ: 1) Памяти М. Ю. Лермонтова („Московск. Вѣдомости“, 1891 г., № 193). 2) Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго (рецензія)—(„Москов. Вѣдом.“ 1891 г., № 209). 3) О значеніи народности въ литературѣ (вступительная лекція)—(„Московск. Вѣд.“ 1891 г., № 278). 4) Иеросхимонахъ Амвросій—(Московск. Вѣдом.“ 1891 г., № 285). 5) К. Н. Леонтьевъ (біографическія свѣдѣнія)—(„Московск. Иллюстр. Газета“ 1891 г., № 311). Випперъ помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ (августъ) статью „Государственныя идеи Штейна“ (пробная лекція въ Моск. Универс.); участвовалъ въ журналѣ Русская Школа и въ Историч. Обзорѣніи, изд. Карѣевымъ. По юридическому факультету: Заслуженный профессоръ Павловъ 1) напечаталъ въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ и отдѣльною брошюрой статью подъ заглавіемъ: „по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права“; 2) началъ печатать въ томъ же журналѣ и въ томъ же видѣ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“. Ординарные профессора: Янжулъ читалъ въ Обществѣ этнографіи докладъ „Экономическое значеніе времени и пространства“ и напечаталъ его въ „Вѣстникѣ Европы“; прочелъ публичную лекцію въ пользу голодающихъ „Сосѣдскія братства“; редактировалъ переводъ „Исторіи политической экономіи Ингрема“ и выпустилъ его въ свѣтъ. Чупровъ читалъ въ Политехническомъ Музеѣ курсъ изъ 10 публичныхъ лекцій о господствующихъ направленіяхъ въ экономической литературѣ XIX вѣка. Боголѣповъ издалъ для своихъ слушателей 3-й и 4-й выпускъ „Пособія къ лекціямъ по Исторіи Римскаго права“. Графъ Камаровскій сдѣлалъ сообщенія въ Юридическомъ Обществѣ: „Къ вопросу о современныхъ вооруженіяхъ“ (напечатано въ Русской Мысли) и „Международный третейскій судъ въ Америкѣ“ (напечатано въ Юридическомъ Вѣстникѣ); помѣстилъ въ Русской Мысли статью „Властолюбивые замыслы С. Штатовъ въ области экономической политики“ и приступилъ къ обработкѣ для печати своего курса. Приватъ-доценты: Пусторослевъ напечаталъ статью въ Юридическомъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ покровительства освобожденнымъ изъ заключенія.“ Филипповъ напечаталъ изслѣдованіе: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою“. Гусаковъ печаталъ въ университетскихъ извѣ-

стіяхъ „Источники обязательственнаго права древняго Рима“— Подъ рубрикой „стипендіаты“ въ числѣ оставленныхъ при университетѣ значатся: окончившіе испытаніе въ испытательныхъ комиссіяхъ съ дипломами первой степени: Богословскій—по кафедрѣ русской исторіи, Ярошевскій—по кафедрѣ греческой словесности,—съ содержаніемъ; окончившіе испытанія въ испытательныхъ комиссіяхъ съ дипломами первой степени: Каллашъ—по кафедрѣ русскаго языка и словесности, Чичаговъ—по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, Флеровъ и Семеновъ—по кафедрѣ классической филологіи, Мсеріанцъ—по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, Покровскій—по кафедрѣ русской исторіи,—безъ содержанія.

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ отчета между прочимъ читаемъ: Въ семинаріи по новой исторіи, у засл. пр. В. И. Герье, въ осеннее полугодіе, студенты для работъ были распределены на двѣ группы, сообразно съ знаніемъ или незнаніемъ иностранныхъ языковъ, умѣніемъ пользоваться пособиями на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Студенты первой группы писали и разбирали рефераты по исторіи Папства на основаніи книги Ранке о Папахъ въ русскомъ переводѣ; студенты второй группы писали и разбирали рефераты на слѣдующія темы: 1) причина раздора между Карломъ I и парламентомъ, 2) столкновенія между долгимъ парламентомъ и арміей и 3) политическая роль Мирабо по преніямъ въ національномъ собраніи. Въ семинаріи по древней исторіи у ор. проф. П. Г. Виноградова, студенты VII семестра историческаго отдѣленія занимались разборомъ исторической части сочиненія Аристотеля *Ἀθῆναιων πολιτεία*. Въ семинаріи по русской исторіи, у ор. проф. В. О. Ключевского, въ весеннее полугодіе занятія состояли въ обзорѣ основныхъ источниковъ русской исторіи: лѣтописей, хронографовъ и пр., съ подробнымъ разборомъ отдѣльныхъ памятниковъ, по которымъ составлялись рефераты, а въ осеннее полугодіе—въ обзорѣ русской исторіографіи XVII и XVIII столѣтій, причемъ также составлялись рефераты объ отдѣльныхъ произведеніяхъ.

Испытанія на ученныя степени и званія. На основаніи Устава въ факультетскихъ собраніяхъ производились установленныя испытанія лицъ, желающихъ получить ученныя степени и званія и, по удостоенію факультетовъ, утверждены университетскимъ совѣтомъ между другими:

Въ степени доктора—магистры: Томсонъ и Ульяновъ—сравнительнаго языковѣдѣнія, и Лопатинъ—философіи.

Въ степени магистра—кандидаты: Филипповъ и Александренко—государственнаго права. Означенныя лица напечатали и публично защищали диссертациі: Томсонъ—*Историческая грамматика современ-*

наго армянскаго языка города Тифлиса, Ульяновъ—Значеніе глагольных основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, Лопатинъ—Законъ причинной связи какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности, Филипповъ—О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою, Александренко—Англійскій тайный совѣтъ и его исторія.

Въ томъ же отчетѣ помѣщены и слѣдующія свѣдѣнія о состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществахъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Въ 1891 году составъ должностныхъ лицъ общества былъ тотъ же, что и въ 1890 году: предсѣдательствующій Ю. Д. Филимоновъ, секретарь Е. В. Барсовъ, казначей С. А. Бѣлокуровъ и библіотекарь Ю. Д. Филимоновъ. Всѣхъ засѣданій Общества было шесть, изъ коихъ одно торжественное годовое (18 марта). Кромѣ рѣшенія тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались въ Общество различные лица и учрежденія, на засѣданіяхъ обсуждались и дѣла, относящіеся къ изданію „Чтеній“ Общества, въ чемъ главнымъ образомъ состояла ученая дѣятельность Общества. Въ этомъ году было издано четыре тома „Чтеній“, книги 155, 156, 157 и 158. Въ нихъ были напечатаны: 1) Въ отдѣлѣ „Исслѣдованій“: а) трудъ дѣйств. члена С. А. Бѣлокурова объ извѣстномъ паломникѣ по востоку въ XVII вѣкѣ Арсеніи Сухановѣ, содержащій его біографію (ч. I); б) его же „О мнимой библіографической рѣдкости XVII в.“; в) К. И. Якубова „Русскія рукописи стооголмискаго государств. архива“; г) А. Чумакова „Осада Ревеля герцогомъ Магнусомъ, королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана IV“; д) Д. И. Сапожникова „Самосожженіе въ русскомъ расколѣ“; е) архимандрита Леонида „Свѣдѣнія о славянскихъ и русскихъ переводахъ патериковъ различныхъ наименованій и обзоръ редакцій оныхъ“; ж) І. А. „Христорожденственская церковь въ Сергіевомъ посадѣ“.

2) Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ“: а) матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи, собранные К. П. Побѣдовосцевымъ; б) двѣ сказки Вл. Атласова объ открытіи Камчатки, сообщенныя Н. Н. Оглоблинымъ; в) іерусалимскій патріархъ Досіеѣй въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Сообщилъ Н. Θ. Каптеревъ.

3) Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историко-литературныхъ“: а) напечатаны 5 сочиненій Юрія Крыжанича: „Půtno opísanie ot Lewówa do Moskwi“, „Besida ko Czirkásom wo osobi Czircása upísana“, „Usmotrenie o Carskom Weliczestwo“ „Обясненје виводно о писмѣ словѣнскомъ“ и „Толкованье историческихъ пророчествъ“. Означенныя сочиненія печатались подъ наблюденіемъ проф. М. И. Соколова,

В. И. Колосова и В. Н. Шепина; б) описаніе рукописей тверскаго музея, составленное М. И. Сперанскимъ; в) свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ св. землю русскаго игумена Даниїла въ началѣ XII в. Трудъ Н. В. Рузскаго; г) рукописи сербскаго письма XIII—XVIII вв. находящіяся въ библіотекахъ московской губерніи архим. Леонида и д) библіотека російская епископа Дамаскина (Руднева).

4) въ отдѣлѣ „Матеріаловъ иностранныхъ“: а) начало русскаго государства. Три чтенія Dr. Томсена въ переводѣ Н. И. Аммона; б) Беригардъ Шаньеръ, Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго съ примѣчаніями и приложеніями И. М. Ивакина и в) лѣтопись византійца Теофана, въ переводѣ (1846 г.) проф. В. И. Оболенскаго.

5) Въ отдѣлѣ „Смѣси“ помѣщены четыре небольшихъ сообщенія. Въ засѣданіяхъ общества были также прочитаны рефераты: а) дѣйств. чл. С. А. Бѣлокуровымъ „О мнимои библиографической рѣдкости XVII в.“ и б) членомъ соревнователемъ В. Н. Щепкинымъ „о глаголическихъ отрывкахъ въ Вѣнѣ, найденныхъ проф. В. И. Ягичемъ“.

Общество Любителей Россійской Словесности. Въ мартѣ 1891 года были произведены выборы въ предсѣдатели Общества. Закрытою баллотировкою оказался избраннымъ вновь на три года академикъ Н. С. Тихонравовъ. За отказомъ отъ должности секретаря Общества, Д. Д. Языкова, въ секретари избранъ А. И. Станкевичъ. Въ томъ же засѣданіи единогласно былъ избранъ снова на три года прежній казначей А. Е. Носъ и избраны временнымъ предсѣдателемъ—проф. Н. И. Стороженко, а членами приговорительнаго комитета—проф. А. Н. Неселовскій и Л. И. Поливановъ. Въ концѣ года (въ ноябрѣ) былъ избранъ временнымъ секретаремъ Общества новый членъ В. И. Шепрокъ.

Общество имѣло въ 1891 году 6 очередныхъ засѣданій, на которыхъ обсуждались текущія дѣла Общества, и 2 публичныхъ, изъ коихъ одно было посвящено исключительно чествованію памяти поэта М. Ю. Лермонтова. Въ публичныхъ засѣданіяхъ было прочтено 9 рефератовъ г. предсѣдателемъ Общества, и гг. членами: Л. Ф. Маклаковой, А. Н. Веселовскимъ, И. И. Ивановымъ, Г. А. Мачтетомъ, Н. И. Стороженко и В. А. Крыловымъ. Кромѣ того Общество издало „Сборникъ на 1891 годъ“—громадный томъ болѣе чѣмъ въ 40 печатныхъ листовъ 8°, заключающій въ себѣ массу новаго, интереснаго историко-литературнаго матеріала, равно какъ и беллетристическія произведенія гг. членовъ Общества въ стихахъ и въ прозѣ.

Психологическое Общество. Совѣтъ Общества за истекшій годъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя Н. Я. Грота, товарища

предсѣдателя Н. А. Звѣрева, кандидата къ нему Л. М. Лопатина, секретаря Н. А. Иванцова, товарища секретаря Н. Я. Колубовскаго, казначея Н. А. Абрикосова, кандидата его С. Е. Корсакова, библиотечкаря и постоянного редактора Трудовъ Общества В. П. Преображенскаго. Въ настоящее время Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 142 дѣйствительныхъ (считая въ томъ числѣ и членовъ-учредителей), 34 членовъ соревнователей и 6 членовъ корреспондентовъ. Дѣятельность Общества выражалась главнымъ образомъ въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ въ засѣданіяхъ; всѣхъ засѣданій было въ отчетномъ году 15, въ которыхъ были доложены и обсуждены между иными слѣдующіе рефераты: П. А. Каленова „Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ чувствѣ“. В. А. Гольцева „Идеалы и дѣйствительность“. Вл. С. Соловьева „Идеалы и идолы“. П. Е. Астафьева „О цѣнности жизни“. К. Н. Венцеля „Мораль жизни и свободного идеала“. К. Н. Венцеля „Критика этического ученія Гюйо“. Н. А. Иванцова „Т. Г. Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія“. Вл. С. Соловьева „О причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія“. П. Е. Астафьева „О безусловномъ критеріи нравственности“. В. А. Гольцева „Идея справедливости въ трудахъ французскихъ мыслителей XIX вѣка“.

Общество приступило къ печатанію V-го выпуска своихъ Трудовъ, который должна составить Этика Спинозы въ переводѣ Н. А. Иванцова.

Независимо отъ сего при участіи Общества продолжалось изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи“ подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. За истекшій II-й годъ изданія платныхъ подписчиковъ было 1460 (изъ нихъ 525 подписчиковъ получали журналъ по удешевленной цѣнѣ), бесплатныхъ—133, всего—1593. Число печатныхъ листовъ доходить до 100¹/₄ (въ первый годъ было только 90). Въ журналѣ принимали участіе за истекшій годъ 45 сотрудниковъ, изъ которыхъ 22 стали принимать участіе только съ этого года.

Московское Юридическое Общество. Въ 1891 году бюро Общества состояло изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарища предсѣдателя В. А. Гольцева, секретаря Н. Н. Ршондковскаго, товарища секретаря А. Н. Маркова, казначея В. В. Сиротинина и библиотечкаря А. Ф. Акулова. Органъ Общества „Юридическій Вѣстникъ“ издавался по прежнему подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго. Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществѣ между иными слѣдующіе рефераты: В. А. Гольцевымъ „О книгѣ Летурно: „L'évolution juridique“. Имъ же „Судъ и печать послѣ 20 ноября 1864 года“. Д. А. Дрилемъ „Какъ иногда развивается преступность“. Гр. Л. А. Камаровскимъ „Вопросъ о международномъ

третьейскомъ судѣ въ Америкѣ“. С. И. Викторскимъ „Гласный уголовный судъ въ современной Россіи“.

Бюро статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря С. М. Блеклова и товарища секретаря А. Н. Миклашевскаго.

Въ отдѣленіи были доложены слѣдующіе рефераты:

В. Н. Григорьевымъ „Перепись г. С.-Петербурга 15 декабря 1890 года“. Н. Н. Черненковымъ „Переходы земель при четвертномъ владѣніи“. И. И. Янжуломъ „О новомъ законодательствѣ для защиты рабочихъ въ Финляндіи“. А. Д. Соколовымъ „Подворное владѣніе въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи“. С. М. Блекловымъ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи“. Н. М. Астыревымъ „Къ вопросу о сервитутныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западномъ краѣ въ настоящее время“. И. В. Веретенниковымъ „О вліяніи различій въ размѣщеніи частнаго и крестьянскаго землевладѣнія на хозяйственный бытъ“.

Историческая наука въ Кіевскомъ университетѣ.

Заемствуемъ изъ отчета о состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1891 г. (Кіев. Унив. Извѣстія, 92, февр.) слѣдующія данныя.

Изъ перечисленныхъ ученыхъ трудовъ отмѣтимъ слѣдующіе. По историко-филологическому факультету: ординарнаго профессора Т. Д. Флоринскаго: 1) Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго письма, 2) „Памяти Миклошича“ и 3) „Обзоръ новыхъ книгъ по славяновѣдѣнію“.—Ординарнаго профессора В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“ въ 2-хъ томахъ и „Губернскія ученые архивныя комиссіи“.—Ординарнаго профессора И. В. Лучицкаго: 1) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ Даніи съ XVI по XVIII в.“ („Сѣв. Вѣст., декабрь, 1890 г.), 2) Сорольдъ Роджерсъ „Юрид. Вѣст. мартъ, 1891 г.) и 3) „Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи“ (Сѣв. Вѣст., іюль—сентябрь, 1891).—Ординарнаго профессора Ю. А. Кулаковскаго: изслѣдованіе: „Керченская христіанская катакомба 491 года (6 вып. Матеріаловъ Арх. Ком.), статьи: Древнія надписи Черноморскаго побережья“ (Ж. М. Н. П.) и „Конецъ язычества“ (Кіев. Унив. Изв.).—Ординарнаго профессора Н. П. Дашкевича: „Описаніе Черноморья“, составленное Эмиддіемъ д'Асколи въ 1634 г., и статья объ этомъ памятникѣ (V кн. „Чтен. Истор. Общ.“). — Ординарнаго профес-

сора П. В. Владимірова: „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя“ (рѣчь, произнесенная въ торжеств. собр. унив. 16 янв. 1891 г.).—Ординарнаго профессора І. А. Леціуса: „О значеніи слова *satura* въ исторіи римской литературы“ (Филол. Обзор).—И. д. экстраординарнаго профессора Голубева: 1) „Матеріалы для исторіи южно-русской церкви“ (вып. I), 2) „Кіево-могилянская коллегія при жизни своего фундатора кіевского митрополита П. Могилы“. („Труд. Кіевск. Дух. Акад.“ за 1891 г.).—Приватъ-доцента П. В. Голубовскаго: „Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ“ (Журн. „Кіевская Старина“, октябрь, 1891).

По юридическому факультету: заслуженный ординарный профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій, по порученію Имп. Спб. Акад. Наукъ, составилъ: „Разборъ сочиненія сенатора Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“ („Зап. Имп. Акад. Наукъ“). Ординарнаго профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Населеніе Юго-Западной Россіи“ („Архив. Юго-Зап. Россіи“ ч. VII, т. II).—Ординарнаго профессора Л. С. Бѣлогриць-Котларевскаго: 1) „Творческая сила обычая къ уголовномъ правѣ“ („Юрид. Вѣст.“ 1891 г., № 2).

При Университетѣ св. Владиміра состоятъ между прочимъ ученыя общества: 1) Историческое Нестора лѣтописца. Въ минувшемъ году общество имѣло 12 засѣданій; изъ нихъ 11 очередныхъ, и одно торжественное, годовое. Во всѣхъ засѣданіяхъ было сдѣлано 30 докладовъ. Кромѣ разработки историческихъ вопросовъ, дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась въ изданіи V-й книги своихъ „Чтеній“ и приготовленіи къ печати VI-й. Въ личномъ составѣ общества произошли слѣдующія перемѣны: изъ бывшихъ къ началу 1891 г. 21 почетнаго и 97 дѣйствительныхъ членовъ въ теченіе года выбыло за смертію два почетныхъ и одинъ дѣйствительный. Вновь избрано 10 дѣйствительныхъ. Въ почетные члены возведенъ предсѣдатель общества, профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Такимъ образомъ, къ началу 1892 г. Общество Нестора Лѣтописца состоитъ изъ 20 почетныхъ и 105 дѣйствительныхъ членовъ.

Кіевское юридическое Общество. Къ 1 января 1892 г. имѣло: 3 почетныхъ, 203 дѣйствительныхъ члена и 12 по отдѣленію обычнаго права. Предсѣдателемъ Общества состоялъ заслуженный профессоръ В. Г. Демченко. Изъ рефератовъ, выслушанныхъ въ истекшемъ году въ собраніяхъ Общества, особенно слѣдуетъ отмѣтить: А. С. Гольденвейзера „О социальныхъ теченіяхъ и реформахъ XIX столѣтія въ Англіи“ и В. Г. Демченко: „О задачахъ кодификаціи у насъ относительно договора найма имущества“.

По юридическому факультету. На тему: „уголовное право Ли-

товскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовного права вообще", представлено три сочиненія. Первое изъ нихъ принадлежитъ студенту Іоакиму Малиновскому. Второе представлено студентомъ Николаемъ Максименко. Третье сочиненіе представлено окончившимъ юридическій факультетъ съ дипломомъ І-й ст. Григоріемъ Денченко. Юридическій факультетъ удостоилъ гг. Малиновскаго, Максименко и Денченка—награды золотыми медалями.

Для соисканія награды медали въ 1892 году предложены факультетамъ слѣдующія темы: Историко-филологическія: 1) По русской исторіи: „Сильвестръ Медвѣдевъ“. 2) По всеобщей исторіи: „Полемика во второй половинѣ XI вѣка по вопросу объ отношеніи папской власти къ императорской“. 3) По исторіи западно-европейскихъ литературъ: „Сказочный типъ дурачка“. 4) По русской словесности: „Антоній Радзивилловскій, игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря, и его сочиненія“. Юридическія: По церковному праву: „Св. Правительствующій Синодъ при Петрѣ Великомъ, его организція и дѣятельность“.

Диспуты.

— 17 ноября 1891 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ докторскій диспутъ и. д. э. о. проф. философіи въ Кіевскомъ университетѣ А. Н. Гилярова, представившаго въ историко-филологическій факультетъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Ч. I. (Методология и свидѣтельства о философахъ)“.

Вмѣсто отчета о диспутѣ приводимъ официальный факультетскій отзывъ о книгѣ г. Гилярова, составленный проф. философіи въ Спб. унив. А. И. Введенскимъ къ „Протоколамъ засѣданій совѣта Имп. Спб. Унив.“ (№ 45).

Разсматриваемое сочиненіе г. Гилярова составляетъ только первую часть предпринятаго имъ изслѣдованія, и въ ней онъ ограничивается лишь разборомъ свидѣтельствъ Платона объ упомянутыхъ имъ философахъ кромѣ софистовъ; задача же этой части сводится къ тому, чтобы установить общую точку зрѣнія на значеніе свидѣтельствъ Платона, дабы впослѣдствіи приступить при ея помощи къ оцѣнкѣ его свидѣтельствъ о софистахъ. Все сочиненіе распадается на 4 главы. Въ двухъ первыхъ характеризуется исторія и современное положеніе изслѣдуемаго вопроса, а также и современное положеніе вопроса о подлинности діалоговъ Платона. Въ 3-й гл. авторъ старается опредѣлить цѣли, которыя преслѣдовалъ Платонъ при составленіи діало-

говъ, и выяснитъ тѣ правила, которыя послѣдній считалъ нужнымъ соблюдать для наилучшаго достиженія своихъ цѣлей. При этомъ г. Гиляровъ приходитъ къ такимъ главнымъ выводамъ: „Платонъ сознательно не могъ извращать истину ни по одному изъ приписываемыхъ ему древними и новыми критиками побужденій“ (стр. 81); главная же цѣль его сочиненій удовлетворить личной потребности философскаго творчества, такъ что „спрашивать, зачѣмъ Платонъ написалъ тотъ или другой діалогъ, неумѣстно“ (стр. 72); онъ писалъ и не для напominанія слушателямъ объ устныхъ урокахъ и не для полемики, которая отсутствуетъ въ его сочиненіяхъ, замѣняясь критической діалектикой (стр. 73 и 74), а ради творчества. 4-ю главу авторъ назначилъ для рѣшенія вопроса, не искажаетъ ли Платонъ истину безсознательно, и для этого предпринялъ въ ней систематическій сводъ и пересмотръ его свидѣтельствъ обо всѣхъ философахъ, кромѣ софистовъ. Главнѣйшіе же выводы этой главы сводятся къ тому, что у Платона вообще фактическія свѣдѣнія о философахъ, а также и ихъ характеристики вполне соотвѣтствуютъ исторической истинѣ (стр. 357) и что какъ свидѣтель въ области исторіи философіи Платонъ во всякомъ случаѣ не ниже Аристотеля (стр. 358).

Выводы автора не исправляютъ тѣхъ или другихъ частныхъ въ господствующихъ среди историковъ философіи взглядахъ по изслѣдуемому г. Гиляровымъ вопросу и не пополняютъ ихъ, а почти сплошь упраздняютъ ихъ. Поэтому при оцѣнкѣ его работы приходится обращать вниманіе почти исключительно на то, сколь прочно обосновалъ онъ свои выводы.

Но въ его сочиненіи есть недостатки, которые дѣлаютъ многіе изъ его доводовъ неубѣдительными. Прежде всего кидается въ глаза то невниманіе, съ которымъ отнесся авторъ къ вопросу о подлинности діалоговъ. Онъ не только не выдѣляетъ выводовъ изъ спорныхъ діалоговъ въ особую группу, такъ чтобы всегда было ясно, подъ какимъ условіемъ имѣетъ мѣсто тотъ или другой выводъ, но и не заботится о томъ, чтобы пользоваться только такими діалогами, нападенія на подлинность которыхъ были бы у него отражены солидными аргументами. Напротивъ, характеризуя во 2-й главѣ вопросъ о подлинности, какъ неразрѣшенный и даже неразрѣшимый при употреблявшихся до сей поры методахъ, авторъ прямо рекомендуетъ пользоваться пока всѣми діалогами (стр. 42), и не задумывается, при всякомъ ли вопросѣ будетъ пригоденъ подобный приѣмъ и насколько онъ позволителенъ въ его собственномъ изслѣдованіи. Къ тому же, хотя г. Гиляровъ и оговаривается здѣсь, что не слѣдуетъ строить рѣшительныхъ выводовъ на основаніи наиболѣе подозрительныхъ діалоговъ, но онъ нигдѣ не указываетъ, какіе онъ счи-

тасть за наиболѣе подозрительные, и вездѣ пользуется всѣми одинаково; а среди упоминаемыхъ имъ діалоговъ находятся не только Софистъ, Политикъ, Парменидъ, но и Менексенъ, оба Гиппіа и т. д. Только однажды, именно по поводу Парменида, вспоминаетъ онъ о необходимости свести счеты съ нападеніями на подлинность употребляемыхъ имъ діалоговъ; но при этомъ онъ самымъ поверхностнымъ образомъ раздѣлался съ Ибервегомъ, рассматривая изъ всѣхъ доводовъ послѣдняго противъ подлинности Парменида только одинъ, и притомъ такой, который самъ Ибервегъ приводитъ между прочимъ и настаивать на которомъ онъ не считаетъ возможнымъ (стр. 354). И тутъ же г. Гиляровъ высказался, что не видитъ надобности рассматривать всѣ доказательства, приводимыя противъ подлинности Софиста, Филеба и Парменида, такъ какъ они исходятъ изъ такихъ принциповъ, которые еще не поставлены внѣ сомнѣнія.

Другую причину неубѣдительности доводовъ автора составляетъ способъ обработки 3-й главы, которая образуетъ какъ бы центръ тяжести всѣхъ доказательствъ автора, ибо 4-я глава не служитъ и не предназначается имъ для того, чтобы служить фактической повѣркой выводовъ 3-й: объ этомъ онъ и самъ ясно высказывается, говоря, что 4-я глава должна дать только отвѣтъ на вопросъ, не искажалъ ли Платонъ истину *безсознательно* (стр. 31 и 81); это видно и изъ того, что тѣ сомнѣнія, которыя у него возникаютъ при разборѣ свидѣтельствъ Платона, часто рѣшаются въ его пользу на основаніи выводовъ 3-й гл. (напр. стр. 94, 95, 295). А въ 3-й гл. всѣ выводы (въ томъ числѣ и тѣ, что Платонъ не имѣлъ никакихъ мотивовъ для сознательнаго искаженія истины и что его сочиненія чужды полемики и не назначались для напоминанія объ устныхъ урокахъ) получаются исключительно путемъ рассмотрѣнія діалоговъ безъ всякой повѣрки другими источниками: не считать же за подобную повѣрку, если у автора сорвалось однажды такое голословное утвержденіе, будто бы „то, что мы знаемъ о характерѣ устныхъ бесѣдъ Платона, *совсѣмъ не походитъ на содержаніе* діалоговъ“ (стр. 73). Такимъ образомъ выводы этой главы оправдываются только тѣмъ впечатлѣніемъ, которое авторъ выноситъ изъ чтенія Платона. Для читателей же г. Гилярова это впечатлѣніе остается по слѣдующимъ причинамъ ничѣмъ не мотивированнымъ. 1) Авторъ начинаетъ съ изложенія извѣстнаго мѣста въ Федрѣ, гдѣ говорится о сравнительномъ достоинствѣ устной и письменной рѣчи, и утверждаетъ, будто бы одно этого мѣста уже достаточно, чтобы убѣдиться въ отсутствіи у Платона стремленій къ обличительной проповѣди, полемикѣ и всякимъ сознательнымъ побужденіямъ искажать истину, такъ что надо только провѣрить, всегда ли онъ оставался вѣренъ высказанному здѣ

взгляду (стр. 45), чему авторъ и посвящаетъ остальную часть главы. А какъ именно въ разсматриваемаго мѣста можно вывести это, не говорится. 2) Вся остальная часть главы составлена изъ нагроможденных другъ на друга цитатъ или перефразовъ, отдѣльно выхваченныхъ мѣстъ изъ діалоговъ, связываемыхъ между собой часто внѣшнимъ образомъ, а потомъ слѣдуетъ перечень выводовъ, которые по словамъ автора можно сдѣлать изъ сопоставленія того, что находится передъ ними (стр. 72). Но самого сопоставленія онъ не производитъ и тѣхъ положеній, которыя надо для полученія вывода добавить къ цитатамъ, какъ вспомогательныя послышки, не указываетъ. Приводя же ту или другую цитату, авторъ никогда не задумывается, пригодна ли она по своей связи съ текстомъ діалога для того, чтобы служить доказательствомъ его выводовъ, и не обращаетъ вниманія, кѣмъ и при какихъ условіяхъ высказаны приводимыя имъ слова. Отъ этого выходитъ, напримѣръ, что даже ироническія слова Сократа, въ которыхъ послѣдній признаетъ Калликла расположеннымъ къ нему, высказанныя Сократомъ послѣ того, какъ Калликлъ вслѣдствіе обругалъ его, приводятся г. Гиляровымъ въ доказательство того, что Платонъ считаетъ нужнымъ сводить дѣйствующихъ лицъ или дружелюбно или безразлично расположенныхъ другъ къ другу (стр. 60 и 77),

Что же касается до 4-ой главы, то она разработана болѣе удовлетворительно, хотя тоже не чужда недостатковъ. Какъ болѣе крупныя, можно отмѣтить слѣдующіе. Авторъ иногда крайне небрежно передаетъ мнѣнія упоминаемыхъ имъ писателей: напримѣръ, онъ говоритъ, что по мнѣнію Аристотеля вся бывшая до него философія не болѣе, какъ дѣтскій лепетъ; словечко же „не болѣе какъ“ оказывается прибавленнымъ со стороны г. Гилярова къ тому мѣсту, на которое онъ ссылается (ибо въ текстѣ стоитъ всего только (ἐπεὶ οὐ φιλοσοφούντες), да и вся та фраза выхвачена безъ связи съ текстомъ который придаетъ ей совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ приписываемый авторомъ (стр. 160). Подобная небрежность встрѣчается неоднократно. Далѣе, въ этой главѣ есть много лишняго: напримѣръ, на 80 страницахъ (207—287) авторъ разсуждаетъ о преимуществахъ телеологическаго мировоззрѣнія предъ механизмомъ и, разумѣется, крайне небрежно вслѣдствіе желанія вмѣстить въ небольшомъ пространствѣ то, что требуетъ обширнаго изслѣдованія (тутъ находится критика и матеріализма и механическаго объясненія цѣлесообразности организмовъ и т. д.); или же вдругъ авторъ начинаетъ слѣдить за отзвуками платонизма у Гегеля, Спенсера и т. д. Вообще же про всю 4-ю главу можно замѣтить, что, назначивъ ее для отвѣта на вопросъ, не искажаетъ ли Платонъ истины безсознательно, авторъ не

пояснять, въ чемъ долженъ состоять подобный вопросъ, коль скоро извѣстно, что Платонъ сознательно не могъ исказить истину, и коль скоро извѣстно, что онъ имѣлъ достаточную способность для пониманія упоминаемыхъ имъ философскихъ ученій; а поэтому проводимыя въ 4-й главѣ мысли и взаимное отношеніе ея частей зачастую оказываются крайне неясными.

Но, не смотря на всѣ указанные недостатки, сочиненіе г. Гилрова обнаруживаетъ въ немъ очень близкое знакомство съ Платономъ и значительную начитанность, простирающуюся не только на источники и литературу вопроса, но и на другія сочиненія по философскимъ дисциплинамъ. При этомъ онъ старается быть вполне самостоятельнымъ изслѣдователемъ, т.-е. не только работаетъ по первымъ источникамъ, но и смѣло доводитъ свои соображенія до конца, не подчиняясь никакимъ авторитетамъ. Трудъ же его не безполезенъ и во всякомъ случаѣ можетъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ для изслѣдователя доаристотелевской философіи: именно, въ немъ содержится систематическій сводъ извѣстій Платона о философахъ, снабженный толкованіями, основанными на приобрѣтеніяхъ новѣйшей критики, чѣмъ онъ отличается отъ свода, находящагося въ *Prosopographia platonica* Принстрера, изданный въ 20-хъ годахъ; по поводу же этихъ извѣстій высказываются часто замѣчанія въ пользу Платона, съ которыми долженъ считаться тотъ, кто не довѣряетъ его показаніямъ. А мимоходомъ въ этой книгѣ дѣлаются даже попытки полнѣй освѣтить нѣкоторые пункты Платоновскаго ученія: такова параллель, приводимая авторомъ между процессомъ образованія міровой души въ Тимей и діалектическимъ соединеніемъ идей въ Софистъ. Въ виду всего этого я нахожу возможнымъ допустить автора до защиты его диссертациі.

— 2-го февраля 1892 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ магистерскій диспутъ С. М. Середонина по диссертациі: „Сочиненіе Д. Флетчера *Of the Russe Common Wealth*, какъ историческій источникъ“.

Въ своей рѣчи диспутантъ указалъ на то, что въ современной русской исторической литературѣ большая часть трудовъ посвящена разработкѣ вопросовъ правовыхъ, финансовыхъ и экономическихъ. Изученіе цѣлаго ряда новыхъ документовъ, — писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгъ, десятенъ, смѣтныхъ списковъ, дало возможность придти къ весьма цѣннымъ и точнымъ выводамъ по многимъ вопросамъ. При такомъ направленіи научной литературы иностранныя описанія Россіи, нѣкогда считавшіяся въ ряду важнѣйшихъ источниковъ, отодвинуты были въ послѣднее время на второй планъ. Однако, такое пренебреженіе къ иностраннымъ описаніямъ должно считать

временнымъ, происходящимъ отъ вполне понятнаго увлеченія документами новаго рода, только недавно сдѣлавшимися доступными для научной разработки. Несмотря на величайшую точность своихъ данныхъ, официальные документы по малочисленности своей не могутъ дать полной картины состоянія Руси за тотъ или другой періодъ, между тѣмъ какъ достоинства иностранныхъ описаній Россіи и заключается въ томъ, что они даютъ изображеніе всѣхъ сторонъ жизни государствъ и общества, хотя, разумѣется, иностранныя извѣстія значительно уступаютъ первымъ въ точности и полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній; проверенныя же и дополненныя данными официальными, иностранныя сочиненія даютъ довольно полную и точную картину внутренняго состоянія Руси и помогаютъ обобщать отрывочныя данныя, извлеченныя изъ русскихъ архивовъ. Далѣе диспутантъ указалъ на условность нѣкоторыхъ своихъ выводовъ. Иныя показанія разбираемаго имъ сочиненія могутъ быть проверены лишь съ весьма приблизительною вѣроятностью; такія показанія онъ принималъ или отвергалъ на основаніи общаго знакомства своего съ изучаемой эпохой; читателямъ же книги эти выводы могутъ показаться недостаточно обоснованными.

Положенія, извлеченныя изъ диссертациі, слѣдующія:

1) По богатству данныхъ по исторіи управленія, финансовъ и экономическаго быта русскаго народа, сочиненіе Флетчера не имѣетъ себѣ равнаго среди другихъ иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Къ сожалѣнію, цѣнный фактический матеріалъ невѣрно освѣщенъ авторомъ съ точки зрѣнія идей, выработанныхъ феодальнымъ строемъ западно-европейскихъ государствъ.

2) Разсказы Горсея — главный источникъ свѣдѣній Флетчера о Россіи, кромѣ его личныхъ наблюденій и впечатлѣній.

3) Политическія стремленія Грознаго оцѣнены Флетчеромъ по результатамъ его дѣятельности, сказавшимся въ первые годы царствованія его преемника. Если иногда Флетчеръ и принималъ слѣдствіе поступковъ Грознаго за причину ихъ, тѣмъ не менѣе онъ подмѣтилъ одну изъ главныхъ задачъ Грознаго, — подорвать значеніе родовой княжеской аристократіи.

4) Хорошо характеризованы Флетчеромъ личности царя Θεодора, царицы Ирины и Бориса Годунова; особенно цѣнны его замѣчанія объ отношеніяхъ Годунова къ знатнѣйшимъ боярскимъ родамъ и царевичу Дмитрію.

5) Изъ географическихъ сообщеній Флетчера только тѣ, которыя касаются сѣверной окраины государства, представляютъ нѣкоторый интересъ для русской исторической науки.

6) Сдѣланное Флетчеромъ описаніе русскихъ построекъ, одежды,

пищи, препровожденія времени даютъ живую и правдивую картину русскаго общества конца XVI вѣка.

7) Рѣзкіе отзывы Флетчера объ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и порокахъ русскаго народа въ значительной степени объясняются, какъ своеобразными условіями жизни московскаго общества, такъ, и противодѣйствіемъ, оказываемымъ обществомъ и правительствомъ эгоистическимъ стремленіямъ англичанъ; къ тому же, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Флетчеръ велъ сношенія въ Москвѣ съ дипломатами того времени и торговыми людьми; масса же народа осталась ему неизвѣстна.

8) Извѣстія Флетчера о раздѣленіи населенія на сословія довольно точно обозначаютъ разряды лицъ, на которые распадался служилый классъ. Изображеніе экономическаго быта населенія сдѣлано не совсѣмъ вѣрно: доходы духовенства, монастырей и боярства преувеличены, положеніе тяглаго класса представлено худшимъ, чѣмъ каковымъ оно было въ дѣйствительности.

9) Въ опредѣленіи степени и характера власти государя надъ подданными Флетчеромъ, какъ и другими иностранцами, не приняты во вниманіе ни сила обычая, ни аристократическій строй государства, отчего Флетчеръ и не понялъ значенія совѣщаній царя съ думой и представителями духовенства. Извиненіемъ Флетчеру служить то обстоятельство, что онъ наблюдалъ жизнь государства въ ненормальное время.

10) Изъ сообщеній Флетчера объ управленіи Россіей наибольшаго вниманія заслуживаетъ упоминаніе о Четвертяхъ. Послѣднія были самостоятельными учрежденіями, территоріальнаго характера, сложившимися въ 70-ыхъ годахъ XVI ст. подъ вліяніемъ двухъ причинъ: введенія въ 50-ыхъ еще годахъ земскаго самоуправленія и раздѣленія государства на земщину и опричнину.

11) Показанный Флетчеромъ излишекъ доходовъ надъ расходами Московскаго государства, — 1.430.000 р., не можетъ быть принятъ ни за чистый доходъ государства, ни даже за валовой доходъ; цифры Маржерета, отъ 400.000 р. — 530.000 р. ежегодныхъ поступленій въ казну, слѣдуетъ признать болѣе близкими къ истинѣ.

12) Равнымъ образомъ преувеличеннымъ должно считать и показанное Флетчеромъ число дѣтей боярскихъ, числившихся по спискамъ Разряда, 80.000 человекъ; на дѣлѣ это число не превышало 20.000—25.000 чел.

Официальными оппонентами выступили проф. С. О. Платоновъ и приватъ-доцентъ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Первый оппонентъ, проф. С. О. Платоновъ, началъ съ общей характеристики труда диспутанта и, въ частности, съ оцѣнки самой

темы. Сдѣланный г. Середонинымъ выборъ темы оппонентъ находилъ основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится разработка исторіи XVI вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невыгоднымъ для самого изслѣдователя. Тема представляетъ нѣкоторое методическое неудобство въ томъ отношеніи, что лишаетъ изслѣдованіе внутренняго единства содержанія и равномерности въ критической разработкѣ частныхъ. Книга г. Середонина поэтому заключаетъ въ себѣ не развитіе одной темы, а совокупность многихъ и притомъ неравномѣрно обработанныхъ историческихъ темъ. Тѣмъ не менѣе оппонентъ соглашался, что если нужно признавать своевременнымъ и полезнымъ для нашей исторіографіи специальное критическое изученіе иностранныхъ извѣстій о Московской Руси, то г. Середонину въ этой области слѣдовало взяться именно за книгу Флетчера, какъ наиболѣе любопытную и важную. Съ этой точки зрѣнія выборъ памятника для изслѣдованія сдѣланъ былъ весьма правильно. Что касается до исполненія труда диспутанта, то Платоновъ признавалъ его въ общемъ вполне удовлетворительнымъ и научнымъ. Планъ изложенія г. Середонинымъ задуманъ удачно, за немногими исключеніями (оппонентъ указалъ ихъ въ главахъ I, II и IV). Общія приемы изслѣдованія опредѣлены правильно; критическая повѣрка сообщеній Флетчера производилась въ ученomъ отношеніи самостоятельно, хотя, по мнѣнію оппонента, г. Середонинъ мѣстами чувствовалъ излишнее довѣріе къ авторитетности нѣкоторыхъ существующихъ въ ученой литературѣ мнѣній; наконецъ, для повѣрки Флетчера изслѣдователемъ привлеченъ былъ обширный и хорошо подобранный историческій матеріалъ, свидѣтельствующій о солидной начитанности автора въ первоисточникахъ. Переходя затѣмъ къ указанію недостатковъ диссертации, оппонентъ замѣтилъ, что недосмотры и промахи автора въ большинствѣ случаевъ являлись неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неудобствъ самой темы. Многообразіе сообщеній Флетчера и необходимость для ихъ повѣрки перебрать громадное количество матеріала требовали отъ изслѣдователя совершенныхъ познаній по исторіи цѣлой эпохи: авторъ очень часто съ успѣхомъ преодолевалъ трудности изслѣдованія, но иногда допускалъ погрѣшности и въ отношеніи полноты матеріала, и въ отношеніи изложенія. Эти погрѣшности происходили оттого, что авторъ не доводилъ до конца своей работы по тому или другому вопросу, останавливался на поддорогѣ, замѣняя выводъ предположеніемъ, точное рѣшеніе—приблизительнымъ. Изъ примѣровъ такой недоработанности оппонентъ указалъ: неточность хронологическихъ справокъ на стр. 103—104; неправильное толкованіе грамоты 1591 года на стр. 107; нѣкоторую путаницу показаній относительно Важскихъ доходовъ Годунова на стр. 191; смѣшеніе ближней думы съ „отвѣт-

ной" комиссией на стр. 220 и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пр болѣе внимательномъ отношеніи къ матеріалу возможенъ былъ бы или болѣе точный выводъ, или болѣе правильное объясненіе фактовъ. Если для такого рода погрѣшностей можно находить объясненіе и даже оправданіе въ темѣ, то другіе промахи слѣдуетъ, по мнѣнію оппонента, прямо поставить на счетъ самому изслѣдователю; къ такимъ относятся, напримѣръ, неточности перевода англійскаго текста и неправильный его пересказъ (примѣры оппонентъ указалъ на стр. 106, 149, 156, 179, 219). Послѣ обмѣна мнѣній по поводу частныхъ замѣчаній оппонента, послѣдній возвратился къ общей оцѣнкѣ диссертаци и свои заключительныя слова посвятилъ опредѣленію тѣхъ научныхъ результатовъ, которые достигнуты изслѣдованіемъ г. Середонина: по мнѣнію оппонента, г. Середонину удалось не только оцѣнить показанія Флетчера въ отношеніи ихъ ученой пригодности, но попутно, при обсужденіи отдѣльныхъ мѣстъ книги Флетчера, внести нѣчто новое и въ изученіе вообще Московской исторіи XVI вѣка. Не одинъ разъ диспутантъ въ разработку специальныхъ вопросовъ вноситъ или новый матеріалъ, или новые домыслы, предлагая такимъ образомъ читателю самостоятельныя ученые экскурсы. Изъ такихъ экскурсовъ на изслѣдованіи г. Середонина о происхожденіи московскихъ четей оппонентъ остановился съ особеннымъ сочувствіемъ ¹⁾, признавая, что это и другія побочныя изслѣдованія обличаютъ въ диспутантъ хорошую ученую подготовку, способность самостоятельно поставить вопросъ, довести его разрѣшеніе до опредѣленнаго вывода и изложить результаты ученой работы съ безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ.

Вторымъ оппонентомъ былъ прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій. Указавъ въ общихъ чертахъ на достоинства диссертаци г. Середонина (живой языкъ, интересное содержаніе, не лишенныя остроумія предположенія), оппонентъ отмѣтилъ слѣдующіе недостатки труда. Во-первыхъ, г. Середонинъ не вездѣ точенъ въ выраженіяхъ; говоря, наприм., объ „административномъ управленіи“ и причисляя къ нему судопроизводство, разумѣя подъ „владѣльческими правами“, повидимому, права суверенныя и т. п., авторъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ юридической терминологіей. Далѣе вслѣдствіе неудачнаго выбора темы—разнообразія предметовъ, о коихъ говоритъ Флетчеръ, и желанія автора все самому провѣрить—онъ не могъ достаточно углубиться ни въ одинъ изъ нихъ; да и самъ г. Середонинъ

¹⁾ Обстоятельную оцѣнку этого частнаго изслѣдованія г. Середонина о четяхъ проф. Платоновъ даетъ въ статьѣ: „Какъ возникли чети?“ въ майской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 г.

находить, что отрывочность у него была неизбежной. Отсюда у него, съ одной стороны, пропуски, съ другой поверхностныя и невѣрныя рѣшенія. Гдѣ какъ не въ его книгѣ искать точныхъ указаній на рукописи или, по крайней мѣрѣ, изданія и переводы Флетчера? Между тѣмъ г. Середонинъ этимъ совсѣмъ не занимается. Нѣтъ у него также и біографіи Флетчера, а тѣ біографическія данныя, которыя онъ сообщаетъ, случайны; такъ, наприм., авторъ не упоминаетъ ни о литературныхъ талантахъ семьи Флетчера, ни о его поэтическомъ талантѣ, ни о томъ, что онъ былъ членомъ парламента. При провѣркѣ показаній Флетчера г. Середонинъ пользуется довольно ограниченнымъ количествомъ источниковъ и пособій. Ему мало извѣстнымъ остался архивный матеріалъ: незнакомство, наприм., съ десятинами XVI в. было причиной невѣрныхъ заключеній о военномъ устройствѣ. Пособіями авторъ пользовался случайно: для характеристики финансоваго строя въ XVI в. онъ обращается къ новому труду г. Милюкова о XVIII в. и упускаетъ изъ виду изслѣдованіе (1852) Незабитовскаго, относящееся къ болѣе ранней эпохѣ. Да и то, что дано г. Середонинымъ, не всегда заслуживаетъ одобренія. Неизвѣстно, для чего авторъ излагаетъ сочиненія другихъ англичанъ, писавшихъ о Россіи до Флетчера: ихъ сочиненія можно было или разсмотрѣть, какъ источники для самого Флетчера, но это не сдѣлано (кромя Горсея), или ихъ же привести для сравненія и оцѣнки, которыхъ въ трудѣ г. Середонина тоже не оказывается. Указавъ на невыдержанность системы изложенія и искусственность плана сочиненія, оппонентъ перешелъ къ оцѣнкѣ того, какъ г. Середонинъ пользовался русскими первоисточниками, причѣмъ привелъ случаи, когда онъ бралъ указанія изъ вторыхъ рукъ, не провѣряя чужихъ выводовъ (стр. 84, 118 и др.). Не ограничиваясь исправленіемъ ошибокъ Флетчера, г. Середонинъ старается замѣнить его невѣрныя сужденія болѣе правильными, что ему не всегда удается. Г. Лаппо-Данилевскій сослался при этомъ на нѣсколько невѣрныхъ воззрѣній самого автора о характерѣ нашего сельскаго хозяйства въ XVI вѣкѣ, — экономическая исторія имъ вообще затронута слабо, — объ отношеніи между крестьянами и помещиками (стр. 200—202) и др. Финансовымъ вопросомъ и вопросомъ о военномъ управленіи г. Середонинъ занялся больше, но каждый изъ этихъ вопросовъ самъ могъ бы составить тему для диссертациі, и г. Середонинъ въ сущности коснулся только частныхъ вопросовъ — о происхожденіи московскихъ четвертей и о численности войска, хотя имъ и далъ болѣе общіе заголовки: „извѣстія о финансовомъ управленіи“, „о военномъ управленіи“. Отмѣтивъ одно противорѣчіе (307, 310, 313) въ общихъ взглядахъ магистранта на финансовое управленіе, г. Лаппо-Данилевскій перешелъ къ разбору новой теоріи о четвертяхъ, прово-

димой авторомъ: хотя его критика взгляда г. Милюкова заключаетъ справедливыя указанія, тѣмъ не менѣе собственная его теорія недостаточно обоснована, что оппонентъ и подтверждалъ детальнымъ разборомъ теоріи г. Середонина. Посвятивъ много вниманія этому вопросу, авторъ почти совсѣмъ не затронулъ другія стороны старой финансовой системы. Правда, онъ указалъ на то, что извѣстія Флетчера о нашемъ бюджетѣ въ XVI в. не заслуживаютъ довѣрія, но его попытка опредѣлить бюджетъ по случайнымъ и частнымъ примѣрамъ и даннымъ XVII вѣка не можетъ быть признана удачной. Г. Середонинъ положилъ много труда на опредѣленіе численности московскаго войска, но заслуживаетъ упрека за то, что незнакомъ съ десятиями, важнѣйшимъ источникомъ по этому предмету. Г. Лаппо-Данилевскій на основаніи десятиенъ и сдѣлалъ нѣсколько поправокъ. Въ заключеніе оппонентъ свелъ всѣ указанные имъ недостатки къ двойственности въ методѣ изученія невѣрно поставленной темы: писать о сочиненіи, посвященномъ внутреннему быту Московскаго государства въ XVI в., и о самомъ этомъ бытѣ по данному сочиненію—двѣ вещи разныя; автору изъ такого сплава не удалось выковать логически послѣдовательной и стройной цѣпи рассужденій.

Изъ публики г. Середонину возражалъ Е. А. Бѣловъ. На стр. 74 своего труда магистрантъ сослался на г. А. И. Ясинскаго, возражавшаго г. Бѣлову, который вѣритъ обвиненіямъ Флетчера московской знати и воеводъ по поводу сожженія Москвы ханомъ въ 1571 году. Е. А. Бѣловъ указывалъ г. Середонину на то, что полагаться на г. Ясинскаго, какъ на авторитетъ, нельзя, въ доказательство чего привелъ примѣръ неаккуратнаго пользованія г. Ясинскимъ—сочин. Иванишева о жизни Курбскаго на Литвѣ. Затѣмъ Е. А. Бѣловъ защищалъ свое мнѣніе по существу по поводу словъ С. М. Середонина, сказавшаго, что доводы г. Ясинскаго противъ Е. А. Бѣлова достаточно убѣдительны, чтобы снять съ памяти князей Мстиславскаго, Бѣльскаго, Воротынскаго и др. позорное пятно: перечисляя воеводъ, г. Середонинъ забылъ кн. Ив. Андр. Шуйскаго, который могъ мстить за отца, казненнаго руками псарей.

По окончаніи диспута С. М. Середонинъ былъ признанъ достойнымъ степени магистра русской исторіи при апплодисментахъ присутствовавшей на диспутѣ публики.

— 6-го декабря 1891 года въ Харьковскомъ университетѣ магистръ классической филологіи, А. Н. Деревницкій, защищалъ диссертацию на степень доктора подъ заглавіемъ: „О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи“. Диссертация эта имѣетъ отношеніе и къ исторіи, особенно къ исторіи культуры: въ ней много мѣста удѣлено вопросу, напримѣръ, объ Александрійскомъ музеѣ.

библіотекъ. Офіціальными оппонентами были проф. философіи О. А. Зеленогорскій, коснувшійся въ своихъ возраженіяхъ, между прочимъ, вліянія Аристотеля на развитіе историко-литературныхъ занятій и вопроса о томъ, былъ ли музей „интернатомъ“, и проф. классической філологіи И. В. Нетушилъ, помимо замѣчаній чисто філологическихъ, затронувшій вопросъ о томъ, основаніе музея не стояло ли въ связи съ культами, существовавшими въ Египтѣ?

Положенія, извлеченныя изъ диссертациі А. Н. Деревицкаго „О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи“:

1) Собираніе историко-литературнаго матеріала началось въ Греціи со временъ Писистрата и затѣмъ шло параллельно съ изслѣдованіями въ области религіозныхъ преданій, съ розысканіями геортологическими, археологическими и проч.; центромъ историко-литературныхъ занятій первоначально служили древнѣйшія и популярнѣйшія произведенія поэтическаго творчества, преимущественно поэмы Гомера.

2) Въ основаніи преданія объ ономакритовой рецензіи гомеровскаго текста лежитъ историческій фактъ.

3) Болѣе систематичными историко-литературными занятіями стали приблизительно съ половины V в. до Р. Х., когда и книжная торговля развилась и достигла небывалыхъ дотошъ размѣровъ. Къ этому времени относятся первые историко-литературные компендіумы.

4) Труды Аристотеля и перипатетиковъ, посвященные вопросамъ исторіи греческой литературы, сдѣлались исходнымъ пунктомъ широкаго научнаго движенія, плодами коего явились историко-литературныя работы александрійской эпохи.

5) Важнѣйшею изъ такихъ работъ слѣдуетъ считать „Таблицы“ Каллимаха, которыя представляли собою первую въ исторіи попытку систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея и выразили осязательно, при помощи наглядной формулы, всю силу научной и литературной производительности греческой націи.

6) Исторія возникновенія каллимаховыхъ „Таблицъ“ связана съ исторіею александрійской бібліотеки, а исторія послѣдней — съ судьбами александрійскаго музея. Оба учрежденія были дѣломъ одного и того же лица и находились въ близкомъ соотношеніи другъ съ другомъ.

7) Александрійскій музей былъ устроенъ по типу музея перипатетиковъ, представлялъ собою родъ общежитія, состоялъ подъ протекторатомъ верховнаго жреца, какъ высшій органъ культа музъ и обоготворенныхъ Птолемеевъ, и заключалъ въ себѣ цѣлую систему

ученныхъ учреждений, преслѣдовавшихъ цѣли преподаванія и научной разработки различныхъ отраслей знанія.

8) Большая александрійская библіотека, по идеѣ ея созидателей, должна была совмѣстить въ себѣ все, что дотогѣ произвела греческая мысль въ области литературы и науки; она занимала отдѣльный корпусъ, подчиненный вѣдѣнію одного лица (библіотекаря), въ распоряженіи котораго находился цѣлый штатъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ и служителей.

9) Каллимахъ принадлежалъ къ числу библіотекарей и занималъ эту должность съ 254/3 г. до Р. Х.

10) При немъ общее количество рукописей въ библіотекахъ простиралось до 400,000, изъ коихъ оказалось 90,000 подлежащихъ занесенію въ рациональный каталогъ: это были исключительно греческія рукописи, безъ примѣси иноязычныхъ, а равно простыя (ἀπλᾱί) въ противоположность рѣдкостямъ, представлявшимъ интересъ лишь для библіофила. Въ разсмотрѣніи по разнымъ причинамъ осталось 310,000 нумеровъ (дублиеты, не греческія рукописи и проч.).

11) Составленіе „Таблицъ“ (πίνακες) привело Каллимаха къ необходимости считаться съ трудными критическими вопросами самаго разнообразнаго свойства, — съ вопросами о подлинности отдѣльныхъ произведеній, о ихъ надписаніи, о ихъ полнотѣ или недостаточности, о времени ихъ возникновенія и т. п.

12) Заглавіе каллимаховой работы слѣдуетъ признавать въ той редакціи, которую она имѣетъ въ словарѣ Свида.

13) Въ распредѣленіи своего матеріала Каллимахъ слѣдовалъ не алфавитному, а предметному порядку, располагая имена авторовъ въ ихъ хронологической послѣдовательности.

14) Къ именамъ авторовъ въ „Таблицахъ“ присоединялись замѣчанія и сообщенія біографическаго свойства.

15) Въ отдѣльныхъ статьяхъ каталога при перечисленіи произведеній, принадлежавшихъ одному писателю, Каллимахъ слѣдовалъ тому порядку, какой въ данномъ случаѣ представлялся наиболѣе удобнымъ (κατ' εἶδῃ, κατὰ μέτρα, κατὰ στοιχεῖα и проч.).

16) Въ связи съ „Таблицами“ Каллимаха находились другія работы того же автора, служившія для нихъ либо подготовительными этюдами, либо болѣе или менѣе необходимыми дополненіями. Таковы: а) πίναξ τῶν κατὰ χρόνον καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων, б) περὶ ἀγώνων, в) γραφεῖον, г) μουσεῖον.

17) „Таблицы“ Каллимаха дополнялись каллимаховцами: Эратосееномъ, Аристофаномъ византійскимъ, Гермиппомъ смирнскимъ, Истромъ и др.

18) „Жизнеописанія“ Гермиппа представляли рядъ самостоятель-

ныхъ, то болѣе обширныхъ, то меньшихъ этюдовъ, изслѣдованій и статей, связанныхъ между собою не столько единствомъ плана, сколько единствомъ содержанія и направленія. Они были вызваны желаніемъ подвергнуть новой обработкѣ именно тѣ отдѣлы каллимаховой работы, которые были наименѣе удачны, наиболѣе слабы.

19) Strab. XVII p. 794 слѣдуетъ читать: καὶ οἶκον μέγαν, ἐν ᾧ καὶ τὸ σισίτιον. Здѣсь οἶκος значить „домъ“, а σισίτιον—„столовая“, „мѣсто трапезы“.

20) Crat. Mallot. frgm. 10 (Wachsm. p. 71) слѣдуетъ присоединить къ числу фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ „Пергамскихъ таблицъ“ (πίνακες Περγαμηνοί).

21) Athen. I p. 5 b. слѣдуетъ, быть можетъ, привлечь къ числу фрагментовъ каллимаховыхъ „Таблицъ“.

— 25 ноября 1891 г. въ московской духовной академіи и. д. доцента по каедрѣ церковной археологіи и литургіи А. П. Голубцовъ защищалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны (М. 1891. V+384 стр.), представленное имъ для полученія степени магистра богословія. Официальные оппоненты, орд. профессора Е. Е. Голубинскій и В. О. Ключевскій, съ похвалой отзывались о сочиненіи г. Голубцова. По ихъ заключенію, „Пренія о вѣрѣ“ достаточно разъясняютъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Возраженія оппонентовъ касались лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ изслѣдованія. Е. Е. Голубинскій не соглашался съ мнѣніемъ диспутанта о способѣ присоединенія латинянъ къ православію въ 1-й половинѣ XVII в. и по нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ въ сочиненіи вопросамъ. Проф. В. О. Ключевскій остановилъ вниманіе на недостаточно ясномъ представленіи диспутантомъ характера возникшей между православными и протестантами полемики. Защиту диссертациі совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительною (Церк. Вѣд. 1891 г. № 49).

— 12 февраля 1892 г. въ кievской дух. академіи А. В. Никитинъ защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию: „Синагоги іудейскія, какъ мѣста общественнаго богослуженія“. Официальными оппонентами были проф. Оленицкій и доц. Дмитріевскій; кромѣ того возражалъ и проф. Розовъ. Защита признана удовлетворительною (Церк. Вѣд. 1892, № 9).

— 8 марта 1892 г. въ с.-петербургской духовной академіи и. д. доцента по каедрѣ психологіи В. С. Серебренниковъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Опытъ установки Локкова ученія на основаніи историко-

критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его въ связи съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ“. Предъ началомъ коллоквиума В. С. Серебrenиковъ произнесъ небольшую рѣчь о значеніи своего труда. „Опытъ о прирожденныхъ началахъ ума и дѣятельности“ (1690) Дж. Локка составилъ эпоху въ психологической и философской наукѣ; но до сихъ поръ сочиненіе это не было изслѣдовано надлежащимъ образомъ. Ученые историки философіи смотрятъ на Локка то какъ на сенсуалиста, то какъ на чистаго эмпирика; между тѣмъ истинное знаніе Локкъ признавалъ не за впечатлѣніями, а за дѣйствіями разсудка и разума; скорѣе по своимъ гносеологическимъ и психологическимъ положеніямъ Локкъ—ученикъ Декарта. Въ силу этого и характеръ полемики Локка противъ прирожденныхъ идей принимаетъ нѣсколько иной видъ: Локкъ подъ идеями разумѣлъ готовыя понятія, а подъ принципами—готовыя истины; существованіи же въ душѣ прирожденныхъ силъ и различныхъ способностей Локкъ не отрицалъ. Основныя воззрѣнія Локка не противорѣчатъ, такимъ образомъ, христіанскому ученію о душѣ человѣческой, какъ образѣ Божіемъ; но въ частныхъ своихъ положеніяхъ Локкъ расходится съ христіанствомъ; такъ, онъ высказывалъ мнѣніе о возможной, при всемогуществѣ Божіемъ, матеріальности человѣческой души,—что и дало поводъ къ ошибочнымъ взглядамъ на Локка, какъ родоначальника сенсуализма, матеріализма и т. п.; но такія матеріалистическія тенденціи Локка не согласуются съ его собственными основными воззрѣніями. Первый оффиціальныи оппонентъ, проф. М. И. Каринскій, указавъ на господствующее теперь крайнее сенсуалистическое направленіе въ философіи и вытекающія отсюда задачи для христіанской апологетики, навстрѣчу которымъ идетъ сочиненіе диспутанта, призналъ за его трудомъ важныя достоинства въ историко-философскомъ отношеніи, состоящія особенно въ уясненіи отношенія между ученіемъ Локка и философіей Декарта и въ установленіи основныхъ взглядовъ Локка. Въ своихъ замѣчаніяхъ магистранту г. Каринскій отмѣтилъ то, что магистрантъ не поставилъ въ связь нѣкоторыхъ изъ возраженій Локка противъ врожденныхъ идей съ характеристикой отношеній его къ Декарту, что въ сочиненіи есть нѣкоторыя преувеличенія въ выводахъ по вопросу объ отношеніи Локка къ Гоббесу, что толкованіе отношенія у Локка между волей и свободой недостаточно мотивировано, и самое это отношеніе можетъ быть понимаемо иначе, чѣмъ понимаетъ его магистрантъ, что одно изъ возраженій г. Серебrenикова противъ Локкова предположенія о возможной матеріальности души можетъ рисовать взглядъ Локка на этотъ предметъ въ не совсѣмъ вѣрномъ свѣтѣ и, наконецъ, что есть основаніе въ разъясненіи неосновательности ходячей теоріи ассоціаціи идей идти далѣе, чѣмъ

идеть магистрантъ. Второй официальный оппонентъ, проф. Θ. Г. Елеонскій, началъ свои замѣчанія указаніемъ на то, что предметъ сочиненія имѣетъ не только философскій, но и богословскій интересъ, такъ какъ въ основу критической оцѣнки ученія Локка о приращенныхъ началахъ полагаются не только философскія начала, но прежде всего и главнымъ образомъ христіанское ученіе о богоподобной природѣ человѣка. Отмѣтивъ вполне научный пріемъ, употребленный авторомъ при изложеніи ученія Св. Писанія объ образѣ Божіемъ и состоящей въ установленіи чтенія важнѣйшихъ для этого мѣстъ кн. Бытія чрезъ сравненіе еврейскаго текста съ переводомъ 70 и другими, оппонентъ не соглашался тутъ съ нѣкоторыми выводами автора (напр., относительно словъ Бытія I, 27). Въ группировкѣ ученія отцовъ и учителей церкви объ образѣ Божіемъ, послѣ указанія выдающихся достоинствъ этой части труда, заключающихся въ обстоятельномъ и тщательномъ изложеніи патристическихъ свѣдѣній, было отмѣчено отсутствіе относящихся сюда мѣстъ изъ Іустина Философа и Иринея; сдѣлано далѣе замѣчаніе о несправедливо приписанномъ Тертуллиану антропоморфическомъ понятіи о Богѣ, какъ всесовершенномъ духѣ. Въ качествѣ неофициальнаго оппонента сдѣлалъ нѣсколько возраженій профессоръ богословія въ с.-петербургскомъ университетѣ прот. В. Г. Рождественскій. Въ заключеніе colloquiuma ректоръ академіи, епископъ Антоній, выразилъ свое сочувствіе философско-богословскому труду диспутанта. Какъ диссертация, такъ и защита ея признаны совѣтомъ вполне удовлетворительными ¹⁾.

Оставленный при университетѣ.

При харьковскомъ университетѣ оставленъ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ *всеобщей исторіи* Андрей Сергѣевичъ Вязининъ.

А. С. Вязининъ, по окончаніи курса въ харьковской 3-й гимназіи, поступилъ на историко-филологич. факультетъ (1886 г.) и въ теченіе всего своего пребыванія въ университетѣ занимался преимущественно исторіей, какъ русской, такъ и всеобщей; имъ были представлены слѣдующія работы: 1) „Левъ Діаконъ и его извѣстія, касающіяся русской исторіи“; 2) „Vita Heinrichi IV“ (переводъ этого памятника на рус. языкъ); 3) „Vita Heinrichi IV, какъ литературный

¹⁾ Замѣтка о colloquiumѣ г. Серебrenникова составлена по отчетамъ „Церковнаго Вѣстника“ (1892 г. № 11) и „Церковныхъ Вѣдомостей“ (Приб., 1892 г., № 11).

и историческій памятникъ эпохи борьбы за инвеституру“; 4) „Ламбертъ Герсфельдскій и Каносса“; 5) „Смуты патеровъ въ Миланѣ“; 6) „Смерть царевича Дмитрія“ (рефератъ, читанный въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго Общества 12 мая прошлаго года, подробности см. въ „Историч. Обзорѣніи“, т. III, стр. 245—6); 7) „Разборъ мнѣній и свидѣтельствъ источниковъ о личности перваго самозванца“. Въ 1889 году г. Вязигинъ удостоенъ былъ золотой медали за сочиненіе на тему: „Борьба Генриха IV съ Григоріемъ VII до избранія Рудольфа Швабскаго“. Въ 1890 г. онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей (А. Д. Маляренко) перевелъ на русскій языкъ извѣстный учебникъ *Бузольты*: „Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей“. Переводъ этотъ напечатанъ. Лѣтомъ прошлаго года А. С. Вязигинъ составилъ популярную біографію Григорія VII для Павленковскаго изданія (эта біографія тоже напечатана). Въ настоящее время, готовясь къ магистерскому экзамену, г. Вязигинъ подготавливаетъ диссертацию изъ исторіи того же XI в., которымъ онъ преимущественно занимался до сихъ поръ.

Пробныя лекціи.

— 29 февраля 1892 г. въ засѣданіи историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета, магистрантъ А. И. Покровскій читалъ двѣ пробныя лекціи для полученія званія приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи. Темой для первой лекціи г. Покровскій избралъ „Аграрное законодательство Лицинія“; для второй лекціи назначена была факультетомъ слѣд. тема: „Аѳины послѣ Солона и тиранніи“. Испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи держалъ въ настоящемъ году оставленный при университетѣ Б. А. Тураевъ, занимающійся преимущественно др. исторіей Востока.

25-го и 30-го января с. г. въ харьковскомъ университетѣ читалъ пробныя лекціи для полученія званія приватъ-доцента по исторіи Востока А. Н. Гренъ, ориенталистъ, занимающійся преимущественно языками и этнографіей Кавказа. Предметомъ первой его лекціи (по собственному выбору) былъ „вопросъ о происхожденіи Кира“; лекторъ старался доказать аламское происхожденіе основателя персидской монархіи. Вторая лекція была на тему, предложенную факультетомъ „Первыя столкновенія Византіи и мусульманъ“.

— Въ текущемъ году для соисканія медалей въ харьковскомъ университетѣ предложена тема по *новой исторіи*: „Отношенія Фрагціи къ Россіи при Людовикѣ XV“.

Историческое преподавание въ Спб. духовной академіи.

По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій, въ нихъ положено 8 кафедръ историческихъ наукъ, которыя въ здѣшней духовной академіи занимаютъ слѣдующіе профессора: 1) Древняя Общая Гражданская исторія (исторія Востока, Греціи и Рима)—экстра-орд. проф. А. П. Лопухинъ; 2) Новая Общая Гражданская исторія (средняя и новая исторія)—орд. проф. Н. А. Скабалановичъ; 3) Русская Гражданская исторія — доц. П. Н. Жуковичъ; 4) Общая церковная исторія—экстра-орд. проф. В. В. Болотовъ; 5) Исторія а разборъ западныхъ исповѣданій—орд. проф. И. Е. Троицкій; 6) Русская церковная исторія — экстра-орд. проф. П. О. Николаевскій; 7) Исторія и обличеніе русскаго раскола орд. проф. И. О. Нильскій; 8) Библейская исторія В. и Н. Завѣта—О. Г. Елеонскій. Кромѣ того въ академіи читаются еще Библейская археологія съ еврейскимъ языкомъ (экстра-орд. проф. И. Г. Троицкій) и Церковная археологія съ литургикой (экстра-орд. проф. Н. В. Покровскій). Наконецъ въ с.-петербургской академіи (въ одной только этой академіи), съ 80 годовъ, читается студентамъ I курса Исторія славянскихъ церквей (экстра-орд. проф. И. С. Пальмовъ).

Изъ этихъ наукъ древняя и новая гражданская исторія, русская гражд. исторія и исторія западныхъ исповѣданій не обязательна для всѣхъ студентовъ академіи; вмѣсто нихъ они могутъ слушать лекціи: а) русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русской литературы и б) теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ.

Каждый профессоръ, читающій ту или другую историческую науку, имѣетъ двѣ лекціи въ недѣлю; но его слушаютъ одновременно студенты двухъ курсовъ (I и II, или II и III, или III и IV), такъ что студенты по каждой наукѣ, читаемой тѣмъ или другимъ профессоромъ, выслушиваютъ всего четыре лекціи втеченіе своего академическаго ученія. Профессоръ обыкновенно дѣлитъ свой курсъ на двѣ половины и въ одномъ году читаетъ одну половину курса, въ слѣдующемъ—другую (напр. профессоръ рус. церк. исторіи въ одномъ году читаетъ исторію восточно-русской церкви, въ другомъ—западно-русской).

Ученныя Общества.

27 февраля 1892 г. состоялось подъ августѣйшимъ предѣтельствомъ Государа Императора годовое собраніе Императорскаго русскаго историческаго Общества, въ коемъ А. А. Половцевымъ былъ

прочитанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1890 и 1891 г. Изъ этого отчета видно, что со дня послѣдняго общаго собранія Общества изданы были 73—81 томы и, кромѣ того, приступлено къ печатанію: проф. Трачевскимъ—82-го тома о сношеніяхъ съ Франціею послѣ 1804 г., проф. Сергѣевичемъ—83-го тома о екатерининской комиссіи 1767 г., Н. О. Дубровинымъ—84-го тома бумагъ графа Киселева, сообщенныхъ гр. Д. А. Милютинымъ, 85-го тома дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Крымомъ и Турціею. Томъ этотъ остановился въ печатаніи, вслѣдствіе смерти Г. О. Карпова. Нынѣ членъ Общества Д. О. Кобеко и профессоръ С.-Петербургскаго университета Смирновъ приняли на себя докончить начатый покойнымъ Г. О. Карповымъ трудъ. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочитаны изготовленные ими опыты біографій, а именно: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ „о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“, статья, назначенная для біографическаго словаря; Я. К. Гротомъ „о заслугахъ для русскаго языка филолога, академика Александра Христофоровича Востокова“; Н. О. Дубровинымъ изъ жизнеописанія императора Николая I—два эпизода: „юность императора“, а затѣмъ „распоряженія его относительно защиты Севастополя“. Въ заключеніе Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было выразить, какъ сообщаетъ „Прав. Вѣстн.“, желаніе объ избраніи въ почетные члены Общества его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, президента Императорской академіи наукъ. Общее собраніе членовъ Общества съ отрицательнымъ сочувствіемъ приняло къ исполненію такое выраженіе воли Августѣйшаго своего Почетнаго Предсѣдателя. Затѣмъ, на основаніи §§ 29, 31 и 45 устава Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, приступлено было къ переизбранію должностныхъ лицъ Общества, окончившихъ сроки служенія, причѣмъ единогласно выбраны на новое трехлѣтіе: въ должность предсѣдателя—А. А. Половцовъ; вице-предсѣдателя—А. О. Бычковъ; секретаря—Г. О. Штендманъ; казначея—Е. М. Теокистовъ, и въ члены совѣта—В. И. Сергѣевичъ.

— Въ засѣданіи географическаго отдѣленія Общества любителей естествознанія (въ Москвѣ) 18 февраля 1892 г. было доложено сообщеніе проф. П. Г. Виноградова о книгѣ покойнаго Л. И. Мечникова „Цивилизація и историческія рѣки“, вышедшей въ 1889 г. Мечниковъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ извѣстнаго Эли Реклю въ составленіи послѣднимъ его монументальной „Géographie universelle“. Знаменитый географъ въ личной бесѣдѣ съ референтомъ высказалъ свое полное согласіе съ теоріей Мечникова, и э согласіе во взглядахъ отразилось, между прочимъ, въ послѣднихъ

томахъ его „Географіи“. Основное положеніе Мечникова заключается въ томъ, что онъ главнымъ факторомъ, способствующимъ развитію культуры, считаетъ „географическую среду“, въ которой живетъ и дѣйствуетъ данный народъ, и съ особенной силой обрушивается на тотъ „аристократизмъ“ въ наукѣ, слѣдуя которому, приписываютъ созданіе европейской цивилизаціи превосходству духовныхъ свойствъ создавшихъ ее народовъ. Изъ географическихъ условій Мечниковъ выдѣляетъ въ своей книгѣ водныя, и въ частности—рѣки, въ которыхъ онъ видитъ однако не одни только удобные пути сообщенія, но и другіе, болѣе важные факторы культуры. Останавливаясь на древнѣйшихъ восточныхъ цивилизаціяхъ—египетской, ассиро-вавилонской, индійской и китайской, связанныхъ съ рѣками Ниломъ, Тигромъ и Евфратомъ, Индомъ и Гангомъ, Хоанъ-го и Янъ-тце-киангомъ,—Мечниковъ высказываетъ мнѣніе, что рѣки эти вліяли на культурное развитіе поселявшихся по нимъ народовъ, главнымъ образомъ, своею разрушительною силою, выражающеюся въ наводненіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ,—силою, которая вызвала на борьбу съ нею и обращеніе ея на пользу человѣку. Всѣ эти древнѣйшія цивилизаціи заявили себя прежде всего обширными коллективными работами по устройству плотинъ и проведенію отводящихъ и оросительныхъ каналовъ, для регулированія разливовъ рѣкъ и наилучшей утилизациі ихъ въ цѣляхъ земледѣлія. Такія работы требовали коопераціи и могли быть осуществлены лишь при условіи политическаго единства и централизаціи власти, выразившейся въ образованіи деспотическихъ монархій. Такимъ образомъ, Мечниковъ видитъ источникъ деспотизма не столько въ военной централизаціи, сколько въ экономической. Впослѣдствіи рѣки утратили свое прежнее значеніе для развитія цивилизаціи, которая была перенесена на берега Средиземнаго моря, а затѣмъ—и на берега океана. За періодомъ рѣчныхъ цивилизацій послѣдовали періоды цивилизаціи Средиземнаго моря и наконецъ—всемирной, океанической. Отмѣчая односторонность теоріи Мечникова, референтъ призналъ все-таки ее заслуживающей вниманія, какъ проводящую одинъ принципъ чрезъ всю исторію человѣчества и подчеркивающую одинъ изъ важныхъ географическихъ факторовъ въ эволюціи культуры. Интересное сообщеніе г. Виноградова вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны Д. Н. Анучина, П. Н. Милюкова и В. М. Михайловскаго.

— Одесское историко-филологическое общество: Въ засѣданіи 26 ноября 1891 г. проф. В. Е. Надлеръ, занятый въ настоящее время окончаніемъ V-го тома своего сочиненія „Исторія Александра I“, сдѣлалъ сообщеніе по вопросу: объ отношеніи Александра I ко второй бурбонской реставраціи. Проф. Надлеръ въ началѣ своего рефе-

рата указалъ на то обстоятельство, что Александръ I явился въ 1815 года, во время переговоровъ о второмъ парижскомъ мирѣ, покровителемъ Франціи, и что только благодаря его заступничеству, Франція была тогда спасена отъ участи Польши. Въ то время западно-европейскія государства, во главѣ съ сильной тогда Австріей, имѣли серьезное намѣреніе отрѣзать отъ Франціи территорію по восточной границѣ и весь Эльзасъ,—территорію съ населеніемъ въ 5 милліоновъ. Помимо того, нѣкоторые мечтали, пользуясь поддержкой самихъ французовъ, образовать изъ единой Франціи нѣсколько королевствъ. Г. Надлеръ остановился на разъясненіяхъ причинъ, которыя руководили тогда дѣйствіями русскаго Монарха и старался доказать, что попытки прежнихъ изслѣдователей этой исторической эпохи объяснить образъ дѣйствій Александра I его личными симпатіями или вліяніемъ на него другихъ, близкихъ ему лицъ не выдерживаютъ критики. По его мнѣнію, изъ несомнѣнныхъ и ближайшихъ источниковъ (документовъ) оказывается, что политика Александра I въ отношеніи къ Франціи опредѣлялась соображеніями чисто политическаго свойства, вѣрно и ясно понимаемыми интересами Россіи и европейскаго равновѣсія. Александръ I понималъ всю необходимость Франціи, какъ великой и независимой державы въ системѣ европейскихъ государствъ. Онъ справедливо опасался, что раздробленіе Франціи повлечетъ за собою усиленіе центральныхъ государствъ Европы и создастъ новую опасность какъ для равновѣсія Европы, такъ и для Россіи. Въ томъ же засѣданіи прочтена была статья с.-петерб. проф. Дестуниса: Матеріалы для византійскаго словаря, гдѣ авторъ указываетъ слѣды старинной земельной терминологіи въ современныхъ греческихъ провинціальныяxъ говорахъ.

Въ засѣданіи 17 дек. 1891 г. А. В. Лонгиновъ сдѣлалъ сообщеніе „о значеніи Лысогорскаго и Тынецкаго монастырей въ судьбѣ греко-славянскаго обряда на побережьи Руси и Польши“. Затѣмъ экстраординарный профессоръ А. А. Павловскій сдѣлалъ сообщеніе „о значеніи раскопокъ Шлимана“. Указавъ на недостатки и слабые стороны научной дѣятельности Шлимана, какъ археолога, между которыми существеннѣйшими являются отсутствіе научности, проявляющееся въ стремленіи къ смѣлымъ гипотезамъ и сопоставленіямъ и неточности въ передачѣ результатовъ раскопокъ, — референтъ нашелъ, что всѣ эти недостатки съ избыткомъ покрываются огромнымъ значеніемъ его находокъ. Эти находки открыли совершенно новую культурную эпоху въ Греціи, существованіе которой подозрѣвалось нѣкоторыми учеными, строившими болѣе или менѣе смѣлыя гипотезы о ея характерѣ, но эти гипотезы впервые получили солидную основу въ находкахъ Шли-

мана. Закончивая свой рефератъ, г. Павловскій выразилъ сожалѣніе, что смерть похитила у археологін Шлимана ранѣе, чѣмъ онъ исполнилъ задуманный планъ раскопокъ на Критѣ, такъ какъ эти раскопки, неоспоримо, должны были пролить свѣтъ на вопросъ о понятіяхъ этой культуры и о ея происхожденіи.

Въ засѣданіи 28 января 1892 года проф. Н. О. Красносельцевъ сдѣлалъ сообщеніе о „церковныхъ церемоніяхъ храма св. Софіи въ Константинополѣ“. Предметъ доклада составляетъ уставъ церковныхъ службъ въ томъ видѣ, какъ послѣднія совершались въ означенномъ храмѣ въ IX вѣкѣ. Уставъ этотъ недавно найденъ на островѣ Патмосѣ, въ библиотекѣ тамошняго монастыря св. Іоанна Богослова. Сдѣлавъ общія заключенія о памятникѣ и особенно о его составѣ, отражающемъ въ себѣ процессъ происхожденія вообще церковныхъ уставовъ, референтъ остановился съ болѣею подробностью на опредѣленіи времени происхожденія устава Великой церкви. Въ текстѣ этого устава нашлось нѣсколько весьма ясныхъ указаній на начало IX в., какъ время первой редакціи устава, и на конецъ того же вѣка, какъ время окончательной редакціи, съ чѣмъ согласуются и палеографическія данныя. Затѣмъ проф. Красносельцевъ сдѣлалъ краткій анализъ памятника по тремъ рубрикамъ: топографическій элементъ, историческій и специально-литургическій. Въ первой рубрикѣ собраны данныя, относящіяся къ храмамъ, въ которыхъ совершались богослуженія въ Константинополѣ въ IX в. Оказывается, что въ уставѣ содержатся указанія болѣе чѣмъ на 90 храмовъ, изъ коихъ нѣкоторые доселѣ не были извѣстны, или извѣстны подъ другими названіями. Оставивъ въ сторонѣ храмы извѣстные, докладчикъ сдѣлалъ свои замѣчанія о бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными. Въ рубрикѣ, касающейся историческаго элемента, проф. Красносельцевъ указалъ на праздники въ честь построенія города, построенія или обновленія церквей, избавленія отъ ужасовъ землетрясенія, отъ нашествія варваровъ и праздники въ память вселенскихъ соборовъ. Въ числѣ указаній на избавленіе отъ варваровъ нашлось одно, хотя и темное, указаніе на нашествіе руссовъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Въ рубрикѣ литургической указано на факты, оправдывающіе особенности древнѣйшихъ обрядовъ литургіи, и на преобладаніе, такъ называемаго, „прѣсненнаго послѣдованія“ въ ежедневномъ богослуженіи. Въ заключеніе докладчикъ сказалъ нѣсколько словъ о значеніи устава церковныхъ церемоній храма св. Софіи для объясненія придворныхъ церемоній, описанныхъ Константиномъ Багрянороднымъ.

— Въ Императорскомъ Одесскомъ обществѣ исторіи и древностей въ засѣданіи 17 декабря 1891 г. проф. В. А. Яковлевъ прочелъ сообщеніе о томъ, когда были заложены первыя церкви въ Одессѣ.

Опровергая утвержденія историковъ г. Одессы, что такая закладка была произведена 22 августа 1795 г., проф. Яковлевъ доказывалъ, что она совершилась въ ноябрѣ того же года.

Харьковское Историко-Филологическое Общество.

— Въ засѣданіи 10 окт. 1891 г. происходили выборы председателя и секретаря; избраны прежніе—проф. М. С. Дриновъ председателемъ, проф. Н. Θ. Сумцовъ—секретаремъ. Въ томъ же засѣданіи М. М. Плохинскимъ сдѣлано было сообщеніе: „Мазепа, какъ великороссійскій помѣщикъ“ (по даннымъ семейнаго архива кн. Барятинскаго).

— Въ засѣданіи 16 января 1892 г. былъ прочитанъ обширный рефератъ проф. А. С. Лебедева „О вотчинномъ управленіи и бытѣ монастырей Курской и Бѣлгородской епархій“ (по архивнымъ даннымъ). А. С. Лебедевъ представилъ любопытную характеристику монастырскаго хозяйства и управленія въ предѣлахъ Курской и отчасти Харьковской губерніи. Матеріаломъ для него послужили документы двухъ монастырскихъ архивовъ—Курскаго—Знаменскаго и Николаевскаго—Бѣлгородскаго. Они будутъ приложены къ изслѣдованію и напечатаны въ 4 томѣ „Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества“. Изъ дѣлъ, рассмотрѣнныхъ Обществомъ, отмѣтимъ два болѣе интересныя. Одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, предложило обществу свои рукописныя записки съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были вскрыты только черезъ 50 лѣтъ, а до тѣхъ поръ хранились въ наглухо запечатанномъ пакетѣ; общество приняло это предложеніе. Слѣдующій пятый томъ трудовъ общества будетъ заключать въ себѣ посмертное, еще не изданное сочиненіе покойнаго проф. А. А. Потебни—третью часть „Записокъ по русской грамматикѣ“; здѣсь же будетъ помѣщенъ его фототипическій портретъ. Выручка отъ продажи этого изданія пойдетъ въ фондъ для учрежденія преміи имени покойнаго за сочиненія изъ области его занятій. Для веденія дѣла общество изъ своей среды избрало комиссію, на обязанности которой будетъ лежать приготовленіе къ изданію рукописи и веденіе корректуры; въ составъ комиссіи вошли гг.: Дриновъ, Халанскій, Ляпуновъ и Овсяннико-Куликовскій.

— Въ засѣданіи 20 февраля 1892 г. Н. Θ. Сумцовъ сдѣлалъ обзоръ научной дѣятельности академика М. И. Сухомлинова. Л. Ю. Шепелевичъ прочелъ одну главу изъ своей работы о „Павловомъ видѣніи“, первая часть которой была напечатана въ прошломъ году. Референтъ говорилъ о празднованіи воскресенья въ первые вѣка христіанства. Далѣе онъ указалъ на памятники, въ которыхъ праздни-

ваніе воскреснаго дня примѣняется къ душамъ, осужденнымъ на вѣчныя муки, въ частности—на Павлово видѣніе. Въ заключеніе было сказано нѣсколько словъ объ отношеніи Данта къ этому вопросу. Д. И. Миллеръ предложилъ обществу свое сообщеніе „О Голштинскихъ наборахъ въ Малороссіи“. Въ царствованіе Петра Ш-го, извѣстнаго своею приверженностью ко всему голштинскому, производились между прочимъ наборы вольныхъ людей въ голштинскій отрядъ и въ Малороссіи. Референтъ извлекъ изъ архива Малороссійской коллегіи документальныя данныя объ этихъ „вербункахъ“ и составилъ на основаніи ихъ яркую историческую картину; рельефными чертами очерчено было возбужденіе, поднятое среди тогдашнихъ канцеляристовъ и „паньчей“ призывами вербовщиковъ, и указаны причины его; охарактеризованъ былъ и наборъ „великорослыхъ“, отличавшійся отъ перваго своимъ демократическимъ характеромъ; указана роль мѣстной администраціи въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ изложенъ и эпилогъ этого печальнаго для малороссійскихъ „голштинцевъ“ предпріятія; со смертію Петра Ш-го обстоятельства круто измѣнились и „малороссійцы“ должны были вернуться ни съ чѣмъ въ „батьковскія хаты“. Наконецъ, было прочитано сообщеніе отсутствующаго члена общества П. В. Иванова: „О путяхъ Игоря Сѣверскаго въ землю Половецкую въ 1185 году“. Авторъ, вопреки принятымъ въ послѣднее время мнѣніямъ гг. Аристова и Голубовскаго, предполагаетъ, что Игорь не далеко зашелъ вглубь Половецкой земли—потерпѣлъ пораженіе отъ Половцевъ не въ Екатеринославскихъ степяхъ, а въ нынѣшней Курской губ. Опровергая соображенія Аристова и Голубовскаго, г. Ивановъ старался собрать и положительныя доказательства въ пользу своего мнѣнія (изъ лѣтописей, данныхъ топографической номенклатуры). Общій выводъ сдѣланъ осторожно и не претендуетъ на непогрѣшимую достовѣрность.

Въ засѣданіи 12 марта 1892 г. было сдѣлано два сообщенія: Е. П. Радакова прочла рефератъ „О походахъ козаковъ на работы къ Ладожскому каналу“ и г. Харціевъ „О бумагахъ покойнаго проф. А. А. Потебни“. Г-жа Радакова воспользовалась всѣми печатными первоисточниками по взятому ею вопросу и дополнила ихъ архивными данными. Документальными данными она провѣрила подозрительныя въ глазахъ ученаго міра свидѣтельства „Исторія Руссовъ“ и Орлика и возстановила подлинный характеръ этого событія со всею его бытовою обстановкою. Изложеніе своего частнаго спеціальнаго вопроса г-жа Радакова поставила въ связь съ общимъ ходомъ русской исторіи, съ характеромъ мѣропріятій и реформъ Петра Великаго. Въ томъ же засѣданіи проф. Д. И. Багалъемъ былъ сдѣланъ докладъ относительно принадлежащаго обществу историческаго архива. Указавъ на огромное количество цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи документовъ, состав-

ляющихъ нынѣ собственность общества и университета, докладчикъ высказалъ пожеланіе, чтобы Архивъ былъ введенъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета. Но прежде, чѣмъ это будетъ сдѣлано, необходимо теперь же ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о дарованіи правъ государственной службѣ архиваріусу, который теперь служитъ по найму и не несетъ никакой отвѣтственности ни за цѣлость документовъ, ни за точность выдаваемыхъ имъ выписей разнымъ частнымъ лицамъ. Необходимо также, чтобы правленіе университета назначило въ архивъ особаго служителя въ помощь архиваріусу. Въ заключеніе этихъ двухъ прямыхъ ходатайствъ докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы и изъ университетскаго архива была выдѣлена извѣстная часть старыхъ дѣлъ (за первые 60 лѣтъ существованія университета) для научной разборки и пользованія. Это особенно необходимо въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Харьковскаго университета; составленіе коллективнымъ образомъ Біографическаго Словаря профессоровъ Харьковскаго университета (по образцу Кіевскаго) возможно будетъ только при томъ условіи, если старыя дѣла, имѣющія теперь только историческій интересъ, сдѣлаются доступными для научныхъ изслѣдованій, если они, въ качествѣ особаго отдѣленія, будутъ воссоединены съ Историческимъ архивомъ Историко-филологическаго общества.

Засѣданія исторической секціи учевнаго отдѣла Моск. Общества распространенія технич. знаній.

Засѣданіе 18 ноября. В. А. Фуксъ прочиталъ докладъ о *недостаткахъ въ направленіи работъ секціи и желательныхъ измѣненіяхъ въ немъ*. До сихъ поръ на первомъ планѣ стояло составленіе учебника. Задержка въ соответствующихъ докладахъ, несвязность наличныхъ рефератовъ даетъ основаніе указать на тѣ затрудненія, которыя сопряжены съ разрѣшеніемъ вышеупомянутой задачи коллективной работой. По мнѣнію референта, коллективная работа въ высшей степени плодотворна въ составленіи программы и хрестоматіи. Настоятельно приглашая обратиться къ этому дѣлу, референтъ предлагалъ дѣйствовать систематически и подвигаться въ хронологическомъ порядкѣ. Лишь послѣ разработки подробной программы можно приступать къ учебнику, при составленіи котораго желательно не дробленіе, а напротивъ, сосредоточеніе работы въ немногихъ рукахъ.

В. Н. Беркутъ, приступая къ изложенію *программы эпохи гражданскихъ войнъ въ Римѣ*, остановился на вопросѣ объ учебникѣ по древней исторіи. По новымъ программамъ курсъ древней исторіи

долженъ быть пройденъ дважды, въ IV и VIII классѣ классической гимназій. Второй курсъ названъ повторительнымъ, что, по мнѣнію референта, неправильно, такъ какъ лишь въ старшемъ классѣ ученики могутъ быть введены въ пониманіе явленій античнаго міра. Въ курсѣ IV класса матеріалъ долженъ быть значительно ограниченъ и переработанъ соответственно умственному уровню мальчиковъ 14—15 л. Въ виду этого референтъ предлагалъ принять систему двухъ учебниковъ по древней исторіи и находилъ нужнымъ начать съ составленія учебника для VIII класса.

Собраніе высказалось за первое предложеніе референта единогласно, за второе—большинствомъ голосовъ.

Засѣданіе 2 декабря. Засѣданіе началось съ обсужденія доклада В. А. Фукса.

Резюмированныя еще разъ предложенія референта были дополнены слѣдующимъ образомъ: совмѣстное обсужденіе программы ставится текущей работой комиссіи, но для того, чтобы не останавливать работы по составленію учебника, текущая работа уступаетъ мѣсто сообщеніямъ по учебнику и ведется въ свободное отъ такихъ сообщеній время.

Противники предложеній В. А. Фукса (А. Н. Поливановъ, В. Н. Беркутъ, М. К. Любавскій) настаивали на возможности коллективнаго составленія учебника и находили, что при новомъ направленіи работы будетъ парализовано составленіе учебника. Съ другой стороны, они находили, что при разработкѣ программы въ хронологическомъ порядкѣ нельзя рассчитывать на своевременное участіе специалистовъ.

Защитники предложеній В. А. Фукса (О. П. Герасимовъ, Р. Ю. Випперъ, В. Е. Гіацинтовъ, В. Н. Сторожевъ) находили, что объ работы, по составленію систематической программы и по учебнику, могутъ идти самостоятельно. При обсужденіи программы самое важное—не спеціальныя знанія, а классный опытъ; специалисты окажутъ тѣ же услуги при разработкѣ систематической программы, что и въ работахъ на темы, случайно выдвигавшіяся. При новомъ направленіи станетъ болѣе возможнымъ и болѣе обязательнымъ участіе всѣхъ членовъ, посѣщающихъ собранія.

Предложенія В. А. Фукса въ дополненной формѣ были приняты большинствомъ 10 голосовъ противъ 2.

В. Н. Беркутъ, продолжая чтеніе доклада, начатаго въ предшествующемъ засѣданіи, перешелъ къ изложенію руководящихъ точекъ зрѣнія въ характеристикѣ эпохи гражданскихъ войнъ въ Римѣ. Основной принципъ въ составленіи систематическаго курса исторіи состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего выяснитъ, что далъ извѣстный періодъ для всемірной исторіи. Первый вѣкъ до Р. Х. въ римской

исторіи является временемъ заготовки того матеріала, съ которымъ выступила имперія въ своей работѣ: 1) романизациі, 2) борьбы съ варварами. Матеріалъ этотъ составляютъ: 1) громадный запасъ провинцій, 2) извѣстная форма власти и управленія, 3) культурное богатство эллино-римскаго міра. Какъ исторія приобрѣтенія провинцій, такъ и исторія усвоенія римлянами эллинской культуры составляютъ существенное содержаніе характеристики предшествующаго періода. При изложеніи разбираемой эпохи главное вниманіе должно быть сосредоточено на внутреннихъ событіяхъ, на политико-соціальной исторіи.

Засѣданіе 16 декабря. В. А. Фуксъ доложилъ *общую программу исторіи Востока*. Референтъ находилъ желательнымъ двукратное прохожденіе курса исторіи Востока: въ IV классѣ—на основаніи разсказовъ Геродота, въ VIII—на основаніи открытій и выводовъ современной науки. Остановливаясь на программѣ втораго курса, референтъ выставилъ слѣдующія общія положенія: 1) изъ курса должны быть исключены легенды, не подтверждаемыя новѣйшими изслѣдованіями; 2) исторія Востока должна быть излагаема преимущественно съ культурной стороны; 3) должно быть обращено особое вниманіе на географическія условія мѣстности, вліяніемъ которыхъ объясняются особенности быта; 4) полезны иллюстраціи въ видѣ картинъ, атласовъ и т. п.; 5) число хронологическихъ данныхъ должно быть ограничено; 6) изложеніе исторіи Востока должно быть по возможности сжато.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ А. Н. Поливановъ выдвинулъ необходимость ознакомленія съ легендами въ виду того, что онѣ служатъ сюжетами для произведеній искусства и литературы, но предлагалъ перенести изложеніе ихъ въ уроки русскаго языка. Р. Ю. Випперъ находилъ, что и въ IV классѣ не слѣдуетъ давать фактовъ, опровергнутыхъ наукой; курсъ исторіи Востока въ VIII классѣ, по необходимости повторительный, слѣдуетъ признать излишнимъ. Въ курсъ исторіи Востока необходимо ввести исторію Индіи (1 урокъ), такъ какъ 1) на ней лучше всего объяснить кастическій строй, 2) необходимо дать понятіе о буддизмѣ.

По окончаніи преній Р. Ю. Випперъ представилъ, какъ образецъ небольшой статьи для хрестоматіи, *картинку изъ Раблэ* (Аббатство Телема) въ видѣ иллюстраціи идеаловъ эпохи Возрожденія.

1892 годъ. Засѣданіе 13 января. О. П. Герасимовъ доложилъ *программу исторіи Греціи отъ древнѣйшихъ временъ до греко-персическихъ войнъ*. Референтъ началъ съ указанія на затрудненія при изченіи курса греческой исторіи за отмѣченный періодъ: 1) трудно добиться представленія объ общемъ развитіи Греціи благодаря томъ, что вниманіе учениковъ сосредоточено на Спартѣ и Аѣинахъ, 2) трудъ

установить связь и преемственность между периодомъ героическимъ и слѣдующимъ за нимъ, 3) затруднительно вплетение въ общую канву культурныхъ фактовъ.

Программа была разобрана референтомъ по слѣдующимъ рубрикамъ:

1) Происхождение грековъ (связь съ другими арійскими народами, дѣленіе на племена).

2) Географическій обзоръ Греціи (физическія свойства, названія областей, сношенія съ культурными народами, легенды о переселенцахъ, результаты раскопокъ.

3) Передвиженіе племенъ и начало колонизаціи Востока.

4) Религія грековъ (почитаніе мертвыхъ и родовой бытъ, олимпійскіе боги, Дельфійскій оракулъ, сказанія о герояхъ, Гомеръ).

5) Характеристика политическаго и соціального строя по Гомеру.

6) Спарта (соціальный строй въ связи съ завоеваніемъ, политическій строй по ретрѣ Ликурга, воспитаніе спартанцевъ, дополненіе къ ретрѣ, эфоратъ, гегемонія Спарты, олимпійскія игры, колонизація Запада).

7) Аѣины (характеръ аристократіи въ сравненіи со спартанскою, установленіе господства аристократіи, реформы Дракона и Солона по новымъ даннымъ трактата Аристотеля, тираннія, какъ общее явленіе греческой жизни извѣстнаго періода, реформа Клисеена).

Референтъ имѣлъ въ виду не курсъ опредѣленнаго класоа, а указаніе общей суммы фактовъ, которую долженъ вынести ученикъ изъ среднеучебнаго заведенія. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ первые два оппонента возражали, стоя на той же точкѣ зрѣнія.

Проф. П. Г. Виноградовъ, коснувшись затрудненій, отмѣченныхъ референтомъ, находилъ первое неустрашимымъ за недостаткомъ данныхъ по исторіи другихъ греческихъ государствъ, кромѣ Спарты и Аѣинъ. Общія характеристики должны быть даны на отдѣльныхъ моментахъ исторіи этихъ государствъ. Приемъ обращенія референта съ легендами устраняетъ второе затрудненіе. Что касается третьяго, то культурные факты могутъ быть размѣщены въ двухъ отдѣлахъ: 1) въ главѣ о религіи, при характеристикѣ боговъ и 2) въ главѣ о Пизистратѣ (культъ Діониса, мистеріи, начало трагедіи); умственное движеніе въ колоніяхъ слѣдуетъ отмѣтить отдѣльно. Далѣе оппонентъ находилъ, что географическое обзорѣніе должно предшествовать этнографическому. Изложеніе легенды о Ликургѣ, какъ историческаго факта, недопустимо въ учебникѣ. Провести въ курсѣ постепенное развитіе строя Спарты затруднительно; характеристику воспитанія и общественныхъ правовъ впрочемъ слѣдуетъ отнести къ концу періода и связать съ позднѣйшимъ строемъ. Въ главу объ Аѣинахъ важно

ввести новыя данныя изъ трактата Аристотеля (напр. постепенное развитіе архонтата) черты Драконовской и Солоновской реформы въ учебномъ изложеніи придется слить; начало тимократіи отнести къ Дракону; ареопагъ представить какъ афинскую герусію до Солона. Желательно болѣе подробное изображеніе эпохи Пизистрата, особенно со стороны демократизаціи Аѳинъ, облегчившей реформу Клисеена (улучшеніе экономического быта вѣрстѣянъ при помощи государственнаго кредита).

П. Н. Милуковъ находилъ возможнымъ изображать спартанскій строй систематически, родовую схему отнести къ Аѳинамъ, культурную исторію Греціи цѣликомъ отнести къ V вѣку.

Р. Ю. Випперъ указалъ на необходимость раздѣльнаго обсужденія программы IV и VIII классовъ.

Засѣданіе 27 января. Собраніе продолжало обсужденіе доклада *О. П. Герасимова*. Согласно предложенію, сдѣланному въ предшествующемъ засѣданіи, былъ выдѣленъ курсъ IV класса и только этотъ курсъ имѣлся въ виду въ преніяхъ.

Р. Ю. Випперъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: 1) въ географическомъ обзорѣ слѣдуетъ давать лишь физическое описаніе, политическія названія вводить по мѣрѣ изученія исторіи, 2) названія трехъ племенъ (устраняя ахеянъ) приурочить къ разсказу о передвиженіи и колонизаціи и дать сразу общую картину расселенія грековъ по колоніямъ, 3) съ характеристикой Спарты связать указаніе на общія черты аристократіи, ея идеалы, занятія, забавы (культъ Аполлона, идея государства), 4) въ главу объ Аѳинахъ помѣстить вставку о развитіи колоній, матеріальномъ, политическомъ и умственномъ, какъ введеніе въ исторію переворотовъ въ Греціи, 5) Драконово законодательство устранить, 6) Клисеену реформу филь объяснить въ общихъ чертахъ.

О. П. Герасимовъ не согласился съ оппонентомъ по 2 и 4 пункту. Въ изображеніи колонизаціи лучше держаться исторической связи и послѣдовательности (колонизація Запада въ связи съ мессенскими войнами); въ заключеніе можно дать общій обзоръ колоній для перехода къ эпохѣ грекоперсидскихъ войнъ. Вставка о развитіи колоній въ главѣ объ Аѳинахъ неудобно разрѣжетъ этотъ отдѣлъ.

Въ собраніи обнаружилось разногласіе, по пунктамъ 2, 4 и 6 (выясненіе реформы Клисеена иные находили труднымъ для IV класса).

О. П. Герасимовъ предложилъ собранію отложить окончательное рѣшеніе по спорнымъ вопросамъ до представленія имъ исправленной и дополненной согласно съ нѣкоторыми возраженіями программы. Предложеніе это было принято собраніемъ. (Сообщено *Р. Ю. Випперомъ*).

Дополняемъ этотъ отчетъ выдержкой изъ статьи „Рус. Вѣд.“ (№ 46) о годичномъ засѣданіи учебнаго отдѣла *О. Р. Т. З.*, бывшемъ

8 февраля. Послѣ чтенія отчета и небольшого перерыва Е. Н. Щепкинъ прочиталъ сообщеніе: „*Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ среднимъ образованіемъ вообще*“. Въ прошломъ году кружокъ московскихъ преподавателей исторіи задался мыслью ознакомить московскихъ педагоговъ съ постановкою преподаванія исторіи въ европейскихъ школахъ. Въ основаніе сообщеній предполагалось брать исключительно официальные программы и въ крайнемъ случаѣ объяснительныя къ нимъ записки. Но при этомъ обнаружился слѣдующій чрезвычайно любопытный фактъ. Оказалось, что программа всегда отгѣняется на задній планъ учебниками, и преподаваніе каждаго даннаго предмета такимъ образомъ всецѣло находится, такъ-сказать, въ рукахъ составителя распространеннаго руководства, такъ какъ рѣдкій учитель позволяетъ себѣ отступать отъ послѣдняго. У насъ преподаваніемъ исторіи всегда руководили Кайдановъ, Смарагдовъ, Иловайскій. Но учебникъ все-таки придерживается болѣе или менѣе программы. Въ Англіи же никакихъ программъ не оказалось. Докладчикъ сдѣлалъ затѣмъ подробный историческій очеркъ развитія англійской школы, вполне выяснившій причины того разнообразія программъ и пріемовъ, какое замѣтно въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство англійскихъ школъ возникло путемъ частной благотворительности или по инициативѣ отдѣльныхъ педагоговъ, и только часть ихъ имѣетъ официальное происхожденіе. Поэтому преподаваніе въ школахъ регулируется почти исключительно желаніями частныхъ лицъ. Только въ послѣднее время въ официальныхъ сферахъ проявилось стремленіе объединить преподаваніе. Въ основаніе своего дальнѣйшаго сообщенія о преподаваніи исторіи референтъ взялъ докладъ, сдѣланный Мальтономъ въ „коллегіи наставниковъ“, полагая, что эта авторитетная коллегія выражаетъ взгляды большинства англійскихъ педагоговъ. Вкратцѣ выводы англійскаго педагога сводятся къ слѣдующему. Преподаваніе исторіи должно имѣть цѣлью развить въ ученикахъ любовь къ человѣчеству, строившему исторію. Существующій способъ постепеннаго подготовленія всѣхъ школьниковъ къ серьезнымъ занятіямъ исторіей долженъ считаться неудовлетворяющимъ цѣли, такъ только незначительная часть ихъ дѣлаются завзятыми историками. Среди учениковъ должны получить широкое распространеніе живые историческіе рассказы, хотя бы и нѣсколько искажающіе дѣйствительность поэтическими вымыслами (Вальтеръ-Скоттъ, хроники Шекспира). Въ преподаваніи не должна имѣть мѣсто узкая политическая партійность ¹⁾.

¹⁾ Рефератъ Е. Н. Щепкина будетъ напечатанъ въ V томѣ „Историч. Обзорѣнїа“.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КРУЖОКЪ СТУДЕНТОВЪ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ началѣ 1890 года среди нѣсколькихъ студентовъ Дерптскаго университета, избравшихъ спеціальностію циклъ историческихъ наукъ, явилась мысль объ образованіи историческаго кружка. Инициаторами были: Н. Бушъ, А. ф.-Гернетъ и П. Рорбахъ. При дѣятельномъ участіи профессоровъ Гаусмана и Брикнера, они выработали уставъ кружка, получившій въ мартѣ того же 1890 года утвержденіе университетскаго начальства. Уставъ этотъ состоитъ изъ 34 параграфовъ. Извлекаемъ изъ него наиболѣе существенныя положенія.

Кружокъ (Historischer Verein) ставитъ своею задачею объединеніе дерптскихъ студентовъ историковъ на почвѣ серьезнаго научнаго общенія, преслѣдуя общее образованіе и въ то же время отнюдь не исключая ни одного изъ развѣтвленій исторической науки. Цѣль кружка осуществляется посредствомъ: а) литературныхъ рефератовъ, б) чтенія источниковъ, в) докладовъ самостоятельныхъ монографій и г) бесѣдъ. *Рефераты* должны систематически слѣдить за всѣмъ выдающимся въ современной исторической литературѣ; но, по мѣрѣ надобности, обсуждаются и ранѣе опубликованныя произведенія. Признано желательнымъ аккуратно слѣдить за дѣятельностью ученыхъ обществъ, и во всякомъ случаѣ обязательно знакомить съ ходомъ работъ „Общества древней германской исторіи“, „Мюнхенской комиссіи“ и „Рижскаго общества исторіи и древностей“. *Чтеніе* имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ознакомить слушателей путемъ избранныхъ отрывковъ съ характерными чертами историческаго памятника (или крупнаго историческаго писателя) и его значеніемъ въ наукѣ. Предварительно такового чтенія даются объясненія въ размѣрѣ, необходимомъ для того, чтобы лучше ориентироваться въ данномъ произведеніи. *Докладомъ* можетъ служить любая тема, получившая одобреніе Кружка. Вопросъ о принятіи темы или недопущеніи ея рѣшается въ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ. Основныя положенія доклада должны быть изложены въ формѣ тезисовъ. Подъ *бесѣдою* понимаются: а) пренія о тезисахъ, б) разъясненія предложенныхъ вопросовъ и в) вообще всякій устный обмѣнъ мыслей о вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ исторіей.

Кружокъ избираетъ научную комиссію изъ четырехъ сочленовъ: специалистовъ по исторіи средневѣковой, новой, русской и мѣстн балтійской. Эта комиссія вырабатываетъ программу того, что должъ быть реферировано, слѣдить за текущей литературою, намѣчаетъ какой памятникъ или писатель могъ бы служить темою для чтенія указываетъ наиболѣе подходящіе изъ нихъ отрывки и т. п.

Членомъ Кружка можетъ быть всякій студентъ Дерптскаго университета. Кружокъ избираетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя. Первый руководитъ дѣятельностью Кружка, вообще является его официальнымъ представителемъ, а во время засѣданій руководитъ преніями. На вице-предсѣдателѣ лежитъ обязанность вести протоколы засѣданій, завѣдывать кассою и библіотекою, а также замѣнять предсѣдателя въ его отсутствіе.

Засѣданія въ періодъ учебныхъ мѣсяцевъ происходятъ обыкновенно черезъ каждые 14 дней. На всякій докладъ удѣляется не болѣе $\frac{3}{4}$ часа. Въ случаѣ самостоятельныхъ монографій референтъ обязанъ на предыдущемъ засѣданіи сообщить источники и пособія, какими онъ пользовался. Уставъ дозволяетъ вводить постороннихъ гостей-посѣтителей, но лишь при полномъ согласіи на то всѣхъ членовъ Кружка. О каждомъ засѣданіи съ указаніемъ его программы профессора историческихъ кафедръ Дерптскаго университета оповѣщаются особо. За два года существованія въ Историческомъ Кружкѣ перебывало 24 члена. Уже въ силу основныхъ условій составъ его постоянно долженъ обновляться. Первымъ предсѣдателемъ былъ студентъ А. ф. Гернетъ; съ сентября 1890 г. таковымъ состоитъ студентъ Н. Бушъ при вице-предсѣдателѣ А. ф. Геденштрѣмѣ. Къ сказанному остается добавить, что всѣ рефераты, обсужденія ихъ, протоколы и пр. ведутся на языкѣ нѣмецкомъ.

Вотъ перечень докладовъ, рефератовъ и чтеній бывшихъ въ Кружкѣ съ 13 марта 1890 г. (перваго засѣданія) по апрѣль 1892 г.

1. Развитіе папства (реферировалъ Рорбахъ).— 2. Норманнскій вопросъ (реф. Драгендорфъ).— 3. Литература балтійской исторіи за послѣднія 25 лѣтъ (Гернетъ).— 4. Генрихъ Латышъ и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ его хроники (Фере).— 5. Архивъ князя Воронцова, (Геденштрѣмъ).— 6. Вопросъ о Валленштейнѣ (Гиргензонъ).— 7. По вопросу о философіи исторіи (Рорбахъ).— 8. „Mittheilungen aus der Gesch. Livlands. XIII, 3“ (Фейерѣйзенъ).— 9. Такъ назыв. Фредегарій и изданіе его въ Monumenta Germaniae (Вальтеръ).— 10. Баронъ фонъ-Штейнъ и чтеніе изъ его автобіографіи (Рорбахъ).— 11. О могильныхъ находкахъ въ приходѣ Тирсенъ, Лифл. губ. (Рорбахъ).— 12. Висби и его развалины (Геденштрѣмъ).— 13. Некрологи въ Monumenta Germaniae (Вальтеръ).— 14. Картографія Балтійскаго края (Гернетъ).— 15. „Сборникъ русскаго историческаго общества“ (Грейфенгагенъ).— 16. „Hansarecesse“ (Фейерѣйзенъ).— 17. „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber“ Ранке и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ этого сочиненія (Бушъ).— 18. Рѣчи Слейдана по поводу избранія Карла V и Sabinus. Eloc. Karoli V.— 19. Мемуары г-жи Роланъ (Брейтцеръ).— 20. Разборъ соч. Шмидта: „Freiherr v. Stein“ (Геден-

штрёмъ).—21. Очеркъ развитія Ганзы (Радозерскій).—22. Орденъ св. Гроба Господня (Вальтеръ).—23. Изъ исторической литературы Балтійскаго края (Бушъ).—24. Взглядъ Нитча на развитіе Германіи (Вальтеръ).—25. Чтеніе изъ „Hermann Hildebrand“ Копмана.—26. Мнѣнія Ранке объ исторіи Лифляндіи (Фейерэizenъ).—27. Neues Archiv, XVI, 1 (Грейфенгагенъ).—28. Хроника Бодекера и чтеніе изъ нея отрывковъ (Бушъ).—29. Дѣятельность историческихъ обществъ въ Остзейскихъ губерніяхъ (Гландштрёмъ).—30. Разборъ „Papstfabeln im Mittelalter, Деллингера (Зихтенштейнъ).—31. Діалогъ Ульриха ф. Гуттена: „Inspicientes“ (Нейманнъ).—32. С. М. Соловьевъ (Гиргензонъ).—33. Чтеніе изъ соч. Дройзена: „Studien zur balt. Geschichte“ (Бушъ).—34. С.-Пуфендорфъ и чтеніе выдающихся отрывковъ изъ его историч. трудовъ (Гернетъ).—35. Три утопическихъ государства: Платона, Т. Мора и Кампанеллы (Геденштрёмъ).—36. Титмаръ Мерзебургскій (Грейфенгагенъ).—37. Чтеніе отрывковъ изъ хроники Титмара (Бушъ).—38. Александрійскій патриархатъ (Рорбахъ).—39. Запѣтка по поводу хроники Титмара (Нейманнъ).—40. „Descriptio insularum aquilonis“, Адама Бременскаго (Драгендорфъ).—41. Эккегардтъ ф. Аура (Бушъ).—42. Чтеніе изъ его хроники (Вальтеръ).—43. Восстаніе Ливовъ и Латышей въ 1212 г. (Зихтенштейнъ).—44. Разборъ книги Гарнака: „Das Kurfürstencollegium“ (Гиргензонъ).—45. Фр. ф. Бунге и В. Грейфенгагенъ (Грейфенгагенъ).—46. Чтеніе изъ „De schismate Hildebrandi (Геденштрёмъ).—47. Хожденіе въ Іерусалимъ Даніила Паломника (Нейманнъ).—48. Григорій Турскій и чтеніе отдѣльныхъ мѣстъ его хроники (Зихтенштейнъ).—49. Рига и Ревель въ книгѣ Гегеля „Städte und Gilden“ (Бушъ).—50. Историкъ Дерптскаго университета (Вальтеръ).—51. Limes romanus (Нейманнъ).—52. Дерптскіе историки (Вальтеръ).—53. Разборъ книги Неймана: „Alt-Riga“ (Бушъ).—54. Изъ исторической литературы Балтійскаго края (Фейерэizenъ).

— Премія Г. О. Карпова за изслѣдованія по русской исторіи. При Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ, состоящемъ при Московскомъ университетѣ, учреждена ежегодная премія въ 500 руб. имени доктора русской исторіи, Геннадія Ѳеодоровича Карпова, за изслѣдованія по русской исторіи, на счетъ $\frac{1}{10}$ съ пожертвованнаго для этой цѣли капитала. Срокъ представленія сочиненій на эту премію назначается 1-го ноября сего 1892 года. С присужденіемъ преміи объявлено будетъ 24-го апрѣля 1893 г.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳеодоровича Карпова

допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и члены Общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-е ноября предшествующаго конкурсному года.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ или же на имя его секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлать на нихъ свое имя или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Федоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 руб. и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, Общество избираетъ изъ среды себя особую комиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой комиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Комиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ членовъ Общества, а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ комиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ комиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣ-

даніи Общества, 24-го апрѣля, въ день кончины Геннадія Федоро-
вича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году преміи,
она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ ко-
торого она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 р., упо-
требляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ cadaго присужденія Общество печатаетъ
подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго премією
сочиненія.

— *Харьковскій историческій архивъ съ 1 окт. 1890 г. по 1 окт. 1891 г.* Архивъ находится въ вѣдѣніи Историко-филологическаго Обще-
ства. Архивариусомъ состоитъ кандидатъ историческихъ наукъ М.
Плохинскій, завѣдующимъ — проф. Д. Багалъй. Въ истекшемъ году
занесено въ каталогъ 2445 номеровъ новыхъ дѣлъ. Поступили въ
архивъ слѣдующіе документы отъ разныхъ лицъ и учреждений: 1)
дѣла 5-го харьковского украинскаго военнаго поселенія; 2) дѣло о
переселеніи малороссіянъ въ 1785 году на Царицынскую линію и
Кавказъ; 3) о возмущеніи подданныхъ Базилевскаго и нѣкоторыхъ др.
Организованъ при архивѣ новый отдѣлъ — писемъ и бумагъ универ-
ситетскихъ дѣателей; сюда поступили документы покойныхъ профес-
соровъ Харьковского университета М. Н. Петрова и И. В. Платонова.
Въ справочной библіотекѣ, учрежденной для занимающихся въ архивѣ
и членовъ Общества, числится въ настоящее время 439 томовъ раз-
ныхъ книгъ и брошюръ; каталогъ библіотеки отпечатанъ. Съ цѣлью
научной разработки архивнаго матеріала архивъ посѣщали слѣдую-
щіе лица: П. П. Короленко, работающій надъ исторіей запорожскихъ
козаковъ, проф. Д. И. Багалъй, извлекавшій матеріалы для исторіи
магдебургскаго права въ Малороссіи, Д. П. Миллеръ, занимавшійся
изслѣдованіемъ вопросовъ о шелководствѣ и голштинской службѣ въ
Малороссіи, Ел. П. Радакова, собирающая данныя о натуральныхъ
повинностяхъ козаковъ, А. А. Русовъ, извлекавшій акты, касающіеся
Густынскаго монастыря, о. Ник. Лашенко, интересовавшійся бума-
гами Платонова и нѣкоторыми другими. Нѣкоторые лица обращались
за справками о своихъ фамиліальныхъ документахъ. Библіотекой поль-
зовались работавшіе въ архивѣ, члены Общества, посторонніе ученые
и студенты по рекомендаціи членовъ Общества.

Новыя книги, доставленныя въ библіотеку Историческаго Общества.

1. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга восьмая. Москва 1891 (VIII+92+177+459+XI стр.). Ц. 3 р. 50 к. *I-й отдѣлъ* книги посвященъ обзору ученыхъ занятій, совершенныхъ посторонними лицами и въ-домствами на основаніи документовъ Архива. *II-й отдѣлъ* содержитъ въ себѣ: 1) окончаніе статьи Н. Н. Ардашева: „Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива“; 2) „Каменный приказъ и его дѣла (1775—1783 гг.)“,—ст. В. В. Шереметевскаго, и 3) Письма современниковъ къ бояр. Ив. А. Мусину-Пушкину (1704—11 г.) съ предисл. и примѣч. А. А. Гоздаво-Голомбѣвскаго. *III-й отдѣлъ* даетъ полный текстъ всѣхъ отысканныхъ пока въ Архивѣ (десяти) десяти-тенъ XVI в.; трудъ приготовленія ихъ къ изданію, обработки и составленія примѣчаній и особыхъ поясненій исполненъ В. Н. Сторо-жевымъ. Въ примѣчаніяхъ имъ сведенъ рядъ данныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ тексту, а въ поясненіяхъ къ каждой десятиѣ весь историческій матеріалъ, въ ней заключающійся, съ дополненіями изъ десяти-тенъ XVII в.; въ поясненіяхъ же сдѣлано сопоставленіе коломенской десяти-ти съ коломенской писцовой книгой XVI в., напечатанъ алфавитъ къ „Тысячной книгѣ“ и даны таблицы сборныхъ пунетовъ для разбора и денежной раздачи въ XVII в.

2. Журналы Комитета Министровъ. Царствованіе Императора Александра I. 1802—26 гг. Т. II. 1810—12 гг. Спб. 1891. 756 стр. Ц. 3 р. Журналъ Комитета Министровъ 1810—12 гг., за исключе-ніемъ лишь болѣе второстепенныхъ дѣлъ, напечатаны въ хронологи-ческомъ порядкѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ под-линникахъ; дѣлопроизводство Комитета по менѣ существеннымъ во-просамъ сгруппировано по разрядамъ дѣлъ и помѣщено въ особыхъ

извлеченіяхъ по каждому году отдѣльно. Журналамъ Комитета предпосланы обзорніе главнѣйшихъ предметовъ обсужденія Комитета Министровъ въ 1810—12 гг. и предметный указатель за 1810—12 гг.; въ концѣ тома напечатаны указатели біографическій и географическій. Трудъ исполненъ подъ непосредственнымъ руководствомъ статсъ-секретаря Куломзина.

3. *Г. Е. Аванасевъ*. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса. 1892. XX + 519 стр. Ц. 3 р. Содержание: Предисловіе. Земледѣлецъ и рынокъ. Рыночные регламенты. Рыночные чины. Время, размѣръ и районъ покупокъ. Купцы. Циркуляція хлѣба между провинціями. Пеажи. Каботажъ и частныя распоряженія. Реформа хлѣбной торговли и реакція. Вывозъ. Реформа внѣшней хлѣбной торговли. Вопросъ хлѣбной торговли въ печати. Реакція противъ вывоза хлѣба. Общество Голодовки. Реформы Тюрго. Нэккеръ; первое министерство. Ввозъ хлѣба. Де-Каллонъ; оживленіе надеждъ на освобожденіе хлѣбной торговли. Второе министерство Нэккера; реакція. Заключение. Приложенія.

4. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревского „Описаніе старой Малороссіи“ (Т. I. Стародубскій полкъ). *Д. И. Бамя*. Спб. 1891. 148 стр. (Изъ Отч. о 32 присужд. награды гр. Уварова).

5. Къ литературной исторіи Вольтера. Вольтеръ и „Римскія Дѣянія“. Профессора *Н. Барсова*. Спб. 1892. 24 стр. (Отд. отт. изъ ж. „Вѣстн. Иностр. Литер.“).

6. *Н. И. Барсовъ*. Существовала-ли въ Россіи инквизиція? Спб. 1892. 20 стр. Ц. 25 к. (Отд. отт. изъ ж. „Истор. Вѣстн.“).

7. *М. Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши (Dzieje Polski). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей проф. Спб. унив. Н. И. Карѣева. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Томъ II. Спб. 1891 (340 стр., съ картою).

8. *Ольгерда Вильчинскаго*. Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Спб. 1892. 80 стр. Ц. 80 к.

9. *Эмилъ Геннекенъ*. Опытъ построенія научной критики (Эстопсихологія). Переводъ съ французскаго *Д. Струнина*. Изд. ж. „Русское Богатство“. Спб. 1892. 121 стр. Ц. 80 к. Содержание: Предисловіе. Эволюція критики. Эстетическій анализъ. Психологическій анализъ. Соціологическій анализъ. Научно-критическій синтезъ (с. эстетическій, психологическій и соціологическій). Критика и исторія.

10. Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаринъ въ XIII—XIV вѣкѣ. *Хрисанъа Лопарева*, секретаря Императорскаго Общества любителей древней письменности. Спб. 1891. 54 стр. Очеркъ поэтической дѣятельности представителя упадка византійской поэзіи

Мануила Фила (1270?—1350? гг.) и подробное разсмотрѣніе его исторической поэмы (перепечатанной въ приложеніи) со стороны ея значенія для исторіи Византіи и славянъ.

11. Памятники древней письменности. LXXXIV. Слово о погибели рускыя земли. Вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщеніе *Хрсанѳа Лопарева*. (Общ. л. др. п.) Спб. 1892. 27 стр. Ц. 50 к. Сохранившееся въ ркп. XV в. Начало „Слова о пог. р. з. по (?) смерти в. кн. Ярослава“, пис. ок. 1238 г.,—текстъ со введеніемъ и примѣчаніями.

12. Памятники древней письменности. LXXXV. Житіе преподобнаго Стефана Комельскаго. Сообщеніе *Хрсанѳа Лопарева*. (Общ. л. др. п.). Спб. 1892. 23 стр. Ц. 50 к. Житіе и подвизи преп. Стефана, иже на Комельскомъ озерѣ монастырь совокупльшаго, и представившагося въ л. 7050 (по двумъ спискамъ).

13. Описаніе рукописей Императорскаго Общества любителей древней письменности. Трудъ *Хрсанѳа Лопарева*. Часть I. Рукописи въ листъ. Спб. 1892 г. VII + 373 стр. Обзоръ содержанія 190 рукописей (между ними нѣск. манускр. греч., лат., франц. и нѣм.); важнѣйшія статьи приведены цѣликомъ или въ извлеченіяхъ.

14. (*Хр. Лопаревъ*). Библіотека графа С. Д. Шереметева. Томъ второй. Собранія гр. А. С. Шереметевой и гр. Д. Н. Шереметева въ С.-Петербургѣ. Спб. 1892. 271 стр. Заглавія книгъ (1087 + 732 №) списаны цѣликомъ и точно приведены эпитафы и записи, а иногда и выдержки изъ сочиненія.

15. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Выпускъ 1-й. 1683—1762 г. Ген. шт. полк. *Д. Θ. Масловскій*, ордин. проф. Ник. Акад. Ген. Шт. Изд. при содѣйствіи Ник. Акад. Ген. Шт. Спб. 1891 (356 + 62 + 40 стр.).

15а. Чертежи, планы и схемы въ 1-му выпуску Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи *Д. Θ. Масловскаго*.

16. Значеніе и успѣхи классической археологіи. Вступительная лекція и. д. экстр. проф. Имп. Новоросс. унив. *А. А. Павловскаго*. Одесса. 1892. 24 стр. Перечисленіе археол. раскопокъ и находокъ въ Греціи и М. Азіи въ XIX в., и картина развитія древнегреческаго искусства.

17. Значеніе раскопокъ Генриха Шлимана. (Рефератъ, чит. въ Ист.-фил. Общ. при Новоросс. унив. проф. *А. А. Павловскимъ*). Одесса. 1891. 7 стр.

18. *В. Пискорскій*. Франческо Ферруччи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Кіевъ. 1891. X + 192 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Изъ „Кіевскихъ Универ. Изв.“). Авторъ изучаетъ (отчасти по рукоп. матер.) причины паде-

нія Флорентійської республіки і тѣ політическія і соціальнія условія, при которыхъ оно совершилось. (Содержаніе работы: Введеніе. Франческо Ферруччи. Флоренція въ XV—XVI вв. Переворотъ 16 мая 1527 г. Н. Каппони и Ф. Кардуччи. Война и осада Флоренціи. Паденіе республіки).

19. (*Ник. Полетаевъ*). Протоіерей М. І. Діевъ и его историко-археологическіе и этнографическіе труды. Кострома. 1891. 76 стр.—Очеркъ жизни и ученой дѣятельности прот. Діева (1794—1866), „изучавшаго какъ мѣстный, родной край (костромской), такъ и прошлое всей вообще Россіи“.

20. Общинная наша система въ литературѣ. Къ вопросу о высшемъ преподаваніи. *Д. Столыпина*. М. 1892. 21 стр.

21. Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. I. Десятни и Тысячная книга XVI вѣка, въ обработкѣ *В. Н. Сторожева*. М. 1891. IV + 459 стр.—Отд. изданіе III отдѣла VIII книги Оп. док. и дѣлъ М. Арх. М. Ю. (см. выше).

22. Къ вопросу о „четвертикахъ“. *В. Сторожевъ*. Спб. 1892. 23 стр. (Извѣд. изъ Журн. М. Н. Пр.).

23. Два челобитья. Матеріалъ для исторіи русскаго дворянства. Сообщилъ *В. Н. Сторожевъ*. 9 стр. Отт. изъ „Библиогр. Записокъ“. 1892 г.

24. Законы подражанія (*Les lois de l'imitation*). *Ж. Тарда*. Переводъ съ французскаго. Изданіе Ф. Павленкова. (Популярно-научная бібліотека). Спб. 1892 IV + 370 стр. Ц. 1 р. 50 к.—Тардъ „старался составить очеркъ общей соціологіи, постановить и формулировать ея принципы“. Очеркъ имѣетъ слѣдующее содержаніе: Всеобщность повторенія. Соціальныя сходства и подражаніе. Что такое общество. Что такое исторія. Логическіе законы подражанія. Вѣтлогическія вліянія; обычай и мода. Общія соображенія и выводы.

25. Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. *Н. Чеуминъ*. Изданіе редакціи журнала „Библиографъ“ (Н. М. Лисовскаго). Спб. 1891. 16 стр.—Вступительная лекція, читанная въ Спб. унив. предъ началомъ курса „Русскіе мемуары XVIII в.“ (содержаніе ея изложено въ „Историч. Обзоръ“, II, 1, 169—170).

26. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. 2-е изданіе, исправл. и дополн. Сочиненіе *Николая Ивановича Шихина*. (1-е изд. одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. для ср. и н. уч. з.). Рязань, 1891. VIII + 201 стр. Ц. 1 р. 25 к.

27. *Е. Шмурло*. XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891. 35 стр. (Изъ год. Отчета Училища св. Анны).—Авторъ

„указываетъ грань между старой и новой Россіей на рубежѣ XV и XVI стол.“.

28. Извѣстія Джіованни Тедадьди о Россіи времяѣ Ивана Грознаго. *Е. Шмурло*. Спб. 1891. 35 стр. (Отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр.). Нѣсколько словъ о Тедадьди. Текстъ, переводъ и комментарий записанныхъ А. Поссевиномъ его сообщеній (рефератъ объ этихъ изданіяхъ былъ читанъ проф. Шмурло въ Истор. Обществѣ, ср. „Истор. Обзор.“, II, 2, 12).

29. *Е. С. Шумиорскій*. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Ея біографія. Томъ первый. Спб. 1892. VIII + 440 стр. (съ портр.) Ц. 5 р.—Рассказъ о жизни Маріи Ѳеодоровны до восшествія на престолъ Павла I.

30. *Н. Н. Ойрсовъ*. Правительство московской Россіи и Петръ Вел. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Каз. 1891. 17 стр. (Изъ Уч. Зап. Каз. Univ.).

31. Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго, почетный членъ Казанскаго и бывшій ректоръ Варшавскаго университетовъ. Полулѣтняя годовщина его ученой и общественной дѣятельности въ 1842—92 гг. Отт. изъ „Русской Старины“, 1892 г. февр., стр. 519—534.

32. Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Томъ XLVI, изд. подъ ред. орд. проф. Кочубинскаго. Одесса. 1891. 14 + 639 стр. Ц. 3 р.—Этотъ томъ содержитъ въ себѣ только одну статью историческаго характера—историко-юрид. изслѣдованіе проф. И. Г. Табашникова „Прошлое вѣкседа“ (стр. 1—442).

33. Извѣстія Общества археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. Томъ X. Каз. 1892. Вып. 1, стр. 1—132. Ц. 1 р. Содержаніе: Отъ Редакціоннаго Комитета.—Доистор. археологія въ Скандинавіи. И. С.—Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в. А. А. Спицына.—Мордва. Истор.-этногр. очеркъ. І. И. Н. Смирнова.—Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Россіи.—Хроника.—Матеріалы.—Библіографія. Вып. 2, стр. 133—256. Ц. 1 р. Содержаніе: Доистор. археологія въ Германіи и Австро-Венгріи. И. С.—Слѣды древняго поселенія въ окрестн. г. Спасска Каз. г. А. Обрѣзкова.—Древняя курганная могила около дер. Бѣлымеръ въ Спасскомъ у. (съ фотогр.) А. А. Штувенберга.—Мордва. I (прод.) И. Смирнова.—Формы погребенія у совр. и др. нар. Вост. Рос. А. К.—Этнограф.-статист. данныя о бракахъ у чувашъ Каз. губ. В. К. Магницкаго.—Хроника.—Матеріалы.—Библіографія.—Протоколы.

34. Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. № 14. Подъ редакціей прав. дѣль Арс. Маркевича. Симферополь, 1891.

140 стр.—Содержаніе: Реестръ дѣламъ крымскаго двора съ 1474 по 1779 г., учиненный Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 г. Сообщ. О. О. Лашковъ.—Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—88 г. Съ предисл. О. О. Лашкова.—Скнѣскій всадникъ. (Поясная пряжка). Сообщ. проф. Н. И. Веселовскаго (съ изобр.).—Дѣла арх. Тавр. Губ. Правл., относящ. до сохран. памятниковъ старины въ пред. Тавр. губ. (прод.) А. Х. Стевена.—Раскопки кургановъ въ окрестн. Симферополя, произв. проф. Н. И. Веселовскимъ въ 1891 г. А. Кашпара.—Керченскія древности. Хр. П. Ящуржинскаго.—Опис. дѣлъ Таврич. Истор. Архива (прод.) А. И. Сѣницкаго.—Изъ дѣлъ Канцеляріи Николаевскаго военнаго губернатора. Сообщ. П. А. Ивановъ.—Протоколы засѣданій комиссіи.

Некрологъ.

За послѣднее время скончались три члена Историческаго Общества:

Н. А. Поповъ. 22 декабря 1891 г., въ Москвѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Нилъ Александровичъ Поповъ, заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета и управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи ¹⁾. Покойный родился 28 марта 1833 г. въ г. Бѣжецкѣ, Тверской губ., происходилъ изъ дворянъ, образованіе получилъ въ тверской губернской гимназіи (1844—1850 гг.) и въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету (1850—1854 гг.) гдѣ слушалъ лекціи С. М. Соловьева, Т. Н. Грановскаго, П. Н. Кудрявцева и О. М. Бодянскаго. Уже въ пору студенчества онъ пристрастился къ занятіямъ русскою исторіей, такъ что при выходѣ изъ университета со степенью кандидата онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе „Исторія вопроса о русской начальной лѣтописи“. Окончивъ курсъ въ университетѣ, покойный Н. А. получилъ ничтожное мѣсто надзирателя второй московской гимназіи съ жалованьемъ въ 14 руб. въ мѣсяцъ, какъ сообщаетъ проф. А. А. Кочубинскій въ одномъ фельетонѣ „Новороссійскаго Телеграфа“ и учителемъ четвертой московской гимназіи, какъ сообщаетъ самъ Н. А. въ своей автобіографической запискѣ, напечатанной въ „Памятной книжкѣ московскаго архива министерства юстиціи“ (тамъ же напечатанъ приблизительно полный списокъ его печатныхъ работъ). Въ 1857 году Н. А. былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ русской исторіи въ казанскій университетъ, а въ 1860 г. переведенъ тѣмъ же званіемъ въ московскій универси-

¹⁾ На его мѣсто назначенъ ординарный профессоръ Варшавскаго университета Дмитрій Яковлевичъ *Самоковасовъ*.

теть. Съ тѣхъ поръ его жизнь и дѣятельность навсегда сосредоточивается въ Москвѣ, которую онъ покидалъ лишь на время своихъ заграничныхъ командировокъ въ 1862—64 и 1870 гг. Въ 1861 г. онъ получилъ степень магистра за сочиненіе, имѣвшее въ свое время большой интересъ „Василій Никитичъ Татищевъ и его время“ (М. 1861 in 8°, стр. 803), а въ 1869 г. степень доктора русской исторіи за огромный трактатъ „Россія и Сербія“ (историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г. М. 1869 in 8°, т. I, стр. XIV + 521; т. II стр. X + 657), доставившій автору популярное имя и большія связи въ славянскихъ земляхъ (послѣ него осталась обширная переписка съ славянами).

Н. А. былъ непосредственнымъ ученикомъ и почитателемъ Сергѣя Михайловича Соловьева¹⁾ (впослѣдствіи уже по защитѣ докторской диссертации онъ женился на его дочери, Вѣрѣ Сергѣевнѣ, о которой такъ тепло говорить въ своемъ воспоминаніи проф. А. А. Кочубинскій), такъ что до первой заграничной командировки занимался исключительно русскою исторіей, обратившись къ исторіи и современному положенію славянъ не столько подъ влияніемъ О. М. Бодянского (уроки котораго все-таки оказали на него влияніе), сколько подъ влияніемъ духа времени и требованій университетской карьеры; однако отъ обращенія къ славянамъ онъ не потерялъ интереса къ русской исторіи и не прекратилъ чтенія лекцій по русской исторіи, составлявшихся подъ воздѣйствіемъ историческихъ работъ С. М. Соловьева. Его труды по исторіи и современному положенію славянъ, по устройству славянскаго отдѣла Этнографической выставки 1867 г. въ Москвѣ и участію въ качествѣ секретаря славянскаго благотворительнаго комитета (гдѣ его обширная дѣятельность значительно заслонялась личностью предсѣдателя комитета И. С. Аксакова) еще ждутъ оцѣнки. Вмѣстѣ съ научною и профессорскою дѣятельностью Н. А. соединялъ такимъ образомъ дѣятельность практическую, а также публицистическую и педагогическую (участіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Современной Лѣтописи“, а также „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ той поры, когда послѣднія еще могъ терпѣть человѣкъ съ независимымъ образомъ мыслей). Въ послѣднее время дѣятельность Н. А. сосредоточилась на занятіяхъ по устройству московскаго архива министерства юстиціи; онъ и скончался посреди этихъ непрекращавшихся ни на минуту занятій. Для болѣе подробнаго знакомства съ дѣятельностью покойнаго Н. А. отсылаемъ къ фельетонамъ „Новорос-

¹⁾ Біографія С. М. Соловьева была завѣтною мечтою Н. А.—ча, съ этою цѣлью онъ собралъ много матеріала, за обработку котораго уже было принялся.

сійскаго Телеграфа“ и „Варшавскаго Дневника“, къ статьямъ П. Н. Полевого и К. Н. Вестужева-Рюмина (въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“) и къ рефератамъ, читаннымъ въ московскихъ археологическомъ, этнографическомъ и исторіи и древностей Россійскихъ обществахъ В. Н. Сторозевымъ, В. О. Миллеромъ, И. И. Шимко и А. А. Гоздаво-Голомбѣвскимъ (двумъ послѣднимъ принадлежитъ *особенно обстоятельный очеркъ* жизни и дѣятельности покойнаго Н. А., хотя и безъ достаточной критической оцѣнки научнаго значенія Н. А.). Какъ на общую черту всѣхъ замѣтокъ и воспоминаній, до сихъ поръ появившихся о покойномъ Н. А. (о многихъ мы не упомянули), нельзя не указать на прекрасный отзывъ о немъ, какъ о человѣкѣ, полномъ гуманности, самой симпатичной общительности и преданномъ постоянному труду.

(Сообщено В. Н. Сторозевымъ).

И. А. Клейбергъ. Іосифъ Андреевичъ Клейбергъ родился въ С.-Петербургѣ 3 декабря 1863 г. Въ 1880 г., окончивъ курсъ во второй С.-Петербургской гимназіи съ серебряной медалью, онъ поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго Университета. Въ 1882 г. удостоенъ серебряной медали за сочиненіе, предложенное факультетомъ на тему „О методѣ взаимныхъ поляръ“. Въ 1883 г. удостоенъ золотой медали за сочиненіе „О падающихъ звѣздахъ“, причемъ сочиненіе это было напечатано на счетъ Университета. Въ 1884 г. Іосифъ Андреевичъ окончилъ курсъ со степенью кандидата и былъ оставленъ при Университетѣ по кафедрѣ астрономіи. Въ 1886 г. началъ читать на Высшихъ Женскихъ Курсахъ курсъ по „Теоріи вѣроятностей“ и вслѣдъ затѣмъ и въ Университетѣ на юридическомъ факультетѣ „Приложеніе теоріи вѣроятностей къ изслѣдованію общественныхъ явленій“. Въ 1888 г. защищалъ въ Казанскомъ Университетѣ диссертацию на степень магистра астрономіи „Сглаживаніе рядовъ наблюденій по способу наименьшихъ квадратовъ“. Часть 1888 и 1889 годовъ онъ провелъ въ Кембриджѣ, гдѣ занимался математикой. Живымъ воспоминаніемъ объ этомъ пребываніи въ англійскомъ Университетѣ остался его очеркъ „Кембриджскій Университетъ“ (Вѣстн. Европы 1890 г. сентябрь-октябрь). Въ 1890/91 г. Іосифъ Андреевичъ читалъ еще лекціи въ Университетѣ на математическомъ отдѣленіи. Весною 1891 г. онъ заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться за границу. Осложнившійся туберкулезный процессъ повлекъ за собою смерть. Іосифъ Андреевичъ скончался въ Ниццѣ 31 января 1892 года. Бромъ ряда специальныхъ работъ въ области астрономіи и математики, покойный писалъ еще и популярныя астрономическіе очерки. Изъ другихъ статей его назовемъ „75 лѣтній юбилей Берлинскаго университета“ (Русск. Бог.

1885). „La vitesse moyenne de l'homme“ (Rev. Scient 1885). „Новое изслѣдованіе Гольтона о наслѣдственности“. (Русск. Бог. 1886), „Ускореніе процесса письма“, (тамъ же 1887). Осталась ненапечатанною за смертью автора работа: „Дневникъ моего ребенка“. Задуманы имъ и частью подготовлены „Основы міросозерцанія“; „О соотношеніи явленій видимаго міра“; „О передачѣ мысли на разстояніи“.

М. И. Семевскій. 9 марта скончался въ Кронштадтѣ редакторъ-издатель „Русской Старины“ Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Покойный родился 4 января 1837 г. и воспитывался первоначально въ Полоцкомъ Кадетскомъ Корпусѣ, а затѣмъ въ Дворянскомъ полку (Константиновскомъ корпусѣ) въ Петербургѣ. Здѣсь подъ вліяніемъ извѣстнаго преподавателя русской словесности Ир. Ив. Введенскаго въ немъ пробудилась горячая любовь къ изученію русской исторіи и исторіи русской литературы. Въ 1855 г. Семевскій былъ выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и вслѣдъ затѣмъ, живя по обязанностямъ службы болѣе года въ Москвѣ, онъ познакомился съ нѣкоторыми тамошними литературными кружками, и особенно съ А. Н. Островскимъ, А. Д. Галаховымъ и А. А. Григорьевымъ. Въ 1856 г. въ „Москвитяинѣ“ появилась первая его статья и за нею послѣдовалъ рядъ историческихъ монографій изъ времени Петра Великаго преимущественно на основаніи документовъ Государственнаго Архива), Елизаветы Петровны и проч. 1) Эти статьи, написанныя живо и общедоступно, имѣли большой успѣхъ среди читающей публики и возбуждали интересъ къ новой русской исторіи. Хотя впослѣдствіи М. И. Семевскій съ величайшею скромностію отзывался о своихъ историческихъ монографіяхъ, но онъ имѣлъ полное право сказать въ автобіографической замѣткѣ, что въ нихъ въ весьма живой формѣ трактовалось объ „историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ образахъ, низводя ихъ съ холудей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой выросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини“. Эти монографіи имѣли и то значеніе, что постепенно подрывали цензурныя стѣненія, мѣшавшія свободному изслѣдо-

¹⁾ Списокъ всѣхъ трудовъ М. И. Семевскаго до начала изданія „Русской Старины“ и наиболѣе обширный некрологъ покойнаго см. въ „Русской Старинѣ“ 1892 г. № 4.

ванію въ русской исторіи событій XVIII и XIX вѣка. (Еще въ 1860 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, запрещающее печатать историческія монографіи о государяхъ и государыняхъ, царствовавшихъ послѣ смерти Петра Великаго). Наиболѣе обратили на себя вниманіе публики монографіи М. И. Семевского о царицѣ Прасковѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и семействѣ Монсовъ и историческіе очерки подъ названіемъ „Слово и дѣло“ (эти монографіи были переизданы имъ въ 80-хъ годахъ и „Слово и дѣло“ даже двумя изданіями).

Кромѣ литературной дѣятельности М. И. Семевскій не мало времени во второй половинѣ 50-хъ и первой половинѣ 60-хъ годовъ посвятилъ и преподаванію русской исторіи, при чемъ особенно выдѣлился какъ талантливый преподаватель въ Смольномъ Институтѣ (въ 1860—62 гг.), куда былъ приглашенъ знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ. Въ 1863 г. онъ занятъ былъ обзорѣніемъ народныхъ школъ въ Псковской губ. (по порученію министерства народнаго просвѣщенія), результатомъ котораго было составленіе интереснаго труда по этому предмету. Оставивъ въ 1861 году военную службу, Семевскій съ 1864 г. сталъ служить въ Государственной канцеляріи и вскорѣ былъ зачисленъ въ отлѣненіе по устройству сельскаго состоянія. Въ 1882 г., съ упраздненіемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, онъ оставилъ службу въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Съ 1870 г. Семевскій сталъ издавать историческій журналъ „Русская Старина“, который скоро завоевалъ себѣ симпатію и большое распространеніе въ читающей публикѣ. Созданіе этого журнала главная заслуга М. И. Семевского, такъ какъ „Русская Старина“ знакомила русское общество съ неприкрашеною исторіею нашего недавняго прошлаго, будила самосознаніе и честную мысль, облегчала пониманіе недостатковъ настоящаго времени. Это была неофициальная каеэдра русской исторіи, и редакторъ „Русской Старины“ имѣлъ огромную аудиторію въ пять, шесть тысячъ заинтересованныхъ и внимательныхъ слушателей. Исполненіе такой отвѣтственной обязанности требовало не только большаго редакторскаго таланта, но и умѣнія обходить тѣ препятствія, съ которыми сопряжено наше журнальное дѣло. Неустанный трудъ по редактированію журнала сдѣлался уже прямо непосильнымъ, когда М. И. Семевскому въ 1883—1885 гг. пришлось соединять обязанности редактора съ должностію товарища городского головы; за это время его здоровье на столько пострадало, что въ 1885 г. онъ сложилъ съ себя службу по городскому управленію, не переставая до самой смерти усердно нести обязанности члена городской училищной комиссіи. Пребываніе за

границей въ теченіе почти цѣлаго года (1886—87) значительно поправило здоровье М. И. Семевского, но затѣмъ оно стало опять ухудшаться: доктора находили у него болѣзненные измѣненія въ сердцѣ и околосердечныхъ сосудахъ.

Скончался М. И. Семевскій отъ крупознаго воспаленія легкихъ въ Бронштадтѣ, гдѣ онъ за три дня до смерти прочелъ лекцію о Петрѣ Великомъ.

Письмо въ редакцію.

Въ мою замѣтку объ историческихъ книжкахъ „для народа“, помѣщенную въ III томѣ „Историческаго обозрѣнія“ вкралась небольшая ошибка, исправить которую я считаю долгомъ передъ своими читателями. На стр. 162, гдѣ говорится, что Выс. утв. „Постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній дано полномочіе одобрять или неодобрять книги для чтенія въ аудиторіяхъ“, мною пропущены слова: „въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ“, что слѣдуетъ изъ точнаго смысла Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи Постоянной комиссіи, состоявшагося 6 апрѣля 1872 г. (п. п. 3 и 4).

Н. Рубакинъ.

1 марта 1892 г.

Отъ Редакціи.

Кромѣ письма Н. А. Рубакина редакцію „Историческаго Обозрѣнія“ была получена большая записка г. председателя „Постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ“ И. П. Хрущова по поводу статьи Н. А. Рубакина въ III томѣ «Историческаго Обозрѣнія» объ историческихъ книжкахъ для народа, разбирающей и нѣкоторыя изданныя комиссіей книжки. Въ этой запискѣ указывается исправляемое письмомъ г. Рубакина невѣрное сообщеніе его статьи о правахъ комиссіи, а кромѣ того выставляется, между прочимъ, на видъ слѣдующее:

1) „Настольная книга“, которую г. Рубакинъ разбираетъ въ видѣ образца издаваемыхъ комиссіей чтеній, издава не самой комиссіей, а состоящимъ при ней издательскимъ обществомъ, имѣющимъ свою самостоятельную, отдѣльную отъ комиссіи дѣятельность, и притомъ это книга справочная, календарная, которую надо учить, а не читать.

2) Авторъ записки упрекаетъ г. Рубакина въ невѣрномъ толкованіи словъ одной брошюры о томъ, почему стала портиться переписка книгъ на Руси, когда „монашескихъ рукъ стало недоставать“: это значитъ, что явились наемные мастера этого дѣла, которые относились къ нему небрежно, не такъ, какъ благочестивые и усердные монахи.

3) Указанное г. Рубакинымъ мѣсто въ брошюрѣ о царствованіи Михаила Федоровича (правительство было вынуждено на такую жестокую мѣру противъ невиннаго младенца, т.-е. на казнь сына Марины Мнишекъ) въ новомъ изданіи этой брошюры совсѣмъ опущено, да и въ прежнемъ изданіи авторъ брошюры говоритъ объ этомъ „со скорбью“, называя мѣру жестокою и „для оттѣнка своего чувства“ обозначая младенца невиннымъ.

ОТДѢЛЪ II.

Протоколы Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Протоколъ XXVI общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 13 ноября 1891 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 18 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что В. Д. Цѣтницкій благодаритъ за избраніе его въ члены Общества.

3. Г. предсѣдатель заявилъ о пожертвованіи А. Н. Деревницкимъ его послѣдняго сочиненія объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи въ бібліотеку Общества.

4. Приступлено было къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. С. Θ. Ольденбургъ сдѣлалъ запросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло составленія систематическаго указателя исторической литературы. На этотъ запросъ г. предсѣдатель отвѣчалъ, что дѣло остановилось по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) Многіе изъ сотрудниковъ еще не прислали обѣщанныхъ списковъ книгъ, подлежащихъ разбору. 2) Отдѣлъ по русской исторіи остается неорганизованнымъ. 3) Вести дѣло большою комиссіей оказалось неудобнымъ. Новыя соображенія на этотъ счетъ г. предсѣдатель полагалъ въ скоромъ времени внести въ Комитетъ, откуда они поступятъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія.

6. П. И. Вейнбергъ прочелъ сообщеніе объ отношеніи Шиллера къ исторіи въ „Маріи Стюартъ“.

7. Э. Д. Гриниъ сдѣлалъ сообщеніе: Теорія Оттокара Лоренца объ естественныхъ періодахъ исторіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Изложение реферата П. И. Вейнберга.

Важный вообще вопрос о значении художественных произведений с историческим характером, как освящения исторических фактов и явлений (трагедии Шекспира, Гете, отчасти и Божественная Комедия и др.)—приобретает особенный интерес по приращению к драматическим произведениям Шиллера, потому что здесь мы имеем дело не только с гениальными деятелями в области исторической трагедии, но и с профессором истории и автором нескольких специально-исторических сочинений, в которых при очень слабой подготовке к занятию касседры и отсутствию в последствии строго научных знаний, метода и т. п. существовало уже с самого раннего возраста влечение к занятию историей во видѣ чтенія и обученія, а равно и собственной производительности.

Взгляд Шиллера на историю — какъ взглядъ философа XVIII вѣка и поэта высшаго идеализма—философскій, сообразный съ однимъ изъ основныхъ идей Канта, и основная точка зрѣнія во всѣхъ историческихъ трудахъ его—общечеловѣческая; господствующія идеи — человѣческая свобода, человѣческое достоинство и человѣческое право, вслѣдствіе чего выбираетъ онъ для обработки и въ качествѣ историка, и какъ драматургъ, соответствующіе этимъ воззрѣніямъ сюжеты, отбрасывая все, что не имѣетъ близкаго отношенія къ нимъ. Заслуга историка Шиллера, незначительная относительно науки въ строгомъ значеніи этого слова, важна, какъ дело цивилизаторское вообще въ сферѣ своего народа,—особенно по сравненію съ тѣмъ, что было сдѣлано въ нѣмецкой исторической наукѣ до него,—дело, которому самъ онъ придавалъ громадную важность, будучи проникнутъ убѣжденіемъ въ величій исторіи, ея нравственной высокой цѣли, ея воспитательной силы.—Какъ поэтъ субъективный, Шиллеръ вносилъ этотъ субъективный элементъ и въ свои историческія изображенія, сохраняя при этомъ однако полное безпристрастіе, которое онъ называлъ священнѣйшимъ долгомъ историка, а какъ служитель красоты, требовалъ отъ всякаго историческаго изложенія изящной нѣжной формы, подавая въ этомъ отношеніи блистательный примѣръ своими собственными произведеніями.

Но эти воззрѣнія и особенности Шиллера — историка, куда надо приобщить еще его пріемъ въ изображеніи историческихъ явленій, основанный на мысли, что историкъ долженъ весь усвоенный имъ матеріалъ „*nach ihm heraus zur Geschichte construiren*“,—все это находится въ тѣсной связи съ обработкою историческихъ сюжетовъ Шиллеромъ—*поэтомъ*, при чемъ законодательницею его во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась „Гам-

бургская Драматургія“ Лессинга съ ея мыслями объ исторической вѣрности, о разницѣ между исторіею и драматическимъ произведеніемъ съ историческимъ характеромъ и т. п.—Между этии историческими трагедіями Шиллера „Марія Стюартъ“ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Къ сочиненію ея онъ приступилъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ серьезной подготовки, воспользовавшись бывшими въ его распоряженіи источниками: сочиненіями Брантома, Робертсона, Камбдена, Архенгольца, Юна, Вуханана, дю-Шеня, Карп Тоугас и нѣсколькими мелкими статьями. Нѣкоторыя подробности, равно какъ отдѣльныя выраженія дѣйствующихъ лицъ, авторъ почти буквально заимствовалъ въ томъ или другомъ изъ этихъ источниковъ; въ общемъ близко держался исторіи, какою нашелъ ее въ этихъ сочиненіяхъ, и если дѣлалъ отступленія, то весьма незначительныя относительно самой сущности дѣла, и притомъ такія, которыя обуславливались рамками трагедіи и соображеніями художника. Такимъ образомъ создалось то, что Гофмейстеръ правильно называетъ патетическою *Character und Situationsstück* на широкомъ историческомъ фонѣ. На первомъ планѣ два характера—Елисаветы и Маріи, причеиъ въ изображеніи ихъ авторъ руководствовался не только своими соображеніями и симпатіями, какъ поэта-идеалиста и художника, но и тѣмъ, что онъ добылъ въ этомъ отношеніи въ историческихъ работахъ, служившихъ для него источниками; все это нашло себѣ мѣсто и въ воспроизведеніи другихъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи, главное достоинство которой вообще составляетъ превосходное изображение характеровъ въ историческомъ отношеніи (не касаясь здѣсь эстетическаго). А къ нему присоединяются (вопреки обвиненію Карлейля и другихъ критиковъ) безукоризненное изображение историческаго фона, на которомъ построена трагедія, тонкое и глубокое проведеніе существенныхъ чертъ взаимнаго отвращенія двухъ народовъ, такихъ-же чертъ католицизма и протестантизма, воспроизведеніе борьбы партій и т. п. частности, которыя (какъ и вообще драматическія сочиненія Шиллера) приводятъ къ заключенію, что авторъ беллетристическихъ произведеній съ историческимъ содержаніемъ (если это писатель крупный и проникнутый историческимъ чутьемъ) имѣетъ право на признаніе его, какъ своего рода источника, историковъ-ученымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что одинъ критикъ называетъ „божественною экономіею исторіи“.

Сообщеніе П. И. Вейнберга вызвало возраженіе со стороны Е. А. Вѣлова. Е. А. Вѣловъ указалъ на фанатизмъ Маріи Стюартъ, который обнаруживается и изъ ея писемъ. П. И. Вейнбергъ придавалъ особенное значеніе главнымъ образомъ личнымъ отношеніямъ Маріи Стюартъ къ Елисаветѣ.

Н. И. Карѣевъ резюмировалъ пренія, замѣтивъ, что Марія Стюартъ любила католицизмъ не только изъ личнаго удовольствія, но и по болѣе сложнымъ побужденіямъ. Въ заключеніе преній г. предсѣдатель благодарилъ П. И. Вейнберга, не состоящаго членомъ Общества, за сдѣланное сообщеніе.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Изложение реферата Э. Д. Гримма о книгѣ О. Лоренца.

Сочиненіе Оттокара Лоренца: *Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben* (Берлинъ, въ 2-хъ томахъ 1886 и 1891) заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, во-первыхъ потому, что въ немъ разбираются важные теоретическіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ характеръ исторической науки, а во-вторыхъ въ виду значенія автора, пользующагося заслуженнымъ авторитетомъ, благодаря цѣлому ряду сочиненій по средне-вѣковой исторіи Германіи. Сочиненіе можно раздѣлить на двѣ части: исторіо-графическую, въ которой разсматриваются главныя направленія въ исторической наукѣ XIX в. въ Германіи (Шлоссеръ, Дальманъ, Риль, Дю-Буа Реймонъ, Ранке) и теоретическую, въ которой Лоренцъ излагаетъ свой законъ естественной періодизаціи исторіи. Разбору послѣдняго посвященъ рефератъ.

Доказавши нецѣлостность обыкновеннаго раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю, новую и новѣйшую, Лоренцъ изъявляетъ надежду установить естественное и научное подраздѣленіе исторіи, основывающееся на самой сущности историческаго матеріала. Объектъ исторіи—человѣкъ; все, что мы видимъ въ исторіи, не только отдѣльные факты, но и всѣ состоянія, черезъ которыя проходитъ развитіе человѣчества, есть результатъ дѣятельности личностей. Цѣлью исторіи поэтому должно быть изслѣдованіе характера дѣйствующихъ и производящихъ всѣ историческія явленія личностей, ибо только тогда возможно и пониманіе результатовъ ихъ дѣятельности; слѣдовательно, и естественное дѣленіе исторіи, какъ зависящее отъ самаго характера историческаго матеріала, должно основываться на различіи качествъ историческихъ личностей, различіи, которое въ извѣстныхъ періодахъ времени проявляется достаточно рѣзко, чтобы отдѣлить эти періоды другъ отъ друга. Именно, даже самое поверхностное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что всегда по три поколѣнія (дѣдъ, отецъ, сынъ) стоятъ въ тѣсной не только физической, но и духовной связи другъ съ другомъ, а три поколѣнія—какъ знали ужъ Гомеръ и Геродотъ—занимаютъ промежутокъ времени въ 100 лѣтъ. Столѣтіе такимъ образомъ есть выраженіе тѣсной связи, существующей между тремя поколѣніями и слѣдовательно представляетъ объективно-данную основу для періодизаціи исторіи.

Практически однако дѣленіе исторіи на столѣтія неудобно, такъ какъ это слишкомъ незначительный промежутокъ времени. Поэтому желательнѣе установить болѣе обширные естественные періоды: таковыми при „эмпирическомъ“ разсмотрѣніи исторіи оказываются періоды въ 300 и 600 лѣтъ.

Противъ этого ученія, какъ сознается самъ Лоренцъ, можно выставить

слѣдующія возраженія: во-первыхъ, ни одна эпоха не представляетъ чистаго проявленія дѣятельности исключительно одного поколѣнія, ибо одновременно существуетъ и дѣйствуетъ цѣлый рядъ поколѣній; во-вторыхъ, ходъ исторіи въ сущности почти всегда зависитъ именно отъ тѣхъ личностей, которыя пережили свое поколѣніе, такъ что трудно опредѣлить и время дѣятельности каждаго поколѣнія; въ-третьихъ, его „законъ“ применимъ лишь къ народамъ съ моногамическимъ семейнымъ устройствомъ, т.-е. не применимъ ни ко всѣмъ дикимъ, ни къ многимъ культурнымъ народамъ (Арабы!), такъ что „естественные“ періоды Лоренца естественны во всякомъ случаѣ по отношенію къ христіанскимъ народамъ.

Лоренцъ старается устранить всѣ 3 возраженія: относительно перваго, онъ говоритъ, что, не смотря на одновременное существованіе различныхъ поколѣній, все-таки возможно достаточно точно опредѣлить общій характеръ ихъ; относительно втораго, что руководительницей при опредѣленіи времени дѣятельности поколѣнія должна быть генеалогія, понимаемая, какъ наука о духовныхъ свойствахъ человѣка въ ихъ соотношеніи съ свойствами его предковъ и потомковъ; относительно третьяго, съ которыми онъ совершенно согласенъ, онъ замѣчаетъ, что „цѣль исторіи есть объясненіе соціальнаго положенія нашего европейскаго, преимущественно германскаго и романскаго міра“, и что, слѣдовательно, на ихъ исторіи и должна основываться періодизація всей исторіи.

Ясно, что возраженія этихъ не устранены. Прибавимъ къ нимъ еще нѣсколько: въ основѣ „закона“ Лоренца лежитъ недоразумѣніе относительно значенія наслѣдственности въ исторіи, которое по Лоренцу всегда равно, между тѣмъ какъ оно обратно пропорціонально степени культурнаго развитія народа: чѣмъ ниже цивилизація народа, тѣмъ важнѣе наслѣдственность, чѣмъ она выше, тѣмъ болѣе наслѣдственность теряетъ значеніе—и въ первомъ и во второмъ случаѣ, очевидно, невозможно выдѣлить ровно 3 поколѣнія, какъ стоящія въ какой-то особенно тѣсной связи. Кроме того, это и практически невозможно, такъ какъ рѣшеніе съ какого члена генеалогія считаетъ новый рядъ поколѣній совершенно произвольно, т.-е. неестественно. Далѣе не только одно столѣтіе, но и одно поколѣніе заключаетъ въ себѣ самыя рѣзкія противоположности и вовсе не отличается опредѣленными, цѣльными характеромъ.

Наконецъ и „эмпирическія“ доказательства Лоренца не менѣе слабы, чѣмъ его теоретическіе доводы, такъ что, очевидно всю попытку Лоренца упорядочить запутанную періодизацію исторіи слѣдуетъ признать неудавшейся и ненаучной.

По поводу сдѣланнаго сообщенія Н. И. Карѣвъ замѣтилъ, что попытку Лоренца прилѣпить ариметику къ исторіи дѣйствительно слѣдуетъ признать неудачной, но не соглашался съ воплѣть отрицательнымъ взглядомъ, какой мимоходомъ высказалъ Э. Д. Гриниъ на сочиненіе Эйкена о средневѣковомъ міровоззрѣніи.

Протоколь XXVII Общаго (годового) Собранія гг. членовъ Императорскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 14 декабря 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовало 28 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.
2. Читанъ и утвержденъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества въ 1891 году ¹⁾.

3. Приступлено къ избранію двухъ членовъ Комитета, взаимнѣ выбывшихъ по очереди А. С. Лаппо-Данилевскаго и Г. В. Форстена. По баллотировкѣ оказалось, что А. С. Лаппо-Данилевскій получилъ 26 голосовъ, В. А. Мякотинъ—10, С. М. Середонинъ—9, Г. В. Форстенъ—12. Въ виду того, что кромѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго никто изъ предложенныхъ кандидатовъ не получилъ достаточнаго количества голосовъ, приступлено было ко вторичной баллотировкѣ, которая дала слѣдующіе результаты: В. А. Мякотинъ получилъ 8 голосовъ, С. М. Середонинъ—9, Г. В. Форстенъ—13. Такъ какъ и по вторичной баллотировкѣ оказалось, что ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ большинства голосовъ, то и рѣшено было отложить баллотировку до слѣдующаго Общаго Собранія, въ надеждѣ, что къ этому времени члены Общаго Собранія придутъ между собою къ соглашенію.

4. Рассмотрѣна и утверждена сѣта прихода и расхода на будущій 1892 годъ (см. прил. I); членскій взносъ опредѣленъ въ 5 руб.

5. Въ будущемъ 1892 г. рѣшено Общія Собранія назначить на среды 22 января, 19 февраля, 18 марта, 15 апрѣля, 23 сентября, 21 октября, 18 ноября и 16 декабря.

6. А. С. Лаппо-Данилевскій прочелъ рефератъ: „Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды (каменный, бронзовый и желѣзный) въ современной археологической литературѣ“ (см. прил. II). По прочтеніи реферата нѣсколько замѣчаній высказано было кн. П. А. Путятинимъ, проф. Н. И. Веселовскимъ, проф. Н. А. Меншуткинымъ, В. Л. Беренштамомъ, Ю. Ю. Цвѣтковскимъ. Кн. Путятинъ охарактеризовалъ палеолитическую эпоху и настаивалъ на ея самостоятельномъ существованіи до неолитической, чего, впрочемъ, не отрицалъ и референтъ, указавшій также на преемство формъ, какое замѣчается въ предметахъ неолитической эпохи и бронзоваго вѣка. Н. И. Веселовскій считалъ необходимымъ разграничить палеолитическую эпоху отъ неолитической. Референтъ выяснилъ, что онъ вовсе не отрицаетъ необходимости подобнаго рода разграниченія; онъ (референтъ) полагалъ, однако, возможнымъ признать

¹⁾ Напечатанъ въ III томѣ „Историческаго Обзорнія“.

мнѣніе проф. Головкинскаго о томъ, что характеръ издѣлія нерѣдко находится въ прямой зависимости отъ матеріала: кремневыми орудіями можно пользоваться и въ полированномъ и въ неполированномъ, діоритовыми или нефритовыми—лишь въ полированномъ видѣ. Такимъ образомъ, умѣніе полировать орудія могло обнаружиться ранѣе примѣнительно къ діориту, чѣмъ къ кремню; слѣдовательно, и полированные діоритовыя орудія могли встрѣчаться одновременно съ неполированными кремневыми. Словомъ, преимущество палеолитической и неолитической эпохи съ достовѣрностью возможно утверждать, по мнѣнію референта, въ сущности лишь относительно орудій однородныхъ по матеріалу и назначенію, наприм., кремневыхъ неполированныхъ и полированныхъ стрѣлъ. Н. А. Меншуткинъ указывалъ на справедливость точки зрѣнія референта. В. Л. Беренштамъ сомнѣвался въ возможности существованія самостоятельнаго мѣднаго вѣка, что, впрочемъ, и референтъ признавалъ лишь относительно немногихъ странъ, да и то въ видѣ предположенія. В. Л. Беренштамъ также считалъ маловѣроятнымъ, чтобы первобытный человѣкъ ознакомился случайно съ плавленіемъ желѣзной руды, и полагалъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, по которому человѣчество ознакомилось первоначально съ метеорическимъ чистымъ желѣзомъ. Референтъ замѣтилъ В. Л. Беренштаму, что ознакомленіе человѣка съ метеорическимъ желѣзомъ предполагаетъ такую же, если не большую случайность, какъ и ознакомленіе съ плавленіемъ желѣзной руды; референтъ при этомъ сослался на послѣднее изданіе труда Бека (*Geschichte des Eisens*), гдѣ, по его мнѣнію, довольно удачно опровергнута теорія первичнаго ознакомленія первобытнаго человѣка съ метеорическимъ желѣзомъ. Ю. Ю. Цвѣтковскій просилъ референта разъяснить то значеніе, какое онъ придаетъ бронзовому вѣку. Референтъ удовлетворилъ просьбу Ю. Ю. Цвѣткова, указавъ на то, что изобрѣтеніе бронзы не было результатомъ самостоятельнаго развитія древне-европейской туземной техники; бронза, вѣроятно, проникла въ Европу съ Востока и постепенно распространялась съ южныхъ полуострововъ въ среднюю и сѣверную Европу; впрочемъ, бронзовыя издѣлія обнаруживаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ связь съ туземными формами каменныхъ предметов и, слѣдовательно, могли возникнуть изъ слитковъ бронзы, обрабатываемыхъ на мѣстѣ.

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что для ускоренія изданія систематическаго указателя исторической литературы Комитетомъ предположено: 1) Раздѣлить предпринятый Обществомъ указатель на двѣ отдѣльныя части, издавъ первоначально указатель книгъ по всеобщей исторіи. 2) Поручить редактированіе этой части П. Г. Виноградову (проф. Московскаго Университета) и Н. И. Карѣву. Постановлено: предложеніе Комитета утвердить и разослать бланки о состоявшемся рѣшеніи всѣмъ лицамъ, выразившимъ желаніе участвовать въ дѣлѣ составленія указателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Счета прихода и расхода на 1892 годъ.

<i>Приходъ.</i> Остатокъ отъ 1891 г. . . .	740 р. 96 к.
Годовые взносы отъ членовъ . . .	1000 " — "
Доходъ отъ изданій	400 " — "
Итого	2140 р. 96 к.
<i>Расходъ.</i> Отчисленіе въ издательскій фондъ . . .	500 р. — к.
Печатаніе „Историческаго Обзорія“	
въ 1892 г.	600 " — "
Вознагражденіе за письмоводство . . .	60 " — "
Почтовые расходы.	80 " — "
Расходы по библиотекѣ	15 " — "
Непредвидѣнные расходы.	25 " — "
Выписка историческихъ журналовъ . . .	100 " — "
Итого	1380 " — "
Остатокъ.	760 р. 96 к.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный въ современной археологіи.

(Краткое изложеніе реферата А. С. Лаппо-Данилевскаго).

Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный уже поднимался въ классической литературѣ. Гезіодъ высказывалъ регрессивную, Лукрецій—прогрессивную точку зрѣнія на преемство этихъ періодовъ. Научное изученіе такого преемства началось однако не ранее XVIII вѣка, когда труды Меркати (онъ умеръ въ 1593 г., но работы его были изданы лишь въ 1717 г.), Карла, Эстерлинга, Гелвига, А. де-Жюссье, Эккарда, Магюделя и Гоге стали указывать на возможность существованія каменнаго вѣка, а труды знаменитаго Буше де-Пертъ въ 1836 г. и слѣд. окончательно показали то великое значеніе, какое имѣетъ каменный вѣкъ въ исторіи первобытной культуры. Такимъ образомъ, съ того времени, когда Лейбницъ на Абердинскомъ конгрессѣ торжественно призналъ существованіе потретичнаго человѣка, древняя культура стала дѣлиться на періодъ каменныхъ и періодъ металлическихъ издѣлій. Точнѣе опредѣлилось это дѣленіе

подъ влияніемъ трудовъ Томпсона, разбившаго исторію человѣческой культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Распространенію этой теоріи особенно способствовала научная дѣятельность Ворсо (Worsae).

Въ настоящее время, однако, безусловный характеръ этой классификаціи сталъ подвергаться сильнымъ ограниченіямъ. Старая школа, устанавливая это дѣленіе, недостаточно обратила вниманіе на свойства матеріала (каменя, бронзы, желѣза) и на влияніе, какое эти свойства могли оказывать на приемы первобытной техники, слишкомъ мало посвятила труда и на выясненіе того хронологическаго преемства, въ какомъ одинъ за другимъ слѣдовали издѣлія каменя, бронзы и желѣза.

По свойствамъ матеріала издѣлія изъ каменя не всѣ должны быть полированы. Тогда какъ кремень можетъ обойтись безъ шлифовки, діоритъ, сланцы и многія другія породы не могутъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ весьма важный. Періоды палеолитическій и неолитическій могутъ сосуществовать для сдѣланныхъ изъ разнаго матеріала различныхъ издѣлій; дѣленіе это получаетъ несомнѣнное хронологическое значеніе лишь приблизительно къ сдѣланному изъ одного и того же матеріала, но въ разное время различно отдѣланному виду или роду орудій. Свойства породъ, изъ которыхъ могутъ выдѣлываться каменные орудія, сравнительно со свойствами металловъ разъясняютъ намъ нѣсколько и другой вопросъ: вопросъ о „переживаніи“ каменныхъ орудій. Коэффициентъ твердости діорита, а тѣмъ болѣе кремня, превосходитъ такой же коэффициентъ мѣди и бронзы. Коэффициенты твердости кварца и стали одинаковы. Отсюда становится понятнымъ, почему нѣкоторые изъ каменныхъ издѣлій продолжаютъ употребляться наравнѣ съ металлическими.

Не менѣе любопытенъ анализъ свойствъ металловъ, поскольку имъ разъясняется дѣленіе древней культуры на вѣка: бронзовый и желѣзный. Для приготовленія бронзы требуется, какъ извѣстно, предварительное знакомство съ мѣдью и оловомъ. И то, и другое встрѣчаются въ чистомъ видѣ, тогда какъ желѣзо (за исключеніемъ метеорическаго) извѣстно намъ обыкновенно лишь въ соединенномъ видѣ; наиболѣе распространеннымъ считается двусѣрнистое желѣзо: FeS^2 . Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, легче ознакомиться съ составными частями того соединенія, которое мы называемъ бронзой, чѣмъ съ желѣзомъ. За то мѣдь обрабатывать гораздо труднѣе желѣза. Мѣдь плавится при температурѣ приблизительно въ $1100^{\circ} C$., тогда какъ желѣзо можно добывать изъ руды и въ нерасплавленномъ видѣ при температурѣ въ $700^{\circ} C$. При этомъ бронза требуетъ знакомства не только съ мѣдью, но и съ оловомъ, которое далеко не такъ распространено на земномъ шарѣ, какъ желѣзо. Послѣднее, наоборотъ, принадлежитъ къ числу элементовъ, значительно распространенныхъ не только въ массѣ земной коры, но и во всей вселенной. Его окислы, различные ихъ соединенія и его сѣрнистыя соединенія находятся въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ земной коры. Всѣ эти соображенія въ связи съ цѣлымъ рядомъ новѣйшихъ археологическихъ открытій и

исторических справокъ, приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно періода металлическихъ издѣлій. Въ этомъ періодѣ слѣдуетъ различать два второстепенныхъ хронологическихъ подраздѣленія: 1) періодъ самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ социальныхъ группъ, и 2) періодъ культурнаго взаимодействія отдѣльныхъ группъ между собою. Въ теченіе перваго изъ этихъ второстепенныхъ періодовъ далеко не всюду наблюдается *естественное* преемство мѣднаго (?), бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Такое преемство возможно предполагать въ мѣстностяхъ, гдѣ были мѣдныя, оловянные и желѣзные руды, а также въ сосѣднихъ съ ними областяхъ (Индѣ-Китаѣ, Паропамизѣ, странѣ Массаетовъ и Мексикѣ). Но тамъ, гдѣ не было оловянныхъ рудъ, какъ, наприм., въ прародинѣ Аріевъ (если только искать еѣ въ Средней Азіи), въ Египтѣ, Сѣверной Америкѣ, вслѣдъ за мѣдными издѣліями естественно могли бы слѣдовать и желѣзные. Наконецъ, въ такихъ странахъ, гдѣ не находится ни мѣдныхъ, ни оловянныхъ рудъ, какъ въ большей части Африки, неудивительно констатировать одни желѣзные орудія (наприм., у Мандинго). Эта естественная послѣдовательность могла *искусственно* осложниться въ теченіе второго изъ второстепенныхъ періодовъ — періода культурнаго взаимодействія между отдѣльными социальными группами. Иллюстраціей такого искусственнаго осложненія можетъ служить исторія металловъ въ Европѣ, гдѣ желѣзный вѣкъ не сразу послѣдовалъ за каменнымъ лишь потому, что бронза или бронзовые издѣлія съ востока занесены были на Европейскій югъ, и отсюда постепенно распространялись на сѣверъ.

Если болѣе внимательный анализъ матеріала, изъ котораго выдѣлывались первобытные орудія, даетъ намъ возможность установить болѣе рациональное дѣленіе первобытной культуры на періоды, то и изученіе новѣйшихъ археологическихъ открытій, могильниковъ, въ которыхъ совѣстно находились предметы разныхъ „вѣковъ“, привели къ тому же результату. Въ силу этихъ новыхъ данныхъ теперь уже нѣтъ возможности говорить безъ значительныхъ оговорокъ о хронологическомъ значеніи дѣленій первобытной культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Во-первыхъ, вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, если и встрѣчаются послѣдовательно у одного и того же народа, то во всякомъ случаѣ не идутъ безусловно одинъ за другимъ, а такъ сказать, входятъ другъ въ друга. Первый еще длится, когда наступаетъ второй, второй еще не кончился, когда начинается третій. Да оно и понятно. Развитие складается изъ звеньевъ, которыя не лежатъ рядомъ одинъ за другимъ, а цѣпляются другъ за друга. Во-вторыхъ, въ настоящее время не трудно доказать, что продолжительность вышеуказанныхъ періодовъ у различныхъ народовъ разновременна. Греко-римскій міръ (въ узкомъ смыслѣ) зналъ металлы уже въ то время, когда окружавшіе его варвары ихъ еще не знали; такъ, свайныя постройки приписываются нѣкоторыми изслѣдователями древнимъ кельтамъ, причеи въ Британіи послѣдніе сохранили этотъ обычай даже въ болѣе позднее время; въ Скандинавіи желѣзо становится извѣстнымъ также ко временамъ Рождества Христова. Наконецъ, въ-третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что

быстрота переходовъ отъ одного періода къ другому въ разныхъ мѣстностяхъ различна, ибо нерѣдко совершается подъ культурнымъ вліяніемъ одновременно развивающихся сопридѣльныхъ группъ. До начала нынѣшняго вѣка лапландцы такъ же, какъ и эскимосы употребляли одни каменные и костяные орудія; лишь благодаря вліянію европейской культуры они сразу и сравнительно весьма быстро ознакомились съ желѣзными издѣліями. Такимъ образомъ, нѣтъ значеніе лишь относительно хронологическое, дѣленіе развитія человѣческой культуры на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный—получить значеніе культурное. Имъ опредѣляется степень развитія человѣчества, но не со всѣхъ сторонъ, а, главнымъ образомъ, въ техническомъ отношеніи, ибо тотъ или другой характеръ матеріала и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полнымъ показателемъ всесторонняго развитія данной соціальной группы.

Таковы тѣ поправки, которыя, какъ мнѣ кажется, можно внести съ точки зрѣнія современныхъ археологическихъ знаній въ старое дѣленіе первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный.

Протоколъ XXVIII Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 22 января 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовали 21 членъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.
2. По предложенію г. предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго члена Общества Н. А. Попова вставаніемъ.
3. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю юбилеевъ В. И. Герье и Н. М. Благовѣщенскаго комитетомъ рѣшено: В. И. Герье послать поздравительную телеграмму, а поздравленіе Н. М. Благовѣщенскаго поручить Н. И. Карѣву.
4. Г. предсѣдатель заявилъ, что отъ Д. А. Столыпина поступилъ членскій взносъ размѣромъ въ 100 руб. и Г. Е. Аванасевымъ пожертвованъ въ пользу Общества гонораръ за его статью, помѣщенную въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, размѣромъ въ 170 рублей.
5. Объявлено о вновь поступившихъ книжныхъ пожертвованіяхъ отъ А. И. Браудо, В. Н. Сторожева, В. В. Качановскаго, Н. И. Карѣва, Д. Θ. Масловскаго, И. Н. Ардашева, В.- К. Пяскорскаго, Н. Полетаева, Е. Ф. Шмурло и А. Н. Ткачева. Въ обихъ присланы также: Вопросы философіи и психологіи, Труды общества археол., ист. и этногр. при Каз. университетѣ, изданія Московскаго архива Министерства Юстиціи.
6. Г. предсѣдатель заявилъ, что проф. Масарикъ и проф. Кайзль благодарятъ общество за избраніе ихъ въ члены.

7. Г. редакторъ Историческаго Обзорѣнія заявилъ, что печатаніе III-го тома Историческаго Обзорѣнія обошлось всего въ 917 руб. 6 коп. Къ печатанію IV-го тома приступлено будетъ въ скоромъ времени.

8. Приступлено къ избранію члена комитета. В. А. Микотинъ отказался отъ кандидатуры въ члены комитета. По баллотировкѣ оказалось, что Г. В. Форстенъ избранъ въ члены комитета большинствомъ голосовъ (15-ти противъ 5-ти).

9. Приступлено къ избранію кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.

10. Предложены кандидатами въ члены общества: И. В. Бѣлогостицкій и Д. Д. Семеновъ.

11. В. Б. Каттерфельдъ прочелъ рефератъ: „Дворянскіе наказы въ 1789 году и ихъ роль во французской исторической литературѣ“ (См. прил. I). По прочтеніи реферата Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о причинахъ сходства статей разныхъ cahiers.

12. Г. В. Форстенъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Bonsdorffa: „Nyen och Nyenskans“. С. Л. Степановъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Fustel de Coulanges: „Nouvelles recherches sur quelques problemes d'histoire“.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Дворянскіе наказы 1789 г. и ихъ роль во французской исторической литературѣ.

(Изложеніе реферата В. Б. Каттерфельда).

Слѣдуя традиціоннымъ формамъ, принятымъ со времени Ген. Штатовъ 1560 г., правительство Людовика XVI въ моментъ созыва народныхъ представителей 1789 г. нашло нужнымъ потребовать отъ общества, чтобы оно изложило свои желанія и нужды въ челобитныхъ и представило послѣднія ему на разсмотрѣніе. Какъ ни страннымъ должно казаться подобное рабское слѣдованіе традиціи, тѣмъ болѣе, что само правительство, хотя оно и мало способно было выникнуть въ смыслъ совершающихся событій, все же не могло не чувствовать, что предстоящій созывъ Ген. Штатовъ знаменуетъ собою полный разрывъ съ его прежней политикою и переходъ къ совершенно новому существованію, — однако этому именно слѣдованію исконнымъ формамъ, принятымъ при созывѣ Ген. Штатовъ, мы обязаны любопытѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ для исторіи и оцѣнки французскаго общества при вступленіи его въ новую эру политическаго существованія. Наказы 1789 г. — громадный фотографическій аппаратъ, въ которомъ сохранился увѣковѣченный духовный обликъ французской націи наканунѣ переворота, отдѣляющаго старую феодальную Францію отъ нынѣшней новой. О значеніи наказовъ какъ

историческаго источника распространяться нѣтъ надобности. Оно доказывается уже тѣмъ интересомъ, какой былъ имъ возбужденъ въ самый моментъ ихъ появленія. На первыхъ же порахъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ подвести имъ итогъ, обобщить ихъ содержаніе, результатомъ чего явилось нѣсколько *résumés*, каковы: Прюдома, Дюпонъ-де-Немура и др., относящіеся еще къ 1789 году. Но эти обобщенія, въ виду снѣжности своей, не могли не носить случайнаго и къ тому же тенденціознаго характера, такъ какъ составлялись *ad hoc*, для того, чтобы оправдать революцію, показать, что все, ею предпринятое, истекало непосредственно изъ національной воли, запечатлѣнной въ наказахъ. Но вотъ прошелъ первый пылъ революціи, указы начали утрачивать свой живой, практическій интересъ и скоро были совсѣмъ забыты. Прюдоново резюме, да еще тенденціозное изложеніе содержанія наказовъ у Бюше и Ру въ 1 томѣ ихъ „*Histoire parlementaire de la Rév. fr.*“, вышедшемъ въ 1834 г.,— вотъ тотъ нутный источникъ, изъ котораго въ теченіе первой половины нашего столѣтія черпали свои свѣдѣнія историки этой эпохи. Новый толчекъ къ изученію наказовъ былъ сообщенъ Токвилемъ, который въ приложеніи къ своей исторіи „Стараго порядка и революціи“ далъ впервые безпристрастный анализъ занимающихъ насъ здѣсь дворянскихъ наказовъ. Въ этомъ анализѣ знаменитый историкъ пришелъ, повидному, неожиданно для себя самого, къ чрезвычайно благоприятнымъ по отношенію къ французскому дворянству выводамъ: онъ открылъ въ немъ „духъ и великія достоинства аристократіи, и что революція, уничтоживъ дворянство, тѣмъ самымъ отняла у націи необходимую часть ея существа и нанесла свободѣ рану неизлѣчиму“; „нація будетъ вѣчно сожалѣть, что, вмѣсто подчиненія этого дворянства власти законовъ, его уничтожили и вырвали съ корнемъ“—вотъ подлинныя выраженія Токвиля, въ которыхъ онъ даетъ волю своему несимпатическому отношенію къ революціи. Такъ какъ „Анализъ“ Токвиля остался во французской исторіографіи и по настоящее время едва ли не единственной попыткойъ научной оцѣнки наказовъ 1789 г. и такъ какъ выводы, къ которымъ пришелъ его авторъ, приобрѣли право гражданства во французской исторической литературѣ, а потому не могли не оказывать могущественнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе исторіографіи по революціонной эпохѣ—какъ это и видно, напр., въ сочиненіи Тена „*La Révolution*“, авторъ котораго, произнося свой безапелляціонный приговоръ надъ революціей, ссылается, между прочимъ, и на Токвилевскіе выводы, то намъ необходимо съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на положеніяхъ знаменитаго историка. Дѣйствительно ли надо признать выводы Токвиля послѣднимъ словомъ науки? Прежде всего, намъ кажется, автору „Стараго порядка и революціи“ можно сдѣлать упрекъ въ слишкомъ довѣрчивомъ и недостаточно критическомъ отношеніи къ разбираемымъ имъ наказамъ. Правда-ли, какъ онъ говоритъ, что послѣдніе представляютъ собою „результатъ продолжительныхъ дебатовъ со стороны заинтересованныхъ въ ихъ составленіи лицъ и зрѣлаго обсужденія редакторовъ“? Вѣдь еще не такъ давно французская историческая

литература, не колеблясь, признавала сельскіе наказы за выраженіе истинныхъ желаній и взглядовъ крестьянскаго сословія, да еще и по настоящее время даже такой серьезный писатель, какъ Шерестъ, очень склоненъ отстаивать подобное положеніе. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что нашей русской исторической наукѣ принадлежитъ заслуга, что она первая указала на недостатокъ критическаго отношенія къ упомянутымъ наказамъ и первая представила научный ихъ анализъ. Спрашивается, не то же ли повторится теперь съ дворянскими наказами? Имѣемъ ли мы право признавать ихъ за точное выраженіе мнѣній этого сословія? Посмотримъ, прежде всего, какъ составлялись наказы. Согласно королевскому регламенту для производства выборовъ въ Ген. Штаты, дворянство каждого главнаго судебного округа—*grand baillage* или *grande sénéchaussée*—должно было, собравшись въ главномъ городѣ своего округа, выбрать изъ своей среды комиссію для редактированія наказа; каждому члену собранія предоставлялось право передавать комиссіи для ея руководствованія мемуары, записки, образцы наказовъ и прочій матеріалъ, годный для составленія наказа. Выработанный комиссіею наказъ поступалъ на обсужденіе собранія, причемъ каждому предоставлялось право, въ случаѣ несогласія съ той или другой статьею редакціи, — принятой большинствомъ, требовать занесенія своего мнѣнія отдѣльно въ протоколъ. Замѣчательно, что при всемъ томъ редакція наказовъ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ активнаго участія, принятаго въ ихъ составленіи собраніемъ избирателей. Ни малѣйшаго разногласія не обнаруживается по отношенію къ вопросамъ первостепенной важности, отъ разрѣшенія которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ зависѣла вся будущность націй; за то тамъ же въ наказахъ мы найдемъ слѣды несомнѣннаго неудовольствія, которое возбуждали отдѣльныя статьи, затрогивавшія личныя интересы того или другого члена собранія: такъ, въ одномъ изъ наказовъ многіе члены собранія не хотятъ военныхъ реформъ, проектированныхъ составителями редакціи и имѣвшихъ въ виду улучшить положеніе нижнихъ чиновъ на счетъ высшихъ; въ другомъ—члены судебной корпораціи выражаютъ неудовольствіе по поводу намѣренія ограничить размѣры судебныхъ округовъ, съ цѣлью сдѣлать судъ болѣе доступнымъ и т. п. Какіе диссонансы звучатъ подобныя себялюбивыя притязанія рядомъ съ громкими и напыщенными разглагольствованіями о свободѣ, о естественныхъ правахъ, о возрожденіи человѣчества? Неужели тѣ и другія мысли могутъ уживаться при нормальныхъ условіяхъ въ одвой и той же головѣ? Или здѣсь надо предполагать какое-нибудь насиліе? Можно ли общій тонъ наказовъ, отъ многіе изъ которыхъ проникнуты революціоннымъ радикализмомъ, относить на счетъ всего собранія или здѣсь надо видѣть дѣло рукъ извѣстной только части дворянства, которой, благодаря ея философскому образованію, въ эпоху составленія наказовъ удалось разыграть крупную роль и захватить это дѣло въ свои руки? Не слѣдуетъ забывать также и минутнаго настроенія участвовавшихъ въ собраніи лицъ, особенно тѣхъ, которымъ принадлежала

редакціи наказовъ: въ началѣ 1789 г., въ эпоху, когда составлялись указы, общество находилось въ необыкновенно возбужденномъ состояніи: при всеобщемъ подъемѣ духа, возможно было, что въ указы попадало не мало такихъ вещей, которыя съ истинными взглядами и желаніями огромнаго большинства дворянъ имѣли весьма мало общаго; за то цѣлыя мѣста, не говоря уже объ отдѣльных выраженіяхъ, въ указахъ непремѣнно выписаны прямо изъ брошюрной литературы и въ частности изъ тѣхъ принятыхъ cahiers, которыхъ во 2-й половинѣ 1788 и началѣ слѣдующаго года вышло несчетное количество: недаромъ можно указать не менѣе 50 мѣстъ въ различныхъ указахъ, которыя повторяются слово въ слово; есть примѣры, что 2 указа представляютъ почти дословное повтореніе одинъ другого. Если послѣ всего сказаннаго есть хоть нѣкоторое основаніе усомниться въ исходной точкѣ Токвиля, по которой указы представляютъ собою точное выраженіе мнѣній и желаній дворянства наканунѣ революціи, то особенное значеніе долженъ приобрѣсть вопросъ, можно ли на французское дворянство 1789 г. смотрѣть какъ на единую, компактную массу, какъ это дѣлаетъ Токвиль, или внутри его надо различать нѣсколько группъ, различныхъ между собою и по социальному своему положенію, и по политической роли, выпавшей или на долю въ старой французской монархіи, и наконецъ по самымъ своимъ убѣжденіямъ? Выясненіе этого вопроса стоитъ въ непосредственной связи съ научной оцѣнкой наказовъ какъ историческаго источника и даетъ намъ въ то же время ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшаго поведенія дворянства въ эпоху революціи, поведенія, которое находится, повидимому, въ рѣшительномъ противорѣчій какъ съ духомъ, такъ и съ содержаніемъ его же собственныхъ наказовъ. Достаточно одного взгляда, брошеннаго въ указы, чтобы убѣдиться въ томъ, что французское дворянство наканунѣ революціи уже давно перестало составлять единую и компактную массу. Во-первыхъ, какъ совершенно особую группу изъ него, надо выдѣлять придворное дворянство, составлявшее привилегированный классъ внутри этого сословія и потому вызывавшее къ себѣ нескрываемую вражду и зависть всего остальнаго сословія. Въ дѣлѣ составленія наказовъ эта часть дворянства, какъ вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности, такъ и въ виду недружелюбнаго къ ней отношенія остальнаго сословія, не могла играть большой роли, за то позднѣе, послѣ первыхъ разочарованій дворянства въ революціи, эта группа должна была мало-по-малу сдѣлаться господиномъ положенія, такъ какъ ей принадлежало громадное преимущество,—она сумѣла остаться нетронутой духомъ времени, идеи вѣка остались ей совершенно чуждыми. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите протоколы засѣданій нотаблей 1786 и 1788 гг. или, еще лучше, извѣстное письмо принцевъ конца 1788 г., гдѣ они протестуютъ противъ намѣренія короля дать третьему сословію двойное представительство на Ген. Штатахъ. Написанное въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху, когда, если вѣрить увлекающимся историкамъ, самое сельское населеніе научилось говорить языкомъ Монтескье и Руссо, оно носитъ на себѣ несомнѣнную печать XIV в.,

и это въ то самое время, когда наказы остального дворянства бредят неотъемлемыми правами чловѣка, возрожденіемъ націй, революціею. Давъ время утихнуть первому пылу революціонной горячки, охватившей, казалось, всю націю, эта часть дворянства выжидаетъ моментъ, когда революція успѣетъ отрезвить общество, чтобы стать во главѣ дворянства, увлечь его за собою и заставить его разъ навсегда проститься съ своими прежними иллюзіями, порвать съ идеями вѣка и торжественно сжечь за собою корабли. Достигнуть этого результата было тѣмъ легче, что само провинціальное дворянство не представляло съ своей стороны какой-либо единой массы: оно распадалось— и это очень легко прослѣдить въ наказахъ—на двѣ довольно рѣзко ограниченные группы,—съ одной стороны стояло городское дворянство, съ каждымъ днемъ все возрастающее въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ пустовали деревни и замки покидались своими владѣльцами, а въ то-же время, благодаря продажности должности, изъ которыхъ очень многія давали дворянское званіе, въ него вступали все новые члены изъ городской буржуазіи. Эта часть дворянства выдавалась и своею матеріальною обеспеченностью—недаромъ большая его часть еще недавно были богатыми буржуа—и, главное, своею начитанностью, своимъ знакомствомъ съ идеями вѣка. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что именно этой части дворянства принадлежала главная роль въ составленіи наказовъ, что ей и ея философской эрудиціи обязаны наказаы своимъ догматическимъ характеромъ. И по матеріальному своему положенію, и по знакомству съ идеями вѣка городскому дворянству въ значительной степени уступала та менѣе вліятельная группа дворянъ, которая, по закудалости своей, не имѣла возможности покинуть деревню. Незадолго до революціи фізіократическія идеи проникли въ эту группу дворянства и вызвали въ ней сильное оживленіе: недавно еще съ завистью смотрѣвшее на своихъ болѣе счастливыхъ собратьевъ, имѣвшихъ возможность пользоваться всеми удобствами городской жизни и проживать здѣсь свое состояніе, сельское дворянство почувствовало вдругъ сильный подъемъ духа. Считая себя за представителя земли, оно было вполне увѣрено, что оно вмѣстѣ съ крестьянствомъ одно только приноситъ пользу государству, что оно одно только компетентно судить о нуждахъ земли и объ интересахъ сельскаго населенія. Выросши въ своихъ собственныхъ глазахъ на цѣлую голову, оно почувствовало потребность проявить себя, дать почувствовать свою нравственную мощь—и вотъ, въ это самое время правительство обращается къ сословіямъ съ предложеніемъ изложить свои нужды и желанія. Понятно, что сельское дворянство, считавшее себя обиженнымъ, несправедливо затертымъ, отодвинутымъ на задній планъ, не хотѣло опустить такого благоприятнаго случая. Но такъ какъ, по философской своей эрудиціи, оно оставалось далеко позади городского дворянства, то по-неволѣ должно было предоставить послѣднему главную роль въ редактированіи наказовъ. Среди этого городского дворянства было не мало идеологовъ, которымъ было нипочетъ смастерить при помощи 2—3 случайныхъ брошюръ какой-угодно революціонны

наказъ: многообещающія фразы о возстановленіи поправныхъ правъ націи, хотя и должны были казаться большинству собранія немногимъ туманными, немногимъ непонятными, не могли однако не ласкать слуха, тѣмъ болѣе, что большинство въ простотѣ своей не сомнѣвалось, что подъ поправными правами націи подразумѣваются именно ихъ права, и что Ген. Штаты первымъ дѣломъ займутся возстановленіемъ дворянства во всѣхъ его правахъ, мало по малу отнятыхъ у него и присвоенныхъ себѣ государственною властью. Оттого то среди идеологическихъ мечтаній на тему о возстановленіи націи, дворянство, вообще говоря, не только не думаетъ жертвовать своими насущными интересами, но сплошь и подрядъ требуетъ себѣ новыхъ привилегій, новыхъ подачекъ. Чѣмъ замѣтнѣе въ наказѣ бьетъ оптимистическая жилка, чѣмъ больше въ немъ идеологіи, тѣмъ меньше мѣста отводится въ немъ сословнымъ притязаніямъ и, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ разсѣваются иллюзіи, связанные съ созывомъ Ген. Штатовъ, и исчезаетъ обаяніе, производимое на собравшіе революціонными идеями, сословные интересы выступаютъ на первый планъ. Понятно, послѣ этого, что когда, подъ влияніемъ быстро чередовавшихся событій, дворянство начало разочаровываться въ революцію, увидѣвъ, что послѣдняя приведетъ его не къ возстановленію его правъ, а къ ихъ полному уничтоженію, когда, отрезвленное революціею, оно убѣдилось, что всѣ его мечтанія о какомъ то метафизическомъ счастьи не болѣе какъ бредни, ему уже немногаго стоило страхнуть съ себя обаяніе революціонныхъ идей, которому оно на-время поддавалось, и открыто выступить въ защиту своихъ сословныхъ интересовъ. Такой, только на первый взглядъ неожиданный, поворотъ фронта былъ со стороны дворянства тѣмъ естественнѣе, что въ лицѣ придворнаго дворянства, ни одной минуты не позволившаго себѣ увлекаться иллюзіями, оно нашло себѣ точку опоры, приобрѣло достойныхъ руководителей, готовыхъ простить блудному сыну его минутное ослѣпленіе и снова вернуть на путь истины. Вотъ гдѣ надо искать ключъ къ пониманію дальнѣйшаго поведенія дворянства во время революціи вплоть до того момента, когда оно рѣшилось вступить въ ряды эмиграціи, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ добывать себѣ отцовское наслѣдіе (извѣстно, что точка зрѣнія, по которой французскіе дворяне считались прямыми потомками франкскихъ завоевателей, была общераспространена въ XVIII в., — вспомните хотя бы сочиненіе Булленвилье). Вотъ это то и проглядѣлъ авторъ „Старого порядка и революціи“ и дѣйствительно, надо согласиться, что всякій, кто ожидалъ бы найти въ дворянскихъ наказахъ исключительно защиту сословныхъ интересовъ, не могъ, при чтеніи этихъ наказовъ, не поддаться своеобразному обаянію, производимому на него ихъ идеалистическимъ полетомъ мыслей, ихъ повидному искреннимъ оптимизмомъ. Но отдайтесь первому впечатлѣнію—и вы не только не возстановите на основаніи вашего знакомства съ наказами духовнаго облика дворянства въ его настоящемъ, не искаженномъ въ преломляющей средѣ идей времени и минутнаго настроенія, и пр., и пр. видѣ, вы не съумѣете объяснить,

какимъ образомъ это дворянство, до 1789 г. бывшее, повидимому, самымъ либеральнымъ въ Европѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобы не сказать мѣсяцевъ, обратилось въ самого яраго противника революціи; вы должны будете, вѣстѣ съ Токвилемъ, свалить всю отвѣтственность за это на революцію, искать объясненія этой перемены не во внутреннихъ мотивахъ, не въ убѣжденіяхъ самого дворянства, а извнѣ, въ насиліи, допущенномъ по отношенію къ дворянству революціею, какъ это и дѣлаетъ извѣстная часть французской исторіографіи съ Тэномъ во главѣ, если только тенденціозный памфлетъ послѣдняго на революцію заслуживаетъ названія строгаго историческаго изслѣдованія. Что касается автора „Старога порядка и революціи“, то въ оправданіе его слѣдуетъ замѣтить, что наблюденія, которыя онъ успѣлъ сдѣлать надъ наказами, были имъ высказаны только мимоходомъ, на что указываетъ и самое мѣсто, которое „анализъ“ занимаетъ въ его книгѣ: мы найдемъ его не въ самомъ текстѣ, и между прибавленіями, гдѣ ему отведено 14 страничекъ очень скромнаго формата; кромѣ того нашему историку были извѣстны, очевидно, далеко не всѣ указы, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ неточностямъ, которыя бросаются въ глаза при чтеніи анализа. Во всякомъ случаѣ за работою Токвиля нельзя не признать одного достоинства—отсутствія тенденціи, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Этого достоинства мы не найдемъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ тому же вопросу; я имѣю здѣсь въ виду сочиненіе Шассена „Le génie de la Révolution“ и вышедшее немного позднѣе соч. Понсена „Les cahiers de 89“, появившіяся оба въ срединѣ 60-хъ годовъ, въ такое время, когда снова стала пробуждаться во Франціи политическая мысль и когда общество, тяготясь Наполеоновскою диктатурою, снова обратилось къ изученію судебъ первой революціи. Но при борьбѣ различныхъ тенденцій, либеральной и радикальной, желавшей каждая для своихъ цѣлей воспользоваться матеріаломъ, доставляемымъ исторіею, о научной разработкѣ революціонной эпохи не могло быть и рѣчи. Представитель радикализма Шассенъ, принимаясь за изученіе наказовъ 1789 г., задавался опредѣленною цѣлью,—доказать, что революція „вся намѣчена, опредѣлена и уполномочена въ наказахъ“, и тѣмъ освободить ее отъ всякихъ нареканій. Сочиненіе его читается съ большимъ интересомъ, но значеніе оно имѣетъ исключительно какъ произведеніе публицистики, на научный же характеръ претендовать ни въ какомъ случаѣ не можетъ, да, кажется, и не хочетъ. Къ тому же оно не окончено: вышло всего 2 тома, не составляющіе, повидимому, и половины всего задуманнаго труда. Авторъ другого сочиненія, представитель либеральной тенденціи Понсенъ задался цѣлью доказать, въ противоположность своему политическому противнику, что составители наказовъ 1789 г. вообще не хотѣли и не предвидѣли той революціи, которая на нихъ обрушилась. „Любовь къ свободѣ, говоритъ онъ, установленіе ея царства на землѣ посредствомъ господства законовъ, возрожденіе, не разрушеніе древняго французскаго государственнаго строя—вотъ истинный смыслъ наказовъ“. Соотвѣтственно

этому и самое сочиненіе Понсена носить характерное названіе „Les cahiers de 89 ou les vrais principes libéraux“. Относясь къ революціи отрицательно, Понсенъ долженъ былъ питать сочувствіе къ дворянству и, дѣйствительно, онъ не только съ особенною охотою цитируетъ дворянскіе наказы, находя въ нихъ всего сильнѣе выраженную любовь къ свободѣ, но въ то же время старается, по возможности, сгладить различія между сословіями, ослабить значеніе тѣхъ вопросовъ, которые ихъ раздѣляли, чтобы подогнать факты подъ то положеніе, въ которомъ онъ хотѣлъ насъ убѣдить. Такимъ образомъ и здѣсь вопросъ былъ поставленъ на чисто публицистическую почву. Историкъ, желающій воспользоваться наказами 1789 года, какъ историческимъ источникомъ для воспроизведенія духовнаго облика французскаго общества наканунѣ революціи, желающій найти въ наказахъ ключъ къ уразумѣнію событій, характеризующихъ революцію, не найдетъ почти ничего у упомянутыхъ двухъ авторовъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ появленія въ печати этихъ двухъ произведеній, былъ сдѣланъ важный шагъ: съ 1867 года начало выходить предпринятое по порученію французскаго правительства Мавидаленъ и Лораномъ изданіе Парламентскихъ архивовъ, первая серія которыхъ, состоящая изъ 7 томовъ (6 томовъ текста и 1 томъ, содержащій подробный къ нимъ указатель), заключаетъ въ себѣ значительное количество составленныхъ въ 1879 году наказовъ: если говорить только о наказахъ привилегированныхъ сословій, включая сюда и городскую буржуазію, то напечатаннаго въ сборникѣ матеріала окажется даже слишкомъ достаточно, чтобы на его основаніи составить себѣ понятіе о состояніи умовъ наканунѣ революціи. Характерно, однако, что первое время этотъ сборникъ не обратилъ на себя никакого вниманія. Онъ остался неизвѣстнымъ и Тэну, въ многотомномъ сочиненіи котораго по эпохѣ революціи нѣтъ ни слова о наказахъ 1789 г.: извѣстно, что между первымъ томомъ этого сочиненія, содержащимъ изображеніе французскаго общества до революціи, и слѣдующимъ томомъ „Révolution“, начинающимся съ описанія безпорядковъ, предшествовавшихъ взятію Бастиліи, такъ-назыв. „anarchie spontanée“, находится пробѣлъ, обнимающій время, предшествовавшее непосредственно созыву Ген. Штатовъ, самый созывъ, составленіе наказовъ и первоначальную дѣятельность Ген. Штатовъ и Національнаго Собранія. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о сочиненіи, которое хотя и не разрѣшаетъ, но въ значительной степени подготовляетъ работу научнаго изслѣдованія наказовъ: я имѣю въ виду вышедшее въ 1884 г. сочиненіе Шереста „La chute de l'ancien régime“, содержащее очень основательное и вѣстѣ интересное изложеніе событій 1788—9 гг. Во 2-мъ томѣ этого обширнаго труда есть 2 главы, посвященныя оцѣнкѣ наказовъ 1789 года. Это, послѣ Токвиля, вторая попытка воспользоваться богатымъ содержаніемъ наказовъ въ качествѣ историческаго источника по эпохѣ, предшествующей революціи. Хотя на этотъ разъ попытка вышла гораздо удачнѣе прежней, но все-таки это только попытка: цѣльнаго изслѣдованія какъ о наказахъ

вообще, такъ и о дворянскихъ наказахъ въ частности, до сихъ поръ не было и нѣтъ во французской историографіи.

Протоколъ XXIX Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 18 марта 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ, присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго собранія.
2. По предложенію г. предсѣдателя Собраніе почтило память покойныхъ членовъ Общества: Г. А. Клейбера и М. И. Семевского вставаніемъ.
3. Г. предсѣдатель заявилъ о томъ, что В. И. Герье и Н. М. Благовѣщенскій благодарятъ Общество за присланныя имъ поздравленія по случаю ихъ юбилеевъ.
4. Г. предсѣдатель заявилъ, что д-ръ Кентржинскій благодаритъ Общество за избраніе.
5. Прочитанъ списокъ поступившихъ въ бібліотеку книгъ отъ гг.: Д. Струнина, Н. Н. Ойрсова, В. Н. Сторожева, А. Прохаски, Н. И. Варсова, О. Вильчинскаго, д-ра Кентржинскаго, М. И. Семевского, А. А. Павловскаго, Н. И. Шишкина, Д. И. Багалъя, статсъ-секретаря Куломзина, Д. А. Столыпина, Г. Фрасера, Таврической учебной архивной комиссіи, ред. Славянскаго Обзорѣнія, а также въ общѣнъ за изданія общества—отъ редакцій: Сѣвернаго Вѣстника, Киевской Старины, Русскаго архива, Ученыхъ записокъ Казанскаго университета, Казанскаго общества исторіи, этнографіи и археологіи. Кроме того, Д. А. Столыпинъ прислалъ свою брошюру: „Общинная наша система“, въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, для раздачи членамъ Общества.
6. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ на прошломъ Общемъ собраніи. Д. Д. Семеновъ избранъ единогласно, И. В. Вѣлостницкій—большинствомъ голосовъ.
7. Предложены въ члены общества кандидаты: А. С. Вязигинъ, В. Θ. Дерюжинскій, И. П. Житецкій, А. Д. Маляренко, И. П. Созоновичъ, Н. А. Ставровскій, Е. Н. Щепкинъ, А. Θ. Эрманъ.
8. В. В. Лесевичъ прочелъ рефератъ: „О культурно-историческомъ соотношеніи между „переживаніями“ и „бредовыми психозами“ (см. прилож. I). На рефератъ В. В. Лесевича сдѣлалъ нѣсколько возраженій д-ръ Томашевскій. Работа д-ра Танди, по мнѣнію оппонента, незначительна, да и самого Танди нельзя считать авторитетомъ, хотя бы, напримѣръ, въ его опредѣленіи паривойи, которое не соответствуетъ клиническимъ даннымъ. Не отдѣльными и лѣпыя слова и даже не цѣлое нелѣпое міросозерцаніе, какъ полагаетъ докладчикъ, а комплексъ ненормальныхъ состояній, какъ результатъ патологии

ческих измѣненій мозга, называется бредовымъ психозомъ. Напрасно также референтъ упрекалъ психіатровъ въ томъ, что они легко относятся къ діагнозу и не принимаютъ во вниманіе соціальныхъ условій, въ которыхъ живетъ больной субъектъ; напротивъ, и къ тому, и къ другому психіатры относятся внимательно и серьезно. Дюпрель и Мота, которыхъ референтъ считаетъ больными, для психіатровъ—здоровые люди. Возвращаясь къ работѣ Танци, д-ръ Томашевскій замѣтилъ, что теорія переживаній нисколько не объясняетъ явленій бредового психоза, такъ какъ субъекты, имъ одержимые, во всякой обстановкѣ, хотя бы вернулись въ условія жизни первобытнаго человѣка, будутъ людьми больными. В. В. Лесевичъ, возражая на замѣчанія д-ра Томашевского, отмѣтилъ если не авторитетность, то, по крайней мѣрѣ, извѣстность д-ра Танци, какъ редактора „Rivista sperimentale di freniatria“ и автора статей, помѣщаемыхъ въ „Rivista di filosofia scientifica“; работы Танци при этомъ обратили на себя вниманіе иностранной литературы, переводились на другіе языки. Работа Танци, о которой сообщалъ онъ, г. Лесевичъ, въ своемъ рефератѣ, сама по себѣ заслуживаетъ вниманіе въ виду интереса вопроса, ею поставленнаго. Что касается упрека по адресу психіатровъ, будто бы высказаннаго референтомъ, то это, по словамъ В. В. Лесевича, рѣшительно недоразумѣніе, такъ какъ онъ, напротивъ, обвинялъ публику, не понимающую вердиктовъ психіатровъ. Взглядъ психіатра на содержаніе бреда у психическихъ больныхъ долженъ разниться отъ взгляда на то же явленіе у историка культуры. Последний съ полнымъ правомъ можетъ видѣть въ этомъ и содержаніе, и переживаніе, и „оживаніе“, какъ это видно изъ данныхъ, собранныхъ въ Архивѣ Психіатріи проф. Ковалевского (т. I, № 1). Обращаясь къ вопросу о томъ, могъ ли бы психически больной субъектъ приспособляться къ той средѣ, къ которой относится характеръ его бреда, В. В. Лесевичъ полагалъ, что и самъ Танци не сталъ бы утверждать о возможности такого приспособленія, такъ какъ признаетъ наличность мозговой болѣзни въ каждомъ случаѣ психическихъ аномалій. Наконецъ, сомнѣнія д-ра Томашевского въ болѣзни Дюпреля и Мота, кажется, могутъ быть опровергнуты такими діагнозами такихъ извѣстныхъ специалистовъ, какъ Амаден и Шпехта. Въ заключеніе спора Н. И. Карѣвъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія психологіи для историковъ.

9. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе о печатаемой работѣ М. С. Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О культурно-историческомъ соотношеніи между „переживаніями“ и бредовыми психозами.

Изложеніе реферата В. В. Лесевича.

1) Вопросомъ о соотношеніи между „переживаніями“ и психозами особенно много занималась итальянская школа психіатровъ. Работы Ломброзо,

Ферри, Гарофало и др. имѣютъ обширную извѣстность. До сихъ поръ вниманіе школы останавливалось, главнымъ образомъ, надъ соотношеніемъ между „переживаніями“ и психозами моральной сферы, въ послѣдніе же два—три года одинъ изъ представителей школы Е. Танци (Е. Tanzi), ассистентъ при клиникѣ Туринскаго университета, занялся изслѣдованіемъ соотношенія между „переживаніями“ и психозами интеллектуальной сферы и сблизилъ первобытныя воззрѣнія съ идеями бреда душевно-больныхъ ¹⁾.

2) Основное свое положеніе Танци формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „заблужденія, лжетолкованія, бредъ, происходящій отъ сумасшествія, хотя и кажутся единичными явленіями и случайными уклоненіями, всегда различаемыми отъ здравого смысла, суть только болѣзненные повторенія тѣхъ воззрѣній, которыя когда то были всеобщими. По этой причинѣ не трудно соединить ихъ въ отдѣльныя группы, объяснить ихъ и установить ихъ формы. Между клиническими данными психіатра и историческими данными демопсихолога существуетъ неразрывная связь. Разъ эта связь будетъ схвачена, какъ сейчасъ же легко представится тотъ всеобщій законъ развитія человѣческаго разума, который съ перваго взгляда встрѣчалъ въ фактѣ психопатическаго бреда нѣчто такое, къ чему приложиться онъ не могъ и по отношенію къ чему онъ являлся какъ бы исключеніе. Въ подтвержденіе этого взгляда Танци даетъ длинный рядъ сдѣланныхъ имъ сближеній между „переживаніями“ и идеями бреда. Данные первой категоріи представляютъ ему: Шварцъ, Фридлендеръ, Э. Тейлоръ, Винсонъ, Бастіано, А. Лангъ, Масперо, Мартинъ Шульце, А. Ревиль, Гедохъ, Себилю, Дж. Леббокъ, Роб. Гартманъ, Питрѣ, Артуръ Графъ, Габерландъ, Гольцманъ, Леруа Болье, Теодоръ Вайцъ, Вэссакъ, Менанъ, Гарсенъ де-Тасси, Оскаръ Губагъ, Ленорманъ, Филье, Люзель, Потто, Германъ Коппъ, Шрадеръ, Бавкрофтъ, Летурно и др. Данные же второй категоріи имѣетъ онъ въ той специальной литературѣ и тѣхъ самостоятельныхъ наблюденіяхъ, которыя послужили для монографіи о первичномъ понѣшательствѣ, вышедшей отдѣльною книгою въ 1886 г. и составленной въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Риво (La paranoia. Reggio-Emilia. 1886).

Референтъ полагаетъ:

1) Отдавая полную справедливость глубинѣ интереса дѣлаемаго Танци сближенія и признавая за нимъ большой талантъ и обширныя познанія, нельзя не замѣтить, что онъ, заимствуя одинъ изъ элементовъ своего основного по-

¹⁾ Танци состоялъ редакторомъ журнала „Rivista di filosofia scientifica“ вплоть до прекращенія журнала въ декабрѣ прошлаго года и въ настоящее время значится въ числѣ редакторовъ „Rivista sperimentale di freniatria“. Взгляды его съ наибольшею полнотою изложены въ статьѣ: „J neologismi degli alienati“ (Rev. sper. di fr. 1889—90. Vol. XV, fasc. IV, Vol. XVI, fasc. 1, II) и въ статьяхъ: „Rev. di filos. scient. 1890, Vol. IX и 1891, Vol. X. Первая изъ этихъ статей переведена въ американскомъ психіатрическомъ журналѣ „The Alienist and Neurologist“ 1891, № 1.

ложения у Тэйлора, не остановился надъ установленнымъ Тэйлоромъ различіемъ между „переживаніями“ и „оживаніями“. Если бы Танци обратилъ должное вниманіе на это различіе, онъ не могъ бы не замѣтить, что „переживанія“ представляютъ лишь несчезнушіе еще и въ наше время фазисы развитія и съ психозами сближены быть не могутъ, такъ что подъ общее положеніе Танци могутъ быть подведены лишь „оживанія“.

2) Разсмотрѣвъ нѣкоторые близкіе нашему времени примѣры „оживаній“, нельзя не видѣть, что психіатрическая нѣтъ оцѣнка неизбѣжно разнится отъ оцѣнки общественной, въ сильной степени зависящей отъ массы и интенсивности образующихся въ обществѣ „переживаній“. Располагая извѣстные случаи „оживаній“ въ одинъ рядъ, можно сказать, что степень признанія психопатическаго значенія отдѣльныхъ звеньевъ этого ряда находится въ прямой зависимости отъ степени доступности для данной общественной среды, той очевидности, которую истинность каждаго переживанія имѣетъ для чловека, вооруженнаго наукою. По этой причинѣ основатель новой религіи Ладзарети имѣлъ послѣдователей только между поселянами, тогда какъ Анджело Мотта, будто бы открывшій способъ металлизациі органическихъ тѣлъ, нашелъ поклонниковъ и въ образованномъ классѣ, и Дю-Прель, предлагающій новую мистическую теорію душевныхъ болѣзней, встрѣчаетъ восторженный пріемъ и у называющихъ себя учеными ¹⁾).

Протоколъ XXX (экстреннаго) общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 28 марта 1892 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо Давылевскомъ присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что въ бібліотеку Общества поступили книжныя пожертвованія отъ г. Корженѣвскаго, Московскаго Археологическаго Общества и Новороссійскаго Университета.

3. Г. редакторъ Историческаго Обзорія заявилъ, что четвертый томъ сборника уже печатается: набраны, или набираются, статьи гг. Карѣва, Дебольскаго, Сапожникова, Лурье, Ковалевскаго (М. М.), Гревса и Погодина имѣются въ виду также и другія статьи.

4. Приступлено къ выбору въ члены кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе; всѣ оказались избранными.

¹⁾ Источниками для характеристики Ладзарети, Мотта и Дю-Преля служили слѣдующія сочиненія: С. Lombroso. Pazzi ed anomalie. 1886.—G. Barzotti. Santi, solitari e filosofi. 1886.—G. Amadei. Uno scoperto matto. La metallizzazione dei corpi organici di Angelo Motta 1889.—G. Specht. Die Mystik im Jrrsinn. Erwiderung an Baron Carl du Prel. 1891.

5. Предложенъ въ члены общества С. В. Лурье.

6. П. А. Шафрановъ прочелъ рефератъ объ экономическомъ бытѣ Выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. На рефератъ П. А. Шафранова нѣсколько замѣчаній сдѣлано было Н. И. Барсовымъ. Н. И. Барсовъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что референтъ не принялъ во вниманіе свѣдѣнія о старообрядческихъ общежительствахъ, которыя можно почерпнуть изъ вѣдомства духовнаго (Синодальнаго Архива) и которыя не сходятся съ оффиціальными показаніями вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; эти показанія, въ свою очередь, расходятся съ реальными цифрами, какъ это можно видѣть изъ писемъ Аркадія Олонецкаго. Н. И. Барсовъ настаивалъ также на необходимости различать монастыри, скиты и сузеньки раскольниковъ.

7. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ А. Н. Post'a: Ueber die Aufgaben der Allgemeinen Rechtsrisenschaft, (1891) и Н. И. Карѣевъ—о книгѣ Дайси: Основы государственнаго права Англіи.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Экономическій бытъ выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства.

(Изложеніе реферата П. А. Шафранова).

Подъ именемъ выгорѣцкаго общежительства разунѣются старообрядческіе безпоповскіе скиты—Данилово и Лекса, находившіеся въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи. Основаніе перваго изъ этихъ скитовъ относится къ 1695-му году.

Трудно было жить первымъ обитателямъ скитовъ; многимъ лишеніямъ подвергались они въ борьбѣ съ суровою природою: лѣсами, болотами и суровымъ климатомъ.

Въ лѣсахъ нужно было выжигать мѣста для пашней и затѣмъ очищать эти мѣста отъ камней; приходилось осушать болота для сѣнокосовъ и при всей громадности трудовъ приходилось все же первымъ поселенцамъ испытывать голодъ, такъ какъ „весенніе утренники, т. е. морозы, уничтожали всякое хлѣбное прозябаніе“.

Среди такихъ лишеній выговскіе поселенцы прожили первыя 10 лѣтъ XVIII вѣка, пока подспорьемъ земледѣлію не явилась торговля чужимъ хлѣбомъ и пока самое земледѣліе не стало болѣе обезпечивать жизнь выговцевъ а это могло явиться только тогда, когда выговцы отъ подсѣчнаго хозяйства соединеннаго съ огромнымъ трудомъ и потерей времени, перешли къ постояннымъ пашнямъ или трехпольному хозяйству. Этотъ переходъ совершался г

степенно, по мѣрѣ того, какъ выговцы народили достаточно удобренія для полей. Для удобренія полей необходимо было содержаніе болѣе или менѣе значительнаго количества скота и мы видимъ, что выговцы дѣйствительно въ обширныхъ размѣрахъ занялись разведеніемъ скота, именно коровъ и лошадей.

Кромѣ скотоводства и земледѣлія, выговцы мало по малу завели у себя разныя ремесленныя заведенія: „швальни“—портную и чоботную, „кузнечную“, „божевию“, „мѣдную“; занялись перепискою книгъ, дѣланіемъ образовъ, крестовъ и другихъ церковныхъ принадлежностей. Занимались также выговцы разными промыслами, какъ-то: рыбной ловлей и охотой, а также вели обширную торговлю. Выговцы шли даже на Бѣломъ морѣ свои морскія суда, на которыхъ они выѣзжали къ берегамъ Шпицбергена и Новой Земли для боя моржей и китовъ.

Въ концѣ XVIII и началѣ настоящаго столѣтія выгорѣцкое общежителство уже обращаетъ на себя вниманіе съ одной стороны своимъ обширнымъ хозяйствомъ, своимъ богатствомъ и оригинальностью своего устройства и жизни,—съ другой своимъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ не только на Олонецкій и Поморскій край, но и на безпоповцевъ всей Россіи. Это былъ безпоповскій Іерусалимъ. По официальнымъ даннымъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія общежителство имѣло земли пашенной 863 десятины, не считая сѣнокосовъ. Земля эта разбросана была на большомъ пространствѣ вокругъ скитовъ, именно, кромѣ двухъ главныхъ селеній Данилова и Лексы она находилась при 12 т. н. пашенныхъ дворахъ. Это были земледѣльческія колоніи выговскихъ скитовъ.

Для опредѣленія размѣровъ скотоводства есть только одна цифра, относящаяся къ концу XVIII столѣтія, именно количество рогатаго скота—коровъ въ то время простиралось до 500 штукъ, изъ нихъ до 200 штукъ въ Лексѣ и до 300 въ Даниловѣ. Доходы скитовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, простирались до 200 тысячъ.

Данилово и Лекса въ экономическомъ отношеніи сперва представляли одну общину, но въ 30-хъ годахъ этого столѣтія Лекса отдѣлилась отъ своей метрополи, послѣ того какъ нашла себѣ богатую покровительницу въ лицѣ дѣвицы Голашевской, наслѣдницы купцовъ Долгихъ.

Съ конца 30-хъ годовъ начались для выговскихъ скитовъ притѣсненія со стороны администраціи, какъ мѣстной, такъ и центральной; притѣсненія эти окончились полнымъ разрушеніемъ скитовъ и всего ихъ огромнаго хозяйства. Эти притѣсненія можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ съ 1836 по 1841-й годъ былъ сравнительно легкій; мѣры, принимаемыя противъ выговцевъ, имѣли цѣлью только ослабить вліяніе выгорѣцкаго общежителства среди безпоповцевъ; администрація дѣйствовала еще неувѣренно, съ одной стороны не имѣя еще въ рукахъ точныхъ свѣдѣній ни о степени матеріальнаго благосостоянія общежителства, ни о степени религіозно-нравственнаго вліянія его; съ другой стороны стѣсняясь Высочайшимъ повелѣніемъ, которое

давало право только на принятіе мѣръ къ ослабленію вліянія скитовъ и рекомендовало строгую постепенность въ мѣропріятіяхъ.

Второй періодъ съ 1841 по 1853 годъ, уже болѣе тяжелый для выговцевъ, насталъ тогда, когда правительство увидѣло, что принятія нѣ мѣры далеко еще не уничтожили вліянія выговскихъ скитовъ, что у нихъ есть еще сильное средство въ рукахъ для поддержанія своего вліянія—это матеріальныя богатства и главнымъ образомъ земля. Нужно было, стало быть, уничтожить экономическое благосостояніе скитовъ и вотъ на нихъ земли переселили больше 100 душъ православныхъ крестьянъ изъ Псковской губерніи; при этомъ выговцевъ ограничили 4-хъ десятиннымъ надѣломъ, вѣсто 12 десятинъ пашенной—удобной земли, и отняли у нихъ всѣ пашенные дворы. Это событіе, дѣйствительно, нанесло непоправимый ударъ экономическому благосостоянію скитовъ. Но и послѣ этого выговскіе скиты все еще проявляли нѣкоторую жизнь, такъ какъ часть земель у нихъ осталась, осталось также часть постоянныхъ обитателей скитовъ, а главное—остались ихъ святыни—молитвенные дома, могилы ихъ учителей и основателей скитовъ, ихъ древнія книги, иконы и др. священныя вещи; это продолжало привлекать въ скиты богомольцевъ, а скитамъ давало возможность распространять свое вліяніе продажей книгъ и другихъ священныхъ предметовъ и даже посылкою по прежнему своихъ агентовъ для проповѣди и сбора подаяній. Администрація получила свѣдѣнія объ этомъ и вотъ поэтому рѣшила принять окончательныя мѣры для искорененія вліянія выговскихъ скитовъ. Эти окончательныя мѣры состояли въ выселеніи почти всѣхъ старообрядцевъ изъ выговскихъ скитовъ, разореніе ихъ молитвенныхъ домовъ, кладбищъ и даже оградъ вокругъ селеній и отобраніе всѣхъ священныхъ предметовъ.

Это происходило въ періодъ съ 1853 по 1855 годъ, во время управленія министерствомъ внутр. дѣлъ ген.-ад. Библикова.

Второй добавочный списокъ членовъ Историческаго Общества ¹⁾).

218 *Арабажинъ*, Константинъ Ивановичъ. Преподаватель Николаевского корпуса, оставл. при унив. (Кіевскомъ) по кафедрѣ славяновѣдѣнія.

219 *Бальцеръ*, Освальдъ, д-ръ, редакторъ „Kwartalnika Historycznego“.

220. *Брикнеръ*, Александръ Густавовичъ, проф. Казанскаго университета.

221. *Бѣлоустницкій*, Иванъ Васильевичъ.

222. *Вознесенскій*, Павелъ Ивановичъ, оставленный при унив. по кафедрѣ философіи. Коломенская ул., д. 7, кв. 21.

223. *Вязининъ*, Андрей Сергѣевичъ, оставленный при университетѣ по кафедрѣ исторіи. Харьковъ, Дѣвичья ул., д. 14.

224. *Гриммъ*, Эрвинъ Давидовичъ, оставл. при универс. по кафе. всеобщей исторіи. Вас. Островъ, 4 линія, Академія Художествъ.

225. *Дерюжинскій*, Владиміръ Ѳеодоровичъ, профес. полиц. права, Дерптъ, Садовая, д. 22.

226. *Ешевскій*, Александръ Аполлоновичъ, преподаватель, Вас. Островъ, 10 линія, д. 25, кв. 1.

227. *Житецкій*, Игнатъ Павловичъ, преподаватель, Казанская ул. д. 8.

228. *Закржевскій*, Викентій, проф. Краковскаго университета.

229. *Иванова*, Зинаида Сергѣевна. Москва.

230. *Ивановъ*, Константинъ Алексѣевичъ, преподаватель. Калининская площадь, д. 3/5.

231. *Кайзль*, Іосифъ, проф. Чешскаго университета въ Прагѣ.

¹⁾ Начало см. въ I и II томахъ Историческаго Обозрѣнія. Здѣсь помѣщены фамиліи лицъ, вступившихъ въ члены Общества съ 24 апр. 1891 г. включительно по 22 апр. 1892 г.

232. *Каттерфельдъ*, Вильгельмъ Богдановичъ, оставл. при университетѣ по кафедрѣ всеобщ. ист. Гороховая ул. д. 44 кв. 6.

233. *Кентржинскій*, Войцѣхъ, директоръ Института Оссолинскихъ въ Львовѣ.

234. *Киселевъ*, Александръ Аполлоновичъ, преподаватель. Англійскій пр. д. 22 кв. 12.

235. *Клячинъ*, Василій Петровичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Кіевъ. Университетъ.

236. *Корженевскій*, Іосифъ, д-ръ. Краковъ.

237. *Дурье*, Семенъ Владиміровичъ, кандид. юрид. фак. Берлинъ.

238. *Малыренко*, Андрей Демьяновичъ, преподаватель. Пенза, 1-я Пензенская гимназія.

239. *Масарикъ*, Тома, проф. Чешскаго унив. въ Прагѣ.

240. *Миллеръ*, Евгенийъ Леонтьевичъ, кандид. ист. фил. фак. Гатчина, Бомбардирская ул. д. Ивановой, кв. 1.

241. *Нейфельдъ*, Абрамъ Абрамовичъ, преподаватель. Хортица, Екатеринославской губ. Центральное училище.

242. *Никитскій*, Тимофей Николаевичъ, преподаватель. Ковно, Гимназія.

243. *Осокинъ*, Николай Алексѣевичъ, профессоръ. Казань, Университетъ.

244. *Петрушевскій*, Дмитрій Моисеевичъ, оставленный при унив. по кафедрѣ всеобщей исторіи. Кіевъ.

245. *Прохаска*, Антонъ, проф. Львовъ.

246. *Рождественскій*, Сергій Васильевичъ, оставленный при университетѣ по кафедрѣ русской исторіи. С.-Петербургскій Университетъ.

247. *Рубинштейнъ*, Михаилъ Александровичъ, преподаватель. Бассейная, уголь Лиговки, гимназія Гуревича.

248. *Рудневъ*, Яковъ Ивановичъ, преподаватель. Выборгская сторона, Сибирская ул. д. 10. 1-я прогимназія.

249. *Семеновъ*, Дмитрій Дмитриевичъ.

250. *Смирновъ*, Алексѣй Логинновичъ.

251. *Смолька*, Станиславъ, проф. Краковъ.

252. *Созоновичъ*, Иванъ Петровичъ, проф. Варшава, ул. Берга, д. 6.

253. *Ставрскій*, Никаноръ Андреевичъ, преподаватель. Сумы, Харьковской губ. Гимназія.

254. *Тихомировъ*, Павелъ Константиновичъ, Екатерининскій каналъ, д. 70 кв. 10.

255. *Тузанъ-Барановскій*, Михаилъ Ивановичъ, магистрантъ по полит. экономіи.

256. *Тычинкинъ*, Константинъ Семеновичъ, преподаватель. Бассейная ул. уголь Лиговки, гимназія Гуревича.

257. *Фаржъ*, Людовикъ. Paris.

258. *Цеттницкій*, Владимиръ Дмитріевичъ, кандидатъ ист. фил. факульт. Тифлисъ. Верхняя Московская балка, д. 24.

259. *Шварсалонъ*, Константинъ Семеновичъ, ~~профессоръ ист. фил. факульт.~~
ул. д. 37 кв. 6.

260. *Шубинскій*, Сергій Николаевичъ, ред. „Историческаго Вѣстника“. Невскій пр. д. 38. Книжный магазинъ „Новаго Времени“.

261. *Шубинъ*. Николай Яковлевичъ. Вас. Островъ, 10 линия д. 25 кв 1.

262. *Щепкинъ*, Евгений Николаевичъ, преподаватель. Москва, 2-я Мѣщанская, д. Никитина.

263. *Энманъ*, Александръ Федоровичъ, помощникъ бібліотекаря въ Акад. Наукъ. Вас. Островъ, 1 линия, д. 18 кв. 24.
